ДБ
350
Г72
т II

Русская Историческая Библіотека.
№ 6.

Государственныя преступленія въ Россіи

въ XIX вѣкѣ.

Сборникъ

политическихъ процессовъ и другихъ матеріаловъ, от[но]сящихся къ исторіи революціонныхъ и оппозиціонныхъ движеній въ Россіи.

Составленъ подъ редакціею

Б. Базилевскаго
(В. Богучарскаго).

Томъ второй.
(1877 годъ).

Русская Историческая Библіотека.
№ 6.

DB
350
Г72

Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ.

Сборникъ

политическихъ процессовъ и другихъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи революціонныхъ и оппозиціонныхъ движеній въ Россіи.

Составленъ подъ редакціею

Б. Базилевскаго
(В. Богучарскаго).

Томъ второй.
(1877 годъ).

Цѣна 1 руб.

Складъ
при книгоиздательствѣ
„Донская Рѣчь"
въ Ростовѣ на Дону

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
635894

Типографія „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на-Дону.

Предисловіе.

Первый томъ изданія, носящаго названіе „Государственныя преступленія въ Россіи“, включаетъ въ себѣ оффиціально опубликованныя свѣдѣнія о политическихъ процессахъ и другіе относящіеся къ исторіи революціонныхъ и оппозиціонныхъ движеній въ Россіи матеріалы, за промежутокъ времени 1825—1876 годъ. Изъ такихъ данныхъ составилась книга размѣромъ около сорока печатныхъ листовъ. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка соціально-революціонное движеніе въ Россіи настолько разрослось, что настоящій томъ не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ политическихъ процессовъ всего за одинъ только 1877 годъ. Сюда не вошелъ, между прочимъ, знаменитый въ свое время «процессъ 193-хъ», который самъ по себѣ такъ обширенъ, что, вѣроятно, заполнитъ собою одинъ весь слѣдующій (третій) томъ нашего изданія. Второй томъ отличается отъ перваго еще и тѣмъ, что къ оффиціальнымъ отчетамъ о политическихъ процессахъ мы прибавили нѣкоторыя дополненія, въ отчеты эти не вошедшія и напечатанныя въ нелегальныхъ изданіяхъ. Изъ того же источника заимствовали мы и краткіе отчеты о разбиравшихся въ 1877 году нѣкоторыхъ политическихъ дѣлахъ, ни въ оффиціальныхъ, ни въ частныхъ изданіяхъ въ Россіи вовсе не появлявшихся.

Этотъ томъ перепечатывается съ нашего заграничнаго изданія почти безъ всякихъ измѣненій.

В. Богучарскій.

Оглавленіе

второго тома сборника „Государственныя преступленія въ Россіи“.

Томъ второй.

Предисловіе III

1877 годъ.

Дѣло о демонстраціи на Казанской площади 1
Сенатское рѣшеніе по этому же дѣлу 119
Дѣло о „противозаконномъ сообществѣ“ или такъ называемый „процессъ пятидесяти“ 128
Рѣчь С. И. Бардиной 327
Рѣчь П. А. Алексѣева 331
Рѣчь С. И. Агапова 333
Дѣло „Южно-Русскаго Рабочаго Союза“ 334
Дѣло студента Сергѣева и др. 344
Дѣло доктора Покрышкина и др. 346

1877 годъ.

Правительственный Вѣстникъ.

(№№ 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 31),

Дѣло о преступной демонстраціи, бывшей на Казанской площади, въ С.-Петербургѣ, 6-го декабря 1876 г.

Засѣданія особаго присутствія Правительствующаго Сената для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ[1]).

Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій сенаторъ К. К. Петерсъ; присутствовали: сенаторы: М. Н. Похвисневъ, К. К. Ранненкампфъ, Д. Д. Нееловъ, Н. О. Тизенгаузенъ и Б. Н. Хвостовъ; сословные представители: предводители дворянства: черниговскій губернскій, отставной штабсъ-капитанъ Н. И. Неплюевъ, и вышневолоцкій уѣздный П. И. Сназинъ-Тормасовъ, псковской городской голова Сутгофъ и стародеревенскій волостной старшина П. Лукьяновъ, при исправляющемъ должность оберъ-секретаря В. В. Поповѣ. Обвинялъ товарищъ прокурора с.-петербургской палаты К. И. Поскочинъ. Подсудимыхъ защищали присяжные повѣренные: Архангельскій, Бардовскій, Буймистровъ, Гантоверъ, Знамеровскій, Каміонко, Неклюдовъ, Ольхинъ, Полуянскій, Турчаниновъ и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Граціанскій. Послѣ опроса подсудимыхъ со стороны защиты были сдѣланы слѣдующія заявленія: присяжный повѣренный Неклюдовъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы разрѣшено было допросить свидѣтелей, которые доставлены имъ въ зданіе суда. Хотя онъ прежде заявлялъ ходатайство о вызовѣ и допросѣ этихъ свидѣтелей и ему въ этомъ было отказано за пропускомъ установленнаго 557 статьею уст. угол. суд. семидневнаго срока, но онъ полагаетъ, что это частное опредѣленіе можетъ быть отмѣнено въ виду тѣхъ данныхъ, которыя онъ представитъ въ настоящее время. Такъ какъ настоящее дѣло, въ силу Высочайшаго повелѣнія, слушается судомъ безъ производства предварительнаго слѣдствія, то подсудимые при врученіи имъ обвинительнаго акта не были знакомы съ дознаніемъ, къ которому не примѣняется порядокъ, указанный для предварительнаго слѣдствія, относительно предъявленія дѣла подсудимому. Такимъ образомъ, подсудимый при полученіи обвинительнаго акта зналъ только то, въ чемъ онъ обвиняется, но всѣ обстоятельства дѣла, добытыя дознаніемъ, ему не были извѣстны. Далѣе защитникъ замѣтилъ, что ни подсудимые, ни защита физически не могли воспользоваться семидневнымъ срокомъ, такъ какъ обвинительный актъ врученъ подсудимымъ 7-го января, а для

---

[1]) Дѣло разсматривалось съ 18 по 25 января. Ред.

защитниковъ производство открыто было съ 10-го января, семидневный же срокъ кончался 15-го числа; поэтому ни подсудимые ни защита не имѣли возможности знать, чѣмъ нужно дополнить слѣдствіе. Дополненіе со стороны защиты представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что при первоначальномъ изслѣдованіи фактовъ еще не было извѣстно, что дознаніе превратится въ предварительное слѣдствіе, такъ какъ Высочайшее повелѣніе послѣдовало лишь 17 декабря, когда дознаніе было почти окончено, а, слѣдовательно, и лица, производившія дознаніе, могли въ то время думать, что ихъ дѣйствія по первоначальному изслѣдованію будутъ провѣряться. Въ виду всего этого, защитникъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи допросить представленныхъ имъ свидѣтелей, иначе защита подсудимыхъ поставлена будетъ въ крайнее затрудненіе. Первоприсутствующій. Кто же эти свидѣтели? Прис. пов. Неклюдовъ. Мѣщане Ивановъ и Любимовъ. Прис. пов. Бардовскій, ссылаясь на доводы, представленные предыдущимъ защитникомъ, ходатайствовалъ о допросѣ тѣхъ свидѣтелей, которые были имъ указаны въ прошеніи, поданномъ въ особое присутствіе Сената. Прис. пов. Буймистровъ ходатайствовалъ о допросѣ двухъ свидѣтелей, Дубенскаго и Мерцалова, на томъ основаніи, что онъ заявилъ просьбу о предоставленіи, ему вызвать этихъ свидѣтелей за день до засѣданія и такимъ образомъ, исполнилъ формальность, указанную въ 576-й ст. уст. угол. суд. Прис. пов. Каміонко заявилъ, что онъ узналъ, что присяжный стряпчій Серебрянниковъ можетъ свидѣтельствовать о томъ, гдѣ находился подсудимый наканунѣ и утромъ 6-го декабря, а потому просилъ допустить къ свидѣтельству г. Серебрянникова. Прис. пов. Ольхинъ, присоединяясь ко всѣмъ тѣмъ мотивамъ, которые были изложены выше, заявилъ, что III и IV томы дѣла переданы были защитникамъ только вчера. Въ III томѣ оказались весьма существенныя въ пользу подсудимой Ивановой свидѣтельскія показанія Миртова и Вебера, но такъ какъ онъ, защитникъ, довольно поздно кончилъ чтеніе дѣла, то не могъ подать заявленія о допросѣ этихъ лицъ. Хотя онъ и заготовилъ объ этомъ прошеніе, но въ то время въ канцеляріи уже не было никого, кто могъ бы принять его. Адресы свидѣтелей указаны на 25 и 28 листахъ III тома дѣла, изъ котораго видно, что они содержались въ домѣ предварительнаго заключенія, но выпущены оттуда или нѣтъ—ему неизвѣстно. Поэтому, если они не окажутся въ мѣстѣ ихъ жительства, то, значитъ, находятся въ тюрьмѣ. Въ виду существенности показанія этихъ свидѣтелей, защитникъ просилъ ихъ вызвать и допросить. Пом. прис. пов. Граціанскій заявилъ, что 15-го января онъ просилъ вызвать нѣкоторыхъ свидѣтелей и экспертовъ. Свидѣтели вызваны всѣ, за исключеніемъ одного врача, который вызывался какъ экспертъ, а въ вызовѣ экспертовъ было отказано на томъ основаніи, что порядокъ освидѣтельствованія, по ст. 335 уст. гражд. суд., относится къ окружному суду, а не къ Правительствующему Сенату. Между тѣмъ, освидѣтельствованіе при дознаніи было произведено на основаніи 353 и 354 ст. уст. угол. суд. Но въ виду того, что въ вызовѣ экпертовъ особымъ присутствіемъ уже отказано, онъ, защитникъ, проситъ вызвать того же врача въ качествѣ свидѣтеля. Товарищъ прокурора далъ заключеніе по всѣмъ изложеннымъ заявленіямъ, причемъ находилъ, что заявленія Бардовскаго, Неклюдова и Граціанскаго касаются тѣхъ вопросовъ, которые уже были въ разсмотрѣніи особаго присутствія Правительствующаго Сената и разрѣшены. Поэтому безъ точныхъ указаній со стороны защиты на какія-либо новыя обстоятельства, которыя могли бы измѣнить состоявшіяся опредѣленія, не представляется основаній къ удовлетворенію предъявленныхъ защитою ходатайствъ. Заявленія Каміонко и Буймистрова касаются новыхъ обстоятельствъ, которыя могутъ имѣть значеніе при рѣшеніи дѣла; а потому, на

основаніи 557 ст. уст. угол. суд., прокуроръ полагалъ, что слѣдуетъ удовлетворить это ходатайство; что же касается заявленія г. Ольхина, то прокуроръ указалъ на то, что III томъ составляетъ отдѣльную часть дѣла, которая, на основаніи закона 19-го мая 1871 года, была направлена въ административномъ порядкѣ. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ не свидѣтельскія показанія, а объясненія обвиняемыхъ по другому дѣлу, въ числѣ которыхъ находятся и показанія Вебера и Миртова. Поэтому прокуроръ полагалъ, что ходатайство защитника не подлежитъ удовлетворенію. Защитники Неклюдовъ, Ольхинъ и Бардовскій настаивали на своихъ ходатайствахъ. Послѣ совѣщанія Правительствующій Сенатъ объявилъ слѣдующее постановленіе: выслушавъ заявленія защитниковъ, присяжныхъ повѣренныхъ: Неклюдова, Бардовскаго, Граціанскаго, Ольхина, Каміонко и Буймистрова, и принимая во вниманіе, что относительно допроса свидѣтелей, о которыхъ просятъ первые пятеро, ходатайство ихъ оставлено безъ послѣдствій по опредѣленію Правительствующаго Сената, за пропущеніемъ указаннаго въ 557 ст. уст. угол. суд. срока, а потому и на основаніи 577 ст. уст. угол. суд. Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ оставить ходатайство по этому предмету безъ послѣдствій. Затѣмъ, принимая во вниманіе согласіе обвинителя на допросъ указанныхъ прис. пов. Буймистровымъ свидѣтелей Миртова и Вебера по тѣмъ обстоятельствамъ, на которыя указываетъ защитникъ, особое присутствіе опредѣлило допустить этихъ свидѣтелей къ допросу. Подс. Чернавскій. Я не поручаю своего дѣла г. Буймистрову. Я защищаться совсѣмъ не буду. Я только разскажу, въ чемъ состоитъ мой проступокъ. Подс. Григорьевъ. Я прошу защищать меня г. Полуянскаго. Предс. Отчего же вы отказались, когда защитникъ былъ вамъ назначенъ судомъ? Подс. Григорьевъ. Я имѣлъ въ виду частнаго защитника, но онъ не могъ. Прис. повѣр. Полуянскій изъявилъ согласіе принять защиту, къ чему и допущенъ первоприсутствующимъ. По прочтеніи предложенія мнистра юстиціи о послѣдовавшемъ до докладу его Высочайшемъ повелѣніи относительно примѣненія къ настоящему дѣлу 545 ст. уст. угол. суд., разрѣшающей приступать къ составленію обвинительнаго акта и разсмотрѣнію дѣла безъ предварительнаго слѣдствія, съ предоставленіемъ особому присутствію права примѣнять 626 и 627 ст. уст. угол. суд., былъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія: 1876 года 6-го декабря, въ понедѣльникъ, Казанскій соборъ былъ переполненъ молящимися, въ числѣ которыхъ рѣзко отдѣлялись, по своей внѣшности, поведенію и отсутствію благоговѣнія, молодые люди обоего пола, привлеченные, повидимому, въ храмъ какимъ-то постороннимъ молитвѣ побужденіемъ. Большинство изъ нихъ принадлежало, судя по одеждѣ, къ учащейся молодежи; они стояли, разбившись на кучки, шептались, пересмѣивались, переходили съ мѣста на мѣсто, какъ будто о чемъ-то сговариваясь, кто-то изъ нихъ дѣлалъ помѣтки въ записной книжкѣ. Все это обратило на себя вниманіе молившихся; нѣкоторые изъ постоянныхъ посѣтителей собора обращались къ вахтеру Богачеву и церковному старостѣ Рабутовскому съ вопросомъ, почему набралось такъ много «студентовъ»? Купецъ Гуковъ, уходя послѣ обѣдни, обратилъ вниманіе Рабутовскаго на поведеніе, какъ онъ выразился, «студентовъ» и разсказалъ, между прочимъ, что когда кто-то изъ богомольцевъ далъ свѣчу одной изъ «студентокъ», то та приняла ее съ гримасою и видимымъ неудовольствіемъ, а затѣмъ свѣча эта далѣе не передавалась; товарищи молодой женщины при этомъ смѣялись. Вахтеръ Богачевъ по настоянію публики спросилъ одного изъ молодыхъ людей о цѣли ихъ прихода въ соборъ; ему отвѣтили: «не твое дѣло.» Послѣ общаго молебна церковь значительно опустѣла, такъ какъ публика начала выходить понемногу по окончаніи литургіи, и въ хра-

мѣ оставалась только толпа молодежи, человѣкъ въ 150, и нѣсколько частныхъ лицъ—заказчиковъ молебновъ. Городовой Есипенко, которому Рабутовскій сообщилъ, послѣ разговора съ Гуковымъ, о толкахъ и неудовольствіи богомольцевъ, собирался уже отправиться съ докладомъ къ приставу о сборищѣ молодежи въ соборѣ, но былъ оттиснутъ ею отъ двери, въ которую она выходила скученною массою. Понимая, что затѣвается какой-то безпорядокъ, Есипенко бросился вслѣдъ за выходившими и побѣжалъ дать знать о происходившемъ въ 1-й участокъ Казанской части, помѣщающійся на Малой-Конюшенной улицѣ. Въ это время изъ толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступилъ высокій блондинъ, снялъ шапку и началъ громко говорить, горячась и размахивая руками. Остальные образовали около произносившаго рѣчь тѣсный кругъ; удивленные этимъ зрѣлищемъ богомольцы, недоумѣвая, стояли поодоль къ портикѣ храма, на ступеняхъ лѣстницы и на самой площади. Молодой человѣкъ говорилъ, какъ показываютъ о томъ свидѣтели Рабутовскій, Александра Товбичъ, Абрамовъ и Кашинцевъ, а также обвиняемый Поповъ, о гнетѣ правительства и его несправедливости, о ссылкахъ лучшихъ русскихъ людей, каковы Чернышевскій, Долгушинъ, Нечаевъ и др., о бѣдственномъ положеніи русскаго народа, у котораго для взысканія податей продаютъ послѣднюю корову. Рѣчь была окончена при крикахъ «браво», «браво» и аплодисментахъ столпившейся около говорившаго молодежи. Въ тотъ же моментъ былъ выкинутъ надъ этою толпою красный флагъ съ надписью «земля и воля»; но такъ какъ онъ былъ не на древкѣ и взлетѣлъ комкомъ, то молодые люди подняли и подбрасывали небольшого роста парня, въ полушубкѣ, который, взлетая на воздухъ, держалъ флагъ развернутымъ въ обѣихъ рукахъ. Эта выходка сопровождалась криками «ура» и бросаніемъ въ воздухъ шапокъ. Все описанное, какъ говорятъ нѣкоторые свидѣтели, было видно даже съ Невскаго проспекта. Прибывшій на мѣсто преступленія въ то время, какъ вскидывали флагъ, чиновникъ полиціи Васильевъ бросился прямо въ толпу и схватилъ уже сзади высокаго молодого человѣка, махавшаго этимъ флагомъ, какъ былъ сбитъ сильнымъ ударомъ, нанесеннымъ ему въ голову, упалъ на землю, гдѣ его топтали ногами, и успѣлъ только крикнуть публикѣ: «держите его». Прибѣжавшій для содѣйствія чиновнику Васильеву околоточный надзиратель Успенскій былъ принятъ толпою такъ же, какъ и Васильевъ. Видя, что полиція уже извѣщена о происшествіи и слыша учащенные призывные свистки городовыхъ, нѣкоторые изъ толпы начали кричать: «братцы, идите плотнѣе, не расходитесь; кто подойдетъ, тотъ уйдетъ безъ головы»; призывъ этотъ, сочувственно принятый всѣми, выдвинулъ впередъ молодую женщину, блондинку, съ распустившимися косами, которая кричала: «впередъ, за мною!» Молодежь сплотилась еще тѣснѣе и тронулась отъ собора по направленію къ памятнику Кутузова. Въ этомъ мѣстѣ подоспѣли нѣсколько городовыхъ, прибѣжавшихъ на свистки съ Васильевымъ и Успенскимъ во главѣ, но были отбиты, и тутъ только публика, смотрѣвшая до того на происшествіе съ недоумѣніемъ, вступилась за полицейскихъ чиновъ, начала помогать имъ и забирать виновныхъ, которыхъ отводила, по указанію полиціи, въ участокъ. При этомъ производившая демонстрацію толпа вступила въ драку съ чинами полиціи и помогавшими имъ частными лицами. Мѣщанинъ Пантелѣевъ, бывшій въ числѣ содѣйствовавшихъ полиціи, получилъ отъ одного изъ сопротивлявшихся ударъ въ затылокъ какимъ-то твердымъ орудіемъ, который такъ ошеломилъ его, что онъ съ трудомъ дошелъ домой. Многіе изъ публики и всѣ участвовавшіе въ задержаніи чины полиціи были избиты: Успенскій, Васильевъ, Москвинъ, Кашинцовъ, Ефимовъ, Субботинъ, Егоровъ, Трещовъ и др.; нѣкоторымъ изорвали, кромѣ того, платье.

Продолжая такимъ образомъ сопротивленіе, производившая демонстрацію толпа дошла до угла Невскаго проспекта и Казанской площади (домъ Лѣсникова), гдѣ, наконецъ, безпорядокъ былъ прекращенъ. Видя, что сочувствіе общества и сила не на ихъ сторонѣ, болѣе осторожные бросили своихъ сообщниковъ еще ранѣе, разбѣгаясь въ разныя стороны; самые же рѣшительные поддерживали борьбу до конца, продолжая сопротивляться по дорогѣ въ участокъ и буйствовать даже въ его стѣнахъ. Одинъ изъ обвиняемыхъ, Боголюбовъ, дравшійся все время на площади, не хотѣлъ подчиниться обыску въ участкѣ, и когда его принудили къ тому силою, то онъ выхватилъ висѣвшій на тесьмѣ подъ платьемъ заряженный револьверъ, взвелъ курокъ, направилъ дуло въ упоръ въ сторожа Клибика, но тотъ успѣлъ отвести пистолетъ въ сторону и въ то же время вырвать барабанъ съ патронами, разсыпавшимися по полу. Спущеннымъ Боголюбовымъ куркомъ прищемило палецъ Клибику и этому только вполнѣ случайному обстоятельству послѣдній обязанъ жизнью; палецъ, разсѣченный и прижатый къ патрону, предотвратилъ выстрѣлъ. По словамъ Боголюбова, онъ взялъ пистолетъ, думая пострѣлять изъ него въ цѣль гдѣ-нибудь вдали отъ города; защищался же имъ, какъ орудіемъ, отбиваясь въ участкѣ отъ нападавшихъ на него людей, курка не взводилъ и намѣренія стрѣлять не имѣлъ. Въ участкѣ найденъ былъ между дверями другой карманный заряженный револьверъ, брошенный кѣмъ-нибудь изъ задержанныхъ. Кромѣ того, на Малой Конюшенной былъ найденъ, при задержаніи обвиняемаго Тимофеева, чугунный наручникъ, брошенный, очевидно, однимъ изъ участниковъ демонстраціи. По участію въ вышеизложенныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ привлечены нижеслѣдующія лица: студенты медико-хирургической академіи: Иванъ Антоновъ Гервасій, Александръ Николаевъ Бибергаль и Яковъ Ефимовъ Гуровичъ; студентъ института инженеровъ путей сообщенія Василій Семеновъ Надеждинъ; личные почетные граждане: Архипъ Петровъ Боголюбовъ, Евгеній Константиновъ Бочаровъ, Михаилъ Михайловъ Чернавскій и Григорій Игнатьевъ Громовъ; ученикъ Императорской академіи художествъ Илья Родіоновъ Поповъ; сыновья купцовъ Николай Яковлевъ Фалинъ и Семенъ Львовъ Геллеръ; мѣщане: Ефимъ Захаровъ Новаковскій, Василій Яковлевъ Ивановъ (онъ же Савельевъ) и Александръ Ивановъ Морошкинъ; крестьяне: Яковъ Семеновъ Потаповъ, Василій Тимофеевъ и Матвѣй Григорьевъ; дочь дворянина Варвара Константинова Ильяшенко, слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ, дочь чиновника Лидія Васильева Николаевская; дочь маіора Софья Андреева Иванова и дочь купца, еврейка Фелиція Исакова Шефтель. Одинъ изъ свидѣтелей происшествій—Абрамовъ, бывшій въ соборѣ и на площади, замѣтилъ, что молодой человѣкъ, котораго толпа поднимала со знаменемъ въ рукахъ, скрылся еще до окончанія свалки, сопровождаемый нѣсколькими молодыми людьми, отдѣлившимися отъ толпы. Опасаясь, при этой обстановкѣ, задерживать молодого парня, Абрамовъ слѣдилъ за нимъ до Большой Садовой, гдѣ шедшіе раздѣлились: одни пошли по Садовой, а молодой человѣкъ въ нагольномъ полушубкѣ направился къ публичной библіотекѣ. Остановленный, по заявленію Абрамова, городовымъ, неизвѣстный былъ доставленъ въ участокъ, а затѣмъ препровожденъ съ задержавшимъ его городовымъ Вишняковымъ и заявителемъ Абрамовымъ въ с.-петербургское губернское жандармское управленіе, гдѣ по обыску Вишняковъ нашелъ у него въ панталонахъ флагъ изъ кумача съ нашитыми на немъ бѣлыми шелковыми шнурками словами: «земля и воля». Во время препровожденія задержаннаго въ жандармское управленіе онъ, при проѣздѣ мимо Аничкина дворца, кричалъ: «да здравствуетъ свобода!» Арестованный, на допросѣ 6-го декабря, назвался крестьяниномъ Тверской губ.

Старицкаго уѣзда, дер. Казнакова, Яковомъ Потаповымъ и показалъ, что находится подъ слѣдствіемъ по государственному преступленію, по которому привлекался въ Кіевской губ., куда ѣздилъ безъ опредѣленной цѣли. Въ Кіевѣ онъ содержался нѣсколько мѣсяцевъ подъ стражею и былъ высланъ на родину, откуда, въ сентябрѣ 1876 г., пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на фабрику Тортона, гдѣ работалъ и прежде. Не отрицая факта нахожденія у него въ карманѣ флага, Потаповъ объяснилъ, что поднялъ его послѣ того, какъ толпа двинулась отъ Казанскаго собора къ памятнику Кутузова. Флагъ этотъ онъ нашелъ лежащимъ на землѣ и взялъ его безъ всякой цѣли скрыть слѣды преступленія, такъ какъ самъ участія въ безпорядкѣ не принималъ, а зашелъ въ Казанскій соборъ помолиться. Спрошенный за симъ, 11-го декабря, Потаповъ отказался отъ первоначальнаго своего заявленія о томъ, что работалъ на фабрикѣ Тортона, и не указалъ, гдѣ именно проживалъ съ самаго пріѣзда въ С.-Петербургъ. По его словамъ, выѣхалъ онъ изъ деревни въ концѣ сентября, имѣя пять рублей, на которые и жилъ до задержанія, нигдѣ не работая; сапоги куплены имъ въ Твери, а красная кумачевая рубаха въ Петербургѣ; полушубокъ же взятъ изъ деревни. По пріѣздѣ въ Петербургъ бывалъ у дяди Трифонова, служащаго у Тортона, который помогалъ ему деньгами, видѣлся и съ братомъ своимъ Арсеніемъ, работающимъ на той же фабрикѣ, и шелъ къ нему обѣдать, выйдя 6-го декабря изъ Казанскаго собора. При задержаніи денегъ у него, Потапова, вовсе не было. Въ Кіевѣ онъ называлъ себя Петромъ Сергѣевымъ. Допрошенные, по указанію обвиняемаго, братъ его Арсеній Потаповъ и дядя Трофимъ Трифоновъ объяснили, что не видѣли Якова болѣе двухъ лѣтъ; получая на фабрикѣ 20 и 23 р. въ мѣсяцъ, онъ безъ всякой видимой причины въ 1874 г. бросилъ мѣсто и болѣе на фабрику Тортона не возвращался. До Трифонова доходили слухи, что Яковъ попался въ Кіевѣ, но причины поѣздки его туда онъ уяснить себѣ не можетъ; по слухамъ, ходившимъ на фабрикѣ, на Якова, прежде работящаго и хорошаго мальчика, дурно повліяло знакомство со студентами, и дальнѣйшую судьбу его Трифоновъ предвидѣлъ, служа на фабрикѣ 18 лѣтъ. Къ дѣлу этимъ же свидѣтелемъ представлено письмо отъ 17 ноября 1876 года, присланное старикомъ Потаповымъ къ сыну его Арсенію, въ которомъ онъ говоритъ, что Яковъ ушелъ, «наказавъ его на 10 рублей», причемъ убѣдительно просилъ двѣнадцатилѣтняго Арсенія помочь ему изъ заработанныхъ имъ денегъ. Спрошенный, въ свою очередь, отецъ Потаповыхъ разъяснилъ, что сынъ его Яковъ былъ присланъ по этапу изъ Кіева 27-го іюня 1876 года и скрылся изъ деревни послѣ Покрова (1 октября). Вся одежда, въ которой сынъ его Яковъ теперь ходитъ, пріобрѣтена имъ послѣ выѣзда изъ деревни; въ деревнѣ же онъ ходилъ въ старыхъ разорванныхъ сапогахъ, въ пестрядинной рубахѣ и унесъ у него, свидѣтеля, поддевку. Денегъ у Якова въ деревнѣ не было. Предъявленный свидѣтелямъ: Кашинцову, Богданову и Рябинину, Яковъ Семеновъ Потаповъ былъ признанъ за парня, котораго подымали изъ толпы съ флагомъ въ рукахъ. Противъ всѣхъ приведенныхъ уликъ обвиняемый заявилъ только, что всѣ свидѣтели «врутъ». Такою же неискренностью и неправдоподобностью отличаются объясненія всѣхъ остальныхъ привлеченныхъ къ дознанію лицъ. Такъ, Архипъ Петровъ Боголюбовъ, проживающій въ Петербургѣ безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій и покушавшійся на жизнь сторожа Клибика, показалъ первоначально, что 6-го декабря, послѣ часа пополудни, пошелъ со своей квартиры (Преображенская, № 20) гулять на острова и попалъ совершенно случайно къ Казанскому собору во время безпорядка; задержанъ онъ былъ какимъ то постороннимъ лицомъ безъ всякаго основанія. При вторичномъ допросѣ Боголюбовъ измѣнилъ свои объясненія, говоря, что пошелъ вмѣстѣ съ своимъ сожителемъ Преоб-

раженскимъ, послѣ часа, на Васильевскій островъ, за Смоленское кладбище, съ цѣлью пострѣлять изъ заряженнаго имъ дома пятью патронами револьвера; говорилъ ли объ этомъ Преображенскому, не знаетъ. Шли они изъ дому такъ: по Малой Итальянской, Литейной, Невскому; онъ повернулъ на Большую-Садовую, а Преображенскій пошелъ дальше. Дойдя до Чернышева переулка, обвиняемый повернулъ направо и вышелъ къ Казанскому собору. Свидѣтели: Успенскій, Трещовъ, Егоровъ, Кубовъ, Ивановъ и Богдановъ признали Боголюбова за личность, особо выдававшуюся во время безпорядка 6-го декабря; онъ билъ околоточнаго и дрался съ публикою. Свидѣтели Преображенскій и Товбичъ удостовѣрили, что Боголюбовъ изъ дому вышелъ до полудня и что Преображенскій не могъ ему сопутствовать, такъ какъ не выходилъ 6-го декабря изъ квартиры. Привлеченные къ дознанію евреи Яковъ Ефимовъ Гуровичъ—студентъ медико-хирургической академіи, Фейга Шефтель, готовящаяся къ поступленію на женскіе медицинскіе курсы, и Хаимъ Зельмановичъ Новаковскій, именующійся золотоношскимъ, Полтавской губерніи, мѣщаниномъ и по ремеслу сапожникомъ, оказались не только хорошими знакомыми, но Гуровичъ и Новаковскій даже свойственниками (второй женатъ на сестрѣ Гуровича, Софьѣ). По словамъ Гуровича, онъ пошелъ около полудня съ квартиры своей (Петербургская сторона, Малая-Вульфова улица, № 30) по Большой Дворянской, черезъ крѣпость, по набережной, мимо Зимняго дворца и по Невскому купить себѣ книгу въ магазинѣ Черкесова. Проходя мимо Казанской площади, онъ увидѣлъ у собора толпу народа и поднимавшійся красный флагъ, остановившись на тротуарѣ, отдѣляющемъ площадь отъ Невскаго, среди любопытныхъ, онъ былъ побитъ и арестованъ дворниками и полиціею, разгонявшими зрителей. Одинъ изъ дворниковъ говорилъ: «мы васъ, поляковъ, всѣхъ перерѣжемъ». Далѣе Гуровичъ показалъ, что проживаетъ на квартирѣ вмѣстѣ съ товарищемъ Виленцомъ, но вышелъ изъ дому одинъ и никого по дорогѣ знакомыхъ не встрѣчалъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до 6-го декабря по сосѣдству съ ними поселилась незнакомая ему дѣвица, фамиліи ея не знаетъ, которая 6-го декабря утромъ, когда онъ уходилъ, кажется, была дома. Квартиру наняла она отъ хозяина Макарова. Съ своей стороны Фейга Шефтель объяснила, что ходила въ Казанскій соборъ посмотрѣть, какъ молятся православные; остановилась послушать, что говорятъ на площади, на нее напала полиція; била ли кого, не помнитъ, но съ нею обращались возмутительно. По выходѣ изъ церкви увидѣла толпу, въ которой высокій блондинъ говорилъ о Чернышевскомъ и о трудахъ его для народа по предоставленію ему земли и воли; послѣ этой рѣчи подняли парня съ краснымъ знаменемъ, съ надписью: «земля и воля». О демонстраціи ранѣе ничего не знала и участія въ безпорядкахъ не принимала. Живетъ она въ одной квартирѣ съ Виленцомъ и Гуровичемъ; послѣдній предложилъ ей помѣщеніе, уступивъ свою комнату. Свидѣтели Макаровъ и Виленцъ показали, что съ 3 или 4 декабря поселилась съ Гуровичемъ Шефтель, которая отдѣльной комнаты у Макарова не нанимала, а впущена была съ согласія Виленца, ея стараго знакомаго, и по просьбѣ Гуровича—безплатно. 6-го декабря утромъ Гуровичъ и Шефтель вышли изъ дому вмѣстѣ, часу въ 10 утра. Виленцъ того же числа, часовъ въ 11, слышалъ въ студенческой библіотекѣ медико-хирургической академіи, что въ Казанскомъ соборѣ въ этотъ день будетъ отслужена панихида по умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія политическимъ арестантамъ. Предъявленная свидѣтелямъ Шефтель была признана Ритчеромъ, Успенскимъ и Ивановымъ за дравшуюся и бившую околоточнаго надзирателя; Ефимовъ, Богдановъ и Васильевъ указываютъ на нее, какъ на шедшую во главѣ толпы и кричавшую «впередъ, за мною». Гуровичъ признанъ Ефимовымъ за участника въ безпорядкахъ,

Хаимъ Новаковскій, спрошенный два раза, показалъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ два мѣсяца тому назадъ съ цѣлью лѣчиться и открыть сапожную мастерскую. 6-го декабря, часовъ въ 11, отправился съ женою къ сестрѣ ея Копилевичъ, у которой взялъ два рубля на театръ; пробывъ здѣсь не долго, перешли по крѣпостнымъ мосткамъ и вышли на Невскій къ Малой Конюшенной. На площади Казанск. собора было смятеніе, говорили объ оскорбленіи въ церкви священника; движимые любопытствомъ, они зашли въ соборъ, но тамъ все было тихо. Выйдя обратно на площадь—не помнитъ, была ли съ нимъ жена или нѣтъ,—услыхалъ крики: «студенты бунтуютъ» и отправился въ участокъ, куда вели арестованныхъ. У стоявшаго тутъ городового, бляха № 131, онъ спросилъ: въ чемъ дѣло?—«Студенты бунтуютъ», отчалъ этотъ.—Пьяные, что ли?—«Нѣтъ».—Почему бунтуютъ?—«Не знаю.» Послѣ этого разговора ходилъ съ женою по Невскому и прислушивался къ толкамъ; затѣмъ опять пошелъ къ собору, гдѣ его арестовалъ, по совѣту дворника, городовой, бляха № 180. Новаковскій просилъ предъявить его означеннымъ двумъ городовымъ, убѣжденный, что если не по лицу, то по платью они его припомнятъ (Новаковскій имѣетъ черную баранью шубу, съ большимъ откладнымъ воротникомъ, длиннорунную и покрытую свѣтло-сѣрымъ сукномъ). Во второмъ показаніи Новаковскій добавилъ, что отъ жены слышалъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, о предполагавшейся въ Исаакіевскомъ соборѣ панихидѣ объ убитыхъ въ Сербіи; говорили, что тамъ будутъ и профессора, и военные и будутъ требовать войны, но эта панихида не состоялась. 5-го декабря жена, при квартирномъ хозяинѣ Ивановѣ и подмастерьѣ его Петровскомъ, сообщила о такой же панихидѣ, назначенной на 6-е декабря въ Казанскомъ соборѣ; зная, что первая не состоялась, онъ считалъ разговоръ жены пустою болтовнею. Спрошенные, по указанію Новаковскаго, свидѣтели Ивановъ и Петровскій заявили, что при нихъ Софья Новаковская не говорила мужу о предполагавшейся на 6-е декабря панихидѣ; Копилевичъ же (сестра Новаковской) удостовѣрила, что еще до 5-го декабря слышала, что въ Казанскомъ соборѣ готовится какая то торжественная служба, о чемъ, между прочимъ, говорилъ ей 5-го декабря Виленцъ, сожитель Гуровича, и Шефтель. Городовой Москвинъ, бляха № 131, показалъ, что съ Новаковскимъ 6-го декабря вовсе не разговаривалъ, а припоминаетъ, какъ его вели въ участокъ; городовой Малковъ, бляха № 180, 6-го декабря былъ въ нарядѣ у церкви св. Николы Морскаго и около Казанскаго собора находиться не могъ. Свидѣтели Васильевъ и Ивановъ видѣли Новаковскаго въ толпѣ, производившей безпорядки. Жена обвиняемаго Новаковскаго, Софья, показала, что 6-го декабря вмѣстѣ съ мужемъ пришла въ Казанскій соборъ, но тамъ, за тѣснотою, разошлась съ нимъ. Простоявъ въ церкви съ часъ, она вышла на площадь, гдѣ нашла мужа и перебѣжала съ нимъ во время свалки на Невскій; впослѣдствіи они опять подходили къ собору, чтобы разузнать о происшедшемъ, но были задержаны. Не помнитъ, отъ Гуровича или кого другаго, но она слыхала о панихидѣ, назначенной на 6-е декабря въ Казанскомъ соборѣ. Цѣль этой панихиды была молитва по убитымъ въ Сербіи; Шефтель знаетъ, но мало; Гуровича, кажется, видѣла въ соборѣ. Обвиняемый Евгеній Константиновъ Бочаровъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ августѣ 1875 г. съ тѣмъ, чтобы поступить въ технологическій институтъ, проходилъ мимо Казанской площади, увидѣлъ безпорядокъ и былъ задержанъ безъ всякой причины. Онъ слышалъ о панихидѣ въ Казанскомъ соборѣ, но не знаетъ, о комъ она должна была быть отслужена, и не помнитъ, отъ кого получилъ это извѣстіе; шелъ изъ дому (Обуховскій проспектъ, домъ Шольца) безъ всякой опредѣленной цѣли и заходилъ посмотрѣть готовальню въ магазинъ Рихтера, хотя денегъ при себѣ не имѣлъ. Показаніе это опровергается объясненіями сви-

дѣтелей Лаврентьева и Молодыхъ, удостовѣрившихъ, что Бочаровъ пошелъ въ Казанскій соборъ, и заявленіями Москвина, Кубова, Иванова и Богданова, признающихъ Бочарова за личность, участвовавшую въ безпорядкѣ 6-го декабря и отбивавшую Шефтель. Привлеченный къ дознанію мѣщанинъ города Корчевы, Тверской губерніи, Александръ Ивановъ Морошкинъ, по ремеслу слесарь, но нигдѣ не работающій, заявилъ, что 6 декабря отправился утромъ къ знакомой Амаліи Александровнѣ, фамиліи которой не знаетъ, проживающей по Казанской улицѣ въ домѣ, нумеръ котораго ему неизвѣстенъ; за симъ зашелъ къ товарищу Карльсону, выйдя отъ котораго на Екатерининскій каналъ, попалъ въ свалку около Казанскаго собора; видѣлъ красный флагъ и былъ арестованъ неизвѣстными ему лицами. Провѣренныя свидѣтельскими показаніями объясненія Морошкина опровергнуты; къ братьямъ Карльсонамъ пришелъ онъ рано утромъ, когда они только встали, и уходя заявилъ, что идетъ въ Казанскій соборъ. По словамъ квартирной хозяйки Морошкина, Мальдиной, онъ переѣхалъ отъ нея въ началѣ декабря и просилъ выписать его за городъ. Купеческій сынъ Николай Яковлевъ Фалинъ, прибывшій въ Петербургъ, по его объявленіямъ, изъ Москвы 30 ноября, оказался арестованнымъ за безпорядки на Казанской площади. Пошелъ онъ, по его словамъ, утромъ 6 декабря изъ дому (Измайловскій проспектъ, домъ № 17) купить фуражку, увидѣлъ у Казанскаго собора драку и началъ останавливать городового, бившаго кого-то; публика арестовала его, Фалина, за это вмѣшательство; его били, и онъ потерялъ при этомъ фуражку и 5 рублей. Лѣто 1876 года провелъ въ Крыму. У него былъ произведенъ обыскъ въ 1873 году по поводу знакомства его съ государственнымъ преступникомъ Чиковымъ, а въ началѣ 1876 года онъ былъ задержанъ при обыскѣ у обвинявшагося тоже въ государственномъ преступленіи Дьяконова, у котораго жилъ, пріѣхавъ изъ-за границы по вызову правительства. Квартирная хозяйка Фалина, Гро-Греванъ, знающая прошлое его, передаетъ разсказъ обвиняемаго о томъ, что онъ пріѣхалъ не изъ Москвы, а изъ-за границы. Она, намекая на прежнюю прикосновенность Фалина къ государственнымъ преступленіямъ, говорила ему: «что же, по старому будетъ съ вами?»—но онъ возражалъ и увѣрялъ, что будетъ жить теперь смирно. Кромѣ того, изъ показаній той же Гро-Греванъ и технолога Георгіевскаго, у котораго въ комнатѣ жилъ Фалинъ, видно, что онъ ушелъ изъ дому не 6, а 5 декабря, и съ того времени неизвѣстно имъ, гдѣ находился. Фалинъ признанъ за участника въ безпорядкѣ свидѣтелями Есипенко, Трещовымъ и Субботинымъ. Далѣе привлечены къ дѣлу Иванъ Антоновъ Гервасій и Александръ Николаевъ Бибергаль, окончившіе курсъ въ керченской гимназіи, состоящіе студентами медико-хирургической академіи и проживающіе на одной квартирѣ (Таврическая, № 19). Оба они, по ихъ объясненіямъ, утромъ 6 декабря отправились разновременно на Васильевскій островъ: первый—въ патріотическій институтъ провѣдать племянницу, второй—узнать адресъ стариннаго знакомаго своего, студента с.-петербургскаго университета, юриста Лейбовича, съ которымъ, живя въ Петербургѣ 3 года, не видѣлся давно. Побудительною причиною, какъ говоритъ Бибергаль, заставившею его разыскивать Лейбовича, было то, что лѣтъ 6—7 тому назадъ онъ выдалъ въ Керчи портному вексель въ 26 руб., который хотя и не предъявленъ ко взысканію, но безпокоилъ его именно 6 декабря, такъ какъ онъ надѣялся получить стипендію и, слѣдовательно, имѣлъ въ виду расплатиться съ этимъ долгомъ. Несмотря на то, что оба обвиняемые изъ одной квартиры шли въ одну и ту же мѣстность, на Васильевскій островъ, оба попали на Казанскую площадь, но разными путями. Гервасій шелъ по Невскому, а Бибергаль по набережной, перешелъ Неву и, подойдя къ зданію университета, узналъ отъ какого-то неизвѣстнаго чело-

вѣка, встрѣченнаго имъ на улицѣ, что Лейбовичъ окончилъ курсъ и, слѣдовательно, адреса его въ университетѣ нѣтъ. Тогда Бибергаль, возвращаясь домой, на Таврическую улицу, пошелъ на Николаевскій мостъ и затѣмъ на Невскій, гдѣ у Казанскаго собора задержанъ въ то время, когда хотѣлъ обойти дравшихся. Гервасій же, по его словамъ, задержанъ при слѣдующей обстановкѣ: когда онъ проходилъ мимо сопротивлявшихся полиціи, то съ него сняли шляпу, надѣли чужую шапку и накинули на плечи чужой клѣтчатый пледъ; его въ такомъ видѣ арестовали, вѣроятно, по ошибкѣ. О всемъ этомъ онъ тотчасъ же заявилъ въ участкѣ; шапки же при немъ даже чужой не оказалось. Оба обвиняемые признаны за дравшихся въ толпѣ, а Гервасій, кромѣ того, и за махавшаго краснымъ флагомъ, свидѣтелями Ритчеромъ, Успенскимъ, Трещовымъ, Кашинцовымъ, Кубовымъ, Ивановымъ и Сидоровымъ. Студентъ института инженеровъ путей сообщенія Василій Семеновъ Надеждинъ, по его показанію, шелъ изъ музея академіи наукъ въ столовую для нуждающихся воспитанниковъ института; замѣтивъ толпу, онъ обратился съ разспросами къ товарищу своему Влезкову, стоявшему на Невскомъ. Городовой, находившійся вблизи, арестовалъ при этомъ обвиняемаго. Влезковъ, разысканный въ С.-Петербургѣ лишь по окончаніи дознанія, объяснилъ, что проходилъ 6 декабря по Казанской площади въ половинѣ второго часа пополудни, остановился разспросить о происшествіи, и въ это время подошелъ къ нему студентъ института, фамиліи котораго не зналъ, и былъ задержанъ на его, свидѣтеля, глазахъ штабсъ-офицеромъ, но за что, не знаетъ. На другой день Влезковъ узналъ, что арестованный — Надеждинъ. Свидѣтели Успенскій и Васильевъ признали Надеждина: первый—за личность, наносившую ему 6 декабря 1876 года удары, а второй—за участвовавшаго въ безпорядкѣ. Обвиняемый сынъ протодіакона Смоленскаго собора Михаилъ Михайловъ Чернавскій, прибывшій въ Петербургъ 19 сентября для отбыванія воинской повинности и ничѣмъ опредѣленнымъ не занимающійся, и купеческій сынъ Семенъ Львовъ Геллеръ, привлекавшійся къ дѣлу о безпорядкѣ при объявленіи приговора государственнымъ преступникамъ Плотникову и Панину, ѣздившій въ Сербію въ качествѣ добровольца и вернувшійся лишь двѣ недѣли тому назадъ, не признали себя виновными въ участіи въ демонстраціи и сопротивленіи власти, произведенныхъ на Казанской площади 6 декабря. По словамъ Чернавскаго, проживающаго на Сытнорыночной улицѣ, на Петербургской сторонѣ, онъ въ 12 часовъ утра вышелъ изъ своей квартиры, отправился на Васильевскій островъ въ кухмистерскую великой княгини Елены Павловны, гдѣ пробылъ три четверти часа, торопясь въ публичную библіотеку. На площади былъ задержанъ публикою, кричавшею: «студенты бунтуютъ». По словамъ квартирной хозяйки Чернавскаго, Роговой, онъ вышелъ изъ дому не въ 12, а въ десять часовъ утра. Геллеръ, по его объясненію, 5 декабря услышалъ отъ неизвѣстной ему личности о чемъ-то готовившемся въ Казанскомъ соборѣ. 6 декабря, отправившись въ церковь, онъ тамъ уже узналъ, что предполагается отслужить панихиду по умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія политическимъ арестантамъ. Былъ арестованъ за то, что заступился за какую-то женщину, которую билъ кто-то изъ публики. Происходившаго на площади не видѣлъ и назвать личность, сообщившую ему о предполагавшейся въ Казанскомъ соборѣ демонстраціи, не пожелалъ. Свидѣтели: Ефимовъ, Сидоровъ, Богдановъ и Трещовъ признали Геллера и Чернавскаго за участниковъ безпорядка, причемъ Сидоровъ указалъ на Чернавскаго, какъ на перваго бросившагося изъ толпы на городового. Ученикъ Императорской академіи художествъ, сынъ священника Илья Родіоновъ Поповъ, на допросѣ заявилъ, что онъ агентъ управляющаго секретнымъ отдѣленіемъ градоначальника Колышкина и подалъ ему, послѣ ареста, заявле-

ніе, прося освободить изъ-подъ стражи. Поповъ разсказываетъ о задержаніи своемъ слѣдующее: 5 декабря, вечеромъ, онъ услыхалъ отъ знакомой Метелицыной, что на завтра готовится въ Казанскомъ соборѣ нѣчто новое, революціонное. Желая оказать услугу Колышкину, онъ отправился на сборище, взявъ съ собою свою сожительницу, изъ боязни быть побитымъ, такъ какъ студенты знаютъ его за агента. Видѣлъ онъ слѣдующее: въ толпѣ студентовъ, вышедшихъ изъ церкви, произнесъ рѣчь какой-то неизвѣстный ему блондинъ. Онъ говорилъ о Чернышевскомъ, несправедливо сосланномъ правительствомъ; упоминалъ, что, благодаря подобной мѣрѣ, революціонное дѣло тормазится, тогда какъ Чернышевскій могъ бы подвинуть его впередъ на нѣсколько лѣтъ. Дальнѣйшія подробности происшествія Поповъ разсказываетъ согласно съ обстоятельствами, приведенными въ началѣ обвинительнаго акта и установленными показаніями свидѣтелей. Арестъ обвиняемаго, по его словамъ, произошелъ тогда, когда онъ намѣревался отправиться къ Колышкину, съ тѣмъ, чтобы сообщить ему о происшествіи. Поповъ признанъ свидѣтелями Ефимовымъ и Кубовымъ за участника въ безпорядкѣ 6 декабря. По словамъ квартирной хозяйки, Ефимовой, Поповъ жилъ у нея съ 1 декабря безъ прописки. Показанія остальныхъ обвиняемыхъ мужчинъ, слесарей: Матвѣя Григорьева, Василія Яковлева Иванова (онъ же Савельевъ), Григорія Игнатьева Громова и Василія Тимофеева, сводятся къ слѣдующему. Всѣ они, кромѣ послѣдняго, безъ работы; Ивановъ и Громовъ, кромѣ того, проживали безъ прописки. Григорьевъ, живущій на Невѣ, по перевозной набережной, 6 декабря вздумалъ пойти на заводъ Нобеля, по ту сторону рѣки, на Выборгской сторонѣ, а попалъ на Казанскую площадь; другой дороги онъ не знаетъ. На площади ничего, кромѣ драки, не видѣлъ. Громовъ, ночевавшій, по его словамъ, на 6 декабря на Петербургской сторонѣ, желая пройти на Исаакіевскую площадь, вышелъ прямо къ Казанскому собору, простоялъ обѣдню и молебенъ, вышелъ на площадь и ничего не видѣлъ и не слышалъ, такъ какъ не имѣетъ обыкновенія оборачиваться. На него напали сзади и арестовали. Тимофеевъ, проживающій за Невскою заставой, пошелъ 6 декабря, часу въ 12-мъ, на заводъ Берда, хотя знакомыхъ у него тамъ нѣтъ, но онъ надѣялся все-таки найти кого-нибудь изъ земляковъ. Когда онъ проходилъ по Малой Конюшенной, то былъ задержанъ и доставленъ въ участокъ. Шелъ все время одинъ. Ивановъ оказался носящимъ фамилію Савельева, а не Иванова; онъ утромъ, вмѣстѣ съ знакомымъ Крутиковымъ, ночевавшимъ будто бы у него на новой квартирѣ, на Петербургской сторонѣ, вышелъ изъ дому, заходилъ въ трактиръ на Васильевскомъ островѣ, наконецъ, во время драки попалъ на уголъ Малой Конюшенной и Невскаго; здѣсь его кто-то избилъ, напавъ сзади; ничего происходившаго не видѣлъ и нанесенными побоями доведенъ былъ до безпамятства. По провѣркѣ этого объясненія обнаружено, что самъ Савельевъ (онъ же Ивановъ) ночевалъ не дома, а у слесаря Городничаго (на Петербургской сторонѣ), знакомаго Крутикова, которому утромъ, уходя, Савельевъ сказалъ, что идетъ въ городъ. Свидѣтели Успенскій, Васильевъ, Москвинъ и Есипенко видѣли Григорьева, Громова и Савельева (Иванова) въ толпѣ молодежи, сопротивлявшейся полиціи; Тимофеевъ же задержанъ чиновникомъ полиціи Васильевымъ на Малой Конюшенной, по указанію какого-то офицера, какъ участникъ безпорядка. Вслѣдъ за задержаніемъ Тимофеева былъ представленъ чиновнику Васильеву поднятый тутъ же на улицѣ чугунный наручникъ. Задержанныя 6-го декабря на площади Казанскаго собора дочь чиновника, не имѣющая занятій, и недавно освобожденная изъ-подъ стражи по дѣлу о распространеніи запрещенныхъ сочиненій, Лидія Васильева Николаевская и слушательница медицинскихъ курсовъ Варвара Константинова Ильяшенко объяснили, что

отправились вмѣстѣ покупать особо прочную и дешевую обувь въ одну изъ улицъ за Казанскимъ соборомъ въ магазинъ, о которомъ знали лишь по слухамъ. Задержаны онѣ были безъ всякаго повода около лавокъ Милютина и доставлены въ участокъ. Послѣдняя обвиняемая, дочь майора Софья Андреева Иванова, привлеченная въ Москвѣ по обвиненію въ государственномъ преступленіи, состоящая на порукахъ, проживала въ Петербургѣ безъ опредѣленныхъ занятій и безъ прописки; отправилась она, по ея словамъ, въ Казанскій соборъ помолиться, не зная о предполагавшейся демонстраціи, затѣмъ по окончаніи литургіи, выйдя на площадь, была задержана по ошибкѣ. Между тѣмъ, Николаевская, Ильяшенко и Иванова признаны за участницъ въ безпорядкѣ свидѣтелями Успенскимъ, Васильевымъ, Ефимовымъ, Ивановымъ и Сидоровымъ. Относительно же Ивановой дочь унтеръ-офицера Ольга Щукина показала, что наканунѣ происшествія на Казанской площади Иванова ночевала у нея и вмѣстѣ съ нею отправилась въ соборъ, зная, что тамъ предполагается панихида по умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія политическимъ арестантамъ. Въ отношеніи обвиняемаго Александра Бибергаля выясняется по дѣлу еще одно обвиненіе. Во время охраненія полиціею имущества его послѣ ареста обнаружено, между другими бумагами, стихотвореніе, писанное рукою Бибергаля и съ поправками, сдѣланными, повидимому, имъ же. Содержаніе этого стихотворенія отличается явно возмутительнымъ содержаніемъ. Въ немъ говорится о рабочихъ, возвращающихся послѣ трудовъ на родину, гдѣ ожидаетъ ихъ все старая бѣдность и больныя въ отрепьяхъ дѣти. Одинъ изъ числа пришедшихъ, обращаясь къ товарищамъ, говоритъ: пора перестать работать на враговъ, бояръ и поповъ, пора рабочей семьѣ соединиться и перестать кормить своихъ злодѣевъ. Бибергаль призналъ, что стихи списаны имъ «ради курьеза», но не сочинены, и онъ ихъ никому не показывалъ. Поправки въ нихъ его рукою—сдѣланы, можетъ быть, для исправленія слога. 1. Посему обвиняются—студенты медико-хирургической академіи: Иванъ Антоновъ Гервасій, Александръ Николаевъ Бибергаль, Яковъ Ефимовъ Гуровичъ; студентъ института инженеровъ путей сообщенія Василій Семеновъ Надеждинъ; личные почетные граждане: Архипъ Петровъ Боголюбовъ, Евгеній Константиновъ Бочаровъ, Михаилъ Михайловъ Чернавскій, Григорій Игнатьевъ Громовъ; ученикъ Императорской академіи художествъ Илья Родіоновъ Поповъ; сыновья купцовъ: Николай Яковлевъ Фалинъ и Семенъ Львовъ Геллеръ; мѣщане: Ефимъ Захаровъ Новаковскій, Василій Яковлевъ Ивановъ (онъ же Савельевъ) и Александръ Ивановъ Морошкинъ; крестьяне: Тверской губерніи, Старицкаго уѣзда, дер. Казнакова, Яковъ Семеновъ Потаповъ, Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда, Василій Тимофеевъ и Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда, дер. Голуханова, Матвѣй Григорьевъ; дочь дворянина Варвара Константинова Ильяшенко, дочь чиновника Лидія Васильева Николаевская, дочь маіора Софья Андреева Иванова и дочь купца, еврейка Фелиція Исакова Шефтель—въ томъ, что 6-го декабря 1876 года, по окончаніи богослуженія въ Казанскомъ соборѣ, въ который они собрались вслѣдствіе распространившихся между ними свѣдѣній о готовившемся на это число выраженіи враждебныхъ правительству мнѣній, выйдя съ другими не разысканными лицами на площадь, образовали изъ себя толпу, слушали произносившуюся изъ среды ихъ рѣчь, направленную къ порицанію установленнаго законами государственнаго порядка и образа правленія, выражали сочувствіе этой рѣчи громкими криками и знаками одобренія, поднимали красный флагъ съ революціоннымъ воззваніемъ «земля и воля», а затѣмъ толпою же, получившею вслѣдствіе вышеизложеннаго, характеръ явно возмутительнаго дѣйствія, двинулись отъ собора по площади, чѣмъ и

сдѣлались участниками преступленія, предусмотрѣннаго 2-мъ отдѣломъ 252 ст. улож. о наказ. 2. Всѣ поименованныя въ пунктѣ 1-мъ лица обвиняются еще и въ томъ, что во время совершенія преступленія, изложеннаго выше, оказали явное, соединенное съ насиліемъ, сопротивленіе полицейской власти, которая съ помощью частныхъ лицъ приступила къ прекращенію описаннаго противозаконнаго дѣянія и къ задержанію виновныхъ въ немъ лицъ, причемъ изъ числа ихъ: 3. Обвиняемые Гервасій, Бибергаль, Боголюбовъ, Бочаровъ, Надеждинъ, Чернавскій и Фейга Шефтель непосредственно участвовали въ сопротивленіи, нанося удары чинамъ полиціи и помогавшимъ имъ частнымъ лицамъ и отбивая арестованныхъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 262, 264, 266 и 12 улож. о наказ. 4. Личный почетный гражданинъ Архипъ Петровъ Боголюбовъ обвиняется еще и въ томъ, что 6-го декабря 1876 года, въ помѣщеніи 1-го участка Казанской части, сопротивляясь полицейскимъ служителямъ во время обыска, умышленно посягнулъ на жизнь служителя Клибика, спустивъ курокъ заряженнаго револьвера, направленнаго въ означеннаго Клибика, причемъ выстрѣла не послѣдовало по независившимъ отъ него, Боголюбова, обстоятельствамъ, т. е. въ преступленіи, поименованномъ въ ст. 9 и 1 ч. 1.455 улож. о наказ., по прод. 1872 г. 5. Студентъ медико-хирургической академіи Александръ Николаевъ Бибергаль обвиняется, кромѣ поименованнаго въ 1, 2 и 3 пп., еще и въ томъ, что составилъ стихи возмутительнаго содержанія, не распространяя ихъ, что соотвѣтствуетъ преступленію, предусмотрѣнному 3 ч. 251 ст. улож. о наказ. Въ виду всего изложеннаго, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 17-й день декабря 1876 года и ст. 2 п. 2, 12 п. б, 13 и 14 Высочайше утвержденныхъ, 7-го іюня 1872 года, правилъ о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ, поименованные выше обвиняемые, въ числѣ двадцати одного человѣка, предаются суду особаго присутствія Правительствующаго Сената.

По прочтеніи обвинительнаго акта первоприсутствующій предложилъ подсудимому Боголюбову вопросъ: признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что 6-го декабря 1876 года намѣренно принялъ участіе въ дѣйствіяхъ толпы на площади предъ Казанскимъ соборомъ, собравшейся съ цѣлью дерзостнаго порицанія установленнаго государственнаго устройства и порядка, каковая цѣль и была выражена произнесеніемъ рѣчи, криками одобренія и выставленіемъ флага съ надписью: «земля и воля»? Подсуд. Боголюбовъ. Намѣреніе имѣлъ, но тамъ я не присутствовалъ. Первоприсутствующій спросилъ, признаетъ ли себя подсудимый виновнымъ въ сопротивленіи, соединенномъ съ насиліемъ чинамъ полиціи? Подс. Боголюбовъ. Первое мое показаніе отрицаетъ второе. На вопросъ о виновности въ посягательствѣ на жизнь полицейскаго служителя Клибика подсудимый отвѣчалъ отрицательно. Затѣмъ первоприсутствующій предложилъ каждому изъ подсудимыхъ вопросы о виновности: во-первыхъ, въ намѣренномъ участіи въ дѣйствіяхъ толпы, и, во-вторыхъ, въ сопротивленіи полицейской власти. Подсудимые отвѣчали: Подс. Гервасій (на оба вопроса). Не признаю. Подс. Бочаровъ. Я не признаю себя виновнымъ ни въ чемъ. Подс. Надеждинъ. Я невиновенъ. Подс. Чернавскій. Признаю себя виновнымъ въ томъ, что рѣшился присутствовать на панихидѣ по политическимъ приступникамъ и тѣмъ почтить ихъ память. Въ сопротивленіи полицейской власти участвовалъ, но удара не удалось нанести. Я хотѣлъ нанести ударъ околоточному надзирателю, но онъ уклонился. Первоприсутствующій. Не припомните ли, въ какомъ мѣстѣ площади это было? Подс. Чернавскій. Не помню.—В. Ближе къ Казанскому мосту или въ другомъ мѣстѣ?—О. Вся площадь не велика; не могу указать.—В. Вы тамъ были одни?—О. Я былъ въ толпѣ.—В. Знакомые были?—О. Нѣкоторые бы-

ли знакомые; тѣ, которые говорили, что будетъ слушаться панихида.—В. Вы присутствовали при произнесеніи рѣчи?—О. Присутствовалъ.—В. Содержаніе ея слышали?—О. Слышалъ, но въ ней не содержалось порицанія государственному порядку, а содержалось выраженіе сочувствія Чернышевскому и другимъ арестованнымъ по политическимъ дѣламъ. Такъ какъ панихиду не удалось отслужить, потому что это былъ царскій день, то служили молебенъ за здоровье арестованныхъ.—В. Послѣ рѣчи вскидывали флагъ?—О. Да.—В. Онъ былъ на древкѣ или нѣтъ?—О. Нѣтъ, поднимали молодого человѣка въ полушубкѣ, который держалъ флагъ.—В. Вы замѣтили въ лицо этого молодого человѣка?—О. Нѣтъ.—В. Крики одобренія, рѣчи были?—О. Да. На вопросъ о виновности въ намѣренномъ участіи въ толпѣ подсудимая Шефтель отвѣчала: да. Первоприсутствующій. Вы обвиняетесь въ томъ, что, идя впереди толпы, вы говорили: «за мною, впередъ». Признаете ли себя въ этомъ виновною?—Подсуд. Шефтель. Нѣтъ. В. Въ соборѣ были?—О. Была.—В. Когда оттуда вышли, куда отправились—на площадь?—О. Да.—В. Слышали рѣчь?—О. Слышала.—В. Содержаніе ея помните?—О. Да, помню. Я въ своихъ показаніяхъ говорила, что въ рѣчи говорилось о Чернышевскомъ и о сосланныхъ вообще, что много людей ссылаютъ и самыхъ лучшихъ людей.—В. Когда явилась полиція и стала прекращать безпорядокъ, вы сопротивлялись?—О. Можетъ быть.—В. Вы лично никому не наносили ударовъ?—О. Не помню.—В. Вы однѣ были тамъ?—О. Да, я пришла одна.—В. Знакомыхъ не было тамъ?—О. Нѣтъ, нѣкоторые были.—В. Гдѣ же вы ихъ встрѣтили?—О. Въ соборѣ и на площади.—В. Можете кого-нибудь назвать?—О. Нѣтъ, не желаю. На вопросъ о намѣренномъ участіи въ толпѣ, подсудимый Бибергаль отвѣтилъ: я желаю, чтобы обстоятельства дѣла такъ выяснились. На вопросъ о виновности въ сопротивленіи полиціи, подсудимый отвѣчалъ: это я совершенно отрицаю. Первоприсутствующій. Вы обвиняетесь еще въ томъ, что составили найденное въ вашихъ бумагахъ вами писанное исправленное стихотвореніе, направленное къ возбужденію бунта и явнаго неповиновенія власти верховной.—Подс. Бибергаль. Это обстоятельство я считаю столь малозначительнымъ, что даже возражать не желаю. Слѣдующіе подсудимые, на вопросы о виновности въ намѣренномъ участіи въ толпѣ и въ сопротивленіи полиціи, отвѣчали: Подс. Гуровичъ. Нѣтъ, не признаю.—Подс. Громовъ (на первый вопросъ). Нѣтъ. (На второй.) Это совершенно ложно.—Подс. Поповъ. Я признаю, что я былъ свидѣтелемъ безпорядка, но лично участія не принималъ. Сопротивленія совершенно никакого не оказывалъ.—Подс. Фалинъ (на первый вопросъ). Нѣтъ, я себя не признаю виновнымъ. (На второй.) Мнѣ кажется это страннымъ. Мое сопротивленіе заключалось въ томъ, что меня полиція била. Подс. Геллеръ (на первый вопросъ). Нѣтъ, не признаю. (На второй.) Мнѣ не приходилось сталкиваться на площади съ полиціей, чтобы оказывать ей сопротивленіе.—Подс. Новаковскій, Ивановъ (Савельевъ) и Морошкинъ на оба вопроса отвѣчали отрицательно.—Подс. Потаповъ (на первый вопросъ). Нѣтъ.—Первоприсутствующій. Вы же признаете себя виновнымъ въ томъ, что васъ поднимали и вы развертывали флагъ?—Подс. Потаповъ. Меня не подымали и я не развертывалъ флага. На вопросъ о сопротивленіи полиціи, подсудимый отвѣчалъ: совершенно нѣтъ. Въ обвинительномъ актѣ не показано, чтобы я тамъ дѣлалъ безпорядки.—Подс. Тимофеевъ (на первый вопросъ). Не могу признать себя виновнымъ, потому что я не былъ въ то время. (На второй). Въ сопротивленіи я участія не принималъ, а меня въ участкѣ околоточный надзиратель билъ. Подс. Григорьевъ, Ильяшенко, Николаевская и Иванова на оба вопроса отвѣчали отрицательно. Послѣ краткаго перерыва были опрошены и приведены къ

присягѣ свидѣтели, а за симъ начался ихъ допросъ. Свид. Гуковъ на вопросъ первоприсутствующаго показалъ: 6-го декабря я пришелъ въ церковь; это было передъ херувимской. Сначала я ничего не замѣтилъ, но потомъ увидалъ, что изъ окружающихъ меня никто не крестился. Это меня взволновало, я осмотрѣлся и вижу, что тутъ все не русскіе типы, а большею частью польскіе и еврейскіе. Затѣмъ они начали между собою шептаться и вообще вели себя довольно неприлично, т. е. не такъ, какъ подобаетъ въ церкви. Послѣ обѣдни я подошелъ къ помощнику церковнаго старосты и спросилъ изъ любопытства: что это за посѣтители такіе, которыхъ я не привыкъ встрѣчать въ соборѣ? Онъ говоритъ, что это, можетъ быть, пришли иностранцы, которые часто бываютъ, чтобы посмотрѣть на соборъ. Я замѣтилъ, что они очень неприлично ведутъ себя. Г. Рубатовскій (помощникъ старосты) сказалъ мнѣ: «что же, вы хотите учить ихъ?» Я отвѣтилъ: слѣдовало бы нѣкоторыхъ. «Что же они такое дѣлаютъ?» спросилъ онъ. Я говорю, что, между прочимъ, видѣлъ, что когда была передана свѣчка поставить къ образу, то молодой мужчина и дѣвица съ этою свѣчкою неприлично обращались, какъ будто хотѣли бросить ее или смять, вообще, не хотѣли передать ее. Затѣмъ, послѣ второго молебна, я вышелъ изъ собора и отправился домой. Когда я выходилъ изъ церкви, гдѣ я стоялъ при входѣ перваго придѣла, молодые люди пошли внутрь собора.—Тов. прокурора. Они отличались чѣмъ-либо отъ другихъ молящихся по своему внѣшнему виду?—Подс. Гуковъ. Нужно было полагать по костюмамъ, что это была учащаяся молодежь.—В. Какъ они стояли?—О. Ихъ было очень много, приблизительно я могъ видѣть человѣкъ сто. Они стояли почти сплошь, а я былъ въ серединѣ. Прис. пов. Бардовскій. Когда кончился второй молебенъ?—Подс. Гуковъ. Я въ половинѣ втораго пришелъ домой, а до дому мнѣ минуты двѣ ходьбы.—В. Не замѣтили ли вотъ этихъ двухъ (Боголюбова и Гервасія)?—О. Нѣтъ.—В. День былъ морозный?—О. Нѣтъ.—В. Не покрывалось ли лицо инеемъ, если пробыть на воздухѣ 1/4 часа?—О. Не думаю. Прис. пов. Гантоверъ. Вы не были въ то время, когда около собора флагъ выкидывали?—Свид. Гуковъ. Нѣтъ.—Прис. пов. Полуянскій. Вы сказали, что замѣтили польскіе типы: какіе это и чѣмъ они отличаются?—Свид. Гуковъ. Вообще они выдаются отъ русскихъ.—В. Есть ли вотъ изъ всѣхъ этихъ подсудимыхъ польскіе типы?—Нѣтъ, тутъ больше русскіе.—На вопросъ прис. пов. Неклюдова свидѣтель показалъ, что неприличное поведеніе молодыхъ людей въ соборѣ выразилось тѣмъ, что они говорили, смѣялись и переходили съ мѣста на мѣсто; говорили на польскомъ языкѣ. На вопросъ прис. пов. Каміонко свидѣтель показалъ, что обращеніе со свѣчкою онъ понялъ, какъ неуваженіе; было ли это незнаніе, что съ нею дѣлать, свидѣтель сказать не можетъ. Прис. пов. Буймистровъ. Молодую дѣвушку, взявшую свѣчку, вы не признаете изъ здѣсь сидящихъ?—Свид. Гуковъ. Нѣтъ.—На вопросъ прис. пов. Ольхина о томъ, почему свидѣтель полагаетъ, что это была учащаяся молодежь, послѣдній отвѣчалъ: у нихъ принято большею частью одѣваться въ пледы, что въ обыкновенномъ человѣкѣ рѣдко встрѣтишь, и притомъ извѣстно, что въ медико-хирургической академіи большею частью еврейскіе типы, но можетъ быть я и ошибаюсь. Свид. Рубатовскій на вопросъ первоприсутствующаго показалъ: Въ концѣ обѣдни 6-го декабря ко мнѣ подошелъ г. Гуковъ и сказалъ: «что это у васъ такъ много студентовъ въ соборѣ?» Я пошелъ посмотрѣть и, дѣйствительно, увидѣлъ, что ихъ много было. Я вышелъ изъ церкви, позвалъ городового и просилъ его сообщить полиціи. Вернувшись въ соборъ, я сталъ за выручку. Когда всѣ вышли изъ собора, я заперъ сундукъ и также вышелъ. На площади у портика я увидѣлъ толпу, среди которой говорились какія то слова, которыхъ не припомню. Затѣмъ под-

няли какого то мальчика въ полушубкѣ и кричали «ура». Потомъ отъ собора толпа пошла по направленію къ памятнику Кутузова. Тов. прок. Потрудитесь разсказать подробнѣе, что вамъ передавалъ г. Гуковъ?—Свид. Рубатовскій. Онъ сказалъ: «что это много у васъ студентовъ—не думаютъ ли они что-нибудь сдѣлать: не демонстрація ли какая?» Потомъ разсказалъ, что они неприлично себя держали, мѣшали другимъ молиться. —В. Гдѣ находилась толпа, когда вы ходили смотрѣть?—О. Они ходили по собору между царскимъ мѣстомъ и каѳедрою.—В. Не припомните ли при этомъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя обратили на себя ваше вниманіе?—О. Они разговаривали между собою. Одинъ вынималъ книжечку и дѣлалъ какія то отмѣтки.—В. Почему вы заявили городовому?—О. Я хотѣлъ предупредить, чтобы не случилось чего-нибудь.—В. Что же вы предполагали?—О. Меня удивило, что такъ много собралось, чего никогда не случалось.—В. Когда вы вернулись въ церковь, что дѣлали молодые люди? —О. Также ходили толпою и потомъ вышли.—В. Много ли оставалось въ соборѣ публики?—О. Послѣ общаго молебна многіе вышли, такъ что въ соборѣ было просторно.—В. Какимъ числомъ вы можете опредѣлить толпу молодыхъ людей и публику, оставшуюся въ соборѣ?—О. Всѣхъ было человѣкъ 200 или 300.—В. Сколько времени прошло отъ того, когда толпа вышла изъ церкви и когда вы вышли?—О. Я почти слѣдомъ шелъ.—В. На площади уже стояла толпа?—О. Да.—В. Она стояла отдѣльно отъ зрителей?—О. Отдѣльно. Зрители кучками окружали ее, но между ними и толпою было свободное пространство.——В. Съ какого мѣста вы наблюдали? О. Съ портика, такъ что мнѣ хорошо все видно было.—В. Не припомните ли содержанія рѣчи, которая тамъ произносилась?—О. Всю рѣчь мнѣ не было слышно. Я слышалъ только нѣкоторыя слова, что народъ русскій—хорошій народъ, что продается послѣдняя корова и послѣдняя лошадь.—В. Не упоминались ли какія-нибудь имена?—О. Не слышалъ.— В. По окончаніи рѣчи что было?—О. Кричали «ура», и потомъ поднятъ былъ флагъ.—В. Вы видѣли этотъ флагъ?—О. Видѣлъ. Онъ красный и на немъ написано бѣлыми буквами, но что—не могъ разобрать.— В. Вы можете признать то лицо, которое держало флагъ и которое поднимало?—О. Нѣтъ, не могу.—В. Послѣ того, какъ флагъ поднимался, не говорилъ ли еще кто-нибудь?—О. Говорилъ прежде одинъ, а потомъ другой, но я не помню, чьи были тѣ слова, о которыхъ я показалъ—перваго или втораго. Затѣмъ они пошли отъ собора и остановились у памятника Кутузова; шли толпою; я слѣдовалъ за ними; въ это время раздавались свистки городовыхъ.—В. Вы видѣли, что была драка съ городовыми или съ другими лицами изъ публики?—О. Я видѣлъ, что городовые вскакивали въ толпу и сейчасъ же убѣгали оттуда.—В. Видѣли насильственныя дѣйствія городовыхъ противъ толпы?—О. Нѣтъ.—В. Гдѣ былъ прекращенъ безпорядокъ?—О. Между памятникомъ Кутузова и домомъ Лѣсникова на углу Невскаго. Тутъ толпа смѣшалась съ публикою.—В. Вы не можете удостовѣрить, что раньше этого убѣгалъ кто-нибудь изъ толпы?—Не замѣтилъ.— Прис. пов. Бардовскій. Священникъ не разсказывалъ вамъ, что въ тотъ день заказывалъ молебенъ человѣкъ, похожій на учащагося?—Свид. Рубатовскій. Нѣтъ.—В. Не было ли разговора о томъ, что кто то просилъ служить панихиду?—О. Слухъ носился, но я спрашивалъ священника и онъ сказалъ, что никто не обращался.—В. Не замѣтили ли вы въ толпѣ вотъ этихъ двухъ лицъ (Боголюбова и Гервасія)?—О. Нѣтъ.—В. Далеко ли вы находились отъ говорившаго рѣчь?—О. Шаговъ 10 или 15.—В. Не разсматривали ли его лица?—О. Видѣлъ, но припомнить не могу.—В. Не замѣтили ли вы, чтобы кто-нибудь изъ толпы билъ городовыхъ?—О. Нѣтъ. В. А не били ли городовые?—О. Тоже не видалъ. В. Не обращался ли кто-

нибудь изъ полицейскихъ къ толпѣ съ требованіемъ разойтись?—О. Слышны были крики городовыхъ: «расходитесь».—Прис. пов. Гантоверъ. Парень, котораго поднимали со знаменемъ, былъ въ дубленкѣ?—Свид. Рубатовскій. Въ дубленкѣ.—В. Онъ одинъ изъ всей толпы былъ въ дубленкѣ?—О. Одинъ.—В. Не признаете ли вы вотъ этого (Потапова)?—О. Въ лицо не припомню.—В. О панихидѣ вы слышали раньше или позже 7-го декабря?—О. На другой день вахтеръ собора говорилъ, что когда публика заявила, что въ церкви много студентовъ, то онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, и они сказали, что хотятъ панихиду служить.—Прис. пов. Полуянскій. Не слышали ли вы въ толпѣ какихъ-нибудь латинскихъ восклицаній?—Свид. Рубатовскій. Нѣтъ.—Прис. пов. Буймистровъ. Сколько времени прошло, когда толпа вышла изъ Казанскаго собора и когда вы слышали рѣчь?—Свид. Рубатовскій. Можетъ быть 1/4 часа или 1/2 часа.—В. Толпа отправилась къ монументу Кутузова спокойно или нѣтъ?—О. Нѣтъ, не спокойно.—В. Много ли было городовыхъ въ то время?—О. Человѣкъ пять или шесть.—Прис. пов. Архангельскій. Въ которомъ часу вы вышли отъ обѣдни?—Свид. Рубатовскій. Въ часъ или около часу—не помню хорошо.—В. Въ толпѣ были женщины и сколько примѣрно?—О. Было три или четыре въ соборѣ. На вопросы прис. пов. Неклюдова свидѣтель показалъ, что въ сторонѣ къ Малой-Конюшенной также была толпа, но небольшая. На вопросъ, какое впечатлѣніе получилъ свидѣтель, когда видѣлъ арестованіе: забирали ли такихъ, на которыхъ указывали, или просто по наружности, т. е. такихъ, которые подходили къ типу учащейся молодежи, свидѣтель отвѣчалъ: «да, къ типу». Свидѣтель помнитъ одинъ случай: когда вели женщину, то какой то молодой человѣкъ ударилъ ведущаго, тогда его также ударили, и онъ упалъ. Его подняли за волосы и отвели въ участокъ. На вопросы прис. пов. Ольхина свидѣтель показалъ, что толпа во время рѣчи стояла тѣсною кучкою. Отдѣлялся ли кто-нибудь изъ толпы, вскакивалъ ли на портикъ храма и дѣлалъ ли какія-нибудь знаки—свидѣтель не видалъ. Свидѣтелю, по распоряженію первоприсутствующаго, былъ предъявленъ флагъ, о которомъ свидѣтель замѣтилъ, что онъ похожъ на тотъ, который онъ видѣлъ. На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ: смѣшеніе публики съ толпою, т. е. общая свалка произошла между монументомъ Кутузова и домомъ Лѣсникова, ближе къ послѣднему, такъ что часть толпы заходила на Невскій и даже затрудняла движеніе. До прихода толпы къ памятнику никто не былъ задержанъ, потому что въ это время было мало полиціи. На вопросы прис. пов. Бардовскаго свидѣтель показалъ, что на древкѣ знамени никто не держалъ, но что мальчикъ, котораго поднимали, развертывалъ его и такъ неловко, что свидѣтель не могъ разобрать. Въ началѣ флагъ былъ брошенъ комомъ. Прис. пов. Неклюдовъ. Въ то время, когда вы слушали рѣчь, публика вокругъ толпы была многочисленнѣе ея?—Свид. Рубатовскій. Гораздо.—В. До прибытія городовыхъ, никто изъ публики не протестовалъ противъ толпы?—О. Этого не видалъ.—В. Такъ что публика безпрепятственно позволила толпѣ итти до памятника Кутузова?—О. Безпрятственно. (Засѣданіе было прервано до 11 часовъ утра слѣдующаго дня).

Подсудимый Гуровичъ заявилъ, что онъ избираетъ своимъ защитникомъ г. Рычкова, который и принялъ на себя защиту. Свид. Александра Товбичъ (дочь губернскаго секретаря) показала: Наканунѣ 6-го декабря, вечеромъ, когда я лежала больная въ постели, ко мнѣ пришла Метелицына, которая сообщила, что на завтра что то затѣвается на Казанской площади, что объ этомъ носятся слухи. На другой день я отправилась съ Поповымъ въ церковь; пришла довольно поздно. Когда вышли изъ церкви, я увидѣла, что народъ расходится, поэтому я обратилась къ Попову и ска-

ИСТОРИЧЕСКАЯ

зала, что слухъ былъ, значитъ, ложный, что, вѣроятно, ничего не будетъ, и мы уже двинулись домой, но вдругъ я увидѣла, что собралась большая толпа народа, въ средѣ которой одинъ человѣкъ говорилъ рѣчь. Всей рѣчи я не могла разслушать: до меня долетали отдѣльныя фразы изъ рѣчи. Насколько помню, говорилось о народѣ, о людяхъ, которые пострадали за народъ, упоминалось имя Чернышевскаго и другихъ; говорилось, что у народа отнимаютъ послѣднюю корову и послѣднюю курицу. При этомъ было страшное волненіе въ толпѣ, стали кричать «ура», подняли какого то мальчика и бросили что то красное, кажется, флагъ съ какою-то надписью, но съ какою—я не разсмотрѣла. Потомъ толпа стала расходиться. Тутъ полиція приняла мѣры, раздались страшные свистки. Мы пошли домой, и, когда прошли мимо толпы, я сзади услышала страшный крикъ, обернулась и увидѣла сцену, на которую указала Попову: полиція и народъ напали на какого то высокаго роста мужчину, который накрытъ былъ платкомъ, и очень его били, а онъ хотѣлъ отъ нихъ уйти. Мы невольно остановились и, не разбирая кто и что, инстинктивно хотѣли защитить, но, когда мы остановились, мнѣ былъ нанесенъ ударъ въ голову, съ Попова сорвали пледъ и насъ потащили. Меня такъ сдавили за горло, что я чуть-чуть не задохлась. Я сказала: за что насъ тянутъ? Мнѣ отвѣтили: «тамъ послѣ разберутъ». Поповъ хотѣлъ защищаться, но я сказала: пойдемъ безъ сопротивленія. Но насъ тащили и привели въ участокъ. Все время я не отходила отъ Попова ни шагу, слѣдовательно, онъ драться отдѣльно не могъ. Тов. прокурора. Какъ вамъ объяснила Метелицына, что будетъ на площади?—Свид. Товбичъ. Она ничего не объяснила.—В. На дознаніи вы опредѣлительнѣе показали, что именно она вамъ говорила.—О. Мнѣ кажется, я сказала такъ какъ и теперь.—В. Вы сказали, что затѣвается что то революціонное?—О. Я. не знаю.—В. Кто писалъ ваше показаніе?—О. Я сама писала, но не помню, можетъ быть, я такъ и сказала. Я до сихъ поръ не могу притти въ себя. Если я услышу дома какой-нибудь стукъ, то думаю, что я сижу въ тюрьмѣ.—В. Если бы вы не получили этихъ свѣдѣній, то все-таки пошли бы на площадь?—О. Нѣтъ. Теперь я очень сожалѣю, что пошла.—В. Что заставило васъ итти?—О. Просто посмотрѣть, что будетъ. Я вообще настолько занята личными своими дѣлами, что объ этомъ особенно не думала. Притомъ же я была давно больна, а тутъ мнѣ сдѣлалось легче, такъ что мнѣ хотѣлось пройтись. Поповъ сказалъ: «пойдемъ», и пошли.—В. Чего же вы ожидали на площади?—О. Сказали, что что то затѣвается.—В. Что же именно?—О. Вѣроятно, что-нибудь, я не давала себѣ отчета. Понятно что если затѣвается что-нибудь, то или рабочіе, или кто-нибудь.—В. По чему же вы знали, что рабочіе затѣваютъ?—О. Слухомъ земля полнится. Было и по газетамъ извѣстно, какого рода бывали дѣла.—В. Значитъ, вы понимали такъ, что будетъ нѣчто такое, о чемъ печаталось въ газетахъ т. е. извѣстнаго рода движеніе, за которое судятъ?—О. Я не могла предположить, чтобы что-нибудь особенное было, какая-нибудь особаго рода демонстранція, и открытой я не могла ожидать.—В. Слѣдовательно, вы при знаете, что демонстрація была серьезная?—О. Не то, что серьезная, но меня удивило, что на улицѣ производится такой безпорядокъ.—В. Какое же впечатлѣніе на васъ произвелъ общій характеръ рѣчи?—О. Человѣкъ хотѣлъ доказать людямъ, чтобы они больше поняли свое положеніе.—В. Как же это было понято?—О. Онъ говорилъ: вотъ насколько васъ притѣсняютъ, отнимаютъ послѣднее.—В. Какъ обращался говорившій къ окружающимъ, какъ онъ называлъ ихъ?—О. Кажется, назвалъ «братья» или «рабочіе», вѣрно не помню.—Прис. пов. Бардовскій. Въ которомъ часу вы пришли на площадь?—Свид. Товбичъ. Я была еще въ церкви.—В. На какомъ мѣстѣ площади была произносима рѣчь?—О. Недалеко отъ церкви.—

В. Изъ общаго характера рѣчи вы не могли вывести заключенія, чтобы она клонилась къ явному возбужденію противъ верховной власти?—О. Нѣтъ, этого не могу сказать. До меня долетали отдѣльныя фразы.—В. Вы не видѣли, чтобы кто-нибудь изъ этой толпы нападалъ на городовыхъ?—О. Нѣтъ.—В. А обратно?—О. Когда раздались крики «расходись», то полиція и нѣкоторые изъ публики бросились на толпу.—В. На площади была одна или двѣ толпы?—О. Не замѣтила, вся площадь была полна.—В. Вы стояли вмѣстѣ съ Поповымъ?—О. Да, вмѣстѣ, и насъ вмѣстѣ взяли въ участокъ. Но онъ пришелъ безъ всякой цѣли.—В. Не замѣтили ли вы, чтобы кто-нибудь держалъ знамя на древкѣ?—О. Нѣтъ, не видала.—В. Васъ арестовалъ городовой?—О. Да, полиція вмѣстѣ съ народомъ.—В. Въ участкѣ вы были отдѣлены отъ мужчинъ? Отдѣлены.—В. Тамъ васъ не били?—О. Нѣтъ, дорогой били, чуть-чуть не задушили, но я сказала, что не буду сопротивляться. На вопросы прис. пов. Знаменовскаго свидѣтельница показала, что знакома съ Поповымъ, еще когда онъ былъ въ екатеринославской семинаріи. Здѣсь онъ учился въ академіи художествъ и всегда былъ занятъ дѣломъ. Она жила вмѣстѣ съ нимъ. Никто у нихъ не бывалъ. Жили на средства, которыя Поповъ иногда получалъ отъ работы, и затѣмъ присылали родные какъ его, такъ и ея. Здоровье его плохо; онъ страдаетъ аневризмомъ. Никогда не говорилъ, чтобы получалъ деньги отъ какого-нибудь генерала. Наканунѣ 6-го декабря Поповъ уходилъ изъ дому, но послѣ Метелицыной онъ, кажется, оставался дома. На вопросы прис. пов. Гантовера свидѣтельница показала, что мальчикъ, котораго вскидывали съ флагомъ, былъ маленькій, лѣтъ 11 или 12. Въ лицо его не замѣтила. Онъ былъ одѣтъ въ полушубокъ. На вопросы прис. пов. Буймистрова: когда полиціи собралось много, то свидѣтельница слышала отдѣльный крикъ, выходившій изъ толпы: «Господа расходиться по домамъ, по домамъ». На вопросы прис. пов. Каміонко, Архангельскаго и Турчанинова: толпа сначала двигалась прямо, а когда стали кричать «по домамъ», то пошли во всѣ стороны. Въ толпѣ были и женщины. Когда свидѣтельницу взяли и когда она говорила, что ихъ напрасно берутъ, то ей отвѣчали, что если бы не были виноваты, то и не взяли бы. При этотъ отпускались разныя шуточки, напримѣръ: «вотъ подхватили парочку». На вопросы товарища прокурора: свидѣтельница пришла въ церковь къ концу службы, стояла ближе къ царскимъ вратамъ. Толпы молодежи въ церкви не видѣла. На площади она стояла «скорѣе въ числѣ зрителей», чѣмъ въ толпѣ. Потомъ зрители смѣшивались съ толпою. Народъ говорилъ, что нужно позвать полицію. Сестра свидѣтельницы содержала прежде комнаты. У нея жили студентки. Это продолжалось не долго. Свидѣтельница не была ни разу на этой квартирѣ, потому что въ это время была больна. Послѣ 6-го декабря жилицы разошлись, и сестра переѣхала на другую квартиру. Метелицына выдержала экзаменъ въ фельдшерской школѣ. У ея матери свидѣтельница жила на квартирѣ. Кричали «расходиться» и полицейскіе и голоса изъ толпы. На вопросы защиты свидѣтельница показала, что крики эти раздались въ то время, когда полиція начала собираться. Поповъ никакого сочувствія не выражалъ: онъ стоялъ молча и смотрѣлъ, чѣмъ все это кончится, такъ что относился скорѣе безучастно. Причиною того, что ихъ взяли, былъ пледъ, который былъ у Попова, и то обстоятельство, что они очутились близко къ человѣку, котораго тащили. Пледъ и пальто, бывшіе на свидѣтельницѣ, пропали. Первоприсутствующій. Подсудимая Шефтель, вы вчера говорили, что были въ соборѣ и потомъ на площади, что слышали тамъ рѣчь и что вы находились въ средѣ толпы?—Подсудимая Шефтель. Да.—В. Въ которомъ часу вы туда пришли?—О. Часовъ въ 11.—В. Одна? —О. Совершенно одна.—В. Много тамъ встрѣтили вашихъ знакомыхъ?

—О. У меня не особенно много знакомыхъ. Человѣкъ десять видѣла.—В. По какому поводу вы пришли?—О. По поводу распространившихся слуховъ.—В. Отъ кого вы узнали?—О. Я не желаю называть.—В. Вы вмѣстѣ съ толпою вышли изъ собора?—О. Да.—В. Гдѣ же вы стоялп въ толпѣ?—О. Приблизительно шагахъ въ пяти отъ человѣка, который говорилъ.—В. Вы хорошо слышали его рѣчь?—О. Нѣтъ, всего нельзя было разслышать.—В. Вы прежде не знали содержанія этой рѣчи?—О. Нѣтъ.—В. Не слышали о томъ, по какому поводу она будетъ говориться?—О. Я думала, что по поводу панихиды объ умершихъ въ домѣ предв. заключенія.—В. Въ то время, когда была произнесена рѣчь, что дѣлала толпа?—О. Особеннаго ничего не дѣлала. В. Крики одобренія были?—О. Да, кричали «ура», но не всѣ, конечно.—В. Знамя выкидывали?—О. Да.—В. Оно на древкѣ было?—О. Нѣтъ, комкомъ бросили, а потомъ поднимали человѣка, который его развертывалъ.—В. Вы знаете этого человѣка?—О. Нѣтъ.—В. Потомъ что дѣлала толпа послѣ этой рѣчи?—О. Когда взбросили красный флагъ, то начали расходиться, а когда напала полиція, то сказали, чтобы держаться плотнѣе, и пошли къ Невскому.—В. Содержаніе рѣчи, которую вы все-таки слышали, не можете ли возстановить?—О. Я не всю слышала. Повторю, что говорила вчера. Говорившій обратился со словами: «братцы» и началъ говорить, что лучшихъ людей ссылаютъ. Упоминалъ фамиліи Чернышевскаго и Нечаева. Другихъ не слышала.—В. О Пугачевѣ упоминалось?—О. Нѣтъ, не слышала.—В. Говорилось о положеніи крестьянъ?—О. До меня доносилось, что продаютъ послѣднюю корову.—В. Кто васъ взялъ?—О. Кажется, Богдановъ, изъ толпы.—В. Не полицейскій?—О. Нѣтъ. Свид. Пантелеевъ (мѣщанинъ) показалъ: Это было 6-го декабря. Мы—носильщики и стоимъ у Казанскаго моста. Видимъ, у собора собралось много народа. Думали, что Государя Императора ожидаютъ. Потомъ видимъ, на паперти много молодого народа и одинъ что-то читаетъ или разсказываетъ. Потомъ, по окончаніи, закричали «ура». Взяли мальчишку лѣтъ 17 или 18 и подбросили кверху. У него въ рукахъ было красное полотно съ золотыми буквами: «земля и воля». Потомъ они пошли къ памятнику Кутузова. Городовые подошли, но ихъ стали бить и мы за это вступились. Тов. прок. Полиція прежде на нихъ напала, или они на полицію?—Свид. Пантелеевъ. Нѣтъ полиція говоритъ: «что вы дѣлаете?»—а они ихъ бить. Мнѣ тоже попало плюхи три, или четыре.—В. Чѣмъ васъ ударили?—О. Не знаю; только не кулакомъ, потому очень чувствительно было. Свидѣтелю предъявленъ флагъ. Свид. Пантелеевъ. Этотъ самый и есть. Прис. повѣр. Бардовскій. Вы помогали городовымъ брать ихъ?—Свид. Пантелеевъ. Мы не брали ихъ.—В. Съ какой же стати васъ ударили?—О. Потому, что заступились за полицію.—В. Вы тоже, значитъ, били ихъ?—О. Разумѣется, я раза два или три залѣпилъ кому то. Съ какой стати—меня будутъ бить, а я буду молчать.—В. Но древкѣ знамя было?—О. Нѣтъ, не было.—В. Одна толпа была на площади, или двѣ?—О. Народъ стоялъ на паперти, а они внизу. Мы ужъ потомъ разобрали, что это были бунтовщики.—В. Обратили вы вниманіе на одежду ихъ: въ ней было что-нибудь особенное?—О. Короткіе пальты, шали, брюки въ сапоги, все молодые.—В. Такъ что заключеніе о бунтовщикахъ вы основали на лѣтахъ и одеждѣ?—О. Да, все такіе были. Прис. пов. Знаменовскій. Вамъ полиція указывала кого брать, или вы сами брали?—Свид. Пантелеевъ. Тутъ брали кого поймали; также и мы, правъ онъ или виноватъ—мы почемъ знаемъ.—В. Но со стороны полиціи были указанія?—О. Тутъ ихъ было человѣкъ пятьдесятъ; полиція кого замѣтила, тѣхъ и взяли.—В. Слѣдовательно, вы сами руководствовались при арестованіи?—О. Зачѣмъ? Тутъ полиція была.—В. Значитъ, полиція указывала?—О. Да, тутъ брали, кто былъ. Прис. пов. Гантоверъ. Въ

чемъ былъ мальчикъ, котораго подбрасывали?—Свид. Пантелеевъ. Въ полушубкѣ.—В. Въ лицо его замѣтили?—О. Нѣтъ. Прис. пов. Ольхинъ. Въ самомъ началѣ собранія толпы, вы гдѣ стояли?—Свид. Пантелеевъ. Въ началѣ мы не были. Мы пришли, когда половина всей службы кончилась. Прис. пов. Неклюдовъ. Вы называли ихъ бунтовщиками только потому, что шумъ былъ, или въ самыхъ ихъ дѣйствіяхъ признавали что-нибудь?—Свид. Пантелеевъ. Полиція видитъ, что «земля и воля». Это что-нибудь значитъ. Мы почемъ знаемъ.—В. Кто же вамъ сказалъ, что это бунтъ?— О. Полиція говорила. Потомъ мы сами видимъ. Стали полицію бить—ужъ это видно, что бунтуютъ. Видимъ флагъ,—значитъ, что неблагополучно. Прис. пов. Турчаниновъ. Кто первый пришелъ изъ полицейскихъ?—Свид. Пантелеевъ. Высокій бѣлокурый городовой. Онъ подалъ свистокъ; его свалили. Потомъ пришелъ Максимовъ, и его свалили. Мы подбѣжали и стали отталкивать. Я попалъ въ средину— В. Вы сами брали кого-нибудь?—О. Нѣтъ—В. А городовые что дѣлали?—О. Поймали которыхъ и отвели въ участокъ. На вопросы другихъ защитниковъ свидѣтель показалъ, что когда толпа дошла до памятника и городовой далъ свистокъ, то на него напали и свалили; потомъ Максимова сшибли; потомъ еще какого-то маленькаго. Свид. Семеновъ (отставной рядовой) на предложеніе первоприсутствующаго разсказать, какъ было дѣло, показалъ: Какъ было дѣло? Видишь ты, ваше превосходительство, какъ, значитъ, обѣдня отошла, значитъ, потомъ молебенъ отошелъ. Всѣ православные пошли домой, а эти вышли сверху, спустились съ крыльца, а мы со стороны смотримъ. Хорошо. Вотъ, потомъ сошлись, потомъ, одинъ рукой махаетъ (машетъ рукой). Я далече стоялъ, не разобралъ. Махалъ, махалъ, потомъ подхватили мальчика, и давай поднимать. Потомъ говорятъ: земля и воля. Потомъ, вдругъ, пошли съ правой руки около Кутузова. Вмѣстѣ, кучей, говорятъ, пойдемъ. Городовой—свистки. Тутъ, какъ какой городовой попадется—сейчасъ объ полъ топтать. Мы вступились. Тутъ собрались: значитъ приставъ пришелъ, сталъ хватать. Схватилъ одного, я говорю: позвольте, ваше высокоблагородіе, я его сведу. Потомъ меньше ихъ стало, а было человѣкъ до ста. Больше ничего говорить не могу. Тов. прок. Вы далеко стояли отъ толпы?—Свид. Семеновъ. Около монумента, справа.—В. Вы грамотный?—О. Нѣтъ.—В. Почему же вы знали, что земля и воля?—О. Тутъ читали люди. У насъ грамотные есть. Прис. повѣр. Бардовскій. Вы сказали, что ихъ было около ста. Кого это?— Свид. Семеновъ. А этихъ молодцовъ.—В. Почему вы узнавали ихъ, вѣдь, тутъ народа много было? Свидѣтель на этотъ и еще на другіе вопросы защитниковъ и первоприсутствующаго не могъ отвѣчать и молчалъ, и, наконецъ, сказалъ: «Я больше не могу говорить. Какъ угодно, ваше превосходительство». Прис. пов. Бардовскій. Полицейскіе вамъ знакомы?— Свид. Семеновъ. Знакомы.—В. Вы по указанію полиціи забирали, или сами?—О. Слава Богу, мы трудимся своимъ трудомъ. Защитникъ повторилъ вопросъ.—О. Я вамъ говорю, одного отвелъ въ участокъ. Прис. пов. Знаменовскій. Потомъ, что вы дѣлали?— Свид. Семеновъ. Пошелъ, чайку напился—съ горя, значитъ. Первоприсутствующій. Того человѣка, котораго вы отводили, не можете признать?—Свид. Семеновъ. Не примѣтилъ. Прис. пов. Буймистровъ. Отчего вы говорите, что съ горя пошли чаю пить?—Свид. Семеновъ. Дѣло праздничное было; мы хотѣли прежде чай пить. Свид. Ритчеръ (приставъ 1-го участка Казанской части) показалъ, что утромъ 6-го декабря онъ былъ занятъ въ управленіи участка текущими дѣлами. Около 1-го часа къ нему прибѣжалъ городовой Есипенко и заявилъ, что на площади Казанскаго собора собралась толпа народа и что изъ среды ея одинъ человѣкъ говорилъ какую-то рѣчь, на что народъ отвѣчалъ громкими

криками «ура». Онъ тотчасъ же одѣлся и отправился на площадь. По дорогѣ Есипенко добавилъ, что онъ замѣтилъ этихъ людей еще въ церкви; что они отличались своимъ костюмомъ, длинными волосами, очками и пледами, и что въ числѣ ихъ были женщины съ короткими волосами. Они обращали на себя вниманіе молящихся, переходя съ мѣста на мѣсто. Онъ хотѣлъ раньше доложить приставу и къ концу молебна хотѣлъ выйти изъ церкви, но былъ оттѣсненъ толпою отъ выхода и, такимъ образомъ, былъ нѣкоторое время задержанъ въ церкви. Выйдя на площадь, свидѣтель увидѣлъ значительную массу публики, стоявшую кучками. Въ это время къ нему подошелъ чиновникъ полиціи Васильевъ, который находился въ большомъ волненіи и объяснилъ, что онъ возвращался на квартиру, но, увидѣвъ на площади собравшуюся толпу, пошелъ туда и замѣтилъ, что изъ среды было выброшено красное знамя, услыхалъ, что говорилась рѣчь, изъ которой до него долетали отдѣльныя слова: «Чернышевскій, Лондонъ, свобода». На это толпа отвѣчала криками «ура» и «живіо». Онъ бросился въ толпу, протискался до говорившаго и уже наложилъ на него руку, но въ это время получилъ такой сильный ударъ, что упалъ на-земь, гдѣ его стали бить. Одежда его была въ безпорядкѣ: вся въ снѣгу, часть воротника оторвана. Потомъ къ свидѣтелю подошли нѣкоторые изъ публики и заявили, что многіе изъ участвовавшихъ въ толпѣ побѣжали по Невскому и вошли въ домъ Лѣсникова. Онъ отправился туда, чтобы сдѣлать осмотръ, но на встрѣчу ему попались какіе-то два человѣка, ведущіе третьяго. Этотъ третій оказался Гервасій. Ведущіе объяснили, что это лицо держало знамя. Васильевъ это подтвердилъ, а Гервасій отрицалъ, но какъ-будто догадывался, почему онъ задержанъ. Онъ заявилъ, что стоялъ и видѣлъ издалека безпорядокъ, что въ это время какое-то лицо, проходя мимо его, сорвало съ него шапку, надѣло на него другую и накинуло пледъ, который онъ тутъ и передалъ свидѣтелю. При этомъ онъ замѣтилъ, что недоразумѣніе произошло отъ того, что на говорившемъ была такая же шляпа, которую проходившій человѣкъ надѣлъ на него. Но Васильевъ утверждалъ, что онъ узнаетъ Гервасія. Затѣмъ свидѣтель увидалъ, что ведутъ двое мужчинъ какую-то женщину. Волосы ея были растрепаны, одежда въ безпорядкѣ, такъ что вся эта процессія имѣла весьма непривлекательный видъ. Свидѣтель приказалъ отпустить ей руки, замѣтивъ, что она сама пойдетъ. Ведущій ему объяснилъ, что эта женщина нанесла удары околоточному. Въ это время подошелъ къ нимъ Успенскій, который подтвердилъ это заявленіе. Затѣмъ свидѣтель просилъ стоявшую публику разойтись, и, когда всѣ стали расходиться, онъ отправился въ управленіе участка. Туда было приведено до двадцати мужчинъ и до десяти женщинъ. Они были отдѣлены другъ отъ друга. Принималъ ихъ помощникъ пристава. Затѣмъ къ свидѣтелю явился сторожъ участка и принесъ револьверъ съ вырваннымъ барабаномъ, объяснивъ, что одинъ изъ задержанныхъ сильно сопротивлялся и, когда привели его въ участокъ, онъ направилъ дуло пистолета въ сторожа Клибика, который схватилъ за барабанъ и вырвалъ его, такъ что пули высыпались. Сопротивлявшійся крѣпко держалъ пистолетъ, и пока Клибикъ вырывалъ, онъ нѣсколько разъ взводилъ курокъ и спускалъ, причемъ курокъ упадалъ на палецъ сторожа. Потомъ принесли другой револьверъ, который нашли между дверями квартиры участка, а затѣмъ Васильевъ представилъ желѣзный кастетъ. На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ, что въ то время, когда онъ просилъ публику расходиться, онъ изъ полицейскихъ штабъ-офицеровъ былъ одинъ. Подойдя къ одной кучкѣ, онъ просилъ разойтись; всѣ подвинулись, но одинъ молодой человѣкъ, въ фуражкѣ съ чернымъ околышемъ, остался впереди. Свидѣтель попросилъ его уходить, но онъ просилъ сказать при-

чину, почему его удаляютъ. На это свидѣтель отвѣтилъ, что всякая сходка есть нарушеніе порядка, а потому онъ проситъ уйти. На это молодой человѣкъ сказалъ, что просьбу можно и не исполнить. «Такъ я вамъ приказываю», сказалъ свидѣтель. Въ это время кто-то изъ публики сказалъ, что этотъ господинъ отвѣчаетъ очень рѣзко, и что онъ одинъ изъ тѣхъ, которые были въ толпѣ. Свидѣтель приказалъ его взять, и его отвели въ участокъ. Фразы, приписываемыя свидѣтелю и сказанныя будто бы имъ молодому человѣку, что онъ можетъ попасть не домой, а съ нимъ, свидѣтелемъ,—послѣдній не говорилъ. Узнать этого человѣка въ числѣ подсудимыхъ свидѣтель не могъ и хорошо эту личность не помнитъ. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что въ день 6-го декабря былъ морозъ градусовъ до десяти; тумана не было; день былъ вообще средній. Въ участкѣ мужчины находились въ темной комнатѣ, отдѣленной отъ другой тонкою перегородкою. Когда стали развозить арестованныхъ по мѣстамъ заключенія, то Боголюбовъ заявилъ, что его побили и просилъ освидѣтельствовать. Генералъ Козловъ предложилъ ему заявить объ этомъ тамъ, куда онъ будетъ доставленъ. Побитые чины полиціи были освидѣтельствованы въ тотъ же день вечеромъ. Пока арестованные находились въ темной комнатѣ, свидѣтель никакого крика оттуда не слыхалъ. Подс. Боголюбовъ. Но вы приходили на мои крики въ комнату, когда меня били. Свид. Ритчеръ. Нѣтъ, я къ вамъ не приходилъ. Далѣе свидѣтель показалъ, что арестованныхъ приводили въ участокъ большею частью частныя лица. Былъ ли кто-либо изъ арестованныхъ отпущенъ вслѣдствіе оказавшейся ошибки при взятіи—свидѣтелю неизвѣстно. Былъ только такой случай: изъ трактира того дома, гдѣ находится участокъ, вышли два человѣка, которые стали толкаться въ публикѣ, наполнявшей Конюшенную улицу. Когда ихъ просили уходить, то они не хотѣли. Вслѣдствіе этого городовой привелъ ихъ въ участокъ. Но въ виду того, что и безъ нихъ было много дѣла (въ участкѣ была масса народа, суета), свидѣтель приказалъ ихъ освободить. Когда приводили арестованныхъ съ площади, то по возможности записывались тѣ лица, которыя приводили. На другой день къ свидѣтелю явился одинъ изъ носильщиковъ (Ефимовъ) и заявилъ, что онъ можетъ дать показаніе. Поэтому свидѣтель отправилъ его въ жандармское управленіе. При дознаніи свидѣтелю предъявляли десять или одиннадцать женщинъ, но онъ призналъ только одну—Шефтель. Молодой человѣкъ, котораго свидѣтель приказалъ арестовать, не говорилъ особенно дерзкихъ словъ, но дерзкимъ свидѣтель находилъ его тонъ и вообще поведеніе. Рана Клибика была незначительная: крови было не много. Актовъ о задержаніи не было составляемо, а только въ книгу записывались тѣ, кто приводилъ. Впрочемъ, всѣ ли были записаны —свидѣтель не знаетъ. Когда предвидится большое стеченіе публики, то посылаются агенты сыскного отдѣленія. Были ли они 6-го декабря—свидѣтелю неизвѣстно. Свидѣтель слышалъ, что будто бы въ числѣ арестованныхъ есть лицо, служащее въ секретномъ отдѣленіи, но свидѣтель достовѣрно этого не знаетъ, потому что ему неизвѣстны всѣ агенты отдѣленія. Прис. пов. Неклюдовъ просилъ особое присутствіе выдать ему свидѣтельство для полученія относительно защищаемаго имъ подсудимаго справки изъ той книги участка, въ которую записывались приводившіе арестованныхъ. Пом. прис. пов. Граціанскій присоединился къ этому заявленію относительно своего кліента. Прис. пов. Бардовскій (къ свидѣтелю). Вы видѣли Боголюбова въ участкѣ: въ какомъ онъ видѣ былъ?—Свид. Ритчеръ. Видно было, что помятъ. Лицо въ крови было.—Подс. Боголюбовъ. Я вамъ не заявлялъ, что меня били?—Свид. Ритчеръ. Заявляли, когда васъ увозили. Затѣмъ особое присутствіе удалилось для совѣщанія, и по выходѣ первоприсутствующій объявилъ, что, выслушавъ заявленія за-

щиты относительно справокъ, присутствіе опредѣлило вытребовать полицейскую книгу къ завтрашнему засѣданію.

Свид. Успенскій (околоточный надзиратель) показалъ, что 6 декабря онъ съ 6 часовъ утра стоялъ на Невскомъ проспектѣ и слѣдилъ за работами, тамъ производившимися, вплоть до проѣзда Его Императорскаго Величества. Когда Государь изволилъ проѣхать, онъ пошелъ въ участокъ, и, возвращаясь оттуда, встрѣтился съ городовымъ, который сказалъ ему, что на площади бунтуютъ. Онъ отправился туда. Тамъ онъ увидѣлъ Васильева, подходящаго къ толпѣ, которая шла отъ собора къ памятнику Кутузова. Кто-то его ударилъ, и онъ упалъ. Свидѣтель побѣжалъ черезъ Невскій, потерялъ дорогой даже галоши, и впереди толпы увидѣлъ женщину, которая встрѣтила его пощечинами; кто-то схватилъ за глотку и кто-то ударилъ въ голову; вообще стали его бить, такъ что перебили ему сухожиліе на ногѣ. Но онъ успѣлъ схватить женщину, которую передалъ пѣвчему Казанскаго собора Богданову, и еще двухъ или трехъ лицъ передалъ кому-то изъ публики. Съ него сорвали шашку и кепи. Затѣмъ онъ бросился за однимъ господиномъ и, догнавъ его около часовни у Гостинаго Двора, арестовалъ. Потомъ задержалъ еще нѣкоторыхъ. На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ, что, выбѣжавъ на площадь, онъ видѣлъ, что изъ толпы что-то поднималось. Замѣтилъ, что поднимали какого-то человѣка въ полушубкѣ и красный кусокъ какой-то матеріи. Тов. прок. Кто васъ билъ?—Свид. Успенскій. Боголюбовъ и, какъ я прежде указывалъ, Надеждинъ, но теперь относительно Надеждина я утвердительно не могу сказать. Въ то время я былъ въ весьма возбужденномъ состояніи и могъ ошибиться. Теперь же, по совѣсти, утверждать не могу. Что же касается г. Боголюбова, то я утверждаю, что онъ дѣйствительно меня билъ.—В. Потомъ еще кто?—О. Одна дама, блондинка.—Первоприсутствующій. Вы можете ее узнать?—Свид. Успенскій (показываетъ на первую изъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ—Шефтель). Я передалъ ее Богданову. Но на него напало человѣкъ пять, тогда я шашкой сталъ отбивать его отъ нихъ.—Первоприсутствующій. Кого еще можете узнать изъ подсудимыхъ?—Свидѣтель указываетъ на Бибергаля, Николаевскую, Григорьева и Громова. Подс. Боголюбовъ. Въ чемъ я былъ?—Успенскій. Не могу припомнить.—В. Вы твердо увѣрены, что именно я васъ билъ?—О. Да. Вы схватили меня за глотку и оборвали петлички. Я васъ хорошо запомнилъ. Отъ всѣхъ остальныхъ, которые меня били, я отбился какъ нельзя лучше, а отъ васъ не могъ.—Подс. Григорьевъ. Меня даже ружьемъ били. Онъ взялъ ружье у солдата и замахивался на меня. Еще двое изъ подсудимыхъ заявили, что свидѣтель билъ ихъ. Свид. Успенскій. Я долженъ сказать, что ни одинъ солдатъ, который прослужилъ хотя два дня, стоя на часахъ, никому не дастъ взять у него ружье. Это неправда. —Подс. Громовъ. Я имѣлъ дѣло съ свидѣтелемъ, когда онъ производилъ обыскъ. При обыскѣ онъ и городовой образовали изъ себя заставу: сначала одинъ ударилъ, потомъ другой; потомъ, когда начали обыскивать, то просто отрывали карманы. Я спрашивалъ его, на какомъ основаніи онъ бьетъ меня: увѣренъ ли онъ, что я лицо виновное? Онъ сказалъ, что не увѣренъ. Тутъ стоялъ солдатъ съ ружьемъ, который сказалъ ему: господинъ, не «пускайте крови», т. е. чтобы билъ такъ, чтобы не пускать крови. Свид. Успенскій. Я былъ командированъ по распоряженію пристава произвести обыскъ. Въ то время на это никто не рѣшался, потому что у Боголюбова былъ найденъ револьверъ, потомъ ножи были найдены. Въ комнатѣ ихъ было двадцать два человѣка. Мы предполагали, что у каждаго есть оружіе. Когда я отворилъ дверь, то вся толпа двинулась ко мнѣ. Я сказалъ, чтобы выходили по одному, но никто не шелъ, и я сталъ вы-

таскивать силой по одному. При обыскѣ у одного я нашелъ бумагу, которая указываетъ на ихъ сговоръ. Потомъ была найдена изорванная записка, еще болѣе важная.—Подс. Громовъ. Нѣкоторые не соглашались выходить, потому что били тѣхъ, которые выходили. Когда Боголюбова обыскивали, онъ кричалъ. Поэтому мы всѣ опасались.—Первоприсутствующій. Вы развѣ знали Боголюбова?—Подс. Громовъ. Его фамилія произносилась. Его били буквально два часа; били безъ всякой причины; били ужасно. Онъ просилъ оставить, но они продолжали бить. Мы кричали: господа, перестаньте бить. Кто-то сказалъ, что у него пистолетъ. Потомъ его втолкнули къ намъ въ каморку. Я видѣлъ его окровавленнаго. При этомъ Успенскій отпускалъ разныя пошлости. Я удивляюсь, какъ такой человѣкъ приведенъ сюда свидѣтелемъ.—Первоприсутствующій. Это не ваше дѣло.—Тов. прок. Показаніе, данное вами на дознаніи, вы подтверждаете?—Свид. Успенскій. Подтверждаю, за исключеніемъ Надеждина. Во второй разъ, какъ меня призывали, изъ трехъ предъявленныхъ мнѣ лицъ я не могъ узнать, котораго видѣлъ. Они нѣсколько схожи, и я смѣшивалъ ихъ. Я былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи... Когда человѣка бьютъ, понятно, что будетъ возбужденъ.—Подс. Григорьевъ (къ первоприсутствующему, указывая на свидѣтеля). Моя личность должна быть имъ знакома, потому что они очень меня били: разъ ударилъ по глазу, а другой по носу.—Тов. прок. У васъ лицо было въ порядкѣ?—Свид. Успенскій. Меня свидѣтельствовалъ врачъ. У меня было два рога: одинъ разсѣченный, а другой вздутый.—В. Скоро ли послѣ заарестованія пріѣхали генералъ Козловъ и прокуроръ судебной палаты?—О. Вскорѣ, такъ черезъ часъ или съ чѣмъ-нибудь.—Свид. Успенскій, на вопросы прис. пов. Бардовскаго, показалъ, что онъ пришелъ, когда уже одна часть толпы сошла съ лѣстницы собора, а другая, предшествуемая дамой, шла около памятника Кутузова. Когда свидѣтель перебѣгалъ Невскій, онъ слышалъ въ толпѣ возгласы: «виватъ коммуна!», «Лондонъ!», «pereat полиція!». Въ чемъ выражалось участіе Гервасія—свидѣтель съ достовѣрностью сказать не можетъ, но только ему врѣзалась въ память его физіономія. Онъ раньше хотѣлъ схватить его, но это не удалось. Вскорѣ по отправленіи Шефтель, подсудимый Боголюбовъ схватилъ свидѣтеля за глотку, потомъ онъ попалъ въ толпу и очутился на Казанскомъ мосту. Въ чемъ былъ одѣтъ Боголюбовъ—онъ не припомнитъ. Когда онъ пришелъ въ участокъ, то нашелъ Боголюбова лежащимъ на заваленкѣ, и его все еще не могли укротить. На замѣчаніе о томъ, что свидѣтель на дознаніи твердо показалъ на Надеждина, какъ на участника, свидѣтель отвѣтилъ: Да; но теперь, по принятіи присяги и на томъ основаніи, что Надеждинъ говоритъ, что онъ тамъ не былъ, а также вслѣдствіе сходства въ личностяхъ, я могу ошибиться—дѣйствительно ли это былъ Надеждинъ или другой. В. Не допускаете ли вы возможности ошибки въ отношеніи Боголюбова?—О. Нѣтъ, я его хорошо помню.—В. Кто доставилъ его въ участокъ?—О. Не знаю, онъ былъ уже тамъ, когда я пришелъ.—В. Слова: «pereat полиція» кто изъ подсудимыхъ произносилъ?—О. Не знаю, я слышалъ ихъ въ то время, когда меня ударили.—Подс. Григорьевъ. Я сомнѣваюсь въ личности свидѣтеля: тотъ былъ въ формѣ, а этотъ теперь въ штатскомъ и въ очкахъ.—Первоприсутствующій. Судъ не сомнѣвается.—Подс. Боголюбовъ. Какой видъ былъ у меня въ участкѣ?—Свид. Успенскій. Не такой, какъ теперь.—В. Кровь шла у меня?—О. Да, вѣроятно.—В. Кровь шла?—О. Да.—В. Я утиралъ платкомъ?—О. Можетъ быть.—В. Вы должны помнить; вы нравоученіе мнѣ читали тогда.—О. Послѣ, можетъ быть.—В. Нѣтъ, въ то время вы говорили мнѣ, что «васъ въ третьемъ отдѣленіи высѣкутъ».—О. Нѣтъ, я этого не говорилъ.—Подс. Григорьевъ. Онъ говорилъ: «но-

жами бы ихъ—хорошо бы было...»—Подс. Шефтель (перебивая). Помните ли вы, какъ прежде чѣмъ сказали мнѣ что-нибудь, вы сбили мнѣ шляпу?—Свид. Успенскіи. Этого не могу сказать. Я показываю правду передъ судомъ, какъ, принявшій присягу. Когда я подошелъ къ вамъ, я сказалъ: «что вы дѣлаете?» и тутъ еще кое-что сказалъ, а вы по лицу ударили меня обѣими руками. Но я до васъ не дотрогивался, потому что въ то время еще не зналъ, за кого была публика: за насъ или за васъ. Публики было очень много, и она стояла въ недоумѣніи.—В. Какъ же, я безъ шляпы была?—О. Говорятъ, что васъ тащили человѣкъ десять. Поэтому естественно, что вы были безъ шляпы; но я отъ васъ получилъ двѣ плюхи хорошихъ.—Прис. пов. Неклюдовъ. Вы здѣсь признали Боголюбова, Гервасія и Бибергаля, а относительно другихъ не можете съ полною достовѣрностью указать?—Свид. Успенскій. Когда я былъ вскорѣ въ участкѣ, то я могъ узнать многихъ, но теперь утвердительно сказать не могу.—В. Изъ тѣхъ, которыхъ вы вполнѣ достовѣрно признавали, не можете ли назвать еще кого?—О. Нѣкоторыхъ я здѣсь не вижу (смотритъ на подсудимыхъ). Больше никого. (Затѣмъ свидѣтель указалъ на Григорьева и Громова.) Еще былъ третій, котораго здѣсь нѣтъ, и вотъ я ихъ смѣшивалъ.—Прис. пов. Архангельскій. Вы указывали на Николаевскую; гдѣ вы ее видѣли?—Свид. Успенскій. У памятника Кутузова.—В. Она впереди шла?—О. Да.—В. Почему она осталась у васъ въ памяти?—О. Стриженные волосы, черная барашковая шапочка... Сначала публика обращалась къ намъ и говорила, какъ можно такъ обращаться, но когда мы объяснили, въ чемъ дѣло, и заявили, что насъ бьютъ, тогда уже и полиціи не нужно было, потому что сама публика заступилась за насъ и забирала. Далѣе на вопросы защитниковъ свидѣтель показалъ, что Шефтель шла впереди толпы, но предводительствовала ли, или нѣтъ—свидѣтель не знаетъ. Кромѣ словъ: «что вы дѣлаете?», свидѣтель сказалъ еще: «вздумали бунтоваться!» или что-то въ родѣ этого, но дерзостей не говорилъ. Свидѣтель воспитывался въ семинаріи и потому латинскій языкъ ему извѣстенъ. Какъ только онъ передалъ Шефтель, на него напали и оборвали шашку, но онъ успѣлъ ее вернуть и держалъ въ рукахъ. Когда нѣсколько человѣкъ напало на Богданова, который бралъ Шефтель, то свидѣтель сталъ его отбивать и ударялъ шашкой въ ножнахъ по рукамъ. Этимъ ему удалось освободить Богданова, котораго сильно били. Свидѣтель не говорилъ толпѣ—разойтись. Въ первомъ своемъ показаніи онъ только предположительно сказалъ, что знамя, кажется, было на древкѣ. Онъ видѣлъ только лоскутъ. Принималъ ли какое-нибудь дѣйствіе Бибергаль—свидѣтель не знаетъ, онъ только видѣлъ, что Бибергаль былъ въ толпѣ. —Подс. Громовъ. Когда насъ вывели изъ каморки, то Успенскій сказалъ о женщинахъ такъ, что я считаю нужнымъ умолчать при публикѣ. Въ началѣ публика не смѣшивалась съ толпою и стояла поодаль.—Подс. Николаевская. Вы говорите, что примѣтили меня по короткимъ волосамъ, а развѣ тамъ не было другихъ женщинъ съ короткими волосами?—Свид. Успенскій. Похожей на васъ не было: кто былъ выше, кто блондинка. Вообще, я вашу личность замѣтилъ.—Прис. пов. Буймистровъ. Васъ свидѣтельствовалъ врачъ Бенуа въ этотъ же день?—Свид. Успенскій. Да.—В. Не извѣстно ли вамъ, что онъ призналъ, что найденные на васъ знаки принадлежатъ къ легкимъ поврежденіямъ, не имѣющимъ вреднаго вліянія на здоровья? —О. Нога у меня болитъ и до сихъ поръ.—Прис. пов. Гантоверъ. Сколько лицъ было отправлено изъ участка въ домъ предварительнаго заключенія?—Свид. Успенскій. Мужчинъ 21 или 22 и 11 женщинъ.—В. Не замѣчали ли вы въ числѣ арестованныхъ кого-нибудь въ полушубкѣ?—О. Нѣтъ, не видалъ.—Прис. пов. Бардовскій обратилъ вниманіе особаго присутствія

на то, что въ обвинительномъ актѣ на 10 страницѣ говорится, что будто бы Ритчеръ и Успенскій показали, что Гервасій дрался въ толпѣ и махалъ флагомъ, но оба эти свидѣтеля подтвердили здѣсь что они этого не видали.—Подс. Бибергаль. Я хочу разъяснить, какъ было, не оправдывая себя, а какъ свидѣтель. Я былъ въ соборѣ. Въ своей защитѣ я не буду говорить о томъ, какъ я узналъ, что въ Казанскомъ соборѣ предполагается панихида. Между прочими отправился и я туда. Послѣ окончанія молебна начали выходить по очереди. Я не зналъ, что будетъ говориться рѣчь, и направился уходить. Но мы услышали голосъ: «господа, вернитесь!» Движимый любопытствомъ, я вернулся и тогда слышалъ рѣчь. Въ это время въ портикѣ собора стояли городовой и надзиратель. Они стояли совершенно спокойно, когда кучка была еще маленькая. Они какъ будто ждали, чтобы совершилось то, что совершилось, чтобы потомъ хватать и бить. Времени было достаточно, чтобы предупредить случившееся, потому что рѣчь продолжалась значительное время, но никто этого не сдѣлалъ. Я заявляю, что многіе изъ насъ уже разошлись, потому что не знали, что будетъ произноситься рѣчь. Она произносилась какъ желаніе одного, который выразилъ сожалѣніе, что многіе люди погибаютъ, но ничего не говорилъ враждебнаго правительству.—Первоприсутствующій. Какъ же это такъ? Что вы называете «враждебнымъ правительству?»—Подсуд. Бибергаль. Выразить враждебное—это значитъ ругательство. В. Только въ этомъ вы понимаете враждебность?—О. Приглашаютъ что-нибудь сдѣлать. Но тутъ человѣкъ выражаетъ лишь уваженіе къ человѣку, который погибаетъ въ каторгѣ. —В. Слѣдовательно, вы были въ соборѣ?—О. Да.—В. Вышли изъ собора и видѣли, какъ собрались люди и потомъ одинъ изъ нихъ сталъ говорить рѣчь?—О. Да.—В. Вы обратили на это вниманіе, вернулись и слушали рѣчь? —О. Да, но я слышалъ не всю.—В. Какъ же васъ взяли?—О. Я выслушалъ рѣчь и двинулся итти домой, обернулся какъ-то и увидѣлъ знамя; мимолетно я остановился посмотрѣть. Въ это время раздались свистки; прибѣжали городовые, и не то, чтобы публика, а дворники стали хватать и бить. Я не дрался, но если бы кто-нибудь меня ударилъ, я не смолчалъ бы. Меня держали дворникъ и городовой за руки.—В. Какъ же это васъ безъ всякаго повода взяли?—О. Видите ли, у меня пальто потертое: я съ виду смахиваю на студента.—В. Только поэтому?—О. Я увѣренъ, что если бы полиціи приказали, то она забрала бы всѣхъ студентовъ на улицѣ.—Первоприсутствующій. Вы не можете знать, что сдѣлала бы полиція.—Подс. Григорьевъ. Я стоялъ на панели; ко мнѣ подошли двое господъ и кинулись съ крикомъ «полякъ». Я просилъ объяснить «за что», но мнѣ говорили одно: «ты полякъ, иди въ участокъ». Меня встрѣчали кулаками, хватали за волосы.—В. Вы только это имѣете заявить?—О. Я сунулся въ карманъ; тамъ книжка была, но ея не оказалось.—Подс. Гуровичъ. Для того, чтобы особому присутствію ясно представилось, какъ безчеловѣчно съ нами обращались...—Первоприсутствующій. Вы могли объ этомъ заявить, когда я васъ спрашивалъ. Садитесь.—Свид. Васильевъ (полицейскій чиновникъ) показалъ, что 6 декабря онъ возвращался изъ участка и, не доходя до Невскаго проспекта, ему встрѣтился городовой Есипенко, который сказалъ, что на площади происходитъ бунтъ. Свидѣтель приказалъ ему бѣжать къ приставу, а самъ онъ бросился на площадь. У церкви на возвышеніи онъ увидѣлъ человѣка, который махалъ флагомъ. Пока онъ подбѣжалъ ближе, толпа уже двинулась отъ собора по направленію къ памятнику Кутузова, и это шествіе имѣло видъ процессіи. Въ толпѣ онъ увидѣлъ человѣка въ сѣрой шапкѣ, который, какъ ему показалось, держалъ раньше этого знамя; онъ протолкался къ нему и только что схватилъ, чтобы его арестовать, какъ ему нанесенъ былъ ударъ, отъ котораго онъ упалъ.

Тогда его стали топтать ногами, и когда онъ вскочилъ на ноги, то увидѣлъ, что в кругъ него происходитъ общая свалка. Свидѣтель не помнитъ, какимъ образомъ ему пришлось очутиться у самаго собора. Послѣ побоевъ онъ былъ чрезвычайно взволнованъ и растерянъ. Потомъ онъ очутился на углу Невскаго проспекта и уже здѣсь задержалъ нѣкоторыхъ лицъ, по указанію публики, а именно двухъ человѣкъ, которыхъ самъ прежде видѣлъ въ толпѣ, именно Гервасія, который, на сколько помнитъ свидѣтель, находился въ толпѣ, но онъ ли былъ съ флагомъ—утвердительно сказать не можетъ. При его арестѣ онъ былъ безъ шапки. Въ то время изъ публики голоса кричали: «вы не ошиблись, онъ былъ съ флагомъ». Затѣмъ свидѣтель арестовалъ женщину, которую видѣлъ въ толпѣ и которая оказалась Ильяшенко, и, наконецъ, взялъ еще двухъ, по указанію артиллерійскаго офицера. Кто-то сказалъ, что одинъ изъ этихъ послѣднихъ бросилъ кастетъ. Свидѣтель нашелъ его и представилъ приставу. Одинъ изъ нихъ есть подсудимый Тимофеевъ, а другого свидѣтель не помнитъ. На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ, что онъ увидѣлъ, какъ махали знаменемъ отъ дома Гансена, т. е. чрезъ всю площадь. Онъ схватилъ ту личность, которая, какъ ему казалось, держала флагъ, но его ударили, онъ упалъ а этотъ человѣкъ скрылся. Онъ кричалъ, чтобы его задержали. Изъ подсудимыхъ свидѣтель призналъ Тимофеева, Гервасія и Шефтель. Тов. прок. Выдавались они чѣмъ-нибудь изъ толпы?—Свид. Васильевъ. Г-жа Шефтель шла впереди всѣхъ и кричала, но что—не помню. (Затѣмъ свидѣтель, осмотрѣвъ еще разъ подсудимыхъ, указалъ на Николаевскую). Она также шла почти впереди, за Шефтель, и тоже кричала. В. Почему же вы задержали Ильяшенко?—О. Она торопилась уйти съ какимъ-то мужчиной, который ушелъ. Вообще вся ея фигура показалась подозрительною.—В. Почему же его не задержали?—О. Не умѣю объяснить. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что былъ ли флагъ на древкѣ—онъ не видѣлъ. Личность, находившаяся около флага или махавшая имъ, была очень похожа на Гервасія. Вначалѣ публика вообще не принимала участія въ движеніяхъ толпы, такъ что между нею и толпою было разстояніе въ пять или шесть саженъ. Когда у дома Лѣсникова онъ арестовалъ Гервасія по указанію публики, то кому онъ передалъ его—не помнитъ. Тимофеева въ толпѣ свидѣтель не видалъ, и онъ былъ арестованъ по указанію артиллерійскаго офицера уже тогда, когда свалка кончилась. Офицеръ этотъ сказалъ свидѣтелю, что двое какихъ-то молодыхъ людей прячутся подъ воротами дома. Онъ отправился, и, дѣйствительно, подъ воротами шведской церкви увидѣлъ двухъ людей. Прис. пов. Полуянскій. Такъ что вы повѣрили неизвѣстному офицеру и арестовали этихъ людей? —Свид. Васильевъ. Я не имѣлъ причины ему не вѣрить.—В. Не были ли арестованы другія лица, которыхъ потомъ отпустили?—О. Раньше я задержалъ, по указанію публики, г-жу Товбичъ, которая является здѣсь свидѣтельницей; ее изъ участка освободили. Далѣе свидѣтель показалъ, что по окончаніи схватки какая-то женщина переходила отъ одной кучки къ другой. Кто-то сказалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ той толпѣ, которая шумѣла на площади. Свидѣтель спросилъ ее, что ей угодно. Она отвѣтила, что хочетъ знать, что происходило. Свидѣтель арестовалъ ее и отослалъ въ участокъ одну. Подсудимаго Иванова свидѣтель не призналъ и объяснилъ, что на дознаніи онъ на него не указывалъ. Прис. пов. Архангельскій. Вы задержали Николаевскую?—Свид. Васильевъ. Нѣтъ, я только видѣлъ ее въ толпѣ у монумента Кутузова.—В. Вы сказали, что она кричала?—О. Тутъ почти всѣ кричали.—В. Но кричала ли именно она? —О. Указать какъ на отдѣльную личность—не могу; помню, что она выдавалась изъ другихъ какъ-то особенно своими манерами. Кто ее задер-

жалъ—не знаю. Пом. прис. пов. Граціанскій. Кромѣ уже сказанныхъ вами личностей, вы не признаете никого изъ сидящихъ здѣсь?—Свид. Васильевъ (осмотрѣвъ еще разъ подсудимыхъ). Признаю вотъ этого (показываетъ на Новаковскаго). Я видѣлъ его въ толпѣ.—В. Новаковскій что-нибудь дѣлалъ?—О. Нѣтъ, я видѣлъ его только въ толпѣ.—В. Когда это было въ которомъ часу?—О. Около часу. На вопросы прис. пов. Турчанинова свидѣтель показалъ, что рѣчи не слышалъ. До прихода его изъ полицейскихъ было только двое или трое городовыхъ; изъ нихъ Моквинъ давалъ свистки. Свидѣтель сказалъ городовымъ просто: «задерживайте», не указывая ни на кого. Толпу онъ не приглашалъ расходиться. Подс. Новаковскій. Въ то время, когда вамъ предъявляли меня на дознаніи, вы показали, что моя наружность вамъ незнакома и признаете только по шубѣ. Почему же вы теперь указываете на мою личность? Можете ли вы утвердительно сказать, что помните мое лицо и видѣли меня на площади, или вы видѣли меня уже въ участкѣ?—Свид. Васильевъ. Потому что я видѣлъ вашу личность въ судебной палатѣ, но раньше признавалъ васъ по шубѣ.—В. На какомъ мѣстѣ вы меня видѣли?—О. Не припомню; вообще, въ толпѣ, во время схватки.—В. Что дѣлала въ это время толпа?—О. Отбивалась отъ полиціи и носильщиковъ. Одна часть толпы отъ собора двинулась къ памятнику, а другая оставалась на мѣстѣ и завязала драку съ городовыми, какъ бы желая дать время уйти переднимъ. Далѣе свидѣтель показалъ, что на дознаніи ему пред являли подсудимыхъ въ той одеждѣ, въ которой они были взяты, причемъ они надѣвали свои головные уборы. Въ то время онъ узналъ восемь человѣкъ: пять мужчинъ и трехъ женщинъ. У дома Лѣсникова, послѣ задержки студента Граматина, свидѣтеля ударила какая-то женщина, но кто—онъ не знаетъ. Гервасій былъ задержанъ въ пальто, безъ шляпы. На томъ человѣкѣ, который махалъ знаменемъ, была сѣрая мѣховая шапка или шляпа—свидѣтель хорошенько не замѣтилъ. Когда записывалъ подсудимыхъ въ Казанскомъ участкѣ, свидѣтель видѣлъ физіономію Боголюбова въ синякахъ и съ всклокоченными волосами. По распоряженію первоприсутствующаго, подс. Ивановъ надѣлъ пальто и шапку. Свидѣтель осмотрѣлъ его, но признать не могъ. Прис. пов. Неклюдовъ обратилъ вниманіе на то, что Васильевъ какъ теперь, такъ и на дознаніи не признавалъ Иванова. Прис. пов. Знаменовскій. Чрезъ кого была арестована Товбичъ?—Свид. Васильевъ. Не помню. Взялъ ее я, но велъ ее, кажется, городовой Осиповъ.—В. Съ ней не было мужчины?—О. Народу было такъ много, что трудно припомнить.—Подс. Боголюбовъ. Когда вы записывали наши адреса, не слышали ли въ то время мое заявленіе, что насъ били городовой и Успенскій?—Свид. Васильевъ. Что то вы заявляли, но хорошо не помню, что именно. Нѣкоторые подсудимые заявили, что они также жаловались на то, что ихъ били. Свид. Влезковъ (студентъ) показалъ: между половиною перваго и вторымъ часомъ дня 6 декабря я шелъ по Казанской улицѣ и подходилъ къ Невскому. На площади я увидѣлъ нѣсколько кучекъ народа, приблизительно отъ пяти до десяти человѣкъ въ каждой. Я поинтересовался узнать, въ чемъ дѣло. Съ перваго раза я подумалъ, что случилось какое-нибудь происшествіе, напр., не переѣхали ли кого-нибудь. Подойдя къ одной кучкѣ я спросилъ, въ чемъ дѣло, но мнѣ не могли объяснить хорошенько: сказали, что изъ Казанскаго собора хотѣли вынести турецкія и персидскія знамена. Я отправился къ другой кучкѣ. Въ это время я встрѣтилъ Надеждина, поздоровался съ нимъ, но обмѣнялись ли мы нѣсколькими словами или нѣтъ—не помню. Когда я подошелъ ко второй кучкѣ, стоявшей на панели Невскаго проспекта, противъ дверей собора, то со стороны Невскаго подошелъ полицейскій чиновникъ, если не ошибаюсь, тотъ, который находится въ числѣ

свидѣтелей, и предложилъ намъ разойтись, но нѣкоторые изъ бывшихъ въ кучкѣ попросили его разсказать, въ чемъ дѣло. Онъ сказалъ, что самъ не знаетъ, а что когда будетъ сдѣланъ допросъ арестованнымъ, тогда объяснится. Его стали просить, чтобы онъ разсказалъ, что ему извѣстно, и онъ объяснилъ, что вышло нѣсколько человѣкъ изъ собора; одинъ говорилъ рѣчь, другой выбрасывалъ красный флагъ. Когда окончились эти объясненія, къ этой кучкѣ подошелъ и Надеждинъ, который слышалъ, вѣроятно, послѣднія слова полицейскаго чиновника; кажется, это былъ приставъ. Когда онъ окончилъ объясненіе, Надеждинъ обратился къ нему съ вопросомъ о причинѣ сборища. Приставъ предложилъ ему итти домой. Онъ отвѣтилъ, что пойдетъ, но на это приставъ отвѣтилъ, что вопросъ раздвояется: или онъ пойдетъ домой, или съ нимъ. Надеждинъ спросилъ: «зачѣмъ я пойду съ вами». Тогда приставъ взялъ его за край пальто и передалъ полицейскому солдату. Надеждинъ пошелъ за городовымъ, не сопротивляясь, а я пошелъ домой. Тов. прок. Гдѣ вы живете?— Свид. Влезковъ. На Николаевской улицѣ, № 18.—В. Почему васъ нельзя было разыскать въ Петербургѣ.—О. Не знаю.—В. Когда вы прописались?—О. Въ первыхъ числахъ декабря.—В. Послѣ 6-го или раньше?—О. Кажется, 5-го или 4-го. —В. А не 8-го?— О. Не обратилъ на это вниманія.—В. Какъ вы появились потомъ въ числѣ свидѣтелей?—О. Меня потребовали 21-го числа телеграммой на 22-е.— В. А передъ тѣмъ вы не являлись къ шефу жандармовъ лично?—О. Являлся съ инспекторомъ института, такъ какъ онъ узналъ, что я былъ на площади, изъ моего разсказа бывшему моему профессору, который передалъ инспектору.—В. Вслѣдствіе этого инспекторъ и поѣхалъ съ вами къ шефу жандармовъ?—О. Да.—В. Почему вы долго не прописаны были?—О. Я думалъ получить переходный листокъ со старой квартиры, заходилъ туда, но не засталъ дворника.—В. Слѣдовательно, это было неумышленно?—О. Совершенно.—В. Надеждина давно знаете?—О. Съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ институтъ.—В. Знали вы его фамилію до того или нѣтъ?—О. Зналъ.—В. Отчего же при дознаніи вы показали, что не знали?—О. Я не вспомнилъ.—В. Вы даже, указавъ на мѣсто скамьи, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Надеждинъ, сказали, что вотъ этого арестовали, но не назвали фамиліи. Скажите, которое изъ вашихъ показаній вѣрно?— О. Я фамилію Надеждина зналъ настолько, что могъ припомнить ее, когда мнѣ сказали.—В. Когда съ приставомъ объяснялся Надеждинъ, то онъ вѣжливъ былъ?—О. Я не замѣтилъ, чтобы онъ былъ грубъ.—Прис. пов. Буймистровъ. Хотя вы не прописывались, но вы не скрывались?—Свид. Влезковъ. Нисколько. Инспекторъ института можетъ подтвердить, что я все время являлся въ институтъ. Даже я получилъ отъ инспектора письмо по адресу, который имѣется въ институтѣ.—В. Слѣдовательно, если бы къ вамъ пришли на квартиру, то нашли бы васъ тамъ?—О. Вѣроятно.—В. Надеждинъ на одномъ съ вами курсѣ?—О. На одномъ.—В. Когда на другой день вы пришли въ институтъ, то случайно разъяснилось, что одного изъ вашихъ взяли?—О. Я первый сказалъ объ этомъ бывшему моему профессору, имѣя въ виду, что онъ скажетъ начальству.—Свидѣтель Дубенскій (студентъ) показалъ, что давно знаетъ Надеждина—еще съ училища и семинаріи; въ прошломъ году жилъ съ нимъ три мѣсяца вмѣстѣ. Онъ прилежно занимался науками; сверхъ того, что онъ долженъ былъ знать, какъ студентъ, онъ старался узнать предметы шире. Такъ, напримѣръ, онъ старался изучить астрономію, для чего ходилъ въ публичную библіотеку, гдѣ читалъ сферическую тригонометрію. Онъ не имѣетъ рѣшительно ничего и пріѣхалъ сюда только съ пятьюдесятью рублями. Изъ семейныхъ у него есть мать и двѣ сестры. Свид. Мерцаловъ (студентъ) показалъ, что Надеждина знаетъ хорошо; нѣсколько времени жилъ

съ нимъ вмѣстѣ. Онъ занимался очень прилежно, такъ что каждый день приходилъ около 6 или 7 часовъ вечера. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что до двухъ часовъ онъ былъ въ институтѣ, а остальное время въ публичной библіотекѣ; 6-го декабря, часовъ въ 10 утра, онъ звалъ свидѣтеля въ академію наукъ въ минералогическій отдѣлъ, но свидѣтель отказался, такъ какъ былъ тамъ уже два раза. Надеждинъ сказалъ: «пойдемъ туда», такъ какъ въ этотъ день онъ готовилъ минералогію и потому хотѣлъ посмотрѣть оригиналы. Знакомыхъ у него, кромѣ свидѣтеля и еще двухъ-трехъ человѣкъ туляковъ, никого не было. Шапочное знакомство его ограничивалось человѣками тремя изъ студентовъ путей сообщенія. Свид. Ефимовъ (безсрочно-отпускной рядовой) показалъ: Я переносчикъ мебели. 6-го декабря хотѣлъ итти въ гости въ главный штабъ. Пошелъ домой, отвязалъ фартукъ и пришелъ на мѣсто, гдѣ мы постоянно стоимъ—у Казанскаго моста. Вижу, у собора собралось много публики. Я остановился. Думалъ, что ожидаютъ Государя Императора. Потомъ начали кричать «ура», а сами въ шапкахъ. Тогда я увидѣлъ, что дѣло тутъ другого рода. Я побѣжалъ въ средину толпы и не могу понять, въ чемъ дѣло. Кричатъ: «воля наша! воля наша!» Я остановился и увидѣлъ нашего же носильщика. Спросилъ его, что такое. Онъ сказалъ, что технологи бунтуютъ. Я говорю: уходить не нужно; надо сказать публикѣ, чтобы задержать. Потомъ они пошли по площади. «Держаться, говорятъ, нужно.» Одинъ городовой осмѣлился схватить одного изъ толпы: «Что, говоритъ, вы безобразите—въ участокъ». Тогда нѣсколько человѣкъ схватили его и начали бить. Я заступился и отбилъ отъ него четверыхъ. Я схватилъ одного, у котораго былъ платокъ, но онъ вывернулся, и платокъ остался у меня на рукахъ. Потомъ, когда поразгоняли всѣхъ, я уже не присутствовалъ и въ гости не пошелъ, а стоялъ на своемъ мѣстѣ. Потомъ ко мнѣ подошли три человѣка. Я замѣтилъ, что они были въ толпѣ. Спрашиваютъ меня: чѣмъ тутъ дѣло кончилось. Я сказалъ имъ нѣсколько словъ, а самъ все приглядываюсь къ нимъ, и вижу, что совершенно они были; говорю: спросите вонъ городоваго, а онъ не далече стоялъ. Думаю, что отъ нихъ будетъ. Городовой сказалъ имъ, что я только не хочу разсказывать, а что все видѣлъ. Они опять ко мнѣ. Одинъ и даетъ мнѣ 15 копеекъ и проситъ разсказать. Я говорю: которыхъ забрали, которыхъ сейчасъ возьмутъ. Они поклонились и пошли. Я показалъ городовому пальцемъ. Онъ ихъ пригласилъ въ участокъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ отвели ихъ. На другой или на третій день я явился въ полицію, принесъ платокъ и разсказалъ. На вопросъ, узнаетъ ли свидѣтель кого-либо изъ подсудимыхъ, онъ указалъ на Боголюбова, какъ на того, который далъ ему 15 копеекъ. Потомъ, посмотрѣвши пристальнѣе, заявилъ: твердо не могу сказать. Я тогда узнавалъ ихъ, что они присутствовали въ толпѣ, а теперь не могу признать. Знаю только, что вотъ этотъ (показываетъ на Боголюбова) шибко дрался. Какъ кого хватитъ—такъ тотъ и свалится. Тов. прок. Тѣхъ, кого вы признавали на дознаніи, вы вѣрно ихъ узнавали?—Свид. Ефимовъ. Я совершенно зналъ. (Снова осматриваетъ подсудимыхъ и не можетъ признать ни одного). Время порядочно прошло и одежда другая—во всемъ перемѣна.—В. Когда вамъ ихъ показывали, то они были одѣты въ верхнемъ платьѣ и въ шапкахъ?—О. Точно такъ. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что трое разспрашивавшихъ подходили къ нему часу въ третьемъ. Въ чемъ былъ одѣтъ тотъ, который далъ ему 15 коп., свидѣтель не можетъ припомнить; онъ былъ «испуганъ такъ, что ноги тряслись». Сначала не задерживали никого, а когда полиція хотѣла брать, они стали драться, и свидѣтель съ другими заступился. «Меня еще Богъ миловалъ—попало только сзади, а Кашинцову (городовому) попало и спереди и сзади». Когда городовой пригласилъ указанныхъ

выше трехъ въ участокъ, они сначала не хотѣли итти; тогда свидѣтель подошелъ и сказалъ: «вы, господа, дали мнѣ 15 коп. за разсказъ. Какъ же вы не хотите итти. Пожалуйте». Прис. пов. Гантоверъ. Вы видѣли, какъ мальчика подбрасывали?—Свид. Ефимовъ. Видѣлъ. В. Не можете ли объяснить, какъ это было?—О. Не могу объяснить. Видѣлъ только, что онъ все раскидывалъ флагъ. Его поднимутъ, кричатъ «ура», а онъ раскидываетъ надъ головами флагъ.—Тов. прок. Когда задержали трехъ лицъ, то ихъ не били?—Свид. Ефимовъ. Никакъ нѣтъ. Они смирно пошли. Они за городовымъ, а я сзади.—Прис. пов. Рычковъ. Передъ тѣмъ, какъ трое пришли къ вамъ, вы задерживали кого-нибудь? Не вспомните ли кого-нибудь изъ подсудимыхъ?—Свид. Ефимовъ. Не могу узнать.—В. Вы тогда сразу и замѣтили; что они присутствовали въ толпѣ?—О. Узналъ. Одинъ Гервасій. Онъ билъ Кашинцова и я его отпихнулъ; я такъ его запомнилъ, точно давно зналъ. Другихъ видѣлъ, что они присутствовали въ толпѣ.—Прис. пов. Бардовскій. Какой изъ себя этотъ Гервасій?—Свид. Ефимовъ. Рыжая борода; здоровый (подсудимый Гервасій—молодой человѣкъ, средняго роста, безъ усовъ и бороды).—Прис. пов. Ольхинъ. Что сталось съ тѣми 15 копейками, которыя вы получили?—Свид. Ефимовъ. Въ кошелькѣ остались. Въ полиціи у меня ихъ не взяли. Никто не признался къ нимъ. Свид. Москвинъ (городовой) показалъ: я стоялъ 6 числа противъ Казанскаго собора на посту. Въ 1-омъ часу дня молебенъ сталъ отходить, и публика начала расходиться. Смотрю—около собора сдѣлался скопъ: выкинули вродѣ флага и стали кричать «ура». Я бросился бѣжать туда. Подбѣжалъ, а толпа пошла къ Кутузову. Я пошелъ за ними и говорю: что такое, господа, дѣлаете. Задній закричалъ: «передніе, стой!» Остановились и стали меня колотить. Я подалъ свистки. Потомъ явились другіе городовые и публика, и ихъ стали забирать и доставлять въ участокъ. Тов. прок. Васъ самихъ побили?—Свид. Москвинъ. Меня очень били. —В. Не можете ли признать, кто билъ?—О. Не могу.—В. На дознаніи вы признавали кого-нибудь?—О. Призналъ троихъ.—В. Отчего вы теперь стѣсняетесь—посмотрите хорошенько? Свидѣтель осматриваетъ подсудимыхъ и указываетъ на Бочарова и Григорьева. Прис. пов. Бардовскій. Вы видѣли, какъ махали флагомъ?—Свид. Москвинъ. Видѣлъ.—В. Онъ былъ на древкѣ?—О. Не замѣтилъ.—В. Посмотрите на этихъ двухъ (Боголюбова и Гервасія), не били ли они васъ?—О. Всѣхъ нельзя признать. Тогда меня очень побили.—В. Не слыхали ли вы рѣчь, которая произносилась тамъ? —О. Какую рѣчь? Нѣтъ.—Прис. пов. Турчаниновъ. Что носильщики дѣлали?—Свид. Москвинъ. Пособляли брать въ участокъ.—В. Вы показывали, кого брать?—О. Они и сами видѣли, которые дерутся. На слѣдующіе вопросы свидѣтель показалъ, что онъ арестовалъ человѣкъ пять, передавая ихъ дворникамъ для отправленія въ участокъ. Видѣлъ, что заарестовали человѣка въ сѣрой бараньей шубѣ. Вели его городовой и кто-то изъ публики. (Подсудимый Новаковскій надѣлъ шубу, и свидѣтель призналъ его за того, который былъ арестованъ). Прис. пов. Буймистровъ. Бочаровъ васъ лично не билъ?—Свид. Москвинъ. Не могу знать: можетъ быть, попало и отъ него. Всѣ били. Трудно разобрать. Удары сыпались со всѣхъ сторонъ, какъ дождь. Такъ и клюкаютъ. (Засѣданіе было прервано до 11 часовъ утра слѣдующаго дня).

Первоприсутствующій. Вслѣдствіе заявленнаго вчера ходатайства защиты объ истребованіи изъ 1-го участка Казанской части той книги, въ которой записывались арестованныя лица, особое присутствіе истребовало эту книгу. Въ ней подъ 6-мъ числомъ записаны только адресы нѣкоторыхъ изъ свидѣтелей, вызванныхъ въ настоящее засѣданіе. Затѣмъ никакихъ другихъ указаній въ этой книгѣ нѣтъ.—Прис. пов. Полуянскій ходатай-

ствовалъ объ исправленіи нѣкоторыхъ невѣрностей въ обвинительномъ актѣ, а именно, въ обвинительномъ актѣ сказано, что подсудимый Громовъ проживалъ безъ прописки и безъ мѣста. Между тѣмъ, когда онъ содержался въ тюрьмѣ, то чрезъ прокурорскій надзоръ ему было прислано 28 руб. 90 коп., какъ заработанные имъ на фабрикѣ Голубева. Изъ квитанціи, которую защитникъ представилъ, видно, что подсудимый до 6 декабря работалъ на заводѣ.—Тов. прок. не оспаривалъ факта передачи подсудимому 28 р. 90 к. за работу на заводѣ, но оставилъ за собою право разъяснить это обстоятельство впослѣдствіи.—Прис. пов. Неклюдовъ заявилъ, что въ обвинительномъ актѣ относительно подсудимаго Иванова также есть невѣрныя свѣдѣнія. Тамъ сказано, что онъ былъ безъ мѣста, а, между тѣмъ, изъ представленнаго защитникомъ оффиціальнаго удостовѣренія видно, что Ивановъ цѣлый годъ работалъ на патронномъ заводѣ. —Свид. Трещовъ (городовой) показалъ, что 6 декабря онъ стоялъ на посту на Невскомъ противъ Большой Конюшенной, услышалъ свистокъ, а потомъ другой, и побѣжалъ на Казанскую площадь. Прибѣжавъ туда, онъ увидѣлъ, что нѣсколько человѣкъ бьютъ Успенскаго; онъ бросился отнимать его, но самъ подвергся побоямъ, причемъ ему были нанесены три раны; онъ взялъ одного изъ тѣхъ, который его билъ, и представилъ въ участокъ. Изъ числа подсудимыхъ свидѣтель указалъ на Бибергаля, который наносилъ ему удары, потомъ на Боголюбова и Новаковскаго. При этомъ свидѣтель добавилъ, что на дознаніи онъ признавалъ личности вѣрно, но теперь запамятовалъ. Притомъ же въ то время ему показывали ихъ въ томъ платьѣ, въ какомъ они были на площади. Боголюбовъ не наносилъ ему ударовъ. Гервасія и Геллера онъ не видѣлъ. Слышалъ, какъ кричали «ура», но флага не видѣлъ и рѣчи не слыхалъ. Боголюбовъ билъ надзирателя и другихъ.—Подс. Бибергаль. Въ своемъ показаніи на дознаніи вы говорили, что держали кого-то, а въ это время васъ кто-то другой билъ, и что того, котораго держали, вы не выпустили и отвели въ участокъ.— Свид. Трещовъ. Нѣтъ, тотъ самый наносилъ ударъ, котораго я держалъ.— Подс. Бибергаль просилъ прочесть показаніе свидѣтеля въ виду разнорѣчія.—Тов. прок. просилъ судъ удостовѣрить, что никакого разнорѣчія въ показаніи свидѣтеля нѣтъ, кромѣ того, что онъ теперь не можетъ признать нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ признавалъ на дознаніи.—Свид. Трещовъ, указавъ еще на Новаковскаго, сказалъ, что онъ «совался въ той толпѣ».—Ном. прис. пов. Граціанскій. Отчего вы не признавали его на дознаніи, когда вамъ его предъявляли?—Свид. Трещовъ. Я показывалъ.— Тов. прок. Въ чемъ онъ былъ одѣтъ?—Свид. Трещовъ. Въ барашковой шубѣ съ воротникомъ.—В. Воротникъ большой?—О. Нѣтъ, средній.—Первоприсутствующій. Какого цвѣта была шуба?—Свид. Трещовъ. Чернаго.—Подс. Бибергаль снова просилъ разъяснить указанное имъ выше обстоятельство.—Первоприсутствующій (къ свидѣтелю). Вы указывали на одного изъ подсудимыхъ, который былъ въ шубѣ. Вы не ошиблись ли?— Свид. Трещовъ. Нѣтъ.—В. Вы помните, что это лицо было въ шубѣ чернаго сукна?—О. Такъ точно.—Подс. Геллеръ. Я былъ въ барашковомъ пальто, а этотъ свидѣтель на дознаніи указалъ на меня (подсудимый одѣлся въ пальто и шапку). Свидѣтель осмотрѣлъ его и сказалъ: «никакъ нѣтъ».—Подс. Геллеръ. Мнѣ положительно помнится, что свидѣтель указывалъ на меня 13 декабря.—Свид. Трещовъ. Нѣтъ, это не та шуба.— Прис. пов. Рычковъ. На дознаніи вы ясно помнили? – Свид. Трещовъ. Ясно, кажется.—В. Какой воротникъ былъ у шубы?—О. Тотъ воротникъ былъ длинный, а этотъ съ перерывомъ.—По распоряженію первоприсутствующаго подс. Фалинъ надѣлъ свою шубу. Свид. Трещовъ. Вотъ этотъ самый; на эту шубу похоже. Подс. Фалинъ. На дознаніи меня предъявля-

ли свидѣтелю съ непокрытой головой, потому что у меня не было шапки. Мнѣ сбили ее на площади, а теперь шапка другая. Когда насъ предъявляли, кажется, свидѣтелю Трещову, то мы входили въ комнату и насъ подводили; подвели меня—онъ сказалъ: «видѣлъ»; подвели другого—сказалъ тоже: «видѣлъ». Всѣхъ видѣлъ. Когда я его спросилъ, гдѣ онъ меня видѣлъ, то майоръ сказалъ, что «это послѣ». Оказывается, что Трещовъ, дѣйствительно, всѣхъ видѣлъ, но не на площади, а въ участкѣ. Тогда онъ указалъ на нѣкоторыхъ, и, когда меня предъявили ему во второй разъ, онъ не указалъ на меня, а сказалъ, что видѣлъ только въ участкѣ.—Свид. Трещовъ. Никакъ нѣтъ; я видѣлъ ихъ на площади. (Подс. Новаковскій одѣлся; шуба покрыта сѣрымъ сукномъ, мѣхъ овчинный, черный, длинный). Свид Трещовъ. Нѣтъ, я такой шубы не видалъ.—Свид. Есипенко (городовой) показалъ, что 6 декабря онъ стоялъ на часахъ у собора. Къ нему вышелъ староста и сказалъ, что нужно дать знать въ участокъ о томъ, что въ церкви скопилась большая толпа студентовъ. Немного погодя, онъ пошелъ въ церковь, чтобы удостовѣриться. Въ то время молебствіе отошло, и вся толпа пошла плотною массою изъ церкви. Онъ хотѣлъ выйти, но его оттѣснили, такъ что онъ вышелъ изъ церкви уже по выходѣ толпы. Когда онъ вышелъ на площадь, то увидѣлъ толпу молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ говорилъ: «подходи, господа, подходи». Онъ побѣжалъ въ участокъ и дорогою слышалъ крики «ура». Доложивши приставу, который тотчасъ же отправился на площадь, онъ также явился туда. Тамъ ему передали мужчину, котораго онъ свелъ въ участокъ. Придя туда, господинъ этотъ направилъ ему въ грудь пистолетъ и спустилъ курокъ, но выстрѣла не послѣдовало, потому что въ барабанѣ не было двухъ зарядовъ и курокъ опустился на пустой стволъ барабана. Человѣкъ этотъ снова сталъ взводить курокъ. Тогда свидѣтель успѣлъ схватить за пистолетъ и пока вырывалъ, человѣкъ спускалъ нѣсколько разъ курокъ, такъ что ранилъ ему на правой рукѣ указательный палецъ, который попалъ подъ курокъ. Вернувшись изъ участка, онъ засталъ толпу уже у памятника Кутузова. Изъ подсудимыхъ свидѣтель указалъ на Боголюбова, какъ на того, который хотѣлъ стрѣлять въ него изъ пистолета, и потомъ на Громова и Морошкина. Подс. Ивановъ надѣлъ свое верхнее платье. Свидѣтель его не призналъ.—Прис. пов. Неклюдовъ заявилъ, что это уже четвертый свидѣтель, который не признаетъ подсудимаго.—Тов. прок. объяснилъ, что въ обвинительномъ актѣ, въ концѣ стр. 11-й и на 12-й, изложено, что всѣ рабочіе, обвиняемые по настоящему дѣлу, сведены въ одну группу, затѣмъ разобраны ихъ показанія и указаны огуломъ всѣ свидѣтели, которые показываютъ противъ каждаго изъ этихъ обвиняемыхъ. Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что противъ подсудимаго Иванова является одинъ свидѣтель Успенскій, показанія же прочихъ свидѣтелей относятся до другихъ подсудимыхъ. — Присяжный повѣренный Неклюдовъ прочелъ изъ обвинительнаго акта выраженіе, относящееся до Иванова, и замѣтилъ, что оно по своему построенію давало ему право относить показанія всѣхъ свидѣтелей и къ Иванову.—Затѣмъ свид. Трещовъ осмотрѣлъ подсудимаго Фалина и призналъ его за того человѣка, который былъ возлѣ толпы предъ самою церковью. На вопросъ защиты свидѣтель показалъ, что въ толпѣ кто то говорилъ рѣчь, но онъ не слушалъ, потому что спѣшилъ въ участокъ. Дорогой онъ встрѣтилъ Успенскаго, которому заявилъ о случившемся. Отъ собора до участка бѣжалъ менѣе пяти минутъ. Когда вернулся, Успенскій передалъ ему дѣвицу; онъ ее отвелъ, возвратился снова и взялъ еще одного (Боголюбова). Личность этой дѣвицы свидѣтель не припомнитъ. Когда онъ вырывалъ пистолетъ у Боголюбова, то закричалъ: «помогите, хотятъ застрѣлить». Подскочилъ Клибикъ, и

они оторвали барабанъ. Свидѣтелю были предъявлены два пистолета разныхъ системъ: одинъ взятый у Боголюбова, а другой найденный между дверьми; свидѣтель указалъ на маленькій пистолетъ и показалъ, какимъ образомъ онъ держалъ барабанъ, причемъ курокъ при спускѣ попадалъ на основаніе указательнаго пальца правой руки. Далѣе свидѣтель показалъ, что Фалина онъ видѣлъ стоявшимъ недалеко отъ церкви. Боголюбова свидѣтелю передалъ Успенскій. Подсудимый былъ въ лѣтнемъ пальто. Подсуд. Фалинъ. Я разъясню, какъ попалъ на площадь. 28-го числа я пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Москвы, чтобы получить свои документы изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, куда они были пересланы въ 1875 году изъ технологическаго института по поводу вызова меня изъ-за границы. Документы были мнѣ необходимы, чтобы держать экзаменъ на учителя. 2-го декабря я получилъ справку изъ института и отправился въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но тамъ не могъ ихъ найти. 5-го декабря утромъ вмѣстѣ съ товарищемъ я отправился изъ дому въ публичную библіотеку, оттуда часа въ три я пошелъ въ одно знакомое семейство обѣдать. Вечеромъ вмѣстѣ съ этимъ семействомъ отправился въ театръ и ночевалъ въ этомъ семействѣ. На дознаніи я не заявлялъ, что не ночевалъ дома. На другой день, 6-го декабря, утромъ я отъ нихъ (они живутъ у Семеновскаго моста) въ 1-мъ часу отправился на уголъ Невскаго и Казанской улицы въ шляпный магазинъ купить фуражку. Подходя къ углу Невскаго, я увидѣлъ на Казанской площади толпу. Нѣкоторые спѣшили туда же. Пошелъ и я за ними. У собора я увидѣлъ слѣдующую картину: шагахъ въ семи или восьми отъ тротуара дома Лѣсникова происходила свалка. Я былъ пораженъ этимъ. Обратился къ публикѣ и спросилъ: что такое? Въ это время съ противоположной стороны набѣжало еще нѣсколько человѣкъ, такъ что я очутился въ самой толпѣ. Въ это время слышу: «а! бунтовать!», и я получилъ ударъ, отъ котораго упалъ. Когда я поднялся, ко мнѣ подскочили двое городовыхъ и стали меня бить; народъ окружилъ, и удары такъ и сыпались. Въ этой свалкѣ я потерялъ деньги. Я такъ былъ ошеломленъ, что не помню, какъ меня привели въ участокъ. Такимъ образомъ, показаніе этого свидѣтеля, что онъ меня видѣлъ, я отрицаю. Знакомые, у которыхъ я ночевалъ—семейство Серебренникова. Подсуд. Бибергаль. Я снова обращаюсь съ просьбою, чтобы Трещовъ былъ спрошенъ: била ли его та личность, которую онъ держалъ и потомъ отвелъ въ участокъ, т. е. я,—или, какъ онъ говорилъ на дознаніи, онъ меня держалъ, а въ это время его кто-то билъ.—Первоприсутствующій (къ свидѣтелю Трещову). Этого подсудимаго задержали вы?—Свид. Трещовъ. Я.—В. И привели въ участокъ тоже вы?—О. Я.—Подс. Бибергаль. Я прошу, чтобы его показаніе было прочитано. Тамъ онъ говоритъ, что онъ держалъ того, котораго привелъ въ участокъ, а въ то время его билъ другой.—Первоприсутствующій (къ свидѣтелю). Вы утверждаете, что онъ васъ билъ?—Свид. Трещовъ. Да, билъ; когда я сталъ отнимать Успенскаго, то этотъ господинъ наскочилъ на меня и сталъ бить Я схватилъ его и держалъ. Въ это время меня тоже били, но я его не выпустилъ и отвелъ въ участокъ.—Свид. Ивановъ (новоладожскій мѣщанинъ) показалъ, что онъ шелъ вмѣстѣ съ своимъ знакомымъ Сидоровымъ по Казанской улицѣ. Выйдя на площадь, они услышали крики и думали, что проѣхалъ Государь. Но тотчасъ же увидѣлъ, что шумѣла молодежь. Затѣмъ онъ видѣлъ, что околоточный Васильевъ ворвался въ толпу и взялъ одного, который впослѣдствіи оказался Гервасіемъ. Въ это время толпа нахлынула на околоточнаго и Гервасію удалось отдѣлаться отъ полицейскаго. Свидѣтель хорошо не знаетъ—Гервасій или другой ударилъ Васильева, такъ что онъ свалился. Потомъ онъ увидѣлъ женщину, которую вели изъ толпы, и которая била по

лицу ведшихъ ее. Затѣмъ была общая свалка, окончившаяся арестомъ нѣсколькихъ лицъ. Толпу свидѣтель увидѣлъ у памятника Кутузова. Флага не видалъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ публики слышалъ, что читалось какое-то воззваніе къ народу и выкидывался красный флагъ. Подходя къ собору, свидѣтель между криками «ура» слышалъ одинъ разъ крикъ «свобода». Затѣмъ свидѣтель указалъ на подсудимыхъ Гервасія и Шефтель. Другихъ не призналъ, заявивъ, что на дознаніи онъ видѣлъ ихъ въ томъ костюмѣ, въ которомъ видѣлъ ихъ на площади. Осмотрѣвъ еще разъ подсудимыхъ, онъ указалъ на Николаевскую, которую видѣлъ въ толпѣ. Затѣмъ подсудимые Новаковскій и Фалинъ надѣли свои шубы; свидѣтель призналъ Новаковскаго, причемъ объяснилъ на вопросъ товарища прокурора, что теперь указываетъ вѣрно; что же касается тѣхъ, которыхъ онъ опознавалъ на дознаніи, то онъ говорилъ въ то время только предположительно. Прис. пов. Бардовскій. Когда вы видѣли Гервасія, что онъ дѣлалъ?—Свид. Ивановъ. Я видѣлъ, когда его задержалъ Васильевъ.—В. Онъ шумѣлъ или нѣтъ?—О. Не могу положительно сказать: при такомъ стеченіи народа, въ такой суматохѣ трудно было замѣтить.—В. Гдѣ это было?—О. Ближе къ памятнику Кутузова.—В. Вы видѣли, что Гервасій билъ Васильева?—О. Я видѣлъ, что Васильева ударили, и онъ свалился, но Гервасій или другой — не могу утвердительно сказать. Какъ будто Гервасій.—В. Какъ онъ былъ одѣтъ?—О. Въ пальто и круглой мягкой шляпѣ. Подс. Гервасій. На мнѣ былъ пледъ?—Свид. Ивановъ. Я видѣлъ издали, поэтому не замѣтилъ—на васъ ли былъ пледъ или на другомъ.—Прис. пов. Архангельскій. Вамъ предъявляли на дознаніи Николаевскую?—Свид. Ивановъ. Предъявляли. Я видѣлъ ее въ толпѣ у памятника Кутузова.—В. Не помните ли, куда отъ васъ Сидоровъ ушелъ?—О. У памятника я его потерялъ.—В. Кто задержалъ Николаевскую?—О. Не замѣтилъ.—Пом. прис. пов. Граціанскій. Что дѣлалъ Новаковскій въ толпѣ?—Свид. Ивановъ. Толпа двигалась, и онъ шелъ въ ней. Когда начался арестъ и полиціи было мало, то сама публика приняла участіе и заступилась за полицію.—Подсуд. Николаевская. Когда вамъ предъявляли меня, то вы не утвердительно говорили, что именно меня видѣли, а сказали: «кажется».—Свид. Ивановъ. Я и теперь также говорю, что кажется.—Тов. прок. Вы пришли въ тотъ моментъ, когда наносили удары Васильеву?—Свид. Ивановъ. Онъ врѣзался въ толпу, арестовалъ этого господина (Гервасія) и держалъ его; но молодежь накинулась на Васильева, и тутъ сдѣлалась общая свалка.—В. Тутъ вы и видѣли Гервасія?—О. Да, въ это время. Прис. пов. Бардовскій обратилъ вниманіе особаго присутствія на то, что показаніе Иванова не подтверждено свидѣтелемъ Васильевымъ, который показалъ, что задержалъ Гервасія уже у дома Лѣсникова и по указанію постороннихъ лицъ. Тов. прок. не нашелъ разнорѣчія между показаніями обоихъ свидѣтелей. Спрошенъ свидѣтель Васильевъ, который показалъ: съ угла Конюшенной и Невскаго я увидѣлъ въ толпѣ флагъ; побѣжалъ туда и схватилъ личность, которая, какъ мнѣ казалось, держала флагъ и была похожа на Гервасія, но въ это время меня ударами сбили съ ногъ. Впослѣдствіи мнѣ указали на Гервасія, какъ на того, который держалъ флагъ. Прис. пов. Бардовскій заявилъ, что свидѣтель измѣнилъ свое показаніе. Свид Васильевъ объяснилъ, что онъ вчера говорилъ то же, что теперь, а именно, что первый разъ онъ задержалъ Гервасія у собора, а потомъ у дома Лѣсникова. Свид. Сидоровъ (мѣщанинъ) показалъ, что 6-го декабря онъ былъ въ Казанскомъ соборѣ у обѣдни. Въ церкви онъ замѣтилъ «особенную публику». Люди были молодые и одѣты особеннымъ образомъ. Когда начался молебенъ, онъ ушелъ въ магазинъ, а оттуда пошелъ домой обѣдать съ своимъ знакомымъ Ивановымъ. Подходя къ собору, они услышали шумъ и отъ пуб-

лики узнали, что бунтуютъ студенты. Другіе называли ихъ поляками. Говорили, что поднимали флагъ, произносили имя Чернышевскаго и другихъ. Прибѣжалъ околоточный, раздались свистки; околоточный ворвался въ толпу. Свидѣтель видѣлъ, что первымъ изъ полиціи подбѣжалъ къ толпѣ городовой, но его «сшибли». Послѣ этого публика приняла участіе и стала помогать полиціи. Тутъ произошла общая свалка. На вопросы обвиненія и защиты свидѣтель показалъ, что шумѣвшую толпу тотчасъ же можно было отличить отъ зрителей. Общее впечатлѣніе получалось такое, что когда полиція приступила къ арестамъ, то ее приняли побоями. Съ Ивановымъ свидѣтель разошелся потому, что ихъ раздѣлила толпа, шедшая отъ собора къ Невскому. Изъ середины ея нѣсколько лицъ бросилось на зрителей, которые раздвинулись, и вотъ тутъ свидѣтель отдѣлился отъ Иванова. Свидѣтель помогъ арестовать двухъ лицъ. Арестовывали не зря, а тѣхъ, которые шумѣли. При этомъ было указаніе полиціи и собственное убѣжденіе. «Брали тѣхъ, сказалъ свидѣтель, которые выскакивали изъ толпы и бросались на публику». Свидѣтель самъ видѣлъ, какъ били одного кучера, который хотѣлъ перейти черезъ площадь, и еще одного человѣка изъ зрителей. Прис. пов. Архангельскій. Вы не признаете подсудимую Николаевскую за ту женщину, которая была въ толпѣ?—Свид. Сидоровъ. Признаю и нѣтъ. Утвердительно сказать не могу. На вопросъ прис. пов. Знаменовскаго, какъ велика была толпа, свидѣтель такъ опредѣлилъ, указывая на залу суда: «какъ отъ оконъ и до дверей». Свид. Самуилъ Егоровъ (приписанный къ Кузьминской волости Гдовскаго уѣзда) показалъ, что, выйдя съ Малой Конюшенной на Казанскую площадь, онъ увидѣлъ тамъ толпу, а потомъ услышалъ крики «ура», перешелъ черезъ проспектъ, подошелъ къ толпѣ и увидалъ, что бьютъ околоточнаго, который закричалъ: «нѣтъ ли кого изъ военнаго званія?» Свидѣтель бросился къ нему на помощь въ толпу. Околоточный далъ ему человѣка, котораго онъ отвелъ въ участокъ. При этомъ его кто-то два раза ударилъ. Первоприсутствующій. Вы можете узнать того, котораго отводили?—Свид. Егоровъ. Узнаю (смотритъ и показываетъ на Бочарова). Подсудимый Бочаровъ. Это не вѣрно. На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ, что когда онъ услыхалъ «ура», то въ то же время увидѣлъ красный флагъ, поднимавшійся надъ толпою. Свидѣтель видѣлъ, какъ били городовыхъ и околоточнаго Успенскаго. Тов. прок. Вы не ошибаетесь, что этого (показываетъ на Бочарова) вели въ участокъ. (Егоровъ молчитъ). Первоприсутствующій. Не бойтесь; говорите.—Свид. Егоровъ. Я думаю о томъ, на какомъ мѣстѣ нахожусь, а объ этомъ дѣлѣ... недѣли три прошло... я могу позабыть. Я тогда показалъ на человѣка высокаго роста. Я указалъ на Боголюбова. Я ошибся. Я видѣлъ вотъ этого (показываетъ на Бочарова).—В. Теперь вы удостовѣряете, что не Боголюбова, а Бочарова вели?—О. Вотъ этого (указываетъ на Бочарова).—Прис. пов. Бардовскій. Знамя на древкѣ было или въ рукахъ?—Свид. Егоровъ. Не видѣлъ.—В. Вы точно помните, что на дознаніи не то лицо показали?—О. Да, я ошибался.—Тов. прок. Изъ толпы его взяли?—Свид. Егоровъ. Изъ толпы.—В. Которая шумѣла и дралась?—О. Такъ точно. Свид. Кубовъ (мѣщанинъ) показалъ, что 6-го декабря онъ шелъ изъ Круглаго рынка обѣдать въ Мучной переулокъ на квартиру. На углу Невскаго и Казанской площади онъ увидѣлъ много публики и изъ любопытства вошелъ въ толпу. Тамъ неизвѣстно кто ударилъ его по затылку. «Я упалъ и побоялся вставать»; лежа взглянулъ исподтишка и вижу, что какая-то дама схватила меня за волосы и начала таскать; потомъ еще увидѣлъ стриженую. Потомъ я вскочилъ на ноги и увидѣлъ, что околоточный надзиратель барахтается съ господиномъ. Околоточный проситъ помощи; я помогъ,

и его повели. На углу Невскаго кто-то сказалъ околоточному: «возьмите и того, которому носъ разбили». Околоточный вернулся и пригласилъ въ участокъ того, у котораго носъ былъ разбитъ. Отведя арестованнаго въ участокъ, свидѣтель возвращался по Конюшенной и встрѣтилъ нѣсколькихъ человѣкъ, которыхъ вели туда городовые и публика. Его пригласили опять помочь; онъ помогъ и въ участкѣ записали его адресъ. Въ то время, когда его ударили и онъ лежалъ, на немъ изорвали одежду. Били и тогда, когда онъ велъ арестованнаго. Свидѣтель такъ разсказалъ эту сцену: «Когда мы съ околоточнымъ вели господина, то и меня, и околоточнаго, и господина били.» На вопросъ: почему били всѣхъ троихъ, свидѣтель объяснилъ: «господина били изъ публики: говорили, что онъ полякъ, а насъ били эти господа за то, что мы вели.» На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ, что вели господина высокаго роста, смуглаго. Взяли его на серединѣ площади. Когда брали, онъ сопротивлялся, а потомъ пошелъ смирно. Изъ подсудимыхъ женщинъ свидѣтель не могъ узнать ту, которая таскала его за волосы, а изъ мужчинъ онъ сначала указалъ на Боголюбова, а потомъ на Бочарова. Далѣе онъ указалъ на Попова и объяснилъ, что увидѣлъ его, когда возвращался изъ участка и ему попались навстрѣчу арестованные. Вмѣстѣ съ Поповымъ была и какая-то женщина. Свидѣтель указалъ на Николаевскую. Прис. повѣр. Полуянскій заявилъ, что свидѣтель, вѣроятно, ошибается и принимаетъ Николаевскую за Товбичъ. Предъявлена свидѣтельница Товбичъ. Свидѣтель заявилъ, что можетъ быть онъ и ошибается. Прис. пов. Знаменовскій. Вотъ этотъ человѣкъ (указываетъ на Попова) шелъ вмѣстѣ съ женщиной?—Свид. Кубовъ. Вмѣстѣ—В. Онъ не сопротивлялся? —О. Сопротивленія не имѣлъ. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что когда свидѣтелю предъявляли подсудимыхъ въ жандармскомъ управленіи, то онъ не могъ хорошо ихъ разсмотрѣть, потому что въ комнатѣ было темно, а когда они были предъявлены ему въ зданіи окружнаго суда, то онъ узналъ и показалъ на Бочарова. (Свидѣтельница Товбичъ одѣлась въ тотъ костюмъ, въ которомъ она была, а именно въ пальто, шляпку и платокъ). Свид. Кубовъ, осмотрѣвъ ее и Николаевскую, заявилъ, что онъ встрѣтилъ женщину, которая болѣе похожа на Николаевскую. Подс. Поповъ заявилъ, что свидѣтель на дознаніи не признавалъ его. Тов. прок. заявилъ, что свидѣтель такого показанія на дознаніи не давалъ. Было прочтено это показаніе, изъ котораго видно, что свидѣтель видѣлъ, какъ Попова провели съ какою-то женщиною мимо его; гдѣ ихъ взяли—не знаетъ и не можетъ вспомнить, была ли которая-либо изъ предъявленныхъ ему женщинъ на площади. Первоприсутствующій. Вы видѣли Попова съ женщиною?—Свид. Кубовъ. Видѣлъ женщину, но не могу указать личность. На дальнѣйшіе вопросы обвиненія и защиты свидѣтель показалъ, что подсудимаго Боголюбова онъ видитъ сегодня въ четвертый разъ; на дознаніи показывалъ вѣрно и это показаніе подтверждаетъ. Прис. пов. Полуянскій заявилъ, что защитѣ неизвѣстно, что именно показывалъ свидѣтель на дознаніи. Первоприсутствующій замѣтилъ, что защитнику это должно быть извѣстно, такъ какъ дѣло всѣмъ защитникамъ было открыто. Тов. прокурора ходатайствовалъ, въ виду заявленія Полуянскаго, о прочтеніи показанія свидѣтеля Кубова. Вслѣдствіе этого, показаніе это было прочитано. Сущность его не противорѣчитъ тому, что свидѣтель показалъ на судѣ. Свид. Кашинцовъ (носильщикъ) показалъ: мы постоянно находимся у Казанскаго собора. Случилось мнѣ 6-го декабря, въ первомъ часу, быть у собора. Вдругъ я взглянулъ къ церкви и вижу: собирается толпа народу къ подъѣзду, гдѣ изволитъ пріѣзжать царская фамилія. Насъ было двое: я и Пантелеевъ. Я оглянулся и говорю: «Семенъ Семенычъ! Должно

быть царская фамилія будетъ у собора». Онъ посмотрѣлъ и сказалъ:« Если бы пріѣхала царская фамилія, то на лѣстницѣ выстлали бы красный коверъ.»—«Постой,» говорю я—«погляжу», и побѣжалъ къ толпѣ. Забрался въ середину, слышу—одинъ разговариваетъ громкимъ голосомъ, руками махаетъ, поворачивается на всѣ стороны. Говоритъ, какъ русскій царь неправильно дѣлаетъ. Также русское правительство неправильно дѣлаетъ и какъ обижаютъ бѣдныхъ, а богатыхъ награждаютъ. Проговорилъ эти слова, потомъ замолчалъ. Потомъ толпа подняла руки кверху, захлопала въ ладоши и закричала: «браво, браво!» Я не понялъ, къ чему это было дѣло. Потомъ вдругъ мальчика деревенскаго въ шубѣ сейчасъ бросили кверху, а онъ красное полотно раскрылъ. Потомъ они нѣсколько разъ кидали его кверху. Какъ метнутъ—такъ онъ развернетъ красное полотно. Потомъ они закричали «ура», и нѣкоторые шапки кверху кидали. Тогда мальчика опустили въ середину. Потомъ кто-то сказалъ: «Теперь братцы, идите плотно, а кто къ намъ подойдетъ, тотъ безъ головы пойдетъ.»— Пошли къ Кутузову монументу. Я вышелъ изъ толпы. Слышу—городовой далъ нѣсколько свистковъ. Въ то время городовыхъ мало было. Народу много стояло, только никто не прикасался. Городовой захватилъ одного и остановилъ. Человѣка два повернулось—одинъ въ ухо, а другой—въ другое. Я схватился за городового. Говорю: нельзя такъ безобразить. Они начали на меня нападать. Я разсердился. Думаю: ну, такъ все равно: коли меня бить, такъ я васъ не выпущу. Схватилъ одного, повалилъ и лежу на немъ. Тутъ меня кто за рукавъ, кто за полу, кто за что—все пальто разорвали и стали пинками бить. Какой-то лавочникъ увидалъ, что человѣка такъ терзаютъ, ну, и заступился. Потомъ, на которомъ я лежалъ, взялъ я его, и, кажется, его отвелъ городовой. Я всталъ не въ своемъ умѣ, ошалѣмши; побѣжалъ на площадь и вижу, они дѣлаютъ разсыпной строй, а ихъ хватаютъ. У меня пальто осталось на площади у церкви. Я подумалъ: побили, да еще и пальто унесутъ. Воротился къ церкви, взялъ пальто и домой.—Первоприсутствующій. Можете вы узнать того, который держалъ красное знамя?—Свид. Кашинцовъ. Мальчикъ былъ. Узнаю. Онъ лицомъ былъ ко мнѣ.—Первоприсутствующій. Посмотрите на подсудимыхъ.—Свид. Кашинцовъ (указываетъ на Потапова). Вотъ этотъ самый. Затѣмъ свидѣтелю предъявленъ флагъ, который онъ призналъ за тотъ самый, который видѣлъ.— Тов. прок. Какъ стояла шумѣвшая толпа: отдѣльно или смѣшивалась съ зрителями?—Свид. Кашинцовъ. Совсѣмъ отдѣльно: все равно, какъ я теперь стою здѣсь. Народъ остановился и глядитъ только. Никто не подходилъ.—В. На дознаніи вы признавали еще кого-нибудь? —О. Я узналъ того, кто первый далъ мнѣ плюху (смотритъ на подсудимыхъ). Теперь они перемѣнились. Не могу признать.—В. А тогда вѣрно показывали?—О. Вѣрно.—Прис. пов. Гантоверъ. Вы далеко стояли отъ говорившаго?—Свид. Кашинцовъ. Вотъ какъ до этого стола (показываетъ на столъ вещественныхъ доказательствъ, стоящій впереди его шага на четыре).—В. Не замѣтили ли вы мальчика съ флагомъ раньше въ толпѣ? —О. Нѣтъ.—В. Публика далеко была отъ толпы?—О. Сажени на три.— В. Не могли они этого мальчика взять изъ публики?—О. Не знаю.—Защитникъ просилъ, чтобы подсудимому было разрѣшено самому развернуть флагъ. Первоприсутствующій. Если это въ пользу защиты и подсудимый желаетъ, то можетъ.—Прис. пов. Гантоверъ. Это его желаніе.— Свид. Кашинцовъ. Онъ лучше меня знаетъ, какъ развертывалъ.—Подс. Потаповъ беретъ флагъ, развертываетъ его и спрашиваетъ свидѣтеля: «какъ я махалъ?»—Свид. Кашинцовъ. Я показывалъ.—Подс. Потаповъ. Я вовсе не махалъ.—Первоприсутствующій. Такъ какъ подсудимый отвергаетъ это обстоятельство, то, г. судебный приставъ, возьмите у него

флагъ. Подсудимый, садитесь.— Прис. пов. Гантоверъ. Не помните ли, свидѣтель, Ефимовъ вмѣстѣ съ вами былъ?—Свид. Кашинцовъ. Нѣтъ, я на площади долго не стоялъ. Когда мнѣ наклали, я взялъ пальто и ушелъ. Подс. Потаповъ. Слушайте, господинъ Кашинцовъ. Вы показали на меня, что будто бы я держалъ флагъ, а на дознаніи вы не признали. Вы не сказали, что это флагъ, а сказали, что «вижу что-то красное».—Свид. Кашинцовъ. Я сразу сказалъ: красное съ бѣлыми буквами, съ аршинъ длиною. —В. Почему вы на дознаніи 7-го числа меня не узнали? Вы сказали, что только полушубокъ признаете.—О. Я стоялъ около стѣны въ III Отдѣленіи, когда допрашивали, и слышу, что кто-то пришелъ. Я, какъ только оглянулся, такъ сразу тебя и узналъ (обращаясь къ суду): точно какъ сердце услыхало, что это тотъ мальчикъ.—Прис. пов. Турчаниновъ. Не слыхали вы въ рѣчи, которая говорилась, фамилій: «Чернышевскій», «Нечаевъ»?—Свид. Кашинцовъ. Нѣтъ, не слыхалъ. Онъ говорилъ: какъ царь неправильно дѣлаетъ и какъ правительство неправильно обиждаетъ.— В. Слово «царь» вы слышали?— О. Да, слышалъ.—Прис. повѣр. Неклюдовъ. Вы сказали, что когда началась свалка, то толпа была въ разсыпномъ строю?· Свид. Кашинцевъ. Такъ точно. Я тогда какъ всталъ, уже лавочники вышли, и толпа стала разсыпаться.—В. Такъ что въ то время публика была въ перемежку съ ними?—О. Да.—Тов. прок. Люди, шумѣвшіе въ толпѣ, отличались отъ лавочниковъ?—Свид. Кашинцовъ. Лавочники были въ фартукахъ, а это какой-то странный народъ былъ: шапки вострыя, волосы длинные—совсѣмъ не то.—Прис. пов. Неклюдовъ. Слѣдовательно, брали тѣхъ, которые отличались такимъ костюмомъ?—Свид. Кашинцовъ. Нѣтъ, зря не брали. Кого возьмутъ—онъ сейчасъ кому въ ухо, кому носъ разобьетъ. Вотъ поэтому ихъ и брали.—Тов. прок. Сколько разъ вы видѣли этого мальчика?—Свид. Кашинцовъ. Да сегодня четвертый разъ.—Прис. пов. Гантоверъ. Какъ его поднимали?—Свид. Кашинцовъ. Извѣстно: какъ мы начальство поднимали, такъ и они его.— Свид. Рябининъ (крестьянинъ) показалъ: 6-го числа я былъ въ Казанскомъ соборѣ. Выйдя изъ церкви, я услышалъ голосъ, говорящій на русскомъ языкѣ, поспѣшилъ узнать что такое и пошелъ по направленію къ говорящему. На площади стояла толпа народу. Въ это время изъ толпы подняли мальчика, у котораго, какъ я выразился на дознаніи, была какая-то тряпка, которая впослѣдствіи оказалась флагомъ, и которою онъ размахивалъ. Были слышны голоса: «да здравствуетъ», но что—я не слыхалъ. Потомъ нѣсколько разъ прокричали дружно «ура». Послѣ этого толпа плотною кучкою потянулась къ Невскому и у памятника Кутузова стала бить какого-то старика. Я пошелъ сзади толпы. Мнѣ хотя и странно было, но я хотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло. Потомъ стали бить городовыхъ и околоточныхъ. Въ это время публика бросалась, но еще боялась приступить: который подбѣжитъ и остановится. Я отвернулсяотъ толпы и закричалъ: «берите, ловите, держите!». Вскорѣ со всѣхъ сторонъ набросился разный народъ, и тутъ многихъ захватили. Когда я былъ повернувши отъ толпы, то мнѣ два раза попало, но такъ легко, что, какъ мнѣ сказали, объ этомъ не стоитъ и поминать. Когда толпа подвинулась къ Невскому, тутъ вскорѣ ее разбили и многихъ захватили; потомъ пріѣхалъ градоначальникъ, и все кончилось.—Первоприсутствующій. Вы разсмотрѣли въ лицо человѣка, котораго поднимали—можете его узнать?— Свид. Рябининъ. Можетъ быть, припомню.—В. Флагъ видѣли?—О. Видѣлъ. Было нѣсколько буквъ на немъ. Въ III Отдѣленіи я его узналъ (предъявленъ флагъ): чисто на-чисто такого размѣра. Затѣмъ свидѣтель осматриваетъ подсудимыхъ и, показывая на Потапова, говоритъ: вотъ этотъ самый былъ съ флагомъ.—Тов. прок. Въ церкви вы не обратили вниманія

на что-нибудь? —Свид. Рябининъ. Я запоздалъ; соборъ былъ почти полонъ, и мнѣ пришлось стоять у первой колонки, шагахъ въ трехъ отъ входа. Я замѣтилъ вокругъ себя стоявшихъ людей. Я полагалъ, что это студенты или чухонцы. Когда у нихъ кончается обѣдня, то они часто приходятъ въ соборъ. Въ одного я долго всматривался. Мнѣ хотѣлось знать, будетъ онъ Богу молится или не будетъ. Можетъ быть, я его и теперь узналъ бы. Кругомъ много стояло такихъ. Человѣкъ до пятнадцати толпилось. Приходили и останавливались—чисто на-чисто безъ всякаго разговора. —Прис. пов. Бардовскій Вы присутствовали въ то время, когда пріѣхалъ градоначальникъ?—Свид. Рябининъ. Да, былъ.—В. Онъ обращался къ толпѣ съ приглашеніемъ разойтись?—О. Онъ сказалъ: «расходитесь, господа, по домамъ»—и разошлись.—Прис. пов. Гантоверъ. Вы далеко находились отъ толпы, изъ которой бросали мальчика?—Свид. Рябининъ. Я стоялъ на паперти, а толпа—сейчасъ тутъ внизу.—В. Вы хорошо примѣтили мальчика?—О. Хорошо: надѣюсь, что не ошибся.—В. Что у него было на головѣ?—О. Этого не помню.—Подс. Потаповъ. Вы меня видѣли на дознаніи въ III Отдѣленіи?—Свид. Рябининъ. Да, мнѣ васъ приводили. —В. Вы какъ показали?—О. Я никакъ не показалъ. Меня спросили: этотъ ли былъ? Я сказалъ—этотъ.—В. Вы показали такъ: прокуроръ спросилъ: «Этотъ мальчикъ?» Вы сказали: «я не могу признать.»—О. Это пустяки. Тов. прок. Вы сами явились свидѣтельствовать, или васъ вызывали?— —Свид. Рябининъ. Никто не вызывалъ. Я самъ явился.—Прис. пов. Ольхинъ. Сколько вамъ было показано мальчиковъ въ полушубкахъ—одинъ или нѣсколько человѣкъ?—Свид. Рябининъ. Одинъ.—Подс. Потаповъ. Я прошу прочесть показаніе этого свидѣтеля.—Первоприсутствующій. Противорѣчія въ его показаніи нѣтъ. Поэтому особое присутствіе не можетъ разрѣшить чтеніе этого показанія.—Свид. Абрамовъ (отставной канцелярскій служитель) показалъ: 6-го декабря, утромъ, около 12 часовъ, я былъ въ Казанскомъ соборѣ. Тамъ я увидѣлъ много молодыхъ людей, которые ходили по церкви, разговаривали между собою. Я спрашивалъ, что это значитъ, но не получилъ отвѣта и потому рѣшился ожидать. Послѣ молебна молящіеся стали расходиться, а эти молодые люди остановились между колоннами портика. Человѣкъ около десяти соскочило внизъ, на площадь. Въ числѣ ихъ былъ крестьянскій мальчикъ въ полушубкѣ. Онъ сталъ махать руками и звать: «идите на площадь». Однако, немногіе пошли. Одинъ молодой человѣкъ изъ этой толпы сказалъ: «становитесь плотнѣе», и произнесъ: «Господа! Мы собрались сюда для того, чтобы почтить этотъ день, день воспоминанія ссылки извѣстныхъ честныхъ дѣятелей—Чернышевскаго, Михайлова, Чайковскаго, Нечаева, Долгушина и другихъ лицъ. Чернышевскій былъ честный человѣкъ: онъ защищалъ рабочихъ, жилъ съ крестьянами, возставалъ противъ гнета ихъ. У крестьянъ продаютъ послѣднюю корову», и тому подобное. Въ это время онъ обратился къ собору и сказалъ: «Народъ!»... Мальчикъ вынулъ изъ-за пазухи и подалъ ему флагъ. Онъ бросилъ его кверху. Когда флагъ упалъ, другіе его подхватили и снова бросили кверху. Потомъ флагъ очутился опять у мальчика, котораго подняли, и онъ сталъ махать имъ. Въ это время остальные, стоявшіе между колоннами, сошли внизъ и слились вмѣстѣ съ толпою. Тутъ послышались возгласы: «Да здравствуетъ свобода!» Потомъ я услышалъ голосъ: «Не расходиться по домамъ, а итти всѣмъ вмѣстѣ по Невскому». Въ это время подошли городовые и околоточный. Онъ схватилъ одного молодаго человѣка, но тотъ его ударилъ, и онъ отскочилъ. Стали давать свистки. Затѣмъ произошла свалка. Тѣмъ временемъ толпа подвинулась ближе къ Невскому, и тутъ подоспѣла публика въ защиту городовыхъ. Я смотрѣлъ за мальчикомъ, который былъ съ флагомъ. Мно-

ихъ арестовали, а онъ остался. Вѣроятно потому, что по платью онъ не былъ похожъ ни на одного изъ тѣхъ, которыхъ арестовали. Онъ стоялъ на углу Невскаго и канала. Около него было нѣсколько человѣкъ, бывшихъ въ толпѣ. Затѣмъ они пошли по Невскому, и я отправился за ними. Я хотѣлъ его арестовать, но городовыхъ не было. Только у публичной библіотеки я встрѣтилъ городового, которому указалъ на мальчика, сказавъ, что у него есть знамя. Насъ повели въ участокъ. Тамъ я объяснилъ, въ чемъ дѣло. Оттуда насъ отправили въ штабъ, а потомъ въ секретное отдѣленіе градоначальника. При обыскѣ былъ найденъ у мальчика въ карманѣ флагъ. По предложенію товарища прокурора свидѣтель осмотрѣлъ подсудимыхъ и, указавъ на Потапова, заявилъ: вотъ этотъ самый. Я съ нимъ даже разговаривалъ, когда шли въ толпѣ отъ собора къ Невскому, но онъ ничего не отвѣчалъ. Я за нимъ слѣдилъ. Онъ ушелъ, когда уже многихъ арестовали.—Прис. пов. Гантоверъ. Въ соборѣ вы видѣли мальчика?—Свид. Абрамовъ. Нѣтъ.—В. Когда вы съ нимъ объяснялись, то знали, что у него есть въ карманѣ флагъ?—О. Зналъ. Я видѣлъ, что флагъ остался у него.—В. Когда вы явились съ нимъ къ приставу Спасской части, вы заявляли, что у него флагъ?—О. Я отдалъ его городовымъ, которымъ велѣлъ держать его за руки, чтобы онъ не могъ ничего вынуть изъ кармана, а самъ пошелъ къ приставу и сказалъ, что у мальчика революціонный флагъ. Когда мы ѣхали съ нимъ на извозчикѣ, я держалъ его за руки. Около Аничкова дворца онъ сталъ кричать: «Да здравствуетъ свобода!» Я ему зажалъ ротъ рукою, потому что въ это время на Невскомъ было много публики и на крикъ обратили вниманіе. Съ нами ѣхалъ городовой, который сидѣлъ на передкѣ.—Прис. пов. Турчаниновъ. Вы всю рѣчь слышали?—Свид. Абрамовъ. Почти всю. Что могъ запомнить, то я и передалъ.—В. Не помните, произносилось ли слово «царь» или нѣтъ?—О. Не помню, не было говорено.—Прис. пов. Неклюдовъ просилъ дать очную ставку Кашинцову и Абрамову, посредствомъ которой выяснить, были ли дѣйствительно произносимы дерзкія слова или нѣтъ. Такъ какъ Кашинцовъ человѣкъ необразованный, то онъ могъ понять неправильно. Первоприсутствующій. Я долженъ обратить вниманіе защиты на то, что подсудимые вовсе не обвиняются въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ Его Императорскаго Величества. Они обвиняются въ томъ, что порицали установленный законами порядокъ правленія. Прис. пов. Неклюдовъ (къ свидѣтелю). Призывалъ ли говорившій слушателей къ какимъ-нибудь дѣйствіямъ?—Свид. Абрамовъ. Видно было, что цѣль была. Но это вышло очень комедіально. Онъ обратился къ собору, взывая къ народу, а между тѣмъ тамъ никого не было.—В. Но желанія насильственныхъ дѣйствій не выражалось?—О. Нѣтъ, не слыхалъ.—Свид. Вишняковъ (городовой) показалъ, что 6-го декабря онъ стоялъ на посту на углу Невскаго и Большой Садовой. Подходитъ какой-то господинъ и, показавъ на мальчика, сказалъ, чтобы его задержать, потому что онъ ушелъ съ Казанской площади. Свидѣтель пригласилъ господина съ собою; они взяли мальчика, посадили на извозчика и поѣхали въ участокъ. Тамъ господинъ пошелъ къ помощнику пристава, а свидѣтелю приказалъ смотрѣть за мальчикомъ, чтобы онъ не вынулъ чего-нибудь изъ кармана. Оттуда они отправились къ Пантелеймону и, когда проѣзжали мимо Аничкина дворца, мальчикъ закричалъ: «Да здравствуетъ свобода!». Свидѣтель сказалъ ему, что такъ кричать онъ не позволитъ, и велѣлъ извозчику повернуть въ Караванную. Въ канцеляріи жандармскаго управленія ему приказали обыскать мальчика, и онъ нашелъ у него въ карманѣ красный кумачный флагъ съ бѣлыми буквами: «земля и воля». Предъявленный свидѣтелю флагъ онъ призналъ за тотъ самый, который нашелъ у Потапова при обыскѣ. Затѣмъ, осмотрѣвъ подсудимыхъ, онъ призналъ Потапова. Когда

свидѣтель его арестовалъ, онъ спросилъ: «за что меня взяли?» На что свидѣтель отвѣтилъ ему, что это объяснятъ въ участкѣ. Дорогой онъ ругалъ господина, который приказалъ его называть «мазурикомъ». Свид. Субботинъ (мѣщанинъ) показалъ: былъ я посланъ въ домъ Суслова по Екатерининскому каналу. Шелъ мимо Казанскаго собора и увидѣлъ толпу. Это меня заинтересовало, и я остановился. Въ это время я замѣтилъ, что-то красное подняли, я подошелъ ближе. Тутъ начала прибывать полиція; раздались свистки; толпа моментально разсыпалась по кучкамъ и стали другъ друга колотить. Не знаю, ударилъ ли кто городового или нѣтъ, но онъ упалъ на землю и закричалъ: «помогите». Я бросился къ нему на помощь и получилъ ударъ по носу. У меня потекла кровь, я закрылся платкомъ и хотѣлъ итти домой. Но околоточный надзиратель остановилъ меня и попросилъ итти въ участокъ. Городовой препроводилъ меня въ участокъ. Тамъ записали и уволили домой.—Тов. прок. Сильно васъ ударили?—Свид. Субботинъ. Кровь сильно шла; носъ распухъ. Съ недѣлю больно было.—В. Не замѣтили ли вы, что въ участкѣ били арестованныхъ?—О. Нѣтъ, не видалъ.—В. Кого-нибудь изъ тѣхъ лицъ, которыхъ вы видѣли въ толпѣ, можете теперь узнать?—О. Вѣроятно, не могу. Но одинъ есть примѣтный. Въ прошлый разъ я узналъ его; не знаю, теперь могу ли (осматриваетъ подсудимыхъ и показываетъ на Фалина).—Подс. Фалинъ. Гдѣ вы меня видѣли?—Свид. Субботинъ. На Казанской площади.—В. Въ то время что происходило?—О. Васъ вели въ участокъ. Пальто у васъ было полуснято съ плечъ.—В. Какъ же вы на предварительномъ слѣдствіи показывали, что вы видѣли не на площади, а въ разгаръ схватки, а схватка произошла у дома Лѣсникова?—О. Я тамъ схватки не видалъ, а видѣлъ свалку у Казанскаго собора.—В. Слѣдовательно, вы видѣли, какъ меня держали?—О. Видѣлъ, какъ вели, и вы рвались. Свид. Клибикъ (сторожъ 1-го участка Казанской части) показалъ, что 6-го декабря было доставлено въ участокъ шесть человѣкъ; потомъ привели еще двухъ. Они сѣли на ящикъ, стоявшій около стѣны арестантской. Свидѣтель стоялъ близко одного изъ нихъ. Сидѣвшій вынулъ револьверъ и хотѣлъ стрѣлять, но онъ схватилъ за барабанъ и держалъ, стараясь вырвать, но не могъ. Тутъ подоспѣлъ Есипенко, и они вырвали барабанъ, такъ что у арестованнаго въ рукахъ осталось дуло и рамка, въ которую вставляется барабанъ. Въ это время его не обыскивали, да и невозможно было обыскивать никого, потому что, какъ только приведутъ однихъ, слѣдомъ ведутъ другихъ. По предъявленіи револьверовъ, свидѣтель указалъ на тотъ, который побольше, и показалъ, какъ вынулся барабанъ. При этомъ свидѣтель добавилъ, что у него былъ раненъ средній палецъ лѣвой руки, но какимъ образомъ — куркомъ или острымъ угломъ рамки, онъ не знаетъ, но думаетъ что куркомъ, такъ какъ державшій револьверъ спускалъ курокъ. — Прис. пов. Бардовскій. Много было народу въ той комнатѣ?—Свид. Клибикъ. Человѣкъ семь или болѣе.—В. Въ васъ былъ направленъ револьверъ или въ другого?—О. Въ меня. — В. Вы или городовой Есипенко вышибли барабанъ? — О. Нѣтъ, я; Есипенко послѣ подошелъ.—В. Когда подошелъ Есипенко, барабанъ былъ уже у васъ въ рукахъ?—О. Онъ былъ на полу.—В. Не могли ли вы смѣшать два движенія: можетъ быть, онъ хотѣлъ откинуть револьверъ отъ себя, или же дѣйствительно хотѣлъ васъ застрѣлить?—О. Я видѣлъ только, что онъ револьверъ вынимаетъ изъ пазухи на черной лентѣ и хочетъ стрѣлять.—В. Не можете ли вы объяснить причину, почему онъ хотѣлъ въ васъ стрѣлять?—О. Потому что я сторожъ Казанской части.—В. Патроны были со шпиньками?—О. Нѣтъ, безъ шпиньковъ. — Тов. прок. Тутъ еще кто-нибудь помогалъ?—Свид. Клибикъ. Тутъ на него наскочило нѣсколько человѣкъ; вышла суматоха.—Прис. пов. Полуянскій. Вы видѣли въ участкѣ

подсудимаго Громова?—Свид. Клибикъ. Не припомню. Былъ одинъ, бѣленькій такой (осматриваетъ подсудимыхъ).—Подс. Громовъ. Очень удивительно, что вы не видѣли меня. Вы были главнымъ помощникомъ г. Успенскаго. Вы не отпустили ни одного, чтобы не ударить раза четыре или пять. —Первоприсутствующій. Подсудимый! Вы могли заявить эту жалобу въ свое время. Здѣсь это къ дѣлу вовсе не относится. (Къ свидѣтелю). Вы можете признать того, который хотѣлъ стрѣлять?—Свид. Клибикъ. Могу (указываетъ на Боголюбова, какъ на того, который хотѣлъ стрѣлять. Затѣмъ признаетъ Григорьева и Бочарова).—Подс. Григорьевъ. Такъ какъ Клибикъ на дознаніи говорилъ, что мы шумѣли, то какимъ образомъ онъ видѣлъ, что мы шумѣли, когда мы были въ отдѣльной комнатѣ?—Свид. Клибикъ. Когда отворяли двери, чтобы впустить туда новыхъ арестантовъ, то тѣ, которые тамъ были, бросались къ двери и не пускали.—Подс. Бочаровъ. Когда насъ привели, то начали обыскивать. «Не противьтесь», говорятъ, «мы сейчасъ обыщемъ». Я вовсе не противился, но на меня набросилась цѣлая толпа, личностей которыхъ не могу припомнить.—Первоприсутствующій. Какихъ личностей: полицейскіе?—Подс. Бочаровъ. Нѣтъ, меня одинъ полицейскій освободилъ отъ толпы. Это были дворники что-ли, или лавочники. Вмѣсто того, чтобы обыскивать, они начали наносить мнѣ удары въ голову.—Первоприсутствующій. Вы могли обо всѣхъ этихъ обидахъ заявить жалобу въ свое время начальству тѣхъ лицъ, которыя вамъ нанесли обиду.—Подс. Григорьевъ. При составленіи протокола я заявилъ, что мнѣ подставили фонарь, но майоръ сказалъ, что, вѣдь, и вы колотили. Я просилъ, чтобы занести въ протоколъ, но этого не исполнили.—Свид. Преображенскій (студентъ) показалъ, что знакомъ съ Боголюбовымъ, но не очень коротко, потому что знакомство это продолжалось не болѣе полумѣсяца. Хотя они жили на одной квартирѣ, но свидѣтель—студентъ, а Боголюбовъ—человѣкъ посторонній. Изъ разговоровъ, которые были обыкновенно находу, такъ какъ они вмѣстѣ ходили въ публичную библіотеку заниматься, свидѣтель не можетъ вывести ничего опредѣленнаго о его міросозерцаніи. Пріѣхалъ онъ сюда, вѣроятно, найти службу, но искалъ ли онъ себѣ мѣсто—свидѣтель не знаетъ. Шестое декабря свидѣтель провелъ дома. Собирались ли служить панихиду по убитымъ въ Сербіи—свидѣтель не слыхалъ.—Прис. пов. Бардовскій просилъ спросить подсудимаго Бочарова о томъ, что происходило въ участкѣ, гдѣ случилось яко-бы покушеніе на убійство. На вопросъ первоприсутствующаго подс. Бочаровъ показалъ, что онъ покушенія на выстрѣлъ не видѣлъ, но что, когда ихъ привели въ участокъ съ Боголюбовымъ, то на каждаго наскочила толпа и начала бить. Затѣмъ онъ услышалъ крики, что у Боголюбова пистолетъ. Комната, гдѣ это происходило, величиною сажени въ двѣ ширины и $2^1/_2$ длины. На него, Бочарова, напала кучка людей, человѣкъ шесть или семь. Это были частныя лица. Защитили его городовые.—Подс. Боголюбовъ. Я не буду объяснять, какъ попалъ въ участокъ, а скажу только то, что тамъ было. Когда меня привели, кажется, съ Бочаровымъ, то тотчасъ же на насъ набросилось нѣсколько человѣкъ и начали бить. Я ничего не видѣлъ, потому что меня пригнули къ сундуку, стоявшему около стѣны кутузки. Били очень сильно—по головѣ, по шеѣ, по спинѣ. Я думалъ, что убьютъ. Я выхватилъ револьверъ и хотѣлъ имъ ударить, но въ тотъ же моментъ всѣ отстранились, и я услышалъ голоса: «а, у него пистолетъ!» и на меня тотчасъ же бросился Клибикъ, схватилъ за пистолетъ, дернулъ и вырвалъ барабанъ. Тутъ бросились на меня всѣ и начали бить по лицу. Били долго времени; потомъ стали тащить барабанъ. Я сказалъ, что сниму и отдамъ, но они продолжали тащить и оборвали тесьму. Нѣсколько разъ принимались меня бить. Я сталъ кричать: «караулъ». На мои крики прибѣжалъ,

кажется, помощникъ пристава, и сказалъ, чтобы не били. Но онъ сказалъ такимъ тономъ, что можно и бить. Только что онъ вышелъ, они начали меня опять бить. Послѣ исторіи съ револьверомъ, въ комнату вбѣжалъ Успенскій, который орудовалъ всѣмъ. Онъ и Клибикъ преимущественно меня били; били и дворники. Успенскій говорилъ: «а, вы стрѣлять! Вотъ васъ въ III Отдѣленіи перепорятъ всѣхъ и въ Холмогоры сошлютъ». Потомъ онъ поставилъ городовыхъ, которые, дѣйствительно, уже не позволяли бить. Самъ Успенскій въ то время только острилъ. Въ то время у меня текла съ лица кровь, и я вытирался платкомъ. Вотъ этимъ самымъ (показываетъ весь окровавленный платокъ). Потомъ меня толкнули въ кутузку. Я вошелъ туда, какъ шальной. Меня начали спрашивать, отчего я весь въ крови. Потомъ, черезъ нѣсколько времени, насъ перевели въ другую комнату, гдѣ записали адресы, но обыска никакого не дѣлали. Обыскъ дѣлали послѣ того, какъ перевели въ другую комнату, и обыскивали при свѣчахъ. Я требовалъ, чтобы былъ составленъ медицинскій актъ о побояхъ, но мнѣ въ этомъ отказали.—Подс. Чернавскій. Я слышалъ изъ кутузки, какъ Боголюбовъ кричалъ «караулъ», и слышалъ, какъ его били.—Свид. Товбичъ показала, что Боголюбовъ нанималъ у нея комнату. Знакомыхъ у него не было. Онъ занимался, кажется, перепискою, потому что она видѣла у него на столѣ бумаги. Хорошо она съ нимъ не была знакома.—Тов. прок. Вы совсѣмъ не знали Боголюбова?—Свид. Товбичъ. Знала только, какъ хозяйка квартиры.—В. Когда онъ нанялъ квартиру?—О. Не могу припомнить, но спустя дня три или четыре, какъ я сняла.—В. А когда вы сняли квартиру?—О. Въ сентябрѣ, кажется.—В. Много жильцовъ было у васъ?—О. Всего было человѣкъ семь.—В. Одни мужчины жили?—О. Нѣтъ, были студентки.—В. Теперь у васъ тѣ же жильцы?—О. Нѣтъ, я оставила квартиру.—В. Послѣ 6 декабря? О. Да, кажется.—В. На сколько времени вы ее снимали?—О. Срокъ былъ неопредѣленъ... Я продержала съ мѣсяцъ.—В. 6 декабря убирали комнату Боголюбова?... У васъ прислуга была?—О. Нѣтъ. Я иногда сама дѣлала.—В. 6 декабря заходили въ комнату Боголюбова?—О. Не помню... Думаю, что ходила, кажется, что передъ обѣдомъ—до двухъ часовъ. Прис. пов. Бардовскій. Наканунѣ 6-го декабря или за нѣсколько дней вы не слыхали, что имѣетъ быть панихида или молебенъ въ Казанскомъ соборѣ?—Свид. Товбичъ. Ничего не слыхала.—Свид. Макаровъ (мѣщанинъ) показалъ, что Гуровичъ ушелъ изъ дому утромъ 6 декабря. Онъ жилъ у свидѣтеля на квартирѣ съ товарищемъ Виленцомъ. Они занимали двѣ разныя комнаты. За недѣлю до Николы съ ними поселилась дѣвушка (Шефтель). Она заняла комнату Гуровича 6 декабря ушелъ сначала Гуровичъ, а потомъ Шефтель. Она не была прописана, потому что не доставила паспорта.—Тов. прок. Почему вы на дознаніи показали, что они вмѣстѣ ушли?—Свид. Макаровъ. Я не обратилъ тогда на это особеннаго вниманія.—В. Значитъ, вы тогда сказали неправду?—О. Дѣйствительно, такъ. Я въ то время испугался. Я никогда не ходилъ по такимъ мѣстамъ. Теперь я говорю сущую правду.—Подс. Гуровичъ. Между показаніемъ свидѣтеля, даннымъ на дознаніи, и теперь оказывается противорѣчіе. По этому поводу я долженъ объяснить, что я отрицалъ на дознаніи мое знакомство съ Шефтель. Свидѣтель говоритъ совершенную правду теперь. Я отрицалъ знакомство мое съ Шефтель потому только, что самъ, попавшись нечаянно, не желалъ указывать на другихъ лицъ, причемъ упустилъ изъ виду такое обстоятельство, котораго и не могъ предвидѣть, т. е. что свидѣтель покажетъ неправду. — Подсудимая Шефтель. Мнѣ хотѣлось, чтобы объяснили, какъ мы размѣстились по комнатамъ. Когда я пришла на квартиру, тогда была г-жа Новаковская. При нихъ я заплатила деньги за квартиру и заняла комнату, которая была побольше, а Виленцъ

и Гуровичъ помѣстились въ одной комнатѣ. — Свидѣтель Макаровъ. Вы мнѣ не платили денегъ, и я не получалъ.—Тов. прок. Вы Новаковскихъ знаете?— Свид. Макаровъ. Они ходили къ нимъ.—В. Въ лицо можете узнать Новаковскаго?—О. Могу. (Смотритъ на подсудимыхъ, но не можетъ узнать.)—Присяжный пов. Рычковъ. Гуровичъ долго у васъ жилъ до 6-го декабря?—Свид. Макаровъ. Съ мѣсяцъ.—В. Не говорилъ ли онъ, что собирается домой?—О. Да, я слыхалъ. Онъ собирался около 7-го или 14-го декабря уѣхать.—Подс. Гуровичъ. Не знаете ли, что меня удерживало въ Петербургѣ?—Свид. Макаровъ. Вы говорили, что ожидали денегъ.—Свид. Виленцъ (студентъ) показалъ: 6-го декабря, часовъ въ 11 утра, ушелъ Гуровичъ, а затѣмъ, сколько еще помнится, ушла нѣсколько спустя Шефтель. Тов. прок. Вы вмѣстѣ съ Гуровичемъ жили—въ одной комнатѣ?—Свид. Виленцъ. Сначала жили въ отдѣльныхъ комнатахъ. Но такъ какъ Гуровичъ хотѣлъ уѣхать 7-го декабря, и въ это время пришла дѣвица Шефтель и сказала, что у нея нѣтъ квартиры,—она искала, но не нашла,—то я вмѣстѣ съ Гуровичемъ рѣшились уступить ей одну изъ комнатъ.—В. Такъ что вы свою комнату уступили ей, а сами перебрались къ Гуровичу?—О. Да.—В. При дознаніи вы говорили, что Гуровичъ васъ просилъ уступить комнату для Шефтель?—О. Нѣтъ. Но онъ первый сказалъ, что не худо было бы уступить комнату.—В. Какъ вы провели день 6-го декабря?—О. Часовъ въ квартирѣ не было, но думаю, что въ началѣ 11-го я проснулся. Въ это время Гуровичъ уходилъ.—В. Вамъ слышны были голоса Шефтель и Гуровича?—О. Да, они говорили громко и смѣялись. Затѣмъ я опять вздремнулъ, и когда снова проснулся, Гуровича уже не было, но Шефтель была еще дома.— В. На дознаніи вы показывали другое. Какія вы получили свѣдѣнія, которыя заставляютъ теперь васъ говорить, что Шефтель ушла послѣ?—О. Я слышалъ ея голосъ, а голоса Гуровича не слыхалъ. Далѣе свидѣтель показалъ, что онъ вспомнилъ объ этомъ обстоятельствѣ послѣ того, какъ вернулся изъ жандармскаго управленія. Сначала онъ не придавалъ этому никакого значенія, но послѣ показанія сталъ припоминать подробности и вспомнилъ. Г-жа Копилевичъ—родная сестра Гуровича; Новаковская также его сестра. Свидѣтель знаетъ ихъ обѣихъ. Отъ Копилевичъ онъ не слыхалъ о предполагавшейся панихидѣ. Изъ дому онъ отправился въ 12-часу въ библіотеку медико-хирургической академіи; тамъ онъ услыхалъ, что будто бы въ Казанскомъ или Исаакіевскомъ соборѣ будетъ служиться панихида, какъ говорили одни—объ убитыхъ въ Сербіи, а другіе—о политическихъ преступникахъ; но еще раньше онъ отъ кого-то слышалъ, что будетъ служиться панихида въ Исаакіевскомъ соборѣ о павшихъ въ Сербіи русскихъ волонтерахъ. Въ библіотекѣ онъ пробылъ часа два и пришелъ прямо домой. Онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и легъ. На другой день приходила Копилевичъ и справлялась, почему Гуровичъ долго нейдетъ къ ней; недѣли двѣ уже не былъ. Говорила, что въ соборѣ произошло что-то страшное, что тысяча человѣкъ взяты. Свидѣтель—землякъ съ Гуровичемъ и былъ знакомъ съ нимъ еще на родинѣ. Гуровичъ собирался ѣхать домой 7 декабря, такъ какъ этотъ день считается днемъ роспуска студентовъ. Хотя онъ могъ бы уѣхать и нѣсколькими днями раньше, но тогда нужно было просить начальство. Кромѣ того, онъ не получилъ еще денегъ, которыхъ ожидалъ. Въ послѣднее время Гуровичъ съ Новаковскимъ были въ дурныхъ отношеніяхъ и, повидимому, избѣгали другъ друга. Свидѣтель полагалъ, что Гуровичъ 6-го декабря ушелъ въ библіотеку, такъ какъ имѣлъ обыкновеніе ходить туда въ праздничные дни. Шефтель также землячка свидѣтеля. Когда въ маѣ свидѣтель пріѣхалъ домой въ Житоміръ, то узналъ тамъ, что Шефтель уже уѣхала. По пріѣздѣ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ

іюля, онъ скоро встрѣтилъ ее у своей родственницы Виленцъ. Она приготовлялась къ экзамену на домашнюю учительницу, и свидѣтель часто заставалъ ее за книгами. Но потомъ она сказала, что на экзаменѣ обрѣзалась по одному предмету. Свидѣтель видѣлъ у нея разные учебники по исторіи, географіи, математикѣ и т. п., и другія книги для чтенія, но какія именно—не помнитъ. По его мнѣнію, она должна была жить экономно, потому что получала изъ дому только рублей двадцать. Комнаты, въ которыхъ помѣщались свидѣтель Гуровичъ и Шефтель, расположены такъ: двери изъ нихъ выходятъ въ кухню, а между комнатами есть еще одна, которую занималъ хозяинъ. Тов. прок. указалъ на слѣдующія противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтеля, данныхъ имъ на дознаніи и на судѣ: на дознаніи Виленцъ прямо показалъ, что Шефтель была допущена на квартиру по настоятельной просьбѣ Гуровича, такъ что свидѣтелю это было даже непріятно, и онъ уступилъ только потому, чтобы не назвали его эгоистомъ; далѣе онъ говорилъ, что пришелъ въ библіотеку академіи не въ первомъ, а въ одиннадцать часовъ утра, что тамъ говорили ему о предполагающейся панихидѣ, но не заявлялъ, что слышалъ объ этомъ раньше, какъ говоритъ теперь здѣсь. Теперь онъ говорилъ, что будто бы Копилевичъ заходила узнать о братѣ только потому, что онъ давно у нея не былъ, между тѣмъ какъ по показанію при дознаніи оказывается, что она говорила свидѣтелю, что безпокоится о Яковѣ, и куда онъ дѣлся, не знаетъ, что она явилась на слѣдующій день и заявила свое безпокойство относительно сестры и мужа ея. По этимъ основаніямъ прокуроръ просилъ прочесть показанія Виленца. Прис. пов. Рычковъ, въ виду того, что свидѣтель самъ заявилъ суду, что въ настоящее время онъ измѣняетъ свое прежнее показаніе, придавая фактамъ, о которыхъ его спрашиваютъ, большее значеніе, нежели прежде, а также и того, что существеннаго разнорѣчія между показаніями свидѣтеля не имѣется, не нашелъ ни малѣйшаго основанія къ прочтенію письменнаго показанія, тѣмъ болѣе, что свидѣтель подтверждаетъ показаніе, которое далъ здѣсь, на судѣ, подъ присягою. Первоприсутствующій объявилъ, что въ виду того, что разнорѣчіе въ показаніи свидѣтеля нѣкоторымъ образомъ разъяснилось, особое присутствіе не считаетъ нужнымъ читать его показаніе. Пом. прис. пов. Граціанскій. Не было ли слуховъ о томъ, чтобы на предполагавшейся панихидѣ объ убитыхъ въ Сербіи было заявлено о желаніи относительно войны съ турками?—Свид. Виленцъ. Говорили что-то вродѣ того, что будетъ устроена процессія съ цѣлью просить объявленія войны Турціи. При этомъ говорилось, что будетъ участвовать не одна молодежь, но и люди солидные. Я слышалъ это въ кухмистерской В. К. Елены Павловны. (Засѣданіе прервано до 11-ти часовъ слѣдующаго дня.)—Подс. Бибергаль. Я прошу, чтобы назначенный мнѣ защитникъ былъ освобожденъ отъ защиты. Я не желаю имѣть защитника.—Свид. Богдановъ (крестьянинъ) показалъ: я вышелъ изъ заведенія и увидѣлъ на площади, что народу собравшись много было. Подошелъ ближе и вижу, что поднимаютъ мальчика и красный флагъ. Потомъ закричали «ура». Тутъ была женщина, которая сказала: «за мною, впередъ!» Я взялъ ее и подвелъ къ околоточному Успенскому. Онъ велѣлъ отвести ее въ участокъ. Тутъ трое на меня набросились, но Успенскій оттолкнулъ ихъ. Я сдалъ ее въ участокъ. На вопросы товарища прокура свидѣтель показалъ, что вышелъ изъ церкви часу въ 12-мъ и отправился въ заведеніе напротивъ. Пробылъ тамъ минутъ 10 или 15 и хотѣлъ итти домой. Но, выйдя на площадь, гдѣ увидѣлъ толпу народа, подошелъ къ ней и взялъ женщину. Мальчикъ, котораго поднимали, былъ въ полушубкѣ. При поднятіи онъ развертывалъ флагъ. На флагѣ было написано «воля», а еще что—не замѣтилъ. Когда велъ женщину въ участокъ, то она говорила ему:

«вѣдь вы за это награду не получите?»—Тов. прок. Вы можете узнать эту женщину или тѣхъ, которые напали на васъ?—Свид. Богдановъ. Можетъ быть, узнаю.—В. Когда вамъ въ первый разъ показывали ихъ, вы узнали?—О. Узналъ.—В. Тогда вы твердо помнили, что это тѣ самыя личности, и не ошиблись?—О. Нѣтъ, не ошибался (свидѣтель смотритъ на подсудимыхъ и указываетъ на Боголюбова, Потапова, Шефтель, Бочарову и Чернавскаго).—Прис. пов. Буймистровъ. Гдѣ вы арестовали эту женщину?—Свид. Богдановъ. Почти посреди Казанской площади.—В. Что Бочаровъ дѣлалъ?—О. Я не знаю, хотѣлъ ли онъ отбить женщину или нѣтъ, только они втроемъ набросились на меня.—В. Вы одни привели Шефтель въ участокъ или вдвоемъ?—О. Одинъ.—В. И все время вели одни?—О. Одинъ.—Прис. пов. Неклюдовъ. Вы слышали рѣчь, которая говорилась въ толпѣ?—Свид. Богдановъ, Нѣтъ.—В. Не встрѣтили ли вы дорогой пристава Ритчера?—О. Нѣтъ, не замѣтилъ.—В. Вы знаете пристава Казанской части?—О. Знаю.—В. Не встрѣчали вы его, и онъ не говорилъ вамъ нечего?—О. Нѣтъ.—Подс. Чернавскій. Вы меня гдѣ видѣли?—Свид. Богдановъ. Вы набросились на меня.—В. Вы на дознаніи показывали просто, что видѣли меня въ толпѣ?—О. а, вы въ толпѣ и были, а потомъ, когда набросились на меня, то отдѣлились.—Прис. пов. Бардовскій. Не припомните ли, отъ кого отбивался Боголюбовъ?—Свид. Богдановъ. Не помню. Онъ бросился на меня, но его Успенскій отбилъ.—В. Когда Успенскій отбилъ отъ васъ Боголюбова, то онъ арестовалъ его или нѣтъ?—О. Не знаю.—Тов. прок. Вы бѣжали къ толпѣ?—Свид. Богдановъ. Бѣжалъ.—В. И въ это время видѣли, что тамъ выкидывали флагъ?—О. Да, но когда я подбѣжалъ, то его уже опустили.—В. Вы взяли Шефтель изъ толпы?—О. Нѣтъ, она была отдѣлившись и шла впереди, а за нею толпа. Потомъ смѣшались всѣ.—Прис. пов. Буймистровъ. Когда Успенскій вошелъ въ толпу, то что онъ сказалъ?—Свид. Богдановъ. Не могу объ этомъ ничего сказать—не помню. Свидѣтелю предъявленъ былъ флагъ, который онъ и призналъ за тотъ, что видѣлъ на площади.—Свид. Лаврентьевъ (слушатель с.-петербургскаго университета) показалъ: 6-го декабря, утромъ, я былъ у Бочарова; пробылъ тамъ не особенно долгое время. При мнѣ Бочаровъ ушелъ, какъ онъ сказалъ, въ технологическій институтъ, чтобы исполнить чертежъ. Возвращаясь домой, я встрѣтилъ его на дорогѣ и на вопросъ, куда онъ идетъ, онъ сказалъ: «въ соборъ, на панихиду». Больше относящагося къ дѣлу мы ни о чемъ не разговаривали.—Тов. прок. Вы давно знаете Бочарова?—Свид. Лаврентьевъ. Давно.—В. Чѣмъ онъ занимался и давно ли въ Петербургѣ?—О. Здѣсь онъ живетъ второй годъ. Въ прошломъ году онъ поступилъ въ технологическій институтъ.—В. Гдѣ жилъ Бочаровъ на квартирѣ?—О. На Обуховскомъ проспектѣ, недалеко отъ технологическаго института.—В. А вы куда шли отъ него?—О. Домой въ Чернышевъ переулокъ.—В. Гдѣ же вы встрѣтили его?—О. Вотъ этого не могу указать.—В. Вы шли по Фонтанкѣ?—О. Да.—В. Онъ вамъ навстрѣчу шелъ или вы его догнали?—О. Не помню хорошо.—В. Онъ васъ звалъ въ соборъ?—О. Нѣтъ.—Прис. пов. Буймистровъ. Въ квартирѣ, гдѣ живетъ Бочаровъ, живутъ еще студенты? Свид. Лаврентьевъ. Въ другой комнатѣ жилъ еще одинъ студентъ—Молодыхъ.—В. До его ухода въ институтъ, не былъ ли какой-либо общій разговоръ, напр., о качествѣ нашихъ учебныхъ заведеній?—О. Такого разговора не было.—Первоприсутствующій. Въ вашемъ показаніи есть нѣкоторое недоразумѣніе. Вы говорите, что были у Бочарова на квартирѣ, а затѣмъ вы ушли?—Свид. Лаврентьевъ. Да.—В. Бочаровъ остался дома?—О. Нѣтъ, онъ раньше меня ушелъ.—В. Не помните ли, встрѣтили вы его или нагнали?—О. Не могу сказать навѣрное.—В. Сколько времени прошло отъ

ухода Бочарова до вашего возвращенія домой и гдѣ вы были въ то время?—О. Я былъ у Молодыхъ.—В. Неприглашали ли васъ итти на панихиду?—О. Нѣтъ. —Подс. Бочаровъ. Могъ ли я стѣсняться вашимъ присутствіемъ, такъ чтобы не могъ уйти даже безъ всякой цѣли?—Свид. Лаврентьевъ. Конечно, могли уйти.—В. Не помните ли моего разговора съ Молодыхъ насчетъ выбора отдѣленія: химическое или механическое?—О. Кажется, говорили объ этомъ.—В. Съ кѣмъ я знакомъ?—О. Большею частью съ земляками.—Свид. Молодыхъ (студентъ) показалъ: я жилъ вмѣстѣ съ Бочаровымъ. 6-го декабря, въ 11 час. утра, онъ ушелъ въ технологическій институтъ. Я остался дома до половины второго, а затѣмъ поѣхалъ къ Лаврентьеву. Лаврентьевъ мнѣ сказалъ, что встрѣтилъ Бочарова, который заявилъ ему, что пошелъ въ соборъ. Вечеромъ я узналъ, что на Казанской площади произошла какая то исторія. Такъ какъ Бочаровъ домой не явился, то я думалъ, не арестовали ли его. Отъ одного студента я узналъ, что его дѣйствительно арестовали.—Тов. прок. Въ какое время дня вы были у Лаврентьева?—Свид. Молодыхъ. Въ 3-мъ часу.—В. По какому поводу зашелъ у васъ разговоръ о Бочаровѣ?—О. Лаврентьевъ спрашивалъ, не вернулся ли Бочаровъ изъ института. Я сказалъ, что нѣтъ и что не могъ еще вернуться въ то время, когда я ушелъ изъ дому. Тутъ Лаврентьевъ и сообщилъ мнѣ, что видѣлъ его идущимъ изъ института и что онъ сказалъ, что идетъ въ соборъ.—Прис. пов. Буймистровъ. Въ институтѣ у васъ есть репетиціи?—Свид. Молодыхъ. Есть, каждую недѣлю по одной.—В. Посѣщеніе лекцій отмѣчается?—О. Да.—В. Сколько времени живете съ Бочаровымъ?—О. Съ начала нынѣшняго учебнаго года.—В. Какъ шли его занятія?—О. Успѣшно.—В.—Много занятій въ институтѣ?—О. Работы не мало (перечисляетъ предметы, въ числѣ которыхъ находятся черченіе и рисованіе).—В. Черченіе—это трудное занятіе?—О. Для начинающихъ работать это не легко.—В. Предъ уходомъ Бочарова изъ квартиры былъ общій разговоръ объ отдѣленіяхъ?—О. Былъ разговоръ обо мнѣ, такъ какъ мнѣ предстояло избрать ту или другую спеціальность. Бочаровъ говорилъ, что нужно избрать то, что нравится и къ чему я чувствую призваніе. Тутъ зашелъ разговоръ вообще о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ Бочаровъ отстаивалъ существующее у нихъ преподаваніе.—В. Въ то время вы не замѣчали въ немъ никакого волненія?—О. Нѣтъ, не замѣтилъ онъ былъ спокоенъ, какъ обыкновенно.—Свид. Карльсонъ (мѣщанинъ) показалъ, что 6-го декабря у него былъ подсудимый Морошкинъ, который ушелъ отъ него утромъ, сказавъ, что идетъ «въ Казанск...»—свидѣтель не разслышалъ: въ Казанскую (улицу) или въ Казанскій (соборъ); думалъ, что онъ пошелъ въ соборъ, такъ какъ былъ праздникъ. Морошкинъ въ это время былъ безъ работы. Онъ—слесарь. Передъ тѣмъ онъ работалъ на чугунно-литейномъ заводѣ Когана подъ фирмою Плинке, но тамъ ему было отказано за неимѣніемъ работы. Свидѣтель работалъ въ арсеналѣ, рекомендовалъ туда же Морошкина, но его здѣсь не приняли, также за неимѣніемъ работы. Съ Морошкинымъ свидѣтель знакомъ года два или три. Онъ ходилъ иногда къ какой-то знакомой или родственницѣ, жившей на Казанской улицѣ; фамиліи ея не знаетъ.—Прис. пов. Турчаниновъ представилъ справку адреснаго стола, въ которой значится, что Амалія, на которую ссылался подсудимый, дѣйствительно живетъ на Казанской улицѣ, въ домѣ № 9, и затѣмъ аттестатъ изъ конторы Плинке о томъ, что Морошкинъ служилъ на заводѣ токаремъ и что ему было отказано по неимѣнію работы.—Свид. Потаповъ (Арсеній, братъ подсудимаго 12 л.) послѣ разъясненія первоприсутствующимъ, что по закону онъ имѣетъ право отказаться отъ показанія, заявилъ, что можетъ показывать. —Тов. прок. Гдѣ вы служите?—Свид. Потаповъ. У Тортона.—В. Что тамъ дѣлаете?—О. На прядильныхъ машинахъ.—В. Вы вмѣстѣ жили съ бра-

томъ?—О. Вмѣстѣ, какъ изъ деревни пріѣхали.—В. Давно вы не видали брата?—О. Какъ изъ деревни пріѣхали—мѣсяца полтора съ нимъ жили. Онъ ушелъ, и я его не видалъ больше.—В. Вы слышали, что онъ былъ въ деревнѣ?—О. Слышалъ, что былъ нынѣшнимъ лѣтомъ.—В. Вы получили отъ отца письмо?—О. Получилъ.—В. Что онъ писалъ?—О. Что братъ Яшка ушелъ; на 10 руб. его наказалъ.—Защитникъ Потапова заявилъ, что подсудимый поручилъ ему отказаться отъ допроса свидѣтеля, не желая ставить его въ непріятное положеніе.—Свид. Трифоновъ (крестьянинъ, дальній родственникъ Потапова) показалъ, что служитъ на фабрикѣ Тортона; подсудимаго Потапова опредѣлилъ на фабрику онъ, свидѣтель, или кто-то изъ родныхъ, назадъ тому лѣтъ пять или шесть. Сначала онъ работалъ хорошо, такъ что достигъ 23 руб. жалованья. Года два тому назадъ онъ ушелъ съ фабрики и съ тѣхъ поръ свидѣтель его не видалъ. Когда уходилъ, онъ сказалъ, что поступаетъ въ кухонные мужики къ господамъ, у которыхъ жила его сестра. Впослѣдствіи былъ слухъ, что онъ оказался въ Кіевѣ. На вопросъ, почему Яковъ ушелъ съ фабрики, свидѣтель объяснилъ, что мелькомъ онъ слышалъ, будто бы Яковъ познакомился со студентами. Затѣмъ онъ слышалъ отъ отца Потапова, вытребованнаго сюда, что Якова прислали подъ стражею въ деревню прошлымъ лѣтомъ.—Свид. Потаповъ (крестьянинъ, отецъ подсудимаго) также пожелалъ дать свое показаніе и объяснилъ, что передъ покосомъ прислали Якова въ деревню. Онъ жилъ до осени и занимался крестьянскими работами, а потомъ ушелъ, когда его, свидѣтеля, не было дома. Передъ тѣмъ онъ просилъ купить ему сапоги, но ему было сказано, что денегъ теперь нѣтъ, а что когда придетъ зима, и они будутъ возить дрова, тогда можно будетъ купить сапоги. Уходя изъ дому, онъ сказалъ матери, что пойдетъ зарабатывать деньги. Свидѣтель спрашивалъ сына, какъ онъ попалъ въ Кіевъ. Онъ сказалъ, что работалъ тамъ на заводѣ. За неимѣніе паспорта его «пригнали въ деревню съ сотскимъ». Свидѣтеля и еще нѣсколькихъ крестьянъ изъ деревни вызывалъ судебный слѣдователь въ городъ Старицу, а когда они явились, то онъ сказалъ, что кіевскій слѣдователь «не пишетъ никакой вины», что нужно было вызвать только одного свидѣтеля, а что другихъ потребовали напрасно. Мужики хотѣли взыскать съ него за то, что ѣздили къ слѣдователю, но слѣдователь отказалъ имъ. Свидѣтель писалъ Арсенію, что Яковъ наказалъ его на 10 руб. Но онъ не укралъ эти деньги, а съ свидѣтеля взыскали въ волостномъ правленіи 4 р. 13 коп. за доставку Якова, да потратился на проѣздъ въ Старицу къ слѣдователю. На вопросъ защиты, можетъ ли свидѣтель въ чемъ-нибудь обвинять сына, Потаповъ отвѣтилъ: «него же обвинять. Онъ какъ у Тортона жилъ, присылалъ денегъ въ деревню. Дурного ничего не дѣлалъ». Свидѣтель полагаетъ, что Якову 17-й или 18-й годъ. Когда онъ ушелъ, то денегъ унего не было.—Подс. Потаповъ. Я имѣю то сказать, что у меня деньги были, когда изъ Кіева я административнымъ порядкомъ былъ присланъ домой. Я объяснялъ прокурору и адресъ давалъ, гдѣ можно узнать, что денегъ у меня было 12 р. Прокуроръ сказалъ мнѣ, что это не имѣетъ никакого значенія, а это имѣетъ много значенія, потому что я проживалъ то время съ этими деньгами. —Свид. Крутиковъ (отставной титулярный совѣтникъ) показалъ: наканунѣ 6-го декабря, вечеромъ, часу въ 10 или 11, я зашелъ къ своему знакомому Городничему, съ которымъ жилъ года два назадъ вмѣстѣ на квартирѣ. Тамъ я встрѣтилъ слесаря Иванова, который звался и Савельевымъ. Я остался ночевать у Городничаго; вмѣстѣ со мной остался и Ивановъ. Утромъ встали часовъ въ 8, напились чаю и вышли всѣ вмѣстѣ. Они пошли на ту сторну, а я на Васильевскій островъ. Въ этотъ день у меня тамъ было двое именинъ. Черезъ Неву мы шли по мосткамъ отъ Мытнаго

перевоза къ биржѣ. Они люди молодые, ходятъ скоро, и я отъ нихъ отсталъ. На стрѣлкѣ у биржи я потерялъ ихъ изъ виду. На другой день я узналъ о демонстраціи изъ газетъ. Тов. прок. Вамъ не извѣстно, что квартира принадлежала Иванову?—Свид. Крутиковъ. Нѣтъ, я считалъ, что она принадлежитъ Городничему.—Прис. пов. Неклюдовъ. Вы видѣли, что они переходили черезъ Большую Неву?—Свид. Крутиковъ. Нѣтъ, не видалъ.—В. Какъ Городничій и Ивановъ называли другъ друга?—О. Городничій звалъ его Васильемъ, Васькой и Савельевымъ, а онъ звалъ Городничимъ, и его всѣ такъ звали—оригинальная фамилія.—Прис. пов. Неклюдовъ заявилъ, что въ обвинительномъ актѣ поставлено въ вину подсудимому его неискреннее показаніе въ томъ отношеніи, что онъ «оказался носящимъ фамилію Савельева, а не Иванова». Но, на основаніи документовъ, онъ вовсе не Савельевъ, а Ивановъ, какъ это видно изъ его паспорта, который былъ прописанъ.—Подс. Ивановъ. Я при дознаніи указывалъ на тѣ источники, откуда прок. Кобыльскій могъ узнать о моей двойной фамиліи. Я указывалъ на Сиротскій судъ и на Императорское человѣколюбивое общество, гдѣ воспитывался. Тамъ я значился подъ фамиліею Савельева, а затѣмъ, почему мѣщанское общество перемѣнило мою фамилію и сдѣлало меня Ивановымъ—я не знаю. Такъ какъ Городничій слышалъ отъ моего товарища Зюбина о моей фамилій, то иногда называлъ меня Савельевымъ. Г. прокуроръ Кобыльскій могъ узнать, что фамилія моя не ложная и не псевдонимъ, но мои доводы остались безъ всего. На дальнѣйшіе вопросы свид. Крутиковъ показалъ, что Ивановъ говорилъ Городничему, что нужно итти на ту сторону что то купить. Для жителей Петербургской стороны и Васильевскаго острова «тою стороною» называются центральныя части города. Прис. пов. Неклюдовъ просилъ ссылаться на пакетъ подъ литерою Т, гдѣ находится видъ подсудимаго, на удостовѣреніе патроннаго завода, гдѣ подсудимый работалъ до послѣдняго дня, и на показаніе подсудимаго, данное имъ на дознаніи 8-го декабря, гдѣ онъ указывалъ на обѣ свои квартиры: на ту, которую прокуроръ не считаетъ свою квартирою, и на прежнюю, изъ чего видно, что онъ вовсе не скрывалъ своего мѣста жительства. Свидѣтельница Копилевичъ (вдова провизора, родная сестра Гуровича) пожелала дать показаніе.—Тов. прок. Когда вы узнали, что вашъ братъ и Новаковскій арестованы?—Свид. Копилевичъ. На другой день.—В. Вы въ хорошихъ отношеніяхъ съ братомъ?—О. Да, но рѣдко видѣлись, потому что далеко живемъ. В. Когда видѣлись послѣдній разъ?—О. Нѣсколько дней раньше. Онъ заходилъ и взялъ у меня денегъ.—В. Когда вы начали безпокоиться о его отсутствіи, то приходили на квартиру къ нему?—О. Приходила на другой день утромъ. 6-го декабря я шла въ публичную библіотеку. Я раньше знала, что будетъ панихида. Увидѣла, толпу, остановилась и спросила. Мнѣ сказали, что панихида была, что произошла драка, такъ какъ возстали поляки, и что арестовали 1000 студентовъ.—В. Вы знали, что братъ вашъ будетъ на панихидѣ?—О. Нѣтъ, но я предполагала, что въ числѣ 1000 человѣкъ могъ и онъ попасть.—В. Вы высказали это опасеніе сожителю вашего брата Виленцу?—О. Нѣтъ, я его не видѣла въ этотъ разъ. Тамъ былъ подмастерье, или хозяинъ квартиры, который сказалъ, что братъ не ночевалъ. Потомъ я приходила второй разъ и тогда видѣла Виленца, но онъ ничего мнѣ не сказалъ, потому что самъ ничего не зналъ.—В. Онъ вамъ совѣтовалъ пойти въ участокъ?—О. Нѣтъ, я сама спросила городового. Онъ сказалъ, что всѣ арестованные находятся въ участкѣ, и я отправилась туда.—В. Отъ кого вы слышали, что будетъ панихида?—О. Не помню. Говорили, что будетъ панихида о славянахъ, но опредѣленнаго ничего не знала, не знала даже, въ какомъ соборѣ—Казанскомъ или Исаакіевскомъ. Далѣе свидѣтельница показала, что она спраши-

вала Виленца, но онъ сказалъ, что ничего не знаетъ. Новаковскій былъ у нея 6-го декабря утромъ, взялъ денегъ и спросилъ, будетъ ли она вечеромъ въ театрѣ съ ними. Онъ также былъ у нея дня за два и говорилъ, что предполагается панихида, но гдѣ и когда—не зналъ.—Тов. прок. На дознаніи вы, кажется, сказали, что Новаковскій спросилъ, будете ли вы не въ театрѣ, а на площади?—Свид. Копилевичъ. Зачѣмъ быть на площади. Я не помню, чтобы говорила о площади, да и незачѣмъ было говорить. Если въ моемъ показаніи это сказано, то это, вѣроятно, ошибка.—Прис. пов. Рычковъ. Когда вы послѣдній разъ видѣли Гуровича?—Свид. Копилевичъ. Не могу вспомнить точно: кажется, дня за три или за четыре.—В. Сколько онъ взялъ у васъ денегъ?—О. Рубля два или съ чѣмъ то.—В. Онъ говорилъ вамъ, что собирается ѣхать домой?—О. Да, онъ хотѣлъ ѣхать, но не могъ, потому что еще не получалъ денегъ.—В. Послѣднее время въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ съ Новаковскимъ?—О. Не въ хорошихъ. Одинъ о другомъ высказывались не совсѣмъ хорошо.—В. Вы слышали отъ брата о панихидѣ?—О. Нѣтъ, онъ ничего не говорилъ.—На вопросы защитника подс. Новаковскаго свидѣтельница показала, что пріѣхала въ Петербургъ вмѣстѣ съ Новаковскимъ въ концѣ сентября. Здѣсь онъ хотѣлъ открыть сапожную мастерскую, хлопоталъ объ этомъ, но заболѣлъ. Самъ онъ не жаловался свидѣтельницѣ, но сестра (жена Новаковскаго) говорила ей, что онъ сильно тосковалъ, по ночамъ плакалъ, говорилъ, что какой то червякъ гложетъ его въ груди. Сама свидѣтельница заставала иногда его по утрамъ мрачнымъ, съ опухшими глазами. Въ Екатеринославѣ онъ тоже тосковалъ, но не такъ сильно. Въ послѣднее время онъ значительно похудѣлъ, сдѣлался блѣденъ. Средства на открытіе мастерской онъ имѣлъ, такъ какъ получилъ за женой приданаго тысячи двѣ или три. Свидѣтельница пріѣхала въ Петербургъ лечиться.—Тов. прок. Вы утверждаете, что Виленцъ ничего вамъ не говорилъ о панихидѣ?—Свид. Копилевичъ. Ничего. И я не показывала этого на дознаніи.—В. Слѣдовательно, если этотъ фактъ есть въ нашемъ показаніи, то, значитъ, онъ нарочно написанъ?—О. Я не знаю, что сказать.—В. Вы подписали показаніе?—О. Подписала.—В. Читали его?—О. Мнѣ читали.—В. Вы показали, что когда спросили Виленца, то онъ сказалъ вамъ: «да, и я это слышалъ, но подробностей не знаю»?—О. Нѣтъ. Виленцъ сказалъ, что ничего не знаетъ—будетъ панихида или нѣтъ.—Тов. прок. просилъ судъ удостовѣрить, что обстоятельство, о которомъ онъ говорилъ, находится въ показаніи свидѣтельницы. Прис. пов. Рычковъ, съ своей стороны, просилъ обратить вниманіе, что свидѣтельница по напоминаніи этого обстоятельства удостовѣрила, что этого не показывала.—Прис. пов. Неклюдовъ. Вы сказали, что вамъ прочитали ваше показаніе?—Свид. Копилевичъ. Да.—В. Какой тамъ былъ вообще принятъ порядокъ?—О. Допрашивалъ кто-то въ военной формѣ и записывалъ, а потомъ прочиталъ, и я подписала.—Тов. прок. Вамъ же предлагали написать самимъ?—Свид. Копилевичъ. Нѣтъ.—Прис. пов. Неклюдовъ. А вы хорошо владѣете письмомъ, такъ что могли бы и сами написать?—Свид. Копилевичъ. Могла бы.—Прис. пов. Неклюдовъ заявилъ, что хотя показаніе Копилевичъ спеціально до его кліента не относится, но такъ какъ по процессуальнымъ вопросамъ защита солидарна, то онъ проситъ особое присутствіе обратить вниманіе на то, что въ судебной практикѣ, установленной кассаціоннымъ сенатомъ, напоминаніе свидѣтелю показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, не допускается до перекрестнаго допроса прежде, нежели противная сторона допроситъ свидѣтеля; между тѣмъ прокуроръ держится совершенно иной системы. — Первоприсутствующій. Это обстоятельство могло бы имѣть значеніе на судѣ присяжныхъ засѣдателей. Но оно не мо-

жетъ имѣть значенія въ судѣ особаго присутствія, которому всѣ акты слѣдствія открыты. По просьбѣ прокурора и защитника подсудимаго Гуровича, переспрошенъ свидѣтель Виленцъ, причемъ свидѣтельница Копилевичъ и свидѣтель Макаровъ были удалены изъ залы засѣданія.—Тов. прок. Вчера вы удостовѣрили, что г-жа Копилевичъ пріѣзжала къ вамъ и главнымъ образомъ безпокоилась тѣмъ, что Гуровичъ не былъ у нея уже недѣли двѣ. Откуда вы почерпнули эти свѣдѣнія? — Свид. Виленцъ. Насколько мнѣ помнится, она сказала, что долго не видала Гуровича. — В. Но вчера вы опредѣлили это время?—О. Я сказалъ по собственному предположенію, но я могъ ошибиться. — В. Г-жа Копилевичъ говоритъ, что васъ не видѣла, когда приходила въ первый разъ. — О. Она приходила такъ часто послѣ ареста Гуровича, и притомъ прошло болѣе мѣсяца съ тѣхъ поръ, такъ что теперь я не могу навѣрное сказать, въ первый пріѣздъ я ее видѣлъ, или во второй, или въ третій. Я заявилъ на дознаніи, что она явилась потому, что безпокоилась, что Гуровичъ у нея долго не былъ, и она слышала, что арестовано 1000 студентовъ. Я успокаивалъ ее, говорилъ, что, вѣроятно, онъ не попался, потому что не замѣчалъ, чтобы онъ приготовлялся.—Прис. пов. Рычковъ. Вы видѣлись съ Копилевичъ послѣ того, какъ были въ студенческой библіотекѣ?—Свид. Виленцъ. Да, послѣ.—В. Не замѣчали ли вы въ Гуровичѣ какой-нибудь особой заботливости, приготовленія къ чему-нибудь?—О. Замѣчалъ только приготовленіе къ отъѣзду.—В. Не имѣлъ ли онъ учащенныхъ свиданій съ какими-нибудь лицами? — О. Нѣтъ. — В. Слѣдовательно, особой дѣятельности вы не замѣчали въ немъ?—О. Нѣтъ.—Свид. Ивановъ (петербургскій мѣщанинъ) показалъ, что Новаковскіе жили у него на квартирѣ; самъ Новаковскій занимался работой, хотѣлъ открыть сапожную мастерскую, спрашивалъ о ремесленной управѣ и о томъ, гдѣ покупается товаръ. Работалъ онъ съ мѣсяцъ, а потомъ заболѣлъ и пересталъ работать. Наканунѣ 6 декабря мужъ и жена за чаемъ или за обѣдомъ въ кухнѣ говорили между собою о томъ, что въ Казанскомъ соборѣ будетъ панихида по убитымъ въ Сербіи. Говорила это жена и звала мужа съ собою въ соборъ. Новаковскій не хотѣлъ итти. На другой день утромъ свидѣтель ушелъ изъ дому, а когда вернулся, то уже не засталъ Новаковскихъ дома. Свидѣтель—по ремеслу сапожникъ. Новаковскіе переѣхали къ свидѣтелю 13 октября. Свидѣтелю извѣстно, что Новаковскій ходилъ къ доктору, потому что по возвращеніи домой посылалъ въ аптеку. Онъ жаловался на свою болѣзнь, былъ скучный, «не веселаго характера». Сначала онъ работалъ инструментомъ свидѣтеля, а потомъ купилъ свой. Онъ остался у свидѣтеля въ верстакѣ.—Тов. прок. Почему на дознаніи вы показали иначе?—Свид. Ивановъ. Оттого, что я сробѣлъ, а онъ жилъ безъ паспорта. Поэтому и показалъ, что онъ жилъ у меня мало.—В. Почему вы тогда показали, что никакого разговора о панихидѣ не слыхали? — О. Я принялъ теперь присягу.—Пом. прис. пов. Граціанскій. Почему онъ жилъ безъ прописки? — Свид. Ивановъ. Онъ ожидалъ какую-то бумагу себѣ.—Подс. Новаковскій. Дѣло было такъ: я пріѣхалъ въ Петербургъ и поселился на Малой Посадской. Предъявилъ свои документы въ части для прописки. Въ томъ числѣ представилъ и свидѣтельство изъ екатеринославской ремесленной управы. Но паспорта мнѣ не возвратили. Я нѣсколько разъ просилъ. Потомъ мнѣ прислали, чтобы я снялъ копію съ свидѣтельства. Документы мнѣ не выдавали безъ всякой причины. Говорили, что нельзя выдать, что нужно къ градоначальнику. Между тѣмъ я выѣхалъ до срока изъ квартиры, потому что она была не чиста и сыра. Мы сняли ее второпяхъ, чтобы не жить въ гостиницѣ. Документы мнѣ возвратили съ надписью, что такъ какъ я еврей, то не имѣю права жить въ Петербургѣ. Я отправился въ участокъ и объяснилъ, что я представилъ ремесленное свидѣтельство,

по которому позволяется жить. Мнѣ сказали, чтобы я представилъ свидѣтельство о томъ, что не состою подъ судомъ и не былъ замѣченъ по дѣламъ контрабанды. Поэтому я написалъ родителямъ, чтобы они вытребовали изъ управы такое свидѣтельство.—Свидѣтельница Гро-Гревапъ (дерптская мѣщанка) показала, что подсудимый Фалинъ остановился на квартирѣ у ея жильца Георгіевскаго. 4 декабря вечеромъ Фалинъ ушелъ и болѣе не возвращался. При разговорѣ его съ Георгіевскимъ она слышала, что онъ пріѣхалъ изъ-за границы. Между прочимъ она говорила Фалину: «прошлый годъ васъ полиція требовала, а нынче что будетъ?» Онъ отвѣтилъ: «ничего не будетъ; я буду скромно жить». — Подс. Фалинъ. Я пріѣхалъ сюда вечеромъ 20 ноября прошлаго года и остановился у Георгіевскаго; когда мы съ нимъ разговаривали, вошла Гро-Гревапъ. Такъ какъ я раньше жилъ на этой квартирѣ, то она знала меня. Я разсказывалъ Георгіевскому, что былъ въ Крыму, проѣздомъ былъ въ Москвѣ и т. п. Можетъ быть, свидѣтельница приняла Крымъ за за-границу. Относительно разговора о полиціи: въ прошломъ году я пріѣхалъ изъ-за границы и также остановился у Георгіевскаго. Въ обвинительномъ актѣ указано на то, что въ началѣ 1876 г. я былъ задержанъ при обыскѣ у Дьяконова, съ которымъ я будто бы жилъ на одной квартирѣ. Тутъ оказались нѣкоторыя невѣрности, такъ какъ я жилъ тогда у Георгіевскаго. По этому поводу меня и требовали въ полицію.—Свид. Тимоѳеева (мѣщанка) показала, что подсудимая Иванова жила у нихъ на квартирѣ недѣли двѣ; ночевала дома только раза три. Свидѣтельница не видала, чтобы она работала. Вещи ея состояли изъ чемодана, подушекъ и одѣяла.—Свид. Щукина (дочь унтеръ-офицера) показала, что 6 декабря пошла вмѣстѣ съ Ивановой въ Казанскій соборъ на панихиду, но панихиды не было. Когда вышли на площадь, то тамъ было много народу. Свидѣтельница остановилась посмотрѣть и слышала, какъ что-то читали; потомъ подняли мальчика, набросили на голову какой-то красный лоскутокъ и кричали «ура». Потомъ пришла полиція и случилась драка. Она хотѣла уйти, но тутъ ее арестовали.—Тов. прок. Вы на какую панихиду отправились? — Свид. Щукина. По убитымъ въ Сербіи.—В. Кто вамъ сообщилъ, что будетъ служиться панихида? — О. Я слышала въ кухмистерской Елены Павловны наканунѣ. Студенты разговаривали. — В. Подсудимая Иванова у васъ ночевала?—О. У меня. — В. Лично васъ никто не приглашалъ на панихиду?—О. Никто.—В. Когда вы познакомились съ Ивановой?—О. Въ концѣ осени.—В. Кто предложилъ вамъ итти на панихиду: Иванова вамъ, или вы Ивановой?—О. Я предложила. — В. Что тамъ читали?—О. Я не слыхала, потому что далеко стояла. — В. Но что-нибудь слышали?—О. Что-то такое—Долгушинцы, Чернышевцы. — В. Что кричали?—О. Не могла разобрать: «ура» или что-то вродѣ этого.—Прис. пов. Ольхинъ. Знала ли Иванова напередъ о панихидѣ?—Свид. Щукина. Вѣроятно, нѣтъ, потомучто она спрашивала, что это за панихида?—В. Такъ что если бы васъ не было, то она и не пошла бы?—О. Не пошла бы.—В. Въ церкви вы вмѣстѣ стояли?—О. Нѣтъ, я нѣсколько впередъ прошла, а она осталась. — Прис. пов. Знамеровскій. Гдѣ васъ взяли? — Свид. Щукина. Около памятника Кутузова.—В. Не выражали ли вы соболѣзнованія о томъ, что арестовали мужчину и женщину? — О. Да. Когда арестовали Товбичъ, я сказала: за что? — В. Не слыхали ли фамилію этого мужчины, который былъ съ Товбичъ?—О. Слыхала, что Поповъ.—В. Отъ кого?—О. Товбичъ говорила.—В. Кто ихъ арестовалъ?—О. Двое рабочихъ или приказчиковъ. Товбичъ плакала. Я сказала: за что вы тащите ихъ, что они сдѣлали? Но тутъ и меня взяли. — Тов. прок. Вы Товбичъ давно знаете?—Свид. Щукина. Я видѣла ее раньше, но не была знакома.—В. Гдѣ видѣли?—О. Не знаю.—В. Метелицыну знаете?—О. Тоже видала, но гдѣ—не знаю; вѣроят-

но, въ кухмистерской —В. Вы лично чѣмъ занимаетесь?—О. Я училась въ Маріинскомъ родовспомогательномъ домѣ.—В. Можетъ быть, вы познакомились по поводу этихъ курсовъ?—О. Нѣтъ, не на курсахъ.—В. Чѣмъ объяснить ваши указанія, данныя вами на дознаніи, на Метелицыну?—О. Она знала, что у меня есть сочиненія Некрасова и приходила просить книгу.—В. Признаете ли вы свое показаніе, данное на дознаніи, правильнымъ?—О. Нѣтъ, оно неправильно. — Прис. пов. Ольхинъ. Что вы признаете неправильнымъ?—Свид. Щукина. Что Метелицына приходила за книгами, а про соборъ ничего не говорила.—В. Но вы давали такое показаніе?—О. Не помню. Я была арестована, находилась въ такомъ состояніи... Прис. пов. Неклюдовъ. Вамъ объявили, что васъ спрашиваютъ, какъ свидѣтельницу, или какъ обвиняемую?—Свид. Щукина. Конечно, какъ обвиняемую.—В. Вы думаете это потому, что были арестованы; но было ли вамъ объявлено, въ качествѣ кого васъ допрашиваютъ? — О. Когда освободили, тогда объявили, что буду допрошена, какъ свидѣтельница.—Прис. пов. Ольхинъ. Вы вообще отзываетесь незнаніемъ Метелицыной, а между тѣмъ говорите, что она у васъ была? — Свид. Щукина. Я знала ее въ лицо, но не была съ нею хорошо знакома.—В. Зная ее въ лицо, можетъ быть, вы разговаривали что-нибудь о панихидѣ?—О. Не помню.—В. Не говорила ли она, что панихида будетъ о заключенныхъ?—О. Нѣтъ, этого не говорила.—В. Между тѣмъ это находится въ вашихъ показаніяхъ на дознаніи?—О. Не знаю.—В. Оба эти показанія вы давали подъ арестомъ? — О. Всѣ показанія подъ арестомъ. Да, во второмъ показаніи было написано о панихидѣ по политическимъ преступникамъ. Прокуроръ спрашивалъ, и я сказала, что по убитымъ въ Сербіи. Но прокуроръ говоритъ: «оставьте, пожалуйста, Сербію; всѣмъ извѣстно, что панихида была по политическимъ преступникамъ». Я такъ и написала, потому что все равно.—В. Ивановой вы говорили, что будетъ панихида по политическимъ преступникамъ? — О. Нѣтъ, я говорила, что по сербамъ. — Тов. прокурора. Слѣдовательно, вамъ прокуроръ подсказывалъ?—Свидѣтельница Щукина. Конечно. Онъ сказалъ: «оставьте эту панихиду—извѣстно всѣмъ, что по политическимъ преступникамъ». Я сказала, что мнѣ все равно, по комъ панихида. — В. Какой прокуроръ васъ допрашивалъ?—О. Кобыльскій. — Присяжн. повѣр. Ольхинъ заявилъ, что во второмъ показаніи Щукиной нѣтъ указанія на то, чтобы она Ивановой говорила, что будетъ панихида по политическимъ преступникамъ. Этимъ окончился допросъ свидѣтелей обвиненія и было приступлено къ допросу свидѣтелей защиты. Свид. Ивановъ (онъ же Уваровъ, дворникъ) показалъ, что подсудимый Громовъ жилъ у нихъ на квартирѣ до 5-го декабря. Былъ прописанъ. Сказалъ, что переѣзжаетъ на другую квартиру. Есть отмѣтка (подаетъ отмѣтку). Во все время, пока Громовъ жилъ, ничего подозрительнаго за нимъ не замѣчалось.—Свид. Фалинъ (отецъ подсудимаго) пожелалъ дать показаніе. Говорилъ со слезами на глазахъ и, видимо, усиливался сдержать слезы.—Прис. пов. Каміонко. Гдѣ вашъ сынъ жилъ лѣтомъ?—Свид. Фалинъ. Въ Крыму, до 9-го ноября.—В. Онъ возвратился къ вамъ?—О. Да.—В. Неизвѣстно ли вамъ, когда онъ уѣхалъ изъ Москвы, куда и зачѣмъ?—О. Уѣхалъ 29-го ноября въ Петербургъ за своими бумагами.—В. Не замѣчали ли вы чего-нибудь за нимъ въ послѣднее время?—О. Ничего. Онъ всегда былъ хорошій.—В. Не знаете ли чего-нибудь о его жизни здѣсь?—О. Не знаю. Мнѣ только Серебряниковъ передавалъ, что онъ у нихъ ночевалъ съ 5 на 6-е число.—В. Семейство Серебряникова вы знаете?—О. Нѣтъ. Онъ у меня самъ былъ и разсказывалъ, что 5-го числа сынъ былъ съ ними въ театрѣ и ночевалъ у нихъ.—Свид. Георгіевскій (технологъ) показалъ, что зналъ Фалина года чстыре; жилъ съ нимъ вмѣстѣ.—Прис. пов. Каміонко. Не было ли разговора о томъ,

откуда онъ пріѣхалъ въ послѣдній разъ?—Свид. Георгіевскій. Онъ говорилъ, что пріѣхалъ изъ Москвы и что большую часть лѣта и осень провелъ въ Крыму у одного знакомаго помѣщика.—В. Почему хозяйка квартиры Гро-Греванъ показала, что онъ говорилъ, что пріѣхалъ изъ-за границы?—О. Вѣроятно, она не вслушалась, или не поняла. Фалинъ разсказывалъ о жизни въ Крыму, о тамошней природѣ. Вѣроятно, она подумала, что Крымъ за границей.—В. Наканунѣ 6-го декабря Фалинъ былъ дома или нѣтъ?—О. Наканунѣ въ 12-мъ часу дня онъ ушелъ, сказавъ, что ночевать, вѣроятно, не придетъ, но не сказалъ, гдѣ былъ намѣренъ ночевать.—Подс. Фалинъ. Какъ мы провели день 5-го декабря?—Свид. Георгіевскій. Изъ квартиры мы вышли вмѣстѣ; потомъ на Садовой разошлись. Послѣ встрѣтились въ публичной библіотекѣ, гдѣ пробыли до закрытія.—В. Г-жа Гро-Греванъ показала, что я нѣсколько разъ не ночевалъ дома?—О. Разъ или два не ночевали.—Прис. пов. Каміонко. Не знаете ли вы семейство Серебряниковыхъ?—Свид. Георгіевскій. Нѣтъ, но послѣ слышалъ, что Фалинъ съ 5 на 6-е декабря ночевалъ у Серебряниковыхъ. Это передавалъ мнѣ господинъ, который приходилъ 6-го декабря и спрашивалъ Фалина. Онъ говорилъ, что они вмѣстѣ съ нимъ жили въ Крыму, что вечеромъ въ театрѣ они условились увидѣться на другой день въ четыре часа на квартирѣ Фалина. Я просилъ его подождать, но ему не было времени. Послѣ моего допроса этотъ господинъ встрѣтился со мною и сообщилъ, что въ ночь съ 5 на 6-е декабря Фалинъ ночевалъ у Серебряниковыхъ.—Свид. Краснокутская (дочь купца) показала, что съ подсудимой Николаевской не знакома; только видѣла ее у подсудимой Ильяшенко, съ которой жила вмѣстѣ на одной квартирѣ. Дня за два или за три до 6-го декабря у нихъ была Николаевская, и онѣ условились съ Ильяшенко, чтобы въ праздникъ итти купить ботинки. Въ понедѣльникъ, 6-го декабря, Ильяшенко дѣйствительно вышла изъ дому въ первому часу; хотѣла зайти за Николаевской, чтобы вмѣстѣ итти за ботинками.—Подс. Ильяшенко. Я хочу сдѣлать поправку къ моему показанію. Я показала, что зашла на квартиру Николаевской, между тѣмъ я встрѣтила ее у воротъ, и мы съ нею отправились.—Свид. Короленко (студентъ) показалъ, что Николаевскую знаетъ. —Прис. пов. Архангельскій. Чѣмъ она занималась въ послѣднее время? Свид. Короленко. Достовѣрно мнѣ неизвѣстно, такъ какъ лично она мнѣ объ этомъ не говорила. Но отъ тѣхъ, которые ее знаютъ лучше, я слышалъ, что она намѣрена была готовиться на медицинскіе курсы.—В. 6-го декабря вы ее видѣли?—О. Видѣлъ. Я пришелъ къ моей знакомой Тиссенъ на Литейную, чтобы проститься съ нею передъ ея отъѣздомъ, но не засталъ дома. Были только Николаевская и другая женщина, которую не знаю. Онѣ мнѣ сообщили, что Тиссенъ отправила свои вещи на вокзалъ и сама ушла куда то, но обѣщалась зайти домой. Я рѣшился подождать и ждалъ около получаса. Такъ какъ Тиссенъ не приходила, то я хотѣлъ уйти. Николаевская въ это время собиралась и сообщила другой госпожѣ, что идетъ покупать башмаки. Мы пошли вмѣстѣ и у воротъ встрѣтили другую студентку, которую я тоже раньше видѣлъ, г-жу Ильяшенко. Николаевская замѣтила ей, что она думала, что та не придетъ и хотѣла одна итти покупать башмаки. Затѣмъ мы всѣ втроемъ пошли по Литейной, потомъ повернули направо, по какой улицѣ—не знаю, потому что я съ этой частью города не знакомъ; потомъ опять повернули направо и затѣмъ разошлись на Б. Итальянской улицѣ: онѣ пошли къ Невскому, а я по Итальянской.—В. Николаевская въ гостяхъ была у Тиссенъ?—О. Нѣтъ, она жила съ ней на одной квартирѣ, на Литейной, противъ главнаго казначейства.— В. Не говорили, куда онѣ шли покупать?—О. Кажется, въ Варшавскій магазинъ.—В. Въ которомъ часу вы вышли отъ Тиссенъ?—О. Думаю, что это

было около половины второго, потому что я вышелъ изъ дому съ 7-й линіи Васильевскаго острова, между Большимъ и Среднимъ проспектами, около 12-ти, и шелъ пѣшкомъ. На это потребовалось, вѣроятно, около часа, да у Тиссенъ я пробылъ минутъ 20 или съ полчаса.—Пом. прис. пов. Граціанскій просилъ спросить свидѣтеля Иванова, который показалъ, что къ Новаковскому ходило «совсѣмъ мало народу»; приходила сестра и то рѣдко. Пом. прис. пов. Граціанскій. Не можете ли указать, которая изъ сидящихъ здѣсь женщинъ бывала у Новаковскихъ?—Свид. Ивановъ (осмотрѣвъ). Не могу признать.—В. Не было ли еще за мѣсяцъ слуховъ, что будетъ служиться панихида?—О. Слышалъ отъ одного заказчика, что въ Исаакіевскомъ соборѣ будетъ панихида по сербамъ.—Первоприсутствующій. Вы говорили, что Новаковскій работалъ. Какъ по вашему—зналъ онъ свое ремесло?—Свид. Ивановъ. Коли работалъ, такъ, значитъ, зналъ. У насъ не тяжелое мастерство. Шилъ новые сапоги, кроилъ; все самъ дѣлалъ.—Тов. прок. Отъ заказчика вы не слыхали, что на панихидѣ будутъ войны требовать?—Свид. Ивановъ. Говорили о войнѣ, но я этимъ не занимался. Не могу припомнить.—Свидѣтельница Новаковская (жена подсудимаго) пожелала дать показаніе и на вопросы защитника показала, что они пріѣхали въ Петербургъ мѣсяца четыре тому назадъ; мужъ хотѣлъ открыть здѣсь мастерскую. По пріѣздѣ остановились въ гостиницѣ, а потомъ нашли квартиру на Петербургской сторонѣ, въ Малой Посадской улицѣ. Оттуда переѣхали, кажется, въ октябрѣ, на другую квартиру. Сначала онъ работалъ, а потомъ сдѣлался боленъ. Сталъ скученъ, тосковалъ, плакалъ; предпочиталъ уединеніе. Ходилъ въ лечебницу доктора Сикорскаго (психіатра); но послѣднее время онъ не сталъ къ нему ходить и говорилъ, что не считаетъ его докторомъ. Вообще, онъ чего-то боялся; говорилъ, что противъ него заговоръ. Ночь съ 5-го на 6-е декабря провелъ очень дурно, такъ что утромъ чувствовалъ себя не хорошо; былъ очень угрюмъ и задумчивъ.—Пом. прис. пов. Граціанскій. Почему вы отправились на Казанскую площадь 6-го декабря?—Свид. Новаковская. Мы пошли въ соборъ посмотрѣть службу. Дорогой заходили къ сестрѣ, чтобы занять денегъ. Послѣ службы мы хотѣли пойти въ театръ взять билеты, такъ какъ въ этотъ день участвовала Патти. Я хотѣла чѣмъ-нибудь развлечь мужа.—В. Вы слышали, что въ соборѣ что-то будетъ?—О. Слышала, что будетъ панихида по умершимъ сербамъ.—В. Не передавали ли объ этомъ мужу? О. Да, я говорила.—В. Что онъ сказалъ вамъ на это?—О. Онъ отказывался итти; говорилъ, что навѣрное ничего не будетъ, потому что мы раньше слышали, что будетъ панихида въ Исаакіевскомъ соборѣ, но ея не было.—В. Не слыхали вы, кто будетъ участвовать на панихидѣ?—О. Говорили, что будутъ всѣ власти.—В. Не было ли разговора о томъ, что будетъ заявлено какое-нибудь желаніе?—О. О войнѣ говорили: адресъ что-ли хотѣли о войнѣ.—В. Долго ли вы пробыли въ соборѣ? —О. Полчаса или больше. Мужъ вышелъ нѣсколько раньше, потому что онъ былъ ближе къ дверямъ. Когда я вышла и стояла на паперти, онъ стоялъ внизу и искалъ меня глазами. Когда увидѣлъ, то подалъ мнѣ руку и помогъ сойти. Онъ былъ чѣмъ-то испуганъ.—В. Не разспрашивали ли вы кого-нибудь, что случилось?—О. Мы спросили одного городового, высокаго роста, блондина; онъ стоялъ на углу улицы, гдѣ участокъ. Мужъ спросилъ: «что за суматоха?» Городовой сказалъ, что затѣяли скандалъ студенты. Мужъ замѣтилъ: «что, они пьяны, что-ли?» Городовой говоритъ: нѣтъ. Потомъ мы пошли на площадь, когда уже все утихло. Я была заинтересована и хотѣла узнать, въ чемъ дѣло. Мужъ сказалъ, что не стоитъ; но я все-таки пошла, и онъ за мною. Мы еще не успѣли никого спросить, какъ насъ взяли и отвели въ участокъ.—В. Когда васъ привели въ участокъ, тамъ уже

были женщины арестованныя?—О. Было, кажется, шесть.—В. Въ какихъ отношеніяхъ вашъ мужъ находился въ послѣднее время къ Гуровичу?—О. Они въ ссорѣ.—В. Почему вы не открыли мастерскую?—О. Денегъ еще не присылали, а потомъ онъ серьезно заболѣлъ.—В. Получили вы деньги и сколько?—О. Получили въ ноябрѣ 1000 руб.—В. Если бы не достало этихъ денегъ, то имѣли ли вы возможность добыть?—О. Да, отъ моихъ родителей.—Тов. прок. Вы какой вѣры?—Свид. Новаковская. Еврейка.—В. Что васъ заставило относиться съ такимъ сочувствіемъ къ панихидѣ?—О. Просто по любопытству; я не выражала сочувствія.—В. Когда вы услышали о панихидѣ?—О. Еще за мѣсяцъ раньше.—В. А о панихидѣ 6-го декабря.—О. За нѣсколько дней.—В. Отъ кого?—О. Не помню.—В. Послѣ того, какъ васъ арестовали, въ участокъ привели еще кого-нибудь?—О. Послѣ меня еще одну привели.—В. Въ послѣднее время вы съ своимъ мужемъ имѣли свиданіе въ тюрьмѣ?—О. Имѣла.—В. Сколько разъ вы его видѣли?—О. Два раза въ недѣлю.—В. По какому поводу вамъ было разрѣшено свиданіе?—О. По поводу моихъ прошеній и потому, что онъ былъ боленъ:—В. Что вызвало васъ подать прошеніе отъ 12-го января?—О. Потому что около того времени мужъ получилъ обвинительный актъ, а я не получила, слѣдовательно, онъ понялъ, что я не въ числѣ подсудимыхъ. Поэтому я спросила, значусь ли я въ числѣ свидѣтелей. Онъ говоритъ, что нѣтъ. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ, я говорю. «Подай, говоритъ, прошеніе.» —Пом. прис. пов. Граціанскій. Вы теперь на свободѣ или подъ арестомъ?—Свид. Новаковская. Подъ арестомъ.—В. Почему?—О. Не знаю; мнѣ не объясняли.—Подс. Новаковскій. Не помнишь ли ты примѣты городового, который насъ арестовалъ?—Свид. Новаковская. Высокаго роста, блондинъ.—В. Узнали бы его?—О. Вѣроятно.—В. Онъ прямо подошелъ и арестовалъ?—О. Онъ подошелъ съ какимъ-то человѣкомъ—рабочимъ, и тотъ указалъ на мужа и сказалъ: «это студентъ».—В. Вы спрашивали только у городового или еще у кого-нибудь?—О. Кажется, проходящихъ спрашивали.—Пом. прис. пов. Граціанскій, въ виду того, что обстоятельства ареста Новаковскихъ остаются неразъясненными, просилъ предъявить свидѣтельницѣ городовыхъ. Были предъявлены городовые, околоточные Васильевъ и Успенскій. Свидѣтельница осмотрѣла ихъ, но не признала никого. Она указала только на одного, сказавъ, что онъ «кажется похожъ». Городовой заявилъ, что онъ только видѣлъ, какъ повели Новаковскаго. Тов. прок. представилъ особому присутствію прошеніе Новаковской отъ 12-го января, поданное въ судебную палату. Затѣмъ предстоялъ допросъ свидѣтелей, вызванныхъ защитою Новаковскаго для показаній относительно состоянія его здоровья въ домѣ предварительнаго заключенія. Первоприсутствующій, съ согласія сторонъ, распорядился приглашеніемъ въ залу засѣданія двухъ врачей-экспертовъ для присутствованія при допросѣ означенныхъ выше свидѣтелей. Защитникъ подсудимаго просилъ разрѣшить его кліенту удалиться изъ залы засѣданія на время допроса этихъ свидѣтелей и заключенія экспертовъ, такъ какъ заявилъ самъ подсудимый:«Со мной можетъ случиться припадокъ во время экспертизы. Я не могу вынести ея.» Первоприсутствующій разрѣшилъ подсудимому удалиться. Свид. Поляковъ (старшій надзиратель дома предварительнаго заключенія) на вопросъ защитника Новаковскаго показалъ, что во время своего дежурства, въ ночь съ 29 на 30-е декабря, часа въ два ночи, онъ услыхалъ стукъ въ одной изъ камеръ и обратилъ на это вниманіе. Подошелъ къ дверямъ камеры и посмотрѣлъ въ зрительное стекло. Тамъ онъ увидѣлъ человѣка (Новаковскаго), стоящаго на кровати, который производилъ какія-то дѣйствія руками вверху—и отворилъ фортку. Свидѣтель спросилъ, что тотъ дѣлаетъ, но не получилъ никакого отвѣта. Онъ далъ знать

помощнику управляющаго. Тотъ пришелъ, открылъ форточку и спросилъ арестанта, что онъ дѣлаетъ. Арестантъ соскочилъ съ кровати и началъ бросаться изъ угла въ уголъ; потомъ опять вскочилъ на кровать и сталъ опять что-то дѣлать руками. Тогда помощникъ управляющаго приказалъ открыть двери. Вошли въ камеру силой, такъ какъ арестантъ препятствовалъ отворить двери. Затѣмъ его связали простынями, принесли горячечную рубашку, надѣли и привязали его къ кровати. У камеры остался младшій надзиратель, который впослѣдствіи сказалъ, что Новаковскій просится развязать. Свидѣтель доложилъ помощнику управляющаго, который приказалъ развязать. Новаковскаго развязали, и онъ лежалъ уже спокойно. Кромѣ этого случая свидѣтель ничего за подсудимымъ не замѣчалъ. Когда надѣвали на него рубашку, то онъ не давался: хватался руками за что придется; глазами водилъ въ стороны.—Свид. Ишукъ (младшій надзиратель) показалъ, что болѣзненные припадки съ Новаковскимъ онъ замѣчалъ и раньше. Такъ, напримѣръ, когда свидѣтель приходилъ къ нему, то иногда онъ говорилъ: «жена пришла, зачѣмъ она пришла?» Это повторялось нѣсколько разъ до случая 30-го декабря. Въ это время взглядъ его былъ не хорошъ; глаза страшные. Когда свидѣтель подошелъ къ форточкѣ и посмотрѣлъ въ стекло, то увидалъ, что Новаковскій стоитъ на кровати и привязываетъ къ форточкѣ полотенце съ салфеткою. Онъ сильно сопротивлялся, когда его вязали. Послѣ того, какъ надѣли рубашку, черезъ нѣсколько времени онъ успокоился и сталъ просить, чтобы его развязали.—Свид. Куреленковъ (помощникъ управляющаго домомъ предварительнаго заключенія) показалъ, что за нѣсколько дней до 30-го декабря Новаковскій обнаруживалъ нѣкоторыя болѣзненныя явленія, по отзывамъ надзирателей, такъ, напримѣръ, не принималъ пищи, былъ разстроенъ, и вообще его поступки казались подозрительными. Объ этомъ было заявлено доктору, и онъ былъ въ камерѣ, но что сдѣлалъ—свидѣтель не знаетъ.—Свид. Ѳоминъ (фельдшеръ) показалъ, что подавалъ помощь Новаковскому 30-го декабря. Нашелъ его въ сильно возбужденномъ состояніи; пульсъ былъ возвышенъ; зрачки расширены, глаза мутноваты, плакалъ, ходилъ шибко по комнатѣ; въ то время онъ былъ совершенно боленъ. Докторъ говорилъ свидѣтелю, что пользовалъ Новаковскаго раньше отъ желудочнаго катарра.—Выслушавъ показанія свидѣтелей, экспертъ, врачъ Баталинъ, высказалъ, что кромѣ свидѣтельскихъ показаній, имъ выслушанныхъ, при освидѣтельствованіи Новаковскаго 10-го января экспертиза имѣетъ въ виду показаніе врача, пользовавшаго подсудимаго раньше и свидѣтельство врача дома предварительнаго заключенія. При освидѣтельствованіи оказалось, что Новаковскій съ умѣренно развитою мускулатурою; органы пищеваренія не измѣнены; ненормальностей и уродливостей черепа не замѣчено; темперамента невропатическаго. Выраженіе лица плаксивое; по временамъ воодушевленное. Обо всемъ, что касается предшествовавшей жизни, говоритъ толково, разсудительно, такъ что нельзя замѣтить ни малѣйшихъ слѣдовъ галлюцинацій; когда же былъ ему предложенъ вопросъ о его заключеніи, то онъ сталъ плакать, говорилъ, что ничего не помнитъ; что болятъ руки, что его вязали, и пр., и никакихъ подробностей объяснить не могъ. Принимая во вниманіе показаніе врача Сикорскаго, который показалъ, что подсудимый страдаетъ разстройствомъ нервной системы, эксперты въ то время заключали, что Новаковскій 30 декабря находился, вѣроятно, въ припадкѣ истерическомъ или въ припадкѣ умопомѣшательства. Но, имѣя въ виду свидѣтельства доктора дома предварительнаго заключенія, эксперты находили, что Новаковскій страдаетъ только разстройствомъ нервной системы, при каковомъ состояніи малѣйшая возбуждающая причина вызываетъ истерическіе припадки; такъ какъ при такомъ болѣзненномъ состояніи, зави-

сящемъ отъ разстройства чувствительныхъ центровъ, малѣйшая причина можетъ вызывать психическія измѣненія, то Новаковскій 30-го декабря могъ быть въ припадкѣ изступленія и не помнить того, что съ нимъ происходило по окончаніи припадка. На этомъ основаніи эксперты пришли къ заключенію, что Новаковскій психически здоровъ.—Пом. прис. пов. Граціанскій. Его нервное разстройство постоянное, такъ что отъ малѣйшей причины съ нимъ могутъ повторяться подобные припадки?— Эксп. Баталинъ. Совершенно вѣрно. Я долженъ сказать, что вся суть нашего заключенія основана на показаніи врача, пользовавшаго подсудимаго раньше, такъ какъ мы видѣли его очень короткое время. На дальнѣйшіе вопросы экспертъ Баталинъ объяснилъ между прочимъ, что такое разстройство нервной системы можетъ со временемъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ, перейти въ умопомѣшательство, т. е. въ болѣзнь центральной мозговой системы. Точно опредѣлить границу между разстройствомъ нервной системы и разстройствомъ уже психическимъ чрезвычайно трудно. Другой экспертъ добавилъ, что явленія, происходившія, по показаніямъ свидѣтелей, съ Новаковскимъ, можно отнести къ истерическимъ нервозамъ. При нервномъ разстройствѣ истерическіе припадки могутъ быть такъ сильны, что человѣкъ можетъ не помнить того, что онъ дѣлаетъ, но послѣ онъ бываетъ совершенно здоровъ. Моментъ, когда нервное разстройство переходитъ въ психическую болѣзнь, трудно уловимъ. Неблагопріятныя условія могутъ ускорить этотъ переходъ. Этимъ окончился допросъ всѣхъ свидѣтелей и экспертовъ и первоприсутствующій спросилъ стороны, чѣмъ желаютъ онѣ дополнить судебное слѣдствіе. Обвиненіе и защита просили прочесть или позволить ссылаться на различные документы. Между прочимъ прокуроръ просилъ разрѣшенія ссылаться на брошюру заграничнаго изданія, которую онъ представилъ особому присутствію, и на прошеніе жены Новаковскаго отъ 12-января. Защита съ своей стороны находила, что ссылки на эту брошюру допускать не слѣдуетъ, такъ какъ она не можетъ составлять судебнаго доказательства, что она представляетъ собою не болѣе какъ корреспонденцію неизвѣстнаго лица въ журналъ, издающійся въ Лондонѣ и воспрещенный въ Россіи. Ее нельзя пріурочить ни къ показанію свидѣтеля, которое можетъ быть провѣрено на судѣ и противъ котораго можетъ быть предъявленъ отводъ, ни къ тѣмъ актамъ предварительнаго слѣдствія, которые добываются при условіи указанныхъ закономъ гарантій. Но если особое присутствіе разрѣшитъ ссылку на эту брошюру, то защита ходатайствовала, чтобы она была прочитана. Подс. Чернавскій сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «На вопросъ г. первоприсутствующаго я отвѣчалъ, что признаю себя участникомъ сопротивленія полиціи, и заявлялъ, что я хотѣлъ нанести ударъ околоточному надзирателю, но не объяснилъ почему. Теперь я заявляю, что полиція, когда арестовали участниковъ демонстраціи, била ихъ, вообще, обращалась съ ними возмутительно. Я хотѣлъ нанести ударъ полицейскому, чтобы отбить отъ него арестованнаго.—Подс. Бибергаль. Я желалъ бы, чтобы былъ прочитанъ актъ освидѣтельствованія докторомъ надзирателя Успенскаго, такъ какъ онъ заявилъ здѣсь, что ему перебили сухожиліе. Всякій знаетъ, что съ перебитымъ сухожиліемъ нельзя двигаться. Затѣмъ прошу ссылаться на циркуляръ градоначальника по полиціи 1872 года, гдѣ указано, какъ полицейскіе чины должны обращаться съ публикою. Оба эти подсудимые не имѣютъ защитниковъ, такъ какъ отказались отъ нихъ.—Подс. Боголюбовъ просилъ слова, которое ему и было предоставлено. Онъ заявилъ, обращаясь къ первоприсутствующему: на вопросъ вашъ, признаю ли я себя виновнымъ въ преднамѣренномъ присутствованіи на демонстраціи, я отвѣчалъ, что намѣреніе имѣлъ, но не признаю себя виновнымъ. Теперь я объясню это. Я зналъ, т. е. слышалъ о де-

монстраціи 6-го декабря, и зналъ ея цѣль, зналъ, что будутъ осуждаться дѣйствія правительства, т. е. что цѣль демонстраціи будетъ имѣть такой смыслъ, что будутъ осуждаться дѣйствія правительства по отношенію къ политическимъ преступникамъ. Затѣмъ я зналъ, что демонстрація должна выразиться въ панихидѣ. Я вышелъ часовъ въ 12 изъ квартиры. Я раньше хотѣлъ избѣгнуть этихъ объясненій; но теперь не могу и прямо буду говорить. Такъ какъ въ 12 часу еще было рано, и мнѣ было нужно зайти по одному очень важному для меня дѣлу, то я зашелъ и оттуда отправился въ соборъ. Я шелъ по Садовой, потомъ повернулъ по Чернышеву переулку. На дознаніи я показалъ, что шелъ...—Первоприсутствующій. Всѣ эти обстоятельства, которыя вы объясняете, были предметомъ судебнаго слѣдствія. Они разъяснились какъ вашимъ защитникомъ, такъ и тѣми свидѣтелями, которые давали здѣсь свои показанія. Поэтому, если вы желаете, то дайте простое и ближайшее объясненіе того, какимъ образомъ вы очутились на площади и какъ были взяты.—Подс. Боголюбовъ. Меня на предварительномъ слѣдствіи спрашивали, какимъ путемъ я шелъ, а потому я полагалъ, что это важно. Я шелъ по Чернышеву переулку; вышелъ на канаву. Тутъ я услышалъ шумъ. Подойдя къ собору, я не нашелъ уже никого. Видѣлъ только нѣсколько группъ публики. Я подошелъ къ одной и спросилъ: «что случилось?» Тутъ стоялъ человѣкъ въ енотовой шубѣ съ кокардой. Вдругъ онъ обернулся, взялъ меня за плечо и сказалъ: «это изъ тѣхъ же», потомъ подозвалъ городового. Городовой—высокаго роста, у него была сѣдая борода или баки онъ и повелъ меня въ участокъ. На предварительномъ слѣдствіи я не заявлялъ, что такой городовой меня привелъ. Но когда насъ предъявляли, одинъ дворникъ меня призналъ и сказалъ, что онъ меня велъ, что получилъ меня отъ городового съ сѣдою бородою...—Первоприсутствующій. То, что вы говорите, теперь допросомъ свидѣтелей провѣрено быть не можетъ. Вы объяснили, какимъ образомъ попали на площадь и какимъ образомъ были взяты: этого достаточно для особаго присутствія. Наконецъ, впослѣдствіи вы будете имѣть право послѣдняго слова, въ которомъ можете высказать то, что признаете нужнымъ.—Подс. Боголюбовъ. Я хотѣлъ только этимъ сказать, что я бы постарался, если бы зналъ, что этотъ городовой не будетъ вызванъ, чтобы его вызвали. На дознаніи, когда я говорилъ объ этомъ городовомъ, мнѣ сказали, что онъ будетъ вызванъ.—Подс. Новаковскій. Я желалъ бы разъяснить одно обстоятельство, которое поставлено въ обвинительномъ актѣ по отношенію ко мнѣ, какъ противорѣчіе. Первое противорѣчіе указано, что будто бы хозяинъ квартиры не слышалъ о панихидѣ.—Первоприсутствующій. Вы начинаете доказывать такія обстоятельства, которыя уже провѣрены судебнымъ слѣдствіемъ. Если хотите сообщить что-нибудь новое, то скажите. —Подс. Новаковскій. Относительно городового № 180 дѣло было такъ: городовой привелъ меня въ участокъ; затѣмъ меня обыскали. Я былъ послѣднимъ. Затѣмъ, когда переписывали насъ, я замѣтилъ этого городового. Я просилъ, чтобы его позвали, чтобы онъ сказалъ свой нумеръ. Онъ подошелъ къ дверямъ и прокричалъ кажется, 180.—Особое присутствіе удалилось для совѣщанія и по выходѣ первоприсутствующій объявилъ: выслушавъ заявленія сторонъ, особое присутствіе опредѣлило: разрѣшить сторонамъ ссылаться на всѣ тѣ акты, относительно которыхъ предъявлены ходатайства, исключая, во-первыхъ, брошюры, такъ какъ содержаніе ея взято изъ журнала, обращеніе котораго въ Россіи воспрещено, а потому и не можетъ быть оглашено, почему какъ прочтеніе ея, такъ и ссылка на нее не могутъ быть допущены, и, во-вторыхъ представленнаго нынѣ со стороны обвиненія прошенія Новаковской, такъ какъ оно не принадлежитъ къ актамъ слѣдственнаго производства, извѣстнымъ обѣимъ сторо-

намъ.—Засимъ первоприсутствующій объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ, отложивъ судебныя пренія до слѣдующаго дня.—Подсудимый Чернавскій. Я считаю нужнымъ заявить, что на вопросъ г. первоприсутствующаго, признаю ли я себя виновнымъ, я отвѣтилъ, что не признаю себя виновнымъ. Я хотѣлъ этимъ сказать, что признаю, что былъ въ Казанскомъ соборѣ на панихидѣ по политическимъ преступникамъ, умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія; признаю, что слышалъ рѣчь, что сочувствовалъ этой рѣчи, но того, чтобы во всѣхъ этихъ моихъ поступкахъ заключалось что-нибудь преступное, я не признаю. Засимъ особое присутствіе перешло къ слушанію преній сторонъ. Въ виду многочисленности произнесенныхъ рѣчей, которыя продолжались въ теченіе двухъ засѣданій, и въ виду подробнаго отчета о судебномъ слѣдствіи, приводимъ пренія сторонъ только въ существенной ихъ части. Тов. прок. Поскочинъ сказалъ, что въ продолженіи послѣднихъ четырехъ дней передъ Правительствующимъ Сенатомъ развернулась вся картина того происшествія, которое имѣло мѣсто на Казанской площади 6-го декабря истекшаго года. Этотъ матеріалъ, разработанный какъ со стороны обвиненія, такъ равно и со стороны защиты, долженъ представить, по мнѣнію обвинителя, достаточныя данныя для того, чтобы установить тотъ или иной взглядъ на это явленіе. По убѣжденію прокурора, всякое явленіе въ нашей жизни, всякое преступное дѣяніе должно быть разсматриваемо не односторонне. Оно должно быть обсуждаемо какъ съ внѣшней стороны, оцѣниваемо по внѣшнимъ признакамъ, которые можно прослѣдить глазомъ, такъ равно и по внутреннему содержанію дѣянія. Первый вопросъ, вопросъ самый интересный въ настоящемъ дѣлѣ, вопросъ, который рѣшаетъ дѣло въ ту или другую сторону, заключается въ томъ: что дѣйствительно произошло на Казанской площади 6-го декабря 1876 года? Что дѣйствительно тамъ было? Какъ дѣйствительно нужно взглянуть на это происшествіе? Былъ ли это только простой уличный безпорядокъ, или онъ перешелъ границы ничтожнаго проступка, предусмотрѣнаго уст. о нак., нал. мир. суд., и носитъ въ себѣ задатки преступленія, подсуднаго особому присутствію Правительствующаго Сената? Посему, для разрѣшенія этого перваго вопроса, необходимо обратиться къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя установлены на судебномъ слѣдствіи и которыя доказываютъ, что обвиненіе можно считать несомнѣнно доказаннымъ по отношенію къ происшествію 6-го декабря. Обвинитель сослался при этомъ на показанія Рабутовскаго и Гукова. Эти свидѣтели были въ самомъ соборѣ во время службы, видѣли все, что произошло, и могли оцѣнить по достоинству, по заслугамъ, дѣйствія и поведеніе лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сознались въ настоящемъ засѣданіи въ томъ, что они дѣйствительно были въ соборѣ, объяснивъ при этомъ и самую цѣль своего туда прибытія. Общій характеръ поведенія собравшейся 6-го декабря молодежи въ Казанскомъ соборѣ доказывалъ отсутствіе всякаго молитвеннаго настроенія съ ихъ стороны и давалъ право предполагать какую-нибудь иную, опредѣленную и общую всѣмъ цѣль сборища. Подобная оцѣнка появленія молодежи въ соборѣ подтверждается свидѣтелемъ Рабутовскимъ, который, выслушавъ мнѣніе, высказанное Гуковымъ о поведеніи молодежи, собравшейся въ церкви, и провѣривъ впечатлѣнія этого свидѣтеля, лично нашелъ нужнымъ позвать городового Есипенко и направить его въ полицію для того, чтобы извѣстить о происходившемъ пристава. Но этого своевременнаго увѣдомленія полиціи не удалось выполнить. Въ то время, когда Есипенко собирался выйти изъ собора, толпа молодежи хлынула одною волною и вышла на паперть. Есипенко былъ оттиснутъ отъ дверей и долженъ былъ выждать, пока всѣ находившіеся въ толпѣ вышли. Только-что молодежь вышла изъ собора, она немедленно сошла на площадь и образо-

вала кружокъ. Изъ среды его выдѣлился человѣкъ, произнесшій рѣчь. Рѣчь эта несомнѣнно является направленной противъ правительства, порицающей дѣйствія его и самый общественный строй нашего отечества. Эта рѣчь была встрѣчена одобреніемъ. Всѣ, окружавшіе говорившаго, хлопали въ ладоши и кричали «браво». Вслѣдъ затѣмъ былъ выброшенъ флагъ съ надписью: «земля и воля». Этотъ флагъ встрѣченъ былъ также единодушными криками «ура», криками сочувствія. Затѣмъ тотъ же флагъ былъ поднимаемъ молодымъ парнемъ, котораго высоко взбрасывали на рукахъ надъ толпою. Въ эту минуту появляется первое вмѣшательство полиціи въ лицѣ чиновника Васильева. Васильевъ подбѣжалъ къ толпѣ послѣ того, какъ увидѣлъ развѣвающійся флагъ, бросился въ нее, но былъ сбитъ съ ногъ и не могъ удержать дальнѣйшаго развитія безпорядка. Въ то же время вся толпа—при крикахъ: «держаться вмѣстѣ, впередъ!»—направилась къ Невскому проспекту, причемъ свидѣтель Абрамовъ удостовѣряетъ, что руководители толпы прямо указывали на этотъ путь слѣдованія. Несмотря на всѣ усилія нѣсколькихъ чиновъ полиціи, шествіе не могло быть ими остановлено: ихъ били, отгоняли, сбивали съ ногъ, и свидѣтельскими показаніями несомнѣнно установлено, что безпорядокъ не могъ бы быть остановленъ силою только администраціи, дѣйствовавшей на площади, и что безпорядокъ былъ устраненъ, порядокъ возстановленъ, и виновныя лица арестованы только при содѣйствіи постороннихъ лицъ, которыя приняли сторону полицейскихъ чиновъ. Этими данными, по мнѣнію прокурора, обрисовывается самый фактъ настолько, насколько онъ могъ быть разъясненъ на судебномъ слѣдствіи. Это та обстановка, изъ которой обвиненію приходится черпать выводы о томъ, какой законъ предусматриваетъ преступное дѣяніе, о которомъ идетъ рѣчь, и разсмотрѣть вопросъ о томъ, насколько представляется фактическихъ, дѣйствительныхъ данныхъ для обвиненія подсудимыхъ въ томъ дѣяніи, которое постановлено въ обвинительномъ актѣ. Законъ этотъ—252 ст. улож. о нак. Несомнѣнно, сказалъ обвинитель, что самыми существенными факторами, характеризующими происшествіе 6 декабря 1876 г., являются, во-первыхъ, та рѣчь, которая была произнесена, и, во-вторыхъ, тотъ флагъ, который явился здѣсь на судѣ въ качествѣ вещественнаго доказательства. Рѣчь, сказанная на площади, конечно, должна быть возстановлена только въ предѣлахъ слышаннаго на судебномъ слѣдствіи. Свидѣтели, которые говорили объ этой рѣчи—Шефтель, Товбичъ, Чернавскій, Рабутовскій и Абрамовъ. Эти свидѣтели удостовѣрили, что въ рѣчи говорилось о сосланныхъ за государственныя преступленія, о судомъ признанныхъ преступникахъ, каковы Чернышевскій, Долгушинъ, Нечаевъ, какъ о лучшихъ людяхъ Россіи. Далѣе указывалось, что они старались работать на пользу народа, за что, вмѣсто благодарности, взамѣнъ сочувствія, томятся на каторгѣ. Затѣмъ свидѣтельница А. Товбичъ указывала со словъ говорившаго рѣчь, что русскій народъ тѣснятъ; что онъ находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что за подати продается послѣдняя корова, сводится со двора послѣдняя лошадь, снимаются крыши съ домовъ. Вотъ суть показаній свидѣтелей, и она возстановляетъ вполнѣ смыслъ рѣчи. Самымъ наглядным, самымъ яснымъ изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній по этому же предмету есть показаніе Кашинцова, который, конечно, не могъ понять всего того, что говорилось, не зналъ именъ, не могъ ихъ возстановить передъ судомъ, не могъ даже разсказать болѣе или менѣе подробно о томъ, что дѣйствительно говорилось; но онъ, руководствуясь своимъ здравымъ смысломъ, понялъ направленіе рѣчи, на что она била, онъ сознался, что рѣчь шла противъ порядка, существующаго у насъ въ обществѣ, и противъ правительства Такимъ образомъ, едва ли можетъ быть споръ о томъ, какой смыслъ должно придать этой рѣчи. Но мало того.

Рѣчь эта могла бы быть не услышана многими, она относилась ближе всего къ лицамъ, которыя окружали говорившаго, а тѣ зрители, которые находились на площади, не смѣшивались съ толпою, слушавшею рѣчь. Но затѣмъ появляется продолженіе этой рѣчи, появляется флагъ съ надписью «земля и воля». Это есть уже болѣе наглядное воззваніе. То, что нельзя было слышать, можно было видѣть. Въ подтвержденіе этого прокуроръ указалъ на свидѣтелей Васильева, Богданова, Москвина и Семенова, которые видѣли флагъ развѣвающимся издали, такъ, напр., съ угла Малой Конюшенной. Что касается до девиза, который былъ на этомъ флагѣ, то этого девиза, по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, касаться подробно нечего. Но тѣ принципы, которые провозглашаются подъ словами «земля и воля», достаточно понятны: это—принципы революціоннаго движенія. Свидѣтели поднятія флага, не будучи вовсе подготовлены къ правильной оцѣнкѣ этого именно факта, тѣмъ не менѣе вполнѣ отчетливо и сознательно отнеслись къ нему, понявъ все его значеніе. Свидѣтель Пантелеевъ сознавалъ, что за словами «земля и воля», вышитыми на красномъ флагѣ, кроется «что-то худое», что на площади «неблагополучно»; свидѣтель Сидоровъ, человѣкъ болѣе развитой, понялъ весь смыслъ поднятія флага, назвавъ провозглашенные имъ принципы «нечестными». Наконецъ, свидѣтель Абрамовъ настолько сознялъ значеніе флага, что задержалъ личность, уносившую его съ площади—обвин емаго Якова Потапова. Такимъ образомъ, обвинитель утверждаетъ, что 6-го декабря 1876 года, въ Петербургѣ, въ центрѣ города, на Казанской площади, публично, при стеченіи народа, былъ произведенъ безпорядокъ съ противоправительственной цѣлью, и что этотъ фактъ достаточно подтверждается тѣми обстоятельствами, которыя раскрылись на судебномъ слѣдствіи. Но къ этому обвиненію присоединяется еще и другое, а именно—сопротивленіе власти. Въ этомъ отношеніи въ законѣ прежде всего требуется, чтобы та власть, которой оказано сопротивленіе, была властію, установленною закономъ. Въ этомъ отношеніи, кажется, не можетъ быть спора; полицейскіе чины, дѣйствовавшіе на площади, являются несомнѣнно закономъ установленными органами правительства. Даже частные люди, помогавшіе полиціи, по ея просьбѣ, при этой обстановкѣ, отчасти утрачиваютъ чисто частный характеръ, являясь помощниками законной власти, какъ бы понятыми. Но во всякомъ случаѣ изъ дѣла видно, что сопротивленіе касалось не только частныхъ лицъ, но и полиціи, почему фактъ сопротивленія существуетъ. Затѣмъ возникаетъ вопросъ о томъ, правильно ли поступила полиція, когда, не обращаясь къ толпѣ съ требованіемъ разойтись, прямо приступила къ арестамъ. Въ уложеніи о наказаніяхъ есть статья 269, которая указываетъ на то, что тѣ изъ участвовавшихъ въ преступномъ противодѣйствіи властямъ законнымъ, которые, безъ принятія особыхъ необыкновенныхъ мѣръ для ихъ усмиренія, или же хотя и по надлежащемъ приготовленіи къ принятію такихъ мѣръ, но по сдѣланному затѣмъ воззванію начальства разойдутся и оставятъ свое намѣреніе, освобождаются отъ всякаго наказанія, если они притомъ не учинили какого-либо другого преступленія. Если Правительствующій Сенатъ признаетъ, что дѣйствительно была произнесена рѣчь, поднимался флагъ, т. е. признаетъ существованіе признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 252 ст. улож. о нак., то является невозможнымъ примѣненіе 269 статьи. Только тогда могла быть рѣчь о томъ, что полиція должна была сдѣлать воззваніе, когда не было бы совершено другого преступленія; но когда явились первые полицейскіе чины, чтобы возстановить порядокъ, преступленіе уже было совершено—произнесена рѣчь, поднятъ флагъ, оказано сочувствіе высказанному въ рѣчи воззрѣнію. Такимъ образомъ, полиціи не только не представлялось надобности обращаться къ толпѣ съ требованіемъ разой-

тись, но она не была и въ правѣ сдѣлать этого; она обязана была только взять виновныхъ въ совершенномъ преступленіи. Что же касается обращенія градоначальника съ требованіемъ разойтись, то оно относилось къ тѣмъ зрителямъ, которые собрались на шумъ и безпорядокъ, происшедшіе на площади. По этому обвиненію—въ сопротивленіи полиціи, обвинитель выдѣлилъ лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ безпорядкѣ, которыя, какъ доказано судебнымъ слѣдствіемъ, дѣйствительно дрались и били тѣхъ, которые хотѣли ихъ арестовать. Но, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію уликъ противъ подсудимыхъ, прокуроръ разсмотрѣлъ два вопроса, касающіеся всѣхъ подсудимыхъ и которые стоятъ на границѣ между оцѣненнымъ дѣяніемъ по закону и тою частью обвиненія, которая будетъ касаться уликъ, собранныхъ противъ каждаго изъ обвиняемыхъ. Первый вопросъ—о предумышленности появленія молодежи въ соборѣ. Предумышленность эта стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; она установлена какъ свидѣтельскими показаніями, такъ и показаніями подсудимыхъ: Бибергаля, Чернавскаго, Шефтель, Бочарова и Боголюбова. Свидѣтельница Товбичъ удостовѣрила, что всѣ лица, которыя явились въ соборъ, пришли съ преднамѣренною цѣлью отслужить панихиду по умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія политическимъ арестантамъ. Особенно яснымъ въ этомъ отношеніи является показаніе обвиняемаго Боголюбова, который заявилъ, что хотя не былъ въ соборѣ, потому что опоздалъ, но шелъ туда и имѣлъ о ну цѣль—осужденіе дѣйствій правительства. Сверхъ того, преднамѣренность и сговоръ быть въ соборѣ для служенія панихиды устанавливается и показаніями обвиняемыхъ говорящихъ, что они встрѣтили въ церкви знакомыхъ, людей одинаковыхъ взглядовъ и пришедшихъ съ тою же цѣлью. Наконецъ, на предумышленность появленія молодежи, 6 декабря, въ Казанскомъ соборѣ, указываютъ приглашенія, о которыхъ было говорено на судебномъ слѣдствіи Александрою Товбичъ и при дознаніи Поповымъ. Нельзя также не обратить вниманія и на то, что появленіе въ церкви всѣхъ участниковъ демонстраціи не можетъ быть объяснено религіознымъ побужденіемъ. Поведеніе ихъ во время службы слишкомъ рельефно это доказало. Наконецъ, весьма характерно сборище въ православномъ соборѣ людей иной религіи, именно евреевъ; оно указываетъ несомнѣнно, что эти люди пришли туда только потому, что сочувствовали внутреннему смыслу панихиды по умершимъ политическимъ арестантамъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію обвинителя, прибытіе обвиняемыхъ въ соборъ, съ цѣлью отслужить панихиду, является дѣйствіемъ прямо преднамѣреннымъ, въ которомъ усматривается стремленіе выразить правительству враждебныя чувства. Второй вопросъ—объ участіи каждаго изъ обвиняемыхъ въ толпѣ, представляется однимъ изъ самыхъ существенныхъ для обвиненія. Нѣтъ сомнѣнія, что демонстрація была задумана заранѣе отъ начала до конца; кромѣ того, все, что было задумано, приведено и въ исполненіе; не удалось только распространить безпорядокъ далѣе, т. е. выйти на одну изъ оживленнѣйшихъ улицъ Петербурга и тѣмъ еще болѣе развить, хотя бы только по внѣшности, движеніе, долженствовавшее имѣть окраску движенія рабочаго. На эту предумышленность демонстраціи указываетъ флагъ, очевидно, заготовленный раньше, и сказанная, конечно, обдуманно, рѣчь, выводы которой согласовались съ девизомъ «земля и воля». Но при этомъ обвинитель не считаетъ себя вправѣ утверждать, что всѣ подсудимые преднамѣренно собрались въ соборъ, придумавъ и устроивъ эту демонстрацію въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ она произошла; но во всякомъ случаѣ тѣ лица, которыя устроили всю демонстрацію, должны были имѣть въ виду ту почву, на которой имъ придется дѣйствовать; они были увѣрены, что если люди собрались на панихиду, чтобы выразить правительству свое неодобреніе, то

они пойдутъ и далѣе, и, дѣйствительно, главные виновники не ошиблись въ разсчетѣ. Стоило имъ только крикнуть, и образовался тотъ оплотъ, который былъ необходимъ для произнесенія рѣчи. Могутъ сказать, что на призывъ могли подойти и лица постороннія, но, какъ доказано показаніями свидѣтелей, зрители происшествія находились въ такомъ недоумѣніи, что только стояли и смотрѣли на происходившее и ни одинъ изъ нихъ не рѣшился подойти къ толпѣ молодежи. Въ томъ, что производившіе безпорядокъ рѣзко отдѣлялись отъ другихъ еще въ церкви, что изъ нихъ тотчасъ же по выходѣ изъ собора образовался кружокъ съ цѣлью дать возможность произнести безъ помѣхи рѣчь, обвинитель усматриваетъ признаки умысла со стороны тѣхъ, которые образовали толпу около говорившаго. Весьма рельефнымъ доказательствомъ существованія этого умысла служитъ, по мнѣнію прокурора, показаніе свидѣтельницы А. Товбичъ, которая пришла въ соборъ, зная для чего, т. е. для панихиды, но, видя, что таковая не осуществилась, все-таки чего-то ждала и, наконецъ, подумала, что ничего другого не будетъ. Что же могло быть еще «другое», если люди шли только для присутствованія на панихидѣ? Очевидно, что свидѣтельница Александра Товбичъ наглядно разъяснила предъ судомъ скрытый умыселъ, сознательныя дѣйствія каждой личности, примкнувшей по первому призыву къ говорившему рѣчь. Каждый ждалъ только почина, и починъ взялъ на себя неизвѣстный ораторъ. Рѣчь его, очевидно, могла быть произнесена только потому, что каждый изъ стоявшихъ въ кружкѣ сдѣлалъ физически невозможнымъ арестъ говорившаго. Если бы ораторъ явился на площадь одинъ и сталъ говорить, тогда дѣло кончилось бы иначе. Одного городового было бы достаточно, чтобы прекратить безпорядокъ и отправить виновнаго въ участокъ. Такимъ образомъ, лица, составлявшія оплотъ для говорившаго, образовавшія плотную живую стѣну вокругъ говорившаго, криками одобренія принимавшія каждое его слово, поднимавшія флагъ съ девизомъ «земля и воля», могли находиться въ толпѣ только намѣренно; случайности тутъ не было. Есть одно обстоятельство, которое подтверждаетъ это мнѣніе. Свидѣтель Рабутовскій на подробные вопросы защиты удостовѣрилъ, что зрители не смѣшивались съ шумѣвшею толпою до тѣхъ поръ, пока не приступлено было къ арестамъ. Толпа же эта была та самая, которая находилась въ соборѣ, отличаясь отъ другихъ молящихся, которая вышла оттуда на площадь, какъ одинъ человѣкъ, и которая, наконецъ, при появленіи полиціи направилась къ памятнику кн. Кутузова, стараясь прорваться на Невскій проспектъ. Такимъ образомъ, является нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ, когда умыселъ каждаго изъ участниковъ въ толпѣ долженъ былъ проявиться сильнѣе или ослабнуть. Они собрались въ церковь на панихиду, но затѣмъ выходятъ изъ церкви толпою; когда ихъ призываютъ, они останавливаются и слушаютъ рѣчь. Тутъ уже каждый не могъ не отдать себѣ отчета въ томъ, что слышалъ. Одобряя рѣчь, встрѣчая криками «ура» поднятіе флага, всѣ участники въ толпѣ, окружавшей говорившаго, доказали свою съ нимъ солидарность и умышленность своихъ дѣйствій. Сколько моментовъ было для того, чтобы уйти, чтобы не подвергать себя отвѣтственности. Нѣкоторые это и сдѣлали. Если затѣмъ другіе остались, если были арестованы и теперь находятся на судѣ весьма немногіе изъ числа производившихъ безпорядокъ, то понятно, что это лица, наиболѣе выдававшіяся. Если и возможна въ данномъ случаѣ ошибка, то она будетъ самою исключительною, вслѣдствіе особенности самой обстановки дѣла. Въ усмиреніи принимали участіе посторонніе люди, смотрѣвшіе на дѣло спокойно, имѣвшіе время наблюдать за виновными и приступившіе къ содѣйствію полиціи только по ея просьбѣ. Такимъ образомъ, всякая личность, которая была въ толпѣ и была арестована, тѣмъ самымъ уже ули-

чается въ участіи въ демонстраціи. Затѣмъ обвинитель представилъ данныя, на основаніи которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало признать, что опознавшіе подсудимыхъ свидѣтели не ошибались. Конечно, и въ этомъ отношеніи будетъ возбуждено сомнѣніе, но разрѣшить это сомнѣніе—дѣло суда, а онъ, обвинитель, будетъ разсматривать эти данныя съ точки зрѣнія судебнаго слѣдствія. Каждый свидѣтель давалъ свои показанія подъ присягою, каждый разспрашивался подробно—можетъ ли онъ признать и кого именно? Если въ настоящемъ засѣданіи нѣкоторые изъ свидѣтелей отзывались запамятованіемъ и не могли признать указанныхъ ими при дознаніи подсудимыхъ, то обстоятельство это совершенно понятно: съ тѣхъ поръ, какъ обвиняемые предъявлялись на дознаніи, прошло 5 недѣль; сверхъ того, самая обстановка суда должна была повліять на каждаго свидѣтеля; обвиняемые, съ своей стороны, одѣты иначе, чѣмъ при дознаніи: тамъ они предъявлялись въ томъ, въ чемъ они были на площади и притомъ въ шапкахъ. Обвинитель считаетъ существенно опровергнутою только ту часть предъявленія, которая прямо отвергнута свидѣтелями на судѣ. Такъ, напримѣръ, свидѣтель Успенскій отозвался, что не рѣшается признать Надеждина и Савельева (Иванова), а Трещовъ—Геллера. Посему прокуроръ считаетъ эту улику противъ означенныхъ подсудимыхъ опровергнутою, но не можетъ сказать того же о Поповѣ, который, хотя не признанъ на судѣ, но былъ признанъ прежде, причемъ свидѣтель Ефимовъ сослался на протоколъ предъявленія отъ 12 декабря, утверждая правильность первоначальнаго своего объясненія при дознаніи. Очевидно, слѣдовательно, что этотъ протоколъ отъ 12 декабря имѣетъ противъ Попова доказательную силу. Подобный выводъ прокуроръ основывалъ и на томъ, что каждый свидѣтель, давая показаніе свое подъ присягою и утверждая на судѣ прежде данныя имъ объясненія, тѣмъ самымъ возводитъ тѣ объясненія на степень прежняго показанія. Обвиненіе утверждаетъ, что свидѣтели, признававшіе обвиняемыхъ, были зрителями, видѣвшими происходившее на площади отъ начала до конца. Они имѣли достаточно времени всмотрѣться въ личности, намѣтить тѣхъ людей, которые особенно выдавались. Посему не будетъ увлеченіемъ со стороны обвиненія, если оно будетъ строить на этихъ критически провѣренныхъ данныхъ самую существенную улику противъ обвиняемыхъ. Если Правительствующій Сенатъ признаетъ справедливымъ тотъ взглядъ, который высказанъ обвиненіемъ о значеніи нахожденія каждаго обвиняемаго въ толпѣ, то логическимъ послѣдствіемъ отсюда будетъ возведеніе признанія подсудимыхъ свидѣтелями въ лицо—въ существенную и безспорную улику. Далѣе прокуроръ указалъ, что есть подсудимый, непризнанный ни при дознаніи, ни на судѣ. Это—Морошкинъ. Съ этого именно подсудимаго обвинитель и началъ изложеніе уликъ. При этомъ онъ указалъ на весьма интересное для обвиненія обстоятельство—неправдоподобность всѣхъ объясненій подсудимыхъ о причинахъ, приведшихъ ихъ 6 декабря на Казанскую площадь. Что могло быть проще, сказалъ прокуроръ, какъ выясненіе обстоятельствъ, зачѣмъ и почему человѣкъ шелъ по извѣстному направленію; нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ подсудимыхъ, взятый ошибочно, по недоразумѣнію, сумѣлъ бы поставить вопросъ такъ, какъ онъ теперь стоитъ въ отношеніи Надеждина. Между тѣмъ, Морошкинъ далъ такого рода указанія о причинѣ, приведшей его на Казанскую площадь, которая далеко не убѣждаетъ въ своей правдивости и не исключаетъ предположенія о приходѣ Морошкина къ Казанскому собору ради участія въ демонстраціи. Положимъ, Морошкинъ никѣмъ не признанъ, но вѣроятно ли его объясненіе, въ которомъ онъ говоритъ, что шелъ въ Казанскую улицу къ знакомой: назвать фамилію ея подсудимый не сумѣлъ, указать точно адреса не могъ. На судѣ защитникъ Морошкина, правда, представилъ справ-

ку о томъ, что на Казанской улицѣ проживаетъ личность, которая носитъ то же имя и отчество, которыя Морошкинъ назвалъ на дознаніи, но обвинитель не спорилъ противъ предъявленія этого документа, хотя и имѣлъ бы къ тому основаніе, только потому, что онъ не придаетъ этой справкѣ серьезнаго значенія. Можно ли теперь провѣрить, что указанная въ справкѣ личность тождественна съ неизвѣстною, о которой прежде говорилъ Морошкинъ. На эту тождественность Морошкинъ не указалъ даже на судѣ, по предъявленіи справки. Противъ Морошкина есть еще улика весьма вѣская—это то, что онъ, уходя утромъ 6 декабря отъ своего товарища Карльсона, сказалъ, что идетъ въ Казанскій соборъ. Повѣритъ ли судъ тому, что свидѣтель говорилъ прежде, или тому, что онъ говорилъ теперь—это дѣло совѣсти судей; но обвиненіе убѣждено, что Карльсонъ въ первомъ своемъ показаніи говорилъ правду. Здѣсь онъ имѣлъ видъ человѣка который не хочетъ сказать того, что онъ знаетъ, между тѣмъ, на дознаніи онъ прямо заявилъ, что Морошкинъ шелъ въ Казанскій соборъ. Здѣсь же, понимая значеніе своего показанія, онъ, очевидно, хотѣлъ выгородить своего товарища. Затѣмъ, второй по очереди, обвиняемый Иванозъ, онъ же Савельевъ, указывалъ, что съ 5 на 6 декабря онъ ночевалъ у себя дома и что къ нему пришелъ его знакомый Крутиковъ, который и ночевалъ у него. Между тѣмъ, оказывается, что Ивановъ ночевалъ не у себя дома, а на квартирѣ у Городничаго, и что Крутиковъ пришелъ въ гости не къ Иванову, а къ Городничему. Свидѣтель Крутиковъ показалъ, что онъ зналъ Иванова но никогда не посѣщалъ его. Затѣмъ обвиняемый говорилъ о томъ, что на другой день онъ вмѣстѣ съ Крутиковымъ ушелъ изъ дому и разошелся съ нимъ, не желая его угощать. Между тѣмъ, Крутиковъ говоритъ, что въ этотъ день онъ шелъ на двое именинъ и, слѣдовательно, не нуждался въ угощеніи со стороны обвиняемаго. Далѣе, Ивановъ говоритъ, что онъ пошелъ на Васильевскій островъ, куда шелъ и Крутиковъ, тогда какъ послѣдній утверждаетъ, что Ивановъ заявилъ ему о намѣреніи пойти «на ту сторону», а «тою стороною», по словамъ Крутикова, жители Петербургской стороны и Васильевскаго острова называютъ центральную часть Петербурга. Слѣдовательно, Ивановъ шелъ въ тотъ центръ, гдѣ онъ дѣйствительно и оказался. Относительно задержанія показаніе Иванова тоже неправдоподобно; онъ говоритъ, что кто-то налетѣлъ на него сзади, билъ и арестовалъ. Наконецъ, Ивановъ расходится съ Крутиковымъ и въ томъ, что отрицаетъ бытность съ ними 6 декабря пріятеля Иванова, Городничаго, каковое обстоятельство несомнѣнно, судя по словамъ Крутикова. Затѣмъ слѣдуетъ третій обвиняемый, Тимофеевъ, относительно котораго, какъ заявилъ обвинитель, преслѣдованіе по дѣлу, однородному съ настоящимъ, было прекращено только 26 августа. Онъ былъ арестованъ по настоящему дѣлу на Малой Конюшенной, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Подсудимый утверждаетъ, что шелъ одинъ. Между тѣмъ, свидѣтель Васильевъ говоритъ, что ихъ было двое, что они были ему указаны артиллерійскимъ офицеромъ, который обратилъ на нихъ вниманіе потому, что они прятались подъ воротами одного изъ домовъ на Малой Конюшенной. Такимъ образомъ, является двойное противорѣчіе въ показаніи обвиняемаго. Онъ былъ вдвоемъ, и они прятались подъ воротами, значитъ, и у него, и у его товарища было какое-нибудь основаніе скрываться въ то время, когда производились аресты. Затѣмъ, когда ихъ вели въ участокъ, то кто-то изъ нихъ оставляетъ на пути кастетъ—одинъ изъ тѣхъ инструментовъ, который связывалъ этихъ двухъ лицъ съ тѣмъ, что происходило на Казанской площади, такъ какъ свидѣтель Пантелеевъ утверждаетъ, что онъ получилъ два удара по головѣ какимъ-то тупымъ орудіемъ. Что кастетъ былъ въ дѣйствіи—это весьма вѣроятно. «Но ря-

домъ съ этимъ, продолжалъ обвинитель, поддерживая обвиненіе противъ Иванова, Морошкина и Тимофеева, убѣжденный, что противъ нихъ есть улики, я не смѣю ни по совѣсти, ни позакону поддерживать обвиненіе, разрушенное на судѣ. А съ такимъ обстоятельствомъ въ настоящую минуту мнѣ приходится стать лицомъ къ лицу. Я говорю о подсудимомъ Надеждинѣ. Я долженъ прежде всего обратиться къ показаніямъ, породившимъ обвиненіе, и коснуться ихъ подробнѣе для выясненія положенія моего въ отношеніи защиты подсудимаго, котораго я выдѣлю изъ числа обвиняемыхъ. Я снимаю съ Надеждина обвиненіе и высказываю мое глубокое убѣжденіе, что привлеченіе его къ дѣлу является прискорбнымъ недоразумѣніемъ, отвѣтственность за которое прокуратура не можетъ принять на себя. Когда составлялся обвинительный актъ, то имѣлись противъ Надеждина, какъ вамъ извѣстно, слѣдующія улики: во-первыхъ, онъ былъ задержанъ на Казанской площади; во-вторыхъ, онъ былъ признаваемъ нѣсколькими свидѣтелями, которые удостовѣряли, что дѣйствительно видѣли его тамъ въ числѣ дѣйствовавшей толпы. Свидѣтель, околоточный надзиратель Успенскій, прямо говорилъ, что эта личность — та самая, которая ему нанесла ударъ. Свидѣтель Ритчеръ отрицалъ, чтобы у него былъ послѣ окончанія безпорядка какой-нибудь разговоръ съ Надеждинымъ на площади, отрицалъ и арестъ имъ, Ритчеромъ, Надеждина. На судебномъ слѣдствіи эти обстоятельства измѣнились. Какъ подвержденіе объясненій обв. Надеждина, явилось показаніе Влезкова, который удостовѣрилъ самымъ точнымъ образомъ, при какихъ обстоятельствахъ совершился арестъ Надеждина. Онъ былъ арестованъ приставомъ послѣ окончанія безпорядка, вслѣдствіе неумѣстныхъ заявленій и нежеланія удалиться съ площади. Предъ этимъ правдивымъ разсказомъ упали показанія Успенскаго, совершенно измѣнилось категорическое заявленіе пристава Ритчера. Оба они отказались отъ прежнихъ объясненій и остается только пожалѣть, что подобнаго рода необдуманныя показанія влекутъ за собою ошибки и ошибки весьма тягостныя. Поведеніе пристава тѣмъ болѣе необъяснимо, что, благодаря его заявленію, не дано было вѣры показанію Влезкова, студента института инженеровъ путей сообщенія, гдѣ воспитывается и Надеждинъ. Наконецъ, я не могу забыть тѣхъ двухъ свидѣтелей, которые были вызваны со стороны защиты и разъяснили передъ нами характеръ и личныя свойства Надеждина, человѣка скромнаго и серьезно работающаго надъ изученіемъ своей спеціальности. По всѣмъ этимъ основаніямъ я считаю себя обязаннымъ отказаться отъ обвиненія Надеждина и ходатайствовать передъ вами, гг. сенаторы и гг. сословные представители, о признаніи Надеждина по суду оправданнымъ.» (Сдѣланъ перерывъ на десять минутъ).

По возобновленіи засѣданія, товарищъ прокурора продолжалъ изложеніе уликъ, начавъ съ подсудимаго Геллера. Онъ не признанъ никѣмъ изъ свидѣтелей. На дознаніи на него указывалъ свидѣтель Трещовъ, но спрошенный здѣсь, на судѣ, отказался отвѣчать утвердительно, хотя подсудимый былъ одѣтъ въ то самое платье, въ которомъ находился на площади и въ которомъ его предъявляли свидѣтелю при дознаніи, 12-го декабря. Тѣмъ не менѣе обвиненіе не считаетъ себя въ правѣ не поставить противъ Геллера уликъ, которыя приводятъ къ убѣжденію, что обвиняемый участвовалъ въ безпорядкахъ 6-го декабря. Подсудимый заявилъ, что онъ шелъ на панихиду по умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія политическимъ арестантамъ. Если припомнить скрытый смыслъ этой панихиды, то очевидно, что Геллеръ шелъ въ соборъ, зная предположеніе выразить правительству враждебныя чувства. Онъ не отвергаетъ, что былъ въ соборѣ и арестованъ на площади, но говоритъ, что задержанъ былъ только за то, что заступился за личность, которую хотѣли взять въ

полицію. Подсудимый Геллеръ, какъ извѣстно Правительствующему Сенату, былъ уже разъ замѣшанъ въ демонстраціи при объявленіи приговора государственнымъ преступникамъ Плотникову и Панину. Если бы Геллеръ не хотѣлъ присутствовать на панихидѣ, если бы онъ не имѣлъ умысла и желанія поддержать лично выраженіе чувствъ молодежи къ правительству, то онъ, какъ человѣкъ уже опытный въ такихъ дѣлахъ, слѣдовательно, болѣе осторожный, не пошелъ бы туда. Если же онъ считалъ нужнымъ даже вступаться за тѣхъ лицъ, которыя производили безпорядокъ и которыхъ арестовывали, то обстоятельство это, въ ряду представленныхъ выше соображеній, свидѣтельствуетъ, что хотя Геллеръ и не былъ признанъ на судѣ свидѣтелями за участника въ демонстраціи 6-го декабря, но тѣмъ не менѣе есть поводъ думать, что Геллеръ виновенъ въ безпорядкахъ, произведенныхъ на Казанской площади. Засимъ прокуроръ перешелъ къ обвиняемому Попову, котораго призналъ свидѣтель Ефимовъ. Самъ подсудимый не отрицаетъ бытности своей въ соборѣ и того, что находился въ толпѣ, зная заранѣе, что 6-го декабря на Казанской площади готовится нѣчто революціонное. Такимъ образомъ, это заявленіе Попова, сопоставленное съ показаніемъ Ефимова, представляется достаточно вѣскою уликою, убѣждающею, что Ефимовъ не ошибался, признавая въ Поповѣ личность, которая содѣйствовала главнымъ руководителямъ безпорядка. Подсудимый Гуровичъ точно также былъ признанъ тѣмъ же свидѣтелемъ Ефимовымъ, не узнавшимъ его, однако, на судѣ, но подтверждавшимъ справедливость первоначальнаго своего показанія. Самъ Гуровичъ далъ объясненіе слѣдующаго содержанія. Ушелъ онъ изъ дому одинъ и былъ арестованъ, неизвѣстно почему, въ то время, когда переходилъ по тротуару, отдѣляющему Невскій проспектъ отъ Казанской площади. Между тѣмъ, здѣсь на судѣ Гуровичъ нѣсколько видоизмѣнилъ свое первое показаніе. Онъ указывалъ прежде на то, что никогда не видѣлъ и даже не зналъ фамиліи обвиняемой Шефтель; на судебномъ слѣдствіи Гуровичъ выяснилъ знакомство съ Шефтель, объясняя прежнее свое заявленіе ошибкою. Онъ не думалъ, что его показаніе будетъ провѣрено допросомъ свидѣтелей. Слѣдовательно, Гуровичъ признаетъ нужнымъ не отрицать только того, что несомнѣнно подтверждено и доказано свидѣтельскими показаніями, того, что установлено на такихъ данныхъ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ своей безошибочности. Едва ли подобный образъ дѣйствій Гуровича даетъ право вѣрить въ искренность его показаній. Обвинитель полагаетъ, что Гуровичъ имѣлъ основаніе, ради собственной безопасности, отказываться отъ знакомства съ Шефтель. Гуровичу невыгодно было стать рядомъ съ Шефтель—она занимаетъ слишкомъ видное мѣсто въ дѣлѣ. Гуровичъ и теперь еще продолжаетъ отрицать одновременный выходъ свой 6-го декабря изъ общей квартиры съ Шефтель, встрѣчая въ этомъ случаѣ поддержку въ искаженныхъ показаніяхъ свидѣтелей Виленца и Макарова. Оба эти лица показали діаметрально противоположное тому, что говорили при дознаніи. Слѣдовательно, Гуровичъ колеблется, онъ добавляетъ то, чего нельзя было не добавить, а съ другой стороны, продолжаетъ отрицать, при помощи измѣненныхъ здѣсь на судѣ показаній свидѣтелей, то обстоятельство, что онъ вышелъ вмѣстѣ съ Шефтель. Эта тактика вполнѣ понятна: Гуровичу необходимо разорвать ту связь, устранить то знакомство, которое ему невыгодно. Онъ энергически, ради собственнаго спасенія, долженъ отрицать то обстоятельство, что вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ Шефтель. Но эта уловка слишкомъ легко разгадывается. Вѣроятно ли, дѣйствительно, чтобы Гуровичъ, находящійся въ академіи, давшей суду наибольшій контингентъ подсудимыхъ, чтобы Гуровичъ, вращаясь въ томъ кружкѣ, гдѣ всѣ свѣдѣнія о проис-

шествіяхъ, подобныхъ разсматриваемому, распространяются быстро и сохраняются въ самомъ достовѣрномъ видѣ, чтобы этотъ подсудимый не зналъ дѣйствительной цѣли сборища въ Казанскомъ соборѣ, когда объ этомъ знала гораздо ранѣе Шефтель? Она шла прямо на панихиду. Вѣроятно ли рядомъ съ этимъ то, что Гуровичъ, который жилъ съ нею въ одной квартирѣ, который утромъ 6-го декабря разговаривалъ съ нею, вышелъ вмѣстѣ изъ дому и, наконецъ, взятъ на той же площади, гдѣ и Шефтель,— вѣроятно ли, что онъ не зналъ ничего о предположенномъ и арестованъ по ошибкѣ? По этимъ основаніямъ товарищъ прокурора считалъ въ отношеніи Гуровича обвиненіе несомнѣнно доказаннымъ. Что касается обвиняемыхъ Григорьева и Громова, то, во-1-хъ, оба они признаны свидѣтелями, и, во-2-хъ, оба даютъ такого рода показанія, которыя, при сопоставленіи съ показаніями свидѣтелей, приводятъ къ убѣжденію въ виновности обоихъ. Показанія ихъ сходны между собою въ той невѣроятности, которая составляетъ ихъ отличительную черту. Оба они живутъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ города: Григорьевъ—за Невскою заставою, Громовъ— на Петербургской сторонѣ. Григорьевъ очутился на площади Казанскаго собора и на вопросъ, почему и зачѣмъ онъ пришелъ туда, онъ объяснилъ, что шелъ на Выборгскую сторону. Слѣдовательно, находясь на одной сторонѣ рѣки, противъ Выборгской стороны, онъ пошелъ не черезъ рѣку, а въ противоположную сторону—къ центру города. Этого обвиняемаго призналъ свидѣтель Москвинъ за то лицо, которое было въ толпѣ. Если бы Григорьевъ былъ человѣкомъ невиноватымъ, если бы онъ попался случайно, то онъ не давалъ бы такого показанія. Между тѣмъ, оказывается изъ показанія Клибика еще и то, что, когда обвиняемый былъ привезенъ въ участокъ, то онъ продолжалъ буйствовать, усложняя и безъ того трудное положеніе полиціи. Подобная оцѣнка объясненій Григорьева, по мнѣнію обвинителя, даетъ ему право не вѣрить въ невиновность этого обвиняемаго. Обвиняемый Громовъ, съ своей стороны, далъ показаніе, которое еще болѣе невѣроятно, чѣмъ объясненія Григорьева. Громовъ говоритъ, что съ Петербургской стороны онъ пошелъ на Исаакіевскую площадь, а попалъ къ Казанскому собору, вошелъ въ соборъ, простоялъ обѣдню и молебенъ, затѣмъ вышелъ на площадь и въ это время на него кто-то напалъ сзади, повалилъ и взялъ. На вопросъ о томъ, видѣлъ ли онъ, что происходило на площади, онъ отвѣчалъ, что не видѣлъ, потому что не имѣетъ привычки оборачиваться. Позволительно усомниться въ справедливости этого объясненія. Уже одно любопытство должно было заставить его обернуться. Появленіе массы зрителей на площади объясняется только этимъ понятнымъ чувствомъ; люди сбѣгались со всѣхъ сторонъ, улица и площадь были покрыты любопытными, даже движеніе экипажей по Невскому пріостановилось. Невѣроятно, чтобы Громовъ, вышедшій изъ собора послѣ молебна, слѣдовательно, когда уже начался безпорядокъ, не обернулся и не посмотрѣлъ, что происходитъ вокругъ него. Поэтому признаніе обвиняемаго свидѣтелемъ Есипенко за ту личность, которая была въ толпѣ, является достовѣрнымъ, и обвиненіе нисколько не затрудняется высказать убѣжденіе о виновности Громова. Далѣе, обвинитель остановился нѣсколько долѣе на подсудимомъ Новаковскомъ. Первое показаніе Новаковскаго имѣетъ весьма серьезное значеніе. Онъ давалъ это показаніе тотчасъ послѣ происшествія, находясь въ томъ положеніи, когда ему физически невозможно было ни съ кѣмъ сговориться. Онъ показалъ, что пошелъ съ женою въ соборъ. Подходя къ площади, онъ увидѣлъ шумѣвшую толпу и поинтересовался узнать, что происходитъ. Ему сказали, что оскорбили священника; вслѣдствіе этого онъ отправился въ соборъ. Тамъ было все тихо. Потомъ онъ вернулся назадъ и началъ разспрашивать у

всѣхъ о происшествіи. Такимъ образомъ, онъ какъ будто бы нарочно напрашивался на непріятности. Онъ ходилъ по площади, переходилъ отъ одной группы людей къ другой, разспрашивалъ и, наконецъ, дѣйствительно былъ арестованъ. Во второмъ показаніи онъ говоритъ, что шелъ въ соборъ потому, что слышалъ о предполагавшейся панихидѣ по убитымъ въ Сербіи, при этомъ слышалъ, что панихида будетъ обставлена особенною торжественностью, что въ ней будутъ принимать участіе гражданскія и военныя власти, и даже, почему-то, профессора; наконецъ, предполагалось, въ концѣ концовъ, требовать войны. Вотъ то представленіе, которое онъ имѣлъ о панихидѣ, назначенной на 6 декабря въ Казанскомъ соборѣ. Изъ этихъ двухъ показаній можно сдѣлать слѣдующій выводъ: первое объясненіе, очевидно, выдумано въ моментъ ареста; оно схвачено, такъ сказать, налету. Затѣмъ, когда Новаковскій одумался, когда припомнилъ, что вмѣстѣ съ нимъ взята жена, показаніе которой ему неизвѣстно, то онъ долженъ былъ, естественно, постараться приблизиться хотя отчасти къ истинѣ, дабы не очень разойтись съ объясненіями своей жены. Вотъ съ этою цѣлью и выдуманъ второй разсказъ. Онъ заключаетъ въ себѣ весьма существенное обстоятельство, предумышленное появленіе въ соборѣ для панихиды; но рядомъ съ этимъ Новаковскій не хотѣлъ разъяснить настоящей цѣли ея, ему, очевидно, извѣстной. Тогда онъ придумываетъ такую панихиду, на которой не удивительно было бы встрѣтить, кромѣ православныхъ, и людей другихъ вѣроисповѣданій. Ихъ могло привлечь туда любопытство. Для подтвержденія этого своего объясненія обвиняемый вызвалъ свою жену въ качествѣ свидѣтельницы. Прежде Новаковская ничего подобнаго не говорила, но здѣсь, измѣняя свои первоначальныя объясненія, она поддержала мужа и повторила его разсказъ о торжественной панихидѣ, какъ заученный урокъ. А что это былъ именно урокъ, сказанный наизусть, съ чужихъ словъ, то это ясно изъ того, что Новаковскій имѣлъ въ тюрьмѣ свиданіе съ женою послѣ врученія обвинительнаго акта, когда онъ могъ взвѣсить и оцѣнить разноголосицу въ показаніяхъ своихъ и жены. Прокуроръ не винитъ Софью Новаковскую: она жена, она могла поэтому измѣнить свое показаніе, она не рѣшилась поддержать первое свое объясненіе, такъ какъ она уличала бы имъ мужа. Желая достигнуть столь полезныхъ для себя результатовъ, Новаковскій представился душевно-больнымъ, собирался даже повѣситься, но во-время зашумѣлъ въ камерѣ, пришли служители, фельдшеръ, докторъ—и Новаковскій остался живъ. Благодаря этой болѣзни, ему были разрѣшены свиданія съ женою, благодаря же этимъ свиданіямъ, измѣнились показанія Софьи Новаковской и слились слово въ слово съ объясненіемъ ея мужа. Положеніе Новаковскаго, будто бы сапожника, далеко не сходно съ положеніемъ на скамьѣ обвиняемыхъ дѣйствительныхъ рабочихъ. Появленіе послѣднихъ на судѣ рядомъ съ такъ называемою интеллигенціею—фактически необъяснимо; Новаковскій же не посторонній для нея человѣкъ; онъ въ средѣ ея имѣетъ не только знакомыхъ, но и близкихъ людей, черезъ которыхъ могъ получать и получалъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что должно было произойти на Казанской площади. Если судъ согласится съ выводами обвиненія относительно студента медико-хирургической академіи Гуровича, родного брата жены Новаковскаго, то долженъ будетъ притти къ убѣжденію, что та ссора, о которой говорилось на судебномъ слѣдствіи и которая будто бы существуетъ между Гуровичемъ и Новаковскимъ, нужна послѣднему такъ же, какъ нужно было Гуровичу доказать, что онъ не вмѣстѣ съ Шефтель вышелъ изъ дому. «Тутъ, сказалъ прокуроръ, судъ имѣетъ дѣло съ вымысломъ, но вымысломъ логически необходимымъ, свидѣтельствующимъ о ловкости и Гуровича и Новаковскаго. Имъ обоимъ нужно порвать нити, связывающія ихъ съ преступ-

леніемъ, они дѣлаютъ это. Одинъ отталкиваетъ отъ себя всѣми силами уличающую его Шефтель, другой опровергаетъ существованіемъ ссоры съ Гуровичемъ возможность заподозрить, что онъ, Новаковскій, имѣлъ вѣрное представленіе о готовившемся на 6 декабря безпорядкѣ». Но на этомъ только не останавливается ложь въ отношеніи Новаковскаго и Гуровича, она тянетъ за собою свидѣтельницу Копилевичъ, родную сестру Гуровича, товарища его Виленца, квартирныхъ хозяевъ Макарова и Иванова. Всѣ они измѣняютъ свои первоначальныя объясненія, причемъ всѣ эти измѣненія касаются все того же разъединенія Гуровича съ Шефтель и Новаковскаго съ Гуровичемъ. При дознаніи было доказано, что Шефтель вышла вмѣстѣ съ Гуровичемъ, на судѣ объяснялось противное. При дознаніи было установлено, что Новаковскій звалъ Копилевичъ на «площадь»; на судѣ приглашеніе это отнесено къ театру. При дознаніи Ивановъ, квартирный хозяинъ Новаковскаго, показалъ, что послѣдній переѣхалъ дня за три или четыре до 6 декабря; на судѣ же объяснилъ, что жили у него Новаковскіе мѣсяца полтора. При дознаніи Ивановъ разговоровъ о панихидѣ не слыхалъ; на судѣ же повторилъ весь разсказъ Новаковскаго о молитвѣ за убитыхъ въ Сербіи и т. д. Обвинитель допускаетъ, что подъ впечатлѣніемъ допроса и обстановки свидѣтель могъ скрыть, что Новаковскіе жили у него болѣе мѣсяца, но онъ ничѣмъ не можетъ объяснить тѣхъ противорѣчій, которыя встрѣчаются далѣе въ показаніи Иванова. По этимъ соображеніямъ едва ли можно допустить возможность повѣрить, что Новаковскій говоритъ правду. Противъ него свидѣтельствуютъ факты болѣе несомнѣнные, чѣмъ противъ другихъ. Однимъ изъ такихъ фактовъ является та измѣнническая шуба, по которой всякій свидѣтель узналъ Новаковскаго. Дѣйствительно, эта шуба не можетъ не броситься въ глаза всякому, и притомъ это такой солидный костюмъ, что едва ли кто-нибудь могъ арестовать Новаковскаго только потому, что онъ былъ въ такомъ платьѣ. Такимъ образомъ, Новаковскій съ этой стороны лишенъ и той возможности, которою пользовались другіе обвиняемые, возможности ссылаться на особенность своего костюма. Что касается подсудимаго Фалина, то въ отношеніи его въ обвинительномъ актѣ было представлено одно обстоятельство, которое опровергнуто на судебномъ слѣдствіи. Это обстоятельство—пріѣздъ Фалина изъ-за границы. Обвинитель не считаетъ себя въ правѣ умолчать объ изложенномъ, но считаетъ, что во всякомъ случаѣ пріѣздъ Фалина въ Петербургъ не объясняется выслушаннымъ на судѣ по сему предмету заявленіемъ этого подсудимаго. Если и допустить, что онъ дѣйствительно пріѣхалъ сюда за своими бумагами, то почему же онъ послалъ прошеніе о выдачѣ ихъ по почтѣ. Ему извѣстно было, что на прошеніе послѣдуетъ отвѣтъ и вышлютъ документы черезъ полицію. Такимъ образомъ, обвинитель не знаетъ, зачѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ Фалинъ, не имѣющій никакихъ опредѣленныхъ занятій, но знаетъ, что пріѣхалъ Фалинъ за недѣлю до происшествія 6 декабря и что былъ на Казанской площади. Прокурора нисколько не удивило появленіе Фалина въ числѣ подсудимыхъ, такъ какъ онъ неоднократно привлекался къ дѣламъ, подобнымъ настоящему, и ранѣе. Въ оправданіе свое Фалинъ говоритъ, что шелъ на Казанскую площадь купить шляпу, между тѣмъ не сохранилъ и той, которая на немъ была. Съ другой стороны, свидѣтели указываютъ на него какъ на личность, принимавшую участіе въ безпорядкахъ. Самое объясненіе и желаніе купить шапку, данное первоначально, очевидно, не заученное, даетъ поводъ думать, что подсудимый на вопросъ, куда и зачѣмъ ходилъ, въ виду потерянной шапки, легче всего, при нежеланіи сказать правду, могъ додуматься до даннаго имъ объясненія. Затѣмъ прокуроръ представилъ улики противъ подсудимаго Бочарова. Этотъ обвиняемый говоритъ, что изъ дому пошелъ чертить въ институтъ и что затѣмъ онъ не

признаетъ себя виновнымъ въ участіи въ безпорядкѣ. Но относительно Бочарова имѣются два показанія свидѣтелей Лаврентьева и Молодыхъ, изъ которыхъ оказывается, что Бочаровъ дѣйствительно высказалъ желаніе итти въ чертежную и пошелъ какъ будто бы по направленію къ институту, но очутился на Казанской площади. Здѣсь является извѣстная связь между показаніями Бочарова, съ одной стороны, Николаевской и Ильяшенко,—съ другой. Всѣ эти лица шли съ извѣстною цѣлью по различнымъ направленіямъ, а оказались у Казанскаго собора. Бочаровъ шелъ чертить, а оказался на площади и свидѣтелемъ Богдановымъ признанъ за ту личность, которая отбивала отъ него Шефтель. Затѣмъ показаніями Кубова, Москвина и Егорова доказано, что Бочаровъ былъ на площади и принималъ участіе въ безпорядкахъ. Точно то же удостовѣрено и въ отношеніи Николаевской и Ильяшенко. Онѣ говорятъ, что ходили покупать обувь. Можетъ быть; но и Бочаровъ пошелъ въ институтъ, а оказался же на площади. Обвинитель не отрицаетъ, что Николаевская и Ильяшенко пошли покупать обувь; онъ готовъ этому вѣрить, но вѣритъ тоже, что и Николаевская и Ильяшенко замѣчены были въ шумѣвшей толпѣ, что онѣ участницы безпорядка. Обѣ подсудимыя, о которыхъ идетъ рѣчь, нашли нужнымъ сослаться на свидѣтельницу Краснокутскую, которая была вызвана послѣ того, какъ обвиняемымъ во время хода дознанія предложено было указать своихъ свидѣтелей, отъ чего онѣ тогда отказались. Посему обвиненіе считаетъ себя обязаннымъ отнестись особенно строго къ объясненіямъ Краснокутской. Всякое показаніе, которое должно подтвердить только одно извѣстное мелкое обстоятельство, должно быть точно опредѣлительно и во всѣхъ подробностяхъ подтвердить сдѣланную на него ссылку. Этой-то точности и опредѣлительности не замѣчается въ показаніи Краснокутской. Между тѣмъ подсудимыя Ильяшенко и Николаевская, говорившія, какъ оказывается, при Краснокутской, точно указывали, почему и какую именно обувь предполагали онѣ купить. Всего этого свидѣтельница не знаетъ. Не признавая вообще значенія за тѣмъ обстоятельствомъ, куда собирались итти обвиняемыя, прокуроръ тѣмъ не менѣе не считаетъ возможнымъ включить объясненія Краснокутской въ число вообще доказательствъ на судѣ, за недостовѣрностью ея показанія. Наконецъ, въ отношеніи Николаевской и Ильяшенко является и еще одно обстоятельство, свидѣтельствующее о неправдоподобности ихъ объясненій. Онѣ говорятъ, что были задержаны вмѣстѣ и доставлены въ участокъ на одномъ извозчикѣ. Между тѣмъ свидѣтель Васильевъ разъяснилъ тотъ порядокъ, которымъ произведенъ имъ арестъ Ильяшенко. Онъ говоритъ, что лично не видѣлъ Ильяшенко въ толпѣ, но задержалъ ее въ то время, когда она убѣгала съ угла Невскаго и Казанской площади съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Послѣдній успѣлъ скрыться. Кто же былъ спутникомъ Ильяшенко? По показанію студента Короленко, вызваннаго защитою, онъ разстался съ Ильяшенко въ Большой Итальянской. Кто же бѣжалъ съ нею съ площади? Значитъ, около собора она встрѣтила другихъ знакомыхъ. Почему же она не представила ихъ свидѣтелями? Эти лица несомнѣнно могли бы удостовѣрить, что Васильевъ ошибается, и установить точно, куда именно, вмѣсто магазина обуви, попала Ильяшенко. При разсмотрѣніи вопроса о виновности подсудимой Ивановой необходимо припомнить, что она находится подъ слѣдствіемъ по другому обвиненію въ однородномъ преступленіи и, отданная въ Москвѣ на поруки, проживала въ С.-Петербургѣ безъ прописки и безъ всякихъ занятій. Обвинитель указалъ на то, что Иванова наняла себѣ квартиру, которая числилась за ней двѣ недѣли и на которой она только три раза ночевала. На сколько она занималась шитьемъ—неизвѣстно, но извѣстно, что все ея имущество заключалось въ чемоданчикѣ, одѣялѣ и подушкѣ. Изъ пер-

воначальнаго показанія свидѣтельницы Щукиной видно, что 5-го декабря Иванова пришла къ ней ночевать, приглашая на-завтра въ Казанскій соборъ на панихиду по умершимъ политическимъ арестантамъ. Свидѣтельница Щукина нѣсколько измѣнила свое показаніе на судѣ. Здѣсь она говорила о панихидѣ по павшимъ въ Сербіи нашимъ соотечественникамъ. Разнорѣчіе это объяснено на судѣ. Нужно было указать, что Иванова шла не на ту панихиду, которая имѣла цѣлью выразить враждебныя чувства правительству, а на другую, вполнѣ законную. Дѣло суда повѣрить тому или другому показанію свидѣтельницы, но обвинитель признаетъ необходимымъ указать на одно объясненіе Щукиной, которое не можетъ быть признано подтверждающимъ его правдивость. Очевидно, что указаніе ею какъ на причину, объясняющую разногласіе въ ея показаніяхъ, на прокурора, который подсказалъ будто бы отвѣтъ о цѣли панихиды, представляется вымысломъ самымъ беззастѣнчивымъ. Фактъ, указывающій на противоправительственную цѣль панихиды, выяснили и при дознаніи и на судѣ не только свидѣтели, но и подсудимые. Чѣмъ же могло бы быть объяснено стремленіе прокурора подсказать то, что и безъ показанія Щукиной являлось по дѣлу несомнѣннымъ? Затѣмъ тов. прок. перешелъ къ тѣмъ обвиняемымъ, которые дали на судѣ показанія, измѣнившія ихъ первоначальныя объясненія, и признавшіе кромѣ того солидарность свою со всѣми тѣми лицами, которыя руководили демонстраціею на площади Казанскаго собора. Эти обвиняемые—Шефтель, Боголюбовъ и Чернавскій. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ сознаніе, но сознанія эти совершенно различны. Если взять сознаніе Шефтель, то можно притти къ убѣжденію, что оно болѣе или менѣе искренно, и хотя въ немъ есть много недоговореннаго, хотя оно ничѣмъ не подтверждено, но это сознаніе человѣка, который, можетъ быть, посидѣвъ на скамьѣ подсудимыхъ, опомнился. Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ сознанія Боголюбова и Чернавскаго. Сознаніе Чернавскаго, которое имъ дано въ первый день появленія его на судѣ, было рѣзко; оно было неестественно, въ немъ звучала фальшь, рѣзавшая ухо. Чернавскій въ одно и то же время говорилъ: «Я сочувствую, я солидаренъ съ тѣми взглядами, которые высказывались въ рѣчи; я шелъ туда преднамѣренно»; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергалъ такіе факты, такія обстоятельства, противъ которыхъ спорить нельзя. Для того, чтобы быть послѣдовательнымъ, Чернавскому нельзя было отрицать нанесеніе ударовъ чинамъ полиціи. Свидѣтель Сидоровъ доказалъ ему въ глаза, что онъ говоритъ неправду, что онъ дрался и билъ городового, Чернавскій же это отрицаетъ. Такимъ образомъ, онъ явился на судѣ человѣкомъ, которому хотѣлось показать, что онъ страдаетъ за свои убѣжденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не прочь былъ столкнуть съ себя часть вины. Подсудимый пошелъ далѣе. Онъ присовокупилъ, что хотѣлъ ударить околоточнаго, «но это ему не удалось». Подсудимый Боголюбовъ не говорилъ ничего до вчерашняго дня. Обстоятельство это имѣетъ свое значеніе. Только вчера, по окончаніи судебнаго слѣдствія, когда были уже спрошены всѣ свидѣтели, Боголюбовъ, ознакомившись со всѣмъ матеріаломъ, который противъ него имѣетъ обвиненіе, заявилъ, что онъ также солидаренъ съ принципами «земля и воля», что шелъ на панихиду, но не дошелъ, что цѣль панихиды было желаніе высказать правительству враждебныя чувства. Боголюбовъ самъ сказалъ, что далъ первое показаніе для того, чтобы уйти изъ дѣла; онъ полагаетъ и теперь, что не потеряна вся надежда, онъ думаетъ, что объясненіе его такъ и будетъ принято на вѣру, т. е. что онъ шелъ и не дошелъ. Но обвинитель убѣжденъ, что Боголюбовъ шелъ, дошелъ и сдѣлалъ все, даже болѣе, чѣмъ другія лица. Онъ явился однимъ изъ самыхъ рѣзко выдѣлявшихся; его признаніе не возбуждало ни колебаній ни сомнѣній. Самый характеръ Бого-

любова, характеръ болѣе прямой, говоритъ за его участіе. Онъ дѣйствовалъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Подсудимый обвиняется еще и въ покушеніи на убійство. «Я прежде всего стою, сказалъ прокуроръ, за то, чтобы здѣсь на судѣ было несомнѣнно доказано предъявляемое обвиненіе, чтобы обвиненіе явилось съ такими аргументами, противъ которыхъ нельзя было бы представить ничего особенно серьезнаго. Я глубоко убѣжденъ, что обвиняемый Боголюбовъ виноватъ и, можетъ быть, болѣе всѣхъ тѣхъ, которые сидятъ съ нимъ рядомъ, но я не могу сказать, чтобы онъ былъ виновенъ въ покушеніи на убійство, потому что изъ троекратнаго допроса я убѣдился въ невозможности доказать, что онъ дѣйствительно покушался на столь тяжкое преступленіе. Я представляю, какъ обстоятельство, особенно увеличивающее вину подсудимаго, то, что онъ шелъ на площадь для выраженія противоправительственныхъ мнѣній и вооружился револьверомъ. Это вооруженіе не шутка, и хотя теперь не выставляется мною, какъ отдѣльное обвиненіе, тѣмъ не менѣе имѣетъ для Боголюбова существенное значеніе какъ улика; но я не могу сказать, чтобы я былъ убѣжденъ, что Боголюбовъ хотѣлъ стрѣлять въ Клибика, такъ какъ на судебномъ слѣдствіи я понялъ, что въ суетѣ, происходившей въ участкѣ, въ суматохѣ, вполнѣ понятной и усиленной еще буйствомъ обвиняемыхъ, естественно могло породиться обвиненіе въ покушеніи на убійство. Я прошу васъ, гг. сенаторы и гг. сословные представители, припомнить показаніе Успенскаго, представившаго намъ наглядно картину того, что происходило въ участкѣ. Маленькая комнатка участка совмѣщала массу людей; въ ней собрались частныя лица, и дворники, и полицейскіе, и обвиняемые; все это шумѣло, кричало, и въ это то время происходитъ такая сцена: Боголюбовъ сопротивляется; противъ него нужно было употребить силу, но онъ не сдавался, защищаясь, какъ могъ. Я уже сказалъ, что онъ человѣкъ болѣе прямой, чѣмъ другіе, и онъ это доказалъ: онъ выхватилъ револьверъ и началъ имъ отбиваться. Клибикъ, нашедшій передъ тѣмъ въ сѣняхъ другой заряженный револьверъ, очевидно, испугался, ему представилось, что въ него стрѣляютъ. Я понимаю положеніе Клибика. Это честный человѣкъ, онъ говорилъ то, въ чемъ глубоко убѣжденъ, говорилъ, что Боголюбовъ покушался на его жизнь. Но я не могу связать желаніе выстрѣлить съ поступкомъ Боголюбова. Есипенко тоже показалось, что и въ него цѣлился Боголюбовъ. Боголюбовъ дерзокъ, грубъ, онъ позволилъ себѣ выхватить для драки съ полицейскими служителями заряженный револьверъ, онъ забывалъ въ эту минуту о всей безразсудности и опасности подобнаго поступка, онъ даже наносилъ удары пистолетомъ, но я не могу сказать, что онъ хотѣлъ застрѣлить человѣка, хотѣлъ его смерти. Показанія Клибика и Есипенко убѣждаютъ меня въ противномъ. Посему отъ этой части обвиненія, поставленнаго противъ Боголюбова, считаю долгомъ отказаться.» Затѣмъ обвинитель перешелъ къ разбору показаній подсудимыхъ Гервасія и Бибергаля. Сознаніе Бибергаля отчасти соприкасается съ объясненіями Боголюбова и Чернавскаго, но еще болѣе ихъ уклончиво. На вопросъ: признаетъ ли подсудимый себя виновнымъ, онъ отвѣтилъ: «пусть обстоятельства дѣла это докажутъ». Затѣмъ онъ нашелъ нужнымъ на другой же день, въ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыя разъяснились противъ него, сказать, что онъ былъ на Казанской площади, что онъ сочувствуетъ всему, что тамъ произошло, и что имѣлъ намѣреніе присутствовать и въ соборѣ и на площади. Такимъ образомъ, онъ самъ устранилъ всякое сомнѣніе въ своей виновности, вслѣдствіе чего обвиненію не приходится касаться тѣхъ объясненій подсудимаго, которыя были даны имъ въ первый разъ и которыя опровергнуты имъ же самимъ. Подсудимый подтверждаетъ основную мысль обвиненія, что существенною уликою въ данномъ дѣлѣ яв-

ляются собственныя показанія обвиняемыхъ, которыя неправдоподобно разъясняютъ, почему каждый изъ нихъ былъ на Казанской площади. Бибергаль посему и не нашелъ возможнымъ остаться при первомъ своемъ неясномъ объясненіи. Но рядомъ съ подсудимымъ Бибергалемъ находится Гервасій, который соединенъ съ нимъ узами воспитанія. Они оба изъ одной, керченской гимназіи, жили вмѣстѣ въ Петербургѣ, были арестованы одновременно на Казанской площади и расходятся только теперь. Давая показанія на судѣ, Бибергаль откинулъ свои первыя объясненія, понимая, что они невозможны. Гервасій же остался при своемъ первомъ показаніи, которое особенно невѣроятно въ виду его близкаго знакомства съ Бибергалемъ, въ виду того, что онъ проживалъ съ нимъ на одной квартирѣ, въ виду общности ихъ воспитанія. Обвинитель не утверждаетъ, что свидѣтель Васильевъ призналъ Гервасія несомнѣнно. Онъ говоритъ только, что личность эта крайне похожа на того человѣка, который стоялъ въ толпѣ, когда махали флагомъ. Затѣмъ Гервасія признаетъ цѣлый рядъ свидѣтелей за личность, наносившую побои полицейскимъ и которая вообще выдавалась изъ толпы. Что же говоритъ противъ этого подсудимый? Онъ указываетъ на то, что былъ задержанъ на углу Невскаго и Казанской площади совершенно неправильно, но при этомъ разъясняетъ возможность этой прискорбной ошибки тѣмъ, что, вѣроятно, тотъ человѣкъ, который обратилъ на себя всеобщее вниманіе, этотъ второй Гервасій, набросилъ на него свой пледъ и надѣлъ свою шапку; что этимъ только внезапнымъ переодѣваніемъ подсудимый обязанъ упорнымъ показаніямъ противъ него свидѣтелей. Здѣсь необходимо прежде всего обратить вниманіе на то, что Гервасій слишкомъ поспѣшно сдѣлалъ заявленіе о такомъ непонятномъ происшествіи, которое даже съ перваго взгляда устраняетъ то довѣріе, которое можно было бы дать словамъ подсудимаго. При первомъ появленіи въ участокъ Гервасій началъ разсказывать всѣмъ о томъ, что у него чужой пледъ и шапка, которой, впрочемъ, вовсе не оказалось. На этомъ пледѣ и на этой шапкѣ онъ строитъ свою защиту и хочетъ ими опровергнуть всѣ свидѣтельскія показанія. Какъ обстоятельство, подтверждающее обвиненіе Гервасія, служитъ отзывъ зрителей его ареста. Свидѣтель Васильевъ подтверждалъ на судѣ, что когда онъ подбѣжалъ къ Гервасію, то публика кричала: «вы не ошиблись, это тотъ самый». Этотъ отзывъ зрителей, наблюдавшихъ за всѣмъ происходившимъ, восполняетъ и подтверждаетъ показаніе Васильева о личности Гервасія. Это обстоятельство является одною изъ уликъ весьма серьезныхъ противъ Гервасія, такъ что недостаетъ только одного, чтобы онъ самъ прямо сказалъ, что виновенъ. Въ отношеніи подсудимаго Потапова прокуроръ высказалъ, что подсудимый Бибергаль, отвѣчая на вопросъ о виновности по поводу составленія стиховъ возмутительнаго содержанія, сказалъ, что это вздоръ, что объ этомъ не стоитъ говорить. Обвинитель полагаетъ, что какъ ни ничтожны эти стихи по мнѣнію самого Бибергаля, но тѣмъ не менѣе они служатъ связью между тою такъ называемою интеллигенціею, находящеюся на скамьѣ подсудимыхъ, и тѣмъ крестьяниномъ, который поднималъ флагъ. «Кто является, сказалъ обвинитель, самымъ рельефнымъ дѣятелемъ, провозгласителемъ тѣхъ принциповъ, которые выражаются въ словахъ «земля и воля»? Потаповъ, деревенскій мальчикъ, человѣкъ, который не знаетъ даже грамоты. Онъ приходитъ на Казанскую площадь, приноситъ флагъ, его поднимаютъ, онъ старательно развертываетъ этотъ флагъ для предъявленія зрителямъ, и онъ же является хранителемъ его. Онъ уноситъ флагъ, покидая толпу во время арестовъ. Онъ уходитъ, прикрываемый лицами, принадлежащими къ той же интеллигенціи. Что же это за связь между Потаповымъ и молодежью, называющею себя учащеюся и находящеюся здѣсь на общей всѣмъ

скамьѣ подсудимыхъ? Что за связь между Потаповымъ, Тимофеевымъ, Громовымъ и Морошкинымъ съ этими людьми? Есть ли у нихъ общіе интересы? Одни изъ нихъ должны работать, трудиться, зарабатывать насущный кусокъ хлѣба, тогда какъ другіе заняты интересами болѣе высшими, интересами науки. Что же это за связь? Эту связь наглядно указываетъ вся жизнь Потапова, то состояніе нравственнаго паденія, до котораго онъ дошелъ, наконецъ, тотъ фактъ, то необъяснимое положеніе, въ которомъ вы видите соединеніе на одной скамьѣ Потапова съ Бибергалемъ, студентомъ медико-хирургической академіи третьяго курса. Вотъ надъ чѣмъ стоитъ поразмыслить, вотъ что составляетъ такое обстоятельство, которое придаетъ наглядно серьезное значеніе безпорядку 6-го декабря. Вотъ почему на этотъ безпорядокъ нельзя смотрѣть слишкомъ легко. Что такое былъ Потаповъ прежде? Это былъ простой мальчикъ, хорошій работникъ, который уже съ 12-ти лѣтъ поддерживалъ свою семью, который трудился,—и чѣмъ же онъ сдѣлался теперь? Онъ является здѣсь передъ вами однимъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей, и если обвиненіе не выдѣляетъ его какъ главнаго виновнаго, то потому, что не находитъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы поставить противъ него это обвиненіе. Потаповъ, господа судьи, это такая страшная улика противъ всѣхъ обвиняемыхъ изъ интеллигенціи, это такая разбитая въ началѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ порочная жизнь простого русскаго человѣка, что, мнѣ кажется, она не можетъ не оставить, въ каждомъ, знакомомъ съ дѣломъ, самаго тяжелаго, самаго грустнаго впечатлѣнія. Эта, оторванная отъ семьи и честнаго труда, личность Потапова оттѣняетъ смыслъ девиза «земля и воля». Все нравственное значеніе этого дѣла 6-го декабря 1876 года заключается въ томъ непонятномъ соединеніи разнородныхъ, чуждыхъ другъ другу элементовъ нашего общества, связанныхъ предъ вами, гг. сенаторы и гг. сословные представители, однимъ общимъ для всѣхъ ихъ обвиненіемъ».

Присяжный повѣренный Бордовскій (защитникъ Боголюбова и Гервасія) упомянулъ о томъ, что четыре дня, которые судъ посвятилъ настоящему дѣлу, вмѣняютъ ему, защитнику, въ обязанность перейти прямо къ существу обвиненій, предъявленныхъ противъ подсудимыхъ, ввѣрившихъ ему свою защиту. Оба подсудимые обвиняются, по обвинительному акту, по второй части 252 ст. улож. о наказ. Статья эта гласитъ: «За составленіе и распространеніе писанныхъ или печатныхъ сочиненій и за произнесеніе публичныхъ рѣчей, въ которыхъ, хотя и безъ прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея, или же дерзостно отрицать установленный государственными законами образъ правленія или порядокъ наслѣдія престола». Изъ точнаго и буквальнаго смысла этой статьи видно, что опредѣленному въ этой статьѣ наказанію подвергаются тѣ, которые путемъ печати, письма или устнаго слова будутъ произносить рѣчи, коими подвергается сомнѣнію неприкосновенность правъ верховной власти, или дерзостно порицается установленный законами образъ правленія, или порядокъ наслѣдія престола. Такимъ образомъ, статья эта имѣетъ въ виду преступленія, направленныя противъ власти верховной. Справедливость такого толкованія подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что статья эта находится въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «о бунтѣ противъ власти верховной», и, во-вторыхъ, что для примѣненія этой статьи необходимо, чтобы лицо «участвовало въ распространеніи». Такимъ образомъ, для состава преступленія, предусмотрѣннаго указанной статьею, необходимы два существенные признака: первый, чтобы объектомъ преступленія была верховная власть, и второй, чтобы данное лицо распространяло отзывы, тѣмъ или другимъ способомъ направленные противъ верховной власти. Справедливость этого

подтверждается и прежнею практикою особаго присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о распространеніи преступныхъ сочиненій въ лейбъ-гвардейскомъ московскомъ полку. По тому дѣлу одни изъ преданныхъ суду лицъ обвинялись въ томъ, что они читали служащимъ въ полку книги преступнаго содержанія, и сверхъ того были преданы суду и тѣ, которые не только слушали чтеніе этихъ книгъ, но и сочувствовали таковому чтенію. Вторая категорія этихъ лицъ обвинялась не по 252 ст., а въ недонесеніи о преступленіи: слушая вредныя сочиненія, они не донесли своевременно о томъ правительству. Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, защитникъ высказалъ, что по отношенію къ его кліентамъ Боголюбову и Гервасію, обвиняющихся по 252 ст., во-первыхъ, фактически не доказаны тѣ дѣянія, которыя имъ приписываются, и, во-вторыхъ, эти дѣянія не соотвѣтствуютъ преступленію, предусмотрѣнному помянутой статьею. Обращаясь къ разсмотрѣнію фактическихъ обстоятельствъ, защитникъ сдѣлалъ нѣсколько слѣдующихъ отступленій. Первое отступленіе касалось обвинительнаго акта. Въ этомъ отношеніи, хотя защитѣ и было заявлено третьяго дня, что обвиняемыхъ будутъ судить не на основаніи обвительнаго акта, а на основаніи того, что было на судѣ, но тѣмъ не менѣе защитникъ считалъ бы свою задачу не исполненною, если бы не коснулся обвинительнаго акта, такъ какъ, во-первыхъ, на основаніи его обвиняемые преданы суду, на основаніи его они уже подвергнуты были почти двухмѣсячному одиночному заключенію и, во-вторыхъ, первое впечатлѣніе суда и публики составляется также на основаніи этого акта. Что касается до редакціи этого обвинительнаго акта, то въ немъ встрѣчаются погрѣшности даже противъ тѣхъ актовъ дознанія, на основаніи которыхъ онъ составленъ. Въ доказательство того, что это указаніе защитника не голословно, онъ обратилъ вниманіе Правительствующаго Сената на тѣ заявленія, которыя были сдѣланы защитниками во время судебнаго слѣдствія и на слѣдующее: на страницѣ 1-й обвинительнаго акта говорится, что нѣкоторые изъ молящихся обращались къ Рабутовскому, а между тѣмъ оказалось, что обращался Гуковъ. Далѣе, въ обвинительномъ актѣ сказано, что у городового Клибика палецъ былъ разсѣченъ, между тѣмъ оказалось, что все разсѣченіе состояло въ небольшой царапинкѣ. Затѣмъ по отношенію къ подсудимому Гервасію указанъ рядъ свидѣтелей, которые, будто-бы, признаютъ его за лицо, которое махало флагомъ и дралось, а между тѣмъ изъ тѣхъ актовъ дознанія, на основаніи которыхъ составленъ обвинительный актъ, видно, что, большинство указанныхъ свидѣтелей ничего подобнаго не говорило. Второе отступленіе касается того общаго правила, которое должно быть примѣняемо въ каждомъ уголовномъ процессѣ при разсмотрѣніи уликъ, представляемыхъ противъ подсудимыхъ. Правило это состоитъ въ томъ, что въ каждомъ преступномъ дѣлѣ, совершается ли оно сообща или однимъ лицомъ, будетъ ли это государственное или обыкновенное уголовное преступленіе, должна быть несомнѣнно доказана преступная воля каждаго изъ обвиняемыхъ. Это правило до того несомнѣнно, что оно положено въ основаніе уголовнаго процесса всякой европейской страны. На этомъ же зиждутся и наши судебные уставы. А что эти уставы должны примѣняться и въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената, то это явствуетъ изъ Высочайше утвержденныхъ правилъ 7-го іюня 1872 г., которыми установлено особое присутствіе и въ которыхъ сказано, что дѣло о государственныхъ преступленіяхъ производится общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства съ изъятіями, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ указанными. Въ нижеуказанныхъ статьяхъ нѣтъ того исключенія, чтобы не примѣнялось это общее правило относительно доказательствъ, которое примѣняется въ каждомъ

уголовномъ дѣлѣ. Третье отступленіе касается той системы, которой держится обвинитель въ настоящемъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее: обвинитель каждый разъ, когда приводитъ противъ кого-либо улики, говоритъ, какимъ образомъ и на какія именно улики онъ будетъ обращать вниманіе, а когда приводитъ улики, то совершенно противоположно своимъ же указаніямъ. Представитель обвинительной власти говоритъ: «я беру только тѣ улики, которыя подтверждены на судѣ и не считаю нужнымъ ссылаться на акты дознанія». Между тѣмъ, оказывается, что въ числѣ свидѣтелей показаны такіе, которые положительно подтвердили, что они не могутъ сказать, чтобы это былъ Гервасій. Далѣе, обвинительная власть, касаясь подсудимаго Иванова, говоритъ: «я не буду говорить о томъ, что онъ уже былъ привлеченъ къ дѣлу о государственномъ преступленіи», т. е. онъ прямо обращаетъ вниманіе особаго присутствія на то, что онъ самъ считаетъ недостойнымъ того, чтобы на это было обращено вниманіе суда.—Первоприсутствующій замѣтилъ, что передъ особымъ присутствіемъ всѣ акты дѣла открыты, а слѣдовательно, и на указанное защитникомъ обстоятельство прокуроръ могъ ссылаться.—Послѣ этого замѣчанія защитникъ высказалъ, что въ отношеніи Боголюбова и Гервасія представитель обвиненія не указалъ, какія именно ихъ дѣйствія онъ относитъ къ преступленію, предусмотрѣнному 252 ст. улож. о нак., какія къ преступленію, предусмотрѣнному 264 и 266 ст. Но, слѣдуя тому что сказано въ обвинительномъ актѣ, нужно полагать, что обвинительная власть видитъ преступленіе, предусмотрѣнное 252 ст. въ томъ, что подсудимые собрались въ церковь, что, выйдя изъ церкви на площадь, они аплодировали тому, что говорилось въ рѣчи, и поднятію флага. Защитникъ желалъ бы спросить обвиненіе, какія улики въ этомъ преступленіи обнаружены противъ подсудимаго Боголюбова? Гдѣ тѣ свидѣтели, которые утверждали бы, что Боголюбовъ совершилъ тѣ дѣйствія, въ которыхъ обвиненіе видитъ признаки этого преступленія? Есть свидѣтели противъ Боголюбова, которые утверждаютъ, что онъ старался сопротивляться полиціи, но все это относится къ тому времени, когда уже кончилась рѣчь, въ которой представитель обвиненія видитъ преступленіе, предусмотрѣнное 252 ст. улож. о нак. Ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ актахъ дознанія нѣтъ ни одного лица, которое указывало бы, что Боголюбовъ былъ въ церкви, чтобы онъ былъ въ толпѣ слушателей рѣчи. Что касается подсудимаго Гервасія, то защитникъ, не касаясь свидѣтелей, которые показывали на дознаніи и которые не подтвердили своихъ показаній на судѣ, указалъ, что только два свидѣтеля показывали передъ особымъ присутствіемъ противъ Гервасія, а именно Ивановъ и Васильевъ. Но что же они показали? Свидѣтель Ивановъ показалъ, что видѣлъ человѣка, похожаго на Гервасія, стоявшаго около лица, произносившаго рѣчь. Свидѣтель Васильевъ заявилъ, что на дознаніи онъ Гервасія не узналъ, а здѣсь говоритъ, что, кажется, онъ похожъ на того, котораго онъ хотѣлъ схватить, но не схватилъ. Такимъ образомъ, Ивановъ ставится въ прямое противорѣчіе съ Васильевымъ: Ивановъ говоритъ, что Васильевъ бралъ Гервасія, а Васильевъ отрицаетъ это; затѣмъ одинъ говоритъ, что онъ былъ посреди площади, а другой—что это было у дома Лѣсникова. Нельзя же осуждать человѣка въ такомъ тяжкомъ государственномъ преступленіи на основаніи такихъ показаній свидѣтелей, которые говорятъ, что по долгу присяги и совѣсти они не могутъ сказать, чтобы это было именно то самое лицо. Никакой судья не можетъ признать фактъ болѣе доказаннымъ, нежели признаетъ то лицо, на основаніи показанія котораго судьѣ приходится дѣлать свое заключеніе. Судъ можетъ признать человѣка виновнымъ только въ томъ случаѣ, если нѣтъ никакого сомнѣнія; онъ не можетъ итти далѣе показанія свидѣтелей, и

если свидѣтель изъявилъ сомнѣніе въ личности обвиняемаго, то судья не можетъ его обвинить. Такимъ образомъ, по мнѣнію защитника, въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ для обвиненія подсудимыхъ Боголюбова и Гервасія въ томъ дѣяніи, которое имъ приписываетя по 252 ст. Но, допустивъ на минуту, что особое присутствіе не согласится съ этимъ взглядомъ и будетъ разрѣшать этотъ вопросъ, примѣняя эту статью закона къ Боголюбову и Гервасію, защитникъ находитъ, что, какъ сказано имъ выше, для примѣненія этой статьи необходимо, чтобы лицо распространяло преступную мысль. Распространеніе это можетъ быть сдѣлано путемъ печати, или письма, или устнаго произнесенія. Здѣсь идетъ только вопросъ о произнесеніи рѣчи. Но самъ обвинитель говоритъ, что рѣчь произносилъ одинъ, который не пойманъ. Какимъ же образомъ за произнесеніе рѣчи привлечены къ суду 21 человѣкъ? Затѣмъ, какая должна быть эта рѣчь? Законъ, ст. 252, гласитъ, что рѣчь должна быть «о бунтѣ противъ верховной власти»; она должна «дерзостно порицать установленный законами образъ правленія». Но самъ обвинитель указывалъ на то, что заключалось въ этой рѣчи. Въ ней говорилось, что лучшіе люди ссылаются, что баринъ продаетъ послѣднюю корову у крестьянина. Это говорилось тѣми свидѣтелями, противъ которыхъ ничего нельзя сказать. Это говорили Абрамовъ и Кашинцовъ, выставленные обвиненіемъ. Правда, Кашинцовъ говорилъ здѣсь нѣчто противоположное Абрамову, но самъ обвинитель не вѣритъ ему. Это и понятно, потому что Абрамовъ все-таки человѣкъ нѣсколько образованный, а Кашинцовъ простой крестьянинъ, человѣкъ совсѣмъ съ другими понятіями; онъ могъ не дослышать или не понять. Но развѣ въ этой рѣчи есть преступленіе, предусмотрѣнное 252 ст. улож. о наказ.? Развѣ есть какое-нибудь преступленіе въ томъ, что человѣкъ хочетъ служить панихиду? Наша церковь не запрещаетъ молиться о покойникахъ, кто бы они ни были. Говорятъ, что здѣсь было знамя съ надписью «земля и воля» и преступность видятъ въ этихъ словахъ. Развѣ эти слова «земля и воля», высказываютъ порицаніе образу правленія, развѣ они составляютъ оскорбленіе верховной власти? Но что же тутъ преступнаго? Положеніе 19 февраля проникнуто этимъ принципомъ. Но, можетъ быть, обвинительная власть примѣняетъ эту статью не по буквальному ея смыслу, а по аналогіи? Но по аналогіи она не можетъ быть примѣняема въ данномъ случаѣ. По аналогіи примѣняются только тогда, когда преступленія по роду своему сходны, когда важность нарушенія того или другого права одинакова? Но развѣ можно сравнивать важность преступленія противъ власти верховной, когда оно ея вовсе не касается? Въ данномъ случаѣ преступленіе касается распоряженій судебныхъ и другихъ мѣстъ, и только за это можно наказывать виновныхъ, но не касается тѣхъ законовъ, которые ограждаютъ верховную власть. По всѣмъ этимъ соображеніямъ защитникъ полагаетъ, что особое присутствіе не примѣнитъ къ дѣянію подсудимыхъ того наказанія, на которое указываетъ обвиненіе. Переходя затѣмъ ко второй части своей защиты г. Бардовскій высказалъ, что представитель обвинительной власти говоритъ, что подсудимые виновны въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 264 ст. улож. о наказ. Статья эта говоритъ: «за противодѣйствіе такого рода, произведенное хотя невооруженными людьми, однако же съ явнымъ насиліемъ и безпорядками, или же, напротивъ, вооруженными, хотя и безъ явнаго съ ихъ стороны насилія, виновные подвергаются» такому-то наказанію. Какого рода противодѣйствіе—объясняется въ статьѣ 263, гдѣ сказано: «За явное противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніе, съ намѣреніемъ или воспрепятствовать обнародованію Высочайшихъ указовъ, манифестовъ, законовъ или другихъ постановленій и объявленій правительства, или же

не допустить исполненія указовъ или предписанныхъ правительствомъ распоряженій и мѣръ, или принудить сіи власти къ чему-либо несогласному съ ихъ долгомъ, когда такое принужденіе или противодѣйствіе будетъ произведено вооруженными чѣмъ-либо людьми и сопровождаемо съ ихъ стороны насиліемъ и безпорядками, виновные приговариваются» къ такому-то наказанію. Обѣ эти статьи взяты изъ уложенія изданія 1845 года. Когда издавалось это уложеніе 1845 г., то прежде былъ изданъ проектъ уложенія, который потомъ былъ Высочайше утвержденъ, и въ которомъ приводились тѣ основанія, въ силу которыхъ принимался тотъ или другой законъ. Для того, чтобы лучше истолковать законъ, обыкновенно слѣдуетъ обращаться къ его источнику. Вотъ тотъ мотивъ, который написанъ подъ статьею 283: «При опредѣленіи наказанія за преступленія сего рода въ нашемъ проектѣ, мы признали нужнымъ и правильнымъ раздѣлить противозаконное сопротивленіе на два рода: первый, когда виновные хотѣли оказать препятствіе исполненію какихъ-либо общихъ, до всего государства или цѣлаго края касающихся, дѣйствій правительства, какъ-то: обнародованію Высочайшихъ манифестовъ, указовъ и т. п., или приведенію ихъ въ исполненіе; второй— когда оно имѣло цѣль частную, напримѣръ, препятствованіе исполненію судебнаго приговора». О первомъ родѣ сопротивленія говорится въ статьяхъ 283, 284 и 285. Такимъ образомъ, если бы были признаны всѣ тѣ факты, на которые указываетъ обвиненіе, то спрашивается: неужели возможно примѣнить эту статью? Развѣ подсудимые препятствовали исполненію какого-либо указа, манифеста, постановленія? Обвинительная власть говоритъ: «собралась толпа, слушала рѣчь», но это—особое преступленіе. Затѣмъ городовой врывается въ толпу, которая его не пускаетъ и наноситъ ему удары. Какое же это преступленіе? Развѣ городовой исполняетъ какой-нибудь указъ или манифестъ? Преступленіе есть, и оно прямо указано въ законѣ, а именно въ ст. 30 и 31 уст. о наказан., налагаемыхъ мировыми судьями. Въ ст. 30 говорится: «За ослушаніе полицейскимъ или другимъ стражамъ, а также волостнымъ или сельскимъ начальникамъ, при отправленіи ими должности, когда требованія сихъ лицъ были законны, виновные подвергаются денежному взысканію не свыше 15 рублей. Когда ослушаніе оказано жандармамъ и другимъ полицейскимъ служителямъ, наряженнымъ для соблюденія порядка при многочисленномъ стеченіи народа, то виновные подвергаются аресту не свыше семи дней или денежному взысканію не свыше 25 рублей». А въ статьѣ 31 сказано: «За оскорбленіе полицейскихъ или другихъ стражей, служителей судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, во время отправленія ими должности, виновные подвергаются за обиду дѣйствіемъ аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ». Статьи эти также взяты изъ уложенія о наказаніяхъ 1845 г., въ которомъ точно также есть статьи, соотвѣтствующія этимъ преступленіямъ. Защитникъ прочелъ эти статьи и замѣтилъ, что, такимъ образомъ, выходитъ, что въ данномъ случаѣ подсудимыхъ невозможно судить за то, въ чемъ они обвиняются. Обращаясь къ разбору уликъ противъ Боголюбова, защитникъ замѣтилъ, что хотя онъ лично и вполнѣ увѣренъ въ правдивости Боголюбова, но свидѣтели утверждаютъ, что онъ дрался, что онъ присутствовалъ въ толпѣ, что онъ нарушалъ общественную тишину. Если такъ, то онъ только за это и долженъ судиться. Что касается до подсудимаго Гервасія, то если держаться воззрѣнія обвинителя, что нужно ссылаться только на показанія свидѣтелей, которые были допрошены на судѣ, то защитникъ утверждаетъ, что есть свидѣтели, которые указывали, что, хотя Гервасій былъ въ толпѣ, но что онъ ничего не дѣлалъ, ударовъ не наносилъ и, вообще, своимъ поведеніемъ не нарушалъ тишины и порядка, такъ что по отношенію къ нему нельзя примѣнить и ту статью закона, которая можетъ быть примѣнена

къ подсудимому Боголюбову. Если Правительствующій Сенатъ не раздѣлитъ взгляда защиты относительно примѣненія къ настоящему дѣлу устава о наказаніяхъ, налагаемаго мировыми судьями, то ему придется разрѣшить вопросъ о томъ, кто былъ главный виновникъ и кто участникъ. Вопросъ этотъ разрѣшается 12 ст. улож. о наказаніи. Вмѣстѣ съ этимъ защитникъ счелъ долгомъ указать, что преступленіе, предусмотрѣнное 264 ст. улож. о наказ., принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ полагается огромная разница между наказаніемъ главнаго виновнаго и наказаніемъ участника, и сослался на рѣшеніе угол. касс. департ. Правительств. Сената за 1871 г., № 87. Въ отношеніи подсудимаго Гервасія обвиненіе не указало ни одного факта, который свидѣтельствовалъ бы о томъ, что онъ принималъ участіе въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ властей установленныхъ. Что же касается подсудимаго Боголюбова, то, хотя есть нѣкоторые свидѣтели, которые указываютъ, что Боголюбовъ дрался, но, очевидно, что это могло быть для помощи главному виновному. Но есть еще одно соображеніе, которое доказываетъ, что здѣсь не было сопротивленія, предусмотрѣннаго 264 ст. улож. о наказ. Въ 1862 году, когда, по случаю освобожденія крестьянъ, встрѣчались частыя недоразумѣнія между властями и крестьянами, и происходило то, что называлось возстаніемъ, то было предписано всѣмъ гражданскимъ властямъ, чтобы онѣ, когда случится возстаніе, являлись передъ возставшими и прежде всего сказали имъ 3 раза, чтобы они разошлись. Если это было сдѣлано, и толпа разошлась, то участвовавшіе въ ней никакому наказанію не подвергались, а если не разошлась, то власти уполномочены были дѣйствовать силою. До тѣхъ поръ, пока не было сдѣлано такого обращенія къ возставшимъ, власти не могли употреблять насильственныхъ дѣйствій и военную силу. Было ли сдѣлано такое обращеніе въ настоящемъ случаѣ? Вопросъ этотъ весьма важенъ, потому что, если бы оно было сдѣлано и толпа разошлась, то никто не былъ бы преданъ суду. Разобравъ данныя, имѣвшіяся въ этомъ отношеніи по настоящему дѣлу, защитникъ нашелъ, что воззванія разойтись, обращеннаго къ шумѣвшей толпѣ со стороны полиціи, сдѣлано не было. Изъ сказаннаго онъ выводитъ, что если особое присутствіе найдетъ возможнымъ примѣнить 264 ст. ул., то оно должно будетъ разрѣшить, во-первыхъ, вопросъ о томъ, кто главный виновный и кто участникъ, и, во-вторыхъ, о томъ, что подсудимые не могутъ подлежать наказанію на томъ основаніи, что не было сдѣлано воззванія разойтись. Что касается насильственныхъ дѣйствій, то они были вызваны тогда, когда ихъ еще не могли употребить. «Обращаясь за симъ,—сказалъ защитникъ, къ частнымъ обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину подсудимыхъ, я долженъ заявить, что по отношенію къ Боголюбову я не буду приводить никакихъ такого рода обстоятельствъ, потому что, дѣйствительно, Боголюбовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые не желаютъ раскрывать свою душу передъ судомъ. Что же касается до подсудимаго Гервасія, то это человѣкъ совсѣмъ другой. Онъ—сынъ казака; когда ему было 12 лѣтъ, онъ лишился родителей. Съ этого юнаго возраста онъ не имѣлъ тѣхъ руководителей, которые необходимы при первыхъ шагахъ человѣка. Онъ поступилъ стипендіатомъ въ керченскую гимназію и, несмотря на то, что былъ предоставленъ самому себѣ, вышелъ изъ гимназіи съ серебряною медалью и пріѣхалъ сюда, чтобы окончить свое образованіе. Изъ этого вы видите, что это человѣкъ серьезный, который желалъ и желаетъ трудиться. Когда вы будете постановлять свой приговоръ, я прошу васъ вспомнить объ этомъ молодомъ человѣкѣ, который только 5—6 мѣсяцевъ тому назадъ мечталъ, какъ онъ окончитъ курсъ,—явится въ то общество, которое его воспитывало, и будетъ тамъ работать.

Присяжный повѣренный Буймистровъ (защитникъ подсудимыхъ Бочарова, Шефтель и Надеждина): «Я коснусь кратко того, что мы слышали на судебномъ слѣдствіи,—сказалъ защитникъ,—и передамъ то впечатлѣніе, которое испытала защита при показаніи свидѣтелей. Тутъ разсказывалось о происшествіи, которое было 6-го декабря на Казанской площади. Когда показывали свидѣтели Рабутовскій и Товбичъ, защита испытывала спокойное чувство, не волновалась. Отчего? Оттого, что она не слыхала ни въ показаніи Рабутовскаго ни въ показаніи Товбичъ ничего такого, что пріурочивало бы это дѣло къ той грозной статьѣ, на которую указываетъ прокуроръ—къ ст. 252 улож. о наказ. Тутъ не слышали порицанія образа правленія. Но былъ моментъ, гг. судьи, когда защита испытала совершенно другое чувство—это тогда, когда пришелъ свидѣтель Кашинцовъ, носильщикъ. Онъ напугалъ защиту. Онъ говорилъ, что «я стоялъ около этой толпы такъ близко, какъ у этого стола и я все слышалъ, все знаю». Скажите, что же вы знаете? И въ его показаніи послышались такія указанія, которыя, дѣйствительно, мутили спокойствіе защиты. Послышались слова «Царь,» что «Царь обижаетъ бѣдныхъ, награждаетъ богатыхъ». Но, гг. судьи, къ счастью это показаніе Кашинцова, на которое указывало обвиненіе, и которое оно выставляло какъ такое показаніе, которое резюмируетъ это дѣло силою своего русскаго здраваго смысла—не было правильно. Дѣло въ томъ, что тутъ былъ другой русскій и здравый умъ, который гораздо здравѣе, нежели умъ Кашинцова. Онъ ослабилъ это показаніе, поколебалъ его и уничтожилъ. Нѣтъ болѣе предъ вами показанія Кашинцова! Явился Абрамовъ. Отличать носильщика Кашинцова отъ Абрамова не зачѣмъ; вы ихъ видѣли и не стоитъ этимъ заниматься. Спрашиваютъ Абрамова: слышали слово «Царь»?—«Нѣтъ.» Защитѣ легче. Спрашиваютъ: «слыхали ли порицаніе правительства»—«Нѣтъ! еслибы я слышалъ, то хорошо бы запомнилъ: я стоялъ въ пяти шагахъ отъ говорившаго.» Итакъ, показаніе Кашинцова убито, исчезло и, можетъ быть, у васъ изъ его показанія осталось одно выраженіе: «Я былъ тогда не въ своемъ умѣ.» Меня, дѣйствительно, озадачило это показаніе, потому что оно такъ пріурочивало все дѣло къ преступленіямъ государственнымъ, какъ будто бы Кашинцовъ зналъ эти законы. Для меня, а, можетъ быть, и для васъ остается это необъяснимымъ: откуда онъ могъ знать это, откуда это знаніе у носильщика? Итакъ, какова же сущность рѣчи?»—Изложивъ затѣмъ, по показанію свидѣтеля Абрамова, сущность имъ произнесенной рѣчи, защитникъ разобралъ подробно значеніе настоящаго дѣла, значеніе и силу свидѣтельскихъ показаній вообще, указалъ на невозможность примѣненія къ этому дѣлу 252 ст. ул. о нак. и привелъ ст. 1035 ул. о нак., въ которой за напечатаніе оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ, виновный подвергается: заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ, или аресту отъ 4 дней до 3 мѣсяцевъ, или, наконецъ, денежному взысканію не свыше 500 рублей. «Итакъ, какія же наказанія опредѣляетъ эта статья? Тюрьму, арестъ и штрафъ. Отчего же наше законодательство такъ спокойно смотритъ на печатное? Вѣдь, печатное производитъ иногда, можетъ быть, болѣе впечатлѣнія, нежели воззваніе въ рѣчи. Рѣчь могутъ и не слышать, могутъ не понимать, какъ это было и въ настоящемъ случаѣ. Печатное же можно прочитать, вникнуть въ прочитанное глубже, а, между тѣмъ, какое же наказаніе? Отчего же на это смотритъ такъ спокойно законъ? Оттого, что онъ увѣренъ въ томъ, что эти воззванія не поколеблютъ основы государства и не страшны!» Затѣмъ защитникъ перешелъ собственно къ защитѣ своихъ кліентовъ и въ отно-

шеніи Бочарова высказалъ, что прокуроръ придаетъ значеніе сознанію, но оттѣнилъ сознаніе нѣкоторыхъ подсудимыхъ. Такъ, показанію Бочарова прокуроръ не вѣритъ: «чертить задумалъ итти въ технологическій институтъ, а очутился на Казанской площади». Конечно, такъ отрывочно сопоставляя эти два факта, можно сдѣлать такой выводъ. Но, къ сожалѣнію, обвинитель не указалъ на тѣхъ свидѣтелей, которые показали, что, дѣйствительно, у Бочарова было желаніе итти 6 декабря чертить въ технологическій институтъ. Бочаровъ говорилъ, что зналъ о панихидѣ и о томъ, что затѣвается молодежью, узналъ 6 декабря въ технологическомъ институтѣ. Этому слѣдуетъ вѣрить, оттого что наканунѣ того дня, когда онъ пошелъ въ технологическій институтъ, мы слышали, какую бесѣду велъ онъ съ своими товарищами и въ какомъ спокойномъ состояніи онъ находился. Свидѣтели показываютъ, что онъ, дѣйствительно, пошелъ чертить въ технологическій институтъ. Если бы онъ зналъ раньше объ этой панихидѣ, то не нужно было бы ему итти въ институтъ. Когда человѣкъ готовится итти на площадь, когда затѣвается серьезное дѣло, которое можетъ завести далеко, станетъ ли онъ совершенно спокойно поднимать общіе вопросы, говорить съ товарищами, о томъ, какъ смотритъ на наши учебныя заведенія, о томъ, даютъ ли они хорошее образованіе или нѣтъ, и защищать то мнѣніе, что, дѣйствительно, наши высшія учебныя заведенія стоятъ на той высотѣ призванія, на которой они сдолжны стоять, и что для пріобрѣтенія общаго образованія есть другія средства. Если бы человѣкъ задумалъ итти на эту площадь, развѣ сталъ бы онъ такъ разсуждать? Онъ не былъ бы спокоенъ, не думалъ бы объ этихъ вещахъ, а, между тѣмъ, эти факты установлены судебнымъ слѣдствіемъ. Но онъ зналъ о панихидѣ, ему говорили, что будетъ участвовать молодежь, но будутъ ли говорить рѣчь, какого она будетъ содержанія, закончится ли она выбрасываніемъ флага, пойдетъ ли толпа дальше—этого онъ рѣшительно не зналъ, потому что человѣку, какъ онъ, труженику, занимающемуся, врядъ ли можно рѣшиться на такое дѣло. Сопротивленіе его и участіе въ толпѣ сводится къ показаніямъ двухъ свидѣтелей—Кубова и Егорова, которые говорили, что онъ былъ въ толпѣ, но чтобы онъ билъ кого-нибудь—этого они не утверждали. Указываетъ свидѣтель Богдановъ, что онъ отбивалъ Шефтель, когда ее заарестовали и вели. Бочаровъ это отрицаетъ. Положимъ, что это было такъ, но вѣдь бываютъ извѣстныя положенія человѣка, когда онъ невольно теряетъ свое душевное спокойствіе, когда дѣйствительно, онъ не можетъ владѣть самимъ собою. Если онъ видитъ извѣстную картину, которая его возмущаетъ, если онъ видитъ, что женщину ведутъ такимъ образомъ, какъ показывалъ Ритчеръ, неужели же онъ можетъ спокойно относиться къ этой картинѣ? Мы, вѣдь, возмущаемся грубостью обращенія съ животными, мы протестуемъ противъ тѣхъ жестокостей, которыя иногда употребляются противъ нихъ. У насъ есть цѣлое общество покровительства животнымъ, и неужели же, когда придется судить человѣка за то, что онъ освободилъ другого отъ оскорбленія, защитилъ его, то значитъ онъ виновенъ и его слѣдуетъ подвергнуть наказанію? Этотъ фактъ слѣдуетъ забыть и не слѣдуетъ его ставить въ улику подсудимому по обвиненію, которое на него взводится. Обвиненіе говоритъ, что для него несомнѣнно,—что кто былъ въ толпѣ, тотъ и виновенъ. Но это говоритъ обвиненіе, а защитникъ увѣренъ, что не такъ думаетъ судъ. Въ самомъ дѣлѣ, немыслимо, чтобы судьи разсуждали такъ: видѣли въ толпѣ, и довольно, значитъ—виновенъ. Такой пріемъ—былъ бы крайне несправедливъ. Есть другой пріемъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе поспѣшности хода дѣла, слѣдствіе не собрало никакихъ свѣдѣній о тѣхъ, кого судятъ, какъ стоятъ эти люди къ обществу, какое ихъ положеніе? Все это было мало выясне-

но. Что это мало выяснено по отношенію къ Бочарову, видно изъ того, что въ обвинительномъ актѣ онъ названъ пріѣхавшимъ въ 1875 г. поступить въ технологическій институтъ и считается до сихъ поръ такимъ пріѣхавшимъ, хотя свидѣтели сказали здѣсь, что этотъ пріѣхавшій давно поступилъ въ институтъ и въ настоящее время состоитъ на второмъ курсѣ. Если бы судьи знали подсудимаго, знали въ какомъ онъ семействѣ и обществѣ живетъ, знали образъ его занятій и мыслей, то они, вѣроятно, замѣтили бы, что онъ сюда непричастенъ. Этотъ пріемъ употреблялся тогда, когда разбирали арестованныхъ. Нѣкоторые заарестованные больше не судятся, потому что, когда узнали ихъ положеніе въ обществѣ, когда узнали, что это люди трудящіеся, то ихъ освободили. Въ данномъ случаѣ долженъ былъ быть употребленъ этотъ же пріемъ. Матеріалъ, который для этого есть, сосредоточивается въ показаніяхъ нѣкоторыхъ свидѣтелей и въ томъ удостовѣреніи, которое защитникъ представилъ вчера особому присутствію. Изъ этого удостовѣренія видно, что Бочаровъ—технологъ 2 курса, что онъ исправно посѣщалъ лекціи; въ этомъ удостовѣреніи отмѣчено; что изъ 266 лекцій онъ пропустилъ 47, по болѣзни и другимъ причинамъ, что, когда дѣло подходитъ къ 6 декабря, то онъ пропускаетъ въ недѣлю только двѣ лекціи, а послѣднюю недѣлю только одну. Сверхъ того, Бочаровъ посѣщаетъ и репетиціи въ технологическомъ институтѣ; суду еще извѣстно, что Бочаровъ исполнялъ чертежи и представлялъ ихъ до срока. Можетъ быть все это мелочь, но когда нѣтъ никакихъ фактовъ, которые можно представить для характеристики личности, невольно берешь и мелочь. Бочаровъ узналъ о панихидѣ; онъ пошелъ. Но дѣло въ томъ, что если бы онъ зналъ, что тамъ будетъ, если бы онъ раздѣлялъ тѣ убѣжденія, то всякому, кого бы онъ ни встрѣтилъ, онъ сказалъ бы: «пойдемте, всѣ идутъ, это дѣло хорошее». Онъ и встрѣчаетъ своего товарища Лаврентьева, когда шелъ на панихиду въ Казанскій соборъ; но говорилъ ли онъ ему: «пойдемте на панихиду?» Нѣтъ онъ не звалъ его. Онъ имѣлъ возможность, выходя изъ квартиры въ институтъ съ Молодыхъ, сказать ему: «пойдемте на панихиду: чѣмъ больше, тѣмъ лучше». Но ничего этого Бочаровъ не говорилъ. Когда подумаешь обо всемъ этомъ, то невольно придешь къ мысли, что дѣйствительно Бочаровъ былъ только любопытенъ, не зналъ этого дѣла, и судить его за него нѣтъ твердыхъ основаній. За любопытство онъ наказанъ сильно. Онъ получилъ оскорбленіе, удары; онъ просидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія въ отдѣльной камерѣ. «Я полагаю, сказалъ защитникъ, что вы все это взвѣсите и не будете рѣшать такъ, что онъ былъ въ толпѣ, а потому и виноватъ». Переходя къ защитѣ подсудимой Шефтель, защитникъ заявилъ: «Здѣсь другое отношеніе, мнѣ легче ее защищать. Другое отношеніе и со стороны обвиненія. Г. прокуроръ говоритъ: «г-жа Шефтель сдѣлала сознаніе; оно искренне; это такое сознаніе, которое даетъ право полагать, что если Шефтель и шла на панихиду, была тамъ, слушала рѣчь, то она опомнится и никогда уже не вернется на ту скамью, на которой теперь сидитъ». Болѣе о ней обвиненіе ничего не сказало. Какъ звучитъ это обвиненіе? Не звучитъ ли оно, гг. судьи, оправданіемъ? Если бы я былъ увѣренъ, что и вы совершенно такого же мнѣнія, то, конечно, защита моя пріостановилась бы, и дѣло кончено. Но такое отношеніе защиты къ дѣлу невозможно. Я долженъ остановиться на показаніяхъ свидѣтелей, разобрать ихъ и показать вамъ, что дѣйствительно точка зрѣнія обвиненія о томъ, что Шефтель не слѣдуетъ обвинять, совершенно правильная. Послушайте свидѣтельскія показанія, которыя были противъ Шефтель. Подумаешъ о нихъ и усомнишься, правду ли они говорятъ о ней. Вы спросите, отчего усомнишься? Оттого, что ей 16 лѣтъ, что она жила въ семьѣ, недавно оставила ее, но вдругъ

является на площади, въ публичномъ мѣстѣ, такъ грубо относится къ тѣмъ, кто ее не обижаетъ, и колотитъ всѣхъ, кто ее встрѣчаетъ. Мнѣ кажется, что, сопоставивъ эти обстоятельства, дѣйствительно можно усомниться въ правдивости показаній свидѣтелей. Я напомню вамъ, что здѣсь масса свидѣтелей показала одинъ фактъ. Они говорили, что, когда кончилась рѣчь, толпа густою, плотною массою шла до памятника Кутузова. Какимъ образомъ вяжется это съ показаніемъ Богданова? Онъ говоритъ, что, когда толпа разбѣгалась, Шефтель кричала «впередъ, за мною». Толпа вновь собралась. Такого факта ни одинъ свидѣтель не утверждалъ. Зачѣмъ эти крики «впередъ», когда толпа и безъ того идетъ впередъ? Затѣмъ Васильевъ говоритъ, что она какъ бы предводительствовала, махала руками. Но я укажу на свидѣтеля Успенскаго, который ближе знаетъ Шефтель. Что же онъ говоритъ?—Видѣли ее?—Да видѣлъ!—Шла она впереди, предводительствовала, дѣлала что-нибудь?—Этого я не видалъ. Свидѣтель Ивановъ показывалъ, что когда ее вели, она била ведшихъ или имѣла намѣреніе бить. А какъ же связать это съ показаніемъ Богданова, противорѣчіе въ показаніи котораго вы, вѣроятно, замѣтили? Онъ зналъ пристава Ритчера: «я, говоритъ, одинъ ее взялъ, одинъ велъ ее въ участокъ и привелъ въ участокъ; она ничего не дѣлала». Приставъ же Ритчеръ, что вамъ разсказывалъ? Онъ разсказывалъ, что онъ видѣлъ, какъ два человѣка вели Шефтель. Сопоставьте это показаніе Ритчера съ показаніемъ Богданова. Какимъ образомъ, когда женщина находится въ такихъ тискахъ, она могла при этомъ дѣлать жесты и бить тѣхъ, которые ее вели? Если сопоставить эти показанія, то вы не повѣрите показанію Ритчера, а повѣрите тому, что говоритъ Богдановъ: что онъ одинъ велъ ее, и она его не била. Остается одинъ свидѣтель—Успенскій. Шефтель говоритъ, что била ли она, или не била его—не помнитъ. Положимъ такъ случилось, какъ говоритъ Успенскій. Но, гг. судьи, дѣйствительно есть моменты, когда человѣкъ теряетъ свое самообладаніе. Развѣ Успенскій, которому, по его словамъ, было нанесено оскорбленіе обѣими руками г-жею Шефтель, развѣ онъ вошелъ въ толпу такъ тихо, такъ нѣжно, какъ онъ говорилъ здѣсь на судѣ, а не ворвался такъ рѣзко, какъ говорилъ свидѣтель Абрамовъ, и не говорилъ ли такихъ вещей, которыя могли возмутить каждаго, слышавшаго ихъ? Успенскій говоритъ: «я вошелъ въ толпу и еще сказалъ кое-что». Я просилъ его, въ виду того, что онъ говорилъ о значеніи принятой присяги, сказать это кое-что». Но нѣтъ. Успенскій не рѣшился этого сказать. Если Успенскій врѣзался въ толпу и сказалъ дерзкія слова, то неужели человѣкъ, выслушавши эти слова, долженъ былъ оставаться равнодушнымъ и перенести это?» Я не раздѣляю мнѣнія, чтобы за дерзкія слова нужно сейчасъ же драться, обращаться къ грубымъ пріемамъ. Нѣтъ, я этого не раздѣляю. Но неужели вы не видите массы примѣровъ, что люди по своему образованію, по своимъ понятіямъ, по своей подготовкѣ—враги этой рѣзкости, но бываютъ такіе моменты, когда возвышаютъ голосъ и говорятъ такимъ языкомъ, какимъ никогда не говорили? Неужели же вы не видите такихъ случаевъ, когда человѣкъ съ такими понятіями рѣшается ударить, оскорбить, нанести ужасную грубость, послѣ чего раскаивается? Мы не были свидѣтелями и не можемъ сказать такъ ли это было или нѣтъ. Но я полагаю, что ни съ того, ни съ сего Шефтель дѣлать этого не могла, это неестественно. Мы видимъ, какъ вела себя Шефтель здѣсь; ни въ словахъ ни въ манерахъ ея нѣтъ рѣзкости, она несвойственна ея натурѣ. Зачѣмъ же, имѣя эти мелкіе факты, будемъ мы навязывать лицу несвойственныя ему качества? Во всякомъ случаѣ, гг. судьи, такъ ли вы посмотрите, какъ говоритъ обвиненіе, или, можетъ быть, у васъ есть другая точка зрѣнія, но, когда вы будете судить Шефтель, не забудь-

те того, въ чемъ я представилъ удостовѣреніе, что ей было только 16 лѣтъ, когда случилось это происшествіе. Не забудьте того, оскорбленія, которое было нанесено ей—ее видѣли безъ шляпки, избитою, съ растрепанными волосами. Неужели же она сама это сдѣлала? Вѣдь, кто-нибудь привелъ ее въ это состояніе? Тѣхъ, которые привели ее въ это состояніе, здѣсь нѣтъ, мы ихъ не видимъ. Не могу еще не указать на то, что она была заключена въ домѣ предварительнаго заключенія въ отдѣльной камерѣ. Вы скажете: «что за важность? многіе сидятъ». Ахъ, гг. судьи! легко говорить, не испытавши! По моему мнѣнію, эта предварительная камера устроена у насъ сообразно съ самой лучшей системой этого рода. Но дѣло въ томъ, что, когда войдешь въ эту камеру, какъ случается намъ защитникамъ, при объясненіяхъ съ подсудимыми, когда затворятъ желѣзную дверь, то чувствуешь себя въ какомъ то ужасномъ желѣзномъ сундукѣ. Я ничего болѣе о Шефтель сказать не могу, и перехожу теперь къ защитѣ Надеждина. Защита эта чрезвычайно легка. Въ настоящее время обвиненіе отказалось, и мнѣ остается сказать, что Надеждинъ шелъ случайно, какъ шли другіе, попалъ въ полицію и въ судъ по недоразумѣнію—какъ говоритъ прокуроръ, и защитѣ ничего не остается къ этому добавить». Въ подтвержденіе невиновности Надеждина защитникъ сослался на свидѣтельство института, которое удостовѣряетъ, что это одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Въ институтѣ защитнику всѣ заявили, что Надеждинъ не могъ участвовать въ этомъ дѣлѣ и попалъ случайно. Въ заключеніе, послѣ нѣсколькихъ общихъ разсужденій, защитникъ сказалъ: «Убѣдилъ ли я васъ, гг. судьи, въ томъ, въ чемъ старался убѣдить, или же нѣтъ, но во всякомъ случаѣ я не могу умолчать о томъ правѣ, которое предоставляетъ вамъ законъ—снисходительно отнестись къ подсудимымъ и уменьшить наказаніе на двѣ степени. Конечно, это право, которымъ можно пользоваться или нѣтъ, но самое положеніе ваше, какъ высшихъ судей въ государствѣ, обязываетъ васъ являть примѣры снисходительности и не итти вразрѣзъ съ общимъ духомъ нашего новаго законоположенія».

Присяжный повѣренный Гантоверъ (защитникъ подсудимаго Потапова) указалъ прежде всего на одну ошибку, вкравшуюся въ обвинительный актъ, по которому Потаповъ обвиняется, во-первыхъ, въ томъ, что участвовалъ, подобно другимъ подсудимымъ, въ той демонстраціи, которая устраивалась 6-го декабря 1876 года, и затѣмъ, что онъ сопротивлялся полицейской власти при его арестѣ. Защитникъ смѣетъ думать, что изъ судебнаго слѣдствія Правительствующій Сенатъ пришелъ къ тому убѣжденію, что это послѣднее обвиненіе вкралось въ обвинительный актъ по ошибкѣ и совершенно напрасно взводится на подсудимаго. Такимъ образомъ, остается одно обвиненіе въ томъ, что Потаповъ участвовалъ въ демонстраціи. Каждому уголовному суду, разсматривающему извѣстное преступленіе, прежде всего нужно разрѣшить вопросъ, дѣйствительно ли совершилось, приписываемое подсудимымъ дѣяніе, и если совершилось, то какое участіе принимаетъ въ этомъ дѣяніи тотъ, котораго считаютъ виновнымъ, а засимъ возникаетъ еще вопросъ, и весьма существенный, о томъ, насколько можетъ быть это дѣяніе вмѣнено въ вину подсудимому. Значеніе того дѣянія, которое имѣло мѣсто 6-го декабря, разсмотрѣно другими защитниками, а потому прис. пов. Гантоверъ ограничилъ свою задачу тѣмъ, какое участіе принималъ Потаповъ въ настоящемъ дѣлѣ. Прокурорская власть, объясняя это происшествіе, указывала на причину собранія лицъ въ церковь, на ихъ поведеніе, на рѣчь, которая произносилась, на апплодисменты и крики одобренія, которые были выражены, но все это Потапова касаться не можетъ. Дѣло въ томъ, что онъ ничѣмъ не уличенъ въ томъ, что дѣйствительно находился на площади

Казанскаго собора и чтобы его связывала какая-то общая мысль, общее желаніе съ тою толпою, которая явилась въ соборъ. Подсудимый объясняетъ, что онъ попалъ туда случайно: зашелъ помолиться Богу и, возвращаясь оттуда, у памятника Кутузова нашелъ тотъ флагъ, который составляетъ главную противъ него улику. Насколько это объясненіе справедливо, защитникъ судить не можетъ, но позволяетъ себѣ представить свои соображенія по этому предмету. Изъ дѣла видно, что когда у собора произошла свалка, на углу Большой Садовой и Невскаго проспекта арестовывается Потаповъ; городовой Вишняковъ и частное лицо Абрамовъ сажаютъ его на извозчика и отправляютъ въ участокъ, а оттуда его препровождаютъ въ жандармское управленіе, гдѣ производятъ обыскъ и находятъ у него флагъ. Возможно ли повѣрить подсудимому, что онъ попалъ на площадь случайно? По мнѣнію защитника, какъ въ гражданскомъ процессѣ, такъ и въ уголовномъ соблюдается одно общее правило, по которому то, что утверждается на судѣ, должно быть доказано. Если утверждаютъ, что Потаповъ пошелъ въ соборъ съ намѣреніемъ принять участіе въ толпѣ, производившей безпорядокъ, то это должно быть какимъ-либо способомъ удостовѣрено. Такъ, по отношенію къ другимъ подсудимымъ говорятъ, что были распространены слухи между ними, что одинъ встрѣтилъ другого своего знакомаго, а тотъ указываетъ на третьяго и такъ далѣе. Потаповъ стоитъ особнякомъ, онъ не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ подсудимыхъ, онъ не показываетъ ни на кого, никто и на него не показываетъ. Ясно, что какую бы то ни было связь его появленія у Казанскаго собора съ тѣмъ, что тамъ происходило, нельзя считать доказанною. Возможность находки флага обвиняемымъ объясняется и по обстоятельствамъ дѣла. Нѣсколько свидѣтелей—Рябининъ, Кашинцовъ и другіе, показали, что толпа послѣ произнесенія рѣчи какимъ-то блондиномъ, взмахивала этимъ флагомъ, и такъ какъ не было древка, то они взбросили мальчика, который держалъ флагъ въ рукахъ. Здѣсь между свидѣтелями является нѣкоторое разнорѣчіе. Такъ, Рябининъ говоритъ, что Потаповъ развертывалъ флагъ, значитъ, онъ совершилъ сознательное дѣйствіе; между тѣмъ другіе свидѣтели, болѣе достовѣрные, какъ Абрамовъ, Кашинцовъ и Пантелеевъ, говорятъ, что онъ держалъ флагъ, не развертывая его. Если принять во вниманіе это обстоятельство и то, что въ толпѣ никто подсудимаго раньше не замѣтилъ, никто изъ свидѣтелей не указалъ, чтобы видѣлъ его въ толпѣ прежде, нежели его стали подбрасывать, то можно было бы поставить такую дилемму, что то лицо, которое сидитъ здѣсь на скамьѣ, не тождественно съ тѣмъ, которое въ толпѣ поднимали. И дѣйствительно, эта тождественность выводится только на томъ основаніи, что у него полушубокъ. Свидѣтели: Кашинцовъ, Богдановъ и Рябининъ признаютъ его за то лицо, которое тогда поднимали; но если обратить вниманіе на слова Кашинцова, который, по его признанію, находился въ такомъ положеніи, что не могъ отдавать себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ видѣлъ, и который говоритъ, что мальчикъ появился только на секунду, такъ что онъ не видѣлъ, въ шапкѣ былъ мальчикъ или нѣтъ, то едва ли можно сказать, что Кашинцовъ видѣлъ дѣйствительно Потапова. Дѣйствительно, трудно себѣ представить, чтобы можно было такъ хорошо запомнить лицо, появившееся на секунду, стоя отъ него въ 20 или болѣе шагахъ, тѣмъ болѣе, что крестьянскіе мальчики въ большинствѣ бѣлокурые и имѣютъ одинаковый видъ. Обвиненіе указываетъ на то, что Потаповъ попалъ туда не случайно, а съ опредѣленною преступною цѣлью. Какъ видно изъ судебнаго слѣдствія, онъ привлекался въ Кіевской губерніи по уголовному преступленію. Какъ онъ ни молодъ, но уже одно чувство самосохраненія должно было ему подсказать, когда нагрянула полиція и стала брать, что слѣдуетъ бросить этотъ флагъ. Пота-

повъ—хотя бы инстинктивно, не могъ не понять, что за нимъ могутъ слѣдить и найти у него этотъ флагъ. Между тѣмъ, свидѣтель Абрамовъ говоритъ, что онъ шелъ впереди его и не подозрѣвалъ, что онъ можетъ быть арестованъ, а когда арестовали, то онъ нисколько не сопротивлялся. «Вотъ всѣ тѣ улики; сказалъ защитникъ, которыя приведены въ обвинительномъ актѣ и здѣсь на судѣ въ подтвержденіе того, что Потаповъ участвовалъ въ томъ дѣяніи, о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь. Но я думаю, что я не исполнилъ бы своей обязанности защитника, если бы ограничился одними такими отрицательными объясненіями. Я по необходимости долженъ предвидѣть тотъ случай, что особому присутствію Сената могутъ представиться всѣ эти улики достовѣрными. Поэтому я считаю своимъ долгомъ представить нѣкоторыя другія объясненія. Если извѣстное дѣяніе совершится извѣстнымъ лицомъ, которое принимаетъ въ немъ какое-либо участіе, то само собою предполагается, что тутъ должна существовать какая-либо связь, какое-либо соотношеніе между тѣмъ, кто дѣлаетъ и между дѣломъ, имъ произведеннымъ, такъ что дѣло само по себѣ не можетъ быть принято на судѣ ни въ какое вниманіе. Я хочу сказать, что въ уголовномъ производствѣ имѣетъ значеніе не самое дѣяніе, а та преступная воля, то намѣреніе, та рѣшимость, которая, такъ сказать, напала на извѣстное лицо, совершившее извѣстное дѣяніе. Можетъ ли быть это положеніе примѣнимо въ данномъ случаѣ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, защитникъ находилъ, что, если Потаповъ дѣйствительно участвовалъ, то участвовалъ болѣе физически, чѣмъ нравственно, т. е., что онъ силою внѣшнихъ обстоятельствъ могъ попасть въ эту среду; онъ могъ участвовать, такъ сказать, только своимъ тѣломъ, не имѣя ни познаній ни пониманія о томъ, что онъ совершаетъ. Если судъ убѣдится, что Потаповъ дѣйствительно не принималъ въ этомъ дѣлѣ участія душою, то его дѣяніе не можетъ быть поставлено ему въ вину, потому что законъ караетъ только дѣйствія сознательныя. Если обратить вниманіе на происхожденіе подсудимаго, на отсутствіе у него всякаго образованія, на его молодость, то нельзя не притти къ заключенію, что такой мальчикъ не можетъ совершить такого важнаго, такого тяжкаго преступленія, каковы преступленія государственныя. Защитникъ увѣренъ, что подсудимый не только не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое государство, но онъ не знаетъ даже что такое губернское правленіе. Въ этомъ отношеніи весьма характерно показаніе свидѣтеля Абрамова, который, указавъ на то, что онъ видѣлъ какъ мальчикъ вынулъ будто бы изъ-за пазухи флагъ, какъ его поднимали съ нимъ и какъ онъ ушелъ, говоритъ, что подозрѣвалъ дѣйствительно ли это крестьянскій мальчикъ. Въ самомъ дѣлѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы малолѣтній крестьянскій мальчикъ могъ принимать въ этомъ дѣлѣ такое сознательное участіе, которое ему приписывается. Прокурорская власть, желая доказать связь Потапова съ настоящимъ дѣломъ, указала, между прочимъ, на стихотвореніе Бибергаля, сказавъ: вотъ посредствомъ чего связывается одинъ съ другими. Но такъ какъ въ дѣлѣ не установлено такого факта, чтобы Бибергаль имѣлъ какія-либо отношенія къ Потапову или наоборотъ, чтобы стихи эти могли попасть въ руки Потапова, то эта связь должна быть признана недоказанною и должна быть совершенно устранена изъ дѣла. Далѣе защитникъ просилъ судъ обратить вниманіе на ту жалкую роль Потапова, которая ему приписывается по показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей: его посылаютъ, ему приказываютъ сдѣлать то и то, и онъ исполняетъ; онъ привыкъ слушаться, самъ не сознавая того, что онъ дѣлаетъ, что исполняетъ. Сверхъ того, то дѣяніе, въ которомъ его обвиняютъ, по его узкимъ понятіямъ, не могло быть ему доступно: ему велѣли махать флагомъ, и онъ считаетъ это за шалость, но не за ту шалость, которая пре-

дусмотрѣна 250 ст. улож. о наказ. Ему говорятъ: «позови того-то и того-то», и онъ сзываетъ, не придавая этому ничего преступнаго. Вотъ почему Потапова нельзя осудить за то дѣяніе, которое ему приписывается, т. е., что онъ сознательно, намѣренно совершилъ извѣстное преступленіе». Въ заключеніе защитникъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы былъ поставленъ вопросъ: дѣйствовалъ ли обвиняемый съ полнымъ разумѣніемъ, а въ виду всего сказаннаго, просилъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно.

Прис. пов. Знаменовскій (защитникъ подсудимаго Попова), между прочимъ, въ рѣчи своей высказалъ, что въ прошедшемъ году у насъ въ Россіи было много овацій и манифестацій по случаю борьбы христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ. Публика чествовала добровольцевъ и провожала на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ криками «ура», служила панихиды по убитымъ, такъ что наконецъ всякая овація уже казалась обыкновенною. Вдругъ въ Петербургѣ осенью прошлаго года появляется молва, какъ выяснилось на судебномъ слѣдствіи, что будетъ большая общая панихида по убитымъ въ Сербіи, а въ извѣстной части общества молодежи, что будетъ панихида по умершимъ преступникамъ въ домѣ предварительнаго заключенія. Большинство людей изъ молодежи, какъ должно полагать, руководствовалось слѣдующею мыслью: правительство не препятствуетъ молиться за убитыхъ въ Сербіи, а церковь наша не возбраняетъ молиться даже и за большихъ грѣшниковъ, тѣмъ болѣе, что Спаситель нашъ на крестѣ молился за своихъ убійцъ. Когда наступило 6 декабря, то нѣтъ ничего удивительнаго, что много молодыхъ людей собралось въ Казанскомъ соборѣ. Панихиды не было, и когда вышли молодые люди изъ собора, то произнесеніе рѣчи и бросаніе флага было дѣломъ случайнымъ, дѣяніемъ одного лица или нѣсколькихъ. Послышавшіеся крики «ура» и «живіо», по показанію пристава, показываютъ, что публика не понимала—въ чемъ дѣло. Образовавшуюся же драку между молодыми людьми и полиціею нужно отнести къ совершенно отдѣльному проступку, не имѣющему политическаго характера. Дѣйствительные же виновники демонстраціи не существуютъ, они не открыты. Поэтому нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить, какая цѣль руководила составленіемъ подобной демонстраціи и какія должны были быть отъ нея послѣдствія. Привлеченныя къ дѣлу лица въ большинствѣ, а въ томъ числѣ и подсудимый Поповъ, отрицаютъ всякую солидарность съ этой демонстраціей. Переходя потомъ лично къ самому Попову и къ обстоятельствамъ, подавшимъ поводъ привлечь его къ отвѣтственности, защитникъ объяснилъ, что подсудимый Поповъ выдѣляется рѣзко изъ цѣлой группы прочихъ подсудимыхъ. Его положеніе весьма щекотливо въ томъ отношеніи, что онъ, Поповъ, заявилъ себя агентомъ управляющаго секретнымъ отдѣленіемъ с.-петербургскаго градоначальства. Обвинительная власть, не придавая этому значенія, обвиняетъ его въ участіи въ преступной демонстраціи. По мнѣнію защитника, это обвиненіе несправедливо, и чтобы вполнѣ его опровергнуть, онъ позволяетъ себѣ коснуться нѣсколько жизни Попова. По происхожденію Поповъ сынъ сельскаго священника, учился въ приходскомъ духовномъ училищѣ и въ семинаріи. По разсказамъ Попова, система воспитанія въ духовныхъ училищахъ направлена къ тому, чтобы всѣ учащіеся получая извѣстное образованіе, приходили, кромѣ того, въ прикосновеніе съ своимъ начальствомъ посредствомъ заявленій какъ о своемъ матеріальномъ положеніи, такъ равно о всякаго рода встрѣчаемыхъ сомнѣніяхъ, однимъ словомъ—что думаютъ сами и что другіе думаютъ и творятъ—заявляй. При такомъ направленіи Поповъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы посвятить себя изученію живописи. Отъ природы Поповъ—тихій и боязливый, а притомъ въ Петербургѣ у него развилась болѣзнь сердца. Средствъ къ жизни у Попова никакихъ не было и поэтому онъ пробивал-

ся кое-какъ изо дня въ день. Встрѣчаясь по своимъ занятіямъ съ молодыми людьми, ему приходилось выслушивать вопросы, критику какъ обыкновенной жизни, такъ равно и общественнаго строя. Въ то же время на Попова находили какая-то тоска и боязнь. Нужда и крайность еще болѣе усиливали это нравственное состояніе духа. Въ прежніе годы, когда Поповъ находился въ училищѣ, онъ могъ бы объяснить свое положеніе учителю или ректору; въ Петербургѣ же у него нѣтъ никакихъ знакомыхъ. До Попова доходятъ слухи, что наблюденіе за учащеюся молодежью имѣетъ управляющій секретною канцеляріею при с.-петербургскомъ градоначальствѣ и что онъ даетъ вспомоществованіе. Поповъ направляется въ сентябрѣ прошедшаго года къ управляющему секретной канцеляріею. Что происходило при первомъ свиданіи Попова съ управляющимъ—неизвѣстно; но кончилось тѣмъ, что Поповъ получилъ немного денегъ. Такимъ образомъ, вступивъ однажды на скользкій путь, другого выхода не оставалось, какъ только доносить разнаго рода небылицы, которыя управляющій назвалъ «несообразностями». Управляющій отдѣленіемъ говоритъ: «приходите съ чѣмъ-нибудь вѣрнымъ и съ данными». Поповъ дожидается случая. Наканунѣ 6-го декабря, въ воскресенье, 5-го декабря, около 9 часовъ вечера, приходитъ какая-то молодая дѣвушка, знакомая съ квартирною хозяйкою Попова, и говоритъ, что завтра будетъ панихида, соединенная съ чѣмъ-то революціоннымъ. Поповъ нанималъ двѣ маленькія, холодныя комнаты на Петербургской сторонѣ за 5 руб. въ мѣсяцъ, и въ одной изъ нихъ помѣщалась его родственница Александра Товбичъ. Теперь представился Попову вопросъ, что дѣлать съ этимъ извѣстіемъ. Слѣдуетъ ли итти къ управляющему канцеляріею, чтобы сообщить ему извѣстіе, или остаться дома и провѣрить его. Но какимъ образомъ и какими средствами? У Попова не было никакихъ знакомыхъ. Нужно замѣтить, что Поповъ ни съ кѣмъ изъ подсудимыхъ не былъ знакомъ. Управляющій отдѣленіемъ требовалъ доносить только что-нибудь вѣрное. Въ то время много говорили о панихидахъ по убитымъ добровольцамъ въ Сербіи. Такимъ образомъ, панихида являлась бы оффиціально разрѣшенной надлежащею властью. Въ это время Товбичъ ему говоритъ, что она никогда не была въ Казанскомъ соборѣ, и такъ какъ Николинъ день—большой праздникъ, то она желаетъ помолиться и вмѣстѣ осмотрѣть храмъ. Поповъ передъ Товбичъ скрывалъ, что онъ знакомъ съ управляющимъ отдѣленіемъ. На другой день Поповъ съ Товбичъ отправляются въ Казанскій соборъ. Они прибыли туда поздно. Панихиды не видали, а увидали зрѣлище: небольшую толпу, въ серединѣ которой какая-то личность произносила рѣчь, развертывалось знамя и затѣмъ свалка отдѣльныхъ личностей съ полицейскими, дворниками и носильщиками. Поповъ съ Товбичъ оставляютъ площадь и проходятъ мимо дома Лѣсникова, гдѣ наталкиваются на сцену: нѣсколько простолюдиновъ бьютъ лежащаго молодого человѣка. Поповъ останавливается, а какъ онъ былъ въ пледѣ, то его арестуютъ. Толпа придавала дурное значеніе пледу. Вообще, въ этотъ день пледъ игралъ весьма плачевную роль. Могутъ возразить, что если Поповъ считалъ себя агентомъ управляющаго секретнымъ отдѣленіемъ, то для чего онъ не помогалъ полиціи заарестовать участвовавшихъ. На это можно найти отвѣтъ, стоитъ только посмотрѣть на Попова: маленькій ростомъ, тщедушный, чѣмъ бы онъ помогъ? Силы были неравныя. Послѣ изложенія этой фактической стороны дѣла защитникъ обратился къ свидѣтелямъ, которые говорили о Поповѣ: Товбичъ, отставной рядовой Ефимовъ и мѣщанинъ Владиміръ Кубовъ. Товбичъ разсказала согласно вышеизложенному. Когда Ефимову предъявили подсудимыхъ, то онъ призналъ Попова въ числѣ лицъ, которыхъ онъ видѣлъ въ толпѣ производившихъ безпорядки на площади. Кубовъ—что онъ видѣлъ Попова въ то время, когда его съ

Товбичъ провели мимо него въ участокъ, гдѣ ихъ взяли, а что они дѣлали, того не знаетъ. Наконецъ, начальникъ секретнаго отдѣленія при градоначальникѣ сообщилъ прокурору: «Нѣкто Илья Родіоновъ Поповъ являлся ко мнѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ по части агентуры и, выпрашивая подъ разными предлогами деньги, сообщалъ свѣдѣнія, поражавшія своею несообразностью, почему я еще задолго до 6-го декабря запретилъ этому человѣку ко мнѣ являться и затѣмъ уже нигдѣ его не видѣлъ». На судебномъ слѣдствіи показали въ отношеніи Попова: во-первыхъ, приставъ Ритчеръ слышалъ, что былъ арестованъ агентъ тайной полиціи; во-вторыхъ, Товбичъ описала жизнь Попова, его болѣзненное состояніе и говорила, что Поповъ постоянно дома сидѣлъ, знакомыхъ не имѣлъ, не выражалъ знаковъ одобренія при произнесеніи рѣчи на площади, въ толпѣ не былъ и не дрался; въ третьихъ—Ефимовъ. На этомъ свидѣтелѣ защитникъ нашелъ необходимымъ остановиться и указать, возможно ли дать безусловную вѣру его показаніямъ, даннымъ при дознаніи. Здѣсь, на судѣ онъ началъ разсказъ съ того самодовольствія, что могъ арестовать двухъ человѣкъ, которые спрашивали у него, что случилось на площади, затѣмъ онъ объявилъ, что узнаетъ кто былъ изъ подсудимыхъ на площади, и особенно Гервасія, котораго примѣты хорошо ему врѣзались въ памяти. Но, между тѣмъ, Ефимовъ заявилъ, что онъ никого не можетъ признать изъ подсудимыхъ за тѣхъ лицъ, которыхъ видѣлъ на площади. Такимъ образомъ, прежнее показаніе Ефимова противъ Попова, за даннымъ имъ здѣсь на судѣ, не существуетъ. Въ-четвертыхъ, Кубовъ подтвердилъ прежнее свое показаніе, что онъ видѣлъ Попова съ какою-то женщиною на Малой-Конюшенной, когда ихъ вели уже въ участокъ, и въ-пятыхъ, Ольга Щукина говорила о предполагавшейся панихидѣ по убитымъ въ Сербіи 6-го декабря и что она, проходя мимо дома Лѣсникова, увидѣла, какъ ея знакомую Товбичъ ведутъ въ участокъ какіе-то два простолюдина и что она при этомъ выразила соболѣзнованіе, за что и была арестована. Изъ этихъ данныхъ, по мнѣнію защитника, явно обнаруживается неприкосновенность Попова къ преступной демонстраціи. Прокуроръ въ обвинительной своей рѣчи давалъ безусловную вѣру показаніямъ г-жи Товбичъ, однако, при этомъ обвиняетъ Попова, основываясь на показаніяхъ самого Попова и показаніи Ефимова. Но вѣря показаніямъ Товбичъ, нужно повѣрить и тому, что съ достовѣрностью она утверждала, а именно, что Поповъ никакого участія въ демонстраціи не принималъ. Что же касается показаній самого Попова, то они заключаютъ въ себѣ лишь только разсказъ очевидца о томъ, что было на площади, и показанія Ефимова, данныя здѣсь, ничего не говорятъ противъ Попова. По мнѣнію защитника, на судѣ обнаружилась полная невиновность Попова, а потому въ заключеніе онъ просилъ судъ признать Попова невиновнымъ во взводимомъ на него преступленіи.

Присяжный повѣренный Рычковъ (защитникъ Гуровича и Геллера), присоединяясь къ тѣмъ общимъ соображеніямъ о характерѣ и сущности настоящаго дѣла, которыя были представлены предыдущими защитниками, обратился непосредственно къ защитѣ подсудимаго Гуровича. Указавъ на то, что обвиненіе выставляетъ противъ Гуровича двѣ улики: во-первыхъ, показаніе свидѣтеля Ефимова, который призналъ его за одного изъ тѣхъ лицъ, которыя присутствовали на площади и производили безпорядокъ, и, во-вторыхъ, его близкое знакомство съ нѣкоторыми лицами, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ признаются подозрительными,—защитникъ напомнилъ показаніе Ефимова. Этотъ свидѣтель говорилъ здѣсь, что онъ можетъ признать только нѣкоторыхъ изъ тѣхъ лицъ, которыя были ему предъявлены на предварительномъ дознаніи и которыхъ онъ тогда

призналь за лицъ, участвовавшихъ 6 декабря въ демонстраціи. Дѣйствительно, онъ указалъ такихъ лицъ, но Гуровича въ числѣ ихъ не оказалось. На вопросъ обвинителя, онъ подтвердилъ, что лицо, на которое онъ указывалъ на предварительномъ дознаніи, есть именно то лицо, которое онъ видѣлъ на площади. Поэтому обвинитель и поддерживаетъ обвиненіе. Для того, чтобы разобрать значеніе этой улики, защитникъ считалъ нужнымъ остановиться на томъ, какое значеніе могло имѣть предъявленіе подсудимыхъ на дознаніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гуровичъ находился 6 декабря на площади—это признаетъ и подсудимый, и онъ, защитникъ. Но отъ одного присутствія на площади до обвиненія въ государственномъ преступленіи еще очень далеко. Для этого нужно устроить какой-нибудь переходъ отъ одного къ другому. Но этого перехода не существуетъ относительно Гуровича. Ефимовъ на предварительномъ дознаніи говоритъ, что онъ видѣлъ Гуровича на площади. Но ни на дознаніи, ни здѣсь, на судѣ, онъ не указывалъ на то, что онъ видѣлъ Гуровича производившимъ безпорядокъ, участвовавшимъ въ толпѣ, которая произвела демонстрацію 6 декабря. Кромѣ того, защитникъ видитъ въ показаніи Ефимова весьма очевидные признаки недоразумѣнія, и вотъ почему. Очевидно, если онъ и видѣлъ Гуровича на площади, то могъ видѣть его только мелькомъ, случайно, ненадолго. Между тѣмъ, онъ не затруднился на дознаніи, черезъ два дня послѣ того, какъ было происшествіе, указать на Гуровича, какъ лицо, которое видѣлъ на площади принимавшимъ участіе въ демонстраціи. Очевидно, что на дознаніи, когда онъ видѣлъ Гуровича въ второй разъ, онъ долженъ былъ съ большою твердостью запомнить норты его лица, тѣмъ болѣе, что черты этого лица представляются довольно рѣзкими и необыкновенными. Между тѣмъ, здѣсь Ефимовъ положительно отказался указать Гуровича, и на предложенный ему со стороны защиты вопросъ: узнаетъ-ли онъ Гуровича за лицо, видѣнное на площади?—онъ отвѣчалъ положительно, что не узнаетъ. Такимъ образомъ, эта первая улика, по мнѣнію защитника, падаетъ въ силу того, что Ефимовъ не подтвердилъ сдѣланной на него обвиненіемъ ссылки. Второю уликою выставляется противъ Гуровича то, что онъ былъ знакомъ съ Шефтель; что если Шефтель знала о демонстраціи, то, слѣдовательно, и Гуровичъ долженъ былъ о ней знать, а если зналъ и попалъ на площадь, то, значитъ, виноватъ въ участіи въ этой демонстраціи. Защитникъ полагаетъ, что едва ли возможно основываться на одной этой уликѣ. Что значитъ знакомство съ Шефтель? Гуровичъ теперь не отрицаетъ этого знакомства, и объяснилъ здѣсь, что отрицалъ его прежде потому, что не зналъ, замѣшана ли Шефтель въ дѣло или нѣтъ, и просто изъ чувства доброжелательства къ своей знакомой не хотѣлъ впутать ея имя въ это дѣло. Какого же рода было знакомство Гуровича съ Шефтель? спрашиваетъ защитникъ. Было ли оно такого рода, которое указываетъ на извѣстное сочувствіе другъ къ другу, на тождество ихъ убѣжденій? Нѣтъ, это знакомство не имѣло такого характера. Изъ показанія Виленца видно, что Гуровичъ увидѣлся съ Шефтель за два или три дня до происшествія по тому поводу, что, уѣзжая домой, онъ предложилъ ей занять временно его комнату. Что Гуровичъ собирался уѣхать домой, то это, по мнѣнію защитника, подтверждается показаніями Виленца, Макарова, Копилевичъ и письмомъ отца Гуровича, при которомъ препровождены деньги. Итакъ, то обстоятельство, что Гуровичъ уступилъ свою комнату Шефтель, не можетъ служить никакимъ основаніемъ къ его обвиненію. Затѣмъ, кромѣ отсутствія уликъ, въ дѣлѣ, по мнѣнію защитника, есть много обстоятельствъ, которыя устраняютъ всякое сомнѣніе въ виновности Гуровича. Въ этомъ отношеніи весьма сильнымъ доводомъ является показаніе свидѣ-

геля Виленца. Здѣсь, на судѣ, Виленцъ нѣсколько видоизмѣнилъ свое прежнее показаніе, и, основываясь на этомъ, прокуроръ заподозриваетъ показаніе Виленца въ явной невѣрности, полагая, что онъ желаетъ выгородить Гуровича изъ дѣла, показывая такія обстоятельства, которыя служатъ къ уничтоженію обвиненія. Но защитникъ не думаетъ, чтобы прокуроръ привелъ достаточно доводовъ къ тому, чтобы можно было вывести это заключеніе. Почему Виленцъ могъ знать, что въ интересахъ Гуровича и что не въ интересахъ его? Предполагать здѣсь подсказываніе свидѣтелю, по мнѣнію защиты, невозможно. Для того, чтобы дѣлать такое предположеніе, нужно имѣть весьма вѣскія доказательства, которыхъ, однако, обвиненіе не представило. Кромѣ того, чѣмъ особенно рѣзко отличалось показаніе Виленца, данное имъ на судѣ, отъ того, которое было дано имъ на дознаніи? Тамъ онъ сказалъ, что Гуровичъ вышелъ вмѣстѣ съ Шефтель, а здѣсь говоритъ, что послѣ ухода Гуровича онъ слышалъ голосъ Шефтель; какъ тогда, такъ и теперь свидѣтель говоритъ, что изъ комнаты онъ не выходилъ и что о совмѣстномъ уходѣ онъ судилъ по ихъ голосамъ. Отчего же нельзя предположить, что онъ теперь вспомнилъ то обстоятельство, которое тогда забылъ? На предварительномъ дознаніи Виленцъ показывалъ, что Гуровичъ ушелъ между 10 и 11 часами, а здѣсь говоритъ, что онъ ушелъ между 11 и 12 часами. Но такое ничтожное разнорѣчіе не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы заподозривать все его показаніе, тѣмъ болѣе, что защитникъ готовъ согласиться съ тѣмъ, что Гуровичъ вышелъ не между 11 и 12 часами, а между 10 и 11 часами. Изъ этого никакого вывода дѣлать нельзя. Извѣстно, что квартира Гуровича помѣщалась на Петербургской сторонѣ, въ Вульфовой улицѣ, слѣдовательно, очень далеко отъ Казанскаго собора. Изъ этого защитникъ выводитъ, что если бы Гуровичъ шелъ на площадь дѣйствительно съ цѣлью принять участіе въ демонстраціи, то онъ долженъ бы былъ выйти гораздо раньше того времени, къ которому пріурочиваютъ его выходъ, а именно, по крайней мѣрѣ, въ 9 часовъ или въ началѣ десятаго. Такимъ образомъ, то разнорѣчіе, которое было въ показаніи Виленца, не имѣетъ существеннаго значенія. Знакомство Гуровича съ Шефтель не было такого рода, чтобы можно было заключить, что оно установилось съ цѣлью обоимъ принять участіе въ демонстраціи. Это подтверждается показаніемъ Виленца, который на предлагавшіеся ему на слѣдствіи вопросы: не замѣчалъ ли онъ въ Гуровичѣ въ послѣднее время чего-нибудь особеннаго, не говорилъ ли онъ о своихъ предположеніяхъ,—отвѣчалъ отрицательно и сказалъ, что Гуровичъ говорилъ о своемъ желаніи уѣхать домой, какъ только получитъ деньги. Но на его бѣду деньги долго не высылались, онѣ были присланы только 5 декабря, «и, можетъ быть, это—единственная причина, сказалъ защитникъ, почему Гуровичъ не дома, а здѣсь на судѣ». Обвинитель говоритъ, что Гуровичъ, очевидно, виновенъ, такъ какъ его сестра, Копилевичъ, на другой день послѣ происшествія съ явной заботой объ его участи пріѣзжала къ нему на квартиру, распрашивала, гдѣ онъ, почему его не видно, не попался ли онъ въ ту исторію, о которой только и говорили въ городѣ? Изъ этого обвинитель выводитъ, что Гуровичъ былъ такимъ подозрительнымъ лицомъ, что сестра его, какъ только узнала объ этомъ происшествіи, тотчасъ же предположила, что Гуровичъ въ немъ участвовалъ и попался. Но если вспомнить показаніе Копилевичъ, то слѣдуетъ придти къ иному заключенію, нежели то, которое выводитъ обвинитель. Копилевичъ слышала, что 6-го декабря произошла какая-то исторія, имѣющая серьезное значеніе и по которой заарестована тысяча, а можетъ быть и болѣе студентовъ. Но тысяча—это такая громадная цифра, сказалъ защитникъ, что у каждаго, имѣющаго знакомыхъ или родственниковъ въ

числѣ студентовъ, участью которыхъ онъ интересуется, могло возникнуть опасеніе, что они находятся въ числѣ арестованныхъ. Вотъ единственная причина, почему Копилевичъ, заботясь о братѣ, отправилась на его квартиру. Въ первый свой приходъ она не застала никого, кромѣ хозяина квартиры, Макарова, отъ котораго ничего не могла узнать. Во второй разъ она застала Виленца. Здѣсь опять является разнорѣчіе, на которое прокуроръ указывалъ какъ на обстоятельство, доказывающее виновность Гуровича. Это разнорѣчіе заключается въ томъ, что на предварительномъ дознаніи свидѣтель говорилъ, что у него былъ разговоръ о панихидѣ, а здѣсь, на судебномъ слѣдствіи, существованіе этого разговора тотъ и другой отрицали. Но какое же значеніе имѣетъ это разнорѣчіе, если оно и есть?—спрашиваетъ защитникъ. Вѣдь объ этой панихидѣ, объ этой демонстраціи можно было не знать до тѣхъ поръ, пока ея не было. но послѣ того, когда она совершилась, когда о ней говорилъ весь Петербургъ—не знать и не говорить о ней, было бы даже странно и непонятно, и находить въ этомъ разговорѣ какой-либо матеріалъ для обвиненія—едва ли возможно. Касаясь обвиненія подсудимаго Новаковскаго, сказалъ защитникъ, прокуроръ указалъ и тутъ на нѣкоторыя черты, изъ которыхъ можно бы вывести заключеніе о виновности Гуровича. Онъ указывалъ на то, что Гуровичъ съ Новаковскимъ родственники, что оба они попались въ этой исторіи, и что изъ этого можно вывести связь между этими лицами. Здѣсь защитникъ считалъ нужнымъ указать на то, что свидѣтели положительно безусловно подтвердили существованіе между ними за послѣднее время размолвки, ссоры, въ дѣйствительности которой едва ли возможно сомнѣваться. Существованіе этой ссоры служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что связи между дѣйствіями этихъ двухъ лицъ не существуетъ. Поэтому, если бы и были какія-нибудь основанія для обвиненія Новаковскаго, то они вовсе не падаютъ на Гуровича. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, не отрицая того, что Гуровичъ присутствовалъ 6-го декабря на Казанской площади и былъ тамъ заарестованъ, защитникъ считалъ себя вправѣ положительно отрицать всякое его участіе въ демонстраціи на томъ основаніи, что обвиненіе не представило къ этому никакихъ данныхъ. Обращаясь къ защитѣ подсудимаго Геллера, защитникъ сказалъ, что противъ него не существуетъ даже тѣхъ уликъ, которыя выставлены противъ Гуровича. Въ протоколѣ предварительнаго дознанія записано, что Трещовъ указалъ на Геллера, какъ на одного изъ участниковъ 6-го декабря. Здѣсь, когда ему указали на Геллера въ томъ костюмѣ, въ которомъ его арестовали, Трещовъ заявилъ, что у того, котораго онъ видѣлъ на площади, былъ воротникъ не съ такимъ мѣхомъ, какъ у пальто Геллера. Такимъ образомъ, очевидно, что Трещовъ въ то время ошибся, усмотрѣвъ можетъ быть общее сходство между подсудимымъ и другимъ лицомъ. Это обстоятельство послужило основаніемъ къ ошибкѣ и въ обвинительномъ актѣ. Несмотря на то, что прокуроръ призналъ существованіе этой ошибки, обвиненіе противъ Геллера все-таки поддерживается, и поддерживается не на основаніи какихъ-нибудь данныхъ, а на основаніи того, во-первыхъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ Геллеръ оказался прикосновеннымъ къ дѣлу о безпорядкахъ при объявленіи приговора Плотникову, и во-вторыхъ, что онъ, въ качествѣ человѣка опытнаго, вѣроятно, не явился бы на площадь, если бы не участвовалъ въ демонстраціи. Защитникъ признается, что ему странно слышать такое обвиненіе. Дѣло въ томъ, что Геллеру въ настоящее время едва 19 лѣтъ, объявленіе же приговора Плотникову произошло въ 1874 году, т. е. почти три года назадъ. Неужели же, спрашиваетъ защитникъ, дѣйствіе, совершенное почти ребенкомъ 15—16-ти лѣтъ, можетъ служить основаніемъ для обвиненія его впослѣдствіи въ такомъ тяжкомъ

леннаго защитою свидѣтельства завода, гдѣ удостовѣряется, что Морошкину было отказано отъ работы вслѣдствіе уменьшенія производства. Морошкинъ—молодой человѣкъ 18 лѣтъ, идетъ по площади, видитъ столкновеніе—неужели, въ самомъ дѣлѣ, нужно ставить ему въ вину, что онъ не ушелъ оттуда? Онъ останавливается, и его берутъ. Другіе защитники уже указали достаточно ясно, какое значеніе можно придавать самому факту арестованія. Ни изъ дѣла, ни изъ свидѣтельскихъ показаній на судѣ не видно, кто его взялъ и что онъ тамъ дѣлалъ. Обвиненіе говоритъ, что если онъ шелъ туда, значитъ, виноватъ. Не говоря о томъ, что итти туда вовсе не значило итти на совершеніе государственнаго преступленія, и о томъ, что это обстоятельство остается недоказаннымъ, защитникъ указалъ на свидѣтельство Карльсона, который говоритъ, что подсудимый пошелъ въ Казанск... улицу или соборъ—не знастъ, и такъ какъ былъ праздникъ, то онъ предположилъ, что Морошкинъ сказалъ ему, будто онъ пошелъ въ соборъ. Представитель обвинительной власти не вѣритъ этому показанію и говоритъ, что вѣрно только то показаніе, которое записано въ протоколѣ при дознаніи, а, между тѣмъ, въ отношеніи обвиненія Боголюбова въ покушеніи на убійство прокуроръ самъ призналъ, что изъ перекреснаго допроса на судѣ онъ убѣдился, что не можетъ поддерживать этого обвиненія. Если такимъ образомъ онъ вынужденъ по отношенію къ Боголюбову признать извѣстное значеніе за перекрестнымъ допросомъ—этою лучшею стороною новаго уголовнаго процесса—значитъ, онъ признаетъ, что свѣдѣнія, которыя онъ имѣлъ до перекреснаго допроса изъ одного дознанія, еще недостаточны. Такъ и въ данномъ случаѣ. Карльсона на дознаніи могли спросить, пошелъ ли Морошкинъ въ Казанскій соборъ, и онъ могъ отвѣтить утвердительно по своему предположенію, а когда здѣсь спросили его подробнѣе, то онъ объяснилъ, почему онъ такъ показалъ, и въ этихъ двухъ показаніяхъ нельзя даже видѣть никакого противорѣчія. Затѣмъ защитникъ обратилъ вниманіе особаго присутствія на ст. 143 улож. о нак., которая говоритъ о вовлеченіи въ преступленіе несовершеннолѣтнихъ другими совершеннолѣтними. Наконецъ, защитникъ находилъ, что той связи между подсудимыми Потаповымъ, Морошкинымъ и другими лицами рабочаго класса и лицами, находящимися въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на которую указывалъ прокуроръ, вовсе не существуетъ, по крайней мѣрѣ, эта связь ничѣмъ не подкрѣплена. Прокуроръ высказалъ такое положеніе, что эта связь составляетъ отличительный признакъ нашего времени, что на нее слѣдуетъ обратить особое вниманіе, и что одни люди должны работать физическимъ трудомъ работника, а другіе работать въ другомъ направленіи, заниматься другими, высшими интересами. На чемъ основано это разграниченіе—защита не знаетъ и полагаетъ, что послѣ того, какъ явился Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 г., вслѣдствіе котораго открылась полная возможность всякому заниматься тѣмъ, чѣмъ онъ желаетъ, такое подраздѣленіе не можетъ быть принимаемо въ какое-либо вниманіе. Во всякомъ случаѣ, связи Морошкина съ кѣмъ бы то ни было изъ настоящихъ подсудимыхъ не существуетъ. Былъ спрошенъ только одинъ свидѣтель, его знакомый, такой же какъ и онъ рабочій, Карльсонъ, добывающій себѣ хлѣбъ своимъ трудомъ. Въ заключеніе защитникъ снова обратилъ вниманіе особаго присутствія на тѣ юношескіе годы, въ которыхъ находится большинство подсудимыхъ.

Первоприсутствующій. Подсудимый Чернавскій! Вы, какъ отказавшійся отъ защитника, имѣете теперь право слова. Что вы имѣете сказать въ свою защиту? Подс. Чернавскій. Я имѣю сказать по поводу упрека, который брошенъ мнѣ обвиненіемъ. Обвинитель сказалъ, что я, признаваясь въ нѣкоторыхъ своихъ дѣйствіяхъ, часть ихъ утаиваю, чтобы умень-

шить свое наказаніе. Обвинитель ссылается на свидѣтеля Сидорова, который сначала указалъ на Боголюбова, а потомъ на меня, и на основаніи его показаній отвергаетъ мои показанія. Я не знаю, можно ли заключить изъ моего отвѣта на первый вопросъ первоприсутствующаго, что я хочу уменьшитъ себѣ наказаніе. Я заявилъ, что признаю себя виновнымъ въ участіи въ сопротивленіи полиціи. Я заявилъ, что хотѣлъ нанести ударъ, но не пришлось, потому что воспрепятствовали обстоятельства. Слѣдовательно, былъ ли ударъ или нѣтъ—я думаю, что это обстоятельство не особенно можетъ уменьшитъ наказаніе. Что же касается моего мнѣнія, то во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ полиціи я не вижу ничего преступнаго. Мнѣ брошенъ еще другой упрекъ, который приводитъ меня въ недоумѣніе. Обвинительная власть заявляетъ, что я какъ будто рисуюсь, хочу показаться страдальцемъ за свои убѣжденія. Я не знаю, о какихъ убѣжденіяхъ толкуетъ обвинительная власть. Развѣ убѣжденія такая несложная штука, что съ однимъ крикомъ «ура» они могутъ развернуться передъ прокурорскимъ взоромъ? Развѣ онъ побывалъ въ моей душѣ, чтобы утверждать, что я хочу рисоваться? Больше ничего не имѣю. Подс. Бибергаль. Въ своей защитѣ я долженъ коснуться тѣхъ обстоятельствъ, которыя относятся собственно до меня. Все обвиненіе противъ меня построено на тѣхъ разъясненіяхъ, которыя даны на судѣ. Изъ этихъ разъясненій вы знаете, что 6-го декабря я былъ въ Казанскомъ соборѣ на панихидѣ, затѣмъ вышелъ на площадь и видѣлъ это ужасное красное знамя. Теперь будетъ умѣстно объяснить, отчего я отвѣчалъ на первый вопросъ первоприсутствующаго, что обстоятельства дѣла разъяснятъ. Но на тотъ же вопросъ, признаю ли я себя виновнымъ, я и теперь не могу отвѣчать, сдѣлалъ ли и какое-либо преступленіе. Если уважать память товарищей—а изъ тѣхъ людей, по которымъ предполагалось служить панихиду, многіе были моими товарищами, сидѣли на одной школьной скамьѣ со мною—если это есть преступленіе, то, понятно, я тогда виноватъ. Затѣмъ, я видѣлъ знамя и слышалъ рѣчь. Но развѣ, имѣя глаза, можно не видѣть, и, имѣя уши, можно не слышать? Что касается сопротивленія полиціи, то обвиненіе не считало возможнымъ повторять это на судѣ, слѣдовательно, эта часть обвиненія падаетъ. Этимъ я кончилъ бы, но есть нѣкоторое обстоятельство, которое обрушилось на меня, благодаря заботливости полиціи о моемъ имуществѣ. Было найдено какое-то завалявшееся стихотвореніе, которое представлено суду. Я это обстоятельство не затронулъ бы, потому что стихотвореніе не читалось на судѣ, о немъ не было преній, такъ что судъ не долженъ объ этомъ судить, и самъ прокуроръ не настаиваетъ; онъ сдѣлалъ только заключеніе о связи между мною и Потаповымъ. Но законъ караетъ дѣйствія, а не идеи. Поэтому я не буду возражать противъ этого. Первоприсутствующій. Подсудимый Боголюбовъ, вы имѣете право послѣдняго слова. Подс. Боголюбовъ. Сказать что нибудь новаго—я ничего не имѣю. Развѣ подтвердить тѣ показанія, которыя я сдѣлалъ, что обстоятельства ареста были таковы, какъ я говорилъ, и что показанія Успенскаго я не могу себѣ объяснить: была ли тутъ недобросовѣстность или недоразумѣніе. Могло быть и то и другое. Подс. Гервасій. Въ виду соображеній, представленныхъ нашею защитою, и преимущественно моимъ защитникомъ, я считаю излишнимъ говорить о себѣ что-либо. Подс. Поповъ. Такъ какъ мой защитникъ высказалъ все, то въ добавленіе я не могу ничего сказать, кромѣ того, что я клянусь передъ Богомъ, что въ демонстрацію, въ которой меня обвиняютъ, положительно попалъ безъ всякаго сознанія. Я хотя о ней и зналъ заранѣе, т. е. наканунѣ, но я тогда не могъ донести о ней управляющему секретнымъ отдѣленіемъ, потому что въ послѣднее время онъ со мною обошелся не хо-

рошо и сказалъ, чтобы я въ другой разъ безъ всякихъ данныхъ ему не докладывалъ ни о чемъ. Такъ какъ этотъ слухъ могъ оказаться ложнымъ, то наканунѣ я не считалъ нужнымъ докладывать и боялся, что онъ могъ выгнать меня. 6-же декабря я отправился на эту демонстрацію съ цѣлью увидѣть и тогда пойти и донести. Вотъ все, что я могу сказать. Подс. Потаповъ. Я не могу ничего особаго сказать, потому что я неграмотный. Защитникъ мой все сказалъ. Подс. Геллеръ. 18-го января, когда первоприсутствующій предложилъ мнѣ вопросъ, признаю ли я себя виновнымъ, я отвѣчалъ отрицательно. Это и подтвердилось отсутствіемъ свидѣтелей, которые показали бы что-нибудь такое, что могло быть противъ меня. Въ виду этого я признаю себя не виновнымъ въ соучастіи въ демонстраціи и обращаюсь къ Правительствующему Сенату, прося его справедливости, чтобы въ виду тѣхъ мученій, которыя намъ пришлось испытать въ управленіи Казанскаго участка, привлечены были къ отвѣтственности Успенскій, Клибикъ и Ритчеръ за тѣ дѣйствія, которыя они позволили себѣ въ отношеніи ко мнѣ и къ моимъ товарищамъ по обвиненію. Подс. Гуровичъ. Я не имѣю ничего добавить къ тому, что сказалъ мой защитникъ. Подс. Громовъ. Ничего не имѣю. Подс. Тимофеевъ. Тоже не имѣю ничего. Подс. Шефтель. Мой защитникъ сказалъ все, что можно было сказать. Подс. Бочаровъ. Я тоже ничего не имѣю. Подс. Надеждинъ. Обстоятельства объяснили мою невинность. Подс. Чернавскій. Такъ какъ прокуроръ коснулся моихъ убѣжденій, то считаю долгомъ заявить, что я не обнаружилъ никакихъ своихъ убѣжденій тѣмъ, что сочувственно относился къ рѣчи. Я обнаружилъ только человѣческія чувства къ страдальцамъ за убѣжденія.— Остальные подсудимые заявили, что сказать ничего не имѣютъ. (По объявленіи первоприсутствующимъ судебныхъ преній оконченными, засѣданіе прервано до часу пополудни слѣдующаго дня).

По открытіи засѣданія прочитанъ вопросный листъ о виновности подсудимыхъ слѣдующаго содержанія: 1. Виновенъ ли подсудимый, личный почетный гражданинъ А. П. Боголюбовъ, въ томъ, что 6-го декабря 1876 г. намѣренно принялъ участіе въ дѣйствіяхъ шумѣвшей на площади передъ Казанскимъ соборомъ въ Петербургѣ толпы, собравшейся съ цѣлью дерзостнаго порицанія установленнаго законами образа правленія, каковая цѣль и была выражена публичнымъ произнесеніемъ однимъ изъ толпы лицомъ рѣчи, соотвѣтствующей упомянутой цѣли, и выставленіемъ флага съ революціонной надписью: «земля и воля»? Такой же вопросъ поставленъ относительно всѣхъ остальныхъ подсудимыхъ, и сверхъ того слѣдующіе вопросы: 8. Совершая изложенное въ первомъ вопросѣ преступленіе, дѣйствовала ли подсудимая Шефтель съ полнымъ разумѣніемъ? 10. Совершая изложенное въ первомъ вопросѣ преступленіе, дѣйствовалъ ли подсудимый Потаповъ съ полнымъ разумѣніемъ? 17. Совершая изложенное въ первомъ вопросѣ преступленіе, находился ли подсудимый Новаковскій въ припадкѣ умоизступленія или безпамятства? 25. Виновенъ ли подсудимый Боголюбовъ въ томъ, что при оказанномъ упомянутою въ первомъ вопросѣ толпою явномъ, соединенномъ съ насиліемъ, сопротивленіи чинамъ мѣстной полиціи, приступившимъ въ силу возложенной на нихъ закономъ обязанности къ прекращенію описаннаго противозаконнаго дѣянія и къ задержанію участвовавшихъ въ ономъ, наносилъ удары чинамъ полиціи? Такого же содержанія вопросъ поставленъ о подсудимыхъ: Гервасіи, Бибергалѣ, Бочаровѣ, Надеждинѣ, Чернавскомъ и Шефтель. 32. Совершая преступленіе, изложенное въ 25-мъ вопросѣ, дѣйствовала ли подсудимая Шефтель съ полнымъ разумѣніемъ? 33. Виновенъ ли подсудимый студентъ медико-хирургическпй академіи Я. Е. Гуровичъ въ томъ, что при оказаніи вышеупомянутою толпою означеннаго въ 25-мъ вопросѣ насильственнаго со-

противленія полицейской власти, онъ помогалъ тѣмъ изъ среды толпы лицамъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ непосредственно выразилось это сопротивленіе? 34. Виновны ли въ преступленіи, изложенномъ въ 33 мъ вопросѣ, подсудимые: Громовъ, Поповъ, Фалинъ, Геллеръ, Ивановъ (Савельевъ), Морошкинъ, Тимофеевъ, Григорьевъ, Ильяшенко, Николаевская, Иванова, Потаповъ и Новаковскій? 35. Совершая изложенное въ 33-мъ вопросѣ преступленіе, дѣйствовалъ ли подсудимый Потаповъ съ полнымъ разумѣніемъ? 36. Совершая изложенное въ 33-мъ вопросѣ преступленіе, находился ли подсудимый Новаковскій въ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства? 37. Виновенъ ли подсудимый Боголюбовъ въ томъ, что 6-го декабря 1876 г., въ помѣщеніи 1-го участка Казанской части, сопротивляясь полицейскимъ служителямъ, умышленно посягнулъ на жизнь служителя Клибика, спустивъ курокъ заряженнаго револьвера, направленнаго въ означеннаго Клибика, причемъ выстрѣла не послѣдовало оттого, что Клибикъ успѣлъ отвести револьверъ въ сторону и въ то же время вырвать барабанъ съ патронами, разсыпавшимися по полу? и 38. Виновенъ ли подсудимый Бибергаль въ томъ, что оставилъ найденное, въ его бумагахъ, писанное и исправленное его рукою стихотвореніе возмутительнаго содержанія, направленное къ возбужденію бунта и явнаго неповиновенія власти верховной? Защита просила, въ дополненіе этихъ вопросовъ, поставить слѣдующіе: вопросъ 1-й изложить согласно обвинительному акту въ слѣдующей редакціи: виновенъ ли Архипъ Боголюбовъ въ томъ, что 6-го декабря 1876 г., по окончаніи богослуженія въ Казанскомъ соборѣ, въ которомъ онъ вмѣстѣ съ другими лицами былъ вслѣдствіе распространившихся между ними слуховъ о готовившемся на это число выраженіи враждебныхъ правительству мнѣній, вышелъ съ другими лицами на площадь, слушалъ произносившуюся изъ среды нихъ рѣчь, направленную къ нарушенію установленнаго законами государственнаго порядка и образа правленія, выражалъ сочувствіе какъ означенной рѣчи, такъ и поднятію флага съ революціоннымъ воззваніемъ «земля и воля», громкими криками и знаками одобренія, а затѣмъ вмѣстѣ съ толпою двинулся отъ собора къ площади? Затѣмъ защита просила раздѣлить 25-й вопросъ на два, а именно: 1. Оказалъ ли сопротивленіе и 2. наносилъ ли удары, причемъ сдѣлать прибавленіе по признакамъ 269 ст. улож. о нак., а именно: 1. Виновенъ ли Боголюбовъ въ томъ, что оказалъ явное, соединенное съ насиліемъ, сопротивленіе служителямъ мѣстной полиціи и не ушелъ добровольно съ мѣста безпорядка послѣ сдѣланнаго полиціей воззванія съ предложеніемъ разойтись? Затѣмъ поставить вопросъ по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 38 ст. уст. о нак., нал. мир. суд., въ такой формѣ: 2. Если подсудимый Архипъ Боголюбовъ не виновенъ по 25-му вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что вмѣстѣ съ другими лицами нарушилъ 6-го декабря 1876 г. тишину и спокойствіе на Казанской площади, учинилъ буйство и нанесъ удары полицейскимъ служителямъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей по возстановленію тишины и порядка? Далѣе защита просила поставить вопросъ по статьѣ 143 улож. о наказ. относительно несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ, а именно: если подсудимый Иванъ Антоновъ Гервасій виновенъ въ одномъ изъ вышеозначенныхъ преступныхъ дѣяній, то не былъ ли онъ вовлеченъ въ это преступленіе другимъ совершеннолѣтнимъ лицомъ? Затѣмъ поставить дополнительный вопросъ къ вопросамъ 25 и 26, чтобы, согласно ст. 266 улож. о нак., имѣть возможность раздѣлить обвиняемыхъ на главныхъ виновниковъ и участниковъ, а именно: «Если подсудимый Архипъ Боголюбовъ виновенъ по 25-му вопросу, то, совершая означенное въ этомъ вопросѣ дѣйствіе, не помогалъ ли онъ другимъ главнымъ виновникамъ означеннаго преступленія?» Нако-

нецъ, не признавая подсудимыхъ виновными въ государственномъ преступленіи, защита просила поставить вопросъ примѣнительно къ статьѣ 1035 улож. о нак., а именно: «Если Архипъ Боголюбовъ не виновенъ по 1-му вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что 6-го декабря 1876 г. на площади Казанскаго собора, при обстоятельствахъ, описанныхъ въ первомъ вопросѣ, слушалъ рѣчь, направленную къ колебанію общественнаго довѣрія къ дѣйствующимъ въ Имперіи законамъ или постановленіямъ и распоряженіямъ правительственныхъ и судебныхъ установленій, выражалъ какъ означенной рѣчи, такъ и поднятію краснаго флага съ воззваніемъ «земля и воля» громкими криками одобреніе и вмѣстѣ съ толпою двинулся отъ собора къ площади?» По выслушаніи заключенія товарища прокурора, который признавалъ возможнымъ удовлетворить ходатайство защиты только въ отношеніи постановки вопроса по ст. 143 улож. о нак., остальныя же ходатайства удовлетворенію не подлежащими, и, разсмотрѣвъ заявленіе защиты, особое присутствіе не признало возможнымъ сдѣлать требуемыя измѣненія въ постановленныхъ имъ вопросахъ, а также поставить указанные защитою новые вопросы и въ дополненіе постановленнымъ, по неимѣнію въ виду надлежащихъ къ тому основаній въ судебномъ слѣдствіи. Засимъ особое присутствіе утвердило постановленные имъ вопросы и удалилось для совѣщанія, послѣ коего первоприсутствующій провозгласилъ слѣдующіе отвѣты: На вопросъ 1-й: Да, виновенъ. На этотъ же вопросъ относительно остальныхъ подсудимыхъ данъ такой же утвердительный отвѣтъ, за исключеніемъ подсудимыхъ Надеждина, Иванова (Савельева) и Морошкина, на вопросъ о которыхъ былъ отвѣтъ: Нѣтъ, не виновенъ. На вопросъ 8-й: Да, съ полнымъ разумѣніемъ. На 10-й: Да, съ полнымъ разумѣніемъ. На 17-й: Не находился. На вопросы: 25-й, 26 й, 27-й, 28-й, 30-й и 31-й: Да, виновенъ. На 29-й (о Надеждинѣ): Нѣтъ, не виновенъ. На вопросъ 32-й: Да, съ полнымъ разумѣніемъ. На вопросъ 33-й: Да, виновенъ, за исключеніемъ Иванова (Савельева) и Морошкина, на вопросъ о которыхъ былъ отвѣтъ: Нѣтъ, не виновенъ. На вопросъ 35-й: Да, съ полнымъ разумѣніемъ, и на 36-й: Нѣтъ, не находился. На вопросъ 37-й: Нѣтъ, не виновенъ, и на вопросъ 38-й: Да, виновенъ. Товарищъ прокурора: На основаніи 1-го пункта 771 ст. уст. угол. суд., въ виду состоявшагося рѣшенія особаго присутствія Правительствующаго Сената, я полагалъ бы въ настоящее время освободить обвинявшихся Надеждина, Иванова и Морошкина изъ-подъ стражи и признать ихъ по суду оправданными. Первоприсутствующій: Г. частный приставъ! сдѣлайте распоряженіе, чтобы подсудимые: Ивановъ, Морошкинъ и Надеждинъ не были отводимы въ тюрьму (Засимъ засѣданіе было прервано до часу пополудни слѣдующаго дня).

По открытіи засѣданія, первоприсутствующій предложилъ товарищу прокурора, въ виду состоявшагося рѣшенія особаго присутствія, дать заключеніе о наказаніи подсудимыхъ. Товарищъ прокурора. Въ виду послѣдовавшихъ отвѣтовъ о виновности подсудимыхъ, я полагаю примѣнить статьи закона, указанныя въ обвинительномъ актѣ, а именно: 251, 252, 262 и 264 улож. о наказ. Затѣмъ я имѣю честь ходатайствовать передъ особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената о снисхожденіи для тѣхъ подсудимыхъ, которые являются несовершеннолѣтними и которые вмѣстѣ съ тѣмъ выказали въ своихъ объясненіяхъ въ извѣстной степени чистосердечное сознаніе и къ числу которыхъ я причисляю подсудимую Шефтель. Первоприсутствующій предложилъ защитѣ сдѣлать заявленія въ отношеніи примѣненія наказанія. Никто изъ защитниковъ не сдѣлалъ никакого заявленія. Сами подсудимые также. Особое присутствіе поставило на свое разрѣшеніе вопросъ: какому подлежатъ по закону наказанію признанные

виновными по настоящему дѣлу подсудимые? Послѣ чего оно удалилось для совѣщанія.

Резолюція Судебной Палаты.

25-го января, въ 3½ часа пополудни, объявлена слѣдующая резолюція по дѣлу о преступной демонстраціи, бывшей на Казанской площади 6-го декабря 1876 года: 1877 года, января отъ 18-го до 25-го, по указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, призналъ: 1. Подсудимыхъ Боголюбова, Гервасія, Бибергаля, Чернавскаго, Бочарова, Шефтель, Гуровича, Громова, Попова, Фалина, Геллера, Тимофеева, Григорьева, Потапова, Новаковскаго, Ильяшенко, Николаевскую и Иванову—участниками въ дерзостномъ порицаніи установленнаго государственными законами образа правленія. 2. Сверхъ того, первыхъ шестерыхъ—главными виновными въ насильственномъ сопротивленіи полицеской власти, а остальныхъ двѣнадцать—участниками въ этомъ сопротивленіи, и Бибергаля—виновнымъ въ составленіи стихотворенія, направленнаго къ возбужденію бунта. 3. Надеждина, Морошкина и Иванова (онъ же Савельевъ)—не виновными по настоящему дѣлу. Вслѣдствіе сего и на основаніи ст. 251 ч. 3, 252 ч. 2, 264, 266, 134, 139, 150, 152, 19 степ. 3, 5 и 7 и 20 ст. улож. о наказ. и ст. 774 и 775 уст. уг. суд., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1. Боголюбова—24 лѣтъ, Бибергеля—22, Чернавскаго—22, Бочарова—21 года и Гервасія—19 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы: Боголюбова, Бибергаля и Чернавскаго—въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а Бочарова и Гервасія—въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ; 2. Фалина—24 лѣтъ, Новаковскаго—25, Николаевскую—21, Ильяшенко—22, Иванову—20 и Гуровича—18 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе; 3. Шефтель—16 лѣтъ, Потапова—16, Геллера—20, Попова—21 года, Громова—23, Григорьева—18 и Тимофеева—23 лѣтъ, признать подлежащими, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ: Шефтель—въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, а всѣхъ прочихъ шестерыхъ—въ Сибирь на поселеніе; но во вниманіе къ свойственному ихъ лѣтамъ легкомыслію, къ отсутствію той обдуманности въ дѣйствіяхъ, которая представляется относительно лицъ, оказавшихся болѣе виновными по настоящему дѣлу, и наконецъ, къ тому, что трое изъ сихъ подсудимыхъ, принадлежа къ крестьянскому сословію, могли быть вовлечены въ преступленіе только вліяніемъ той чуждой этому сословію среды, изъ которой исходятъ преступныя стремленія, порождающія дѣла, подобныя настоящему—повергнуть сіе особое уваженіе на милостивое воззрѣніе Государя Императора и ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ упомянутымъ выше семерымъ подсудимымъ опредѣленнаго имъ по закону наказанія: ссылкою Шефтель, Геллера, Попова и Громова на житье въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а въ отношеніи крестьянъ Потапова, Тимофеева и Григорьева—отдачею ихъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей на пять лѣтъ, съ порученіемъ ихъ тамъ особому попеченію монастырскаго начальства для исправленія ихъ нравственности и утвержденія ихъ въ правилахъ христіанскаго долга; 4. Надеждина, Иванова (Савельева) и Морошкина оправдать; 5. настоящій приговоръ относительно Бочарова, Ильяшенко и Ивановой, на основаніи 945 ст. уст. угол. суд., представить, прежде исполненія, на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе. Засимъ первоприсутствующій объявилъ, что приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 8-го февраля, въ 10 часовъ

утра. На вопросъ, кто изъ подсудимыхъ желаетъ получить копію съ приговора, всѣ подсудимые заявили желаніе получить копію.

Сенатское рѣшеніе по дѣлу Боголюбова[1]).

(№ 40. 1877 года марта 7-го дня [2]).

По жалобамъ арестантовъ: Боголюбова, Гервасія, Фалина, Бочарова, Новаковскаго, Потапова, Ильяшенко, Ивановой и Николаевской и присоединившихся къ нимъ Бибергаля, Чернавскаго, Геллера и Гуровича на приговоръ особаго присутствія Правительствующаго Сената.

Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ В. Г. Черноглазовъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. А. Червинскій; заключеніе давалъ Исполняющій обязанности Оберъ-Прокурора Д. Б. Бергъ.

Правительствующій Сенатъ въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ разсматривалъ дѣло о преступномъ сходбищѣ, бывшемъ на Казанской площади, въ С.-Петербургѣ, 6 декабря 1876 года. Согласно постановленнымъ вопросамъ и состоявшемуся затѣмъ приговору, особое присутствіе нашло, что въ числѣ прочихъ подсудимыхъ, преданныхъ суду по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 3 ч. 251, 2 ч. 252, 262, 264 и 266 ст. улож. о наказ., личный почетный гражданинъ Архипъ Боголюбовъ, студенты медико-хирургической академіи: сынъ урядника Иванъ Гервасій и мѣщанинъ Александръ Бибергаль, потомственный почетный гражданинъ Михаилъ Чернавскій, студентъ технологическаго института Евгеній Бочаровъ, студентъ медико-хирургической академіи, купеческій сынъ Яковъ Гуровичъ, купеческій сынъ Николай Фалинъ, купеческій сынъ Семенъ Геллеръ, крестьянинъ Яковъ Потаповъ, мѣщанинъ Ефимъ Новаковскій, дочь дворянина Варвара Ильяшенко, дочь майора Софья Иванова и дочь чиновника Лидія Николаевская—виновны въ томъ: 1, что 6 декабря 1876 года намѣренно приняли участіе въ дѣйствіяхъ шумѣвшей на площади передъ Казанскимъ соборомъ толпы, собравшейся съ цѣлью дерзостнаго порицанія установленнаго законами образа правленія, каковая цѣль и была выражена публичнымъ произнесеніемъ однимъ изъ той толпы лицомъ соотвѣтствующей упомянутой цѣли рѣчи, криками одобренія этой рѣчи и выставленіемъ флага съ революціонною надписью: «земля и воля»; 2, что всѣ означенные подсудимые участвовали въ оказанномъ толпою явномъ, соединенномъ съ насиліемъ, сопротивленіи чинамъ мѣстной полиціи, приступившимъ, въ силу возложенной на нихъ закономъ обязанности, къ прекращенію вышеизложеннаго противозаконнаго дѣянія и къ задержанію участвовавшихъ въ ономъ, причемъ Боголюбовъ, Гервасій, Бибергаль, Чернавскій и Бочаровъ принимали непосредственное участіе въ означенномъ насильственномъ сопротивленіи, нанося удары чинамъ полиціи, и являются вслѣдствіе сего главными виновными, прочіе же помогали лишь имъ въ насильственномъ сопротивленіи. Подсудимый же Бибергаль, независимо отъ участія въ вышеупомянутыхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, оказывается виновнымъ и въ томъ еще, что составилъ найденное въ его бумагахъ, написанное и исправленное его рукою стихотвореніе, по содержанію своему направленное къ возбужденію бунта и явнаго неповиновенія Власти Верховной.

---

[1]) Рѣшенія Общихъ Собраній Кассаціонныхъ и Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената 1877 г., стр. 101—110.

[2]) Мы перепечатываемъ полностью это сенатское рѣшеніе, въ виду того, что оно пріобрѣло въ нашей судебной практикѣ руководящее значеніе и легло въ основу самыхъ послѣднихъ судебныхъ рѣшеній по дѣламъ о политическихъ демонстраціяхъ. Ред.

Обращаясь къ опредѣленію наказанія, коему подлежатъ подсудимые за преступныя дѣянія, въ коихъ они признаны виновными, Правительствующій Сенатъ нашелъ: 1. что первое изъ означенныхъ дѣяній, заключающееся въ участіи въ дерзостномъ порицаніи установленнаго законами образа правленія, предусмотрѣно во 2-й ч. 252 ст. улож. о нак.; 2. что второе преступленіе, въ которомъ признаны виновными подсудимые по сему дѣлу, по признакамъ своимъ соотвѣтствуетъ преступленію, предусмотрѣнному въ 264 ст. улож. о наказ., такъ какъ въ настоящемъ случаѣ явное противъ полицейской власти насиліе, учиненное толпою буйствовавшихъ людей, направлено было къ тому, чтобы этимъ путемъ воспрепятствовать исполненію со стороны полиціи закономъ предписываемыхъ оной, въ подобныхъ случаяхъ, мѣръ, которыя, согласно 159 ст. XIV т. уст. о предупр. и прес. прест., могли состоять только въ томъ, чтобы заставить разойтись шумное и безпорядочное скопище людей, дерзнувшихъ публично порицать установленный законами образъ правленія, и задержать виновныхъ въ такомъ дѣяніи лицъ, и 3. что преступленіе, въ коемъ оказывается виновнымъ подсудимый Бибергаль, а именно: составленіе стихотворенія вышеупомянутаго преступнаго содержанія, предусмотрѣно въ 3 ч. 251 ст. улож. о наказ.

Вслѣдствіе всего изложеннаго, принимая въ соображеніе совокупность преступленій (152 ст. улож. о наказ.), степень участія каждаго изъ подсудимыхъ, возрастъ ихъ, а равно и обстоятельства, увеличивающія и уменьшающія вину, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: 1. подсудимыхъ Боголюбова, Бибергаля, Чернавскаго, Бочарова и Гервасія лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу: Боголюбова, Чернавскаго и Бибергаля въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ, а Бочарова и Гервасія въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; 2. Фалина, Новаковскаго, Ильяшенко, Иванову, Николаевскую и Гуровича лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе, и 3. участь подсудимыхъ Геллера и Потапова повергнуть Монаршему милосердію, съ тѣмъ: не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству, во уваженіе особыхъ смягчающихъ вину ихъ обстоятельствъ, Всемилостивѣйше повелѣть слѣдующее имъ по закону наказаніе — лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ Сибирь на поселеніе, — замѣнить въ отношеніи Геллера ссылкою на житье въ Тобольскую губернію съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, а въ отношеніи Потапова отдачею его въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей на пять лѣтъ, съ порученіемъ его тамъ особому попеченію монастырскаго начальства, для исправленія его нравственности и утвержденія въ правилахъ христіанскаго и вѣрноподданническаго долга. На этотъ приговоръ всѣ поименованные выше подсудимые принесли Общему Собранію Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената жалобы на неправильное примѣненіе къ нимъ законовъ о наказаніи. Въ этихъ жалобахъ Архипъ Боголюбовъ и Иванъ Гервасій объясняютъ: 1. что 2 ч. 252 ст. улож. о нак., по прямому смыслу ея, опредѣляетъ наказаніе изобличеннымъ въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій, направленныхъ противъ Верховной Власти, и всѣмъ участвовавшимъ завѣдомо въ этомъ преступленіи; они же, подсудимые, не признаны виновными ни въ распространеніи сочиненій, ни въ произнесеніи рѣчей, о которыхъ упоминается въ 1 ч. 252 статьи, ни въ участіи въ этихъ преступленіяхъ, а лишь въ участіи въ выраженіи одобренія рѣчи, т. е. въ сочувствіи ей. Но участіе въ самомъ преступленіи и сочувствіе ему не одно и то же, и въ практикѣ особаго присутствія Правительствующаго Сената, по дѣлу о распространеніи преступныхъ сочиненій въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку, подобный случай—именно слушаніе и сочувствіе чтенію книгъ

преступнаго содержанія, подводился подъ понятіе недонесенія о преступленіи; 2. что ст. 264 улож. о нак. и объясняющая ее 263 ст. говорятъ о противодѣйствіи властямъ, произведенномъ съ явнымъ насиліемъ и непремѣнно съ намѣреніемъ или воспрепятствовать обнародованію Высочайшихъ указовъ, манифестовъ, законовъ, или другихъ постановленій и объявленій правительства, или же не допустить исполненія указовъ или предписанныхъ правительствомъ распоряженій и мѣръ, или принудить эти власти къ чему-либо несогласному съ ихъ долгомъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ изъ вышеупомянутыхъ преступныхъ дѣйствій подсудимые не обвинялись, и они признаны виновными въ сопротивленіи съ насиліемъ чинамъ мѣстной полиціи при арестованіи ихъ, т. е. въ ослушаніи и оскорбленіи дѣйствіемъ тѣхъ чиновъ, что предусмотрѣно въ 30 и 31 ст. уст. о наказ., и 3 что въ вопросахъ о виновности, разрѣшенныхъ особымъ присутствіемъ, не предусмотрѣны тѣ обстоятельства, изъ которыхъ можно было бы вывести, чтобы они, подсудимые, были главными виновниками безпорядковъ, ибо непосредственное участіе, которое по рѣшенію особаго присутствія, они принимали въ сопротивленіи власти, одинаково характеризуетъ какъ главныхъ виновновниковъ, такъ и участниковъ, такъ какъ и эти послѣдніе могутъ помогать главнымъ виновникамъ, принимая непосредственное участіе въ преступленіи (ст. 12 улож. о наказ.). А потому въ виду правила, что всякое сомнѣніе должно толковаться въ пользу подсудимыхъ и разъясненія Правительствующаго Сената 1871 г. № 807, особое присутствіе не имѣло основаній примѣнять законъ о главныхъ виновникахъ.

На основаніи изложеннаго, Боголюбовъ и Гервасій ходатайствуютъ объ измѣненіи состоявшагося объ нихъ приговора, замѣнивъ опредѣленное въ немъ наказаніе указаннымъ въ 30 и 31 ст. уст. о наказ. Къ этой жалобѣ присоединились: Николай Фалинъ, Александръ Бибергалъ, Михаилъ Чернавскій, Семенъ Геллеръ, Яковъ Гуровичъ и Ефимъ Новаковскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, что въ приговорѣ не указано, въ чемъ именно состоитъ его участіе, что явно нарушаетъ 12 ст. улож. о наказ., разъясненную въ такомъ же смыслѣ и Правительствующимъ Сенатомъ во многихъ рѣшеніяхъ, въ особенности, по дѣлу Таптыкова, 1870 г. номеръ 367; Евгеній Бочаровъ, заявляя также желаніе присоединиться къ поданнымъ уже кассаціоннымъ жалобамъ и объясняя, что порицаніе дѣйствій агентовъ правительственной власти не должно быть подводимо подъ карательный законъ, предусматривающій оспариваніе или подверженіе сомнѣнію неприкосновенности правъ Верховной Власти, или же дерзостное порицаніе установленнаго государственными законами образа правленія, которое особое присутствіе отождествляетъ съ порядкомъ государственнаго управленія, и что явное противъ властей правительствомъ установленныхъ возстаніе, съ явнымъ насиліемъ и безпорядками (263 и 264 ст. улож. о нак.), не имѣетъ ничего общаго въ упорнымъ нарушеніемъ цѣлою толпою людей общественнй тишины въ публичныхъ мѣстахъ, хотя бы такой безпорядокъ и прекращенъ былъ силою (2 и 3 п. 38 ст. уст. о наказ.),—ходатайствуетъ объ измѣненіи состоявшагося объ немъ приговора, а вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ, на основаніи 249 и 252 ст. учрежд. суд. уст., войти въ сношеніе съ Министромъ Юстиціи о неправильномъ содержаніи его, по распоряженію прокурорскаго надзора с.-петербургской судебной палаты въ одиночномъ заключеніи, которому онъ не можетъ уже подлежать, какъ осужденный приговоромъ особаго присутствія Правительствующаго Сената.

Наконецъ, Яковъ Потаповъ, Варвара Ильяшенко и Софья Иванова, приводя противъ правильности примѣненія къ преступнымъ дѣяніямъ ихъ 2 ч. 252 и 264 ст. улож. о наказ. тѣ же самыя возраженія, которыя изложены въ кассаціонной жалобѣ Боголюбова и Гервасія, и, находя съ сво-

ей стороны, что къ нимъ должны быть примѣнены 30 и 38 ст. уст о нак., —объясняютъ въ своей жалобѣ, что особое присутствіе Правительствующаго Сената вышло изъ предѣловъ обвинительнаго акта, обвинительная формула котораго не соотвѣтствуетъ признакамъ 252 ст. ул. о нак., что знамя съ надписью «земля и воля» не можетъ быть названо революціоннымъ, какъ потому, что этотъ девизъ можетъ служить настолько же знакомъ мирнаго ходатайства, какъ и требованія, такъ и по существу своему вовсе не обозначаетъ нападковъ на существующій образъ правленія, такъ какъ «земля» есть понятіе чисто экономическое, а не политическое, а «воля» обозначаетъ всякую льготу. Кромѣ этого, они указываютъ на нарушеніе 20 ст. улож. о наказ. не обозначеніемъ въ приговорѣ особаго присутствія Правительствующаго Сената, въ отдаленнѣйшія или въ не столь отдаленныя мѣста Сибири они должны быть отправлены. Къ этой послѣдней жалобѣ присоединилась Лидія Николаевская.

По выслушаніи заключенія исп. об. Оберъ-Прокурора, а равно объясненія защитниковъ подсудимыхъ (присяжныхъ повѣренныхъ Турчанинова и и Ольхина) Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената находитъ: 1. что указаніе подсудимыхъ на признаніе ихъ виновными лишь въ томъ, что они выражали одобреніе или сочувствіе произнесенной на Казанской площади рѣчи, и, слѣдовательно, могли подлежать наказанію лишь, какъ за недонесеніе, или же, какъ объясняютъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ, не должны были быть вовсе подвергаемы наказанію,—не соотвѣтствуетъ тѣмъ фактическимъ признакамъ ихъ преступнаго дѣянія, въ которомъ они признаны виновными. Особое присутствіе нашло, что подсудимые намѣренно приняли участіе въ дѣйствіяхъ шумѣвшей на площади передъ Казанскимъ соборомъ толпы, собравшейся съ цѣлью дерзостнаго порицанія установленнаго законами образа правленія, каковая цѣль и была выражена публичнымъ произнесеніемъ однимъ изъ той толпы лицомъ соотвѣтствующей рѣчи. Выраженіе «намѣренно» опредѣляетъ, что они знали цѣль, съ которою собралась толпа, и приняли участіе въ дѣйствіяхъ означенной толпы криками одобренія и выставленіемъ революціоннаго знамени съ надписью: «земля и воля». Такое преступное дѣяніе прямо соотвѣтствуетъ 252 ст. улож. о нак., предусматривающей, между прочимъ, дерзостное порицаніе установленнаго закономъ образа правленія, и подвергаетъ всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ преступленіи, по 2 ч. 252 ст., установленному въ первой части этой статьи наказанію. Что таковъ именно смыслъ 2 ч. 252 ст.—подтверждается слѣдующими соображеніями: а) если предположить, что выраженіе: «всѣ участвовавшіе завѣдомо въ семъ преступленіи» относится только къ упоминаемому въ этой части ст. 252 злоумышленному распространенію сочиненій, оспаривающихъ или подвергающихъ сомнѣнію неприкосновенность правъ Верховной Власти, или же дерзостно порицающихъ установленный государственными законами образъ правленія или порядокъ наслѣдія престола, то въ такомъ случаѣ участвовавшіе въ составленіи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ распространеніи сочиненій подобнаго рода подлежали бы наказанію, по ст. 117 общей части уложенія, одною или двумя степенями ниже главныхъ виновныхъ, тогда какъ участвовавшіе только въ злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій подвергались бы большему наказанію, безъ смягченія, полагаемаго ст. 117-ю. Для уразумѣнія точнаго смысла вышеприведенныхъ словъ закона: «и вообще всѣ участвовавшіе завѣдомо въ семъ преступленіи», употребленныхъ во 2 ч. 252 ст. такъ, какъ и въ соотвѣтствующей ей 2-ой ч. 251 ст. улож., необходимо прежде всего замѣтить, что по законоположеніямъ разд. III улож. о нак., о государственныхъ преступленіяхъ, всѣ участники въ этихъ преступленіяхъ под-

вергаются наказаніямъ въ предѣлахъ рода и степени, указанныхъ для главныхъ виновныхъ лицъ (ст. 243, 244, 1 ч. 245, 1 ч. 249, 254 и 259 улож.), за изъятіемъ особенно поименованныхъ случаевъ (ст. 250). Если сравнить содержаніе 251 и 252 ст. уложен. съ первоначальнымъ изложеніемъ ихъ въ проектѣ уложенія, внесенномъ въ 1844 году на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, то должно притти къ убѣжденію, что и въ этихъ узаконеніяхъ сохранено общее правило разд. III улож. о наказаніяхъ за государственныя преступленія, одинаковыхъ въ предѣлахъ рода и степени для всѣхъ участвовавшихъ въ этихъ преступленіяхъ лицъ. Преступленіе, предусмотрѣнное 1 ч. 251 ст. уложен., опредѣлено было въ 1 ч. 271 ст. проекта уложенія 1844 г. буквально тѣми же словами, въ которыхъ оно перешло въ послѣдующія изданія улож. о нак., 1845, 1857 и 1866 г.; во 2-й части 271 ст. проекта первоначально выражено было: «тому же наказанію подвергаются и участвовавшіе завѣдомо въ семъ преступленіи»; изъ этого изложенія представляется яснымъ, что подъ «участвовавшими въ семъ преступленіи» разумѣлись здѣсь участвовавшіе въ предусмотрѣнныхъ 1-ю частью той же 271 ст., соотвѣтствующей 1 части 251 ст. улож. о наказ. 1866 г., составленіи и распространеніи объявленій, воззваній, сочиненій и изображеній, возбуждающихъ къ бунту или явному неповиновенію Верховной Власти. При разсмотрѣніи проекта уложенія въ законодательномъ порядкѣ, 2-я часть 271-й ст. была измѣнена присоединеніемъ, послѣ выраженія: «тому же наказанію подвергаются», словъ: «изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій»; очевидно, что законодательная власть признала необходимымъ выдѣлить особый видъ преступленія, предусмотрѣннаго 1 ч. 251 ст., или, точнѣе сказать, особый видъ участія въ семъ преступленіи, пояснивъ, что тѣмъ же наказаніямъ, которымъ подвергаются составители и вмѣстѣ съ ними распространители сочиненій, предусмотрѣнныхъ въ 251 ст. улож., подлежатъ одни только распространители сочиненій сего рода; но при этомъ нѣтъ никакого основанія заключить, чтобы слова:» и, вообще, всѣ участвовавшіе завѣдомо въ семъ преступленіи» отнесены были на этотъ разъ законодателемъ исключительно къ распространенію сочиненій, предусмотрѣнныхъ означеннымъ узаконеніемъ. Совершенно такимъ же образомъ, первоначальное содержаніе 1-й части 272 ст. проекта уложенія 1844 г. перешло въ послѣдующія изданія улож. о нак., и нынѣ изложено въ 1-й части 252 ст. улож. 1866 г., но въ ст. 272 проекта не было законоположенія, соотвѣтствующаго 2-й ч. 252 ст. 1866 г.; о публичномъ же произнесеніи рѣчей съ преступною цѣлью, указанною въ ст. 252, упомянуто было не во 2-й ч. 272 ст. проекта подобно 2 ч. ст. 271 проекта, а въ 1 ч. 272 ст., какъ сохранилось это и донынѣ въ изложеніи 1-й части 252 ст. улож.; объ участвовавшихъ же въ преступленіи, предусмотрѣнномъ означеннымъ указаніемъ, было совершенно умолчано въ 272 проекта улож. 1844 г., но въ изданіи уложенія 1845 г., равно какъ и послѣдующихъ, очевидно, съ тою же цѣлью, какую имѣла законодательная власть при измѣненіи ст. 271 проекта, внесена была 2-я часть 253 ст. улож. въ словахъ, соотвѣтствующихъ 2-й части 251 ст. улож., а именно: «тому же наказанію подвергаются изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій и вообще всѣ участвовавшіе завѣдомо въ семъ преступленіи» разумѣлъ всѣхъ участвовавшихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ ст. 252 улож. 1866 г., а не «участвовавшихъ только въ распространеніи преступныхъ сочиненій, предусмотрѣнныхъ означенною статьею». в) Возраженіе, что участіе въ произнесеніи рѣчи невозможно, потому что она произносится лишь однимъ лицомъ, за форму выраженій котораго и за самое изложеніе рѣчи не могутъ подлежать отвѣтственности лица, слушающія и одобряющія ее, такъ какъ они не мо-

гутъ предусмотрѣть, что именно будетъ высказанно этимъ лицомъ въ своей рѣчи,—не имѣетъ достаточнаго основанія. Всѣ намѣренно участвовавшіе въ дѣйствіяхъ толпы, имѣвшей цѣлью дерзостное порицаніе установленнаго государственными законами образа правленія, которое и выразилось произнесеніемъ соотвѣтствующей рѣчи и выставленіемъ революціоннаго флага,—знали и цѣль собранія толпы, знали и то, какимъ способомъ эта цѣль будетъ выражена, и въ какомъ именно смыслѣ будетъ произнесена рѣчь, имѣвшая своей задачей порицаніе существующаго образа правленія. Извѣстность этой задачи и этой цѣли указываетъ преступность участія подсудимыхъ, а не тѣ выраженія, въ которыя облечено было дерзостное порицаніе установленнаго государственными законами образа правленія, и которыя, само собою разумѣется, могли зависѣть лишь отъ произносившаго эту рѣчь лица, бывшаго выразителемъ мысли, общей всѣмъ участвовавшимъ въ дѣйствіяхъ собравшейся толпы. Что же касается до объясненія подсудимыхъ Потапова, Ильяшенко и др. о значеніи надписи на флагѣ: «земля и воля», то Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената признаетъ такое объясненіе не подлежащимъ, въ силу 29 ст. Высочайше утвержденныхъ 7-го іюня 1872 года правилъ, своему обсужденію, такъ какъ особымъ присутствіемъ надпись эта признана революціонною. 2. Жалоба подсудимыхъ на неправильное примѣненіе къ нимъ 264 и 266 ст. улож. о нак. также не можетъ быть признана заслуживающею уваженія. Указываемыя подсудимыми 30, 31 и 38 ст. уст. о нак. не могутъ имѣть примѣненія къ признаннымъ особымъ присутствіемъ фактическимъ признакомъ преступнаго дѣянія, состоявшаго въ томъ, что они толпою, и съ явнымъ насиліемъ, оказали сопротивленіе распоряженіямъ полицейской власти, предпринятымъ, согласно 159 ст. XIV т. св. зак. уст. пред. и прес. прест., для разсѣянія этой толпы и задержанія виновныхъ. Очевидно, что такое преступное дѣяніе не соотвѣтствуетъ ни 38 ст., предусматривающей нарушеніе общественной тишины и спокойствія, нарушеніе не соединенное ни съ однимъ изъ признаковъ сопротивленія правительству и неповиновенія установленнымъ правительствомъ властямъ (1872 года № 1791)—ни 31 ст., предусматривающей оскорбленіе словами и дѣйствіемъ нижнихъ полицейскихъ служителей, съ цѣлью униженія ихъ чести и достоинства, а не явное, съ насиліемъ, сопротивленіе имъ; ни 30-й статьѣ, карающей простое неповиновеніе или неисполненіе законнаго требованія полицейскихъ или другихъ стражей. Ослушаніе или неповиновеніе есть собственно преступное упущеніе, неисполненіе требуемаго по закону, а не содѣяніе чего-либо воспрещеннаго закономъ. Преступное дѣяніе подсудимыхъ могло быть подведено лишь подъ общее опредѣленіе подобнаго рода преступленій, выраженное въ 262 ст. улож. о нак., — преступленій, состоящихъ во всякомъ явномъ и упорномъ неповиновеніи и сопротивленіи какой-либо власти, правительствомъ установленной. Наши уголовные законы признаютъ два главныхъ рода сопротивленія нѣсколькихъ лицъ правительственной власти, которые и предусмотрѣны въ улож. о нак. въ ст. 263 и 270. Обращаясь къ основаніямъ, которыя имѣлись въ виду при составленіи этихъ статей, оказывается, что въ дѣйствовавшихъ, до уложенія о наказаніяхъ, уголовныхъ законахъ, каравшихъ сопротивленіе толпою законнымъ властямъ вообще, не было сдѣлано никакого различія между разными видами сопротивленія, а потому при составленіи уложенія о наказ. найдено нужнымъ и правильнымъ раздѣлить противозаконное сопротивленіе на два главныхъ рода: первый, когда виновные хотѣли оказать препятствіе исполненію какихъ-либо общихъ до всего государства или цѣлаго края касающихся дѣйствій правительства, какъ-то: обнародованію манифестовъ, законовъ и т. п.

или приведенію ихъ въ исполненіе, и второй, когда сопротивленіе имѣло цѣль частную, наприм., сопротивленіе исполненію судебнаго приговора и т. п. Этимъ двумъ родамъ сопротивленія и соотвѣтствуютъ: первому—ст. 263, а второму—270 ст. улож. о наказ. Независимо отъ этихъ главныхъ родовъ сопротивленія толпы правительственной власти, улож. о наказ. предусматривало еще третій родъ этого сопротивленія въ раздѣлѣ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія въ ст. 1280 (изд. 1857 г.), въ которой было сказано: «если собравшаяся на улицѣ, площади или въ другомъ публичномъ мѣстѣ толпа людей дозволитъ себѣ хотя и не столь важные безпорядки, какъ тѣ, о которыхъ упоминается въ ст. 296—298, 300, 301 и 306 (соотвѣтствующихъ 262 и слѣд. ст. улож. изд. 1866 г.), но шумъ, крикъ или иныя неприличныя дѣйствія и по требованію полиціи немедленно не разойдется, то виновные» и т. д. Статья эта при изданіи устава о наказаніяхъ исключена изъ уложенія и вошла въ составъ ст. 38 уст. о нак. О примѣненіи этой послѣдней статьи къ данному дѣлу, очевидно, не можетъ быть рѣчи, такъ какъ статья эта предусматриваетъ спеціально ослушаніе полиціи толпы, собравшейся исключительно съ цѣлью нарушенія законовъ благочинія, а не съ иною какою-либо противозаконною цѣлью. Обращаясь засимъ къ тѣмъ двумъ родамъ противодѣйствія правительственной власти, которые предусмотрѣны въ ст. 263 и 270 улож. о наказ., оказывается, что согласно объясненію къ этимъ статьямъ въ проектѣ уложенія, въ нихъ указаны тѣ же признаки, свойственные каждому изъ этихъ родовъ сопротивленія власти а именно: въ ст. 263 противодѣйствіе должно быть въ видѣ явнаго возстанія противъ правительствомъ установленныхъ властей, съ намѣреніемъ или не допустить обнародованія какого-либо закона или проведенія онаго (а равно какого-либо правительственнаго распоряженія) въ исполненіе, или же принудить правительственныя лица къ исполненію чего-либо противнаго ихъ долгу, тогда какъ въ ст. 270 говорится о сопротивленіи къ приведенію въ исполненіе судебныхъ опредѣленій или иныхъ распоряженій властей, правительствомъ установленныхъ, или законнымъ дѣйствіямъ чиновника при отправленіи имъ должности. Такимъ образомъ, возстанія и противодѣйствіе, о которомъ говорится въ ст. 263—269, имѣетъ характеръ вызывающій или нападающій, имѣющій цѣлью не допустить правительственную власть исполнить ея обязанность, или принудить ее къ чему-либо несогласному съ ея долгомъ, тогда какъ противодѣйствіе, предусмотрѣнное въ ст. 270, имѣетъ скорѣе характеръ, сопротивляющійся только какимъ-либо дѣйствіямъ правительственныхъ органовъ или требованіямъ ихъ, обращеннымъ къ извѣстнымъ лицамъ. Независимо отъ сего, возстаніе, о которомъ говорится въ ст. 263, должно быть направлено противъ какого-либо закона или правительственнаго распоряженія вообще, а потому имѣетъ характеръ общій, тогда какъ въ статьѣ 270 сопротивленіе имѣетъ характеръ болѣе частный, такъ какъ оно можетъ быть только направлено противъ судебнаго приговора или требованія должностного лица, обращеннаго къ извѣстнымъ лицамъ. Установивъ, такимъ образомъ, признаки, отличающіе противодѣйствіе правительству, имѣющее характеръ общій, отъ такого, которое имѣетъ характеръ частный, законъ, однако же, не нашелъ возможнымъ остановиться исключительно на этомъ различіи признаковъ, для разъясненія въ каждомъ данномъ случаѣ вопроса, подходитъ ли сопротивленіе подъ ст. 263 или 270.

Въ статьѣ 270-й положительно выражено, что сопротивленіе, т. е. сопротивленіе, имѣющее характеръ частный, только въ такомъ случаѣ можетъ быть подводимо подъ ст. 270, когда такое сопротивленіе оказано было не болѣе, какъ тремя лицами. Изъ сего слѣдуетъ, что, хотя при со-

ставленіи уложенія найдено было необходимымъ сдѣлать различіе между упомянутыми выше 2-я видами сопротивленія властямъ, правительствомъ установленнымъ, и опредѣлить за каждое изъ нихъ, сообразно съ ихъ важностью, отдѣльное наказаніе, но это различіе въ наказаніи признано было возможнымъ допустить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда число лицъ, участвовавшихъ въ сопротивленіи, не превышаетъ трехъ человѣкъ. Если же этого условія не существуетъ, то сопротивленіе, хотя имѣющее частный характеръ, должно быть разсматриваемо, какъ возстаніе, предусмотрѣнное въ ст. 263—268. Что такова именно была мысль законодателя при изданіи улож. о наказ., доказывается тѣмъ, что въ улож. о наказ. нѣтъ вовсе статьи, которая предусматривала бы спеціально сопротивленіе, учиненное болѣе, чѣмъ тремя лицами. Далѣе, во всѣхъ статьяхъ Уложенія (ст. 633, 688, 755, 756, 803, 1262), которыя предусматриваютъ сопротивленіе властямъ при совершеніи различнаго рода преступленій, всегда сдѣлана ссылка на ст. 263 и 270. Сопротивленіе, о которомъ говорится въ этихъ статьяхъ, по свойству своему принадлежитъ къ сопротивленію, имѣющему частный характеръ, т. е. соотвѣтствуетъ по признакамъ своимъ сопротивленію, предусмотрѣнному въ ст. 270, но если въ статьяхъ этихъ сдѣлана ссылка и на ст. 263-ю, то это, очевидно, потому, что наказаніе за такое преступленіе должно быть опредѣлено и по ст. 263—269, въ случаяхъ, когда въ сопротивленіи участвовало болѣе трехъ человѣкъ.

Примѣняя изложенныя соображенія къ преступному дѣянію 6-го декабря, когда сопротивленіе было оказано цѣлою толпою, съ явнымъ насиліемъ противъ полиціи, выразившимся въ нанесеніи ударовъ, когда полиція, въ виду обнаружившейся преступной цѣли собравшейся толпы, обязана была безотлагательно прибѣгнуть къ предписаннымъ ей 159 ст. XIV т. св. зак. уст. пред. и прес. прест. мѣрамъ—нельзя не признать, что къ такому дѣянію могла быть примѣнена лишь 264 ст. улож. но никакъ не 270-я, а тѣмъ менѣе 30, и 31 или 38-я ст. уст. о наказ.; 3. что указаніе подсудимыхъ на неизложеніе съ достаточной ясностью въ поставленныхъ на разрѣшеніе особаго присутствія вопросахъ обстоятельствъ, изъ которыхъ на точномъ основаніи 12 ст. улож. о наказ. выведено заключеніе, что Боголюбовъ, Гервасій, Бибергаль, Чернавскій и Бочаровъ были главными виновными оказаннаго сопротивленія,—не имѣетъ основанія. Главными виновными (ст. 12-я) въ преступленіяхъ, учиненныхъ нѣсколькими лицами, безъ предварительнаго соглашенія, признаются, между прочимъ, непосредственно совершившіе преступленіе. Означенные подсудимые, какъ признано особымъ присутствіемъ, сами наносили удары чинамъ полиціи, т. е. признаны непосредственными виновниками того явнаго насилія, которое сопровождало оказанное толпою сопротивленіе; и 4. что, какъ видно изъ приговора, подсудимые Потаповъ, Ильяшенко, Иванова и Николаевская, на основаніи 2 п. 152, 2 ч. 252, 264 и 266 статей подлежали наказанію по 7 степ. 19 ст. улож. о наказ., а именно: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на время отъ 4 до 6 лѣтъ, но въ виду уменьшающихъ вину ихъ обстоятельствъ, на основаніи 774 ст. уст. угол. суд., это наказаніе понижено имъ на 2 степени и опредѣлено по 2-й степ. 20-й статьи; такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что мѣстомъ ссылки на поселеніе особое присутствіе избрало менѣе отдаленныя мѣста Сибири.

Что касается до жалобы тѣхъ же подсудимыхъ: Потапова, Ильяшенко, Ивановой и Николаевской, что особое присутствіе Правительствующаго Сената вышло изъ предѣловъ обвинительнаго акта, и жалобы подсудимаго Бочарова на распоряженіе прокурорскаго надзора с.-петербургской судебной палаты объ одиночномъ содержаніи его, то жалобы ихъ въ этомъ отношеніи, за силою 29-й статьи Высочайше утвержденныхъ въ 7 день іюня

1872 года правилъ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ, не подлежатъ разсмотрѣнію Общаго Собранія.

По изложеннымъ соображеніямъ Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената опредѣляетъ: кассаціонныя жалобы подсудимыхъ: Архипа Боголюбова, Ивана Гервасія, Александра Бибергаля, Михаила Чернавскаго, Евгенія Бочарова, Якова Гуровича, Николая Фалина, Семена Геллера, Якова Потапова, Ефима Новаковскаго, Варвары Ильяшенко, Софьи Ивановой и Лидіи Николаевской оставить безъ послѣдствій, разъяснивъ, что наказаніе подсудимымъ, присужденнымъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, опредѣлено особымъ присутствіемъ по 2-й степени 20-й ст. улож. о наказ.

1877 годъ.

Правительственный Вѣстникъ.

(№№ 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 62, 64 и 66.

Дѣло о разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи по составленію противозаконнаго сообщества и распространенію преступныхъ сочиненій.

Засѣданія особаго присутствія Правительствующаго Сената для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Предсѣдательствуетъ первоприсутствующій, сенаторъ К. К. Петерсъ; присутствуютъ сенаторы: М. Н. Похвисневъ, К. К. Ренненкампфъ, Д. Д. Нееловъ, Н. О. Тизенгаузенъ и Б. Н. Хвостовъ; сословные представители: предводители дворянства—черниговскій губернскій, отставной штабсъ-капитанъ Н. И. Неплюевъ и вышневолоцкій уѣздный, майоръ П. И. Снѣзинъ-Тормасовъ; псковскій городской голова Сутгофъ и стародеревенскій волостной старшина П. Лукьяновъ, при исправляющемъ должность оберъ-секретаря В. В. Поповѣ. Обвиняетъ исправляющій должность товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента К. Н. Жуковъ; защищаютъ присяжные повѣренные: Бардовскій, Боровиковскій, Борщовъ, Войцеховскій, Герардъ, Гернгроссъ (помощникъ присяжнаго повѣреннаго), Зубаревъ, Коршъ, Люстигъ, Нечаевъ (помощникъ присяжнаго повѣреннаго), Ольхинъ, Полетаевъ, Спасовичъ, Хартулари и Шванебахъ.

По исполненіи обычныхъ формальностей прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія: 28 марта 1875 г. въ Московское Губернское Жандармское Управленіе явился рабочій ткацкой фабрики купца Шибаева въ г. Москвѣ, крестьянинъ Яковъ Яковлевъ, и, представляя двѣ книги преступнаго содержанія: «Емелька Пугачевъ» и «Исторія французскаго крестьянина», заявилъ, что 25 и 27 марта онъ получилъ эти книги отъ крестьянъ Ивана Васильева Баринова и Василія Григорьева, по прозванію Вѣтрова. Допрошенный, по поводу сдѣланнаго имъ заявленія, Яковъ Яковлевъ объяснилъ, что ему неоднократно случалось бывать въ трактирахъ вмѣстѣ съ Иваномъ Васильевымъ Бариновымъ и фабричнымъ, крестьяниномъ Николаемъ Васильевымъ. При свиданіяхъ Иванъ Бариновъ и Николай Васильевъ, объясняя ему, что собственность должна быть общею, что крестьянъ нужно сравнять во всемъ съ другими сословіями и что все это должно быть скоро приведено въ исполненіе, совѣтовали проводить подобныя мысли въ народъ, устраивать съ этою цѣлью кружки, собирать возможно большее число послѣдователей таковыхъ мыслей и взглядовъ. При этомъ Бариновъ и Васильевъ говорили, что такихъ кружковъ въ Москвѣ и Петербургѣ очень

много и что въ Москвѣ, на фабрикѣ Носовыхъ, живутъ двѣ образованныя дѣвушки, въ качествѣ простыхъ рабочихъ, съ единственною цѣлью распространять вышеизложенныя идеи между рабочими фабрики. 25 марта Николай Васильевъ, по совѣту Баринова, далъ Яковлеву для чтенія книгу «Емелька Пугачевъ» и совѣтовалъ Яковлеву обращаться за книгами къ фабричному Василію Григорьеву Вѣтрову. Вслѣдствіе совѣта Васильева, Яковлевъ обратился къ Вѣтрову и получилъ отъ послѣдняго «Исторію французскаго крестьянина». По прочтеніи означенныхъ книгъ Яковлевъ, убѣдившись въ преступномъ ихъ содержаніи, рѣшился заявить о полученіи книгъ начальству, что и исполнилъ. При послѣднемъ свиданіи съ Яковомъ Яковлевымъ, Николай Васильевъ приглашалъ Яковлева придти 29 марта въ трактиръ у Покровскаго моста и обѣщалъ познакомить Яковлева съ однимъ господиномъ, который можетъ подробно разсказать, какимъ образомъ предполагается осуществить весь планъ уравненія крестьянъ съ другими сословіями. 29 марта, въ указанномъ Яковлевымъ трактирѣ, были задержаны вмѣстѣ съ нимъ крестьянинъ Московской губ., Дмитровскаго уѣзда, дер. Высоковой Николай Васильевъ и крестьянинъ Боровскаго уѣзда, дер. Добриной Иванъ Васильевъ Бариновъ. При Николаѣ Васильевѣ оказался узелъ грязнаго бѣлья, по преимуществу женскаго, относительно котораго онъ заявилъ, что таковое куплено имъ на рынкѣ. Подтверждая въ общихъ чертахъ объясненіе Якова Яковлева, обвиняемый Иванъ Васильевъ Бариновъ показалъ, что онъ давно уже знакомъ съ рабочимъ Николаемъ Васильевымъ. Этотъ послѣдній свелъ его съ другимъ рабочимъ Петромъ Алексѣевымъ. Васильевъ и Алексѣевъ убѣдили его, Баринова, пристать къ ихъ революціонному кружку, имѣющему цѣлью сравнять всѣ сословія, уничтожить правительство, дворянъ и произвести рѣзню. Прочитавъ двѣ переданныя ему этими лицами книги: «Сказку о четырехъ братьяхъ» и «Чтой-то братцы», Бариновъ, усмотрѣвъ преступность ихъ содержанія, пожелалъ отстать отъ кружка, но Николай Васильевъ и Петръ Алексѣевъ объявили ему, что теперь уже поздно, и въ случаѣ его, Баринова, отказа онъ можетъ погибнуть. Вслѣдствіе такой угрозы Бариновъ продолжалъ получать книги преступнаго содержанія и познакомился черезъ Николая Васильева съ какимъ-то Михаиломъ Петровымъ, принадлежащимъ къ тому же революціонному кружку. Книга «Емелька Пугачевъ» передана Якову Яковлеву имъ, Бариновымъ, по совѣту Васильева. Обвиняемый Николай Васильевъ отказался отъ всякаго участія въ революціонной пропагандѣ, опровергалъ оговоръ Яковлева и не пожелалъ указать своего мѣстожительства. Между тѣмъ братъ Баринова, Прокофій Бариновъ, съ своей стороны, подтвердилъ, что оговоренныя Бариновымъ лица и передъ нимъ развивали тѣ же преступныя идеи о необходимости бунта и уничтоженіи правительства. Черезъ четыре дня послѣ ареста Николая Васильева, въ Жандармское Управленіе явилась крестьянка Дарья Иванова Скворцова и, объявивъ себя любовницей Николая Васильева, заявила, что въ виду ареста Васильева она желаетъ указать тѣхъ лицъ, которыя его погубили. Скворцова указала при этомъ адресъ общей квартиры этихъ лицъ, добавивъ, что лица эти, собираясь переѣхать на новую квартиру, уложили уже всѣ свои вещи. Вслѣдствіе подобнаго заявленія Скворцовой и по ея указанію, 4 апрѣля былъ произведенъ въ Москвѣ, въ домѣ Корсакъ, обыскъ. По обыску, въ отдѣльномъ флигелѣ, были арестованы 7 человѣкъ мужчинъ и двѣ женщины. Изъ женщинъ одна была одѣта въ крестьянское платье, другая въ обыкновенное городское. Обѣ онѣ отказались объявить свое званіе и назвались первая буквой А, а вторая Софьей Илларіоновой—съемщицей квартиры. Изъ семи мужчинъ одинъ, назвавшись сначала буквой Б, заявилъ затѣмъ, что онъ дворянинъ Иванъ Джа-

бадари; другой назвался буквой В, третій—крестьяниномъ Василіемъ Григорьевымъ, четвертый—мѣщаниномъ Степаномъ Ивановымъ, пятый—мѣщаниномъ Семеномъ Ивановымъ Агаповымъ, шестой и седьмой— крестьянами Петромъ Алексѣевымъ и Пафнутіемъ Николаевымъ. Въ печныхъ душникахъ квартиры найдены были два паспорта: одинъ на имя крестьянки Анны Степановой и другой на имя крестьянина Федора Михайлова. По показанію Дарьи Скворцовой, она жила въ Москвѣ вмѣстѣ съ Николаемъ Васильевымъ до февраля мѣсяца 1875 г. на фабрикѣ Турне. Передъ праздниками Рождества у Васильева сталъ бывать его знакомый Петръ Алексѣевъ. Съ появленіемъ Петра Алексѣева Васильевъ началъ ходить по трактирамъ, и у него пропала охота къ работѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1875 г. Николай Васильевъ объявилъ Скворцовой, что онъ больше жить на фабрикѣ не будетъ, а наймётъ квартиру и приметъ къ себѣ нахлѣбниковъ-слесарей, вслѣдствіе чего Скворцова переѣхала съ Васильевымъ въ особую квартиру въ Москвѣ, въ Сыромятникахъ, въ домѣ Костомарова. У нихъ на этой квартирѣ поселились женщины подъ именами Аннушки, Маши и Наташи и мужчины: Михаилъ, Федоръ и Василій. Званія ихъ ей, Скворцовой, неизвѣстны, но изъ разговоровъ она понимала, что лица эти живутъ подъ чужими именами и съ чужими паспортами. Маша и Наташа поступили работницами на фабрику Носовыхъ, а Аннушка на фабрику Лазарева. Разъ какъ-то Федоръ привезъ какія-то книги, которыя Михаилъ черезъ недѣлю куда-то увезъ. Въ праздничные дни къ жильцамъ на квартиру приходили разные рабочіе и этимъ послѣднимъ читались книги: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Хитрая механика» и др. Изъ лицъ одного съ ними образа мыслей ходили въ квартиру какой-то Иванъ Ивановичъ, крестьянинъ Петръ Алексѣевъ и Иванъ Бариновъ. Скворцовой извѣстно, что къ той же компаніи принадлежали еще двѣ сестры: Наташа и Вѣра и женщины, которыхъ называли хохлачкой Ѳеклушей, Сашей и Дуняшей. Онѣ всѣ одно время жили у нихъ на квартирѣ. Все это общество вообще разсуждало часто о томъ, что они отвергаютъ Бога, религію, бракъ, хотятъ уравнять бѣдныхъ и богатыхъ, устроить бунтъ и рѣзню, уничтожить правительство чиновниковъ и дворянъ, а для подготовки крестьянъ къ возстанію раздавать имъ книжки и совѣтовать больше читать ихъ. Въ субботу, на масляннной недѣлѣ, въ отсутствіе всѣхъ жильцовъ изъ квартиры приходилъ какой-то господинъ—спрашивалъ Наташу. Заподозрѣвъ въ этомъ господинѣ сыщика, всѣ жильцы немедленно переѣхали на другую квартиру, скрывъ свой адресъ отъ Скворцовой. Переѣхавъ въ свою очередь съ Васильевымъ на новую квартиру въ Лефортово, Скворцова стала стирать и шить бѣлье на эту же компанію. Бѣлье приносилъ и относилъ Николай Васильевъ, а иногда и хохлачка Ѳеклуша. Такъ какъ за бѣлье деньги платили неаккуратно, то она вынуждена была отыскать квартиру этихъ лицъ. Въ это время Николай Васильевъ былъ арестованъ, и она рѣшилась для спасенія его выдать правительству лицъ, сбившихъ Васильева съ пути. Всѣ участники этой компаніи собирались послѣ Пасхи разъѣхаться по разнымъ губерніямъ для преступной пропаганды на фабрикахъ и въ народѣ, при чемъ всѣ они угрожали Скворцовой убить ее, если она ихъ выдастъ; бѣлье, отобранное у Васильева въ трактирѣ, Скворцова признала за бѣлье, принадлежащее лицамъ, арестованнымъ въ домѣ Корсакъ. Изъ числа лицъ, арестованныхъ въ этомъ домѣ, Дарья Скворцова признала въ Иванѣ Джабадари—человѣка, называвшагося Михаиломъ, въ Степанѣ Ивановѣ—Иванa Ивановича, въ лицѣ, назвавшемся буквой В.—Ѳедора, въ женщинѣ, назвавшейся буквой А,—Машу и въ Софьѣ Илларіоновнѣ—Аннушку. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ производствѣ дознанія, изъ числа арестованныхъ въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ и Кіевѣ лицъ Скворцова признала:

въ княгинѣ Циціановой (рожденной Хоржевской) хохлачку Ѳеклушу, въ дочеряхъ коллежскаго ассесора Вѣрѣ и Ольгѣ Любатовичъ—Вѣру и Наташу, въ дочери почетнаго гражданина Александровой—Сашу и въ дворянкѣ Лидіи Фигнеръ—Дуняшу, при чемъ относительно послѣдней Скворцова, не зная при дознаніи имени Фигнеръ, объяснила, что Дуняшу иногда звали «Лидькой». Съ своей стороны, въ отмѣну перваго своего показанія, Николай Васильевъ вполнѣ подтвердилъ со всѣми вышеизложенными подробностями показаніе Скворцовой, добавивъ, что съ Михаиломъ и Ѳедоромъ его познакомилъ крестьянинъ Петръ Алексѣевъ. Въ это время Михаилъ и Ѳедоръ жили на одной квартирѣ съ Васильевымъ. Михаилъ уговаривалъ его бросить фабрику и, нанявши отдѣльную квартиру съ Скворцовой, взять ихъ къ себѣ въ нахлѣбники, что Васильевъ и исполнилъ. Мебель и посуду для квартиры купилъ Михаилъ. Кромѣ лицъ названныхъ выше, къ той же компаніи принадлежитъ, по словамъ Васильева, крестьянинъ Филатъ Егоровъ, который бывалъ у него на квартирѣ въ Сыромятникахъ. При этомъ Николай Васильевъ подтвердилъ вполнѣ какъ показаніе Якова Яковлева, такъ и оговоръ Ивана Баринова. Задержанный при обыскѣ въ домѣ Корсакъ, московскій мѣщанинъ Семенъ Ивановъ Агаповъ, показалъ, что онъ живетъ въ одной квартирѣ съ слесаремъ Петромъ Степановымъ, назвавшимся при арестѣ Степаномъ Ивановымъ. Попалъ онъ къ нему на квартиру будто бы совершенно случайно и съ 24 марта поселился у него. Лицо, назвавшееся Петромъ Степановымъ, внушало ему мысли о необходимости уравненій всѣхъ сословій и обѣщало ему, Агапову, познакомить его съ своими товарищами, распространяющими среди рабочихъ тѣ же идеи. Съ этою цѣлью, они вдвоемъ, 31 марта, ходили въ домъ Корсакъ, но тамъ застали только одну Софью Илларіонову, придя же во второй разъ 3 апрѣля, были арестованы вмѣстѣ съ другими лицами. На чердакѣ дома у Петра Степанова спрятано много запрещенныхъ книгъ, изъ числа которыхъ одну, «Емелька Пугачевъ», Петръ Степановъ читалъ ему вслухъ. Къ Степанову приходила какая-то Ѳеклуша, и они вмѣстѣ куда-то уходили. Крестьянъ Пафнутія Николаева и Петра Алексѣева Агаповъ знаетъ давно, и они говорили ему, что бѣжали съ фабрикъ, гдѣ работали, боясь отвѣтственности за распространеніе между рабочими книгъ преступнаго содержанія. По указанію Агапова, въ домѣ Ѳедоровой, гдѣ проживалъ Агаповъ со Степановымъ, былъ произведенъ обыскъ, по которому, на чердакѣ, зарытыми въ землю и спрятанными подъ крышу, были найдены слѣдующія, принадлежащія, по словамъ Агапова, Степанову книги: «Исторія французскаго крестьянина», «Парижская коммуна», «Хитрая механика» 2 экземпляра, «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Емелька Пугачевъ», «О мученикѣ Николаѣ» и 2 экземпляра «Чтой-то братцы». Кромѣ того, найденъ былъ клочекъ масляной бумаги, на которомъ оказались снятыми съ паспорта Агапова подписи. Паспорты Агапова и лица, жившаго съ нимъ подъ именемъ Петра Степанова Мудрова, представлены хозяйкой дома Матреной Ѳедоровой, причемъ какъ Ѳедорова, такъ и дворникъ ея дома Иванъ Щедринъ признали въ Степанѣ Ивановѣ своего жильца, Петра Степанова Мудрова. Ивановъ, назвавшійся при обыскѣ въ домѣ Корсакъ иркутскимъ мѣщаниномъ Степаномъ Ивановымъ, показалъ, что именами Петра Степанова и Ивана Иванова онъ никогда не назывался, что онъ австрійскій подданный, бывшій студентъ Технологическаго Института Александръ Осиповъ Лукашевичъ, и что въ домъ Корсакъ онъ попалъ случайно, будучи приглашенъ неизвѣстнымъ ему господиномъ, какимъ-то Павловымъ, придти къ нему, Павлову, для полученія столярной работы. Съ своей стороны, крестьянинъ Василій Григорьевъ, утверждая, что таково его званіе, объяснилъ,

что онъ, имѣя надобность въ мебели, желалъ купить ее у Сухаревой башни, но тамъ, неизвѣстная ему женщина пригласила его за покупкой мебели къ себѣ въ квартиру въ д. Корсакъ, куда онъ пришелъ и гдѣ его арестовали. По указанію Василія Григорье а была разыскана его квартира, и у домовой хозяйки былъ отобранъ паспортъ, по которому Василій Григорьевъ проживалъ. Паспортъ этотъ оказался, по справкамъ, подложнымъ. По показанію хозяина дома Кузьмина и его жены, Григорьевъ переѣхалъ къ нимъ лишь 29 марта. Къ нему приходилъ какой-то человѣкъ по имени Иванъ и двѣ хорошо одѣтыя женщины. Въ квартирѣ Григорьева найдено пальто, въ карманѣ котораго оказался паспортъ, выданный тифлисскимъ полиціймейстеромъ на имя дворянина Михаила Мачеваріани По предъявленіи Кузьмину и его женѣ обвиняемаго, назвавшагося буквою В., они признали въ немъ того Ивана, который ходилъ къ Василію Григорьеву и два раза у него ночевалъ. Въ виду таковыхъ данныхъ, Василій Григорьевъ измѣнилъ свое показаніе и объяснилъ, что его зовутъ Василіемъ Григорьевымъ Георгіевскимъ, что онъ потомственный почетный гражданинъ, воспитывался въ Технологическомъ Институтѣ и былъ въ Медико-Хирургической Академіи, но курса нигдѣ не окончилъ. Паспортъ, по которому онъ проживалъ, подложный и купленъ имъ въ Орлѣ. Пальто и видъ Мачеваріани принадлежатъ неизвѣстному ему человѣку, по имени Ивану. Съ Иваномъ онъ познакомился случайно, на улицѣ и не знаетъ ни его званія, ни мѣстожительства. Затѣмъ крестьяне Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, деревни Новинской, Петръ Алексѣевъ и Пафнутій Николаевъ, не признавая себя виновными въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, показали, однако, что они бѣжали—первый съ фабрики Тимашева, а второй —съ фабрики Соколова, боясь отвѣтственности за распространеніе подобныхъ книгъ. Послѣ побѣга съ фабрикъ они проживали въ Москвѣ безъ опредѣленныхъ занятій и мѣста жительства. При этомъ Петръ Алексѣевъ объяснилъ нахожденіе свое въ домѣ Корсакъ тѣмъ, что былъ приглашенъ ночевать неизвѣстной ему женщиной, а Пафнутій Николаевъ—тѣмъ, что въ домъ Корсакъ привелъ его Петръ Алексѣевъ, чего послѣдній не подтвердилъ. Дворянинъ Тифлисской губерніи Иванъ Спиридоновъ Джабадари показалъ, что съ Софьею Илларіоновой, фамилію которой онъ не скажетъ, онъ познакомился въ 1874 г. за границей въ Парижѣ. Встрѣтивъ случайно ее въ Москвѣ, приходилъ разъ пять на ея квартиру, въ домѣ Корсакъ, гдѣ и былъ въ одно изъ таковыхъ посѣщеній задержанъ. Изъ числа арестованныхъ лицъ, кромѣ Илларіоновой, знаетъ только Николая Васильева, у котораго бывалъ въ Сыромятникахъ нѣсколько разъ. Изъ остальныхъ арестованныхъ съ нимъ лицъ никого не знаетъ и въ распространеніи революціонныхъ идей и книгъ преступнаго содержанія виновнымъ себя не признаетъ. Неизвѣстный мужчина, назвавшійся буквою В., до самаго конца дознанія отказывался какъ отъ объясненія своего имени, такъ и отъ дачи какихъ бы то ни было показаній. Между тѣмъ званіе этого лица было обнаружено слѣдующимъ образомъ: при дальнѣйшемъ производствѣ дознанія въ Москвѣ, въ квартирѣ именовавшагося дворяниномъ Зедгенидзе (кн. Циціанова), по обыску, въ числѣ другихъ бумагъ была найдена копія письма одного арестанта. Въ письмѣ этомъ арестантъ говоритъ, что онъ откроетъ свое званіе на предварительномъ слѣдствіи, перечисляетъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей, проживающихъ на Кавказѣ, и утверждаетъ, что, дѣйствуя на этихъ товарищей именемъ автора письма и поработавъ надъ ними, можно сдѣлать изъ нихъ хорошихъ пропагандистовъ. По предъявленіи фотографической карточки лица, назвавшагося буквою В., на Кавказѣ, лицамъ, указаннымъ въ вышеприведенномъ письмѣ, дворянинъ Трофимъ Бульбугъ и помощникъ землемѣра

Авазовъ признали въ этой карточкѣ: первый—своего знакомаго, а второй—своего товарища по школѣ межевщиковъ, дворянина Михаила Чекоидзе, причемъ дополнили, что Чекоидзе, не кончивъ курса въ школѣ межевщиковъ, уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда за-границу. По полученіи этихъ свѣдѣній съ Кавказа обвиняемый Иванъ Джабадари призналъ также это лицо за Чекоидзе, показавъ, что онъ хорошо его знаетъ и въ 1874 г. ѣздилъ вмѣстѣ съ нимъ за-границу. Михаилъ Чекоидзе первоначально отрицалъ справедливость уличающихъ его показаній и только, при заключеніи дознанія, призналъ свое настоящее званіе, заявивъ, что по существу дѣла онъ никакихъ показаній давать не желаетъ. Арестованныя въ домѣ Корсакъ двѣ женщины показали слѣдующее: а) Неизвѣстнаго званія женщина, назвавшаяся сначала буквою А., объяснила, что ее зовутъ Бетя Абрамовна Каминская, что она дочь мелитопольскаго купца. Въ 1874 г. она жила въ Цюрихѣ, затѣмъ въ Бернѣ. За-границей она познакомилась съ Софьей Илларіоновой, съ которой, по возвращеніи изъ-за границы, и жила вмѣстѣ въ Петербургѣ. Здѣсь онѣ условились изучать бытъ русскаго народа, съ какою цѣлью, пріѣхавъ въ Москву, поселились вмѣстѣ въ домѣ Корсакъ, гдѣ и были арестованы. По показанію Каминской, обвиняемыхъ Ивана Джабадари и букву В. Каминская также знала за-границей. б) Обвиняемая Софья Илларіонова, первоначально отказавшаяся объявить свое званіе, а на послѣдующемъ допросѣ объяснившая, что она дворянка Тамбовской губерніи Бардина, показала, что пріѣхала въ Москву съ своимъ знакомымъ, какимъ-то Павловымъ. Этотъ послѣдній скоро уѣхалъ изъ Москвы, а она наняла себѣ квартиру въ д. Корсакъ, куда къ ней пріѣхала жить ея подруга Каминская. Въ преступной пропагандѣ виновной Бардина себя не признала. Джабадари и букву В. она знаетъ по заграничной жизни, но—какъ званіе послѣдняго она не скажетъ. Остальныя лица, арестованныя съ ней вмѣстѣ, ей неизвѣстны и собрались у ней въ квартирѣ для покупки мебели, посуды и старья, которое она желала продать, переѣзжая на новую квартиру. Съ своей стороны, обвиняемыя сестры Любатовичъ, княгиня Циціанова, Александрова и Фигнеръ отрицаютъ показаніе Николая Васильева и Скворцовой, уличающихъ ихъ въ томъ, что они проживали у Васильева въ Сыромятникахъ подъ вымышленными именами. Между тѣмъ, преступная дѣятельность вышеисчисленныхъ обвиняемыхъ, кромѣ обстоятельствъ, уже указанныхъ, вполнѣ доказывается слѣдующими данными, обнаруженными дознаніемъ: 1. По отношенію къ обвиняемымъ Софьѣ Бардиной, Бети Каминской, Ольгѣ Любатовичъ, Вѣрѣ Любатовичъ, княгинѣ Циціановой и Варварѣ Александровой показанія Дарьи Скворцовой и Николая Васильева нашли себѣ полное подтвержденіе въ объясненіяхъ обвиняемаго Семена Агапова, подтвердившаго то обстоятельство, что лица эти проживали въ квартирѣ Васильева, въ Сыромятникахъ, подъ тѣми именами, какъ о томъ показали Скворцова и Васильевъ, причемъ Агаповъ призналъ въ княгинѣ Циціановой ту самую Ѳеклушу, которая приходила нѣсколько разъ и уводила за собой жившаго съ Агаповымъ Лукашевича. Кромѣ того, по предъявленіи Каминской и Бардиной мастеру фабрики Лазаревыхъ въ Москвѣ Ивану Юрсу и служащимъ на той же фабрикѣ Григорію Петрову, Терентію Григорьеву и Павлу Игнатьеву, они признали въ Бардиной работницу, жившую на фабрикѣ подъ именемъ Анны Зайцевой, а въ Каминской женщину, приходившую съ Зайцевой наниматься на фабрику подъ видомъ простыхъ работницъ. При этомъ свидѣтели объяснили, что Бардина, работая на фабрикѣ, ходила по ночамъ въ мужскія спальни и читала рабочимъ книжки. Разъ какъ-то ее засталъ въ спальнѣ Григорій Петровъ и выгналъ съ фабрики, причемъ, на постели рабочихъ Бардиной забыты были: «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», и «Хитрая механика». Книжки эти оста-

лись у рабочихъ, и первая изъ нихъ представлена къ дѣлу, а вторая затерялась. Затѣмъ сторожъ фабрики Носовыхъ Архипъ Барышниковъ, конторщикъ той же фабрики Никита Мухановъ и рабочій Ефимъ Даниловъ признали въ Каминской работницу ихъ фабрики, солдатку Марью Краснову, а Никита Мухановъ, кромѣ того, призналъ въ Ольгѣ Любатовичъ работницу Наталью Волкову. По показаніямъ этихъ лицъ, Каминская ходила къ рабочимъ на мужскую половину, читала «Сказку о четырехъ братьяхъ» и «Чтой-то братцы», а Ефиму Данилову передала «Хитрую механику», которую онъ съ Барышниковымъ сжегъ, увидавъ, что книжка дурная. Проживали эти лица на фабрикахъ по подложнымъ паспортамъ. Дѣло по обвиненію дочери купца Бети Каминской дальнѣйшимъ производствомъ прекращено, такъ какъ она, во время дознанія, впала въ тяжкую душевную болѣзнь. Что касается до обвиняемой Лидіи Фигнеръ, то Дарья Скворцова объяснила, что Лидія Фигнеръ подъ именемъ Дуняши работала на какой-то фабрикѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, въ Москвѣ, гдѣ ее поймали при чтеніи запрещенныхъ книгъ. Дуняша, бросивъ на фабрикѣ свой сундукъ и паспортъ, по которому жила, успѣла съ фабрики скрыться. Въ подтвержденіе показанія Скворцовой дознаніемъ обнаружено, что на Дѣвичьемъ полѣ, на фабрикѣ Гюбнеръ, съ 19 марта до 5 апрѣля 1875 г., проживала какая-то солдатка Авдотья Степанова, замѣченная по своему особенному развитію, и что солдатка эта, оставивъ на фабрикѣ свой сундукъ и паспортъ, куда-то скрылась. По предъявленіи Лидіи Фигнеръ рабочимъ фабрики Гюбнеръ, Григорію Васильеву, Прасковьѣ Федоровой и Ольгѣ Ивановой, эти свидѣтели показали, что Фигнеръ похожа на женщину, называвшуюся Авдотьей, но только послѣдняя ходила не въ городскомъ, а въ крестьянскомъ платьѣ. (Фигнеръ была предъявлена свидѣтелямъ въ городскомъ платьѣ). 2. По отношенію къ обвиняемымъ Ивану Джабадари, Петру Алексѣеву, Пафнутію Николаеву и Филату Егорову дознаніемъ выяснены слѣдующія данныя: а) 24 марта 1875 г., вслѣдствіе заявленія приказчика ткацкой фабрики братьевъ Тюляевыхъ, было обнаружено распространеніе книгъ преступнаго содержанія между рабочими этой фабрики. По произведенному обыску на чердакѣ фабрики найдено 6 экземпляровъ «Хитрой механики», столько же экземпляровъ «Сказки о четырехъ братьяхъ», 5 экземпляровъ «Чтой-то братцы» и по одному экземпляру «Крестьянскіе выборы» и «Исторія французскаго крестьянина». Книги эти, какъ оказалось, принесены на фабрику рабочимъ Афанасіемъ Ермолаевымъ и получены имъ отъ его роднаго племянника крестьянина Филата Егорова, того самаго, который, по показанію Николая Васильева, посѣщалъ Джабадари въ его квартирѣ, въ Сыромятникахъ. Получены были Ермолаевымъ эти книги при такихъ обстоятельствахъ: Филатъ Егоровъ, придя на фабрику Тюляевыхъ передъ масляной недѣлей 1875 г., вызвалъ въ трактиръ Ермолаева и Ефрема Платонова. Въ трактирѣ они нашли Филата Егорова и съ нимъ двухъ незнакомыхъ имъ людей—слесаря Михаила и какого-то Ѳедора. Лица эти угощали ихъ водкой и чаемъ. Черезъ нѣсколько времени тотъ же Егоровъ снова позвалъ ихъ обоихъ въ трактиръ и съ ними еще нѣсколько рабочихъ. Въ этотъ разъ въ трактирѣ былъ только Егоровъ съ Михайлой, и послѣдній, угощая рабочихъ чаемъ, толковалъ имъ про какое-то братство. Послѣ этого Егоровъ приходилъ съ крестьяниномъ Акимомъ Трофимовымъ и, вызовя снова Ермолаева и Платонова въ трактиръ, передалъ каждому изъ нихъ по одному экземпляру «Хитрой механики»! «Сказки о четырехъ братьяхъ» и «Чтой-то братцы». Кромѣ этихъ книгъ Филатъ Егоровъ передалъ Ермолаеву великимъ постомъ цѣлый свертокъ книгъ, совѣтуя читать ихъ самому и давать читать другимъ рабочимъ, что Ермолаевъ и началъ дѣлать. Когда же рабочіе, прочитавъ книги, стали говорить, что книги эти нехороши, онъ,

Ермолаевъ, запряталъ ихъ на чердакъ и болѣе читать никому не давалъ. То же самое подтвердили Платоновъ и Трофимовъ, добавивъ, что, узнавъ о вредномъ направленіи книгъ, они сожгли эти книги. Кромѣ того, Ефремъ Платоновъ заявилъ, что еще въ началѣ 1875 г. въ Москву пріѣхалъ его односелецъ, крестьянинъ Петръ Алексѣевъ, и, придя къ нему съ какимъ-то неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, вызвалъ его въ трактиръ и передалъ «Сказку о четырехъ братьяхъ», совѣтуя ее прочесть. Черезъ нѣсколько времени Петръ Алексѣевъ снова вызвалъ его въ трактиръ, гдѣ познакомилъ его съ личностью, которую онъ называлъ пріѣхавшимъ изъ Петербурга слесаремъ Михайлой. Этотъ послѣдній далъ ему «Хитрую механику» и «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ». Затѣмъ, по показанію рабочаго Филиппа Иванова, тотъ же Петръ Алексѣевъ передалъ и ему, Иванову, «Хитрую механику» и «Емельку Пугачева». Не сознавая преступности содержанія этихъ книгъ, Филиппъ Ивановъ читалъ ихъ рабочимъ вслухъ. Обвиняемый Филатъ Егоровъ былъ разысканъ и задержанъ въ Москвѣ Афанасіемъ Ермолаевымъ и его женой, а Петръ Алексѣевъ, въ ночь производства обыска на фабрикѣ Тимашева, съ фабрики скрылся и былъ задержанъ только въ ночь на 4 апрѣля въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсакъ. По предъявленіи обвиняемаго Ивана Джабадари рабочимъ тюляевской фабрики, онъ былъ признанъ за того самаго Михайла, который угощалъ вмѣстѣ съ Филатомъ Егоровымъ рабочихъ въ трактирѣ чаемъ. б) 28 марта московской полиціи съ фабрики купцовъ Емельянова и Рошфоръ дано было знать, что между рабочими фабрики появились «Хитрая механика» и «Сказка о четырехъ братьяхъ», вышедшія изъ рукъ рабочихъ Власа и Никифора Алексѣевыхъ. Хотя по обыску на фабрикѣ не было найдено книгъ преступнаго содержанія, но Власъ и Никифоръ Алексѣевы показали, что подобныя книги у нихъ были и получили они ихъ отъ своего родного брата Петра Алексѣева. Книги эти они давали читать двумъ рабочимъ, но, узнавъ, что это дурныя книги, немедленно сожгли ихъ. в) Независимо отъ распространенія книгъ на тюляевской фабрикѣ, крестьянинъ Филатъ Егоровъ уличается еще въ передачѣ крестьянину Богородскаго уѣзда, дер. Теренковой, Мирону Александрову Емельянову трехъ книгъ преступнаго содержанія, а именно: «Хитрой механики», «Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и «Чтой-то братцы». Книги эти были привезены въ деревню Теренкову, по показанію Мирона Александрова Емельянова, Филатомъ Егоровымъ, который хвалилъ ихъ ему и совѣтовалъ прочитать. Неоднократный пріѣздъ Филата Егорова въ деревню Теренкову удостовѣренъ показаніями крестьянъ означенной деревни и крестьянина Семена Григорьева Емельянова, съ которымъ Филатъ Егоровъ въ первый разъ пріѣзжалъ въ дер. Теренкову. г) 28 марта 1875 г., въ Москвѣ, на фабрикѣ купца Соколова, у рабочихъ фабрики Осипа Павлова и Тимофея Васильева былъ отобранъ одинъ экземпляръ «Хитрой механики». Спрошенный по этому поводу Осипъ Павловъ показалъ, что 20 марта Тимофей Васильевъ принесъ ему книжку «Чтой-то братцы» и просилъ ее посмотрѣть, какая она, но онъ, Павловъ, за недосугомъ не успѣлъ прочесть книжку, и Васильевъ отдалъ ее назадъ рабочему той фабрики Пафнутію Николаеву, отъ котораго онъ ее и получилъ. Тимофей Васильевъ, вполнѣ подтверждая показаніе Осипа Павлова, добавилъ, что и отобранную у него «Хитрую механику» онъ получилъ отъ того же Пафнутія Николаева, который насильно навязалъ ему эти книги, ибо онѣ ему, Васильеву, какъ человѣку совершенно неграмотному, не были нужны. Показаніе Павлова и Васильева о способѣ пріобрѣтенія ими книгъ преступнаго содержанія нашло себѣ полное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ самый день отобранія у Васильева «Хитрой механики» Пафнутій Николаевъ, бросивъ на фабрикѣ свои вещи, неизвѣстно куда скрылся и былъ задер-

жанъ въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсакъ. Какъ ранѣе было сказано, обвиняемые Иванъ Джабадари, Петръ Алексѣевъ и Пафнутій Николаевъ не сознались въ совершенныхъ ими преступленіяхъ, крестьянинъ же Филатъ Егоровъ, хотя первоначально и отказывался отъ всякаго участія въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, но затѣмъ, будучи уличенъ вышеизложенными обстоятельствами дѣла, объяснилъ, что въ трактирѣ, около фабрики Тюляевыхъ, онъ познакомился съ двумя слесарями—Михайломъ, Василіемъ и еще третьимъ ему неизвѣстнымъ. У этихъ лицъ онъ бывалъ на квартирѣ, иногда ночевалъ и встрѣчалъ у нихъ разныхъ мужчинъ и женщинъ. Въ этой квартирѣ онъ видѣлъ принадлежащій Михайлѣ чемоданъ. Изъ чемодана Михайло доставалъ книги и давалъ Филату Егорову, прося его раздавать ихъ рабочимъ. Въ первый разъ Михайло далъ ему 6 экземпляровъ «Хитрой механики», «Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и «Чтой-то братцы», а во второй разъ, кромѣ тѣхъ же книгъ, еще «Исторію французскаго крестьянина», «Парижскую Коммуну» и «Емельку Пугачева», часть этихъ книгъ онъ распродалъ, а часть у него растащили. Затѣмъ Филатъ Егоровъ призналъ, что рабочимъ тюляевской фабрики, а равно и Мирону Емельянову книги преступнаго содержанія были переданы имъ, Филатомъ Егоровымъ. По предъявленіи Егорову Ивана Джабадари, Егоровъ призналъ въ немъ того Михайла, который снабжалъ его книгами. Изъ обстоятельствъ дѣла, изложенныхъ выше, видно, что изъ числа лицъ, проживавшихъ въ г. Москвѣ, сначала въ квартирѣ крестьянина Николая Васильева въ Сыромятникахъ, а затѣмъ въ домѣ Корсакъ, въ квартирѣ Бардиной, и занимавшихся преступной пропагандой на московскихъ фабрикахъ, отъ дознанія успѣли скрыться пять женщинъ, а именно: Ольга и Вѣра Любатовичъ (Наташа и Вѣра), Лидія Фигнеръ (Дуняша), Варвара Александрова (Саша) и княгиня Александра Циціанова, рожденная Хоржевская (хохлачка Ѳеклуша). Возникшимъ въ августѣ 1875 г., почти одновременно въ Иваново-Вознесенскѣ, Москвѣ, Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, дознаніемъ обнаружено, что женщины эти и послѣ арестовъ, произведенныхъ по дознанію о дворянинѣ Джабадари и другихъ, не оставили свои преступныя затѣи и продолжали заниматься той же пропагандой, которой занимались и ранѣе. Соединившись снова съ нѣсколькими лицами одного съ ними образа мыслей, онѣ снова сплотились въ организованное преступное сообщество, имѣвшее свой уставъ съ достаточно опредѣленными условіями совмѣстной дѣятельности, цѣлями, которыхъ сообщество это стремилось достигнуть, съ кассой и управленіемъ преступнаго сообщества. Потерпѣвъ неудачу на московскихъ фабрикахъ, въ силу несочувствія фабричнаго населенія къ идеямъ, пропагандируемымъ обвиняемыми, а также вслѣдствіе возникшаго о нихъ дознанія, лица, составившія преступное сообщество, организовавши въ Москвѣ управленіе (администрацію), замыслили перенести свою дѣятельность въ гг. Иваново-Вознесенскъ, Одессу, Кіевъ и Тулу, что вполнѣ согласуется съ показаніями Николая Васильева и Дарьи Скворцовой, утверждавшихъ, что послѣ Пасхи 1875 г. пропагандисты, проживавшіе въ д. Корсакъ, хотѣли разъѣхаться по губерніямъ для преступной пропаганды на провинціальныхъ фабрикахъ. Въ вышеуказанныхъ городахъ члены сообщества, имѣя постоянное между собой сношеніе, старались поступать на фабрики и, гдѣ это удавалось, распространяли между рабочими уже исчисленныя выше книги преступнаго содержанія. Что дѣятельность членовъ сообщества, обнаруженная дознаніемъ, возникшимъ въ августѣ 1875 года, есть продолженіе того же дѣла, которое задумано было лицами, арестованными въ домѣ Корсакъ, это доказывается какъ характеромъ самой дѣятельности, пріемами пропаганды, взаимной перепиской членовъ, сношеніями съ арестованными лицами, а так-

же и тѣмъ, что, съ одной стороны, главными лицами и руководителями въ организованномъ сообществѣ являются тѣ пять женщинъ, которыя скрылись изъ дома Корсакъ, а, съ другой стороны, участіемъ въ ивановской общинѣ двухъ лицъ, освобожденныхъ на поруки по доз анію о Джабадари и другихъ. Дознаніемъ доказано, что Лидія Фигнеръ и Варвара Александрова играли главную роль въ обществѣ пропаганд стовъ въ Иваново-Вознесенскѣ, Ольга Любатовичъ въ Одессѣ и Тулѣ, княгиня Циціанова въ Кіевѣ и Вѣра Любатовичъ въ Москвѣ, какъ членъ администраціи сообщества. Агаповъ и Бариновъ были членами ивановской общины. Рядомъ произведенныхъ по сему предмету дознаній обнаружено слѣдующее.

I.

Въ началѣ августа мѣсяца 1875 г. служащій въ г. Иваново-Вознесенскѣ, на фабрикѣ Зубкова, крестьянинъ Александръ Трухинъ отобралъ у рабочаго фабрики Тимофея Бурова книгу подъ заглавіемъ «Сказка о четырехъ братьяхъ». Убѣдившись въ ея вредномъ направленіи, Трухинъ передалъ книгу начальству фабрики, а это послѣднее заявило о томъ мѣстной полиціи. Спрошенный по поводу этой книжки, крестьянинъ Тимофей Буровъ объяснилъ, что онъ получилъ книгу отъ рабочаго фабрики Зубкова, Ивана Петрова, принадлежащаго къ компаніи московскихъ ткачей, поселившихся въ домѣ Кисина. Фабричные прозвали этихъ ткачей «неумѣлыми» на томъ основаніи, что на вопросы: зачѣмъ они пріѣхали въ Иваново-Вознесенскъ изъ Москвы, когда въ Москвѣ своихъ фабрикъ много,— ткачи говорили, что они еще плохо работаютъ, а въ Москвѣ берутъ на фабрики только умѣлыхъ. Полиціей, по указанію Тимофея Бурова, въ д. Кисина произведенъ былъ обыскъ, при которомъ задержаны были три женщины: Топоркова, Елисавета и Екатерина и одинъ мужчина—Семенъ Агаповъ. По заявленію Бурова, не оказалось на лицо еще одной женщины Александры и двухъ мужчинъ: Ивана Петрова и Евтропія Николаева. Послѣдній былъ задержанъ въ то время, когда возвращался домой съ фабрики и, увидавъ у дома полицію, хотѣлъ скрыться. Женщина Александра была арестована на фабрикѣ Зубкова, гдѣ она работала. По заявленію всѣхъ арестованныхъ лицъ, Иванъ Петровъ за нѣсколько дней до обыска уѣхалъ въ Москву. Женщины Елисавета и Александра назвали себя буквами А и Б., а всѣ остальныя лица тѣми именами, подъ которыми они жили и работали на фабрикахъ. По обыску въ домѣ Кисина найдено 245 экземпляровъ книгъ и газетъ преступнаго содержанія, копіи съ рукописи «Экспедиція шефа жандармовъ», разныя письма, документы и 253 р. сер. денегъ. Кромѣ того, у женщины, назвавшейся буквою А., въ кошелькѣ оказались два почтовыхъ листа и одинъ полулистъ, исписанные шифромъ, и какое-то письмо, которое А., скомкавъ въ рукѣ, хотѣла проглотить, но письмо было отобрано и положено на столъ. Въ это время женщина, по имени Александра, схватила снова это письмо и сунула себѣ въ ротъ; когда же жандармы схватили Александру, желая отнять у нея письмо, то Евтропій Николаевъ бросился на одного изъ жандармовъ и сталъ его душить, призывая остальныхъ пропагандистовъ на помощь. Эти послѣдніе, въ свою очередь, напали силой на жандармовъ, но при содѣйствіи всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ при обыскѣ, порядокъ былъ возстановленъ, и письмо у Александры отобрано. Кромѣ того, при обыскѣ отобраны простонародные женскіе костюмы и разныя вещества для вытравленія чернилъ. Затѣмъ, по обыску, на фабрикѣ Лопатина найдены три книги преступнаго содержанія («Исторія одного французскаго крестьянина», «Сказка о четырехъ братьяхъ» и «Чтой-то братцы»). Изъ числа отобранныхъ въ домѣ Кисина писемъ, записокъ и бумагъ, осо-

беннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: 1. Записки, писанныя шифрами, по дешефрированіи ихъ, оказались адресами для сношенія съ разными мѣстностями имперіи, одна изъ нихъ—рецептъ для вывода и уничтоженія чернилъ и красокъ и другая—замѣтка о количествѣ революціонныхъ книгъ и газетъ, отправленныхъ въ г. Иваново-Вознесенскъ, причемъ показанное въ этой замѣткѣ количество отправленныхъ экземпляровъ соотвѣтствуетъ, приблизительно, количеству книгъ и газетъ, найденныхъ въ домѣ Кисина. 2. Письмо отъ 19 іюля 1875 г., адресованное изъ Москвы въ Иваново-Вознесенскъ. Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: «...Новостей много, есть и хорошія, есть и скверныя. Начнемъ съ отцовъ: пріѣхали отцы Михайла и Бетьки (подъ этими именами, какъ ранѣе сказано, извѣстны Иванъ Джабадари и Каминская), ...отыскали тетку (т. е. Бардину), она сидитъ въ городской части... Дѣло Федора (т. е. Чекоидзе) будто бы подвигалось и было готово, только прогнали служителя тюрьмы и сношенія прекратились. Съ юга вообще неутѣшительныя вѣсти. И. А. и Соня на-отрѣзъ отказались остаться въ Одессѣ. Съ ними въ Одессѣ имѣли наши разговоръ и онъ вышелъ изъ нашей организаціи, разошелся съ нами. ... Тульскіе ведутъ себя преступно. Огромное у нихъ знакомство между рабочими—и еще ни одной революціонной книги не читали. Мы думаемъ, что не мѣшало бы туда переселиться Ольгѣ и Ванюшѣ, такъ какъ имъ въ Одессѣ нельзя оставаться... Надя ушла на работу... Если только почему-нибудь Ольгѣ нельзя будетъ уѣхать въ Тулу, то придется отнять человѣка отъ васъ въ виду того, что тамъ огромное знакомство и прелестная почва—нужно только подталкиваніе, и, во-2-хъ, этого Злобина можетъ И. А. перетянуть, тогда Тула ушла у насъ изъ рукъ, а этого нельзя дѣлать. Никакихъ вѣстей ни отъ Саратовца, ни отъ Егора, а о Тулѣ подавно. Θеклуша (т. е. княгиня Циціанова) вышла замужъ за князя Мутрука. О Гамке (т. е. Гамкрелидзе) знаете, Кабарда обвѣнчалась съ Россіей» (свадьба его съ Тумановой). Затѣмъ, въ письмѣ слѣдуетъ разсказъ о нѣсколькихъ мѣстныхъ безпорядкахъ, происшедшихъ, будто-бы, въ разныхъ краяхъ имперіи, частью вымышленныхъ, частью преувеличенныхъ; разсказъ этотъ кончается словами: «Вотъ оно какъ, а прочтите въ добавокъ циркуляръ Палена... какъ труситъ правительство нашихъ революціонеровъ, а ничего подѣлать не можетъ... Платье получите съ Катей... Посылаемъ книги, посылаемъ револьверы съ патронами. Убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте. Одесская община предложила принять въ нашу организацію Санчо (кличка въ общинѣ князя Циціанова)... Московскіе члены организаціи согласны... вообще остановка за вами, а то всѣ согласны». Письмо это писано, по заключенію экспертовъ, рукою обвиняемаго Здановича. 3. Въ письмѣ отъ 19 іюля имѣется приписка отъ 26-го іюля 1875 г. Авторъ приписки, объясняя, почему одинъ изъ ивановскихъ пропагандистовъ долженъ отправиться въ Тулу, между прочимъ, говоритъ: «въ письмѣ Рыжій объясняетъ вамъ положеніе дѣлъ и почему это нужно... Вездѣ недостатокъ людей, а больше всего скопилось въ Ивановѣ-Вознесенскѣ... порѣшили выслать оттуда въ Тулу одну изъ бабъ... Не все только то приходится дѣлать, что пріятно, напр., Рыжему не хотѣлось ѣхать на границу, а, между тѣмъ, онъ поѣхалъ.» Ранѣе авторъ, говоря о сапогахъ (т. е. о фальшивыхъ паспортахъ и видахъ на жительство), которые трудно достаются, продолжаетъ: «Теперь относительно меня вамъ извѣстно, что я согласилась остаться въ администраціи только мѣсяцъ, да и въ программѣ сказано такъ, а сегодня 26 іюля—какъ разъ мѣсяцъ, такъ что я предлагаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ замѣнилъ меня въ этой должности. Работать я, вѣроятно, поѣду въ Кіевъ. Вѣроятно, отъ васъ не потребуется человѣка въ Тулу. Ольга, должно быть, пойдетъ туда. Сношенія съ заклю-

ченными идутъ своимъ чередомъ. Завтра будетъ попытка къ освобожденію Федора (т. е. Чекоидзе).» Приписка отъ 26 іюля писана обвиняемой Вѣрой Любатовичъ. Именно это письмо женщины, арестованныя въ д. Кисина, желали во время обыска уничтожить. 4. Письмо къ Аннѣ безъ числа за подписью: Евгенія. Евгенія, сообщая Аннѣ о своемъ путешествіи и о посѣщеніи ею какой-то соціалистки, говоритъ, что вездѣ, гдѣ она ни была, замѣчался сильный недостатокъ людей. Затѣмъ, предупреждая Анну о принятіи мѣръ къ тому, чтобы не «ухнуть», Евгенія продолжаетъ: «о вашихъ ивановскихъ дѣлахъ я слышала разговоръ вовсе не съ радостнымъ чувствомъ. Вы идете скорыми шагами къ погрому, который останется безслѣднымъ для Ив. и въ то же время ужаснымъ для общаго хода дѣлъ. Вы ведете дѣло болѣе неосторожно, чѣмъ оно велось въ Москвѣ. Что-жъ, ухайте, господа, но помните, что одинъ, два погрома—и мы остались на мели. Вѣра хочетъ уѣхать въ Кіевъ, надо, чтобы кто-нибудь пріѣхалъ ее замѣстить. Рыжаго нѣтъ, въ Москвѣ осталось народу изъ рабочихъ мало... Мой дружескій привѣтъ всѣмъ товарищамъ.» Письмо это, какъ оказалось, написано обвиняемой Евгеніей Субботиной. 5. Письмо, начинающееся словами: «Милая Анюта» и подписаннное «Твой Митрій», заключаетъ въ себѣ изліяніе тоски по поводу разлуки съ любимой женщиной. Между тѣмъ, при разсмотрѣніи этого письма, оказалось, что надъ нѣкоторыми изъ буквъ проставлены цифры, совокупность же всѣхъ цифръ составила письмо, шифрованное по отобранному въ Ивановѣ шифру «Эй Фомичъ.» Въ написанномъ такимъ способомъ письмѣ пропагандисты предупреждались, что попытка къ освобожденію Федора не удалась, что Катька уже давно уѣхала къ нимъ отъ Гамки и предупреждались быть осторожнѣе, ибо къ нимъ направился сыщикъ съ длинной бородой. 6. Черновое и перебѣленное письмо, написанное Александровой и составляющее отвѣтъ на приписку отъ 26 іюля. 7. Что касается до рукописи «Экспедиція шефа жандармовъ», то рукопись эта есть точная копія печатной записки, имѣющей своимъ предметомъ общее изложеніе обстоятельствъ послѣднихъ политическихъ процессовъ и данныхъ, добытыхъ дознаніемъ, производившимся генералъ-лейтенантомъ Слезкинымъ подъ наблюденіемъ прокурора Саратовской Судебной Палаты Жихарева. Въ письмѣ 19 іюля упоминается о посылкѣ этой рукописи, и рукопись называется циркуляромъ графа Палена, причемъ сообщается, что циркуляръ отправленъ за границу для напечатанія его отдѣльной брошюрой съ должными комментаріями. 8. Отобранные у обвиняемыхъ паспорты Евтропія Николаева, Александры Ивановой, Ольги Ивановой и Елисаветы Ушаковой оказались по справкамъ подложными и, очевидно, сфабрикованы самими обвиняемыми, что доказывается уже тѣмъ, что къ двумъ паспортамъ одному Тульской, а другому Тверской губерніи приложена одна и та же печать Новоселовскаго волостнаго правленія. Какъ оказалось, впослѣдствіи, паспорты эти писаны рукою обвиняемаго Здановича. Такимъ образомъ, путемъ одного обыска и содержаніемъ отобранной при немъ переписки вполнѣ разъяснилась цѣль, съ которой арестованныя лица прибыли въ Иваново-Вознесенскъ. Значительная для рабочихъ людей сумма денегъ, найденная по обыску, большое количество преступнаго содержанія книгъ, по характеру и способу изложенія предназначенныя для распространенія въ народѣ, совмѣстное жительство всѣхъ этихъ лицъ и проживательство ихъ по фальшивымъ видамъ—достаточно доказывали, что арестованныя лица принадлежатъ къ числу пропагандистовъ. Кромѣ того, найденная у пропагандистовъ переписка приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что лица, писавшія и получившія письма, принадлежатъ къ одному и тому же противозаконному сообществу, къ составу котораго слѣдуетъ также отнести и лицъ, задержанныхъ въ д. Корсака въ Москвѣ; что

въ порядкѣ дѣйствій пропагандистовъ, въ основѣ и раздѣленіи ихъ труда и дѣятельности лежитъ извѣстная программа, уставъ; что къ тому же сообществу принадлежатъ пропагандисты, живущіе въ Тулѣ, Одессѣ и Кіевѣ; что въ Москвѣ находится администрація этого сообщества, посылающая въ провинціи пропагандистамъ бѣлье, книги, газеты, оружіе, фальшивые паспорты, распоряжающаяся разсылкой по губерніямъ и перемѣщеніемъ изъ губерніи въ губернію лицъ этого сообщества, озабочивающаяся принятіемъ въ сообщество новыхъ членовъ, поддерживающая общія между членами сношенія, а равно и организующая сношенія съ арестованными лицами, содѣйствуя ихъ побѣгамъ. Между тѣмъ, дознаніемъ вполнѣ доказано, что лица, арестованныя въ домѣ Кисина, поступивъ на фабрики, приступили уже на самомъ дѣлѣ къ распространенію среди рабочихъ книгъ преступнаго содержанія. Дознаніе обнаружило слѣдующіе факты: 28 мая 1875 г. въ г. Иваново-Вознесенскъ прибыли изъ Москвы цеховая Анна Топоркова, мѣщанинъ Семенъ Агаповъ и крестьянинъ несуществующаго Ревякинскаго уѣзда Евтропій Николаевъ. Поселившись вмѣстѣ въ домѣ Бурылиной, лица эти стали пріискивать себѣ мѣста на фабрикахъ. При содѣйствіи случайно познакомившагося съ ними крестьянина Косьмы Семенова, Агаповъ поступилъ на фабрику Зубкова, а Евтропій Николаевъ на фабрику Лопатина. Въ концѣ іюня на квартиру къ означеннымъ лицамъ пріѣхалъ крестьянинъ Иванъ Васильевъ и поступилъ также на фабрику Зубкова, гдѣ назвался Иваномъ Петровымъ. Недѣлю спустя, пріѣхали еще двѣ женщины Александра Иванова и Елисавета Ушакова, поступившія на ту же фабрику Зубкова. Вслѣдъ за симъ вся компанія переселилась на новую квартиру, въ д. Кисина, куда за нѣсколько дней до обыска пріѣхала еще крестьянка Ольга Иванова. Всѣ лица, поселившіяся въ домѣ Кисина, старались не отличаться вообще отъ жизни фабричныхъ. Они вмѣстѣ спали, женщины ходили босикомъ, въ простомъ платьѣ, сами себѣ носили воду, принимали у себя рабочихъ и угощали ихъ чаемъ. Плохо зная ткацкое ремесло, пропагандисты, подъ предлогомъ скорѣе ему выучиться, пригласили къ себѣ ткача Михаила Широкова. Черезъ Широкова они познакомились съ фабричными Павломъ Широковымъ, Тимофеемъ Александровымъ и другими. Агаповъ и Иванъ Петровъ, съ своей стороны, приводили къ себѣ фабричныхъ, и когда, такимъ образомъ, около пропагандистовъ составился кружокъ знакомыхъ рабочихъ, ими приступлено было къ распространенію между рабочими книгъ преступнаго содержанія. Такъ, вышеназванныя лица, а равно и рабочіе Василій Лаврентьевъ и Егоръ Борисовъ читали: «Исторію французскаго крестьянина», «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Богъ-то Богъ», «Чтой-то братцы» и газету «Впередъ». Книги эти давались рабочимъ Евтропіемъ Николаевымъ, Семеномъ Агаповымъ и Александрою Ивановой. По удостовѣренію свидѣтелей, подтвердившихъ все вышеизложенное, до пріѣзда пропагандистовъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ подобныхъ книгъ между рабочими не было. Кромѣ того, задержанный въ квартирѣ пропагандистовъ мѣщанинъ Федоръ Жарковскій, нынѣ уже сосланный, объяснилъ, что онъ познакомился съ пропагандистами черезъ Семена Агапова, пригласившаго его къ себѣ. Всѣ жившія вмѣстѣ лица, какъ мужчины, такъ и женщины уговаривали его поступить на полное содержаніе ихъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать пропагандировать въ Петербургъ или Тулу. Въ Тулѣ, какъ говорили они, у нихъ уже былъ пропагандистъ какой-то слесарь. Во время этихъ посѣщеній Анна Топоркова дала ему «Хитрую механику», «Парижскую Коммуну» и 3 номера газеты «Впередъ». Книги и газеты были найдены въ мѣстѣ, указанномъ Жарковскимъ. Затѣмъ обвиняемый мѣщанинъ Семенъ Ивановъ Агаповъ, тотъ самый, который ранѣе сего былъ задержанъ въ домѣ Корсакъ въ Москвѣ, давая сначала уклончивыя показанія-

объяснилъ затѣмъ, что въ Москвѣ, послѣ освобожденія изъ-подъ ареста, онъ познакомился съ Владимі омъ Александровымъ, арестованнымъ въ Ив.-Вознесенскѣ подъ именемъ Евтропія Николаева. Этотъ послѣдній предложилъ Агапову ѣхать на пропаганду въ Кіевъ, Одессу или Иваново-Вознесенскъ. Агаповъ выбралъ послѣдній городъ, куда вмѣстѣ съ Александровымъ и Топорковой и отправился. Познакомившись съ рабочими, они приглашали ихъ къ себѣ, и здѣсь рабочимъ читались книги. Книги эти были привезены Лидіей Фигнеръ и Варварою Алексан ровой, пріѣхавшими въ Иваново подъ именами Елисаветы и Екатерины. Всѣ его сотоварищи уговаривали Агапова быть какъ можно дѣятельнѣе по раздачѣ рабочимъ книгъ, причемъ Александровъ говорилъ ему, Агапову, что отъ преслѣ ованія полиціи всегда легко скрыться у товарищей-пропагандистовъ въ Москвѣ, въ домѣ Эйнбродтъ на Спиридоновкѣ, въ квартирѣ, нанятой на имя Лидіи Фигнеръ. Живя въ Иваново-Вознесенскѣ, онъ отъ своихъ товарищей зналъ, что въ то же время указанныя при дознаніи о Джабадари Θекла (кн. Циціанова) и Ольга (Любатовичъ) занимались преступной пропагандой, первая—въ Кіевѣ, а вторая—въ Одессѣ. Въ Ивановѣ хозяйствомъ завѣдывала Топоркова, деньги же хранились у Лидіи Фигнеръ, и каждый изъ пропагандистовъ обязанъ былъ вносить свои заработки въ общую кассу. Изъ остальныхъ арестованныхъ въ домѣ Кисина лицъ крестьянинъ Евтропій Николаевъ, буквы А. и Б., отказываясь сначала объявить свое званіе, показали затѣмъ 1. Буква А., что она уроженка Казанской губерніи, дворянка Лидія Фигнеръ, пріѣхала въ Иваново-Вознесенскъ единственно съ цѣлью изучить бытъ фабричныхъ и преступной пропагандой не занималась, хотя и признала, что отооранныя при обыскѣ книги принадлежатъ ей. Въ Москвѣ, въ домѣ Эйнбродтъ, она жила въ квартирѣ, переданной ей ея знакомой по жизни за границей Марьей Субботиной. 2. Буква Б., что она дочь почетнаго гражданина Варвара Александрова и въ Иваново-Вознесенскъ пріѣхала съ тою же цѣлью, какъ и Фигнеръ, которой совсѣмъ не знаетъ. 3. Евтропій Николаевъ, что онъ сынъ статскаго совѣтника Владиміръ Петровъ Александровъ, пріѣхалъ въ Иваново изучать бытъ народа, что Топоркову и Лидію Фигнеръ зналъ еще въ Москвѣ. Книги привезены были Фигнеръ и Александровой. Затѣмъ Александровъ, признавая себя, согласно со свидѣтельскими показаніями, виновнымъ въ томъ, что давалъ фабричнымъ рабочимъ читать книги преступнаго содержанія, отъ дальнѣйшаго разъясненія дѣла отказался. 4. Обвиняемая московская цеховая Анна Топоркова, утверждая также, что пріѣздъ ея въ Иваново имѣлъ единственною цѣлью знакомство съ бытомъ фабричныхъ, показала, что никого изъ арестованныхъ лицъ она не знаетъ, и всѣ они случайно поселились на ея квартирѣ. 5. Далѣе, послѣдняя изъ арестованныхъ лицъ первоначально назвала себя бродягой Екатериной Петровой, но затѣмъ, будучи уличена Владиміромъ Александровымъ и справками въ С.-Петербургѣ, признала, что она жена дворянина Екатерина Гамкрелидзе, рожденная Туманова. По показанію Гамкрелидзе, она пріѣхала въ Иваново-Вознесенскъ только для того, чтобы проститься со своей знакомой Лидіей Фигнеръ передъ отъѣздомъ съ мужемъ на Кавказъ. Наконецъ, въ Москвѣ былъ арестованъ и послѣдній изъ ивановскихъ пропагандистовъ, крестьянинъ Иванъ Васильевъ Бариновъ, тотъ самый, который ранѣе сего содержался подъ стражей по дознанію о дворянинѣ Джабадари и др. По предъявленіи Баринова рабочимъ фабрики Зубкова, эти послѣдніе признали Баринова за рабочаго Ивана Петрова, распространявшаго между ними книги преступнаго содержанія. Обвиняемый Бариновъ, отрицая всякое съ своей стороны участіе въ распространеніи книгъ и въ знакомствѣ, за исключеніемъ Агапова, съ лицами, арестованными въ домѣ Кисина, при-

зналъ, однако, что онъ жилъ на фабрикѣ Зубкова рабочимъ, объясняя это тѣмъ, что ему стыдно было жить въ Москвѣ послѣ того, какъ онъ былъ арестованъ по политическому дѣлу.

II.

Изъ переписки, отобранной у арестованныхъ въ Иваново-Вознесенскѣ лицъ, видно, что въ іюлѣ мѣсяцѣ 1875 г. въ г. Тулѣ проживалъ на заводѣ одинъ изъ членовъ преступнаго сообщества, нѣкто Злобинъ, занимаясь преступной пропагандой, что Злобинъ имѣлъ непосредственное сношеніе съ Москвой и другими членами того же сообщества и что пропагандисты настолько дорожили Злобинымъ, что боялись его потерять. Съ другой стороны, та же переписка доказываетъ, что московское управленіе общины считало недостаточнымъ пребываніе въ Тулѣ одного Злобина, а желало образовать въ Тулѣ общину, подобную иваново-вознесенской; для чего предполагалось командировать въ Тулу изъ Одессы Ольгу и Ванюшу, или же взять кого-нибудь изъ ивановской общины. Послѣднее по времени письмо удостовѣряетъ, что въ Тулу направлена именно Ольга. Вслѣдствіе таковыхъ указаній, въ г. Тулѣ былъ арестованъ сынъ коллежскаго ассесора Иванъ Андреевъ Злобинъ, по обыску, у него произведенному, найденъ былъ только списокъ книгъ преступнаго содержанія, но самыхъ книгъ, а равно и ничего предосудительнаго найдено не было. Оказалось, однако, что Злобинъ служилъ до самаго ареста на тульскомъ оружейномъ заводѣ простымъ рабочимъ, и слесаремъ, что со времени появленія Злобина на заводѣ между рабочими появились книги, изъятыя изъ обращенія и запрещенныя, какъ напр., «Мірской учетъ», «Люди прежде и теперь» и «Юровая». Эти книги были предоставлены рабочими начальнику завода, генералъ-лейтенанту Нотбекъ. По показанію 15 человѣкъ мастеровыхъ завода и въ томъ числѣ Гаврилы Алферова, Василія Мансурова и Михаила Милованова, Иванъ Андреевъ Злобинъ разновременно давалъ имъ читать: «Очерки фабричной жизни», «Безоброчный», «У перевоза», «Дѣдушка Егоръ», «Юровая», «О силахъ земли», «Мірской учетъ», «Крестьянскіе выборы» и «Люди прежде и теперь». Книги эти Злобинъ самъ предлагалъ рабочимъ, частью книги были старыя, а частью еще новыя, неразрѣзанныя. Давая книги, Злобинъ требовалъ, чтобы ихъ возвращали ему въ руки. По поводу книгъ онъ заводилъ съ рабочими разговоры и споры и объяснялъ рабочимъ содержаніе книгъ. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Иванъ Андреевъ Злобинъ не призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ какому-либо преступному сообществу и безусловно отрицалъ показанія свидѣтелей, утверждая, что никакихъ книгъ онъ не давалъ рабочимъ тульскаго завода. Между тѣмъ, кромѣ переписки, отобранной въ Иваново-Вознесенскѣ, принадлежность Злобина къ тому же преступному сообществу доказывается показаніями губернскаго секретаря Введенскаго, жившаго съ Злобинымъ, утверждающаго, что Злобина посѣщали Иванъ Семеновъ Фетисовъ, Григорій Зайцевъ, личность похожая на обвиняемаго Кардашева, т. е. всѣ тѣ лица, которыя, какъ будетъ это доказано ниже, безспорно принадлежатъ къ числу членовъ преступнаго сообщества. Затѣмъ, по показанію обвиняемаго Ковалева, объ арестѣ Злобина, подъ именемъ «Ваньки», ему говорила Ольга Любатовичъ, и Ковалеву извѣстно, что Злобинъ принадлежалъ къ компаніи пропагандистовъ. Жившій вмѣстѣ съ Злобинымъ чиновникъ Введенскій представилъ три письма, полученныя имъ для передачи Злобину. Въ одномъ изъ нихъ отъ 26 августа, писанномъ обвиняемымъ Млодецкимъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже, Млодецкій спрашиваетъ о томъ: «пріѣхали ли тѣ, которыхъ вы знаете», и этотъ вопросъ, очевидно, касается

пріѣзда изъ Кіева въ Тулу пропагандистовъ, образовавшихъ тульскую общину. Послѣ ареста и отсылки Злобина въ Москву, 7 сентября 1875 г., къ полиціймейстеру г. Тулы явился солдатскій сынъ Василій Онуфріевъ Ковалевъ и заявилъ, что въ домѣ Кузовлева проживаетъ нѣкая Махоткина, у которой собираются лица, пропагандирующія преступныя идеи среди рабочихъ, и что онъ, Ковалевъ, самъ принадлежитъ къ этому обществу. Вслѣдствіе такого заявленія Ковалева, въ домѣ Кузовлева былъ произведенъ обыскъ, по которому въ квартирѣ дочери губернскаго секретаря Александры Махоткиной были задержаны, кромѣ послѣдней, крестьяне Николай и Иванъ Едуковы, Григорій Зайцевъ и Иванъ Семеновъ Фетисовъ. По обыску въ квартирѣ Махоткиной найдено 12 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія, бѣлье и крестьянское платье, все это было уложено въ особый чемоданъ. Такія же книги найдены были и въ другомъ чемоданѣ, который былъ признанъ Григоріемъ Зайцевымъ за принадлежащій ему. Кромѣ того, у Махоткиной отобрано было запечатанное письмо, спрятанное ею подъ платье. Квартира въ домѣ Кузовлева была нанята Махоткиной вмѣстѣ съ братомъ ея Петромъ, успѣвшимъ во время обыска скрыться вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, называвшимся Герасимомъ Петровымъ. Письмо, отобранное у Махоткиной и ею написанное, было адресовано въ Кіевъ на имя какой-то Гельфманъ для передачи Вѣрѣ Глѣбовой. Письмо это шифровано, а по разборѣ шифра оказалось слѣдующаго содержанія: «Ты переврала адресъ, деньги нельзя получить, пришли имя и адресъ пославшаго, тогда выдадутъ деньги. Василій такъ болтаетъ о томъ: откуда пріѣхалъ, гдѣ бралъ книги, знакомится съ такою сволочью, что не нынче —завтра влопаетъ насъ и разскажетъ все, что знаетъ о насъ. Совѣтую вамъ перемѣнить квартиру. Пиши адресъ». Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Василій Онуфріевъ Ковалевъ показалъ слѣдующее: весною и лѣтомъ 1875 года онъ работалъ въ г. Кіевѣ, на сахарномъ заводѣ. На томъ же заводѣ былъ работникъ по имени Герасимъ Петровъ. Этотъ Петровъ часто носилъ на заводъ книги преступнаго содержанія— «Хитрую механику», «Сказку о 4 братьяхъ», «Сказку о копейкѣ», газету «Работникъ» и давалъ читать какъ ему, Ковалеву, такъ и другимъ рабочимъ. Нѣсколько времени спустя, Петровъ познакомилъ его, Ковалева, съ тѣми лицами, отъ которыхъ Петровъ получалъ упомянутыя книги. Лица эти были: какой-то Иванъ, Марья, Николай Степановъ съ женой, Прохоръ, Михайло, какой-то офицеръ Петръ, который на службу ходилъ въ формѣ, а въ компанію приходилъ въ рабочей блузѣ, Григорій Зайцевъ и акушерка Гельфманъ. Познакомившись съ ними, Ковалевъ узналъ, что они принадлежатъ къ какому-то тайному обществу, желающему возбудить народъ къ бунту, уничтожить правительство, чиновниковъ, дворянъ, баръ, купцовъ и оставить однихъ мужиковъ, подѣливъ между послѣдними всю землю. Убѣждая Ковалева бросить работу на заводѣ, лица эти говорили, что дадутъ ему свою работу и отправятъ его въ Тулу на пропаганду. Когда онъ согласился на это, то ему было объявлено, что онъ поѣдетъ въ Тулу съ Герасимомъ Петровымъ. Изъ Кіева въ Тулу Ковалева съ Петровымъ отправляли Прохоръ, Михайло и какая-то княгиня Марья. Эта княгиня дала Петрову адресъ въ Тулу, по которому надо было узнать, гдѣ имъ можно остановиться. Адресъ этотъ оказался адресомъ квартиры Злобина. Затѣмъ имъ было вручено по 5 р. на дорогу и на билеты до Тулы. При нихъ Прохоръ и Михайло составили фальшивые паспорты и вручили имъ для предъявленія въ Тулѣ. Деньги на дорогу выдавалъ Прохоръ изъ ихъ общественной кассы, которая обыкновенно хранилась у офицера Петра. Пріѣхавъ въ Тулу, Герасимъ Петровъ ходилъ по адресу, данному княгиней Марьей. Не заставъ тамъ никого дома, Петровъ и Ковалевъ пошли къ

оружейному заводу дожидаться, когда рабочіе пойдутъ обѣдать. Въ это время съ завода вышелъ Петръ, котораго Ковалевъ зналъ еще въ Кіевѣ подъ именемъ Ваньки. Петръ, предупредивъ Ковалева о томъ, чтобы онъ не называлъ его Ванькой, привелъ ихъ на квартиру, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ Махоткиной. На той же квартирѣ жили два брата Едуковыхъ, какой-то Гриша и Иванъ Фетисовъ. Марью (такъ называли въ Тулѣ Махоткину) Петръ звалъ сестрой, а про Едуковыхъ говорилъ, что это хорошіе люди, грамотные, сразу узнали всѣ ихъ дѣла, которыя они и поведутъ теперь вмѣстѣ. Къ вечеру того же дня Петръ нашелъ для Герасима Петрова и Ковалева квартиру въ домѣ Куракова. Герасимъ Петровъ вскорѣ уѣхалъ на фабрику въ село Панино, гдѣ находился уже Иванъ Семеновъ Фетисовъ, а Ковалевъ остался на квартирѣ Куракова, которому Петръ заплатилъ деньги впередъ, съ тѣмъ, что если изъ Кіева или Одессы пріѣдутъ еще рабочіе, то съ тѣхъ уже денегъ болѣе не брать. Ковалевъ прожилъ недолго у Куракова и затѣмъ переселился въ домъ Алифановой. До отъѣзда своего Герасимъ Петровъ читалъ рабочимъ, приходившимъ къ Куракову, «Парова машина». Поселившись у Куракова, Ковалевъ говорилъ первому, что присланъ изъ Кіева бунтовать народъ, на что Кураковъ сказалъ, что онъ это знаетъ и что нужно взбунтовать всю Россію. Кураковъ при этомъ говорилъ, что знаетъ Фетисова, хвалилъ его и хвастался, что не выдалъ Фетисова, когда за нимъ приходили жандармы. Все это общество постоянно собиралось въ квартирѣ Махоткиной. Тамъ рабочимъ читались книги. Ковалевъ слышалъ, какъ Едуковы поочередно читали вслухъ «Хитрую механику». По пріѣздѣ Ковалева изъ Кіева, Махоткина говорила ему, что въ Тулѣ погибся на-дняхъ Ванька, котораго арестовали и отправили въ Москву. Въ Тулѣ Махоткина дала Ковалеву «Хитрую механику» и «Сказку о четырехъ братьяхъ» для того, чтобы онъ постарался передать ихъ рабочимъ. Книги эти Ковалевъ отдалъ какимъ-то сапожникамъ; когда же онъ, Ковалевъ, сталъ въ другой разъ просить у Махоткиной книгъ, то Махоткина укоряла его въ томъ, что онъ даетъ книги рабочимъ, не узнавши ихъ сначала хорошенько. Ковалеву извѣстно, что на квартирѣ гдѣ жилъ Злобинъ, былъ какой-то нужный Петру кіевскій адресъ. Послѣ сдѣланнаго Ковалевымъ заявленія полиціи, Кураковъ упрекалъ за это Ковалева, говоря, что это не поможетъ, ибо сколько ни будутъ такого народа забирать—ихъ еще болѣе будетъ, и они добьются того, чего хотятъ. Показаніе Василія Ковалева нашло себѣ полное подтвержденіе въ обстоятельствахъ дѣла, обнаруженныхъ дознаніями, произведенными въ Кіевѣ и Тулѣ. Такъ, по показанію домохозяина г. Тулы, крестьянина Михаила Родіонова, Махоткина вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ прожили у него съ 24 по 30 августа, причемъ Махоткина называлась Марьей и говорила, что пріѣхала въ Тулу изъ Кіева. Съ ними на квартирѣ жили еще два человѣка по словамъ Махоткиной, нахлѣбники. Съ 4 сентября Махоткина переселилась въ домъ Кузовлевыхъ по показанію которыхъ она жила съ братомъ своимъ Петромъ и товарищемъ послѣдняго. Ходила она въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, была постоянно дома, готовила кушанье и ходила за водой; мужчины же уходили на работу. Всѣ они выдавали себя за простыхъ рабочихъ. По показанію обвиняемаго Ивана Александрова Куракова, лѣтомъ 1875 г., у него жилъ Иванъ Семеновъ Фетисовъ около 2-хъ мѣсяцевъ и затѣмъ уѣхалъ на работу въ село Панино. Послѣ Фетисова въ его комнатѣ поселились рабочіе Василій и Герасимъ. Къ Фетисову ходили Николай и Иванъ Едуковы и какой-то Петька, называвшійся братомъ Махоткиной. Кромѣ того жившій въ одно время съ Фетисовымъ въ домѣ Куракова крестьянинъ Павелъ Дороговъ показалъ, что у Куракова нѣсколько дней прожили Григорій Зайцевъ и Петръ. Фетисовъ въ скоромъ времени

уѣхалъ съ Григоріемъ въ село Панино, оставивъ за собою комнату, а Петръ перешелъ къ Махоткиной. У Фетисова, при участіи Куракова, часто собирались рабочіе человѣкъ по 5-ти, въ томъ числѣ Петька, Гришка, Герасимъ Петровъ, и подолгу за чаемъ шумѣли и говорили о трудной жизни рабочихъ. Дороговъ слышалъ разъ, какъ Герасимъ Петровъ въ этой компаніи читалъ книгу на малороссійскомъ языкѣ. Эта компанія считала Фетисова за адвоката изъ старшихъ. Фетисовъ уговаривалъ и Дорогова пристать къ ихъ компаніи, но Дороговъ, услыхавъ разъ отъ Фетисова замѣчаніе о томъ, что «иконы—деревяшки», прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. Какое значеніе для пропагандистовъ имѣла квартира Куракова, видно изъ того, что бѣжавшій, во время обыска у Махоткиной, обвиняемый Герасимъ Петровъ цѣлый день скрывался у Куракова, что удостовѣрено показаніемъ свидѣтельницы Елисаветы Григорьевой. Затѣмъ хозяйка послѣдней квартиры Ковалева, Алифанова, и жилецъ ея Дмитрій Матвѣевъ объяснили, что Ковалевъ мало бывалъ дома. На разспросы, куда онъ ходитъ, Ковалевъ отвѣчалъ, что на Павшинскую улицу, гдѣ у него живутъ товарищи, и хвалился, что у нихъ есть хорошія книги. Матвѣевъ, прочитавъ принесенную ему Ковалевымъ «Сказку о четырехъ братьяхъ», бросилъ ее и сказалъ, что на эту книгу стоитъ наплевать. По поводу этой книги Ковалевъ завязалъ споръ съ Матвѣевымъ, доказывая, что Бога и св. мощей нѣтъ. При этомъ Ковалевъ говорилъ, что всѣ они, пріѣхавшіе въ Тулу, принадлежатъ къ одному тайному обществу, которое не признаетъ царя и разсылаетъ своихъ людей въ разныя мѣста бунтовать народъ. Когда это общество, по словамъ Ковалева, «настанетъ», и бунтъ удастся, то никто податей платить не будетъ, земля раздѣлится поровну между всѣми, и вмѣсто царя будетъ выборный отъ народа. Съ цѣлью бунтовать народъ прислана въ Тулу и ихъ компанія. Про Марью Ковалевъ говорилъ, что она барышня богатая, но зовется просто «Машкой», ибо между ними это такъ принято. На всѣ доводы Ковалева, Матвѣевъ доказывалъ ему, что всѣ эти разсказни пустяки, что ничего подобнаго въ Россіи произойти не можетъ, и совѣтовалъ ему бросить глупости, заниматься дѣломъ, а о своихъ преступныхъ товарищахъ довести до свѣдѣнія полиціи, что Ковалевъ, послѣ нѣкотораго колебанія, и сдѣлалъ. Кураковъ, дѣйствительно, при свидѣтелѣ упрекалъ Ковалева за сдѣланное имъ заявленіе полиціи и упрекалъ его именно въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ о томъ показалъ Ковалевъ. Свѣдѣнія такого же рода получены были отъ свидѣтеля, допрошеннаго въ городѣ Воронежѣ, куда 2 сентября пріѣзжалъ за своими вещами обвиняемый Николай Едуковъ. По показанію Щукина, Николай Едуковъ, разсказывая о своей тульской жизни, говорилъ: жизнь наша хорошая, хозяйка, у которой мы живемъ, бѣдовая, богатая, читаетъ намъ книги—все запрещенныя, противоправительственныя; получаетъ она жалованье отъ тайнаго общества, которому служитъ. Въ виду изложенныхъ выше данныхъ, доказывающихъ, что Иванъ Фетисовъ съ Григоріемъ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ ѣздилъ на работу въ село Панино, произведено было дознаніе объ ихъ пребываніи въ этомъ селѣ, и по дознанію оказалось, что Иванъ Фетисовъ съ Григоріемъ Зайцевымъ поступили на заводъ въ село Панино 22 августа, а Герасимъ Петровъ—3 сентября, и что затѣмъ всѣ трое 7 сентября оставили заводъ. По показанію рабочихъ панинскаго завода: Михаила Шильникова, Андрея Оськина и Михаила Кукина,—Фетисовъ, Зайцевъ и Петровъ жили съ ними на одной квартирѣ. Всѣ трое выдавали себя за родственниковъ, были между собою очень дружны и о чемъ-то часто шушукались. У нихъ былъ одинъ общій сакъ-вояжъ и, какъ свидѣтели полагаютъ, въ немъ были книги. Заключаютъ они это изъ того, что разъ какъ-то Фетисовъ поругался съ Зайцевымъ за то, что послѣдній требовалъ у Фетисова книгъ для раздачи ра-

бочимъ, а Фетисовъ говорилъ, что этого нельзя сдѣлать, впрочемъ, свидѣтель Кукинъ самъ видѣлъ у нихъ «Очерки фабричной жизни», «Дѣдушка Егоръ». Разъ какъ-то Фетисовъ разсказывалъ вслухъ «Сказку о четырехъ братьяхъ». Фетисовъ держалъ строго Зайцева и Петрова и однажды отобралъ у нихъ какое-то письмо, которое они куда-то хотѣли отправить. Всѣ трое часто въ разговорахъ вспоминали о какомъ-то Петрушкѣ и Марьѣ. По справкамъ оказалось, что Петька, выдававшій себя за брата Махоткиной, проживалъ въ Тулѣ по паспорту крестьянина Петра Сидоренко, и какъ его паспортъ, такъ и паспорты Зайцева и Ковалева, оказались фальшивыми и написанными обвиняемыми по кіевскому дознанію Григоріемъ Александровымъ и Млодецкимъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Это обстоятельство снова подтверждаетъ заявленіе Ковалева о фабрикаціи въ Кіевѣ подложныхъ паспортовъ. Доказательствомъ тому, что Александра Махоткина, она же Марья, проживала въ Кіевѣ, несмотря на полное съ ея стороны отрицаніе этого обстоятельства, служатъ наведенныя въ Кіевѣ справки, изъ которыхъ видно, что Махоткина прожила въ Кіевѣ, въ «Грандъ-Отель» съ 13 по 17 мая 1875 г. и въ гостиницѣ «Россія» съ 7 по 9 августа; конторщикъ послѣдней изъ нихъ призналъ въ Махоткиной именно то лицо, которое подъ этимъ именемъ останавливалось въ гостиницѣ. На свидѣтельствѣ костромского полицейскаго управленія на имя Махоткиной имѣются явки этого свидѣтельства въ полиціи г. Кіева 13 мая и 7 августа; затѣмъ съ 14 по 20 августа Александра Махоткина, а по показанію свидѣтелей Голубева и Горшкова, именно то лицо, которое арестовано въ Тулѣ, проживала въ Москвѣ въ 171 номерѣ гостиницы Попова и 20 августа выбыла изъ гостиницы вмѣстѣ съ Зайцевымъ и другимъ лицомъ, называвшимся ея братомъ. Съ другой стороны, изъ показанія дворянки Елисаветы Хоржевской видно, что она лѣтомъ 1875 г. познакомилась въ Одессѣ съ дѣвицей, называвшейся Ольгой. Ольга пріѣхала къ ней, какъ знакомая сестры ея Александры Хоржевской (княгини Циціановой). Въ августѣ мѣсяцѣ съ разрѣшенія своего отца Елисавета Хоржевская поѣхала въ Петербургъ для поступленія въ родовспомогательное заведеніе, Ольга же предложила проводить ее до Москвы. Въ Кіевѣ онѣ остановились по приглашенію Ольги у Гельфманъ. Ольга уѣхала въ Москву и просила Хоржевскую заѣхать къ ней и привезти съ собой для Ольги два крестьянскихъ сарафана, сказавъ, что она остановится въ гостиницѣ Кокорева подъ именемъ Махоткиной. Хоржевская, осмотрѣвъ Кіевъ, поѣхала въ Москву, но Ольги уже не застала, ей сказали, что она уѣхала съ двумя какими-то молодыми людьми. Узнавъ, что она опоздала для поступленія въ заведеніе, Хоржевская вернулась и заѣхала въ Кіевъ, гдѣ въ это время была ея сестра. Два сарафана, найденные у нея, принадлежатъ Ольгѣ. Все вышеизложенное, несомнѣнно, указывало на то, что личность, именующаяся Александрою Махоткиною, проживаетъ по виду ей не принадлежащему; вслѣдствіе чего были приняты мѣры отыскать Александру Махоткину, которая и была найдена въ г. Твери, гдѣ состоитъ акушеркой при земской больницѣ. По предъявленіи акушеркѣ Махоткиной свидѣтельства костромского полицейскаго управленія, Махоткина признала его за принадлежащее ей и ею утраченное гдѣ-то, еще въ сентябрѣ 1874 г. Въ фотографической карточкѣ Марья Махоткина признала одну изъ тѣхъ дѣвицъ, съ которыми она слушала курсъ акушерства въ Петербургѣ, въ Калинкинской больницѣ. По предъявленіи женщины, арестованной въ Тулѣ, коллежскому ассесору Любатовичъ и его женѣ, они признали въ ней: первый—свою родную дочь, а вторая—падчерицу Ольгу Любатовичъ. Привлеченная къ дознанію дочь коллежскаго ассесора Ольга Спиридонова Любатовичъ, выдавая себя за Махоткину до того времени, пока не была признана своимъ отцомъ и мачехой, сначала

утверждала, что жила въ Одессѣ и Кіевѣ и пріѣхала въ Тулу къ своему брату Петру, съ которымъ и поселилась; затѣмъ, отказавшись отъ того, что она проживала въ Кіевѣ, уклонилась дать разъясненіе о цѣли, съ которой она пріѣхала въ Тулу, а равно и отказалась отъ всякаго знакомства съ кѣмъ-либо изъ лицъ, привлеченныхъ къ дознанію. При дальнѣйшемъ развитіи дознанія Ольга Любатовичъ, въ виду собранныхъ противъ нея уликъ, нѣсколько измѣнила свои показанія и объяснила, что Петръ Сидоренко ей не братъ, а называли его такъ, ибо ей, какъ дѣвушкѣ, неудобно было жить съ лицомъ ей постороннимъ. Съ Сидоренко она знакома была 2 мѣсяца въ Кіевѣ и затѣмъ, когда онъ уѣхалъ въ Тулу на работу, то пригласилъ ее письмомъ пріѣхать въ Тулу для того, чтобы вмѣстѣ держать квартиру и нахлѣбниковъ. Поселившись въ Тулѣ, она познакомилась съ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ, какъ знакомыми Сидоренко. Вещи и книги, найденныя въ ея квартирѣ, принадлежатъ ей и Сидоренко. Объ отобранномъ у ней видѣ на жительство на имя Махоткиной Любатовичъ показала, что нашла его случайно въ вагонѣ желѣзной дороги. Затѣмъ, назвавшійся при арестѣ крестьяниномъ Григоріемъ Петровымъ Зайцевымъ объявилъ, что онъ дворянинъ Кіевской губерніи Григорій Петровъ Сидорацкій. Выйдя изъ кіевской военной гимназіи, въ мартѣ 1875 года, съ цѣлью уйти отъ родителей, заняться слесарнымъ ремесломъ и самому зарабатывать хлѣбъ, онъ добылъ отъ знакомаго ему Михайлы паспортъ на имя Зайцева и съ нимъ пріѣхалъ въ Тулу. Михайло, выдавая ему паспортъ, говорилъ, чтобы съ нимъ быть осторожнѣе и предлагалъ ему, Сидорацкому, денегъ на дорогу, но онъ отъ этого отказался. Пріѣхавъ въ Тулу 7 сентября, Сидорацкій въ трактирѣ познакомился съ Ковалевымъ, который привелъ его къ женщинѣ Марьѣ, гдѣ онъ и былъ въ тотъ же день арестованъ. Какъ попали къ нему въ сакъ-вояжъ книги, онъ не знаетъ, и онѣ ему не принадлежатъ. Обвиняемый крестьянинъ Иванъ Семеновъ Фетисовъ объяснилъ сначала, что онъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1875 г., уѣхалъ съ родины на заработки. Въ Тулѣ, въ вокзалѣ, онъ случайно познакомился съ Иваномъ Едуковымъ, съ которымъ зашелъ въ трактиръ. Изъ трактира Фетисовъ пошелъ искать себѣ квартиру и, случайно, попалъ въ ту квартиру, гдѣ производился обыскъ, и его задержали. Уличенный наведенными справками въ томъ, что онъ ушелъ съ родины въ 1870 году, жилъ сначала въ Петербургѣ, гдѣ былъ знакомъ съ арестованнымъ по этому же дѣлу Злобинымъ, и что еще 13 мая 1875 г. онъ поступилъ слесаремъ въ тульскую паровозную мастерскую, Иванъ Фетисовъ, признавъ эти факты, показалъ, что въ концѣ августа онъ жилъ на панинскомъ сахарномъ заводѣ, гдѣ будто бы познакомился съ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ, въ квартиру же Махоткиной пришелъ потому, что знакомъ съ Едуковымъ по паровозной мастерской. Отъ всякаго участія въ пропагандѣ Фетисовъ отказался. Затѣмъ, обвиняемые крестьяне Иванъ и Николай Ивановы Едуковы показали, что они, около Пасхи 1875 г., перешли на работу изъ Воронежа въ Тулу, такъ какъ въ Воронежѣ уменьшили заработную плату. Въ мастерской въ Тулѣ они познакомились съ какимъ-то Петромъ Махоткинымъ, который и пригласилъ ихъ къ знакомой Махоткину женщинѣ Марьѣ въ нахлѣбники. 2 сентября Николай Едуковъ уѣхалъ въ Воронежъ за своими вещами и вернулся только 7 сентября, въ день ареста. Ковалева и Зайцева они совсѣмъ не знаютъ. Бывали ли у Махоткина сборища—тоже не знаютъ, въ пропагандѣ не участвовали и никакихъ преступныхъ разговоровъ въ квартирѣ Махоткина не слыхали. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, по показаніямъ Ковалева, Матвѣева и Григорьевой, мѣщанинъ Иванъ Кураковъ не призналъ себя виновнымъ ни въ томъ, что принадлежалъ къ сообществу пропагандистовъ, ни въ томъ, что зналъ о существо-

ваніи лицъ, занимающихся преступной пропагандой. Несмотря на принятыя мѣры, лица, называвшіяся Петромъ Сидоренко и Герасимомъ Петровымъ, разысканы не были.

III.

Изъ переписки, отобранной у обвиняемыхъ въ Иваново-Вознесенскѣ, видно, что лица, проживавшія въ Москвѣ и въ Иваново-Вознесенскѣ, принадлежащія къ одному и тому же преступному сообществу, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ членами общины, живущими въ Кіевѣ. По показанію обвиняемаго Семена Агапова, ему извѣстно было, что хохлачка Ѳеклуша (Александра Хоржевская, она же княгиня Циціанова) занималась преступной пропагандой въ Кіевѣ въ то время, когда Агаповъ съ другими обвиняемыми жилъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. По обыску въ Тулѣ у обвиняемой Ольги Любатовичъ было отобрано письмо, приготовленное ею къ отправкѣ въ Кіевъ на имя акушерки Гельфманъ. По указанію Ковалева, въ Кіевѣ дѣйствительно существовалъ кружокъ людей, поставившихъ себѣ задачей не только распространеніе книгъ преступнаго содержанія, но и пріобрѣтавшихъ новыхъ членовъ для своей общины, разсылая ихъ по другимъ губерніямъ. Какъ на членовъ такого кружка, Ковалевъ указалъ на княгиню Марью, офицера Петра, у котораго хранилась касса общины, Прохора, Михайла и Герасима Петрова. Эти лица, какъ утверждаетъ Ковалевъ, уговаривали его ѣхать для пропаганды въ Тулу и снабдили его и Герасима Петрова деньгами на проѣздъ, адресами въ Тулу и фальшивыми паспортами. Личность, назвавшаяся Михайломъ, снабдила фальшивымъ паспортомъ и обвиняемаго Сидорацкаго. Въ силу таковыхъ обстоятельствъ дѣла, у акушерки Гельфманъ, въ г. Кіевѣ, былъ произведенъ обыскъ, но ничего предосудительнаго у Гельфманъ найдено не было. Въ числѣ книгъ, принадлежащихъ Гельфманъ, найдена книжка изъ библіотеки Донцова на имя Глѣбовой. При обыскѣ Гельфманъ отказалась отъ знакомства съ Глѣбовой. Между тѣмъ, показаніями квартирной хозяйки, у которой жила Гельфманъ, Марины Казимировой и дочери ея Александры, было обнаружено, что у Гельфманъ ежедневно собирается очень много молодыхъ людей и женщинъ, и что Гельфманъ ведетъ значительную переписку. Вслѣдствіе этого за квартирой Гельфманъ былъ учрежденъ надзоръ, и въ этой квартирѣ въ самый день обыска были задержаны: неизвѣстнаго званія человѣкъ, отказавшійся назвать себя, мужчина, назвавшійся Михаиломъ Степановымъ Петровымъ, и женщина Марья Горощенкова. Затѣмъ, послѣ ареста Гельфманъ, на ея имя, для передачи Вѣрѣ Григорьевнѣ, были получены два письма. Одно изъ Москвы отъ 10 сентября такого содержанія: «Жду съ нетерпѣніемъ кого-нибудь къ себѣ на подмогу. Напишите отъ себя Рыжему, чтобы онъ непремѣнно пріѣзжалъ, измѣнивъ предварительно свой наружный видъ и принявъ къ свѣдѣнію, что по прежнимъ мѣстамъ жительства ходить не надо, on le cherche.... Черезъ нѣкоторое время я вамъ сообщу квартиру, на которую можно будетъ являться. Пиши сейчасъ, по полученіи сего письма, получила ли деньги сполна на адресъ Минье. Мутруку напиши тоже, чтобы пріѣхалъ, но только не на этотъ адресъ, а зашелъ бы къ Минье, гдѣ узнаетъ мой адресъ. Была вчера у Ольги, она, слава Богу, жива и здорова, Волченокъ шлетъ поклонъ. Прощай, напиши одесскій адресъ немедленно. Je suis seule. Пусть извѣстятъ Эсельяни, чтобы онъ остерегался всего дурнаго». Письмо это частью было зашифровано. Другое письмо, полученное на имя Вѣры Григорьевны, было адресовано изъ Орла и къ нему приложено 300 руб. денегъ. Письмо такого содержанія: «Посылаю Вамъ триста руб., а Вы перешлите тому, кому слѣдуетъ». Подписано

«Воейкова». Кромѣ того, къ дѣлу была вытребована депеша, посланная въ Кіевъ изъ Одессы отъ имени Аристаховой, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. Депеша эта слѣдующаго содержанія: «Кіевъ. Большая Васильевская, домъ Ткаченко, Гельфманъ. Вѣра, не присылай сюда ни одного письма, я уѣзжаю, скоро вышлю свой адресъ». По заключенію экспертовъ, какъ оба приведенныя выше письма, такъ и депеша писаны Надеждой Субботиной, принадлежность которой къ московской общинѣ доказывается обстоятельствами дѣла, ниже изложенными. Сопоставивъ эти письма и депешу Надежды Субботиной съ обстоятельствами дѣла, обнаруженными дознаніями въ Тулѣ и Ивановѣ-Вознесенскѣ, получится полное доказательство того, что лица, составлявшія кіевскую общину, принадлежатъ къ одному сообществу съ общинами ивановской и тульской, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполнѣ опредѣлится характеръ квартиры акушерки Гельфманъ, какъ мѣста, гдѣ сосредоточивались взаимныя сношенія другихъ общинъ съ общиною кіевскою. Допрошенная по обстоятельствамъ дѣла, мозырская мѣщанка Геся Мироновна Гельфманъ показала, что она окончила курсъ акушерства въ 1874 году, жила одна и никого въ Кіевѣ знакомыхъ не имѣетъ, а равно не знаетъ тѣхъ лицъ, которыя были арестованы въ ея квартирѣ. Затѣмъ, при дальнѣйшихъ допросахъ Гельфманъ измѣнила свое показаніе и объяснила, что подъ именемъ Вѣры Григорьевны она знала какую то молодую женщину, съ которой познакомилась въ ботаническомъ саду, въ августѣ мѣсяцѣ 1875 г. Уѣзжая изъ Кіева, Вѣра Григорьевна взяла ея адресъ съ цѣлью переписываться, и этимъ только Гельфманъ объясняетъ полученіе ею писемъ на имя Вѣры Григорьевны. По предъявленіи трехъ лицъ, задержанныхъ въ квартирѣ Гельфманъ, обвиняемому Ковалеву, этотъ послѣдній призналъ въ нихъ именно тѣхъ лицъ, о которыхъ онъ заявлялъ въ Тулѣ. Такъ, неизвѣстнаго человѣка Ковалевъ призналъ за Прохора, Михаила Петрова за Михайла и Марью Горошенкову за княгиню Марію. Назвавшійся Михаиломъ Петровымъ на первомъ допросѣ показалъ, что онъ крестьянинъ Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда, дер. Ивановки, и живетъ въ Кіевѣ съ своей беременной сестрой Натальей, которой понадобилась помощь акушерки, вслѣдствіе чего онъ пришелъ къ Гельфманъ, гдѣ и былъ задержанъ. На другой день послѣ ареста, Михаилу Петрову было предложено указать его квартиру, и онъ привелъ въ домъ Котикова. По осмотру означенной квартиры, живущихъ въ ней не оказалось, а найдено было много изорванной бумаги. По показанію хозяина дома Котикова, Петровъ жилъ съ какимъ-то товарищемъ и беременной женщиной, которая въ день ареста Петрова ночью съ квартиры неизвѣстно куда скрылась. Между тѣмъ, дознано было, что передъ переѣздомъ въ домъ Котикова Михаилъ Петровъ съ своимъ товарищемъ проживалъ съ 15 іюля до 19 августа въ квартирѣ Анны Продьминой, а конецъ августа вмѣстѣ съ тѣмъ же товарищемъ и еще съ какой-то женщиной въ домѣ Вѣтровой. Михаилъ Петровъ, неизвѣстный человѣкъ и Марья Горощенкова были признаны указанными выше лицами за тѣхъ, которые жили въ квартирѣ Продьминой и въ домѣ Вѣтрова, причемъ неизвѣстный человѣкъ назывался Прохоромъ. По показанію свидѣтельницы Анны Продьминой у Петрова и Прохора каждый вечеръ бывали сборища, на которыхъ всѣ говорили тихо, и двери въ комнаты всегда запирали. Въ предъявленныхъ Продьминой Ковалевѣ и обвиняемыхъ Григоріи Александровѣ, Продьмина признала лицъ, посѣщавшихъ Петрова и Прохора. Съ другой стороны, хозяйка дома Вѣтрова и сосѣдка по ея дому, мѣщанка Богданова, признали въ Горощенковой женщину, нанимавшую домъ Вѣтровой и жившей у нихъ съ Петровымъ и Прохоромъ. По показанію свидѣтельницъ, всѣ эти лица прожили въ домѣ Вѣтровой одну недѣлю. Съѣхали они внезапно потому, что изъ

лицъ, посѣщавшихъ жильцовъ, Вѣтрова узнала свою знакомую акушерку Елисѣеву. Елисѣева была въ это время беременна. Вслѣдъ за симъ было обнаружено, что личность, назвавшаяся Михаиломъ Петровымъ, часто посѣщала отставного штабсъ-капитана Подгородецкаго, застрѣлившагося 5-го октября, ранѣе возбужденія настоящаго дѣла. Кіевская мѣщанка Марья Драгунова, жившая одно время съ Подгородецкимъ, а затѣмъ постоянно его посѣщавшая, признала въ Петровѣ и Прохорѣ лицъ, часто бывавшихъ у Подгородецкаго. Подгородецкій говорилъ свидѣтельницѣ, что эти лица—студенты, и что черезъ нихъ онъ познакомился съ какимъ-то господиномъ «рыжей бородой» и многими другими, что онъ, Подгородецкій, этому знакомству очень не радъ, да дѣлать нечего, когда познакомять. Студенты приносили Подгородецкому читать книги: «Богъ то Богъ, да самъ не будь плохъ», «Сказку о копѣйкѣ», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и др. Подгородецкій получалъ письма на имя Петрова и передавалъ ихъ Петрову при его посѣщеніяхъ. Вслѣдствіе указанія Драгуновой на то, что оба арестованныя въ квартирѣ Гельфманъ лица—студенты, было обнаружено ихъ званіе, и оказалось, что оба они бывшіе студенты Петровской Земледѣльческой Академіи. Изъ нихъ Михаилъ Петровъ, проживавшій по паспорту крестьянина Калужской губерніи, Жиздринскаго уѣзда, Троицкой волости,—отставной подпоручикъ артиллеріи Михаилъ Воронковъ, а второй, извѣстный подъ именемъ Прохора, дворянинъ Мартынъ Александровъ Млодецкій. Затѣмъ, назвавшійся Михаиломъ Петровымъ, признавая свое званіе, объяснилъ, что выйдя въ 1873 г. въ отставку, онъ поступилъ въ Петровскую Академію, откуда вышелъ, не окончивъ курса въ 1874 году. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни и въ то же время желая изучить бытъ рабочихъ, Воронковъ досталъ себѣ за три рубля фальшивый паспортъ, съ которымъ и проживалъ въ Кіевѣ, работая на желѣзной дорогѣ и въ мастерскихъ. На работѣ онъ познакомился съ Мартыномъ Млодецкимъ и поселился съ нимъ и знакомой Млодецкаго Натальей Егоровой. Кто такой Млодецкій и Егорова, онъ, Воронковъ, не скажетъ. Съ Млодецкимъ бывалъ у Подгородецкаго и давалъ ему читать книги, дозволенныя цензурой. Воронковъ получалъ отъ своего брата письма черезъ Подгородецкаго. Съ своей стороны, дворянинъ Мартынъ Млодецкій показалъ, что живетъ въ Кіевѣ съ лѣта 1875 г., ранѣе сего пріѣзжалъ въ Кіевъ нѣсколько разъ и разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ, но, гдѣ именно и у кого въ Кіевѣ останавливался, не скажетъ. Гельфманъ знаетъ и бывалъ, какъ у знакомой. Адресъ Гельфманъ онъ, Млодецкій, получилъ отъ кого-то въ Москвѣ. Съ Михаиломъ (Воронковымъ) онъ жилъ, Наталья же Егорова жила не съ нимъ, Млодецкимъ, а съ Михаиломъ. Знаетъ Млодецкій и офицера Петра, живущаго на полигонѣ. Познакомился съ нимъ черезъ Гельфманъ и, по порученію Марьи, ходилъ къ офицеру Петру за полученіемъ 100 руб. денегъ. За этими деньгами Млодецкій ходилъ, зная, что Петръ обязанъ былъ ихъ дать. Въ преступной пропагандѣ и въ принадлежности къ революціонному сообществу Млодецкій виновнымъ себя не призналъ, добавивъ, однако, что, можетъ быть, о существованіи такого общества и слыхалъ. По предъявленіи Млодецкому письма отъ 26-го августа, присланнаго въ Тулу обвиняемому Злобину, Млодецкій призналъ, что таковое писано имъ, но дать по этому поводу какое-либо разъясненіе отказался. Задержанная 9-го сентября въ квартирѣ Гельфманъ женщина, назвавшаяся Марьей Горощенковой, показала, что она дочь инженера, Александра Сергѣева Хоржевская. Отецъ ея живетъ въ Одессѣ, а она пріѣхала въ Кіевъ недавно, безъ особенной цѣли, только потому, что Кіевъ ей очень нравится. Въ Кіевѣ она знаетъ одну Гельфманъ, но гдѣ съ нею познакомилась—не помнитъ. По обыску у Хоржевской найдена записная

книжка, телеграфная квитанція, а въ узлѣ мужская рубашка и грязная мужская блуза. О записной книжкѣ и квитанціи Хоржевская показала, что нашла ихъ на улицѣ, а о грязномъ бѣльѣ объяснила, что получила его отъ Гельфманъ. Виновной въ принадлежности къ преступному сообществу и распространеніи книгъ Хоржевская себя не признала, а равно и отказалась отъ совмѣстнаго съ Млодецкимъ и Воронковымъ проживательства въ домѣ Вѣтровой. Между тѣмъ, дознаніемъ обнаружено, что Александра Хоржевская, это та самая личность, которая вышла замужъ за дворянина Кикодзе, выдавая его за князя Циціанова, о чемъ будетъ сказано ниже, и жила въ Сыромятникахъ у Скворцовой подъ именемъ хохлачки Ѳеклуши. Затѣмъ, по показанію свидѣтеля Михаила и Матрены Пахилевичей, Харжевская въ августѣ 1875 г. вмѣстѣ съ Ковалевымъ, подъ видомъ простой крестьянской дѣвушки, приходила къ нимъ нанимать квартиру. По осмотру записной книжки, найденной при Хоржевской, въ ней замѣчены адресы, записанные шифромъ, въ числѣ ихъ тульскій адресъ «Ива—у С—м—нову Криво—огов. ул. домъ Куракова», т. е., очевидно, адресъ Ивана Семенова Фетисова, а сношеніе кіевскаго кружка съ Фетисовымъ еще ранѣе было удостовѣрено въ Тулѣ показаніями Ковалева. Сношенія Хоржевской съ обвиняемымъ Здановичемъ, членомъ московской администраціи, доказываются тѣмъ, что шифръ «бродяжникъ», «грѣховодникъ», найденный у Здановича, какъ это удостовѣрено экспертами, писанъ рукою Хоржевской (княгиней Циціановой). Кромѣ того, въ 20 числахъ августа мѣсяца въ Москвѣ было получено изъ Кіева письмо, адресованное на имя обвиняемой по московскому дознанію Елены Медвѣдевой. Въ этомъ письмѣ, несомнѣнно написанномъ Хоржевской, эта послѣдняя проситъ увѣдомить скорѣе о новомъ адресѣ квартиры въ Москвѣ, въ которой могли бы остановиться рабочіе и интеллигентные, имѣющіе пріѣхать изъ Кіева. Письмо это было зашифровано. Въ виду показанія Василія Ковалева и Мартына Млодецкаго, были приняты мѣры къ отысканію личности, извѣстной подъ именемъ офицера Петра, живущаго на полигонѣ. Личность эта была разыскана, и офицеръ Петръ оказался техническимъ мастеромъ 1 разряда кіевскаго полигона, Григоріемъ Александровымъ Александровымъ. По произведенному у Александрова обыску у него было найдено 50 экземпляровъ книгъ и газетъ преступнаго содержанія, пять листовъ гербовой бумаги, на лѣвомъ углу которыхъ имѣются оттиски фальшивыхъ печатей разныхъ полицейскихъ и волостныхъ правленій, два клочка бумаги, на которыхъ записаны шифры «Эй, Фомичъ» и «одному тебѣ», вырѣзанные на аспидныхъ кружкахъ печати полицейскихъ и волостныхъ правленій, аспидный кружокъ, на которомъ еще ничего не вырѣзано, нѣсколько заостренныхъ проволокъ и желѣзная палочка, красная для печатей краска, рукопись «Разсказъ бывалаго солдата» и другая «Говоритъ честный человѣкъ, говорящій правду». Эксперты-граверы, осмотрѣвъ печати на аспидныхъ кружкахъ, признали, что онѣ вырѣзаны неумѣлой рукой и притомъ тѣми орудіями, которыя найдены у Александрова. Допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, Григорій Александровъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ преступному сообществу, имѣвшему цѣлью распространеніе революціонныхъ идей и книгъ въ массѣ народа, но подробныхъ по дѣлу объясненій не далъ, а показалъ, что Прохора и Марью онъ знаетъ. У него, Александрова, хранились деньги, которыя скоплялись иногда до 150 р. Деньги эти передавались ему Прохоромъ и Николаемъ (личность эта не разыскана). Прохоръ дѣйствительно бралъ у него деньги для отправки въ Тулу Герасима и Василія. Гельфманъ и Михайла тоже знаетъ и въ обществѣ этомъ встрѣчалъ Сидорацкаго, Василія и Герасима. Самъ онъ въ обществѣ пропагандистовъ своимъ именемъ не назывался, а извѣстенъ былъ подъ именемъ Петра.

Блуза и рубашка, взятыя у Хоржевской, принадлежатъ ему. Листы гербовой бумаги, фальшивыя печати, формы паспортовъ и билетовъ пріобрѣтены имъ въ кабакѣ для себя; краска куплена для мѣтки бѣлья. Рукописи приготовлены для печати, но, кѣмъ писаны, не скажетъ. Относительно книгъ Александровъ, отказываясь сначала указать, отъ кого онѣ имъ получены, объяснилъ затѣмъ, что онѣ переданы ему умершимъ Подгородецкимъ. По заключенію экспертовъ, паспортъ на имя Николая Егорова (скрывшагося) и письмо, взятое въ Тулѣ и начинающееся словами: «Ваше письмо получено», писаны рукой Хоржевской (кн. Циціановой). Паспортъ на имя Григорія Зайцева написанъ Александровымъ, а два другіе паспорта на имя Василія Ковалева и Петра Сидоренко – Млодецкимъ. Въ подтвержденіе показанія Василія Ковалева о томъ, что на сахарномъ заводѣ, гдѣ онъ жилъ, распространеніемъ преступнаго содержанія книгъ занимался крестьянинъ Герасимъ Петровъ, на означенномъ заводѣ былъ произведенъ обыскъ, и у рабочихъ были найдены книжки: «Богъ то Богъ», «Емелька Пугачевъ», «Сказка о копейкѣ», «Хитрая механика» и др. По показанію рабочихъ книги эти были принесены на заводъ Герасимомъ Петровымъ. Наконецъ, 14 сентября Ковалевъ сдѣлалъ новое заявленіе о томъ, что къ кіевской общинѣ пропагандистовъ принадлежатъ еще крестьянинъ Родіонъ Максимовъ и дворникъ дома Денисовой, Петръ Акимовъ Островъ. Родіонъ Максимовъ по дознанію разысканъ не былъ; что же касается до крестьянина Петра Острова, то оказалось, что онъ 13 сентября, т. е. наканунѣ заявленія Ковалева и черезъ 4 дня послѣ обыска у Гельфманъ, скрылся изъ Кіева, захвативъ съ собою 25 р. денегъ, данныхъ ему г. Денисовой для покупки въ аптекѣ лѣкарства. Островъ былъ разысканъ на родинѣ, въ дер. Дубровкѣ, Мстиславскаго уѣзда; по произведенному у него обыску были найдены 12 сочиненій преступнаго содержанія въ количествѣ 20 экз., и среди нихъ такія, содержаніе которыхъ недоступно пониманію простого крестьянина, а потому и не могли быть даны Острову для прочтенія. Кромѣ того, у него найдены три листа бумаги съ печатями волостныхъ правленій и съ печатью и подписью адъютанта Костромского пѣхотнаго полка, четыре разныхъ документа на имя повивальной бабки Елисѣевой, три паспорта на имя Маріи Горощенковой, Родіона Максимова и Петра Акимова и три заграничныхъ лотерейныхъ билета. Спрошенный по обстоятельствамъ дознанія крестьянинъ Петръ Островъ показалъ, что всѣ найденныя у него книги онъ получилъ отъ скрывшагося крестьянина Родіона Максимова. Книги эти даны были ему для прочтенія, а документы, у него отобранные, находились между книгами и газетами.

IV.

9 августа 1875 г. арестованныя въ г. Иваново-Вознесенскѣ лица препровождались изъ Иваново-Вознесенска въ г. Шую по желѣзной дорогѣ подъ жандармскимъ конвоемъ. Въ это время на Иваново-Вознесенской станціи желѣзной дороги былъ замѣченъ какой-то господинъ, который, стукнувъ въ окно вагона, переговаривался знаками съ одной изъ арестованныхъ женщинъ. Вслѣдствіе этого, господинъ этотъ былъ задержанъ и оказался дворяниномъ Антимозомъ Евдовымъ Гамкрелидзе, а въ числѣ женщинъ, задержанныхъ въ Ивановѣ, находилась жена его, Екатерина Петровна Гамкрелидзе. Гамкрелидзе, какъ оказалось, жилъ въ Москвѣ, въ 12 номерѣ гостиницы «Украйна». По произведенному у Гамкрелидзе обыску у него найдено было до 300 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія, рукопись «Сказка о Мудрицѣ Наумовнѣ»—книги, появившейся позднѣе среди пропагандистовъ уже отпечатанной,—3 револьвера, изъ которыхъ два заряженныхъ, и посылка съ

лѣкарствами на имя Бегляра Мартынова Степанова въ Шемаху. Во время обыска въ квартиру Гамкрелидзе явился и былъ задержанъ неизвѣстный мужчина, предъявившій заграничный паспортъ на имя князя Кочакидзе. Когда обыскъ въ квартирѣ Гамкрелидзе подходилъ къ концу и о томъ составлялся надлежащій протоколъ, въ номеръ заглянули послѣдовательно неизвѣстные женщина и мужчина. Женщина была задержана, а мужчина, увидавъ жандармовъ и полицію, бросился бѣжать, но посланными за нимъ городовыми былъ задержанъ и приведенъ въ номеръ Гамкрелидзе. Неизвѣстные мужчина и женщина стали при этомъ поносить производившаго обыскъ прапорщика Ловягина неприличными словами. По окончаніи обыска прапорщикъ Ловягинъ, поручивъ мѣстному помощнику надзирателя Ѳедорову присмотръ за арестованными лицами, съ цѣлью отправиться изъ номера Гамкрелидзе, сталъ надѣвать поданную ему городовымъ шинель; въ это время неизвѣстный мужчина, вынувъ изъ кармана револьверъ, выстрѣлилъ въ г. Ловягина Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй. Въ то же время неизвѣстная женщина бросилась на надзирателя Ѳедорова, душила его за горло, стараясь освободить изъ рукъ послѣдняго стрѣлявшаго мужчину. Оба выстрѣла не имѣли дурныхъ послѣдствій, ибо обѣ пули пролетѣли мимо Ловягина, ударились въ стѣнку и дверь комнаты. Обстоятельства вышеизложенныя подтверждены показаніями Ловягина, Ѳедорова и свидѣтелей Ивана Евтихіева, Григорія Галактіонова, купца Николая Васильева, а равно и осмотромъ 12 номера «Украйны», гдѣ найдены были въ стѣнѣ и двери слѣды пуль и самыя пули. Неизвѣстные мужчина и женщина отказались давать какія-либо показанія, причемъ стрѣлявшій въ Ловягина мужчина добавилъ, что онъ имѣлъ цѣлью убить Ловягина. Затѣмъ, дальнѣйшимъ ходомъ дознанія было обнаружено, что женщина, душившая Ѳедорова,—дочь коллежскаго ассесора, Вѣра Любатовичъ, а мужчина, стрѣлявшій въ Ловягина,—князь Александръ Циціановъ, проживавшій въ Москвѣ, въ домѣ Толстой, подъ именемъ и по виду дворянина Зедгенидзе. По окончаніи обыска были приняты мѣры наблюденія за появленіемъ въ 12 номерѣ «Украйны» новыхъ лицъ, причемъ задержаны были явившіеся въ этотъ номеръ дочь штабсъ-капитана Евгенія Субботина вмѣстѣ съ сыномъ священника Михаиломъ Овчинниковымъ и бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванъ Рождественскій. Арестованный въ квартирѣ Гамкрелидзе и назвавшійся княземъ Кочакидзе заявилъ послѣ обыска, что въ его квартирѣ остался значительный денежный капиталъ. Вслѣдствіе чего, была немедленно осмотрѣна квартира князя Кочакидзе и въ ней найдено 8545 руб. кредитными билетами, билетъ С.-Петербургскаго Учетнаго Банка на имя Тумановой въ 1100 руб., записная книжка, кистень и два большихъ ключа отъ другихъ квартиръ. Находясь подъ стражей, лицо, назвавшееся княземъ Кочакидзе, покушалось тайно отъ производившихъ дознаніе переслать три письма черезъ жандармскаго унтеръ-офицера Дунева. Два изъ этихъ писемъ были зашифрованы. Одно изъ нихъ предназначалось къ отправкѣ въ Одессу на имя князя Микеладзе, другое—въ Орелъ на имя Афонскаго и, наконецъ, третье на нѣмецкомъ языкѣ было адресовано на имя дрезденскаго почтамта. Это послѣднее письмо, подписанное фамиліей Кардашева, послужило къ обнаруженію званія лица, именовавшагося княземъ Кочакидзе. По предъявленіи писемъ обвиняемому, онъ сознался, что его зовутъ Степаномъ Мартыновымъ Кардашевымъ, что онъ—отставной коллежскій регистраторъ и числится студентомъ дрезденской политехнической школы. Вслѣдъ за симъ произведенъ былъ обыскъ въ домѣ Толстой, въ квартирѣ именовавшагося дворяниномъ Зедгенидзе князя Александра Циціанова, и по обыску въ особомъ чемоданѣ найдено значительное количество книгъ преступнаго содержанія, переписка, письма и записки, писанныя шифрами,

фальшивая печать; подложные и вытравленные виды на жительство и записныя книжки. Въ дорожной сумкѣ найдена копія съ письма, писаннаго, какъ оказалось потомъ, арестантомъ Чекоидзе, и послужившая основаніемъ къ обнаруженію званія Чекоидзе, какъ о томъ сказано выше. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ квартиры оказались переписка, книги и прокламаціи: тамъ найденъ «Колоколъ», прокламація «Народной Расправы», прокламація на малороссійскомъ языкѣ, печать Гжатской управы, револьверъ, красныя и черныя чернила, порошки и жидкость въ склянкахъ, а также женская одежда и бѣлье, вѣнчальные цвѣты и тафта подъ ноги, употребляемая при вѣнчаніи. Затѣмъ, 19 сентября въ Москвѣ получена телеграмма начальника харьковскаго жандармскаго управленія о томъ, что изъ Кишинева черезъ Харьковъ на Москву съ пассажирскимъ поѣздомъ, подъ видомъ кожевеннаго товара, отправлено три ящика революціонныхъ книгъ, вѣсомъ 8 пудовъ 13 фунтовъ, по квитанціи на предъявителя. Обстоятельство это сдѣлалось извѣстнымъ вслѣдствіе того, что въ предположеніи воспользоваться кожевеннымъ товаромъ, одинъ ящикъ былъ артельщиками украденъ и замѣненъ тюкомъ съ дровами, а книги были распроданы торговцамъ, о чемъ въ Харьковѣ производится особое дѣло. 19 сентября на станціи Московско-Курской желѣзной дороги задержанъ былъ неизвѣстнаго званія человѣкъ, явившійся за полученіемъ означенныхъ трехъ мѣстъ. Этотъ неизвѣстный покушался бѣжать со станціи, но былъ задержанъ и назвался Вернеромъ. По справкамъ оказалось, что Вернеръ прибылъ въ Москву 18 сентября, остановился въ номерахъ Гурьева. Сдавъ свой чемоданъ швейцару Якову Поршакову, Вернеръ тотчасъ же ушелъ, вечеромъ заходилъ на полчаса и болѣе не возвращался. По предъявленіи Поршакову неизвѣстнаго, задержаннаго на станціи 19 сентября, онъ былъ признанъ за того самаго Вернера, который остановился въ номерахъ Гурьева. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго неизвѣстный отказался объявить свое званіе и просилъ называть его Иваномъ Андреевымъ, объясняя, что паспортъ Вернера, у него отобранный, онъ купилъ на Хитровомъ рынкѣ. По осмотру товарныхъ мѣстъ, за полученіемъ которыхъ по накладной явился Иванъ Андреевъ, найдены въ одномъ изъ нихъ дрова, кирпичи и мусоръ, а въ другихъ двухъ до 2450 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія. Затѣмъ, по обыску у самого Ивана Андреева, кромѣ паспорта Вернера, отобранъ заряженный револьверъ, рукописная на почтовой бумагѣ «программа дѣятельности, уставъ революціонера и организація тайнаго общества»; на отдѣльномъ почтовомъ листѣ «условія межобщиннаго сношенія», списокъ адресовъ въ Швейцаріи, Сербіи, Вѣнѣ, Моравіи и Карлсруэ, квитанція на товаръ, оказавшійся книгами преступнаго содержанія, шифры: «бродяжникъ,» «грѣховодникъ», «заискиваніе», и т. д., записная книжка, листокъ бумажки, на которомъ написанъ такой расходъ: перевозчикамъ 5 руб., номеръ Одесса 2 р. 50 к., номеръ Кишин. 6 р., отсылка 25 р.; письмо, начинающееся словами: «признаюсь, критика ваша на мое письмо вышла крайне плоха». Въ номерѣ у Ивана Андреева найдены 2 склянки съ жидкостями для окраски волосъ. Иванъ Андреевъ во время ареста имѣлъ волосы на головѣ и усахъ темные, но по осмотру головы оказалось, что волосы крашены. Это обстоятельство подтвердилось тѣмъ, что съ теченіемъ времени волосы приняли ихъ естественный цвѣтъ съ рыжимъ оттѣнкомъ. Иванъ Андреевъ отказался отъ того, что найденныя у него бумаги принадлежатъ ему, а равно и отказался давать какія-либо объясненія. По дознанію въ г. Кишиневѣ оказалось, что всѣ три мѣста товара были отправлены однимъ лицомъ, назвавшимся Нахтѣевымъ. Во все время производства дознанія назвавшійся Иваномъ Андреевымъ упорно скрывалъ свое имя и званіе, но тѣмъ не менѣе было обнаружено, что онъ

кавказскій уроженецъ, сынъ отставного штабсъ-капитана, Георгій Фениксовъ Здановичъ, и цѣлый рядъ лицъ, допрошенныхъ по этому поводу на Кавказѣ, удостовѣрилъ его званіе. Въ виду подобнаго удостовѣренія и самъ Иванъ Андреевъ призналъ себя за Здановича. Изъ числа лицъ, знавшихъ Здановича, бывшій воспитанникъ Технологическаго Института Николай Дмитріевъ показалъ, что онъ зналъ Здановича еще въ 1871 г. и встрѣчалъ его въ Петербургѣ у обвиняемаго Ивана Джабадари, у котораго въ въ то же время бывалъ и Чекоидзе. Товарищи и знакомые звали Здановича «Рыжимъ». Здановичъ этимъ названіемъ не обижался, и оно обратилось въ кличку, усвоенную самимъ Здановичемъ до того, что онъ въ письмахъ подписывался Георгіемъ Рыжимъ. Лѣтомъ 1874 г. Дмитріевъ былъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Джабадари и Чекоидзе, къ этимъ послѣднимъ Здановичъ писалъ письма изъ Петербурга, адресуя къ «братьямъ-гражданамъ», и подписывался Рыжимъ. Здановичъ отличался фразерствомъ, либеральностью взглядовъ и открыто признавалъ себя противникомъ русскаго правительства. Показаніе Дмитріева относительно клички «Рыжій» подтвердилъ Іоселіани, знавшій Здановича еще въ то время, когда онъ воспитывался въ Петербургѣ. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что показаніе Дмитріева и Іоселіани служитъ прямымъ опроверженіемъ показаній Джабадари, Чекоидзе и Здановича, утверждавшихъ, что первые двое незнакомы съ послѣднимъ. Отобранная у Здановича (Рыжаго) программа революціонной дѣятельности и оказавшаяся, по заключенію экспертовъ, писанной его рукою является для всего дѣла документомъ особенно важнымъ и существеннымъ. Документъ этотъ представляетъ отчетливую характеристику образа дѣйствій пропагандистовъ и основаній, на которыхъ учреждено было тайное общество съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія. Документъ этотъ служитъ самой убѣдительной уликой къ обвиненію всѣхъ привлеченныхъ по настоящему дѣлу лицъ, преступная дѣятельность которыхъ вполнѣ согласовалась съ началами, положенными въ основаніе этой программы, и, такимъ образомъ, сама программа не представляется однимъ только проектомъ, но была осуществлена и примѣнена на дѣлѣ. Содержаніе означеннаго документа слѣдующее: I. Принципы, на которыхъ основывается организація. 1. Абсолютное равенство всѣхъ членовъ во всѣхъ дѣлахъ организаціи; 2. полная солидарность; 3. полное довѣріе и откровенность въ дѣлахъ организаціи. II. Способъ учрежденія общины. 1. Всякая новая община учреждается членами одной изъ существующихъ общинъ, на основаніи программы этой общины. III. Условія пріема въ члены общины. 1. Только та личность, которая искренно и всецѣло посвятила себя революціонной дѣятельности, можетъ быть членомъ общины. 2. Любовь и дружба не должны служить помѣхою для революціонной дѣятельности; всякій долженъ быть готовъ ради дѣла порвать всѣ личныя связи. 3. Самоотверженность и способность хранить тайны — необходимыя качества члена организаціи. 4. Членъ долженъ быть въ положеніи простого работника, объ исключеніяхъ рѣшаетъ община. 5. Личность должна быть способна къ исполненію, по крайней мѣрѣ, одной изъ главныхъ функцій революціонной дѣятельности. 6. Личность, прежде чѣмъ быть принятою въ члены общины, должна быть испытана на дѣлѣ. 7. Пріемъ членовъ долженъ быть единогласный. IV. Обязанности членовъ общины. 1. всѣ дѣла организаціи членъ долженъ хранить въ тайнѣ. 2. Каждый членъ долженъ давать отчетъ общинѣ о своей революціонной дѣятельности. 3. Всѣ свѣдѣнія, касающіяся какой-нибудь партіи, кружка или лица, находящихся внѣ нашей организаціи, или въ связи съ ней, членъ обязанъ сообщать общинѣ, за исключеніемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя въ революціонной практикѣ называются секретами; но для прочности дѣла признается необходимымъ сообщать въ

подробностяхъ нѣсколькимъ лицамъ организаціи по выбору общины. 4. Членъ общины не въ правѣ вступать въ договоры въ важныхъ дѣлахъ съ лицами, кружками и партіями, состоящими внѣ нашей организаціи, безъ согласія общины, а въ мелкихъ дѣлахъ обращается за совѣтомъ къ администраціи. 5. Свѣдѣнія, получаемыя чрезъ общину о дѣятельности лица, партіи или кружка, не могутъ быть никому сообщены безъ согласія общины. 6. Членъ обязанъ выполнять возложенныя на него общиною порученія. 7. Членъ общины не имѣетъ права отлучаться изъ мѣста своего нахожденія безъ согласія общины. 8. Членъ общины не въ правѣ переходить изъ одной общины въ другую безъ обоюднаго согласія общинъ. 9. Членъ не можетъ имѣть личной собственности. V. Права члена. 1. Всѣ члены имѣютъ право на равное участіе въ дѣлахъ общины. 2. Каждый членъ имѣетъ право требовать нужныя свѣдѣнія отъ управленія. 3. Каждый членъ имѣетъ право контроля. 4. Члену предоставляется право созывать исключительныя собранія. VI. Администрація. 1. Управленіе назначается для того, чтобы текущія дѣла не останавливались бы отъ того, что всѣ члены общины находятся на работѣ. 2. Управленіе освобождается отъ работъ на фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ. 3. Члены управленія назначаются не по выбору, а по очереди и взаимному соглашенію членовъ. 4. Въ управленіи должны перебывать всѣ члены общины. 5. Въ составъ управленія должны всегда входить члены какъ изъ интеллигенціи, такъ и изъ рабочихъ. 6. Число членовъ управленія опредѣляется общиною сообразно ея нуждамъ. (Въ настоящее время управленіе состоитъ изъ трехъ членовъ). 7. Каждая очередь управленія продолжается мѣсяцъ. 8. Управленіе должно вести постоянныя сношенія съ другими общинами по части книжнаго дѣла, денегъ и вообще веденія переписки по дѣламъ общинъ. 9. Управленіе обязано заботиться о наймѣ квартиръ и снабженіи ихъ всѣмъ нужнымъ. 10. Управленіе хранитъ книги, деньги въ количествѣ, опредѣленномъ общиною, адресы и т. д. 11. Управленіе должно предупреждать объ опасности, угрожающей членамъ общины и вообще организаціи. 12. При арестѣ кого-либо изъ членовъ общины, управленіе должно увѣдомлять объ этомъ всѣхъ членовъ какъ своей, такъ и другихъ общинъ. 13. Управленіе поддерживаетъ сношеніе съ заключенными и сообщаетъ общинѣ о причинахъ ареста и о показаніяхъ кого-либо изъ членовъ общины. 14. При выдачѣ суммъ на какія-либо предпріятія свыше опредѣленной цифры, управленіе обязано предварительно снестись объ этомъ съ общиною. 15. Права управленія. а) Управленіе можетъ входить въ сношеніе съ революціонными кружками, стоящими внѣ общины; б) управленіе снабжаетъ революціонные кружки деньгами, книгами и всѣмъ нужнымъ для революціонной дѣятельности, въ размѣрѣ, опредѣленномъ общиной. 16. Дѣйствіе администраціи контролируется всей мѣстной общиной. 17. Для удобства сношенія одной мѣстной общины съ другой, послѣдняя увѣдомляется о личномъ составѣ управленія. VII. Способъ дѣйствій во время пропаганды. 1. Члену общины предоставляется полнѣйшая самостоятельность въ способѣ революціонной дѣятельности, не вредя самой организаціи общины. 2. Членъ общины долженъ стараться поставить себя въ денежномъ отношеніи къ тѣмъ, среди которыхъ онъ пропагандируетъ, такъ чтобы они относились къ нему, какъ къ работнику, иначе говоря, онъ не долженъ допускать никакихъ денежныхъ подарковъ. 3. Членъ общины дѣйствуетъ при пропагандѣ только отъ своего имени, не подавая ни малѣйшаго вида о существованіи у него организованнаго кружка или артели до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ членовъ общины не признаютъ его надежнымъ, и пока вся община не признаетъ нужнымъ сообщить о своей организаціи. 4. Членъ общины не имѣетъ права приводить кого-либо на квартиру общины, не удостовѣривъ хотя бы нѣкоторыхъ изъ членовъ въ

благонадежности его. 5. Пропагандирующій не долженъ довольствоваться лишь тѣмъ, что пропагандируемый согласенъ имѣть тѣсную связь съ нимъ, или съ нѣсколькими другими, а обязанъ выпытать у него, сочувственно ли онъ относится къ идеѣ общинной организаціи. 6. Членъ пропагандистъ обязанъ, во имя идеи организаціи, не пропускать ни одного революціоннаго кружка, ни даже одной революціонной силы. 7. Тайну организаціи общины каждый членъ доводитъ до такого максимума, что онъ отрекается отъ близкаго знакомства даже передъ революціонерами, не входящими въ организацію, если отреченіе такого рода не вредитъ общинѣ. VIII. Группа наиважнѣйшихъ способовъ при пропагандѣ. 1. Способъ простого разговора; 2. способъ чтенія книжекъ, какія находитъ нужнымъ пропагандистъ; 3. способъ возбужденія; 4. способъ простого сплачиванія; 5. способъ созданія организованнаго кружка, находящагося внѣ организаціи общины; 6. община обязываетъ своихъ членовъ учреждать кассы, библіотеки среди организованныхъ ими кружковъ; 7. члены общины, живущіе среди рабочихъ, должны еще стремиться къ тому, чтобы на мѣстахъ жительства устраивались сходки организованныхъ ими кружковъ. IX. Объ агитаціи. А. Разница между пропагандой и агитаціей состоитъ въ томъ, что первая служитъ для выясненія взглядовъ на революціонное дѣло, а агитація имѣетъ цѣлью побудить личности или кружки прямо на активную революціонную дѣятельность. В. Агитація идетъ рядомъ съ пропагандой, она состоитъ: а) въ побужденіи другихъ лицъ и кружковъ къ пропагандѣ, б) къ образованію артелей, кассъ и библіотекъ и в) къ образованію органовъ внѣ нашей организаціи. С. Чистая агитація. 1. Въ мирное время: а) она ведется посредствомъ организованныхъ шаекъ; б) шайки образуются или лицами нашей организаціи, или же лицами, стоящими внѣ нашей организаціи; въ послѣднемъ случаѣ необходимо, чтобы существующая шайка довѣряла бы одному изъ членовъ общины; в) цѣль подобныхъ шаекъ—наводить страхъ на правительство и на привилегированные классы и, кромѣ того, отводить взоры правительства отъ революціонныхъ дѣятелей; г) поднимать духъ народа и этимъ дѣлать его болѣе способнымъ къ принятію революціонныхъ идей; д) черезъ нихъ пріобрѣтать денежныя средства для дѣятельности общины; е) употреблять ихъ на помощь при освобожденіи заключенныхъ; ж) направленіе шаекъ должно быть чисто соціально-революціонное. 2. Во время бунтовъ: а) при бунтахъ дѣятельность членовъ состоитъ въ направленіи бунтовъ; б) при бунтахъ выдвигаются личности, и члены общины должны давать имъ направленіе соціально-революціонное; в) относясь сочувственно къ движенію другихъ общинъ, наша община помогаетъ средствами и всѣмъ, чѣмъ можетъ, и рядомъ съ этимъ, если она находитъ возможнымъ, призываетъ къ движенію въ своемъ мѣстѣ; г) участіе членовъ общины въ самомъ движеніи допускается въ такомъ размѣрѣ, чтобы община не уничтожалась и тѣмъ не вредила всеобщей организаціи. X. Денежная сторона организаціи. 1. Каждая община имѣетъ свой самостоятельный фондъ. 2. Средства для пополненія фонда должны быть такія, которыя не вредили бы безопасности и кредиту организаціи. Вообще, каждый членъ обязанъ добывать средства изъ доступныхъ ему источниковъ по своему усмотрѣнію. Никто изъ членовъ общины не можетъ исключительно заниматься добываніемъ денежныхъ средствъ; отдѣльные же случаи, когда необходимо участіе извѣстныхъ лицъ, рѣшаетъ община. 3. Храненіе денегъ поручается управленію общины. Большія суммы не должны сохраняться на рукахъ управленія. Онѣ будутъ храниться по частямъ въ банкахъ. 4. Сумма, необходимая на постоянные расходы управленія и каждаго члена, опредѣляется общимъ собраніемъ сообразно нуждамъ на мѣсяцъ. 5. Кромѣ того, какъ управленіе, такъ и каждый членъ должны располагать деньгами на

непредвидѣнные расходы не свыше количества опредѣленнаго общиною. 6. Заемъ у лицъ, стоящихъ внѣ организаціи, заключается отдѣльными членами . XI. Книжное дѣло. 1. община высылаетъ на время лицъ, устраивающихъ сношенія съ издателями книгъ. 2. Эти же лица устраиваютъ пути для перевозки книгъ черезъ границу и затѣмъ передаютъ управленію. XII. О собраніяхъ общины. 1. Община собирается разъ въ мѣсяцъ для обсужденія текущихъ дѣлъ. 2. Время и мѣсто назначаются управленіемъ. 3. Собраніе считается дѣйствительнымъ только тогда, когда всѣ члены предупреждены и отсутствующіе заявятъ причину неявки. Условія межобщиннаго сношенія. 1. Пользованіе взаимно деньгами изъ общаго фонда. 2. Увѣдомленіе объ общинномъ шифрѣ. 3. Пользованіе общимъ словаремъ для телеграммъ. 4. Необходимо давать знать о паролѣ путемъ телеграммы. 5. Извѣщеніе о кличкахъ личнаго состава администраціи. 6. Извѣщеніе о вводѣ новаго члена. 7. Предупрежденіе общинами другъ друга объ опасности. 8. Увѣдомленіе о движеніи въ своей мѣстности, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется общины всероссійской организаціи. 9. Совѣщаніе объ устройствѣ и содержаніи типографіи и книжное дѣло за границей. 10. О періодическихъ изданіяхъ. 11. Увѣдомленіе о секретныхъ адресахъ общины. Обращаясь затѣмъ къ обстоятельствамъ дѣла, разъясненнымъ дознаніемъ, слѣдуетъ остановиться прежде всего на значеніи тѣхъ документовъ, книгъ и переписокъ, которые были найдены по обыскамъ въ Москвѣ, въ квартирахъ князя Циціанова, Гамкрелидзе и Кардашева. По подробному осмотру разнаго рода переписокъ, бумагъ и вещей, найденныхъ въ домѣ Толстой у князя Циціанова, оказалось, что вещи и бумаги принадлежатъ какъ князю Циціанову, такъ и дворянину Николаю Федорову Цвиленеву. Среди массы бумагъ были найдены: 1. Виды на жительство на имя Шатрова, Полякова и студента Смирнова, изъ которыхъ первые два оказались фальшивыми. 2. Два вытравленныхъ вида на жительство, очевидно приготовленные для составленія подложныхъ видовъ, причемъ въ той же квартирѣ отобраны были всѣ необходимые для составленія подложныхъ документовъ матеріалы: снимки печати и печать. 3. Разныя рукописи—изъ нихъ одна: «о необходимыхъ условіяхъ подготовки для успѣха дѣятельности пропагандиста, рѣшившагося итти въ народъ въ качествѣ рабочаго»; другая, разсказъ солдата о томъ, какъ царь, бары, чиновники, купцы и кулаки-міроѣды обираютъ мужичка и, наконецъ, третья—корреспонденція о бывшихъ въ Кіевѣ безпорядкахъ. Двѣ послѣднія рукописи, повидимому, были приготовлены для печати. Первая рукопись «О необходимыхъ условіяхъ подготовки» написана Цвиленевымъ, а разсказъ солдата писанъ рукою Вѣры Любатовичъ. 4. Адресы разныхъ лицъ, написанные шифромъ. 5. Записныя книжки, изъ которыхъ одна оказалась принадлежащею обвиняемому Овчинникову. Въ книжкѣ, принадлежащей Цвиленеву, найденъ шифръ: «Чаще держать экзамены». 6. Нѣсколько шифрованныхъ писемъ отъ обвиняемаго Георгіевскаго, написанныхъ имъ изъ-подъ стражи и указывающихъ, какимъ образомъ можно организовать побѣгъ. Письма эти были зашифрованы по шифру: «Чаще держать экзамены». 7. Письмо отъ арестанта дворянина Чекоидзе. Подлинникъ этого письма, также шифрованный, не найденъ, а отобранъ переводъ съ него, писанный Вѣрой Любатовичъ. Письмо это было зашифровано по шифру: «Эй Фомичъ», найденному въ Иваново-Вознесенскѣ, какъ это разъяснено самимъ Чекоидзе въ письмѣ его къ Рыжему (Здановичу), во время содержанія ихъ обоихъ въ тюремномъ замкѣ. 8. Переписка съ другими сообщниками, находившимися на свободѣ. Изъ нея обращаютъ на себя вниманіе: а) письмо отъ 4-го іюля, какъ оказалось по сличенію почерковъ, написанное рукою Лидіи Фигнеръ.

Въ письмѣ этомъ сообщается, что время проходитъ бездѣятельно, такъ какъ знакомыхъ мало и сойтись ни съ кѣмъ не успѣли. «Всѣ сдѣлались членами клуба, за исключеніемъ пишущей Анюты.» Внизу письма приписка: «бабъ здѣсь совершенно достаточно и было бы прекрасно, если бы больше не наѣзжало». б) Шифрованная по ключу «Эй Фомичъ» записка такого содержанія: «пришли немедленно копію Волчанскаго паспорта». в) Письмо отъ 30 іюня: «Вѣра, передай Катѣ (очевидно, Вѣра Любатовичъ и Екатерина Гамкрелидзе), чтобы она подождала письма, которое получитъ отъ Михаила Ивановича, знакомаго Рыжаго, тамъ просятъ сдѣлать кое-какія покупки». 9. Революціонныя книги и клочекъ бумаги, на которомъ написано карандашемъ: «напиши на этомъ клочкѣ, сколько книгъ ты взялъ, когда первый разъ отправился, какія и куда». Внизу написано: «Работ. 1 и 2 около 37, 2 и 3 по 20, Коммуна 5, Сказка 5, Пугачъ 6 и мелкія брошюрки». Съ другой стороны, по обыску въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе было найдено до 300 книгъ преступнаго содержанія и рукопись «Сказка о Мудрицѣ Наумовнѣ», написанная частью рукой обвиняемаго Овчинникова. По показанію Гамкрелидзе, эти книги и рукопись были даны ему на сохраненіе княземъ Циціановымъ. Правдоподобность подобнаго объясненія Гамкрелидзе доказывается сопоставленіемъ слѣдующихъ обстоятельствъ: какъ это будетъ объяснено ниже, съ княземъ Циціановымъ проживала Вѣра Любатовичъ, куда она переѣхала только передъ обыскомъ. Между тѣмъ, изъ переписки, найденной въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, видно, что члены ивановской общины требовали присылки изъ Москвы копіи именно съ этой рукописи и, судя по отвѣту Вѣры Любатовичъ, требовали этого именно отъ нея, такъ какъ она отказывалась ее переписывать, а предлагала нанять писцовъ. Такимъ образомъ, нельзя не считать вполнѣ доказаннымъ, что у Вѣры Любатовичъ была означенная рукопись и что она легко могла попасть въ квартиру Гамкрелидзе тѣмъ путемъ, какъ онъ это утверждаетъ. Сопоставивъ результаты, добытые обысками въ квартирахъ Циціанова и Гамкрелидзе, съ обязанностями, возлагаемыми программой на администрацію общины и имѣя въ виду, что въ квартирахъ найденъ складъ книгъ преступнаго содержанія, фальшивые виды на жительство, рукописи преступнаго содержанія, приготовленныя для печати, шифрованные адресы разныхъ лицъ, шифрованная переписка съ разными пропагандистами, отчетъ о выдачѣ книгъ, предметы, необходимые при совершеніи браковъ, шифрованная переписка съ арестантами, членами того же сообщества—нельзя не притти къ полному убѣжденію въ томъ, что въ домѣ Толстой была обнаружена квартира, въ которой помѣщалась администрація общества и жили члены этой администраціи, обязанной хранить книги, адресы и т. п. (п. 10), снабжать общины и членовъ ея всѣмъ необходимымъ (п. 15), поддерживать сношеніе и вести переписку съ другими общинами и членами общины (п. 8), устраивать и вести сношенія съ заключенными (п. 13). Между прочимъ, на ту же администрацію общины программа возлагаетъ обязанность нанимать и устраивать квартиры (п. 9), очевидно, какъ пріютъ для членовъ общины, гдѣ бы они могли скрыться отъ преслѣдованій, какъ о томъ свидѣтельствуетъ показаніе обвиняемаго Агапова и свидѣтеля Корнюхина. Дознаніемъ обнаружено, что и квартира князя Циціанова въ д. Толстой не была его квартирой, а принадлежала какъ ему, такъ и обвиняемой Вѣрѣ Любатовичъ и дворянину Николаю Цвиленеву, хотя и была нанята на имя дворянина Зедгенидзе, по виду котораго проживалъ князь Циціановъ. Что квартира въ домѣ Толстой была квартирой администраціи общины, это еще яснѣе доказывается слѣдующими обстоятельствами дѣла: изъ показанія обвиняемаго Семена Иванова Агапова видно, что въ то время, когда часть пропагандистовъ жи-

ла въ Иваново-Вознесенскѣ, то «всѣми дѣлами въ Москвѣ заправляли Вѣра и Рыжій», причемъ Вѣра жила въ домѣ Эйнбродтъ подъ именемъ Лидіи Фигнеръ, находившейся въ это время въ Ивановѣ. Владиміръ Александровъ въ то же время говорилъ Агапову, что отъ преслѣдованія полиціи весьма легко укрыться именно въ домъ Эйнбродтъ. Съ другой стороны, важное въ этомъ отношеніи значеніе имѣетъ письмо 19 и 26 іюля, найденное въ Ивановѣ. Въ этомъ письмѣ сообщаютъ всѣ тѣ свѣдѣнія, сообщать которыя членамъ общества обязательно для администраціи, оно же удостовѣряетъ, что всѣ необходимыя для пропагандистовъ вещи доставляются лицами, писавшими это письмо; въ немъ сообщаются предположенія о перемѣщеніи членовъ изъ одной общины въ другую, разъясняется необходимость подчиняться распоряженіямъ администраціи и сообщается о принятіи въ общину новаго сочлена Санчо. При этомъ лицо, сдѣлавшее въ письмѣ приписку отъ 26 іюля, говоритъ о себѣ, какъ о членѣ администраціи, и указываетъ на то обстоятельство, что оно, какъ это предписывается программой, прослужило въ администраціи свой мѣсяцъ и требуетъ замѣну себя кѣмъ-либо изъ ивановскихъ пропагандистовъ. Не лишнимъ будетъ замѣтить также, что это письмо удостовѣряетъ существованіе организаціи кличекъ и указываетъ на цѣль, которую имѣютъ пропагандисты: «убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте»—пишетъ авторъ этого письма. Такимъ образомъ, несомнѣннымъ представляется, что согласно съ программою общины, письмо это написано въ Иваново-Вознесенскъ лицами, составлявшими администрацію общины, а какъ выше было уже сказано—письмо это написано Рыжимъ (Здановичемъ) и Вѣрою Любатовичъ. Между тѣмъ, дознаніемъ доказано, что Вѣра Любатовичъ и Рыжій (Здановичъ) проживали въ это время въ д. Эйнбродтъ. По справкамъ оказалось, что первоначально въ д. Эйнбродтъ квартира занята была обвиняемой Марьей Субботиной, которая и проживала тамъ съ 5 по 26-е мая 1875 года. Затѣмъ квартира эта была передана Марьей Субботиной Лидіи Фигнеръ, что признала и послѣдняя, и отъ чего Марья Субботина отказалась. Квартира въ домѣ Эйнбродтъ, какъ снова удостовѣряютъ справки, съ 30 мая до 6 августа числилась за Лидіей Фигнеръ, несмотря на то, что Фигнеръ съ конца іюня или первыхъ чиселъ іюля мѣсяца жила по подложному паспорту въ Иваново-Вознесенскѣ. Въ это время въ домѣ Эйнбродтъ, проживала подъ именемъ Фигнеръ Вѣра Любатовичъ. Это обстоятельство удостовѣрено показаніями Агапова, кухарки г-жи Эйнбродтъ Софьи Красновой и дочери священника Ансеровой, знавшихъ проживавшую въ домѣ Эйнбродтъ Вѣру Любатовичъ подъ именемъ Лидіи Фигнеръ. Такимъ образомъ, изъ изложеннаго ясно, что квартира администраціи общины до 6 августа помѣщалась въ д. Эйнбродтъ. Затѣмъ, въ августѣ мѣсяцѣ Вѣра Любатовичъ вмѣстѣ съ княземъ Циціановымъ и Кардашевымъ приходили нанимать и наняли квартиру въ д. Толстой. Въ этой квартирѣ поселились первые двое, причемъ квартирой завѣдывала Вѣра Любатовичъ, у которой и хранился отъ квартиры ключъ. Обстоятельства эти вполнѣ подтверждены показаніями дворника дома Толстой, Ивана Жохова. Кардашевъ жилъ на отдѣльной квартирѣ, но зато въ д. Толстой найдены всѣ вещи третьяго лица, дворянина Цвиленева, причемъ въ его чемоданѣ найдена часть бумагъ, о которыхъ сказано выше. Очевидно, что та же администрація, которая находилась въ д. Эйнбродтъ, перебралась на новую квартиру въ д. Толстой, но при этомъ составъ администраціи нѣсколько измѣнился. Въ д. Эйнбродтъ въ составъ администраціи входили Вѣра Любатовичъ и Здановичъ (Рыжій). Какъ выше указано, Вѣра Любатовичъ желала выйти изъ администраціи, но, не будучи никѣмъ замѣнена, осталась въ ней, ибо въ противномъ случаѣ она должна была уѣхать на работу въ Кіевъ. Что касается до Здановича (Ры-

жаго), то онъ выбылъ изъ Москвы по порученію общины на границу и, такимъ образомъ, выбылъ изъ администраціи. О немъ Вѣра Любатовичъ писала въ Иваново: «Рыжему не хотѣлось ѣхать на границу, а между тѣмъ онъ поѣхалъ». О немъ же Евгенія Субботина писала въ Иваново Аннѣ, что его нѣтъ въ Москвѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что, согласно программѣ, администрація въ то время должна была состоять изъ трехъ лицъ. Дознаніе не могло опредѣлить третье лицо, входившее въ составъ администраціи въ д. Эйнбродтъ, но въ д. Толстой найдены вещи и бумаги, принадлежащія тремъ лицамъ: Любатовичъ, князю Циціанову и Цвиленеву, а подобное сочетаніе трехъ лицъ вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ программы. Переѣзжая изъ дома Эйнбродтъ, Вѣра Любатовичъ приняла мѣры скрыть свое мѣстопребываніе. Такъ, въ полиціи Лидія Фигнеръ 6 августа была отмѣчена выѣхавшею въ Казань, а дворнику дома Эйнбродтъ былъ указанъ ея адресъ, № 12 гостиницы «Украйна», каковой адресъ и былъ сообщенъ дворникомъ свидѣтельницѣ Ансеровой. Къ этому обстоятельству слѣдуетъ присоединить и то, что въ № 12 «Украйны», въ квартирѣ Гамкрелидзе, найдена часть общиннаго имущества (книги и рукопись), переданная ему на храненіе членами администраціи. Все вышеизложенное ясно доказываетъ исполненіе администраціей требованія программы о наймѣ и устройствѣ квартиръ, а, съ другой стороны, служитъ прямымъ доказательствомъ того значенія, которое имѣли въ общинѣ обвиняемые Зановичъ, Вѣра Любатовичъ, кн. Циціановъ, Цвиленевъ, Гамкрелидзе и Кардашевъ. Затѣмъ, по отношенію къ обвиненію отставного коллежскаго регистратора Кардашева, дознаніемъ обнаружено, что этотъ послѣдній хранилъ при себѣ и расходовалъ деньги, составлявшія матеріальныя средства общины. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что Кардашевъ, принадлежа къ кавказскимъ уроженцамъ, давно былъ знакомъ съ главными по настоящему дѣлу обвиняемыми: Чекоидзе, Джабадари, княземъ Циціановымъ и др гими. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1875 г. Кардашевъ пріѣзжалъ въ Москву изъ Петербурга и жилъ вмѣстѣ съ Чекоидзе въ гостиницѣ Шевалдышева. Ранѣе указано было, что вслѣдъ затѣмъ Чекоидзе, вступивъ въ общину пропагандистовъ, былъ 4-го апрѣля уже арестованъ въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсакъ, Кардашевъ же, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его собственноручная записная книжка, укрылся за границу Изъ той же записной книжки видно, что, находясь за границей, Кардашевъ велъ переписку съ Рыжимъ, съ Вѣрою Любатовичъ и съ другими лицами, отмѣченными только буквами, и что приблизительно въ концѣ іюня мѣсяца 1875 г. Кардашевъ снова прибылъ въ Россію. По показанію Красновой, служителей гостиницы «Украйна» и дворника дома Толстой, Жохова, Кардашевъ часто посѣщалъ Гамкрелидзе и Вѣру Любатовичъ. Какъ выше было указано, у Кардашева было найдено 8545 руб. денегъ и билетъ 1100 рублей на имя Тумановой. Въ книжкѣ Кардашева записаны такіе расходы: Санчо 15 руб., Санчо 25, Волч. 20 руб., Гамкѣ 15 р., Свадьба 41 руб. Ниже будетъ подробно объяснено значеніе этихъ именъ, теперь же будетъ достаточно указать, что имена Санчо, Гамка, Волченокъ—суть клички членовъ преступнаго сообщества. Эти записи свидѣтельствуютъ о томъ, что Кардашевъ расходовалъ деньги на членовъ общины. Принимая во вниманіе безусловное правило, устанавливаемое программой, по которому ни одинъ членъ общества не долженъ имѣть личной собственности, но получаетъ необходимыя для него средства отъ общины и что денежныя средства общины не должны храниться въ администраціи общины, то станетъ совершенно ясно, что денежныя суммы, отобранныя у Кардашева, составляютъ денежный фондъ преступнаго сообщества. Соображеніе, только что изложенное, находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ обстоятельствахъ дѣла. Какъ оказалось, Кардашевъ ѣздилъ

въ города Тулу и Орелъ вмѣстѣ съ княземъ Циціановымъ (Зедгенидзе). Въ Тулѣ Кардашевъ, согласно показанію свидѣтеля Введенскаго, видѣлся съ обвиняемымъ Злобинымъ, а въ Орлѣ, какъ это удостовѣрила прислуга гостиницы Тотьенъ, останавливался въ этой гостиницѣ и видѣлся съ обвиняемой Марьей Субботиной. Кромѣ того, поѣздка эта удостовѣрена и самимъ Кардашевымъ. Расходъ на эту поѣздку, какъ по отношенію къ Кардашеву, такъ и по отношенію къ князю Циціанову, записанъ въ той же книжкѣ Кардашева, да и расходы на жизнь и поѣздки самого Кардашева, принадлежавшаго къ той же общинѣ и носившаго кличку Мавра, въ виду вышеизложеннаго,—не могутъ не быть отнесены на счетъ общиннаго фонда. Еще болѣе значенія имѣетъ для дѣла нахожденіе у Кардашева билета петербургскаго ссуднаго банка въ 1100 рублей на имя Тумановой. Билетъ этотъ былъ выданъ матерью Тумановой дочери ея Екатеринѣ, какъ приданое при выходѣ послѣдней замужъ за обвиняемаго Антимоза Гамкрелидзе. Бракосочетаніе Гамкрелидзе съ Тумановой послѣдовало 13-го іюля 1875 г. въ Москвѣ. Въ обыскной книгѣ въ числѣ свидѣтелей брака расписался князь Александръ Циціановъ, на свадьбѣ распоряжался всѣмъ тотъ же князь Циціановъ, а въ числѣ присутствовавшихъ находились, кромѣ того, Вѣра Любатовичъ, Кардашевъ и обвиняемая Варвара Батюшкова, о которой будетъ сказано ниже. Свадьба эта была совершена при особой, исключительной обстановкѣ. Невѣста пріѣхала въ церковь въ сопровожденіи квартирной хозяйки Сидоровой неодѣтая въ подвѣнечное платье, поведеніе лицъ во время бракосочетанія поражало постороннихъ лицъ полнымъ пренебреженіемъ къ обрядности бракосочетанія. Въ церкви не были даже приготовлены или приглашены необходимые свидѣтели и одного изъ нихъ пришлось разыскивать. Немедленно послѣ свадьбы и закуски въ номерахъ Рубилиной, молодая уѣхала, оставивъ своего молодого мужа ночевать одного, а затѣмъ супруги Гамкрелидзе, какъ это указано выше, разъѣхались совсѣмъ, причемъ Екатерина Гамкрелидзе отправилась въ Иваново-Вознесенскъ на преступную пропаганду. Билетъ въ 1100 руб., поступившій въ приданое Екатеринѣ Гамкрелидзе, перешелъ къ Кардашеву, а у этого послѣдняго записано въ записной книжкѣ выдача 15 р. Гамкѣ и 41 р. расхода по свадьбѣ, причемъ именно Кардашевымъ уплачены деньги священнику за вѣнчаніе Гамкрелидзе. Лучшимъ доказательствомъ тому, какое значеніе этому браку придавали сами обвиняемые, служитъ письмо, найденное въ Ивановѣ, въ которомъ пишутъ слѣдующее: «не желаете ли получить по почтѣ М-lle Гамку, хотя она и вышла замужъ за Катю, но все-таки теряетъ право называться мадамшею». Самъ Антимозъ Гамкрелидзе показалъ, что тотчасъ же послѣ свадьбы онъ рѣшилъ выдать женѣ своей отдѣльный видъ для проживанія во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи. Очевидно, такимъ образомъ, что бракъ Гамкрелидзе имѣетъ фиктивное значеніе и заключенъ былъ съ единственною цѣлью пріобрѣтенія приданаго, которое вслѣдъ за бракосочетаніемъ и поступило въ общій фондъ къ обвиняемому Кардашеву. Слѣдуетъ замѣтить, что бракъ Гамкрелидзе не былъ единственнымъ явленіемъ подобнаго рода среди этого преступнаго сообщества. Членами сообщества былъ заключенъ другой бракъ съ тѣмъ же характеромъ. Ранѣе неоднократно уже упоминалось имя обвиняемой княгини Циціановой, задержанной въ Кіевѣ подъ именемъ Марьи Горощенковой. Оказалось, что именующая себя княгиней Циціановой, рожденная Хоржевская, вышла замужъ за князя Александра Циціанова въ г. Одессѣ и вѣнчалась съ нимъ 13 іюля 1875 г., т. е. въ тотъ же самый день, когда кн. Александръ Циціановъ присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля въ г. Москвѣ при бракосочетаніи супруговъ Гамкрелидзе. Произведеннымъ по этому предмету дознаніемъ обнаружено, что въ Одессѣ, при содѣйствіи обвиняемыхъ Ольги Лю-

батовичъ и Надежды Субботиной, въ домъ Хоржевскихъ, къ отцу обвиняемой, былъ введенъ Александрою Хоржевской подъ именемъ князя Александра Циціанова дворянинъ Кикодзе, скрывшійся и дознаніемъ не разысканный. Эта личность обвѣнчалась съ Александрой Хоржевской по документамъ князя Циціанова. Обстоятельства эти вполнѣ удостовѣрены свидѣтельскими показаніями отца, сестры Хоржевской и свидѣтелей бракосочетанія, которымъ была предъявлена фотографическая карточка Кикодзе, такъ и сличеніемъ подписей въ обѣихъ обыскныхъ книгахъ. Хоржевской выдано было приданое, неизвѣстно куда исчезнувшее, а, между тѣмъ, сама Хоржевская является дѣятельнымъ членомъ кіевской общины, имѣвшей свой самостоятельный денежный фондъ. Между тѣмъ, была совершена попытка заключить еще третій бракъ такого же характера. Дочь священника г. Москвы, Екатерина Ансерова, воспитывалась въ гимназіи вмѣстѣ съ сестрами Субботиными, подъ вліяніемъ которыхъ пожелала вмѣстѣ съ ними и на ихъ средства ѣхать за-границу, на что родители Ансеровой не согласились. Тогда Евгенія Субботина предложила Ансеровой получить свободу путемъ фиктивнаго брака съ однимъ господиномъ по фамиліи Іоселіани, который для знакомства съ Ансеровой приходилъ нѣсколько разъ въ церковь, а затѣмъ просилъ у отца Ансеровой позволенія бывать у нихъ въ домѣ, въ чемъ священникъ Ансеровъ ему отказалъ. Въ виду подобной неудачи Евгенія Субботина уговорила Ансерову бѣжать, составила планъ побѣга и дала Ансеровой для жизни на первое время послѣ побѣга 35 рублей. Ансерова, узнавъ въ это время, что Субботина арестована, прервала съ ней всякое знакомство. Желая окончательно раздѣлаться съ Субботиными, Ансерова принесла должные ею Евгеніи Субботиной 35 рублей въ гостиницу «Украйну», вслѣдствіе чего и была препровождена къ дознанію. По словамъ Ансеровой, бракъ этотъ устраивался для того, чтобы Ансерова, получивъ отъ отца приданое, могла бы передать его своему мужу, а сама за это получила бы полную свободу. По предъявленіи Кардашева Ансеровой эта послѣдняя признала въ немъ того господина, который выдавалъ себя за Іоселіани. Кардашевъ, съ своей стороны, не отвергая того, что желалъ познакомиться съ Ансеровой, но получилъ отказъ, не сознался въ томъ, что выдавалъ себя за Іоселіани. Показаніе Ансеровой нашло себѣ полное подтвержденіе въ показаніи ея отца. Что устройство фиктивныхъ браковъ входило въ разсчеты членовъ преступнаго сообщества, тому, кромѣ примѣровъ вышеприведенныхъ, служитъ доказательствомъ письмо, найденное у обвиняемой Варвары Батюшковой, причемъ и это письмо доказываетъ, что цѣль подобныхъ браковъ есть пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ. Въ письмѣ этомъ лицо, оставшееся необнаруженнымъ, пишетъ, что до выхода замужъ оно не можетъ получить завѣщанныхъ ему денегъ, а потому проситъ найти на фиктивный съ нимъ бракъ охотника, который согласился бы «продѣлать эту комедь». Письмо оканчивается замѣчаніемъ, что въ данномъ случаѣ цѣль оправдываетъ средства. Въ виду подобныхъ фактовъ, значеніе билета Петербургскаго Ссуднаго Банка въ 1100 рублей, найденнаго у Кардашева, становится совершенно яснымъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что какъ самъ Кардашевъ, такъ мужъ и жена Гамкрелидзе дали по этому поводу самыя разнорѣчивыя показанія и не умѣли объяснить, какимъ образомъ билетъ Тумановой попалъ къ Кардашеву. Въ продолженіи всего дознанія Кардашевъ упорно отказывался объяснить, откуда получены имъ эти суммы, утверждая, что это будетъ сдѣлано имъ впослѣдствіи, и что лично ему принадлежитъ билетъ въ 1100 р. На другомъ допросѣ Кардашевъ измѣнилъ свои показанія и показалъ, что всѣ деньги принадлежатъ ему, исключая билета въ 1100 руб., который ему не принадлежитъ. Причина, по которой Кардашевъ медлилъ

дать какія-либо объясненія по поводу найденныхъ у него денегъ, вскорѣ объяснилась. По обыску, произведенному 1 декабря 1875 г. въ квартирѣ обвиняемыхъ Надежды Георгіевской и Екатерины Введенской, были найдены 4 конверта, доставленные изъ тюремнаго замка. По вскрытіи означенныхъ конвертовъ въ нихъ оказались письма, написанныя Кардашевымъ къ его братьямъ Бегляру и Сергѣю Степановымъ въ Шемаху и Елисаветполь. Въ этихъ письмахъ Кардашевъ проситъ своихъ братьевъ устроить такъ, чтобы при допросѣ одинъ изъ братьевъ или мать Кардашева показали бы, что деньги 9000 р. даны ими для коммерческихъ оборотовъ Кардашеву. Для того, чтобы подкрѣпить подобное показаніе, Кардашевъ посылаетъ имъ написанныя задними числами письма, въ которыхъ даетъ отчетъ въ употребленіи этого капитала. Кромѣ того, приложено еще письмо отъ 5 августа 1875 г., въ которомъ Кардашевъ пишетъ къ брату, что пріѣхалъ въ Москву для устройства типографскаго дѣла, но компаньонъ его надулъ, и дѣло не состоялось. Это послѣднее письмо его братъ долженъ былъ представить при допросѣ къ дознанію для доказательства того, съ какою цѣлью Кардашевъ пріѣхалъ въ Москву. Въ отдѣльныхъ конвертахъ оказались векселя, написанные на имя Бегляра и Елисаветы Степановой по 9000 руб., на каждое имя. Всѣ эти письма и векселя должны были быть отправлены черезъ Георгіевскую и Введенскую съ нарочно посланнымъ человѣкомъ на Кавказъ. Въ письмѣ на имя Бегляра Степанова, въ которомъ Кардашевъ излагаетъ весь планъ дѣйствій, предпринимаемый имъ для введенія правосудія въ заблужденіе, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: «Полагаютъ, что эти деньги у меня кружковыя, членскія, т. е. что это сборъ съ революціоннаго кружка. Теперь вся суть у меня пока вертится на томъ, чтобы найти человѣка, который взялся бы сказать, что это его деньги, что онъ мнѣ ихъ далъ... Спасите деньги, хотя чужія для васъ, но для меня это деньги дорогихъ мнѣ людей. Нарочно, чтобы передать вамъ мое письмо, снаряжается человѣкъ». Вмѣстѣ съ этими письмами въ той же квартирѣ было найдено еще письмо Кардашева, въ которомъ этотъ послѣдній учитъ, какъ надо ѣхать въ Шемаху и, между прочимъ: говоритъ, «я положительно не знаю, что же будетъ дальше: то предлагаете новый планъ, то письмо. Если хотите мой планъ выполнить, то пришлите мнѣ еще два листа почтовой бумаги: очень, очень важно написать ихъ. Они послужатъ славнымъ доказательствомъ для моего оправданія. Во всякомъ случаѣ вашъ планъ пусть остается въ резервѣ, а если хотите, двигайте понемногу вашъ планъ, но я увѣренъ, что дѣло съ моимъ однимъ вполнѣ удастся, развѣ если у васъ нѣтъ господина для отправки туда». Значеніе денежныхъ суммъ, отобранныхъ у Кардашева, разъяснено самимъ Кардашевымъ въ шифрованномъ письмѣ на имя князя Микеладзе. Въ немъ Кардашевъ, сообщая объ арестахъ Рыжему и предупреждая его о томъ, что его ищутъ, пишетъ: «Въ Москвѣ всѣ деньги до 10 тысячъ взяты». Съ другой стороны, Здановичъ (Рыжій) въ письмѣ, отобранномъ въ квартирѣ Георгіевской и Введенской, напоминаетъ лицамъ, которымъ адресованы письма, о ихъ нравственной обязанности озаботиться, чтобы задуманный планъ къ спасенію арестованнаго капитала удался, ибо въ противномъ случаѣ капиталъ для дѣла пропадетъ. Допрошенный по поводу найденныхъ у Георгіевской писемъ, Кардашевъ, признавая ихъ за свои, отказался дать какія-либо объясненія, но по поводу денежныхъ расходовъ, записанныхъ въ его книжкѣ, объяснилъ, что подъ именемъ Гамки, Санчо и Волченка онъ зналъ Гамкрелидзе, кн. Циціанова и Вѣру Любатовичъ, которымъ и давалъ деньги, но въ долгъ. Такимъ образомъ, взаимное сопоставленіе всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ и писемъ, писанныхъ самимъ обвиняемымъ, приводитъ къ окончательному и несомнѣн-

ному убѣжденію въ томъ, что въ рукахъ Кардашева находился фондъ московской революціонной общины, а самъ Кардашевъ былъ кассиромъ этой общины. Послѣ ареста членовъ администраціи преступнаго сообщества, была вновь произведена попытка членами сообщества создать новую администрацію въ квартирѣ дочерей священниковъ Надежды Георгіевской (сестры обвиняемаго Георгіевскаго) и Екатерины Введенской. Эта попытка не удалась вслѣдствіе своевременнаго и случайнаго обнаруженія ея. 1 декабря приставомъ Сущевской части составленъ былъ актъ о томъ, что въ принесенномъ Надеждою Георгіевской брату своему хлѣбѣ найдена шифрованная записка отъ Надежды Георгіевской къ ея брату. По дешифрированіи записки оказалось, что въ ней сообщалось Георгіевскому о способѣ сношеній, установленныхъ съ арестантами въ Срѣтенской и Сущевской частяхъ, и извѣщеніе о безпорядкахъ въ Технологическомъ Институтѣ. По поводу означенной записки, признанной Георгіевской за написанную ею, былъ произведенъ у Георгіевской обыскъ, и оказалось, что она живетъ вмѣстѣ съ Екатериной Введенской. Передъ началомъ обыска какъ Георгіевская, такъ и Введенская стремительно бросились къ столу и успѣли изорвать нѣсколько бумагъ, но отъ дальнѣйшихъ насильственныхъ дѣйствій были удержаны. По обыску у нихъ были отобраны: 1. письма, приготовленныя для отправки на Кавказъ, написанныя Кардашевымъ, о которомъ сказано выше; 2. шифрованное письмо, по своему содержанію, очевидно, написанное обвиняемымъ Гамкрелидзе; 3. два листа почтовой бумаги, исписанные шифромъ, какъ оказалось потомъ письмо Рыжаго изъ тюрьмы къ пропагандистамъ; 4. клочекъ бумаги съ шифрованнымъ письмомъ Василія Георгіевскаго и 5. переводы шифрованныхъ писемъ (Рыжаго) Здановича. Что касается до писемъ Кардашева, то содержаніе и значеніе ихъ указано выше; въ письмѣ Гамкрелидзе этотъ послѣдній проситъ лицо, которое поѣдетъ на Кавказъ, повидаться въ Одессѣ съ братомъ Гамкрелидзе и условиться съ нимъ о томъ, какія братъ его долженъ дать показанія для того, чтобы бракъ Гамкрелидзе съ Тумановой потерялъ свой фиктивный характеръ. Въ шифрованныхъ письмахъ Здановичъ, обращаясь къ членамъ сообщества, оставшимся на свободѣ, даетъ подробныя наставленія о пользѣ устройства мастерскихъ для веденія пропаганды въ народѣ, разъясняетъ, какъ нужно поступать для окончанія начатаго авторомъ писемъ труда по составленію словаря для телеграммъ, предусмотрѣннаго въ программѣ организаціи, напоминаетъ лицамъ, которымъ адресованы письма, о ихъ нравственной обязанности озаботиться, чтобы задуманный планъ къ спасенію арестованнаго капитала удался, ибо въ противномъ случаѣ капиталъ для дѣла пропадетъ, сообщаетъ, что авторъ письма писалъ Медвѣдевой наставленіе, какъ она должна показывать, и увѣдомляетъ, что необходимо увѣрить, что «Рыжій» на свободѣ за границей и что онъ, авторъ писемъ, не есть Рыжій, причемъ спрашиваетъ, посланы ли его документы на родину, подговорены ли свидѣтели и какой отвѣтъ послѣднихъ. Спрошенныя по поводу найденныхъ у нихъ переписокъ, Георгіевская и Введенская отказались дать какія-либо объясненія, утверждая, что письмо Кардашева и Гамкрелидзе принесены въ ихъ квартиру неизвѣстнымъ человѣкомъ, причемъ Георгіевская признала, что переводъ писемъ Рыжаго сдѣланъ ею. Въ тотъ же вечеръ, когда произведенъ былъ у означенныхъ выше лицъ обыскъ, въ ихъ квартиру явился мужчина, одѣтый по-дорожному. При задержаніи его, мужчина этотъ бросилъ на землю записку, оказавшуюся шифрованной. По доставленіи его въ жандармское управленіе неизвѣстный отказался объявить о своемъ званіи и успѣлъ схватить со стола и изорвать брошенную имъ записку. Затѣмъ, на послѣдующемъ допросѣ неизвѣстный оказался бывшимъ студентомъ С.-Петербургскаго Университета Алексѣемъ Ивановымъ Нуромскимъ.

Прибытіе свое на квартиру Георгіевской Нуромскій объяснилъ знакомствомъ, но указать свою квартиру и давать какія-либо объясненія отказался. Содержась уже подъ стражей, Нуромскій, получивъ черезъ обвиняемаго Агапова записку, отвѣчалъ на нее письмомъ, въ которомъ излагалась сущность даннаго имъ при дознаніи показанія, причемъ самое письмо было зашифровано по ключу, бывшему въ употребленіи среди членовъ преступнаго сообщества. Такимъ образомъ, произведеннымъ у Георгіевской и Введенской обыскомъ вполнѣ доказано, что черезъ нихъ и въ ихъ квартирѣ вновь были организованы сношенія съ арестованными лицами; что Георгіевская и Введенская принимали дѣятельное участіе въ томъ, чтобы отыскать человѣка для отправки его съ письмами на Кавказъ, что они вели со Зановичемъ переписку о продолженіи преступной пропаганды и что имъ содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи обвиняемый Нуромскій. Такого рода дѣятельность безспорно составляетъ часть обязанностей, возлагаемыхъ программой на администрацію общества. Кромѣ вышеуказанныхъ обвиняемыхъ, дознаніемъ обнаружена принадлежность къ той же преступной организаціи еще цѣлаго ряда лицъ. Прежде всего слѣдуетъ остановиться на томъ дѣятельномъ участіи, которое принимали въ дѣлахъ общины три сестры: Марія, Евгенія и Надежда Дмитріевы Субботины. Выше нѣсколько разъ уже упоминались имена этихъ лицъ. При производствѣ дознанія объ ивановскихъ пропагандистахъ обнаружено было, что московская цеховая Анна Топоркова по убѣжденію и на средства Субботиныхъ ѣздила въ Цюрихъ, откуда вернувшись, посвятила себя преступной пропагандѣ. Тѣ же Субботины убѣждали свидѣтельницу Ансерову ѣхать вмѣстѣ съ ними за границу и предлагали ей на это свои средства. Затѣмъ, настоящимъ дознаніемъ къ обвиненію Субботиныхъ обнаружены слѣдующія данныя. Какъ выше было сказано, обвиняемый Степанъ Кардашевъ покушался отправить черезъ унтеръ-офицера Дунева два письма: одно въ Орелъ на имя присяжнаго повѣреннаго Афонскаго и другое въ Одессу на имя князя Микеладзе. Письмо, адресованное Афонскому, состоитъ изъ двухъ частей: въ первой, не зашифрованной части, Кардашевъ проситъ Афонскаго передать это письмо Маріи или Евгеніи Субботинымъ, которыя «прочтутъ, что написано шифромъ», а Афонскій не пойметъ, да это ему и не нужно. Вторая часть письма зашифрована по общинскому ключу «Эй Фомичъ». Въ ней Кардашевъ сообщаетъ Субботинымъ, что «наши московскіе друзья больны ужасно, эпидемически, начиная съ Волчен., Санчо и Мавра и кончая уже чертъ знаетъ кѣмъ, пусть извѣстятъ кому найдутъ нужнымъ». Написаніе подобнаго письма Кардашевымъ къ Субботинымъ служитъ непосредственнымъ доказательствомъ того, что Евгеніи и Маріи Субботинымъ извѣстенъ не только шифръ, употребляемый общиною, но извѣстны клички членовъ общины и тѣ лица, кого объ арестахъ слѣдуетъ предупредить. Затѣмъ, по отношенію къ Евгеніи Субботиной слѣдуетъ имѣть въ виду, что она устраивала неудавшійся фиктивный бракъ Ансеровой съ Кардашевымъ, выдавая послѣдняго за Іоселіани, что письмо отъ Евгеніи къ Аннѣ, найденное въ Иваново-Вознесенскѣ, въ которомъ Евгенія выражаетъ свое прямое сочувствіе дѣятельности пропагандистовъ и безпокоится о томъ, что дѣло ведется слишкомъ неосторожно, написано, какъ признали эксперты и отчасти сама Субботина, тою же Евгеніею Субботиною. Затѣмъ, прибытіе Субботиной изъ Петербурга съ обвиняемымъ Михаиломъ Овчинниковымъ, несомнѣннымъ членомъ общины, причемъ оба эти лица прямо съ желѣзной дороги прибыли вмѣстѣ въ № 12 «Украйны», въ квартиру Гамкрелидзе, служитъ яснымъ доказательствомъ принадлежности Субботиной къ преступному сообществу. Нельзя при этомъ не обратить вниманія и на то, что въ квартирѣ администраціи общины найдена была абониментная книжка

Евгеніи Субботиной изъ библіотеки Улитиныхъ. Уликами къ обвиненію Маріи Субботиной служатъ, кромѣ письма Кардашева, наемъ ею квартиры въ д. Эйнбродтъ и передача этой квартиры Лидіи Фигнеръ. Въ письмѣ, отобранномъ въ Иваново-Вознесенскѣ, сообщается, что Манька хлопочетъ о сапогахъ, а сапоги эти, какъ разъяснилъ обвиняемый Агаповъ, на языкѣ членовъ общины значитъ фальшивые виды на жительство. Въ письмѣ Евгеніи Субботиной, найденномъ по обыску у Маріи Субботиной, первая говоритъ о необходимости предупредить «Маньку» объ арестахъ, произведенныхъ въ Москвѣ, а по показанію самой Евгеніи Субботиной подъ именемъ Маньки она понимала сестру свою Марію Субботину. Близкія сношенія Маріи Субботиной съ членами общины доказываются показаніями прислуги гостиницы Тотьенъ въ г. Орлѣ, признавшей въ фотографической карточкѣ Маріи Субботиной женщину, посѣщавшую Кардашева во время его пріѣзда въ Орелъ. Какое значеніе имѣла Марія Субботина среди пропагандистовъ, и насколько эти послѣдніе о ней заботились, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что Кардашевъ, увѣдомляя Рыжаго объ арестахъ въ Москвѣ, находилъ нужнымъ дать знать о томъ, что во время обыска у Гамкрелидзе имя Маріи Дмитріевны Субботиной было записано. Наконецъ, лица, знавшія Марію Субботину, какъ напр., вдова штабсъ-капитана Четвергова и сынъ священника Царевскій приходили для свиданія съ Марьей Субботиной въ 12 № гостиницы «Украйна», что съ своей стороны указываетъ также на близость сношеній Субботиной съ Гамкрелидзе, однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ преступной общины. При изложеніи обстоятельствъ дѣла, относящихся до дѣятельности пропагандистовъ въ г. Кіевѣ, указаны были улики къ обвиненію третьей сестры, Надежды Дмитріевны Субботиной. Здѣсь не лишнимъ будетъ припомнить, что, при содѣйствіи той же Надежды Субботиной, Александра Хоржевская вышла замужъ за дворянина Кикодзе, выдавая его за князя Циціанова. Кромѣ того, дознаніемъ, произведеннымъ въ Москвѣ, къ обвиненію Надежды Субботиной, а вмѣстѣ съ нею и дочери титулярнаго совѣтника Елены Медвѣдевой обнаружены слѣдующія данныя. Обвиняемый Степанъ Кардашевъ, кромѣ письма на имя Афонскаго, покушался переслать черезъ унтеръ-офицера Дунева еще другое—въ Одессу на имя князя Микеладзе. Въ этомъ шифрованномъ письмѣ Кардашевъ пишетъ Рыжему, что въ Москвѣ всѣ схвачены, деньги до 10 тыс. руб. взяты и что пишущій слыветъ еще пока подъ именемъ князя Кочакидзе. «Санчо далъ два выстрѣла по офицеру, но не попалъ, это очень хорошо, а то бы бѣда... Тебя ищутъ, книгъ захватили пропасть, бумагъ ничего, кажется, у Санчо и Вѣры кое-что... Всѣ бумаги у Медвѣдихи, но, кажется, уже былъ шпіонъ, но это пустяки, ты можешь спросить о ней въ гостиницѣ Чернышева у Винницкой. Вообще, дѣла очень плохи». Вслѣдствіе указанія, сдѣланнаго Кардашевымъ въ этомъ письмѣ на Винницкую, была разыскана «Медвѣдиха», которая оказалась дочерью титулярнаго совѣтника Еленою Медвѣдевой. По обыску у Медвѣдевой ничего предосудительнаго найдено не было, но изъ показанія самой Медвѣдевой и Винницкой выяснилось, что Медвѣдева весьма близко была знакома съ Кардашевымъ, скрывшимся отъ дознанія дворяниномъ Кикодзе, женившимся подъ именемъ князя Циціанова на Хоржевской, посѣщала Гамкрелидзе и имѣла для передачи лицамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву, адресъ послѣдняго. У ней же, какъ свидѣтельствуетъ письмо Кардашева, хранились важныя для общины бумаги. Изъ шифрованнаго грузинской азбукой письма Елены Медвѣдевой, написаннаго ею во время нахожденія ея подъ стражей, видно, что она знала Рыжаго, а изъ указаннаго выше письма Рыжаго (Здановича), найденнаго у Георгіевской, ясно, что Медвѣдева принадлежала къ тому же преступному сообществу. На другой день послѣ ареста Елены Мед-

вѣдевой на ея имя получена была изъ Одессы депеша, подписанная Аристарховою, такого содержанія: «Вѣра, не присылай ни одного письма, я уѣзжаю, скоро вышлю свой адресъ». Затѣмъ, въ 20-хъ числахъ августа изъ Кіева на имя Медвѣдевой получено было письмо, написанное, какъ это безусловно признано, княгиней Александрою Циціановой. Въ этомъ письмѣ Циціанова проситъ, какъ можно скорѣе, увѣдомить ее о новомъ адресѣ квартиры въ Москвѣ, въ которой могли бы остановиться рабочіе и интеллигентные, имѣющіе пріѣхать изъ Кіева. Спрошенная по поводу этихъ обстоятельствъ, Елена Медвѣдева не дала никакихъ объясненій, ссылаясь на то, что всѣ письма и депеши, ею полученныя, принадлежали не ей, а женщинѣ, съ которой она случайно познакомилась на бульварѣ и по просьбѣ которой получала для передачи какой-то Матвѣевой всѣ ея письма. Указать это лицо или мѣсто ея жительства Медвѣдева отказалась. По произведенному въ г. Одессѣ обыску у князя Пармена Микеладзе ничего подозрительнаго найдено не было, но были отобраны двѣ квитанціи на отправленныя въ Москву и Кіевъ депеши. По показанію кн. Микеладзе, лѣтомъ 1875 г. онъ познакомился въ Одессѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, называвшимся Иваномъ Григорьевымъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ знакомства Иванъ Григорьевъ, говоря, что онъ цѣлый день бываетъ на работахъ и что почтальонамъ трудно его разыскивать, просилъ князя Микеладзе получать отъ родныхъ письма на его, Микеладзе, имя, на что послѣдній и согласился. Вслѣдствіе этого князь Микеладзе сталъ получать письма изъ Москвы, Кіева и Кишинева. Одно письмо было изъ Яссъ, что подстрекнуло любопытство князя Микеладзе, и онъ письмо это распечаталъ, но прочесть не могъ, ибо оно было написано шифрами. Всѣ получаемыя письма князь Микеладзе передалъ Ивану Григорьеву, такъ какъ самъ Микеладзе ни отъ кого никогда писемъ не получалъ. Разъ какъ-то Иванъ Григорьевъ позвалъ Микеладзе кататься въ лодкѣ и тамъ познакомилъ его съ дѣвушкой, которую звали Надькой. Послѣ этого князь Микеладзе посѣщалъ Надьку и получилъ отъ нея для прочтенія «Парижскую коммуну». Надька въ свою очередь познакомила его съ семействомъ Хоржевскихъ. Двѣ депеши, посланныя по квитанціямъ, найденнымъ у князя Микеладзе, сданы на станцію имъ по просьбѣ Надьки. Содержанія депешъ онъ не помнитъ, но обѣ онѣ подписаны Аристарховой. Князь Микеладзе указалъ въ Одессѣ квартиры, гдѣ жили Иванъ Григорьевъ и Надька. Депеши, сданныя на станцію Микеладзе, оказались именно тѣми, которыя были адресованы на имя Медвѣдевой въ Москву и Гельфманъ въ Кіевъ. Эксперты признали, что подлинныя депеши, доставленныя къ дознанію телеграфнымъ начальствомъ, написаны рукою Надежды Субботиной. По предъявленіи Надежды Субботиной кн. Микеладзе, онъ призналъ ее за ту самую Надьку, которую онъ зналъ въ Одессѣ. По указаніямъ кн. Микеладзе было дознано, что въ Одессѣ проживалъ неизвѣстнаго званія человѣкъ, подъ именемъ Ивана Григорьева, скрывшійся съ квартиры 29 августа, т. е. немедленно послѣ ареста князя Микеладзе, бросивъ на квартирѣ свое бѣлье и не заплативъ хозяйкѣ за квартиру. Съ другой стороны, оказалось, что въ домѣ Тихонова въ Одессѣ, указанномъ княземъ Микеладзе, жили двѣ женщины: одна подъ именемъ Махоткиной, а другая подъ именемъ Степановой. Обѣ онѣ выдавали себя за швей, и 29 августа, въ тотъ же день, когда скрылся Иванъ Григорьевъ, съѣхали съ квартиры. Въ Степановой, какъ выше сказано, князь Микеладзе призналъ Надежду Субботину, а въ карточкѣ Ольги Любатовичъ квартирная хозяйка признала Махоткину, жившую у ней со Степановой. Хоржевскіе отецъ и дочь признали въ Субботиной знакомую Александры Хоржевской, бывавшую у нихъ въ домѣ подъ именемъ Надежды. Сверхъ того дознаніемъ вполнѣ доказано, что лѣтомъ 1874 г. Надежда

Субботина жила въ Орлѣ у жены губернскаго секретаря Погорѣльской вмѣстѣ съ Лидіею Фигнеръ. Надежда Субботина при допросѣ категорически отказалась отъ всякаго знакомства съ княземъ Микеладзе и Хоржевскими. Послѣ обыска въ 12 № гостиницы «Украйна», въ квартирѣ Гамкрелидзе, былъ задержанъ бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванъ Рождественскій. Въ карманѣ у него найдено было письмо на имя Ивана съ требованіемъ о высылкѣ разныхъ преступнаго содержанія книгъ, какъ-то: «Хитрая механика», «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и др. Какъ оказалось, Рождественскій пріѣхалъ въ тотъ же день въ Москву изъ Владикавказа и свое появленіе въ гостиницѣ объяснилъ тѣмъ, что адресъ гостиницы данъ ему какимъ-то неизвѣстнымъ господиномъ на желѣзной дорогѣ, а отобранное у него письмо, вѣроятно, кѣмъ-либо ему дорогой подложено. Въ имуществѣ Рождественскаго найдены книги, изъятыя изъ обращенія, а въ записной книжкѣ адресъ дома Эйнбродтъ съ замѣткою: спросить «Рыжаго Іоселіани». Дознаніемъ обнаружено, что Рождественскій служилъ лекаремъ на Ростовско-Владикавказской желѣзной дорогѣ на станціяхъ Прохладной и Кубинской. Въ разговорахъ съ лицами своей среды, Рождественскій нерѣдко высказывалъ, что система настоящаго правленія не достигаетъ своей цѣли, заставляя народъ нести тяжелый трудъ и не давая ему возможности выйти изъ нищеты. Съ рабочими желѣзной дороги Рождественскій находился въ близкихъ отношеніяхъ и часто давалъ имъ читать книги. По показанію мѣстнаго фельдшера Григорія Гея, онъ самъ читалъ книгу, данную ему Рождественскимъ, заглавія которой не помнитъ, но въ которой описывается страданіе народа отъ непосильнаго труда, а по удостовѣренію крестьянина Акима Зойкина рабочіе при немъ читали книгу, полученную ими отъ Рождественскаго, въ которой разсказывалось о ссылкѣ въ Сибирь одного мужика за то, что по избранію своего общества онъ подалъ на помѣщика жалобу за взысканіе лишняго оброка. Ранѣе указано было, что вмѣстѣ съ обвиняемой Евгеніей Субботиной въ 12 № гостиницы «Украйна» прибылъ сынъ священника Михаилъ Павловъ Овчинниковъ. Слѣдуетъ припомнить, что записная книжка Овчинникова найдена была среди бумагъ въ квартирѣ администраціи общины въ домѣ Толстой. Часть рукописи преступнаго содержанія «Сказка о Мудрицѣ Наумовнѣ» написана рукою Овчинникова, что призналъ и самъ Овчинниковъ. По показанію служителей гостиницы «Украйна», Овчинниковъ часто посѣщалъ квартиру Гамкрелидзе. Отказываясь отъ всякаго знакомства съ Гамкрелидзе, Кардашевымъ, Вѣрою Любатовичъ и кн. Циціановымъ, Овчинниковъ показалъ, что съ Евгеніей Субботиной онъ случайно познакомился въ день его пріѣзда въ Москву на станціи желѣзной дороги, и Субботина пригласила его вмѣстѣ ѣхать въ гостиницу «Украйна», гдѣ, по словамъ Субботиной, у нея есть знакомый. Между тѣмъ, самъ Овчинниковъ показалъ, что онъ служилъ писаремъ въ Петербургѣ, въ Главномъ Штабѣ. Выйдя въ отставку, онъ, на средства своей любовницы, поѣхалъ лѣчиться въ Цюрихъ, откуда черезъ нѣсколько времени переселился въ Эйдкуненъ, на русскую границу, гдѣ и проживалъ у какого-то еврея. Въ Эйдкуненѣ онъ жилъ потому, что тамъ хорошъ воздухъ. Возвратясь изъ-за границы, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, а жилъ своими собственными средствами. Будучи оставленъ на свободѣ, Овчинниковъ вслѣдъ за тѣмъ былъ арестованъ по поводу подстрекательства свидѣтеля Корнюхина на преступную пропаганду, о чемъ будетъ сказано ниже. Всѣ вышеназванныя лица, допрошенныя въ качествѣ обвиняемыхъ, кромѣ показаній, въ подлежащихъ мѣстахъ настоящаго обвинительнаго акта указанныхъ, въ большинствѣ случаевъ уклонялись давать какія-либо показанія, стараясь скрыть свои взаимныя сношенія, и упорно отказывались отъ всякаго другъ съ другомъ знакомства. Между тѣмъ, ихъ взаимная связь и при-

надлежность къ одному и тому же преступному сообществу, кромѣ обстоятельствъ дѣла, подробно изложенныхъ, доказывается общностью имущества, употребленіемъ условныхъ кличекъ и шифровъ. Кромѣ пользованія каждымъ изъ обвиняемыхъ денежными средствами изъ общественныхъ суммъ, показаніями самихъ подсудимыхъ и ихъ взаимною перепискою, вполнѣ доказано, что всѣ необходимыя вещи, бѣлье, оружіе получались пропагандистами отъ администраціи общества, всѣ заработанныя деньги вносились въ общую кассу. Наглядным доказательствомъ общности имущества служатъ осмотры бѣлья, найденнаго у разныхъ обвиняемыхъ. Изъ этихъ осмотровъ видно, что всѣ почти женщины носили бѣлье, принадлежащее всѣмъ имъ вмѣстѣ, а въ квартирѣ администраціи находился складъ бѣлья съ мѣтками всѣхъ обвиняемыхъ. Затѣмъ, программа общества предписываетъ членамъ его употребленіе кличекъ. Изъ изложеннаго видно, что клички дѣйствительно употреблялись между обвиняемыми. Здановичъ носилъ кличку Рыжаго, князь Циціановъ—Санчо, Кардашевъ,—Мавра, Вѣра Любатовичъ—Волченка, Вѣрки, Гамкрелидзе—Гамки, Надежда Субботина—Надьки, Лидія Фигнеръ,—Лидьки, Кикодзе—Кики. Эти клички извѣстны были всѣмъ обвиняемымъ, и они употребляли ихъ въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ и перепискахъ. Такъ, въ письмахъ Рыжаго (Здановича) и Любатовичъ къ ивановскимъ пропагандистамъ употреблены однѣ только клички, чѣмъ доказывается значеніе этихъ кличекъ членами ивановской общины. Кардашевъ употреблялъ эти же клички въ письмѣ къ Субботинымъ, Надежда и Евгенія Субботины сами употребляютъ въ письмахъ и телеграммахъ клички, и подобное обстоятельство не можетъ не служить прямымъ доказательствомъ принадлежности лицъ, знающихъ клички, къ преступному сообществу. Еще болѣе значенія для обвиненія вышеназванныхъ лицъ въ принадлежности ихъ къ преступному сообществу служитъ употребленіе ими общихъ шифровъ для взаимной переписки. Единство шифровъ, употреблявшихся разными лицами въ разныхъ мѣстахъ, не можетъ не служить прямымъ доказательствомъ принадлежности какъ писавшаго шифрованную записку, такъ равно и лица, которому она предназначалась, къ одному и тому же сообществу, тѣмъ болѣе, что употребленіе шифровъ осуществляетъ собою въ дѣйствительности программу организаціи революціонныхъ общинъ, отобранную у Здановича, въ которой есть подробное указаніе на значеніе шифровъ, какъ способа сношеній между членами преступнаго сообщества. 1. Такъ, въ бумагахъ Цвиленева въ квартирѣ администраціи былъ найденъ шифръ: «Чаще держать экзамены». Этимъ шифромъ была ведена переписка администраціи съ Василіемъ Георгіевскимъ во время нахожденія послѣдняго подъ стражей. Содержаніемъ писемъ доказано, что письма эти написаны Георгіевскимъ. Переводъ одного изъ этихъ писемъ сдѣланъ обвиняемой Екатериною Гамкрелидзе, документы найдены въ квартирѣ администраціи. 2. Наиболѣе употреблявшійся между пропагандистами шифръ былъ найденъ и разобранъ по бумагамъ иваново-вознесенской общины. Шифромъ этимъ: «Эй, Фомичъ, кубышкою владѣй» были написаны слѣдующіе адреса, письма и записки: а) Адреса, найденные въ Иваново-Вознесенскѣ. б) Письмо, найденное въ Иваново-Вознесенскѣ, за подписью «Твой Митрій», въ которомъ ивановскіе пропагандисты предупреждались о томъ, что къ нимъ направился сыщикъ. в) Письмо, найденное въ квартирѣ администраціи и написанное Лидіей Фигнеръ, въ которомъ эта послѣдняя проситъ о высылкѣ копіи съ Волчанскаго паспорта. г) Письмо отъ 3 августа Михаила Чекоидзе, переводъ котораго, написанный Вѣрою Любатовичъ, найденъ въ дорожной сумкѣ въ квартирѣ администраціи. д) Два письма Кардашева: одно въ Орелъ—Субботинымъ, другое въ Одессу—Рыжему. е) Двѣ записки, найденныя въ Иваново-Вознесенскѣ—

списокъ книгъ и рецептъ, какъ вытравлять чернила. 3. Послѣ ареста ивановской общины, когда шифръ «Эй, Фомичъ» сдѣлался уже извѣстнымъ, начали попадаться письма, писанныя шифромъ: «Эй, подлецъ, негодная тварь». Этимъ шифромъ написаны: а) Письмо княгини Циціановой на имя Елены Медвѣдевой. б) Письмо, отобранное у Ольги Любатовичъ въ Тулѣ. в) Письмо, написанное Надеждой Субботиной въ Кіевъ на имя Гельфманъ, въ которомъ требуется скорѣйшій пріѣздъ Рыжаго въ Москву, такъ какъ въ Москвѣ всѣ арестованы. 4. Шифромъ «Быстро рѣшающіе задачи»,—написаныя записки, писанныя Чекоидзе и Вѣрою Любатовичъ къ Рыжему, во время совмѣстнаго содержанія ихъ подъ стражей въ тюрьмѣ, а также и записка, брошенная и затѣмъ изорванная Алексѣемъ Нуромскимъ. 5. Обвиняемая Надежда Георгіевская желала передать своему брату записку, написанную по шифру: «Неумѣстно безпощадно грубіянить». 6. Шифръ: «Южный цвѣтущій лѣсъ» употреблялся для сношенія арестованныхъ лицъ съ новой администраціей. Этимъ шифромъ написаны найденныя въ квартирѣ Георгіевской и Введенской письма Гамкрелидзе и Здановича. 7. Посредствомъ седьмого шифра: «Привычки завсегда дѣлаются потребны» переписывались, содержась подъ стражей, обвиняемые Батюшкова и Цвиленевъ. 8. Обвиняемый Нуромскій покушался черезъ дежурнаго мушкетера передать записку, написанную восьмымъ шифромъ: «Рубятъ цвѣтущій южный лѣсъ». 9. Шифръ: «Бродяжникъ, грѣховодникъ», найденный у Здановича, писанъ рукою кн. Циціановой. Кромѣ того, найдено было у разныхъ лицъ еще семь шифровъ, но документовъ, ими записанныхъ, обнаружено не было. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что способъ употребленія шифровъ и написанія ими записокъ и писемъ былъ у всѣхъ обвиняемыхъ одинъ и тотъ же. Онъ состоялъ въ томъ, что составлялась табличка, раздѣленная продольными и, поперечными линіями на 9 или 10 клѣтокъ. Въ этихъ клѣткахъ расписывалась фраза, составляющая шифръ, такъ что въ каждую клѣтку приходилось по одной буквѣ. Каждый какъ продольный, такъ и поперечный рядъ клѣтокъ обозначался цифрой, такъ что каждая клѣтка, а слѣдовательно, и каждая находившаяся въ ней буква соотвѣтствовала двумъ цифрамъ: одной продольнаго ряда клѣтокъ, а другой—поперечнаго ряда. Такимъ образомъ, изъ перечисленныхъ шифровъ и документовъ, ими написанныхъ, видно, что обвиняемые употребляли сами или имъ предназначались письма, писанныя условными и притомъ однообразно употребляемыми шифрами, и это обстоятельство, какъ и было уже замѣчено выше, служитъ непосредственнымъ доказательствомъ принадлежности всѣхъ ихъ къ одному преступному сообществу. Все вышеизложенное, доказывая существованіе преступнаго сообщества и нахожденіе администраціи общинъ въ Москвѣ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣ ареста обвиняемыхъ въ Москвѣ, въ домѣ Корсакъ, преступная пропаганда перенесена была, главнымъ образомъ, изъ Москвы въ губерніи. По крайней мѣрѣ дознаніемъ не обнаружено, что въ самой Москвѣ члены сообщества дѣятельно занимались преступной пропагандой. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы члены сообщества, проживавшіе въ Москвѣ, оставались бы вполнѣ бездѣятельны. Въ Москвѣ была сдѣлана попытка выслать на пропаганду свидѣтеля Корнюхина, и изъ Москвы же отправлены были книги преступнаго содержанія въ Саратовскую губернію. Въ этомъ отношеніи дознаніемъ обнаружены слѣдующія данныя: 1. Въ августѣ 1875 года въ жандармское управленіе явился крестьянинъ Андрей Степановъ Корнюхинъ и, представляя три книги преступнаго содержанія («Парижская Коммуна», «Сказка о четырехъ братьяхъ» и «Хитрая механика»), заявилъ, что 5 августа къ нему приходилъ нѣкто Григорій Сбромірскій вмѣстѣ съ крестьяниномъ Николаемъ Ѳедоровымъ. Сбромірскаго Корнюхинъ зналъ ранѣе, такъ какъ братъ

Корнюхина жилъ работникомъ въ переплетной мастерской Сбромірскаго. Среди разговора о жалованіи и заработкахъ Сбромірскій обѣщалъ Корнюхину помѣстить его куда-то на должность слесаря съ жалованіемъ въ 25 р. въ мѣсяцъ и велѣлъ притти за этимъ къ себѣ на квартиру. 15 августа Корнюхинъ пришелъ къ Сбромірскому и засталъ у него того же Николая Ѳедорова. Отсюда втроемъ они отправились на лугъ близъ Смоленскаго вокзала, куда вслѣдъ за ними пришли Иванъ Васильевъ Бариновъ и Михаилъ Овчинниковъ. Здѣсь всѣ четверо стали уговаривать Корнюхина ѣхать въ Орелъ или Тулу для того, чтобы поступить на фабрику и распространять среди рабочихъ книги преступнаго содержанія, за что обѣщали Корнюхину 25 р. жалованья въ мѣсяцъ. Видя нерѣшительность Корнюхина, Овчинниковъ доказывалъ ему, что бояться нечего, что въ случаѣ бѣды товарищи его предупредятъ, выручатъ, и у нихъ всегда можно скрыться, причемъ приводилъ въ примѣръ себя и разсказывалъ о задержаніи его въ гостиницѣ «Украйна» вмѣстѣ съ Субботиной. Когда Корнюхинъ согласился, то ему тутъ же переданы были представленныя имъ книги и на другой день велѣно явиться въ трактиръ близъ Сухаревой башни для полученія сапогъ, денегъ на дорогу и паспорта. Корнюхинъ долженъ былъ вслѣдъ за тѣмъ отправиться въ Тулу. На другой день въ указанномъ Корнюхинымъ трактирѣ были задержаны Сбромірскій, Бариновъ, Овчинниковъ и Ѳедоровъ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что самъ Корнюхинъ немедленно послѣ его заявленія и до ареста означенныхъ лицъ былъ задержанъ въ жандармскомъ управленіи. Заявленіе Корнюхина нашло подтвержденіе, кромѣ ареста означенныхъ лицъ, въ томъ, что по показанію свидѣтеля Голубкина, у котораго живетъ братъ Корнюхина, Сбромірскій приходилъ разузнавать адресъ Андрея Корнюхина, а вслѣдъ за тѣмъ этотъ послѣдній говорилъ свидѣтелю, что Овчинниковъ, Сбромірскій и Бариновъ посылаютъ его на пропаганду въ Тулу, а по показанію свидѣтеля Макарова въ тотъ день, о которомъ говоритъ Корнюхинъ, какой-то молодой человѣкъ заходилъ за Корнюхинымъ и увелъ его куда-то съ собой. Изъ числа арестованныхъ въ трактирѣ лицъ, Николай Ѳедоровъ оказался крестьяниномъ Иваномъ Тимофеевымъ Смирновымъ, нынѣ уже сосланнымъ по другому дѣлу. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Сбромірскій, не отвергая того, что онъ былъ у Корнюхина, а затѣмъ со всѣми остальными на лугу у Смоленскаго вокзала, въ подговорѣ Корнюхина на пропаганду не сознался и утверждалъ, что разговоръ былъ самый обыкновенный и книгъ Корнюхину никто не передавалъ. Овчинниковъ и Бариновъ съ своей стороны, не сознаваясь въ подговорѣ Корнюхина, утверждали, что на лугу они не были и свое присутствіе въ трактирѣ у Сухаревой башни объяснили простой случайностью. Между тѣмъ, связь этихъ лицъ съ остальными пропагандистами доказывается, во-первыхъ, участіемъ въ подговорѣ Корнюхина, Овчинникова и Баринова, несомнѣнныхъ членовъ преступнаго сообщества, и запиской, написанной Смирновымъ во время содержанія его подъ стражей. Записка эта заключаетъ въ себѣ слѣдующія фразы, обращенныя къ арестантамъ: «Желалъ бы знать, что дѣлается на волѣ, есть ли кто изъ нашихъ, нужно бы кое-что сообщить... конспирировать (по объясненію Смирнова, шифровать) не умѣю, отвѣчайте также, но если нужно конспирируйте, навѣрное разберу». 2. 1-го августа 1875 г. начальнику саратовскаго жандармскаго управленія членами мѣстной полиціи было дано знать, что у нѣкоторыхъ бывшихъ воспитанниковъ саратовской духовной семинаріи есть книги преступнаго содержанія. По произведеннымъ обыскамъ, дѣйствительно, у Дмитрія Соколова и у Александра Иванова были найдены: «Сказка о копейкѣ», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Пугачевъ», «Чтой-то братцы» и др. Показаніями, какъ Соколова и Иванова, такъ и другихъ свидѣтелей, вполнѣ доказано, что книги

получены ими изъ квартиры коллежскаго регистратора Павла Трубецкого при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ половинѣ іюля мѣсяца въ г. Саратовѣ, въ квартиру Павла Трубецкого пріѣхалъ сельскій учитель Александръ Виноградовъ и привезъ тюкъ съ книгами, прося передать книги брату Трубецкого, Александру Трубецкому. Разсмотрѣвъ книги и увидавъ, что эти книги запрещенныя, Павелъ Трубецкой велѣлъ сестрѣ своей сжечь ихъ, но оказалось, что сестра, Марья Трубецкая, и свояченица Елизавета Потапова не сожгли книгъ, а вечеромъ въ тотъ же день разсказали Иванову, Сушкову и Николаю Трубецкому о томъ, что у нихъ есть запрещенныя книги. Въ тотъ же вечеръ названныя выше лица, заинтересовавшись тѣмъ, что книги запрещенныя, пришли къ Трубецкому въ домъ и разобрали книги. Часть книгъ Ивановъ взялъ себѣ; то, что осталось, Павелъ Трубецкой на другой день сжегъ. Сельскій учитель Виноградовъ, подтверждая вполнѣ ссылку на него Павла Трубецкого, объяснилъ, что лѣтомъ 1875 г. въ село Алмазовъ-Яръ, гдѣ онъ, Виноградовъ, служитъ сельскимъ учителемъ, пріѣхалъ изъ Москвы сынъ мѣстнаго священника Александръ Бѣляевскій, котораго Виноградовъ зналъ еще по семинаріи, какъ своего товарища. Узнавъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, что Виноградовъ ѣдетъ въ Саратовъ, Бѣляевскій прислалъ къ нему на квартиру съ своимъ отцомъ, священникомъ Бѣляевскимъ, зашитыя въ холстъ книги и просилъ передать этотъ тюкъ въ Саратовѣ Александру Трубецкому, а если его не застанетъ, то оставить у брата послѣдняго, Павла Трубецкого. Виноградовъ, не зная, какія книги зашиты въ холстъ, исполнилъ порученіе Бѣляевскаго. Показаніе Виноградова подтвердилъ какъ свидѣтель Зубковскій, такъ отецъ и сынъ Бѣляевскіе. Вслѣдствіе таковыхъ показаній у Александра Бѣляевскаго былъ произведенъ обыскъ, по которому были найдены: «Сказка о копейкѣ», «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ», «Государственность и Анархія», «Анархія по Прудону» и «Программа работниковъ» Лассаля. Привлеченный къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго бывшій студентъ Петровской Земледѣльческой Академіи, Александръ Петровъ Бѣляевскій, показалъ, что зимой 1874 и 1875 гг. въ Петровской Академіи между студентами появились запрещенныя книги: «Исторія французскаго крестьянина», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ» и друг. По поводу этихъ книгъ онъ, Бѣляевскій, съ товарищемъ своимъ Александромъ Трубецкимъ рѣшили распространять подобныя книги въ народѣ. Эта рѣшимость укрѣпилась еще болѣе подъ вліяніемъ частнаго учителя Льва Иванова, съ которымъ Бѣляевскій познакомился у кого-то изъ товарищей въ Академіи. Левъ Ивановъ, часто посѣщая Бѣляевскаго и Трубецкого, говорилъ, что онъ, Ивановъ, можетъ снабжать ихъ революціонными книгами. На этомъ основаніи Трубецкой, уѣзжая въ іюнѣ мѣсяцѣ на каникулы въ Саратовскую губернію, обратился къ Иванову съ просьбой дать ему книгъ, и получилъ отъ Иванова разныя запрещенныя книги: «Сказку о копейкѣ», «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Исторію французскаго крестьянина», «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ» и др. Всѣ эти книги при Ивановѣ и Бѣляевскомъ были уложены въ чемоданъ Трубецкого. Передъ отъѣздомъ самого Бѣляевскаго въ Саратовскую же губернію, Левъ Ивановъ просилъ Бѣляевскаго отвезти еще книгъ Трубецкому, на что Бѣляевскій и согласился. Въ условленное время Бѣляевскій для полученія книгъ сошелся съ Ивановымъ въ Москвѣ на Тверскомъ бульварѣ. Отсюда Ивановъ повелъ Бѣляевскаго на квартиру къ какой-то Батюшковой. Батюшкову они не застали дома и остались ее ожидать. Черезъ нѣсколько времени Батюшкова пришла и принесла съ собою завернутыя въ простынѣ книги, всего вѣсомъ около полпуда. Бѣляевскій, отнеся книги къ себѣ домой, простыню, въ которой онѣ были завязаны, лично возвратилъ черезъ нѣсколько времени Батюшковой. Всѣ книги были запрещенныя, и онъ, по

пріѣздѣ въ Саратовскую губернію, отправилъ ихъ черезъ Виноградова къ Трубецкому. Бѣляевскій еще въ Саратовѣ указалъ квартиру Льва Иванова. Вслѣдствіе показанія Бѣляевскаго былъ произведенъ обыскъ въ домѣ матери Александра Трубецкого и среди книгъ, ему принадлежащихъ, были найдены: «Парижская коммуна» и «Сказка о четырехъ братьяхъ». Сынъ священника, бывшій студентъ Петровской Академіи Александръ Егоровъ Трубецкой, не признавая себя виновнымъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, не подтвердилъ показанія Бѣляевскаго, отъ знакомства съ Львомъ Ивановымъ отказался и объяснилъ, что найденныя у него книги преступнаго содержанія получены имъ отъ умершаго товарища по академіи Полякова. Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости показаній Бѣляевскаго, ему при дазнаніи было предъявлено 28 фотографическихъ карточекъ, въ числѣ которыхъ находились карточки Иванова и Батюшковой. Бѣляевскій, не колеблясь, узналъ ихъ и отдѣлилъ отъ прочихъ карточекъ, а по предъявленіи ему Иванова и Батюшковой призналъ ихъ за тѣхъ, о которыхъ даны имъ показанія. Вслѣдъ за тѣмъ, Бѣляевскому предложено было указать въ Москвѣ квартиры Иванова и Батюшковой, и онъ безошибочно указалъ ихъ квартиры, что сверхъ того подтвердилось справками въ домовыхъ книгахъ. По произведеннымъ обыскамъ въ квартирѣ Льва Иванова ничего предосудительнаго не найдено, а у Батюшковой найдено нѣсколько книгъ, изъятыхъ изъ обращенія, и 9 номеровъ заграничнаго изданія «Впередъ». Кромѣ того, у Батюшковой отобрано: 1. рукопись—описаніе соціально-политической борьбы рабочихъ въ Германіи; 2. письмо, подписанное «твой отецъ капуцинъ», въ которомъ авторъ письма проситъ устроить фиктивный бракъ, и содержаніе котораго приведено уже ранѣе; 3. записки отъ имени Аркадаскаго, личности скрывшейся отъ дознанія, произведеннаго генералъ-лейтенантомъ Слезкинымъ подъ наблюденіемъ прокурора Саратовской Судебной Палаты; 4. письмо съ неразборчивою подписью, очевидно, касающееся распространенія книгъ преступнаго содержанія. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что «посылаю въ Москву коечто изъ книгъ, но не знаю, какое количество тутъ необходимо, а потому коли у барышенъ, которымъ я ихъ послалъ, будетъ недостаточно, то сообщите. Передайте барышнямъ, что недостающее количество № 3-хъ я перешлю со скоро имѣющейся быть оказіей». Всѣ перечисленные документы были вынуты находившимся при обыскѣ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ изъ пріемника отхожаго мѣста, куда таковые были брошены тайкомъ Батюшковой, часть этихъ бумагъ была вырвана Батюшковой изъ рукъ жандарма и засунута ею себѣ въ ротъ съ цѣлью ихъ проглотить, но бумаги были у нея отобраны. Во время обыска въ квартирѣ Батюшковой были задержаны обвиняемый Николай Федоровъ Цвиленевъ, о которомъ сказано выше, дворянинъ Николай Аносовъ, проживавшій въ Москвѣ подъ именемъ и по виду отставного губернскаго секретаря Захарова. Аносовъ предается суду по дознанію, произведенному генералъ-лейтенантомъ Слезкинымъ. Въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Батюшковой, найдены были двѣ четвертушки бумаги съ разными адресами въ Тулѣ, Вологдѣ, Вологодской губерніи, Москвѣ, Иркутскѣ, Уральскѣ, Вяткѣ, Саратовской губерніи, Терской области, Курской губерніи, Кіевѣ, Рязани, Смоленскѣ и Вильнѣ. Всѣ эти адреса принадлежатъ, очевидно, тѣмъ лицамъ, черезъ посредство которыхъ ведутся сношенія по преступной пропагандѣ. Въ этомъ убѣждаетъ, во-первыхъ, отказъ Батюшковой отъ знакомства съ этими лицами; во-вторыхъ, нежеланіе ея объяснить, откуда получены ею адреса; и, въ третьихъ, самые адреса. Такъ, найдены адреса Окушко и Андреевскаго въ Вильнѣ. По справкамъ оказалось, что оба лица привлечены по обвиненію въ преступной пропагандѣ въ Виленской губерніи; адреса Блинова, Щуравина,

Грачева—суть адреса лицъ, обвиняемыхъ по политическому дознанію, производящемуся въ Вятской губерніи. Дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвара Батюшкова и отставной штабсъ-капитанъ Левъ Ивановъ, несмотря на собранныя противъ нихъ улики, не признали себя виновными ни въ принадлежности къ преступному сообществу ни въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, причемъ они отказались отъ взаимнаго между собою знакомства, а равно и отъ знакомства съ Бѣляевскимъ. Между тѣмъ, знакомство Батюшковой съ Ивановымъ вполнѣ доказано показаніемъ квартирной хозяйки, у которой жилъ Ивановъ, мѣщанки Домасюкъ. По предъявленіи фотографической карточки Батюшковой въ числѣ другихъ карточекъ, Домасюкъ признала въ ней особу, посѣщавшую Иванова. Домасюкъ подтвердила свое показаніе и по предъявленіи ей самой Батюшковой. Содержась подъ стражей въ Москвѣ въ Сущевской части, Батюшкова передала бывшему жандармскому унтеръ-офицеру Буланову шифрованныя письма для передачи обвиняемому Цвиленеву. Въ этихъ письмахъ Батюшкова сообщаетъ Цвиленеву и спрашиваетъ его совѣта о томъ, какъ ей отдѣлаться отъ показанія Бѣляевскаго. Предлагая свой планъ, она говоритъ: «Я отъ этого ничего не жду, а все какъ будто надо попутать». Затѣмъ Батюшкова сообщаетъ Цвиленеву свѣдѣнія о Чекоидзе, Джабадари, Петрѣ Алексѣевѣ, Георгіевскомъ, Введенской и Ольгѣ, какъ о лицахъ, извѣстныхъ Цвиленеву, причемъ къ имени Ольги не присоединяетъ даже фамиліи Любатовичъ. При этомъ Батюшкова выражаетъ свое безпокойство о чемоданѣ Цвиленева. (Въ его чемоданѣ, въ квартирѣ администраціи, были найдены различныя бумаги, указанныя ранѣе сего). Она пишетъ: «А какъ меня мутилъ вашъ чемоданъ, все казалось—я во всемъ виновата». Бывшій унтеръ-офицеръ Булановъ, приговоренный въ настоящее время къ арестантскимъ ротамъ за содѣйствіе арестантамъ въ ихъ тайныхъ между собою сношеніяхъ, подтвердилъ, что приведенныя выше письма написаны и переданы ему Батюшковой, а письма эти служатъ непосредственнымъ доказательствомъ принадлежности какъ Батюшковой, такъ и Цвиленева къ тому преступному сообществу, о которомъ произведено настоящее дознаніе.

* * *

Независимо отъ обстоятельствъ дѣла вышеизложенныхъ, дочь коллежскаго ассесора Ольга Спиридонова Любатовичъ привлечена къ отвѣтственности за то, что лѣтомъ 1872 г. при возвращеніи изъ за-границы тайно провезла въ Москву и Петербургъ письма отъ различныхъ лицъ, проживавшихъ за-границей, въ чемъ сама Ольга Любатовичъ признала себя виновною и уличается показаніями свидѣтельницъ Буреиной и Александровой.

* * *

По тщательному разсмотрѣнію и соображенію всѣхъ обстоятельствъ дѣла оказывается, что произведенныя дознанія, начавшіяся весною 1875 года въ Москвѣ, а затѣмъ послѣдовательно производившіяся въ 1875 и 1876 гг. во Владимірской, Саратовской губерніяхъ и городахъ: Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, обнаружили несомнѣнное существованіе тайнаго организованнаго сообщества, задавшагося цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія и водворенія анархическихъ началъ въ русскомъ обществѣ. Это сообщество состояло первоначально изъ одного кружка лицъ и существовало въ Москвѣ. Создалось оно подъ руководствомъ и непосредственнымъ вліяніемъ лицъ, оставившихъ Россію, переселившихся за-границу, преимущественно въ Швейцарію и возвратившихся обратно въ отечество съ един-

ственною цѣлью заняться пропагандой революціонныхъ идей среди рабочаго класса имперіи. Таковы обвиняемые: Зановичъ, Кардашевъ, Чекоидзе, Джабадари, князь Цициановъ, Бардина, Фигнеръ, Топоркова, Александрова и сестры Субботины. Испуганные дознаніемъ, возникшимъ въ мартѣ 1875 г., причемъ многіе изъ названныхъ лицъ были арестованы, оставшіеся на свободѣ члены сообщества перенесли свою практическую дѣятельность въ губерніи, разбились на отдѣльные кружки, называемые въ программѣ «общинами», и основали въ Москвѣ центральное управленіе общинами подъ именемъ администраціи. Обнаруженное дознаніемъ преступное сообщество имѣло свой уставъ, точно исполняемый всѣми отдѣльными членами, и кассу, имѣвшую въ своемъ распоряженіи капиталъ почти въ десять тысячъ рублей. Отдѣльныя общины образовались преимущественно въ большихъ городахъ: Кіевѣ Тулѣ, Одессѣ, Иваново-Вознесенскѣ, гдѣ имѣются фабрики и заводы съ значительнымъ количествомъ рабочихъ и мастеровыхъ. Эти отдѣльныя общины имѣли назначеніе вести непосредственно дѣло пропаганды революціонныхъ идей, общая же связь между общинами и сношеніе съ другими революціонными общинами поддерживались управленіемъ, «администраціей» преступнаго сообщества. Преступная пропаганда—«работа», какъ говорятъ обвиняемые,—лежала, главнымъ образомъ, на членахъ общинъ, именуемыхъ «рабочими». Члены общины, исполнявшіе обязанности рабочихъ, нанимались на фабрики, заводы и въ мастерскія подъ видомъ простолюдиновъ и, стараясь не отличаться ни по наружности ни по образу жизни, костюму и привычкамъ отъ другихъ рабочихъ, входили въ сношеніе съ послѣдними, заводили съ ними знакомство, старались узнавать образъ мыслей, понятія и убѣжденія каждаго отдѣльнаго лица. Затѣмъ, сообразно особенностямъ и индивидуальнымъ способностямъ того или другого фабричнаго или мастерового, начинали дѣйствовать въ смыслѣ революціонномъ, заводя прежде всего рѣчь о трудности жизни рабочаго, о недостаточной оплатѣ его труда, эксплоатаціи его со стороны фабрикантовъ и о возможности улучшенія положенія рабочихъ. Заинтересовавъ слушателей съ этой стороны, пропагандисты переходили къ указанію средствъ, которыми можно, по ихъ мнѣнію, достигнуть улучшенія быта рабочихъ. При этомъ рабочимъ толковалось, что земля принадлежитъ простому классу народа и должна быть раздѣлена между всѣми поровну, что фабричный трудъ долженъ приносить пользу только однимъ рабочимъ и что для этого необходимо уничтожить власти, помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ и всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ. Объясненіе подобнаго рода оканчивалось прямымъ воззваніемъ къ уничтоженію существующаго порядка путемъ вооруженнаго возстанія всей массы народа противъ правительства и царя. Словесная пропаганда революціонныхъ идей поддерживалась книжками преступнаго содержанія, которыя въ значительномъ количествѣ раздавались рабочимъ, читались и толковались имъ пропагандистами въ вышеуказанномъ направленіи. Обязанности «администраціи», ясно очерченныя въ программѣ революціонной дѣятельности, приложенной къ дознанію, выполнялись членами, входившими въ ея составъ, вполнѣ согласно съ этой программой, и заключались въ снабженіи пропагандистовъ всѣмъ необходимымъ: адресами, книгами, деньгами, бѣльемъ, одеждой, фальшивыми паспортами, въ устройствѣ квартиръ, въ передвиженіи членовъ, «рабочихъ», изъ одной мѣстности въ другую, въ сношеніяхъ и организаціи побѣговъ арестованныхъ членовъ общества. Хотя преступная дѣятельность членовъ сообщества и не была успѣшна, хотя повсемѣстно, при первыхъ же попыткахъ дать болѣе широкое развитіе пропагандѣ революціонныхъ идей и книгъ, обвиняемые встрѣчались съ полнымъ несочувствіемъ рабочаго класса народа къ идеямъ, ими пропагандируемымъ, несочувствіемъ, кончавшимся обыкновенно тѣмъ, что

сами рабочіе выдавали полиціи пропагандистовъ,—тѣмъ не менѣе, имъ удалось сбить съ пути нѣсколькихъ весьма немногихъ рабочихъ и лицъ, принадлежащихъ къ одному съ ними сословію. Часть изъ этихъ лицъ примкнула къ пропагандистамъ и присоединилась къ преступному сообществу, сдѣлавшись членами сообщества. Другая часть, не вступая въ сообщество въ качествѣ членовъ, но пользуясь книгами отъ обвиняемыхъ первой группы, старалась распространять эти книги среди простого народа. На основаніи вышеизложеннаго, всѣ обвиняемые по настоящему дѣлу, согласно съ падающимъ на каждаго изъ нихъ обвиненіемъ, распредѣляются на слѣдующія группы: 1. Дворянинъ Тифлисской губерніи, Иванъ Спиридоновъ Джабадари, 22 лѣтъ; дворянинъ Михаилъ Чекоидзе, 24 лѣтъ; сынъ штабсъ-капитана Георгій Феликсовъ Здановичъ, 26 лѣтъ; отставной коллежскій регистраторъ Степанъ Мартыновъ Кардашевъ, 25 лѣтъ; сынъ священника Василій Григорьевъ Георгіевскій, 25 лѣтъ; бывшій студентъ С.-Петербургскаго Технологическаго Института, Александръ Осиповъ Лукашевичъ, 22 лѣтъ; крестьянинъ Московской губ., Дмитровскаго уѣзда, деревни Высокой, Николай Васильевъ, 30 лѣтъ; дворянка Софья Илларіонова Бардина, 22 лѣтъ; дворянка Лидія Николаева Фигнеръ, 21-го года; потомственная почетная гражданка Варвара Иванова Александрова, 22 лѣтъ; именующая себя княгиней Циціановой, жена дворянина Александра Сергѣева Кикодзе, рожденная Хоржевская, 23 лѣтъ; дочери коллежскаго ассесора Ольга Спиридонова, 24 лѣтъ, и Вѣра Спиридонова Любатовичъ, 21 года; крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, д. Доброриной, Иванъ Васильевъ Бариновъ; московскій мѣщанинъ Семенъ Ивановъ Агаповъ; крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, д. Новинской, Петръ Алексѣевъ, 26 лѣтъ; крестьянинъ той же губерніи, уѣзда и деревни Пафнутій Николаевъ, 29 лѣтъ; крестьянинъ Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда, д. Сычихи, Филатъ Егоровъ, 23 лѣтъ; сынъ статскаго совѣтника Владиміръ Петровъ Александровъ, 20 лѣтъ; московская цеховая Анна Григорьева Топоркова, 21 года; жена дворянина Екатерина Петрова Гамкрелидзе, 21 года, рожденная Туманова; бывшій воспитанникъ Технологическаго Института, Иванъ Андреевъ Злобинъ, 25 лѣтъ; крестьянинъ Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, Иванъ Семеновъ Фетисовъ, 24 лѣтъ; дворянинъ Григорій Петровъ Сидорацкій, 18 лѣтъ; крестьянинъ Владимірской губ., Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Иванъ Ивановъ Едуковъ, 24 лѣтъ, крестьянинъ той же деревни Николай Ивановъ Едуковъ, 25 лѣтъ, солдатскій сынъ Василій Онуфріевъ Ковалевъ, 21 года; тульскій мѣщанинъ Иванъ Александровъ Кураковъ, 36-ти лѣтъ, отставной подпоручикъ Михаилъ Федоровъ Воронковъ, 25 лѣтъ; дворянинъ Мартынъ Александровъ Млодецкій, 23 лѣтъ; техническій мастеръ 1 разряда кіевскаго артиллерійскаго полигона Григорій Александровъ Александровъ, 23 лѣтъ; мозырская мѣщанка Геся Миронова Гельфманъ, 22 лѣтъ; крестьянинъ Кіевской губерніи Петръ Акимовъ Островъ, 31 года; дворянинъ Антимосъ Евдовъ Гамкрелидзе, 23-хъ лѣтъ; князь Александръ Циціановъ, 25 лѣтъ; дворянинъ Николай Ѳедоровъ Цвиленевъ, 23 лѣтъ; дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвара Николаева Батюшкова, 25 лѣтъ; дочери штабсъ-капитана Надежда Дмитріева Субботина, 20 лѣтъ, Евгенія Дмитріева Субботина и Марья Дмитріева Субботина, 21 года; дочь титулярнаго совѣтника Елена Петрова Мѣдвѣдева, 25 лѣтъ; дочь священника Надежда Григорьева Георгіевская, 18 лѣтъ; дочь священника Екатерина Александрова Введенская, 20 лѣтъ; студентъ С.-Петербургскаго Университета, Алексѣй Ивановъ Нуромскій, 21 года, и сынъ священника Михаилъ Павловъ Овчинни-

ковъ обвиняются въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ отд. 2 ст. 250 улож. о наказ. 2. Сверхъ того, подсудимые Джабадари, Чекоидзе, Зановичъ, Кардашевъ, Лукашевичъ, Васильевъ, Бардина, Фигнеръ, Александрова, Кикодзе (княгиня Циціанова-Хоржевская), Ольга и Вѣра Любатовичъ, Бариновъ, Агаповъ, Алексѣевъ, Николаевъ, Егоровъ, Александровъ, Топоркова, Екатерина Гамкрелидзе, Фетисовъ, Ковалевъ, Сидорацкій, Воронковъ, Млодецкій, Александровъ, Антимосъ Гамкрелидзе, князь Циціановъ, Цвиленевъ, Батюшкова, Надежда Субботина и Овчинниковъ,—обвиняются въ распространеніи печатныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной—въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 251 улож. о наказ. 3. Въ томъ же преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 251 улож. о наказ., обвиняются и тѣ лица, которыя, не принадлежа къ составу преступнаго сообщества, тѣмъ не менѣе получали отъ членовъ того сообщества и распространяли книги, имѣвшія цѣлью возбужденіе къ явному неповиновенію Власти Верховной. Таковы: студентъ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, Иванъ Рождественскій, 30 лѣтъ; отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи Левъ Андреевъ Ивановъ, потомственный почетный гражданинъ Григорій Алексѣевъ Сбромірскій, 27 лѣтъ; бывшіе студенты петровской земледѣльческой академіи, Александръ Петровъ Бѣляевскій, 20 лѣтъ, и Александръ Егоровъ Трубецкой, 19 лѣтъ. 4. Независимо отъ вышеизложеннаго, обвиняемые князь Александръ Циціановъ и дочь коллежскаго ассесора Вѣра Любатовичъ обвиняются въ томъ, что во время обыска въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе съ цѣлью лишить жизни прапорщика Ловягина и помощника квартальнаго надзирателя Ѳедорова, первый изъ нихъ сдѣлалъ по Ловягину два выстрѣла изъ револьвера, а вторая душила руками Ѳедорова, но намѣренія своего привести въ исполненіе не успѣли, такъ какъ князь Циціановъ промахнулся, а Вѣра Любатовичъ была удержана бывшими при обыскѣ свидѣтелями. Преступныя дѣянія, въ совершеніи которыхъ обвиняются князь Циціановъ и Вѣра Любатовичъ, предусмотрѣны ст. 114 и 1455 улож. о наказ. 5. Наконецъ, дочь коллежскаго ассора Ольга Любатовичъ обвиняется въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 1126 улож. о наказ. А потому всѣ вышеозначенные обвиняемые, согласно § 2 закона 7 іюня 1872 г., предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, учрежденнаго для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Составленъ въ С.-Петербургѣ. Ноября 30 дня 1876 г. Подлинный подписалъ исправляющій должность Товарища Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената Жуковъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: И. Д. Оберъ-Секретаря Б. Поповъ.

* * *

На вопросъ первоприсутствующаго, признаютъ ли подсудимые себя виновными въ составленіи и участіи въ противозаконномъ сообществѣ, всѣ 45 обвиняемыхъ въ этомъ преступленіи отвѣчали отрицательно, причемъ сдѣлали заявленія: Подс. Бариновъ. Прошу покорнѣйше считать мое показаніе неправильнымъ. Подс. Ковалевъ. Мои доказательства есть ложь. Я объявляю это раньше. Подс. Островъ. Я въ одномъ виноватъ—что безъ вѣдома уѣхалъ изъ Кіева, а въ остальномъ ни въ чемъ не виноватъ. На

вопросъ о виновности въ распространеніи преступныхъ сочиненій подсудимые отвѣчали: Подс. Здановичъ. Не признаю. Подс. Циціановъ (князь). Признаю, что держалъ у себя книги и выдавалъ рабочимъ. Подс. Любатовичъ (Вѣра), Цвиленевъ, Гамкрелидзе (Антимосъ) и Фигнеръ. Не признаю. Подс. Чекоидзе. Я только одну книжку переслалъ товарищу Подс. Александрова (Варвара). Цѣль моей поѣздки въ Иваново-Вознесенскъ была вести пропаганду. Насколько же сдѣлано на практикѣ, это будетъ видно изъ показанія свидѣтелей. Подс. Кардашевъ, на вопросъ о виновности въ томъ, что, храня денежныя суммы, принадлежащія противозаконному сообществу, расходовалъ ихъ на покупку и привозъ изъ-заграницы книгъ, возбуждающихъ къ бунту, зная, что онѣ распространяются между членами сообщества, къ которому онъ принадлежалъ, заявилъ, что не признаетъ себя виновнымъ. На вопросъ о виновности въ передачѣ преступныхъ сочиненій разнымъ лицамъ, въ видахъ распространенія и возбужденія рабочаго населенія къ бунту и въ чтеніи этихъ книжекъ рабочимъ, подсудимые отвѣчали: Подс. Джабадари. Не признаю себя виновнымъ, потому что показаній рабочихъ объ этомъ нѣтъ. Подс. Егоровъ. Не признаю себя виновнымъ, но признаю, что давалъ книжки. Я не признаю ихъ преступными. Подс. Алексѣевъ. На предположеніе составителя обвинительнаго акта и на ваше я не желаю давать никакихъ отвѣтовъ. Первоприсутствующій. Вы могли сказать просто, что не признаете себя виновнымъ. Подс. Николаевъ. Не признаю Подс. Любатовичъ (Ольга). Нѣтъ, не признаю. Подс. Бардина. По поводу своей дѣятельности никакихъ объясненій давать не желаю. Подс. Васильевъ. Никогда не передавалъ. Подс. Бариновъ. Не признаю. Книжку далъ, но виновнымъ себя не признаю. Подс. Александровъ (Владиміръ). Я не отрицаю того, что распространялъ революціонныя идеи, но никакихъ показаній относительно своей дѣятельности давать не желаю. Подс. Агаповъ. Книжки распространялъ, но виновнымъ себя не признаю. Подс. Топоркова. Жарковскому книгъ никогда не давала. Подс. Ковалевъ (на вопросъ, признаетъ ли себя виновнымъ въ томъ, что передалъ тремъ неизвѣстнымъ сапожникамъ одинъ экземпляръ «Сказки о четырехъ братьяхъ»). Признаю себя виновнымъ въ томъ, что получилъ отъ неизвѣстнаго человѣка книжки и показывалъ сапожникамъ и спрашивалъ ихъ, какія это книги. Они сказали—противоправительственныя. Я понесъ въ часть. Я получилъ ихъ отъ неизвѣстнаго человѣка съ фальшивымъ паспортомъ. Я не признаю, чтобы на какое-нибудь лицо доносилъ. Я былъ обезпеченъ 12.000 награды; меня поили виномъ. Больше я не признаю себя виновнымъ ни въ чемъ. Подс. Фетисовъ, Александровъ (Григорій), Воронковъ, Ивановъ, Субботина (Надежда) и Хоржевская (Циціанова). Нѣтъ, не признаю. Подс. Млодецкій. Нѣтъ, не признаю. Это обвиненіе могло явиться только благодаря крайнему пристрастію прокуратуры. Подс. Батюшкова не признала факта передачи книгъ Бѣляевскому. Подс. Бѣляевскій заявилъ, что передалъ книги Трубецкому, а получилъ ихъ отъ неизвѣстнаго. Под. Трубецкой на вопросъ, признаетъ ли себя виновнымъ въ томъ, что, получивъ отъ Ивана книги, распространялъ ихъ среди рабочаго населенія Саратовской губерніи, отвѣтилъ: нѣтъ. Подс. Овчинниковъ и Сбромірскій, на вопросъ о передачѣ разныхъ книгъ съ цѣлью возбудить къ бунту Корнюхина, отвѣчали, что не признаютъ себя виновными. Подс. Рождественскій, на вопросъ о передачѣ рабочимъ книжекъ, отвѣтилъ: признаю, что передавалъ книги, но незапрещенныя. Подс. Циціановъ (князь), на вопросъ, признаетъ ли себя виновнымъ въ томъ, что во время обыска, съ цѣлью лишить жизни Ловягина, сдѣлалъ на него два выстрѣла изъ револьвера, но не совершилъ убійства, потому что не попалъ, отвѣтилъ: выстрѣлы были сдѣланы, но лич-

ностью Ловягина я вовсе не занимался. Умысла убить его не имѣлъ, но извѣстныя обстоятельства вызвали меня на выстрѣлы. Въ обвинительномъ актѣ очень эластично выражено, что я будто бы показалъ, что имѣлъ цѣлью убить. Я вовсе не такъ показалъ. На вопросъ, съ какою цѣлью стрѣлялъ, я сказалъ: съ какой обыкновенно стрѣляютъ, чтобы попасть въ цѣль. Но я предумышленной цѣли не имѣлъ. Первоприсутствующій. Подсудимая Вѣра Любатовичъ, вы обвиняетесь въ томъ, что во время обыска въ квартирѣ Гамкрелидзе, когда Циціановъ выстрѣлилъ изъ револьвера, вы бросились на Ѳедорова, схватили его за горло и стали душить съ цѣлью лишить жизни. Признаете ли вы себя въ этомъ виновною?—Подс. Любатовичъ (смѣется, смѣются и другіе подсудимые). Нѣтъ, не признаю. Первоприсутствующій. Прошу не смѣяться и вести себя на судѣ приличнѣе. Подс. Любатовичъ. Я его вовсе не хотѣла душить. А когда пять человѣкъ бросились на Циціанова и могли его убить, я бросилась, чтобы его не задушили. Подс. Любатовичъ (Ольга) на вопросъ о виновности въ томъ, что лѣтомъ 1872 г. тайно провозила книги въ Россію, отвѣтила: это было такъ давно, что я забыла. Дѣйствительно, были письма, которыя я возила за границу, а провозила ли въ Россію—не помню. Подс. Алексѣевъ. Я прошу слова. Я хочу сдѣлать замѣтки противъ обвинительнаго акта. Первоприсутствующій Вы это можете сдѣлать во время судебнаго слѣдствія. Подс. Чекоидзе. Я прошу прочесть письмо. Я не знаю, въ чемъ меня обвиняютъ. Первоприсутствующій. Вы можете все это разъяснить на судебномъ слѣдствіи, когда будутъ представлены доказательства за и противъ васъ. Подс. Ковалевъ. Я не нахожу возможнымъ, чтобы меня включили въ число этихъ лицъ. Я глупъ, а они не настолько глупы, чтобы со мною знакомиться. Я платилъ оброкъ и находился на работѣ. Довольно будетъ, что я просидѣлъ полтора года въ одиночномъ заключеніи.... Первоприсутствующій. Остановитесь. Вы будете имѣть время на судебномъ слѣдствіи сдѣлать свои заявленія. Въ виду многосложности настоящаго дѣла, а также большого числа подсудимыхъ и того, что нѣкоторыя обстоятельства не касаются всѣхъ обвиняемыхъ, особое присутствіе признало возможнымъ и удобнымъ произвести судебное слѣдствіе по отдѣльнымъ дознаніямъ, вслѣдствіе чего опредѣлило раздѣлить подсудимыхъ на слѣдующія группы: во-1-хъ, по дознанію въ злоумышленномъ распространеніи преступныхъ книгъ между рабочими на московскихъ фабрикахъ отнесены слѣдующіе подсудимые (перечислены 17 человѣкъ); во-2-хъ, по дознаніямъ, произведеннымъ въ Иваново-Вознесенскѣ, отнесены (перечислены 11 человѣкъ); въ-3-хъ, по дознаніямъ, произведеннымъ въ Тулѣ и Кіевѣ, отнесены (перечислены 17 человѣкъ); наконецъ, къ 4-му отдѣлу отнесены (перечислены 27 человѣкъ). Защитники и подсудимые заявили ходатайство о дозволеніи всѣмъ подсудимымъ присутствовать во все время судебнаго слѣдствія, причемъ защитники просили дать имъ время посовѣщаться между собою по этому предмету. Подсудимые сдѣлали при этомъ множество заявленій и нѣкоторые въ такой рѣзкой формѣ, что первоприсутствующій сдѣлалъ нѣсколькимъ замѣчанія и заявилъ, что тѣ, которые еще разъ позволятъ себѣ что-либо подобное, будутъ удалены изъ залы засѣданія. Затѣмъ были опрошены и приведены къ присягѣ свидѣтели, послѣ чего сдѣланъ перерывъ для совѣщанія защитниковъ. По возобновленіи засѣданія, присяжный повѣренный Герардъ заявилъ слѣдующее: 1. На основаніи 613 ст. уст. угол. суд., предсѣдатель суда можетъ распорядиться, чтобы судебное слѣдствіе производилось въ отношеніи къ одному, а потомъ въ отношеніи къ другому изъ обвиняемыхъ въ совмѣстномъ совершеніи преступленія; но онъ не вправѣ устранять никого изъ нихъ отъ предъявленія замѣчаній по существу всего дѣла; что въ силу этой статьи закона под-

судимый, пріобщенный по одному обвинительному акту къ другимъ подсудимымъ, не можетъ быть отстраненъ отъ права дѣлать замѣчанія относительно всего того, что происходитъ на судѣ; что въ этомъ отношеніи законъ не только нигдѣ не стѣсняетъ подсудимаго, но, напротивъ того, это его право подтверждается статьею 630 и указомъ, что отстраненіе подсудимаго отъ присутствованія при какомъ-либо дѣйствіи на судѣ можетъ послѣдовать единственно въ случаяхъ, указанныхъ въ 729 ст. уст. угол. суд., но и въ этихъ случаяхъ, въ силу этой статьи, по возвращеніи его въ залу засѣданія, предсѣдатель суда долженъ сообщить ему съ точностью все, что происходило въ его отсутствіе; что такой порядокъ значительно затруднилъ бы ходъ судебнаго слѣдствія, вмѣсто того, чтобы облегчить его, а потому мы находимъ, что въ силу закона за каждымъ подсудимымъ должно быть признано право присутствовать въ залѣ засѣданія въ теченіе всего судебнаго слѣдствія, хотя бы допрашиваемые свидѣтели не касались его непосредственнаго въ дѣлѣ участія. 2. По примѣненію къ настоящему дѣлу необходимость эта ощущается еще сильнѣе, ибо изъ шестидесяти подсудимыхъ сорокъ пять обвиняются въ составленіи одного противозаконнаго сообщества, и, слѣдовательно, всякій вопросъ, касающійся участія одного подсудимаго въ этомъ сообществѣ и самаго характера этого сообщества, не можетъ не имѣть значенія для судьбы и остальныхъ подсудимыхъ. 3. Каждый изъ насъ, защитниковъ, считаетъ для себя обязательнымъ пользоваться указаніями подсудимыхъ, болѣе близко знакомыхъ со всѣми подробностями дѣла. Имѣя это въ виду, мы просимъ Правительствующій Сенатъ предоставить всѣмъ подсудимымъ право присутствовать при судебномъ слѣдствіи, при разсмотрѣніи и тѣхъ отдѣловъ, въ которые они не включены по предположенію особаго присутствія Сената. Независимо отъ этого, защитники просили допустить во всякомъ случаѣ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, не имѣющихъ защитниковъ или заинтересованныхъ въ тѣхъ отдѣлахъ, изъ которыхъ они исключены. Выслушавъ всѣ эти заявленія, особое присутствіе удалилось для совѣщанія, послѣ котораго первоприсутствующій объявилъ: «Особое присутствіе, оставаясь при томъ постановленіи, что судебное слѣдствіе должно производиться по группамъ, приняло во вниманіе ходатайство защиты, и вслѣдствіе этого разрѣшило оставаться всѣмъ подсудимымъ при производствѣ слѣдствія по отдѣльнымъ группамъ.» Затѣмъ былъ сдѣланъ перерывъ на ½ часа.

По возобновленіи засѣданія, первоприсутствующій заявилъ слѣдующее: Прежде, чѣмъ приступить къ производству судебнаго слѣдствія, я долженъ напомнить подсудимымъ, что, въ виду сдѣланнаго особымъ присутствіемъ разрѣшенія присутствовать имъ при допросѣ всѣхъ по этому дѣлу свидѣтелей, они должны вести себя не такъ, какъ вели до сихъ поръ, и что если они будутъ затруднять ходъ засѣданія неумѣстными заявленіями и вообще вести себя такъ, какъ вели до настоящаго времени, то я, въ силу данной мнѣ власти, буду удалять ихъ изъ залы засѣданія. Затѣмъ особое присутствіе приступило къ производству слѣдствія по первой группѣ. Свидѣтель Яковъ Яковлевъ (крестьянинъ) показалъ: Я былъ знакомъ съ крестьяниномъ Иваномъ Васильевымъ Бариновымъ, а этотъ познакомилъ меня съ Николаемъ Васильевымъ. Иванъ Васильевъ далъ мнѣ книжку по совѣту Николая Васильева. Съ Николаемъ Васильевымъ мы пили чай, и онъ говорилъ, что нужно сдѣлать такъ: ты согласись пятокъ подготовить, и я тоже пятокъ подговорю, и такимъ манеромъ соберется 4000, а за границей уже всѣ готовы.—Первоприсутствующій. Какую книжку вы получили?—Свидѣтель Яковлевъ. «Емелька Пугачевъ».—Тов. оберъ-прск. По какому поводу и для чего онъ говорилъ, что нужно собраться?—Свид. Яковлевъ. Такое мнѣніе, чтобы сдѣлать бунтъ. Чтобы всякій свой хлѣбъ

ѣлъ, а чтобы чужой трудъ не съѣдали. Я говорю: какъ это можно сдѣлать?—«А такъ, говоритъ, можно: ты пятокъ подговоришь и другой еще пятокъ подговоритъ, а такимъ манеромъ 4000 соберется».—В. Николай Васильевъ не обѣщалъ васъ познакомить съ кѣмъ-нибудь?—О. Завтра, говоритъ, познакомлю тебя съ человѣкомъ, который все можетъ подробно разъяснить. Мы съ нимъ о религіи заговорили, и онъ мнѣ это сказалъ.—В. Что же вы сдѣлали?—О. Жандармскому управленію заявилъ и двѣ книжки принесъ: «Емелька Пугачевъ» и «Французскій писатель». Эту я получилъ отъ Вѣтрова.—В. Какъ вы ее получили? — О. Иванъ Васильевъ говорилъ, что у Вѣтрова есть книжки.—В. Въ жандармскомъ управленіи вы сказали, гдѣ можно найти этихъ лицъ?—О. Я сказалъ, что мы будемъ въ трактирѣ на Покровкѣ. Со мной отправился сыщикъ, и я показалъ ему этотъ трактиръ. На другой день я пришелъ, подождалъ ихъ на улицѣ, и, когда усмотрѣлъ Ивана Васильева и Николая Васильева, мы пошли въ трактиръ. — В. При васъ ихъ взяли?—О. При мнѣ. Съ Николаемъ было два узла, 65 р. денегъ и на диванъ онъ бросилъ закладку свинцовую (гирька). «Я, говоритъ, ношу ее на случай». Свидѣтелю предъявлены книжки, которыя онъ призналъ за полученныя имъ. Прис. пов. Боровиковскій. Вы грамотны?—Свид. Яковлевъ. Малограмотный.—В. Читали книжки?—О. Читать не пришлось. Когда я услыхалъ, что онѣ строго воспрещены, я ихъ и предоставилъ. — В. Кто вамъ сказалъ, что онѣ запрещены?—О. Мой братъ. Онъ служитъ приказчикомъ на фабрикѣ. — Подс. Васильевъ. Когда я познакомился съ вами? — Свид. Яковлевъ. Въ первое или второе воскресенье великаго поста.—В. Бариновъ вамъ передавалъ обо мнѣ?—О. Нѣтъ. Я лишняго не согласенъ говорить.—В. Книгу вы при мнѣ получили?—О. При васъ, въ трактирѣ.—В. Отъ Баринова вы слышали, что я былъ грамотный?—О. Нѣтъ. —В. Знаете, грамотный я или нѣтъ?—О. Я зналъ васъ только двѣ недѣли и не дай Богъ знаться съ такимъ народомъ. — В. Вы слыхали: былъ ли я грамотенъ?—О. Я видѣлъ, что вы расписывались, когда васъ взяли и протоколъ составили.—Подс. Васильевъ. Яковлевъ говоритъ, что я въ протоколѣ при арестѣ моемъ расписался. Но какъ я до ареста не зналъ читать ни одной буквы, такъ могъ ли я говорить съ нимъ такую идею, то, что заграницей—такую подвижную весь...—Первоприсутствующій. Скажите яснѣе, на что вы хотите обратить вниманіе.—Подс. Васильевъ. Онъ поцтвердилъ, что я писалъ...—Свид. Яковлевъ. Вы, конечно, сперва упирались, а потомъ васъ принудили и вы подписались.—Подс. Васильевъ. Ну, скажите, пожалуйста, гиря мнѣ принадлежитъ? — Свид. Яковлевъ. Да, вы сами это знаете. Смерть не страшна, въ комъ совѣсть чиста. — В. Гирю при мнѣ взяли?—О. Вы бросили ее на диванъ, а раньше мнѣ показывали и говорили, что для случая залѣпить кому-нибудь. — В. Кому же залѣпить?—О. Не знаю, кому ты хотѣлъ залѣпить. — В. Скажи, пожалуйста, когда меня увели въ особую комнату, при мнѣ оказалась гиря эта самая? — О. Да, вѣдь, взяло же ее правительство. Что лишній разговоръ затѣвать.—В. Какъ къ намъ жандармы пришли?—О. Пришли протокулярно одѣты, какъ купечество, и сидѣли противъ насъ. Я затѣялъ съ вами разговоръ. Говорю: вотъ какъ на наши деньги гуляютъ. А вы сказали: тише, тише...—В. Я одно у васъ спрашиваю: когда увели меня въ особую комнату, то при обыскѣ гиря оказалась при мнѣ или нѣтъ?—О. Чего вы лишнее толкуете. Вы на диванъ ее бросили; а кто ее взялъ—не знаю. Вѣдь, она попала сюда, значитъ, ясное доказательство, это, братъ, ужъ извините.—В. Я опять одно спрашиваю, оказалось ли... — О. И я одно буду говорить.—В. Когда меня привели въ другую комнату, оказалась ли гиря при мнѣ?—О. Я не знаю (махнулъ рукою). Первоприс. Свидѣтель нѣсколько разъ сказалъ, что видѣлъ, какъ вы бросили гирю на диванъ. — Подс. Ва-

сильевъ. Почему же она не оказалась у меня, когда я бросилъ ее на диванъ. (Къ свид.) Почему вы не сказали тогда?—О. Вы не сбивайте, пожалуйста. Тамъ есть мое показаніе. Прис. пов. Ольхинъ. Тѣ книги, о которыхъ вы говорили, вы сами разобрали, какого онѣ рода, или вамъ кто-нибудь сказалъ?—Свид. Яковлевъ. Я не то что по книгамъ, а по разговорамъ разобралъ. Тутъ нечего было и книжки разбирать.—В. Кромѣ вашего брата, вамъ никто не говорилъ о томъ, что книжки запрещенныя?—О. Тутъ общій разговоръ былъ, что запрещенныя.—В. Гдѣ же этотъ разговоръ пошелъ?—О. Да они сами мнѣ говорили, чтобы опасаться, что строго запрещено.—Прис. пов. Боровиковскій. Отъ Баринова вы слышали ли что-нибудь, онъ говорилъ вамъ что-нибудь?—Свид. Яковлевъ. Нѣтъ, онъ только далъ книжку.—Подс. Васильевъ. Прокуроръ, который дознаніе дѣлалъ и обвиненіе на меня писалъ, будетъ обвинять меня, что я признался въ показаніяхъ своихъ, что именно оговоръ Баринова и Яковлева не подтверждалъ, но этого показанія у меня не было. Подс. Джабадари просилъ спросить Яковлева, не встрѣчалъ ли онъ его въ Москвѣ.—Свид. Яковлевъ. Я вашу личность не знаю. Свид. Прокофій Бариновъ (братъ подсудимаго) показалъ, что получилъ книжку отъ брата, который сказалъ, что ее далъ ему Петръ Алексѣевъ. Свидѣтель читалъ ее и, увидавъ, что она противозаконная, сжегъ. Николая Васильева зналъ, а Алексѣева и въ глаза не видалъ. Подс. Алексѣевъ. Г. Бариновъ, не говорилъ ли вашъ братъ, отъ какого Петра Алексѣева онъ получилъ книжку? Петровъ Алексѣевыхъ много можетъ быть.—Свид. Бариновъ. Нѣтъ не говорилъ.—Подс. Джабадари. Въ обвинительномъ актѣ говорится, что свидѣтель призналъ Михаила Петрова, т. е. меня, а между тѣмъ онъ меня не признавалъ.—Свид. Бариновъ. Меня еще въ жандармскомъ управленіи спрашивали, но я его не знаю.—Подс. Васильевъ. Можетъ быть, не слыхали ли вы отъ брата или отъ меня какихъ-нибудь предсказаній противъ этихъ книжекъ, что вы сожгли.—Свид. Бариновъ. Касательно этого—нѣтъ.—Прис. пов. Боровиковскій. Съ братомъ своимъ вы часто видѣлись?— Свид. Бариновъ. На одной фабрикѣ жили.—В. Онъ давалъ вамъ книжку, какъ брату?—О. Я самъ бралъ. Я имѣлъ право въ его сундукъ ходить, такъ какъ я старшій братъ.—В. Говорилъ ли вамъ онъ, что нужно рѣзать, убивать?—О. Нѣтъ; я читалъ, а онъ слушалъ. Я по священному писанію опровергалъ книжку.—Подс. Алексѣевъ. Позвольте допросить подсудимаго Баринова о томъ, отъ какого Петра Алексѣева получилъ онъ книжки и передалъ Прокофью Баринову—отъ меня или отъ другого лица.—Подс. Бариновъ. Я не бралъ отъ Петра Алексѣева книжекъ. Я его и не зналъ совсѣмъ. Прошу оставить безъ вниманія мое первое показаніе, потому что я неправильно говорилъ.—Подс. Джабадари. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что подсудимый Бариновъ упоминалъ о кружкѣ, въ число котораго входилъ Михаилъ Петровъ, т. е. я. Я теперь хочу знать, признаетъ ли онъ въ лицѣ моемъ Михаила Петрова, который говорилъ ему о революціонныхъ идеяхъ.—Подс. Бариновъ. Я со вчерашняго дня вижу васъ только первый разъ. Въ виду разнорѣчія устнаго показанія свидѣтеля Баринова съ его показаніемъ на предварительномъ слѣдствіи, товарищъ оберъ-прокурора просилъ прочитать это послѣднее. Изъ показанія этого, между прочимъ, видно, что свидѣтель говорилъ на слѣдствіи, что пилъ чай съ Петромъ Алексѣевымъ, рабочимъ съ фабрики Тимашева, причемъ Петръ Алексѣевъ говорилъ ему, что существуютъ хорошія книжки, совѣтовалъ прочитать и исполнять то, что тамъ написано; черезъ недѣлю братъ принесъ книжку «Хитрая механика», и въ теченіе великаго поста—листокъ «Чтой-то, братцы», «Емельку Пугачева» и другія. Свидѣтель читалъ ихъ, но, убѣдясь въ преступномъ содержаніи, сжегъ. Чтеніе это производило различное впе-

чатлѣніе на фабричныхъ: большинство слушавшихъ смѣялись; были такіе, которые выражали сочувствіе, и были такіе, которые находили книги преступными и говорили, что ихъ нужно сжечь. Свидѣтель съ братомъ и Н. Васильевымъ, задержаннымъ вмѣстѣ съ братомъ 29 марта, сходились раза три въ трактирѣ, и каждый разъ Васильевъ говорилъ, что книжки нужно болѣе распространять, что нужно подготовлять народъ къ возстанію, нужно образовать кружки одномысленныхъ, въ которыхъ постоянно читать, и, когда силы достаточно развернутся, то произвести революцію и перерѣзать господъ, чиновниковъ, купцовъ и богатыхъ крестьянъ. Свидѣтель убѣждалъ брата, что дѣло задумано нехорошее, что евангеліе предписываетъ уважать власти, а не возставать противъ нихъ, но, «повидимому, братъ мой сочувствовалъ не моимъ словамъ, а внушеніямъ Алексѣева и Васильева». Далѣе въ этомъ показаніи, между прочимъ, сказано, что никакого Михаила Петрова свидѣтель не знаетъ. Подс. Джабадари снова обратилъ на это обстоятельство вниманіе. Тов. об. прок. замѣтилъ, что въ обвинительномъ актѣ не говорится того, на что указываетъ подсудимый. Подс. Васильевъ. (къ свидѣтелю). Разскажите, что я вамъ говорилъ; говорилъ ли то, что прочитано въ показаніи.— Свид. Бариновъ. Здѣсь написано много. Я не знаю. Вы мнѣ ничего не говорили. Много тутъ есть лишняго. Показаніе было только на одной страницѣ написано.—Первоприсутствующій. Вы грамотный?—Свид. Бариновъ. Грамотный.—В. Подписывали показаніе?—О. Подписалъ. Свидѣтелю предъявляется показаніе. Онъ осматриваетъ и говоритъ: «Да, я подписалъ».— Прис. пов. Боровиковскій. Можете прочитать, что написано?— Свид. Бариновъ. Нѣтъ.— В. Знаете, что значатъ слова: «сочувствіе», «одномысленныхъ», «революція»?—О. Нѣтъ, не знаю. «Революцію» послѣ узналъ, что это бунтъ.— Прис. повѣрен. Ольхинъ. Вамъ тогда прочитывали показаніе?— Свид. Бариновъ. Прочитали.— В. Такъ читали, какъ здѣсь?—О. Не могу припомнить.— Подсудимый Васильевъ. Вы знали меня давно?— Свид. Бариновъ. Я ходилъ къ вамъ, какъ вы жили на фабрикѣ до распространенія этихъ книжекъ за два года или больше; пили чай, но я ничего отъ васъ не слыхалъ.—В. Я зналъ грамотѣ или нѣтъ?—О. Этого я не знаю.— В. Отъ брата не слыхали?—О. Ничего не говорилъ. Свид. Дарья Скворцова показала: Пріѣхалъ Петръ Алексѣевъ изъ Петербурга и приходитъ въ заведеніе, въ которомъ мы жили. Вызываетъ за ворота Н. Васильева. Онъ былъ занятъ дѣлами и послалъ меня; я вышла. Всѣ личности его знакомыхъ я знаю, но этого никогда не видала. Я стала спрашивать: какъ объ васъ сказать. Онъ говоритъ: скажите, что Петръ Алексѣевъ изъ Петербурга пріѣхалъ. Я сказала Н. Васильеву, а онъ говоритъ: скажи, чтобы подождалъ меня въ трактирѣ. Потомъ Н. Васильевъ пошелъ въ трактиръ. Такъ было время съ недѣлю или больше: то до обѣда, то послѣ обѣда уйдутъ. Я стала спрашивать, а они не сказывали, куда ходили. Я пошла въ трактиръ посмотрѣть и вижу ихъ—сидятъ, народу много. Я сказала Николаю Васильеву: вамъ нужно домой итти. Они пошли. Я спрашивала его: что вы прежде не ходили, а теперь стали ходить? Онъ сказалъ: ты ничего не знаешь. Я еще погодила. Потомъ онъ приходитъ и говоритъ: поѣдемъ на квартиру. Что мы, говорю, дѣлать будемъ? У насъ, говоритъ, нахлѣбники будутъ; Петръ Алексѣевъ нахлѣбниковъ нашелъ. Я сказала, что у насъ нѣтъ ничего, нужно все покупать. Это, говоритъ, дѣло не наше. Мы поѣхали на квартиру. Народъ, вижу, приходитъ одѣтый и хорошо и плохо, а личности ихъ доказываютъ, что народъ хорошій, т. е. лицомъ изъ благородныхъ. Я спросила разъ и два; они говорятъ: если наши женщины пріѣдутъ, то ихъ пригласить. Пріѣхала ихъ женщина, и я пригласила. Я спросила, гдѣ онѣ живутъ, и она сказала, что на машинахъ. Потомъ другая пріѣхала, потомъ

еще двѣ, такъ всего собралось семь женщинъ. Онѣ пошли потомъ искать на фабрикахъ мѣста. Съ фабрики приходили ко мнѣ, а все не сказываютъ ничего. Ходятъ, живутъ, а не говорятъ, что дѣлаютъ. Потомъ пріѣзжаетъ одинъ господинъ передъ масляницей и привозитъ онъ книгъ чемоданъ очень порядочный. Потомъ мнѣ говорятъ: нельзя ли ихъ убрать подальше; а я ничего не сказала. Потомъ я говорю Н. Васильеву, что Ѳедоръ привезъ книгъ и велитъ убрать, а онъ отвѣтилъ: скажи имъ, чтобы они увезли эти книги. Пришелъ Михайло, и я ему сказала. Онъ разсердился на меня, взялъ и повезъ книги. Я все вижу, что что-то не такъ, а не знаю хорошенько. Въ пятницу на масляницѣ всѣ ушли, а я осталась одна. Мнѣ все хочется узнать. Пришелъ Н. Васильевъ и одна дѣвушка Маша. Я сказала, что съ Носовой фабрики приходилъ приказчикъ и спрашивалъ Машу и Наташу, и я ему сказала, что не знаю, когда вы будете дома. Они сейчасъ примѣтили, что это—шпіонъ, и потомъ переѣхали на другую квартиру. Намъ съ Н. Васильевымъ кормиться стало нечѣмъ, и я говорю: поѣдемъ въ Лефортову часть. Мы поѣхали. Потомъ имъ бѣлье негдѣ было стирать, потому что костюмы были все разные. Они говорятъ Николаю: не будетъ ли Дарья стирать. Я согласилась, стирала и относила имъ бѣлье. Но они меня стали очень бояться и говорятъ: мы будемъ сами носить бѣлье. Я больше и не ходила. Потомъ они съ своей квартиры опять съѣхали. Когда Н. Васильева забрали, я стала разузнавать, гдѣ онъ сидитъ. Пошла къ Николаевской машинѣ, они тамъ все жили. Вижу идетъ мужчина; я спросила его, гдѣ Н. Васильевъ. Его, говоритъ, взяли, поди въ жандармское управленіе, тамъ узнаешь. Я была. Потомъ опять пошла къ вокзалу и вижу въ домѣ окна занавѣшены. Думаю, должно быть они тутъ, потому что они все занавѣшивали окна. Я постучала. Михайло выглянулъ. Что же, говорю, вы не скажете, что Н. Васильева взяли. Онъ говоритъ: тебѣ жалко, а намъ десять разъ жальчѣе. Онъ, говоритъ, въ жандармскомъ управленіи. Я, говорю, была уже тамъ. Тутъ я у нихъ ночевала двѣ ночи. Они стали увязывать чемоданчики и разговариваютъ, чтобы я уходила. Такъ какъ мнѣ обидно показалось, то я пошла въ жандармское управленіе и доказала. Тов. об.-прок. Кто обзаведеніе покупалъ? Свид. Скворцова. Василій съ нами ходилъ.—В. На квартирѣ въ домѣ Костомарова кто у васъ жилъ?—О. Василій, Михайло, Ѳедоръ, Петръ Алексѣевъ; приходилъ и Иванъ Ивановичъ, небольшого роста; а женщины — Маша, Наташа, Ѳеклуша, Саша, Вѣра, Аннушка и Дуняша.—В. Разговоры ихъ васъ не поражали? — О. Мнѣ некогда было ихъ слушать; я по хозяйству занята.—В. Въ Бога они вѣрили? —О. Они Бога на небеси признавали, а только личность не признавали. —В. Говорили о томъ, чтобы уравнять богатыхъ и бѣдныхъ? — О. Былъ разговоръ, чтобы жили всѣ равно, а не могу сказать, какъ это будетъ, чтобы жили всѣ равно. — В. А былъ разговоръ о томъ: оставаться ли въ Москвѣ или уѣхать?—О. По разнымъ мѣстамъ хотѣли разъѣхаться весной, когда будетъ потеплѣе.—В. Вы знате Филата Егорова?—О. Тоже ходилъ къ нимъ на фатеру въ домѣ Костомарова. — В. Маша и Аннушка гдѣ работали?—О. Маша и Наташа работали у Носовыхъ, а Аннушка у Лазарева. Дуняша на Дѣвичьемъ полѣ, но не знаю, на какой фабрикѣ.—В. Отчего Дуняша оставила фабрику?—О. Не знаю. Тогда онѣ уже однѣ жили. Я пришла къ нимъ, а Дуняша лежитъ на постели. Я спрашиваю: что это вы? Она говоритъ: я совсѣмъ было попалась, но въ чемъ, не говорила. Подс. Джабадари. Когда пріѣхалъ Алексѣевъ, до Рождества или послѣ? Свид. Скворцова. До Рождества.—В. Когда наняли квартиру у васъ?—О. Послѣ Рождества.—В. Когда же послѣ?—О. Я не знаю числа; скоро послѣ Крещенія, мы мѣсяцъ прожили на этой квартирѣ.—В. Когда же наняли квартиру: черезъ два дня или черезъ десять дней послѣ Рождества? — О. Я не помню

теперь. Знаю только, что послѣ Рождества. Подс. Джабадари. Я напираю на это потому, что въ то время я жилъ въ другомъ мѣстѣ. Можно спросить подсудимую Медвѣдеву? Первоприсутствующій. Это совершенно не нужно въ виду того, что свидѣтельница не говоритъ положительно дня. Подс. Джабадари. Значитъ, показаніе это не имѣетъ силы? Первоприсутствующій. Это оцѣнитъ особое присутствіе. Подс. Джабадари. Потомъ въ показаніи Скворцовой... она говоритъ, что Михайло купилъ мебель... Свид. Скворцова. Михайло давалъ деньги Василію, и онъ со мною ходилъ. Потомъ Михайло далъ и мнѣ самой въ руки пять рублей. Подс. Джабадари. О чемъ тамъ говорили: о рѣзнѣ и бунтѣ говорили? Свид. Скворцова. Это говорили.—В. А какъ же вы сейчасъ сказали, что только о Богѣ говорили и объ уравненіи?—О. И это говорили. — Подсудимый сдѣлалъ еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ, на что первоприсутствующій замѣтилъ, что вопросы подсудимаго указываютъ на его совершенное незнакомство съ судебными уставами. Подс. Джабадари. До арестовъ видѣли Михаила Петрова? Свид. Скворцова. Я не знала Петрова; онъ назывался Михайломъ, а отчества я не знала. — В. Послѣ того, какъ они отъ васъ скрылись, вы не встрѣчали кого-нибудь изъ нихъ?—О. Михайло приходилъ въ Лефортову разъ или два. Хохлуша бѣлье приносила. Подс. Джабадари. Я свидѣтельницу призналъ самъ, а въ обвинительномъ актѣ сказано, что я не признаю. Первоприсутствующій. Вы теперь признаете? Прис. пов. Спасовичъ. По закону я защитникъ Джабадари; но онъ самъ находилъ нужнымъ допрашивать свидѣтельницу. Позвольте мнѣ предложить ей нѣсколько вопросовъ (къ свидѣтельницѣ). Вы не имѣли участія въ ихъ разговорахъ и дѣлаете только свое заключеніе, что они ведутъ къ бунту? Свид. Скворцова. Они говорили только между собою. — В. Такъ что вы только прислушивались; о бунтѣ была у нихъ рѣчь, они сговаривались? —О. Если бы я была ученая, то я лучше еще могла бы разсказать, а теперь не могу разсказать. Говорили, чтобы у насъ не было великаго государя.—Затѣмъ свидѣтельница, по распоряженію первоприсутствующаго, осмотрѣла подсудимыхъ и опознала тѣхъ, о которыхъ показывала, причемъ въ отношеніи подсудимаго Баринова заявила, что онъ бывалъ у Васильева прежде и что «въ этой компаніи» она его не считаетъ. Подс. Васильевъ. Какъ я хотѣлъ снять квартиру? Свид. Скворцова повторяетъ разсказъ вышеприведенный.— В. Не говорилъ ли я вамъ, что своимъ дѣломъ заниматься будемъ, и пріискалъ квартиру для собственнаго своего дѣла?—О. Нѣтъ, не говорили.— В. Не говорилъ ли я, что тебя выучу за станкомъ работать?—О. Ничего этого не было.—Подс. Чекоидзе заявилъ, что онъ послѣ масляницы пріѣхалъ въ Москву и жилъ въ гостинницѣ Шевалдышева. Прис. пов. Спасовичъ. Вы указали въ числѣ другихъ на Вѣру Любатовичъ. Она тоже хотѣла уѣхать весною? Свид. Скворцова. Не слыхала.—В. Такъ что не можете сказать, всѣ ли они собирались ѣхать весною, или только нѣкоторые.— О. Не могу этого сказать. Подс. Чекоидзе. Когда покупали мебель, былъ ли съ вами еще третій, Ѳедоръ? Свид. Скворцова. Ѳедоръ покупать мебель не ходилъ, но при немъ Михайло давалъ деньги.—Подс. Филатъ Егоровъ. Къ кому я приходилъ? Свид. Скворцова. Къ товарищамъ своимъ Михаилу и Ѳедору.—В. Почему вы знаете, что я зналъ Михайла?—О. Я вижу —приходите, спрашиваете его, разговариваете съ нимъ. Подс Чекоидзе. Какъ же вы показали, что я приходилъ только обѣдать, а теперь говорите, что я жилъ у васъ и нанималъ квартиру?—Свид. Скворцова. Приходили обѣдать и ужинать и ночевали.— В. Значитъ, жилъ?— О. Жили; у васъ было сто квартиръ. Придете, ночуете одну ночь здѣсь, другую тамъ...—В. Вы говорите: сто квартиръ. Укажите хоть пять или двѣ, или одну.— О. Я видѣла васъ въ Красномъ Селѣ, когда приносила бѣлье.

Свид. Щедринъ (дворникъ дома Федорова) по предъявленіи подсудимыхъ опозналъ сначала Фетисова за жившаго въ этомъ домѣ Мудрова, а потомъ узналъ подсудимаго Лукашевича. Свид. Ѳедоръ Кузьминъ показалъ, что у него на квартирѣ жилъ Василій Григорьевъ, къ которому раза два приходилъ товарищъ. Послѣ его ареста приходили къ нему какія-то двѣ дѣвушки. Ни Григорьева, ни товарища, ни дѣвушекъ свидѣтель въ числѣ подсудимыхъ признать не могъ. Подс. Георгіевскій. Я самъ признаю свидѣтеля. Подс. Чекоидзе. Вы видѣли меня? Свид. Кузьминъ. Не могу признать. Свид. Иванъ Юрсъ показалъ, что служитъ на фабрикѣ Лазарева мастеромъ. Разъ пришли 2 дѣвушки и просили работы. Ихъ приняли. На другой пришла только одна Аннушка и принесла паспортъ. Ее опредѣлили въ отдѣлочное отдѣленіе, и она работала, какъ слѣдуетъ, «мирно, тихо». Потомъ ее перевели въ другое отдѣленіе, полегче. Она работала три недѣли тамъ. Разъ ночью въ мужской спальнѣ она стала книжку читать. Пришелъ приказчикъ и говоритъ: «Зачѣмъ ты, Аннушка, здѣсь? Мужикамъ нужно вставать въ 4 часа утра; имъ нужно отдохнуть.» Прогналъ ее. На другой день утромъ Аннушка жаловалась хозяину, что приказчикъ дерется. Хозяинъ сказалъ, что не позволитъ драться. Но она сказала, что не хочетъ больше оставаться на фабрикѣ и просила разсчета. Въ это время въ контору пришелъ приказчикъ и разсказалъ, за что онъ ее прогналъ изъ мужской спальни. Ей дали разсчетъ, и она ушла. Недѣли черезъ полторы свидѣтель въ своемъ отдѣленіи замѣтилъ толпу рабочихъ, которые при его входѣ разошлись; остался только одинъ, который на вопросъ: что такое? сказалъ, что ничего. Свидѣтель вернулся назадъ и сталъ за дверь въ темномъ корридорѣ. Собралось человѣкъ двѣнадцать, и одинъ держалъ въ рукахъ книжку. Книжка эта оказалась «Хитрая механика». Не умѣя читать, свидѣтель приказалъ одному прочитать ему эту книжку. Отойдя къ окну, мужикъ сталъ читать. «Я думалъ сначала, говоритъ свидѣтель, что онъ меня дурачитъ». Поэтому онъ перевернулъ нѣсколько листовъ и опять заставилъ читать. Видитъ, что опять не хорошо. Перевернулъ еще нѣсколько листовъ, и мужикъ еще прочелъ. Свидѣтель убѣдился, что мужикъ, значитъ, не вретъ, а читаетъ, что напечатано; тогда онъ спросилъ: откуда взяли книжку. Мужикъ сказалъ, что изъ другихъ отдѣленій. Свидѣтель замѣтилъ: «Эта книга нехорошая. Эта книга бунтъ учиняетъ. Я сказалъ хозяину, молодому Лазареву, онъ смѣется, говоритъ: мужикъ, должно быть, тебя дурачилъ. Я сказалъ: три мѣста давалъ читать, и все не хорошо. Онъ сказалъ: когда папаша пріѣдетъ, скажетъ ему». Но когда тотъ пріѣхалъ и приказалъ принести книжку, то ея не оказалось. Давали три рубля, но мужики сказали, что у нихъ книжку украли, Затѣмъ они объяснили, что Аннушка продавала эти книжки, кому за три, а кому за пять копеекъ; знакомымъ давала даромъ. Хозяинъ сообщилъ о случившемся въ жандармское управленіе. Когда свидѣтель явился туда и увидѣлъ Аннушку, то спросилъ ее: «Аннушка, какъ ты попала сюда?—Я, говоритъ, тебя не знаю. Я сказалъ: какъ не знаешь; я пятьсотъ человѣкъ свидѣтелей поставлю; маленькія дѣти тебя знаютъ.—А она все говоритъ, что на фабрикѣ Лазарева не жила». По предъявленіи подсудимыхъ, свидѣтель узналъ Бардину. (Засѣданіе прервано до 11-ти часовъ утра слѣдующаго дня).

Свид. Григорій Петровъ показалъ, что служитъ приказчикомъ на фабрикѣ Лазарева. Аннушка жила на фабрикѣ пять недѣль. Когда онъ засталъ ее читающею книжку въ спальнѣ рабочихъ, то приказалъ ей уйти. Но она не слушалась, и онъ «вынужденъ былъ» взять ее за руку и вывести. У рабочихъ были отобраны: «Хитрая механика» и «Сказка о четырехъ братьяхъ». Они говорили, что Аннушка дала имъ книжки въ трак-

тирѣ. Свидѣтель призналъ подсудимую Бардину. Свид. Павелъ Игнатовъ (рабочій фабрики Лазарева) показалъ: Когда мы жили на фабрикѣ Лазарева, тамъ жила Аннушка; читала у насъ въ спальнѣ книжки при огнѣ; когда пришелъ приказчикъ, свѣчку погасили. Аннушка ушла, а книжки. оставила на постели. Послѣ мы взяли ихъ и читали. Тов. оберъ-прок. Какія книги читала вамъ Аннушка?—Свид. Игнатовъ. «О четырехъ братьяхъ», «Хитрая механика» и «Пѣсенникъ»—книгъ до шести было.— В. Она поясняла, когда читала?—О. Скажетъ, когда не поймешь.—В. Не осталось ли какой-нибудь книжки у васъ?—О. У меня «Пѣсенникъ» остался. Я передалъ его хозяину. Свид. Никита Мухановъ (управляющій фабрикою Носовыхъ) показалъ: 5-го февраля 1875 года приходятъ двѣ дѣвушки и просятъ работы. По взгляду моему, онѣ къ работѣ были неспособны. Я имъ отказалъ. Онѣ говорили, что не здѣшнія, что въ Москвѣ знакомства не имѣютъ и просили имъ дать работу. Я сказалъ, что считаю ихъ неспособными, что у насъ работа грязная, а вы одѣты чисто. Онѣ говорили, что мы не имѣемъ средствъ къ существованію. Я убѣдился ихъ просьбою и взялъ. Спросилъ паспорты, изъ которыхъ одна оказалась солдаткой Тамбовской губерніи, Марія Петрова Краснова, а другая—Наталія Семенова Волкова, крестьянка Костромской губерніи. На другой день 6-го февраля, онѣ вступили въ работу. Черезъ недѣлю въ будни онѣ стали проситься со двора, а у насъ въ будни не имѣютъ права уходить безъ разрѣшенія конторы. Я сказалъ имъ: дайте ваши книжки, и отпустилъ ихъ на нѣсколько часовъ. Онѣ сказали, что имъ нужно сходить къ знакомымъ. Я говорю: какъ же вы, когда нанимались, говорили, что у васъ знакомыхъ нѣтъ. Онѣ говорили: «все-таки кто-нибудь найдется». Я подумалъ, что имъ не нравится у насъ работать и что онѣ хотятъ поискать другого мѣста. Я сказалъ: хорошо, сходите, только приходите къ 6-ти часамъ дня. Онѣ были въ ночной смѣнѣ. Онѣ отправились со двора и пришли аккуратно въ 6 часовъ. Я увидѣлъ ихъ исправность. Проходитъ еще двѣ недѣли. Это было въ воскресенье, когда народу не запрещается уходить куда угодно. Во вторникъ сторожъ отъ переднихъ воротъ приводитъ въ контору Наталію Семенову Волкову. По нашимъ правиламъ, кто не явился въ понедѣльникъ, то въ слѣдующіе дни недѣли приводится въ контору. Когда ее привели, я взялъ ея книжку, сдѣлалъ ей разсчетъ, паспортъ ей въ руки и за ворота. Вторая живетъ. Жила мѣсяцъ и 10 дней. Въ пятницу на масляницѣ она приходитъ и просится со двора. Я сказалъ, что у насъ пятницу еще работаютъ и что раньше завтрашняго дня итти со двора нельзя. На другой день она ушла и явилась въ среду на первой недѣлѣ. Сторожъ привелъ ее въ контору. Я радъ былъ, что она не во время явилась. Сейчасъ же ей разсчетъ, паспортъ и за ворота. На пятой или на шестой недѣлѣ меня предупредила полиція, что у насъ на фабрикѣ читаются какія-то книжки возмутительнаго содержанія. Я, ничего не знавши, далъ слово, что приму мѣры разузнать. Пришелъ въ контору. Тутъ слухъ пронесся, что читаетъ книжки крестьянинъ Ефимъ Даниловъ. Я вызвалъ его и спросилъ: какія ты книжки читаешь?—«Я говоритъ, никакихъ не читаю.» Я захотѣлъ обыскать Данилова. Прошелъ въ спальню и велѣлъ ему отпереть сундукъ. Были тамъ книжки, но простыя: часословъ и другія. Я говорю: нѣтъ, не такая нужна книжка, а противозаконнаго содержанія.—«Нѣтъ, говоритъ, у меня.» Потомъ слухъ прошелъ, что какую-то книжку сожгли. Узналъ, что это сторожъ Барышниковъ. Позвалъ его.—Сжегъ ты книжку?—«Сжегъ.» —Какъ ты смѣлъ?—«Виноватъ, говоритъ, потому что скоро случилось; прибѣжалъ Даниловъ и говоритъ: сожги. Я и бросилъ въ печку.»—Ты зналъ, какая это книжка: спрашиваю.—«Нѣтъ, говоритъ, не зналъ.» Я за Даниловымъ. Онъ сказалъ: «виноватъ, испугался.» Я заявилъ объ этомъ

полиціи. Затѣмъ 4-го апрѣля меня потребовали въ жандармское управленіе, гдѣ мнѣ показываютъ эту солдатку Краснову. Я призналъ и назвалъ ее. Ее спросили: какъ васъ зовутъ? Она такой отвѣтъ нехорошій сказазала—говоритъ: буквой А зовутъ. Потомъ ее увели прочь. Я разсказалъ все, какъ теперь, и составили актъ. Въ августѣ или сентябрѣ меня опять потребовали въ жандармское управленіе. Являюсь; меня пригласили сѣсть за общій столъ. Тутъ сидѣли генералъ, прокуроръ и какая-то барышня, разодѣтая отлично. Генералъ меня спрашиваетъ: «Не можете ли узнать, не жила ли эта барышня у васъ на фабрикѣ?» Мнѣ это странно показалось. Тогда она была одѣта простенько, хотя и отличалась отъ крестьянскаго быта, тогда же было замѣтно, что не простого званія. Удивительно, я подумалъ, а физіономія въ память врѣзалась Тогда я думалъ: образованная, а просится въ такую грязную работу. Поэтому я очень запомнилъ личность этой Волковой. Осмотрѣвши ее хорошо, я сказалъ: да, она называлась Наталіей Семеновой Волковой. Тогда она сказала: «нѣтъ, я не крестьянка; я благородная.» Дѣйствительно, говорю, похоже, что благородная, да у насъ то жила подъ именемъ крестьянки. Потомъ составили актъ. По осмотрѣ подсудимыхъ, свидѣтель указалъ на Ольгу Любатовичъ, но другой указать не могъ. (То была Каминская, которой нѣтъ въ числѣ подсудимыхъ). Свид. Ефимъ Даниловъ показалъ, что Марія Петровна, работница, до 3-хъ разъ приходила въ мужскую спальню и читала книжки: «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Хитрую механику», «Чтой-то, братцы, какъ намъ тяжело живется»—и дала свидѣтелю «Хитрую механику». Когда у него сдѣлали обыскъ, онъ испугался, не зналъ, что дѣлать съ книжкой, и отдалъ ее сторожу, прося сжечь. Свидѣтели: Григорій Васильевъ (помощникъ приказчика на фабрикѣ Гюбнера), Прасковья Ѳедорова и Ольга Иванова (работницы) показали, что на фабрикѣ жила работница Авдотья; ушла съ фабрики внезапно, оставивъ свой сундучекъ съ вещами, паспортъ и не получивъ разсчета. Всѣ трое указали на подсудимую Фигнеръ. Свид. Аѳанасій Ермолаевъ (рабочій на фабрикѣ Тюляевыхъ) показалъ, что подсудимый Егоровъ, познакомившись съ нимъ черезъ Акима Трофимова, пригласилъ его въ тактиръ чай пить и просилъ позвать еще кого-нибудь. Свидѣтель сказалъ, что знаетъ всѣхъ, на что Егоровъ сказалъ: «Зови; у меня денегъ на всѣхъ хватитъ». Свидѣтель набралъ человѣкъ пять, пошли въ трактиръ, напились чаю и вернулись въ заводъ. Еще раньше Егоровъ далъ свидѣтелю двѣ книжки. Потомъ въ одно изъ воскресеній онъ встрѣтилъ его и пошли вмѣстѣ. Егоровъ зашелъ въ какой-то домъ, прося свидѣтеля подождать—онъ дождался; Егоровъ вышелъ и позвалъ въ трактиръ, пришли его товарищи, напились чаю, и Егоровъ предложилъ взять у него книжекъ. «Дай, говоритъ, платочекъ, я книжекъ тебѣ дамъ.» Я далъ платочекъ, пошли въ домъ: тамъ онъ сталъ давать мнѣ книжки и насовалъ въ карманы. Мнѣ итти съ книжками было неспособно въ карманахъ, я завязалъ ихъ въ платочекъ и принесъ на заводъ. Свидѣтель не зналъ, какія это были книжки. Но потомъ на заводѣ пошелъ разговоръ, что книжки неудобны. Онъ не зналъ, что съ ними дѣлать. Двѣ книжки сжегъ, а остальныя не успѣлъ, потому что «народъ сталъ вставать», и онъ снесъ ихъ на чердакъ и положилъ къ трубѣ, гдѣ впослѣдствіи, по его указанію, ихъ и нашли. Свид. Ефремъ Платоновъ показалъ, что онъ изъ одной деревни съ Петромъ Алексѣевымъ, отъ котораго получилъ книжку «О крестьянскихъ выборахъ». Затѣмъ отъ товарища его, Егорова, получилъ сказку «О четырехъ братьяхъ», «Хитрую механику» и «Пѣсенникъ». Свид. Акимъ Трофимовъ подтвердилъ ссылку на него Ермолаева и, между прочимъ, показалъ, что Егоровъ пригласилъ обоихъ ихъ въ трактиръ и тамъ далъ имъ книжки.

По выходѣ изъ трактира онъ сказалъ свидѣтелю: «смотри, читать вслухъ опасайся». Свидѣтель послѣ этого не зналъ, что дѣлать съ книжкой, и сжегъ ее. Недѣли черезъ двѣ, увидѣвшись съ Ермолаевымъ, взялъ у него еще одну книжку: посмотрѣлъ мѣстахъ въ двухъ, ничего хорошаго не понялъ, взялъ и сжегъ. Книжка была цвѣтомъ синенькая, подъ заглавіемъ «Степь Моздокская» и другая, желтенькая: «О братьяхъ». Это было до масляницы. Свид. Семенъ Зотовъ ходилъ по приглашенію Ермолаева въ трактиръ чай пить. Тамъ видѣлъ неизвѣстнаго человѣка, «по виду не изъ русскихъ», который просилъ его разсказать, какъ онъ ѣздилъ въ Нарву. Онъ сказалъ, что ѣздилъ: работать не работалъ, а только убытокъ себѣ получилъ. Человѣкъ этотъ заплатилъ за чай. Тов. оберъ-прок. Можете теперь вы признать этого человѣка?—Свид. Зотовъ. Надо быть, что признаю. Мы его въ жандармскомъ управленіи свидѣтельствовали (указываетъ на подсудимаго Джабадари). Свид. Ѳаддей Игнатовъ показалъ, что по приглашенію Ермолаева ходилъ въ трактиръ чай пить. Тамъ сидѣлъ въ приличной одежѣ неизвѣстный человѣкъ черной масти; курилъ табакъ; рѣчей съ нимъ не производили; онъ потчивалъ только папиросами.—Прис. пов. Спасовичъ. Чаемъ угощалъ васъ онъ?— Свид. Игнатовъ. Угощенья не было, а деньги отдавалъ этотъ черный человѣкъ (осматриваетъ подсудимыхъ и указываетъ на Джабадари). Свид. Осипъ Павловъ показалъ: Мнѣ Тимофей Васильевъ книжку далъ и говоритъ, что ему Пафнутъ Николаевъ далъ почитать. Я сказалъ: положи до праздника. Но въ то время приказчикъ у насъ ее отобралъ и насъ предоставили въ полицію.—Тов. оберъ-прок. Какое названіе книжки было?—Свид. Павловъ. Не могу упомнить.—Прис. пов. Бардовскій. Не говорилъ вамъ Тимоѳей Васильевъ, чтобы остерегаться съ этой книжкой?—Свид. Павловъ Не слыхалъ. —Свид. Тимоѳей Васильевъ показалъ, что получилъ книжку отъ Николаева, и такъ какъ самъ онъ грамотѣ не знаетъ, то предлагалъ ее почитать Павлову. Книжка называлась «Хитрая механика». Николаевъ скрылся съ завода безъ разсчета. Книжки хранились у него въ сундукѣ, откуда онъ и досталъ свидѣтелю книжку.—Подс. Николаевъ. Я книгъ вамъ не давалъ. Онѣ лежали на окнѣ, и я даже не могъ знать, когда ихъ брали. — Свид. Васильевъ Нѣтъ, онъ мнѣ изъ сундука далъ. —Подс. Николаевъ. Я далъ бы тому, который грамотенъ. — Свид. Васильевъ. Вы дали мнѣ, такъ какъ мы земляки.— Подс. Николаевъ. Странное дѣло: зачѣмъ вы взяли, когда не грамотны.—Свид. Васильевъ. Подъ праздники мы читаемъ сказки, чтобы скуку разогнать.— Свид. Власъ Алексѣевъ (братъ подсудимаго) показалъ, что у него были двѣ книжки братниныхъ и что была еще книжка, которую ему встрѣтилось купить, но оказалось, что она «значитъ, намъ неугодна, и я ее прекратилъ—сожегъ»— Свид. Миронъ Емельяновъ показалъ: Тотъ человѣкъ, который книжки давалъ, сперва съ братомъ моимъ, а потомъ съ братнинымъ зятемъ пріѣзжалъ въ деревню. Далъ книжекъ пять, вродѣ сказокъ.—Первоприсутствующій. Вы грамотны?—Свид. Емельяновъ. Нѣтъ. У свидѣтеля товарищъ былъ грамотный и для него онъ взялъ книжки; названія ихъ не помнитъ, но это были тѣ самыя, которыя онъ отдалъ при обыскѣ. Человѣкъ этотъ (подсудимый Егоровъ) пріѣзжалъ два раза. Когда ночевалъ, то читалъ какую то нехорошую книжку.—Подс. Егоровъ заявилъ, что свидѣтеля знаетъ.—Прочитанъ былъ протоколъ обыска, произведеннаго по указанію Дарьи Скворцовой въ домѣ Корсакъ. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что тамъ застали семерыхъ мужчинъ и двухъ женщинъ; при нихъ найдены деньги, паспорты, письма, разныя записки и другія вещи въ чемоданахъ и узлахъ. Затѣмъ другой протоколъ обыска, въ домѣ Ѳедоровой, гдѣ проживалъ подсудимый Агаповъ вмѣстѣ съ Лука-

шевичемъ, удостовѣряетъ, что по указанію Агапова на чердакѣ дома найдены разныя книжки преступнаго содержанія, принадлежавшія, по заявленію Агапова, жившему съ нимъ вмѣстѣ Степанову. Всѣ эти книжки, записки, письма и паспорты были предъявлены сторонамъ и подсудимымъ. Подс. Агаповъ призналъ книжки за тѣ самыя, которыя найдены въ домѣ Ѳедоровой. Подс. Лукашевичъ заявилъ, что книжки тѣ самыя, которыя ему предъявляли въ жандармскомъ управленіи. Паспортъ тотъ самый, съ которымъ онъ жилъ въ домѣ Ѳедоровой. Наконецъ, разсчетная тетрадь та самая, по которой онъ работалъ на заводѣ. Прис. пов. Бардовскій просилъ обратить вниманіе, что подсудимый Бариновъ при первомъ же допросѣ указалъ свое мѣсто жительства и гдѣ работалъ. По просьбѣ подсудимаго Джабадари прочитано постановленіе жандармскаго управленія о производствѣ обыска въ домѣ Корсакъ. Подс. Джабадари. Дѣло въ томъ, что я обвиняюсь въ укрывательствѣ своей фамиліи, между тѣмъ, я не имѣлъ никакого на то намѣренія и мотивировалъ свой отказъ сказать фамилію тѣмъ, что мнѣ не было предъявлено постановленія о производствѣ обыска. Я пришелъ 3-го апрѣля на квартиру Бардиной въ домѣ Корсакъ съ цѣлью взять у нея денегъ на дорогу, такъ какъ я отправлялся съ Чекоидзе на Кавказъ. Въ 6 часовъ вечера насъ застали тамъ жандармы и городовые. Ихъ было чрезвычайно много, и на вопросъ, что нужно, они сказали, чтобы мы не безпокоились. Я заявилъ, что вы представляете власть и силу, но я не позволю, чтобы меня арестовали безъ постановленія прокурорскаго надзора и жандармской власти. Поручикъ замѣтилъ, что такого постановленія не полагается и что они могутъ арестовать насъ, когда угодно. Я напиралъ на этомъ постановленіи и говорилъ, что хотя я невѣжда въ знаніи законовъ, но что это есть первая гарантія, что должны представить прокурорское постановленіе. Тутъ произошла сцена, не совсѣмъ пріятная для насъ и для нихъ, такъ что мы пріостановили арестъ до полуночи, когда пріѣхалъ генералъ Воейковъ, который былъ недоволенъ, что мы протестовали противъ ареста, и на этомъ основаніи были поломаны двери и нанесено оскорбленіе многимъ...—Первоприсутствующій. Вы прокурорскому надзору объ этомъ заявляли? —Подс. Джабадари. Заявлялъ товарищу прокурора Кларку.—В. Письменно?—О. Нѣтъ, на словахъ. Изъ моего показанія видно, что я мотивировалъ свой отказъ сказать фамилію непредъявленіемъ мнѣ прокурорскаго постановленія. Но когда насъ привезли въ жандармское управленіе и я убѣдился, что нахожусь тамъ и что взявшіе насъ жандармы не переодѣтыя личности, я сейчасъ же сказалъ свою фамилію и званіе, и что живу въ номерахъ Келлера, а въ квартирѣ Бардиной былъ въ гостяхъ.—Подс. Лукашевичъ. Въ обвинительномъ актѣ вкралась маленькая ошибка въ отношеніи причины, по которой я явился въ домъ Корсакъ. Тамъ сказано, что я пришелъ къ Павлову для полученія столярной работы. Дѣйствительно, я такъ показалъ, но это было тогда, когда я назывался Ивановымъ, а потомъ я сказалъ свою настоящую фамилію. — Подсуд. Алексѣевъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что будто бы я приглашенъ былъ на квартиру въ домъ Корсакъ ночевать....—Тов. оберъ-прок. Я имѣю честь заявить особому присутствію, что въ обвинительномъ актѣ дѣйствительно сказано: «ночевать». Это ошибка. Алексѣевъ утверждалъ при дознаніи, что онъ приходилъ нанимать квартиру.—Подс. Чекоидзе. Въ теченіе всего времени отъ самаго ареста я просилъ предъявить мнѣ обвиненіе, но мнѣ оно не было предъявлено. Только 23 декабря, при заключеніи дознанія, мнѣ было предъявлено, что я обвиняюсь въ соучастіи въ тайномъ обществѣ. Тогда я подписалъ свою настоящую фамилію.—Первоприсутствующій. Васъ на дознаніи не допрашивали о чемъ-нибудь? — Подс. Чекоидзе. Допрашивали только фамилію сказать; предъявляли меня рабочимъ, но они отъ меня от-

казались, за исключеніемъ Скворцовой, которая сказала, что я приходилъ къ ней на квартиру. Между тѣмъ, постановлено было, что я содержусь подъ стражею за упорное молчаніе.—По поводу предъявленія книжекъ, отобранныхъ у подсудимаго Алексѣева, прис. пов. Ольхинъ заявилъ, что въ цѣлой пачкѣ этихъ книгъ оказывается только два экземпляра запрещенныхъ, а затѣмъ идутъ: «Степные очерки» Левитова, «Крестьянскіе выборы», «Сила солому ломитъ» и другія тому подобныя. Хотя эти сочиненія очень часто встрѣчаются въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему, но ни одна изъ этихъ книгъ не издана помимо цензуры. Впослѣдствіи на нѣкоторыя изъ этихъ книжекъ обращено было вниманіе, но онѣ не могутъ быть причислены къ преступнымъ. — Тов. оберъ-прок. замѣтилъ, что распространеніе этихъ книгъ и не ставится въ вину подсудимымъ.— Подс. Георгіевскій. Паспортъ, который у меня нашли, дѣйствительно мнѣ принадлежалъ. Я хотѣлъ съ нимъ поступить на работу, потому что по своимъ документамъ я не имѣлъ возможности получить работу. Дѣло въ томъ, что на свидѣтельствѣ о принадлежности моей къ духовному званію, несмотря на то, что это свидѣтельство выдается навсегда, написано, что я былъ студентомъ. Такимъ образомъ, меня сдѣлали вѣчнымъ студентомъ, и я не могъ съ этимъ видомъ найти работы. Назвался же подложнымъ именемъ потому, что я совершенно не думалъ, чтобы меня обвиняли въ какомъ-нибудь сообществѣ, потому что противъ меня никакого преслѣдованія не было и до полученія обвинительнаго акта я не думалъ, чтобы я былъ причисленъ къ сообществу.—Первоприсутствующій. Но вѣдь вы были допрашиваемы при дознаніи по извѣстному обвиненію и вамъ предъявляли постановленіе о заключеніи васъ подъ стражу, а въ этомъ постановленіи всегда указываются тѣ статьи закона, по которымъ лицо обвиняется.—Подс. Георгіевскій. Мнѣ ни разу не заявляли, чтобы я обвинялся въ соучастіи въ сообществѣ. —Подс. Николаевъ. Я книжку получилъ отъ Павлова. Познакомился съ нимъ въ трактирѣ. Онъ сказалъ мнѣ адресъ своей квартиры. Когда я скрылся, то пришелъ къ нему на квартиру.—Первоприсутствующій. Почему же вы скрылись?—Подс. Николаевъ. Я зналъ, что сдѣлали обыскъ. —Предъявлена справка о томъ, что Евгенія Субботина наняла 3-го апрѣля въ гостиницѣ Руднева, въ Москвѣ, 120 номеръ, отдала деньги за мѣсяцъ впередъ, но въ тотъ же день ушла и болѣе не возвращалась. — Подсудимая Субботина (Евгенія) заявила, что она жила въ номерѣ этой гостиницы, но не въ 120 номерѣ, а въ другомъ.—Подсудимая Субботина (Марья) заявила, что она приходила въ номера къ сестрѣ и ночевала у нея.—Подс. Лукашевичъ. Сначала я занимался перепиской, но эта работа крайне невыгодна и непостоянна. Поэтому я рѣшился воспользоваться моимъ знаніемъ слесарнаго мастерства, пріобрѣтеннымъ въ технологическомъ институтѣ, и искать работы по этой части на фабрикѣ. Будучи студентомъ, я не могъ найти такого мѣста и поэтому принужденъ былъ воспользоваться подложнымъ паспортомъ; и дѣйствительно, съ этимъ паспортомъ жилъ въ домѣ Ѳедоровой. Затѣмъ были найдены книжки, которыя здѣсь были мнѣ предъявлены; но обыскъ былъ произведенъ безъ меня, въ присутствіи Агапова, который самъ указалъ на эти книжки. Я же увидѣлъ ихъ первый разъ только въ жандармскомъ управленіи. Поэтому я желаю спросить подсудимаго Агапова, подтверждаетъ ли онъ прежній свой оговоръ, что эти книжки мои?—Подс. Агаповъ. Оговоръ этотъ я совершенно отрицаю. Бумаги масляныя и съ надписями принадлежатъ мнѣ, но, откуда получены, я не желаю показать. Книги же принадлежатъ Лукашевичу. — Подс. Бардина. Я отказываюсь отъ прежнихъ показаній по отношенію Джабадари и Чекоидзе. Я познакомилась съ ними лѣтомъ 1874 года за границей. За недѣлю до ареста я встрѣтилась съ Джабадари въ Москвѣ на улицѣ и дала свой

адресъ. Они были у меня нѣсколько разъ просить денегъ взаймы на дорогу. Я сказала, что въ настоящее время нѣтъ, но что должна получить и просила зайти. Относительно другихъ подсудимыхъ я подтверждаю ихъ показанія. Потомъ въ обвинительномъ актѣ есть маленькая ошибка: сказано, что я пріѣхала въ Москву съ Павловымъ, между тѣмъ, я на дознаніи показала, что встрѣтила Павлова только за три дня до ареста.—Подс. Джабадари. Такъ какъ первая группа кончается, и я узнаю изъ свидѣтельскихъ показаній, что меня нельзя обвинять ни въ распространеніи книгъ, ни въ пропагандѣ, потому что даже свидѣтели подтверждаютъ мое показаніе, то поэтому я считаю нужнымъ объяснить, какимъ образомъ я былъ знакомъ съ рабочими. Я не отрицаю, что меня могли знать Зотовъ, Игнатовъ и другіе, на томъ основаніи, какъ я съ перваго раза показалъ, что ходилъ въ Сыромятники вмѣстѣ съ хозяиномъ квартиры, Васильевымъ, у котораго жилъ въ Красномъ Селѣ. Между тѣмъ, я обвиняюсь въ томъ, что пропагандировалъ революціонныя идеи и распространялъ книжки. Я признаю, что ходилъ на квартиру въ Сыромятники, и очень можетъ быть, что на этой квартирѣ меня знали многіе изъ рабочихъ, но они ничего не показываютъ, чтобы я говорилъ съ ними что-нибудь. Они говорятъ только, что сидѣлъ съ ними въ трактирѣ и курилъ папиросы, но не говорятъ, чтобы я пропагандировалъ или давалъ книги. Я былъ проѣздомъ въ Москвѣ и долго жить не хотѣлъ. Думалъ поступить въ московскій университетъ, но раздумалъ, и ожидалъ выѣзда, но денежныя обстоятельства не позволяли. Отъ Бардиной я долженъ былъ получить 60 руб. Я получилъ письмо отъ отца, который требовалъ, чтобы я скорѣе оставилъ Москву; 3 апрѣля, когда я хотѣлъ выѣхать, меня арестовали.—Подс. Субботина (Евгенія) заявила, что она два мѣсяца жила безъ паспорта, потому что онъ находился въ жандармскомъ управленіи, а свидѣтельства его не хотѣли прописывать. Она просила возвратить паспортъ, но ей не возвращали. На этомъ первоприсутствующій объявилъ судебное слѣдствіе по первой группѣ оконченнымъ. Защита представила списки документовъ, почерки которыхъ желала провѣрить черезъ вызванныхъ по ея ходатайству въ судъ экспертовъ. Обвинитель просилъ нѣсколько минутъ времени для разсмотрѣнія этихъ списковъ и по возобновленіи засѣданія далъ заключеніе. Защита частью настаивала на сличеніи указанныхъ ею документовъ и частью измѣнила прежнее указаніе на извѣстные документы. Подс. Здановичъ заявилъ: «Такъ какъ прокурорскій надзоръ требуетъ, чтобы почеркъ документовъ, приписываемыхъ мнѣ, былъ сличенъ съ показаніемъ, которое я самъ писалъ, то, чтобы не ввести экспертовъ въ заблужденіе, я заявляю, что всѣ мои показанія писаны фальшивою рукою, т. е. я перемѣнялъ почеркъ во время написанія показаній». Затѣмъ онъ призналъ, что «Программа революціонной дѣятельности» писана его рукою. Первоприсутствующій объявилъ, что постановленіе особаго присутствія, по ходатайству защиты о сличеніи почерковъ, въ виду многочисленности указанныхъ документовъ, будетъ объявлено на слѣдующій день, и что особое присутствіе въ настоящее время приступитъ къ производству слѣдствія по второй группѣ. Затѣмъ прочтенъ протоколъ объ арестѣ и обыскѣ въ Иваново-Вознесенскѣ. Сущность его изложена въ обвинительномъ актѣ и кромѣ этого въ немъ еще значится, что обыскъ въ квартирѣ подсудимыхъ и составленіе протокола были пріостановлены вслѣдствіе того, что противъ дома собралась значительная толпа народа, заставившая власти усомниться въ сохраненіи порядка, арестованныхъ лицъ и вещественныхъ доказательствъ; къ тому же явился хозяинъ дома, Кисинъ, въ нетрезвомъ состояніи и, когда его вывели, онъ вошелъ въ средину толпы, «сталъ разсуждать, и толпа стала прибывать». Поэтому арестованные были отправлены подъ стражу, а вещественныя доказательства

опечатаны и перенесены въ полицейское управленіе. Наконецъ, сказано, что вслѣдствіе буйства и для усмиренія ткача Николаева ему связали руки, причемъ у одного жандарма оказался укушеннымъ палецъ. Этотъ протоколъ ткачи и ткачихи подписать отказались. Первоприсутствующій. Подсудимый Агаповъ, въ прочитанномъ протоколѣ встрѣчается ваша фамилія. Не желаете ли поэтому объяснить что-либо, напримѣръ, какимъ образомъ вы попали въ Иваново-Вознесенскъ, когда уже были задержаны въ Москвѣ, въ домѣ Корсакъ? Подс. Агаповъ. Послѣ освобожденія изъ-подъ стражи, я отправился въ Иваново-Вознесенскъ на пропаганду. — В. Въ чемъ должна была заключаться пропаганда? — О. Устная пропаганда и распространеніе книгъ.—В. Вы по собственному побужденію это сдѣлали?—О. По собственному.—В. Почему же вы пришли въ домъ Кисина?—О. Я съ Владиміромъ Александровымъ встрѣтился на станціи Новки, и мы вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали и отыскали квартиру.—В. Долго пробыли въ этой квартирѣ?—О. Мѣсяца два.—В. Какимъ образомъ вы пропагандировали?—О. Знакомился съ рабочими, говорилъ, читалъ книги.—В. Какія книги? — О. Вообще революціонныя, онѣ извѣстны.—В. Вы это дѣлали одинъ или съ другими?—О. Иногда вмѣстѣ съ Александровымъ; но болѣе ни съ кѣмъ. Первоприсутствующій. Подсудимый Владиміръ Александровъ, что вы имѣете сказать? Подс. Влад. Александровъ. Я ничего не желаю говорить. Я не отрицаю, что распространялъ революціонныя идеи посредствомъ устной пропаганды и книгъ, но не желаю давать объясненій, такъ какъ дѣйствовалъ по своему убѣжденію.—По просьбѣ защиты былъ спрошенъ свидѣтель Бариновъ, который показалъ, что братъ его пришелъ въ деревню около 20 августа и пробылъ три недѣли. Говорилъ, что былъ въ Москвѣ, а говорилъ ли, что былъ въ Иваново-Вознесенскѣ, свидѣтель не помнитъ. (Засимъ всѣ свидѣтели первой группы были отпущены совсѣмъ, и засѣданіе прервано до 11 часовъ утра слѣдующаго дня).

По открытіи засѣданія въ залу были приглашены эксперты. Первоприсутствующій прочелъ постановленіе особаго присутствія. Затѣмъ документы для сличенія почерковъ были вручены экспертамъ, и они удалились въ особую комнату. Свид. Нилъ Литвиновъ показалъ, что «Сказку о четырехъ братьяхъ» онъ получилъ черезъ мальчика Зобаева, который занимался у него въ конторѣ писцомъ. Свидѣтель тотчасъ же далъ знать Зубкову, который на второй или третій день пріѣхалъ, и началось слѣдствіе. Зобаеву передалъ книжку Трухинъ. «Я прочиталъ, сказалъ свидѣтель, въ газетахъ, что какой-то господинъ хотѣлъ отправиться въ Иваново-Вознесенскъ съ подобнымъ порученіемъ и сталъ слѣдить за появленіемъ запрещенныхъ книгъ на фабрикѣ». Свид. Тимоѳей Буровъ показалъ, что кумъ его, Широковъ, училъ ткать одну женщину, которая пригласила его къ себѣ въ гости и просила, чтобы онъ, Широковъ, приводилъ къ ней своихъ родственниковъ или хорошихъ знакомыхъ. Ихъ попотчевали чайкомъ. Свидѣтель увидѣлъ на окнѣ книжку и сталъ ее смотрѣть. Одинъ изъ бывшихъ въ квартирѣ мужчинъ спросилъ: «грамотѣ знаешь?»—Знаю, говорю. —«Это, говоритъ, книжка пустяшная, а вотъ возьми «Сказку о четырехъ братьяхъ.»—«У меня на фабрикѣ отобрали книжку, и меня представили въ полицію.» Въ полиціи свидѣтель разсказалъ, откуда взялъ книжку и указалъ квартиру пропагандистовъ. Книжку далъ ему Иванъ Петровъ. Тамъ жилъ еще Николай и четыре женщины, которыя одѣвались просто «по рабочему». Свидѣтель былъ подъ арестомъ съ недѣлю. Въ первое посѣщеніе свидѣтель былъ въ домѣ Бурылина, а во второе—въ домѣ Кисина, книжку получилъ дня за два или за три до Спаса Преображенія. Свидѣтель призналъ подсудимыхъ: Екатерину Гамкрелидзе, Баринова, Александрова и другихъ, которыхъ видѣлъ въ Ивановѣ. Подс. Вл. Александровъ. Буровъ

сначала сказалъ въ полиціи, что купилъ книжку на базарѣ, а когда былъ подъ строгимъ арестомъ, онъ показалъ, что ему дали. Первоприсутствующій. Здѣсь свидѣтель далъ показаніе подъ присягою. На вопросы защиты свид. Буровъ показалъ, что при обыскѣ присутствовалъ; протоколъ подписывалъ у полиціймейстера въ домѣ, кажется, на другой день обыска. Толпу передъ домомъ Кисина не замѣтилъ. Подс. Фигнеръ заявила, что свидѣтель улицу видѣть не могъ, потому что сидѣлъ въ задней комнатѣ. Подс. Вл. Александровъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано только, что при помощи жандармовъ былъ возстановленъ порядокъ при обыскѣ. Но дѣло было такъ: когда я пришелъ на квартиру въ домъ Кисина, которая была нанята на мое имя, я нашелъ тамъ полиціймейстера Успенскаго, его помощника и 8 человѣкъ жандармовъ. Когда я спросилъ, что имъ нужно, то полиціймейстеръ кричалъ на меня и велѣлъ раздѣваться, говоря, что нужно обыскать. Я просилъ показать предписаніе прокурора, но онъ сказалъ, что это не полагается. На ихъ сторонѣ была сила, и я далъ себя обыскать, послѣ чего сѣлъ въ углу. Въ это время Александрова хотѣла уничтожить какую-то записку, но на нее бросились два жандарма и стали душить за горло, такъ что языкъ высунулся. Я бросился на нихъ и отбилъ ее. Но на меня напали 6 жандармовъ, побили и связали, а потомъ еще въ сѣняхъ били. Первоприсутствующій. Вы, значитъ, подтверждаете то, что изложено въ протоколѣ. Подс. Фигнеръ. Я хочу указать на противозаконныя дѣйствія полиціймейстера Успенскаго. Протоколъ составленъ не на мѣстѣ обыска и не сейчасъ послѣ него. Спустя часовъ 6 или 7 онъ сталъ составлять протоколъ, послѣ того какъ насъ привели въ полицію. Я стала свидѣтельницей спора между полиціймейстеромъ и его помощникомъ относительно того, гдѣ найденъ былъ кошелекъ съ шифрами. Полиціймейстеръ говорилъ, что у меня въ карманѣ, а помощникъ отрицалъ это, и я отрицала. Теперь я нахожу показаніе унтеръ-офицера, что я достала кошелекъ изъ кармана, между тѣмъ, я достала его изъ стола. Я не отрицаю, что кошелекъ принадлежитъ мнѣ, а это показаніе жандарма для меня ново. Вѣроятно, протоколъ составленъ не въ одномъ экземплярѣ, потому что въ томъ протоколѣ, который тогда составляли, этого показанія не было. Изъ прочитаннаго показанія Кузьмы Семенова, между прочимъ, видно, что подсудимый Агаповъ, поступивъ на фабрику ткачемъ, ткать совсѣмъ не умѣлъ и учился у свидѣтеля. Онъ приходилъ къ нему въ гости; разъ получилъ отъ него листокъ «Чтой-то братцы», который онъ прочиталъ и отдалъ назадъ. Потомъ получилъ еще «Сказку»; прочиталъ, но не могъ понять и далъ ее прочитать Аѳанасію, «такъ какъ онъ хорошо знаетъ по божественному». Аѳанасій сказалъ, что тутъ все пустое. Свидѣтель возвратилъ сказку Семену (Агапову). Потомъ Семенъ и Николай читали «Хитрую механику» и «Богъ да Богъ.» «Въ ней ругали купцовъ—книга пустая, и я пересталъ къ нимъ ходить.» Свид. Михаилъ Широковъ показалъ, что училъ одну дѣвицу ткать; она его пригласила къ себѣ въ гости и просила приводить съ собой другихъ. Онъ сходилъ. Тамъ его «чайкомъ угостили и водочки поднесли.» Потомъ онъ былъ съ Буровымъ, причемъ повторилъ показаніе Бурова относительно полученія книжки. Свид. Аѳанасій Андреевъ показалъ, что съ нимъ на фабрикѣ работалъ Иванъ Петровъ, которому онъ помогалъ. Былъ у него въ гостяхъ и видѣлъ тамъ Николая и трехъ женщинъ. Былъ по приглашенію дѣвицы, которая звала чайку попить. Кузьма Семеновъ давалъ свидѣтелю читать книжку, которую онъ возвратилъ Семенову. Подс. Вл. Александровъ. Я признаю этого свидѣтеля. Свид. Егоръ Борисовъ показалъ, что разъ къ нимъ въ комнату, на фабрикѣ Лопатина, Василій Ильичевъ принесъ книжку и сказалъ: «Отъ скуки почитайте; книжка очень любопытная.» Свидѣ-

тель не обратилъ на нее вниманія, и она цѣлую недѣлю валялась на окнѣ. Свид. Василій Ильичевъ показалъ, что съ нимъ на фабрикѣ Лопапатина жилъ человѣкъ, называвшійся «Евстратіемъ Николаевымъ.» Разъ онъ увидалъ у него книжку «Очерки рабочей жизни» и попросилъ почитать. Онъ далъ. «Потомъ мнѣ пришлось, сказалъ свидѣтель, въ одномъ отдѣленіи съ нимъ работать. Между работой разговорку завели. Я спросилъ, кто онъ и откуда. Онъ говоритъ: «Тульской губерніи мѣщанинъ.» Я сказалъ, что далеко заѣхалъ работать въ Иваново; въ Москвѣ ближе и лучше —«Ну, говоритъ, вездѣ испробовать надо. Однако, говоритъ, въ Москвѣ рабочіе стали поправляться.»—Чѣмъ, спрашиваю?—«А вотъ, говоритъ, есть книжки такія; они читаютъ, дѣлаютъ стачки: бросятъ работу и станутъ требовать уменьшенія часовъ работы и прибавки жалованья. Если угодно, я, говоритъ, покажу такую книжку.»—Я сказалъ: покажи.— Онъ принесъ двѣ книжки: «Четырехъ братьевъ» и «Исторію французскаго крестьянина». «О четырехъ братьяхъ» я прочиталъ, а другую отдалъ Егору Борисову. Потомъ я ушелъ на праздникъ въ деревню; мнѣ вышло другое мѣсто, въ Иваново я больше не вернулся и ихъ не видалъ». Тов. оберъ-прокурора просилъ прочитать показаніе отсутствующаго свидѣтеля Жарковскаго. Прис. пов. Ольхинъ и Боровиковскій просили не читать этого показанія. Особое присутствіе, принимая во вниманіе, что всѣ документы, находящіеся въ производствѣ, подлежатъ разсмотрѣнію особаго присутствія; что въ силу этого вопросъ о прочтеніи показанія отсутствующаго свидѣтеля имѣетъ особое значеніе только на судѣ съ присяжными засѣдателями, и что прочтеніе показанія Жарковскаго дастъ возможность защитѣ и подсудимымъ представить суду, если они то найдутъ нужнымъ, свои возраженія по поводу этого показанія, постановило: прочесть показаніе Жарковскаго. Вслѣдствіе этого прочитано слѣдующее показаніе Жарковскаго. «Ѳедоръ Михайловъ Жарковскій, иваново-вознесенскій мѣщанинъ, 20-ти лѣтъ, православный, грамотный, холостой, проживаю въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ и въ послѣднее время мѣсяцевъ шесть занимался въ депо желѣзной дороги помощникомъ слесаря, куда поступилъ 1 февраля текущаго года, а недѣли за полторы или за двѣ до этого числа я прибылъ изъ Владиміра, гдѣ содержался въ тюрьмѣ по дѣлу Шрейдера. Недѣли за четыре до нынѣшняго дня, я однажды пришелъ въ трактиръ Бутова, находящійся въ г. Иваново-Вознесенскѣ, и пилъ пиво. Когда я за столомъ въ трактирѣ Бутова сидѣлъ и пилъ пиво, то за другой столъ сѣлъ неизвѣстный мнѣ дотолѣ Агаповъ, который предложилъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ выпить пива. Я не старался догадаться, зачѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ желаетъ меня угощать; выпили мы съ нимъ три бутылки пива и онъ меня спрашивалъ, кто я и гдѣ работаю, что я ему и объяснилъ, и въ свою очередь я узналъ отъ него, что онъ пріѣзжій изъ Москвы, Семенъ Ивановъ Агаповъ, пріѣхалъ въ Иваново-Вознесенскъ мѣсяца два или три, работалъ на заводѣ у Шипова молотобойцемъ, а теперь пріискиваетъ мѣсто. Въ это первое свиданіе я не разсказывалъ Агапову, что сидѣлъ въ острогѣ. Выпивши три бутылки пива, мы потомъ еще употребляли какое-то вино и я сдѣлался такъ сильно пьянъ, что поѣхалъ прямо домой на извозчикѣ, а Агаповъ остался. Въ это свиданіе Агаповъ только говорилъ, что когда-нибудь увидимся, но меня въ гости къ себѣ не приглашалъ и не разсказывалъ, гдѣ онъ квартируетъ. Точно также въ этотъ разъ онъ мнѣ не объяснилъ, есть ли у него пріѣхавшіе съ нимъ товарищи и почему онъ пріѣхалъ для работы изъ Москвы въ Иваново-Вознесенскъ. На другой день или дня черезъ два, я шелъ съ работы домой, и когда я проходилъ мимо дома Кисина, то Агаповъ закричалъ мнѣ въ окно, чтобы я зашелъ къ нему на новоселье. Это было въ 6 часовъ вечера, и я, не заходя къ Ага-

пову, отправился сперва къ себѣ домой, гдѣ пробылъ съ полчаса только, переодѣлся и пошелъ къ Агапову. Въ квартирѣ его я увидалъ самого Агапова, другого мужчину, который называется Николаемъ или Николаевымъ, и третьяго, мнѣ неизвѣстнаго мужчину, лѣтъ 30-ти, ростомъ выше Агапова, т. е. средняго роста; одѣтъ этотъ неизвѣстный былъ въ ситцевой рубашкѣ, не помню какого цвѣта, и жилетъ; полагаю, что онъ изъ простого сословія, но рѣчь смахивала на московскую; съ черной бородой; тутъ же была одна женщина рыжеватая, которую называли Анной. Всѣ они сидѣли, пили чай и на столѣ стояла бутылка водки. Агаповъ пригласилъ меня пить чай и тутъ я узналъ, что одного изъ мужчинъ зовутъ Николаемъ. Въ этотъ разъ я у Агапова былъ не долго и никакихъ особенныхъ разговоровъ у насъ не было. Агаповъ говорилъ только, что въ Москвѣ на фабрикахъ жить лучше, но я не спрашивалъ его, почему же если въ Москвѣ жить лучше, а онъ пріѣхалъ въ Иваново-Вознесенскъ. Послѣ того я неоднократно, разъ шесть, посѣщалъ квартиру Агапова, иногда заходилъ въ рабочіе дни вечеромъ, а иногда по праздникамъ. Ходилъ я туда отъ скуки, потому что мои товарищи изъ деревни Воронянкова, которые ходятъ гулять въ нашу улицу, заняты были крестьянскими работами. Во время посѣщеній моихъ Агапова я первоначально встрѣчалъ тамъ, кромѣ вышеупомянутой Анны, еще двухъ женщинъ, изъ которыхъ одну называли Елизаветой, а какъ звали другую—не знаю. Послѣ того я увидалъ тамъ еще четвертую женщину, которую называли Ольгою, она чернорабочая. Женщина эта появилась въ квартирѣ Агапова не задолго до нашего арестованія, но въ точности времени опредѣлить не могу; мужчинъ же, кромѣ указанныхъ мною, я у Агапова не встрѣчалъ. При мнѣ никого другихъ гостей изъ мѣстныхъ жителей или рабочихъ не бывало. Хотя я спрашивалъ Агапова объ отношеніяхъ его къ женщинамъ, но онъ мнѣ объ этомъ ничего не объяснялъ. Въ разговорахъ разсказывалъ Агапову, что я былъ заарестованъ по дѣлу Шрейдера, и объяснялъ, что Шрейдеръ сынъ генералъ-маіора, который работалъ на фабрикѣ Лопатина въ ученикахъ слесарныхъ, съ которымъ я познакомился на работѣ и ходилъ вмѣстѣ гулять и который, удалившись изъ Иванова, оставилъ своей квартирной хозяйкѣ взятыя изъ библіотеки книги для передачи мнѣ, а въ числѣ этихъ книгъ оказались три книжки, именно: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Исторія одного французскаго крестьянина» и третья, кажется, «Стенька, Разинъ» въ стихахъ; что, прочитавъ эти книги, я нашелъ, что онѣ дурныя, и сжегъ ихъ, и что послѣ того начались розыски Шрейдера, и я былъ заарестованъ. На это Агаповъ мнѣ ничего не говорилъ, чтобы у нихъ въ квартирѣ былъ складъ книгъ преступнаго содержанія и чтобы ему случалось самому читать эти книги. Агаповъ только совѣтовалъ мнѣ уѣхать изъ Иванова на работу куда-нибудь въ другое мѣсто, Москву или Петербургъ, такъ какъ тамъ лучше заработки. Женщины въ разговоръ нашъ не вмѣшивались и во время моихъ посѣщеній занимались или шитьемъ, или пили чаи, иногда читали книги, но не вслухъ, и книги, какъ я могъ замѣтить, были изъ общественной мѣстной библіотеки; пѣсенъ онѣ при мнѣ не пѣли и стиховъ не говорили. Однажды Агаповъ мнѣ сказалъ, что онъ поступилъ къ Зубкову, а о Николаѣ я зналъ, что онъ живетъ у Лопатина, но въ какой должности— мнѣ неизвѣстно. Какъ можно было замѣтить при моихъ посѣщеніяхъ, всѣ обращались съ требованіями подать что-либо—къ Аннѣ; но кто былъ главнымъ распорядителемъ изъ мужчинъ—я не знаю. Я преимущественно былъ знакомъ съ Агаповымъ, а съ Николаемъ объяснялся мало и съ женщинами также почти былъ незнакомъ. Съ Агаповымъ или кѣмъ-либо изъ жившихъ съ нимъ я гулять никуда не ходилъ, а ходилъ иногда съ Агаповымъ въ трактиръ пить чай и въ кабакъ пить вино; вообще, хотя я съ Агаповымъ

былъ знакомъ только 3 недѣли, но сдружился съ нимъ, потому что у меня такой характеръ. Сиживалъ я въ квартирѣ у Агапова часовъ до 8 вечера, а иногда и до 10, но рѣдко. Повторяю, что никогда во время посѣщеній моихъ я не имѣлъ съ Агаповымъ и другими его товарищами никакихъ преступныхъ разговоровъ. При мнѣ Иванъ Кузьминъ Кисинъ никогда въ квартирѣ Агапова не бывалъ, а только я слышалъ при разговорѣ съ Агаповымъ или его товарищами, что въ день переѣзда ихъ въ домъ Кисина, или на другой день, Кисинъ пьяный ломился къ нимъ въ дверь и вообще кричалъ имъ, зачѣмъ они сюда пришли; но когда они объяснили ему, что они жильцы, то онъ ушелъ. Женщины, какъ я слышалъ отъ Агапова, именно двѣ, Елизавета и другая, мнѣ неизвѣстная по имени, были ткачихи, кажется, у Зубкова, но работали ли онѣ—я не знаю. Что дѣлали Ольга и Анна, я тоже не знаю. Анна только стряпала. Въ разговорахъ я никогда не любопытствовалъ узнать у Агапова о денежныхъ средствахъ его и его товарищей. Человѣка съ черною бородою, котораго я увидалъ у Агапова въ первое мое посѣщеніе, я, кажется, только и видѣлъ одинъ разъ, а потомъ я его уже тамъ болѣе не встрѣчалъ. Наканунѣ нашего заарестованія я, по случаю праздника Преображенія, весь день не работалъ; часовъ до 2-хъ былъ дома, а затѣмъ шлялся: ходилъ въ рощу одинъ, потому что товарищей не было, потомъ въ этотъ же вечеръ былъ у Агапова часовъ до 7, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ были въ разныхъ питейныхъ заведеніяхъ часовъ до 10, пили чай, а водку пили мало. Ходили мы просто для того, чтобы гулять. Въ 10 часовъ мы разошлись по домамъ. На другой день, 7 числа, я опоздалъ на работу, потому что пилъ чай. Увидавъ, что я опоздалъ, пошелъ домой, сходилъ купаться, а потомъ къ Агапову. Это было часовъ въ 8 или 9 утра. Когда я шелъ мимо Агапова, то онъ зазвалъ меня и спросилъ, не знаю ли я какой квартиры. Я ему указалъ на домъ Ирины Ѳедоровой Тихомировой. Я не знаю, ея ли это домъ, потому что у нея живъ еще отецъ. Домъ этотъ расположенъ сзади нашей усадьбы: огородъ нашъ и огородъ Тихомировой сходятся вмѣстѣ. Когда мы пришли съ Агаповымъ, то застали дома одну Ирину Ѳедорову и она намъ указала переднюю комнату, которая перегорожена и гдѣ въ прихожей квартируетъ приставъ Харлампій Ивановъ съ своей женою, а передняя часть этой комнаты свободна. Но Ирина не отдала тогда окончательно въ наймы эту комнату, а сказала, чтобы пришли, нѣсколько позже, когда будетъ дома ея отецъ. Мы отправились съ Агаповымъ въ кабакъ, а потомъ на рѣку купаться, и послѣ того снова пришли къ Тихомировымъ, но Ирины уже не застали. Дома былъ отецъ ея Ѳедоръ Ѳедоровичъ, который предложилъ условіе, чтобы въ этой комнатѣ, находящейся въ верхнемъ этажѣ, не курить табаку и указалъ другую комнату въ нижнемъ этажѣ, но не рѣшился сказать цѣны безъ дочери. Агаповъ говорилъ Тихомировымъ, что квартирантовъ будетъ шесть человѣкъ. Почему Агаповъ и его товарищи хотѣли съѣхать изъ дома Кисина—я не знаю. Отъ Тихомировыхъ мы отправились къ Агапову, и едва я успѣлъ тамъ выпить чашку чаю, какъ явилась полиція и насъ заарестовали. Когда я съ Агаповымъ возвратился отъ Тихомирова, то Николая дома не было, а также въ первый разъ, когда я въ этотъ день приходилъ къ Агапову и пилъ чай у того самаго окна, на которомъ лежали книги преступнаго содержанія, но до обыска книгъ этихъ я не замѣтилъ. Въ настоящее время мнѣ при допросѣ заявляется, что въ числѣ книгъ преступнаго содержанія, лежавшихъ на окнѣ, находились: «Сказка о четырехъ братьяхъ» и «Исторія одного французскаго крестьянина», но я объясняю, что несмотря на то, что подобныя книги въ прошломъ году были у меня въ рукахъ, но тѣмъ не менѣе лежавшія на окнѣ въ квартирѣ Агапова книги мнѣ не бросились въ глаза. Во время обыска при-

шелъ Кисинъ и сталъ у дверей, а когда его удалили, то онъ сталъ подъ окномъ на улицѣ; былъ онъ выпивши, но я не слыхалъ, чтобы онъ кричалъ. Во время обыска я видѣлъ, какъ у одной изъ женщинъ, которую я не знаю какъ зовутъ, вырывали письмо, но я не знаю, откуда появилось у нея это письмо, и не видалъ, какъ она себѣ его взяла въ ротъ, потому что все происходило скоро. Оказавшіяся при мнѣ вещи: ключъ отъ ящика съ инструментомъ, кронъ-циркуль, а не клещи, какъ они названы въ полицейскомъ актѣ, мои собственныя, а марка изъ депо есть табельный номеръ, по которому повѣряется приходъ рабочему. Во время обыска я слышалъ, что жандармы передавали полиціймейстеру, что задержанныя женщины объясняются между собою на иностранномъ языкѣ, но я самъ ни во время обыска, ни при прежнихъ посѣщеніяхъ Агапова не слыхалъ, чтобы женщины эти разговаривали между собою на иностранномъ языкѣ; также я не видывалъ, чтобы онѣ объяснялись какими-либо условными знаками. Посѣщая квартиру Агапова, я только бывалъ у нихъ въ передней комнатѣ, а въ другихъ помѣщеніяхъ ихъ квартиры не бывалъ. Ходя въ квартиру Агапова, я не зналъ, что посѣщалъ шайку преступниковъ. Я не содѣйствовалъ имъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, ни въ сношеніяхъ съ другими лицами той же преступной шайки, находящимися въ другихъ мѣстностяхъ. Въ дополненіе къ данному мною вчера показанію заявляю, что около мѣсяца тому назадъ, когда я не былъ на работѣ, то пришелъ въ мастерскую неизвѣстный мнѣ человѣкъ, оказавшійся потомъ Агаповымъ, и спрашивалъ Андріяна Жарковскаго. Я сказалъ, что я Ѳедоръ Жарковскій, и неизвѣстный пригласилъ меня притти въ трактиръ Бутова. Здѣсь въ трактирѣ Агаповъ спросилъ меня, знаю ли я Марью Андрееву, и когда я сказалъ, что знаю, то Агаповъ сказалъ, что она писала ему обо мнѣ и онъ искалъ меня мѣсяца полтора, такъ какъ обо мнѣ писано было, что я живу у Шипова. При посѣщеніяхъ моихъ Агапова, онъ и товарищи его увлекали меня, чтобы я уѣхалъ изъ Иванова-Вознесенска, говоря, что здѣсь за мною наблюдаютъ и намекали мнѣ, что мнѣ будетъ все содержаніе, если я поѣду съ цѣлью пропаганды въ Петербургъ или куда-нибудь. Я говорилъ имъ, что здѣсь за мною слѣдятъ, что недавно за мною присылалъ полиціймейстеръ и поэтому-то они мнѣ и предлагали уѣхать. Читалъ я у нихъ на квартирѣ книгу «Хитрую механику», но кто далъ эту книгу —не помню, только одна изъ женщинъ. При мнѣ получено было однажды письмо, въ которомъ подъ строками были написаны цифры. Предложеніе мнѣ уѣхать дѣлали мнѣ всѣ, но преимущественно Агаповъ и одна изъ женщинъ. Николаевъ говорилъ менѣе другихъ. Незадолго до дня ареста, когда я былъ у Агапова, то пріѣхали къ нимъ какіе-то люди на лошадяхъ, которыхъ я, впрочемъ, не видѣлъ, а слышалъ только бубенчики, и Агаповъ куда-то уходилъ или уѣзжалъ съ однимъ изъ пріѣзжихъ, который средняго роста, черноватый, съ небольшою бородою. Письмо, о которомъ я сказалъ, одна изъ женщинъ читала, а другая карандашемъ писала цифры. Разсказывали они, что въ Серпуховѣ была стачка рабочихъ въ числѣ 4000 чел. и сдѣлано было, какъ желали рабочіе, т. е. чтобы въ праздникъ не работать. О Марьѣ Андреевой Агаповъ говорилъ, что она въ Курской губ., а Шрейдеръ въ Петербургѣ. О Тулѣ они мнѣ говорили, что туда нужны люди и предлагали ѣхать туда; говорили мнѣ, что тамъ у нихъ есть хорошій человѣкъ, слесарь, но имени и фамиліи его я не знаю, можетъ быть, они мнѣ говорили, но я забылъ. Полиціймейстеръ призывалъ меня еще до моего знакомства съ Агаповымъ, спрашивалъ меня о моей семьѣ, моемъ званіи, лѣтахъ и вѣроисповѣданіи, спрашивалъ меня, правда ли, что я будто бы хожу въ лѣсъ читать книги. Я ему отвѣтилъ, что этого не бывало, и онъ мнѣ сказалъ, что мнѣ нужно быть осторож-

нѣе, потому что я нахожусь подъ надзоромъ. Объ этомъ то, т. е. что нахожусь подъ надзоромъ, я между разговорами и разсказывалъ Агапову и его товарищамъ. Когда при мнѣ подъ письмомъ подписывались цифры, то я не любопытствовалъ узнать, зачѣмъ это дѣлается; они мнѣ только объясняли, что это шифрованное письмо, но я не спрашивалъ ихъ, съ кѣмъ производится такая переписка и почему она не пишется обыкновеннымъ письмомъ. Вообще я долженъ объяснить, что никакихъ опредѣленныхъ разговоровъ относительно пропаганды съ Агаповымъ и его товарищами не имѣлъ. Однажды, когда я читалъ у нихъ книгу «Пугачевцы», то на предложеніе ихъ куда-либо мнѣ уѣхать, я спрашивалъ ихъ, какія на это есть средства и откуда они берутся, какими цѣлями они руководятся, и выражалъ, что если я уже разъ приму ихъ предложеніе, такъ сказать, продамся имъ, то и долженъ буду исполнять возлагаемыя на меня обязанности, для чего, конечно, я долженъ сперва узнать все, такъ какъ, быть можетъ, мнѣ будутъ поручать то, что противно моей совѣсти, и тогда отказываться уже будетъ трудно. Собственно говоря, я имѣлъ сношенія или знакомство съ Агаповымъ и его товарищами по слѣдующимъ моимъ соображеніямъ, которыя я имъ однако-же не высказалъ. Еще прежде, когда я былъ знакомъ съ Шрейдеромъ, онъ говорилъ мнѣ, что въ Петербургѣ можно получить мѣсто за жалованіе около семидесяти рублей въ мѣсяцъ и при работѣ не болѣе 6-ти часовъ въ сутки. По семейнымъ обстоятельствамъ и своему нездоровью я долженъ былъ искать себѣ болѣе удобнаго мѣста и предполагалъ, что Агаповъ или его товарищи могли содѣйствовать мнѣ въ полученіи таковаго мѣста. Когда пріѣзжали въ квартиру Агапова какіе-то люди, о которыхъ я упомянулъ въ показаніи своемъ 17-го августа, то я не замѣтилъ, чтобы кто-либо изъ нихъ былъ особенно въ родственныхъ отношеніяхъ къ лицамъ, проживавшимъ въ означенной квартирѣ. Когда я прочелъ книжку «Хитрая механика», то они спрашивали моего мнѣнія какъ объ этой книгѣ, такъ и о «Сказкѣ о четырехъ братьяхъ» и другихъ прочтенныхъ мною книжкахъ, и я имъ высказалъ, что это ерунда и еще какъ-то выразился—не помню. На вопросъ ихъ, почему таково мое мнѣніе, я, не желая выразиться болѣе рѣзко, сказалъ, что «Сказка»—сказка и есть. Кромѣ упомянутыхъ уже мною книгъ, они дали мнѣ еще книгу «Коммуна», другую, названія которой не помню, и 3 листа какой-то газеты; все это я оставилъ у себя въ домѣ и еще не читалъ. Книги эти мнѣ дала Анна Григорьева.» Изъ протокола обыска квартиры Жарковскаго видно, что тамъ найдено въ коммодѣ подъ дномъ нижняго ящика одна книга подъ названіемъ: «Парижская коммуна» № 2, изд. 1874 г. въ Женевѣ, три номера газеты подъ названіемъ «Впередъ» за № 1, 2 и 3; въ кушеткѣ въ ящикѣ оказалась одна книга со штемпелемъ иваново-вознесенской публичной библіотеки подъ названіемъ «Пугачевцы», томъ третій, часть первая, «Два Коновода», сочиненіе Ев. Саліаса, изд. въ 1874 г. Въ жилетѣ Ѳедора Жарковскаго найдена записка, довольно смятая и ношенная, въ которой написано: «Всеобщая Исторія Берте» и проч. Болѣе ничего и нигдѣ въ помѣщеніяхъ дома Жарковскаго подозрительнаго не найдено.—Затѣмъ свидѣтели 2-й группы были отпущены. Подс. Фигнеръ заявила, что книги, найденныя у Жарковскаго, принадлежатъ ей и она, завернувъ ихъ въ бумагу, просила Топоркову передать свертокъ Жарковскому. Подс. Агаповъ объяснилъ, что былъ знакомъ съ Жарковскимъ, но не говорилъ ему ни о Марьѣ, ни о Шрейдерѣ, а слышалъ отъ него, что онъ былъ арестованъ, потому что жилъ вмѣстѣ съ Шрейдеромъ. Подс. Топоркова. Я хорошо не могу припомнить обстоятельства, о которомъ говоритъ Фигнеръ, но отъ себя я не давала Жарковскому книгъ. Я въ Иваново-Вознесенскѣ жила и поѣхала туда не съ

цѣлью пропаганды. Съ Фигнеръ я познакомилась за границей въ маѣ 1875 года. Недѣли за двѣ до отъѣзда въ Иваново я случайно встрѣтила ее въ Петербургѣ и возобновила съ нею знакомство. Во время нашихъ разговоровъ вопросъ коснулся рабочаго движенія на Западѣ. Я сказала, что не нахожу книгъ по этому вопросу и что странно, что такое важное общественное явленіе какъ-будто никого не интересуетъ. Она сказала, что если этотъ вопросъ васъ интересуетъ, то можно обойтись безъ книгъ и изучить его лично, на практикѣ, и что она можетъ доставить мнѣ этотъ случай, напр., пріискать мѣсто кухарки, и что если я согласна принять это предложеніе, то она дастъ мнѣ адресъ. Недѣли черезъ двѣ она пришла и дала мнѣ адресъ, куда мнѣ отправиться и гдѣ я буду жить. Тутъ я опредѣленнаго ей ничего не сказала. Между тѣмъ, предложеніе ея мнѣ очень понравилось. Я считала страшнымъ зломъ, что рабочіе живутъ у насъ хуже скота. Но какъ помочь, я не знала. Я искала этихъ средствъ. Я не могла относиться безучастно къ этому вопросу. Фигнеръ представляла мнѣ такой прекрасный, рѣдкій случай—самой познакомиться съ рабочимъ вопросомъ. Я, не долго думая, согласилась и, не видя въ томъ ничего преступнаго, отправилась съ своимъ паспортомъ въ Иваново-Вознесенскъ. Тамъ я занималась исключительно только однимъ хозяйствомъ. Первоприсутствующій. А собранія тамъ бывали? Подс. Топоркова. У насъ на квартирѣ не было собраній. Къ жильцамъ моимъ ходили гости.— В. Какіе гости?— О. Рабочіе.—В. Какъ вы одѣвались?— О. Я была переодѣта; выдавала себя за женщину простого сословія.—По просьбѣ прис. повѣр. Люстига предложенъ былъ вопросъ подсудимому Агапову о томъ, какъ именовалась подсудимая Гамкрелидзе, подсудимый отвѣтилъ, что она называлась Екатериною. Подс. Вл. Александровъ. Невѣрность показанія Жарковскаго произошла оттого, что его держали въ шуйской банѣ; не было помѣщенія, и вслѣдствіе дурнаго содержанія, надѣясь получить свободу, онъ далъ такое показаніе. (Засѣданіе прервано до 11-ти часовъ утра слѣдующаго дня).

По открытіи засѣданія въ залу были приглашены эксперты, которымъ во вчерашнемъ засѣданіи были предложены слѣдующіе вопросы: 1. Письмо, отобранное въ г.Кіевѣ у обвиняемой Ольги Любатовичъ и адресованное на имя Гельфманъ, подвергнуть сличенію съ почеркомъ Ольги Любатовичъ на ея прошеніи 14 декабря 1876 года, находящимся въ производствѣ Правительствующаго Сената, причемъ эксперты должны сличить съ почеркомъ Любатовичъ адресъ на конвертѣ, слова, встрѣчающіяся въ шифрованномъ письмѣ, и надпись на оборотѣ письма. 2. Сличить переводъ письма арестанта, писанный чернилами на почтовой бумагѣ, съ почеркомъ обвиняемой Екатерины Гамкрелидзе въ протоколахъ допроса, въ томѣ V на листахъ 160—161. 3. Сличить почеркъ, которымъ писаны паспорта на имя крестьянъ Петра Матвѣева Сидоренко и Василія Иванова Юркова, съ почеркомъ обвиняемаго Млодецкаго на протоколѣ допроса тома IV листа 71 и прошенія 14 декабря 1876 г. въ производствѣ Правительствующаго Сената. 4. Сличить почеркъ, которымъ писано письмо, начинающееся словами: «Другъ Ваня», съ надписью, сдѣланной на конвертѣ, приложенномъ къ письму и въ протоколѣ допроса обвиняемаго Рождественскаго, тома V листа 347. 5. Сличить почеркъ, которымъ писаны письма: первое за подписью Воейковой и второе, начинающееся словами: «Милѣйшій другъ», съ протоколами допросовъ Надежды Субботиной, тома V листовъ 251—255. 6. Сличить: а) почеркъ, которымъ писаны паспорты на имена Елизаветы Ушаковой, Александры Ивановой, Ольги Ивановой и Евтропія Николаева; б) почеркъ, которымъ написанъ полулистъ почтовой бумаги и на которомъ сдѣлана надпись: «протоколъ номеръ 4-й, содержа-

щій въ себѣ изложеніе программы»; в) изъ сшитыхъ въ отдѣльную пачку листковъ, почеркъ, которымъ писанъ счетъ расходовъ, адресъ: Спасская ул., Докучаевъ переулокъ; г) почеркъ, которымъ писано письмо 19-го іюля 1875 года, отобранное въ Иваново-Вознесенскѣ, съ почерковъ протоколовъ допроса обвиняемаго Здановича (онъ же Вернеръ и Иванъ Андреевъ) на листахъ 32, 33 и 34 тома X. На эти вопросы эксперты отвѣчали: На 1-й вопросъ: Почеркъ руки на письмѣ, адресованномъ на имя Гельфманъ, совершенно сходенъ съ почеркомъ адреса на конвертѣ письма по слѣдующимъ признакамъ: по манерѣ письма, которая на этихъ двухъ документахъ одинакова, а равно и по отдѣльнымъ буквамъ: В, я, в, с, р, д, б, ж, ф, т, ь, е, а, также знакъ краткій надъ буквой й. Надпись на оборотѣ письма «прошу передать В. Глѣбовой» сдѣлана тѣмъ же лицомъ, которое писало конвертъ, и все вышеупомянутое имѣетъ положительное сходство съ почеркомъ руки на прошеніи на имя прокурора окружнаго суда, отъ 14-го декабря 1876 года. На 2-й вопросъ: Почеркъ руки «переводъ письма арестанта» сходствуетъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквахъ, какъ, напримѣръ, прописныхъ: О, В и строчныхъ: у, др (эти двѣ буквы въ связи между собою), т, которая пишется какъ цифра 7, съ почеркомъ протокола допроса на листахъ 160 и 161. Хотя сходство указанныхъ буквъ такъ велико, что трудно допустить случайное ихъ появленіе въ текстѣ «переводъ письма арестанта», но, несмотря на это, сказать утвердительно не можемъ, писанъ ли этотъ переводъ почеркомъ руки Гамкрелидзе, по недостаточности найденнаго нами матеріала. На 3-й вопросъ: Почеркъ руки на паспортахъ крестьянъ: Петра Матвѣева Сидоренко и Василія Иванова Юркова по манерѣ письма и отдѣльнымъ строчнымъ буквамъ: а, р, к, е,— имѣетъ значительное сходство съ почеркомъ, которымъ писано прошеніе въ особое присутствіе Правительствующаго Сената отъ 14 декабря 1876 года. При этомъ считаемъ необходимымъ присовокупить, что почеркъ руки Млодецкаго на протоколѣ допроса до того измѣненъ сравнительно съ почеркомъ прошенія, что мы не признали возможности даже сличать паспорты съ протоколомъ его допроса. На 4-й вопросъ: Почеркъ руки, писавшей письмо, начинающееся словами: «Другъ Ваня», имѣетъ сходство съ почеркомъ руки на конвертѣ, что ясно можно видѣть по совершенно однородной шаткости почерка и по слову «Другъ», въ которомъ буквы разставлены такъ, что изобличаютъ привычку одного и того же лица: въ обоихъ случаяхъ въ словѣ «другъ» слогъ «гъ» отставленъ отъ слова «дру», а также буква «у» въ томъ же словѣ писана совершенно одинаково. Что же касается до почерка протокола, то хотя онъ представляется на первый взглядъ какъ бы несхожимъ съ почеркомъ письма и конверта, но по внимательномъ разсмотрѣніи и въ протоколѣ встрѣчаются буквы, какъ, напримѣръ, х, н, з, (эта послѣдняя пишется какъ ф, анцузская буква s), въ особенности же буква н, которая пишется Рождественскимъ въ одномъ случаѣ какъ буква и, а въ другомъ—какъ буква н, и это послѣднее видоизмѣненіе этой буквы, написанной правильно, встрѣчается въ такой же совершенно формѣ на письмѣ и на конвертѣ, а потому можно допустить, что какъ письмо, такъ и надпись на конвертѣ писаны какъ бы его, Рождественскаго, рукою. На 5-й вопросъ: Сличали почеркъ руки, писавшей письма: 1-е за подписью Воейковой и 2-е, начинающееся со словъ: «Милѣйшій другъ», съ протоколами допроса на страницахъ 251 и 255, и нашли сходство только въ отдѣльныхъ буквахъ: прописное П и строчныхъ: ж, х (начало этой послѣдней пишется какъ французская буква s), к, и въ связи двѣ буквы ва. Такъ какъ болѣе никакихъ признаковъ сходства въ сличаемыхъ документахъ не представляется, то мы не можемъ опредѣлить, писано ли это почеркомъ руки писавшаго протоколъ. На 6-й вопросъ:

а) Четыре паспорта по почерку имѣютъ нѣкоторое сходство съ почеркомъ руки на протоколахъ тома X, листовъ 32, 33 и 34, но это сходство до того незначительно, что мы не можемъ принять его въ соображеніе для вывода заключенія, написаны ли паспорты рукою, подписавшей протоколы, хотя и встрѣчаются одинаковые пріемы написанія буквъ; такъ, напримѣръ, буква л, написанная какъ французская буква h, буквы д, р, а также весьма многія буквы съ подсрочной чертой—имѣютъ къ слѣдующей буквѣ особенную характерную привязку, если таковыя буквы находятся въ срединѣ слова. б) Почеркъ исписаннаго полулиста съ почерками вышеупомянутыхъ протоколовъ имѣетъ сходство, хотя написанъ мельче и сжатѣе. Слѣдующія буквы совершенно между собою схожи: прописныя С, В., строчныя д, р, у. в) Почеркъ сшитыхъ въ одну пачку листовъ имѣтъ сходство съ почеркомъ протоколовъ и по тѣмъ же вышеуказаннымъ признакамъ. г) Почеркъ письма отъ 19-го іюля 1875 года имѣетъ сходство съ тѣми же протоколами и по тѣмъ же признакамъ.—Послѣ перекрестнаго допроса экспертовъ были прочитаны слѣдующія письма, найденныя у подсудимыхъ: I. «Вы начинаете свое письмо словами «прежде всего»; начнемъ и мы такимъ же манеромъ. Прежде всего мы должны поставить вамъ на видъ, что вы имѣете неимовѣрныя претензіи; будто не знаете условій здѣшнихъ. Второе, напрасно силитесь вы доказать, что письмо ваше написано правильно: никакой чортъ его не пойметъ. Мы его хранимъ, какъ документъ. Мы не крючкотворы и на этомъ покончимъ полемику съ вами, хотя при желаніи можно было бы найти многое, за что васъ выругать слѣдуетъ. Но Богъ съ вами, прощаемъ.—Новостей много, есть хорошія и скверныя. Начнемъ съ «отцовъ.» Пріѣхали отцы Михаила и Бетьки. Прежде первый, затѣмъ и второй. Дѣло Михаила, какъ передавалъ отецъ, стоитъ очень хорошо: его, быть можетъ, выпустятъ на поруки подъ залогъ. Посмотримъ. Дѣло Бетьки неизвѣстно. Отецъ поѣхалъ хлопотать въ Питеръ. Интересно, что не мы ихъ отыскали и познакомили другъ съ другомъ, а сами снюхались и разсказали каждый про свое горе другому. Оказалось, что они имѣютъ точки соприкосновенія и соединились. Мы думаемъ, что скоро составится кружокъ «отцовъ». Отыскали тетку, она сидитъ въ городской части. Написали письмо; она почему-то поблѣднѣла, разорвала его и бросила на полъ. Не знаемъ объясненія этой странности. Письмо писано рукой Вѣры. Дѣло Ѳедора будто бы подвигалось и было готово, только прогнали служителя тюрьмы и сношенія прекращены. Михаилъ проситъ уговорить Ивана Вас. отказаться отъ своего показанія на него, что онъ познакомился съ нимъ чрезъ Николая и зналъ, какъ Михаила Петрова. Жени нѣтъ, уѣхала домой. Я думаю скоро уѣхать по дѣлу о пути. Путь пропалъ: перехватили Гинцбуряты, т. е. устроили такимъ образомъ, что и книги должны провозиться черезъ нашъ путь. Нужно уничтожить подкопы. Вотъ каковы эти Гинцбуряты проклятые, а мы большіе дураки: довѣряемъ имъ, а они проводятъ насъ. Съ юга вообще неутѣшительныя вѣсти. Ив. Ал. и Соня наотрѣзъ отказались остаться въ Одессѣ и уѣхали въ Кіевскую губернію въ деревню. Съ нимъ въ Одессѣ наши имѣли разговоръ и онъ вышелъ изъ нашей организаціи, разошелся съ нами. Мотивируетъ это тѣмъ, что онъ прежде ошибался, думая, что возможна какая-нибудь организація. Сколько его не убѣждали, «онъ остался непоколебимъ, какъ скала». Поступилъ въ какую-то шайку, не признающую будто бы организаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такой сильной централизаціей, что они не должны знать другъ друга, раздѣляются на разряды и т. д., какъ обыкновенно бываетъ. Изъ Одессы пишутъ, что насчетъ этой компаніи ходятъ неодобрительные слухи. Вообще, мы мало что понимаемъ въ этой комедіи. Это писали наши, а онъ самъ ничего объ этомъ намъ не писалъ, только мотивируетъ свой

отъѣздъ изъ Одессы тѣмъ, что ему тамъ опасно оставаться, имѣя много знакомыхъ. Ерунда, тысячу разъ ерунда. Здѣсь что-то не ладно; узнаемъ, посмотримъ. Была Вѣра въ Тулѣ. Тульскіе ведутъ себя преступно. Огромное у нихъ знакомство между рабочими и еще ни одной революціонной книги не читали имъ, «по осторожности»—молъ. Хороша осторожность! Почва очень хорошая, сдѣлать возможно весьма многое, только нужно послать туда кого-либо болѣе энергичнаго, чѣмъ эти рыбообразные дѣятели, осторожные пропагандисты, осколки Ив. Ал—ва. Мы думаемъ, что Ольгѣ и Ванюшѣ не мѣшало бы туда переселиться, такъ какъ имъ положительно нельзя въ Одессѣ оставаться. Ихъ ищутъ, на нихъ сдѣланъ доносъ негодяемъ Зигеромъ. Вахтель по тому же доносу сидитъ. Надя нашла уже работу. Василію тоже обѣщали. Если только почему-нибудь нельзя будетъ Ольгѣ уѣхать въ Тулу, то придется отнять человѣка отъ Вас., такъ какъ необходимо, въ виду, во-первыхъ, того, что тамъ огромное знакомство и прелестная почва, нужно только подталкиваніе, а, во-вторыхъ этого Злобина можетъ Ив. Ал. перетянуть. Тогда Тула ушла у насъ изъ рукъ, а этого нельзя дѣлать. Сапоговъ ни откуда нѣтъ. Никакихъ вѣстей ни отъ саратовца, ни отъ Егора, а въ Тулѣ подавно: смѣнили писаря, есть новый, съ которымъ Злобинъ обѣщался поговорить, но Аллахъ вѣдаетъ, когда все это будетъ. Впрочемъ, Женя пишетъ, «что есть надежда», что Маня скоро получитъ. Надежды-то много, да толку мало. Ѳеклуша вышла замужъ за князя Мутрука. Свадьба сыграна, отецъ доволенъ, обѣщалъ деньги, но теперь не имѣетъ на рукахъ, и то хорошо. Знаете: Кабарда обвѣнчалась съ Россіей. Къ вопросу о Кабардѣ—пріѣхалъ Мут. сюда и разсказалъ много утѣшительнаго насчетъ Кабарды. Сильное возбужденіе въ мѣстной молодежи, борьба партій (политикановъ и соціалистовъ). Соціалисты берутъ верхъ. Вообще, страшная оживленность и жизнь. Въ Сванетіи (мѣстность на Кавказѣ, племя съ особымъ языкомъ, но большинство говоритъ по-грузински, живутъ въ неприступной котловинѣ, въ горахъ) бунтъ, вырѣзали гарнизонъ солдатъ, перебили начальниковъ, засорили дороги. Все это произошло по поводу акциза—наложили акцизъ на водку. Они не признаютъ такого беззаконія и вольные сванетинцы сговорились и взялись за свои всегда готовыя оружія. Подробности еще неизвѣстны, но дѣло должно быть жаркое: отъ намѣстника посланъ Трубецкой усмирять бунтъ. Въ Кутаисѣ схвачены осетинцы, пригнавшіе табунъ лошадей. Арестъ мотивируется тѣмъ, что будто бы они присланы отъ осетинцевъ къ грузинамъ для «переговоровъ». Дай Богъ! Поговариваютъ, что взбунтуется Абхазія. Черкесы, прогнанные въ Турцію, на сторожѣ, готовые совершенно, и только ждутъ случая. Кавказъ, словомъ, на военной ногѣ. Туда послали вдесятеро больше солдатъ, чѣмъ было до сихъ поръ. Это Кавказъ, а вотъ поглядите на Россію. 1. Посылаемъ кор. (другую) о Чичеринѣ. 2. Былъ бунтъ рабочихъ въ Серпуховѣ, на фабрикѣ Коншина. Бунтовало 4000 чел., требовали отмѣны работы подъ праздникъ, т. е. ночь субботы. Отказались работать. Стачка продолжалась 14 дней. Ихъ удовлетворили вполнѣ. Пріѣзжалъ туда губернаторъ и другіе, обходились съ народомъ очень вѣжливо, льстили рабочимъ до безобразія. Видно струхнули. Подробную кор. получите скоро. 3. Былъ бунтъ въ Тулѣ на казенномъ заводѣ. Мастера потеряли или прокутили машины; стали спрашивать съ рабочихъ, которые отказались и стали бунтовать, когда на нихъ наложили штрафъ въ уплату растраченныхъ машинъ. Подробностей не знаемъ. Злобинъ обѣщалъ корреспонденцію. 4. Въ Питерѣ была стачка каменщиковъ противъ частнаго хозяина. 5. На-дняхъ въ главномъ штабѣ крикнули: «да здравствуетъ революція!»; сейчасъ обыскъ, но ничего не нашли. Хотѣли прогнать писаря, крикнувшаго такую «дерзкую фразу», но почему-то помилосердство-

вали. 6. Въ Питерѣ читали недѣли 3 или 4 тому назадъ на Конной площади приговоръ одному «адъютанту», который, какъ говорятъ одни, найденъ за печатнымъ станкомъ во Владимірской губерніи, въ селѣ Павловѣ; другіе говорятъ, что на фабрикѣ. Такъ, этотъ «адъютантъ» говорилъ революціонную рѣчь. «Это ничего, ребята, что насъ казнятъ, ссылаютъ; не падайте духомъ, продолжайте свое дѣло. Долой всѣ власти!» Телеграфировали и прислали барабанщиковъ, которые заглушили «проклятаго революціонера». Вотъ оно какъ! А прочтите въ добавокъ циркуляръ Палена, который пересылаемъ вамъ. Какъ труситъ наше правительство революціонеровъ и ничего подѣлать не можетъ. Дѣлаетъ промахи, рядъ непослѣдовательностей; для нихъ гибель, намъ на руку. Циркуляръ посланъ для отпечатанія за границу отдѣльною брошюрою, съ должными комментаріями. Онъ будетъ имѣть успѣхъ громадный. Платье получите съ Катею, съ нею же книги дозволеннаго содержанія. Такъ какъ здѣсь не особенно много имѣется денегъ, то пока посылаемъ 100 руб. Посылаемъ книги, посылаемъ револьверы съ патронами. Убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте! Горькая наша доля! Карабкаться приходится Вѣрѣ и мнѣ: мы думаемъ сбѣжать. Началось дѣло Дьякова. Мы будемъ посылать номера газетъ, гдѣ будетъ отчетъ о дѣлѣ. Первый номеръ отсылаемъ теперь же. Кажется, не успѣли выслать интереснаго циркуляра. Пошлемъ съ Катею. 19-го іюля 75 года. Москва Р. Не желаете ли получить по почтѣ М-lle Гамку; хотя она и вышла замужъ за Катю, но все-таки теряетъ права называться мадамшею. Одесская община предложила принять въ нашу организацію Санчо, мотивируя тѣмъ, что, кромѣ его качествъ, какъ человѣка, еще и то, что онъ будетъ на Кавказѣ, а намъ необходимо имѣть тамъ своего человѣка. Московскіе чл. организаціи согласны и поддерживаютъ предложенія одесскихъ; вообще, остановка только за вами, а то всѣ согласны».— II. «Отвѣчайте,' вы или нѣтъ—С. К . . . . ли. Напрасно ты пускаешь въ меня мокрыми ракетами, онѣ меня не трогаютъ, потому что, какъ тебѣ извѣстно, я не изъ слюнявыхъ Пора бы тебѣ отучиться отъ сантиментальностей; ей Богу, онѣ тебѣ не къ лицу; впрочемъ, мое такое мнѣніе, что онѣ ни къ кому нейдутъ. Объясни мнѣ, пожалуйста, чѣмъ это мы обидѣли родного человѣка; тѣмъ, что дѣло требовало пребыванія твоего (или кого-нибудь изъ Ив., для насъ все равно, и мы прямо на тебя не указывали)? Въ Тулѣ Рыжій выше объясняетъ положеніе дѣлъ въ Тулѣ и зачѣмъ это нужно. О бѣдный родной человѣкъ, какъ дѣйствительно тебя обижаютъ, я бы на твоемъ мѣстѣ непремѣнно расплакалась!! Однако, разберемъ вполнѣ серьезно, имѣли ли мы право предложить . . . . . Иван. переѣхать въ Тулу? Я думаю —да. А основанія вотъ какія: какъ вамъ извѣстно, вездѣ недостатокъ людей, а больше всего скопилось народу въ Ив., такъ что меньше всего будетъ ущерба для дѣла, если отнять одного человѣка у Ив. На этомъ основаніи мы было порѣшили сдѣлать предложеніе Ив., чтобы они выслали одну изъ бабъ въ Тулу. Кажется, ничего здѣсь нѣтъ ужаснаго и никакого преступленія противъ родного человѣка?! Не все только то приходится дѣлать, что пріятно; напримѣръ, Рыжему очень не хотѣлось ѣхать за границу, а, между тѣмъ, онъ поѣхалъ, когда дѣло того требуетъ; мнѣ очень и очень не хотѣлось и не хочется сидѣть здѣсь и исполнять всѣ ваши глупые капризы и прихоти, а я сижу. Напиши, пожалуйста, Сашка, послала ли ты денегъ саратовцамъ на сапоги или нѣтъ; отъ нихъ до сихъ поръ нѣтъ письма. Напиши, что дѣлать и какъ къ нимъ можно обратиться. Ты, кажется, забыла, что родить сапоговъ нельзя; ты знаешь, съ какимъ трудомъ они достаются, и потому мы не виноваты, что ихъ нѣтъ. Равно—навсегда говорю вамъ, что прихотей вашихъ исполнять не буду, а приказаній или требованій подавно. У меня

не только свѣту въ окошкѣ, что вы. Наумовнѣ переписывать не буду; если хотите, нанимайте писцовъ, а я отказываюсь быть писцомъ для Иванова. Посылаю вамъ дьяковское дѣло; буду вамъ высылать только тѣ номера, въ которыхъ есть что-нибудь интересное, а ежедневно высылать не буду; считаю это требованіе съ вашей стороны прихотью. Теперь относительно меня. Вамъ извѣстно, что я согласилась остаться въ администраціи только мѣсяцъ, да и въ программѣ сказано такъ, а сегодня 26 іюля, какъ разъ мѣсяцъ, такъ что я предлагаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ замѣнилъ меня въ этой должности. Долго занимать эту должность я не хочу; мнѣ кажется, что непріятныя должности должны падать равномѣрно на всѣхъ, а не на одного человѣка. Прошу мнѣ на это скорѣе отвѣтить. Дольше оставаться не хочу. Работать я, вѣроятно, поѣду въ Кіевъ. Вѣроятно, отъ васъ не потребуется человѣка въ Тулу, Ольга должно быть поѣдетъ туда. Сношенія съ заключенными идутъ своимъ чередомъ. Завтра будетъ попытка къ освобожденію Ѳедора. 26 іюля 1875 г. Москва».—III. «Анна, давно я тебѣ не писала, но теперь пользуюсь случаемъ, чтобы написать тебѣ нѣсколько строкъ. Вчера только я возвратилась изъ путешествія, измыкалась страсть какъ; ѣздила и по желѣзной и на перекладныхъ (200 верстъ отмахала), останавливалась не больше какъ на одинъ день. Приходилось быть въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Опять пришлось мнѣ быть въ положеніи соціалистки. Ахъ, Анна, въ этотъ разъ это положеніе показалось мнѣ еще ужаснѣе, можетъ отъ присоединенія къ другимъ непріятностямъ—цѣлованье ногъ, поклоны, съ одной стороны, дранье кожи —съ другой. Я смотрѣла, смотрѣла, вертѣлась, вертѣлась, но, наконецъ, терпѣнье мое лопнуло, и я разразилась истерикой. Была я еще у одной соціалистки—условія для пропаганды прекрасныя, народъ отличный, особенно замѣчателенъ бабій элементъ. Какихъ интересныхъ личностей приходилось видѣть—такихъ удальцовъ мало, описала бы, да мѣста не хватитъ, т. е. главное времени. Условія же жизни этой пропагандистки самыя ужасныя: безъ всякой связи, оторванная отъ всего міра, безъ книгъ, безъ средствъ, принужденная работать съ утра до ночи, чтобы поддерживать свое существованіе. Хорошая, толковая она женщина и хорошо бы дѣло у нея пошло, если бы были средства, а во-вторыхъ люди. Людей, людей, давайте, слышится отовсюду! Но гдѣ же ихъ взять, а недостатокъ чувствуется ощутительный. Грѣшно будетъ вамъ, господа, если вы не примете всѣхъ зависящихъ отъ васъ мѣръ, чтобы не ухнуть. О вашихъ ив. дѣлахъ я слушала разсказъ (Вѣры) вовсе не съ радостнымъ чувствомъ. Вы идете скорыми шагами къ погрому, который останется безслѣднымъ для Ив. и въ то же время ужаснымъ для общаго хода дѣлъ. Вы ведете дѣло даже болѣе неосторожно, чѣмъ оно велось прежде въ Москвѣ! Что же, ухайте, господа, но помните, что одинъ, два погрома—и мы остались на мели. Вѣра хочетъ уѣзжать въ Кіевъ, надо чтобы кто-нибудь пріѣхалъ замѣстить ее; хорошо было бы, если бы пріѣхала ты. Рыжаго нѣтъ здѣсь; я ѣду сегодня для дѣлъ матери (въ Питеръ) на нѣсколько дней. Въ Москвѣ осталось народу изъ рабочихъ мало—всѣ разъѣхались на покосъ, но съ августа опять всѣ съѣдутся и наступитъ опять жаркое время. Нѣсколько словъ о себѣ лично. Я работаю положительно запоемъ, вездѣ, гдѣ попадается, хорошая система страшно напряжена—боюсь, какъ бы струнка не лопнула, будетъ скандалъ! Чтой-то скверно чуется мнѣ. Мнѣ предстоитъ одна страшная непріятность, но писать тебѣ объ ней не буду—потомъ, когда совершится. Однако, довольно—il ne faut pas.... поговорила бы я съ тобой! Твоя Евгенія. P. S. Маня скучаетъ, ужасно больна, была у доктора, онъ прописалъ ей кумысъ. Мой дружескій привѣтъ всѣмъ товарищамъ; скажи имъ, что я обязуюсь высылать вамъ газету, напиши только адресъ, куда». — Затѣмъ

были предъявлены различныя вещественныя доказательства и нѣкоторыя изъ нихъ прочитаны, какъ, напр., адресы и другія. Подсуд. Фигнеръ. Письма, отобранныя въ Ивановѣ, принадлежатъ мнѣ и писаны ко мнѣ. Они писаны по адресу въ Иваново-Вознесенскъ, Аннѣ. Я ее знала раньше и этимъ объясняется, что въ нѣкоторыхъ письмахъ, обращаясь ко мнѣ, называютъ меня Анной.—Подс. Зановичъ. Письмо 19 іюля приписывается мнѣ, хотя эксперты утвердительно не сказали, что оно писано моею рукою; но такъ какъ прокуроръ обращаетъ на это особое вниманіе и подчеркиваетъ фразу: «убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте», и на основаніи этой фразы ставитъ все дѣло на иную точку, то я желалъ бы знать, придается ли этой фразѣ серьезное значеніе?—Первоприсутствующій. Теперь не время для этого. Это будетъ предметомъ судебныхъ преній. — Подс. Зановичъ. Изъ разныхъ мѣстъ письма видно, что эта фраза не имѣетъ серьезнаго значенія и что буквально ее нельзя понимать. Наконецъ, я просилъ бы допросить арестованныхъ въ Ивановѣ лицъ о томъ, получено ли это письмо шифрованнымъ, или было написано обыкновенными буквами. — В. Кого же именно вы хотите спросить?—О. Кого-нибудь изъ ивановцевъ.— В. Укажите кого.—О. Я не знаю, потому что не знаю, у кого нашли это письмо. — В. Если кто-нибудь изъ ивановцевъ пожелаетъ заявить, то можетъ —Подс. Зановичъ. Я хочу спросить, что есть ли это письмо копія съ шифрованнаго или самый оригиналъ?—Подс. Фигнеръ. Это письмо писано ко мнѣ. Оно получено зашифрованнымъ и было разобрано тамъ на мѣстѣ.—Первоприсутствующій. Кѣмъ же оно было писано?—Подс. Фигнеръ. На этотъ вопросъ я отказываюсь отвѣчать. — Подс. Джабадари. Въ этомъ письмѣ упоминается о Михаилѣ. Подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ меня. Я хотѣлъ бы спросить, на какомъ основаніи Зановичъ дѣлаетъ свое замѣчаніе. Принимаетъ ли онъ эти письма на себя, и если онъ отрицаетъ тотъ фактъ, что письмо принадлежитъ ему, то почему онъ сдѣлалъ такое заявленіе?—Первоприсутствующій. Эти пренія вовсе не разъясняютъ дѣла, и я признаю ихъ излишними.—Прис. пов. Люстигъ, между прочимъ, проситъ ссылаться на опись вещей Екатерины Гамкрелидзе, въ виду того, что обвиненіе удостовѣряетъ, что она ходила въ крестьянскомъ платьѣ, а, между тѣмъ, по описи такого платья не значится. Тов. оберъ-прок. замѣтилъ, что Гамкрелидзе была взята въ крестьянскомъ платьѣ. Прис. пов. Спасовичъ просилъ прочесть экспертизу сличенія почерка, которымъ написана приписка 26 іюля, съ почеркомъ Вѣры Любатовичъ. Изъ этой экспертизы видно, что вообще всѣ протоколы показаній, писанные рукой Вѣры Любатовичъ, съ которыми сличалось лишь письмо 26 іюля, такъ и другіе документы, указанные въ обвинительномъ актѣ, писаны искаженнымъ почеркомъ. Въ сличаемыхъ же документахъ тѣмъ не менѣе встрѣчается много буквъ и даже отдѣльныхъ словъ, которыя имѣютъ несомнѣнное сходство съ почеркомъ Вѣры Любатовичъ на протоколахъ. Письмо 26 іюля имѣетъ наименьшее сходство съ ея почеркомъ. Послѣ этого особое присутствіе приступило къ производству судебнаго слѣдствія по третьей группѣ. Тов. оберъ-прок. заявилъ, что онъ долженъ сдѣлать слѣдующія двѣ поправки въ обвинительномъ актѣ: во-первыхъ, въ обвинительномъ актѣ сказано, что скрывшійся Герасимъ Петровъ Лепесинъ скрывался въ Тулѣ, въ квартирѣ Куракова, между тѣмъ, по показанію свидѣтельницы Матвѣевой, онъ не скрывался въ квартирѣ Куракова, а она видѣла Лепесина вмѣстѣ съ Кураковымъ на площади. Во-вторыхъ, при дознаніи было сдѣлано начальникомъ воронежскаго жандармскаго управленія указаніе на свидѣтеля Щукина, и, согласно съ этимъ указаніемъ, объясненія Щукина внесены въ актъ. Допрошенный затѣмъ Щукинъ не далъ прямого отвѣта по этому предмету. Вызванный на судъ Щукинъ не явился и потому не-

возможно точно обслѣдовать справедливость заявленія, сдѣланнаго воронежскимъ жандармскимъ управленіемъ. Въ виду этого представляется справедливымъ выраженія, приписанныя Щукинымъ Едукову, исключить изъ числа уликъ къ обвиненію Николая Едукова. Прочитанъ протоколъ обыска, произведеннаго въ Тулѣ въ квартирѣ Махоткиной. Сущность его изложена въ обвинительномъ актѣ. Первоприсутствующій. Подсудимый Иванъ Едуковъ, вы были въ квартирѣ Махоткиной въ то время, когда производился тамъ обыскъ?—Подс. Едуковъ. Нѣтъ, я пришелъ, когда обыскъ уже начался.—В. По какому поводу вы пришли? — О. Я тамъ жилъ.—В. У Махоткиной?—О. Я зналъ только, что она Марья. Подсудимая Ольга Любатовичъ заявила, что назвалась Махоткиной только при обыскѣ. Первоприсутствующій (къ подсудимому Ивану Едукову). Какъ вы сошлись съ Марьей?—Подс. Иванъ Едуковъ. Черезъ посредство Сидоренки. Онъ назывался Махоткинымъ. Я работалъ съ нимъ вмѣстѣ на желѣзной дорогѣ и онъ рекомендовалъ меня къ ней на квартиру. — В. Сколько времени вы тамъ жили?—О. Съ 24 августа по 7 сентября.—В. Вы одни жили?—О. Нѣтъ, и братъ мой Николай жилъ.—В. А еще кто-нибудь жилъ?—О. Петръ Сидоренко.—Первоприсутствующій. Подсудимый Николай Едуковъ, вы жили у Махоткиной? — Подс. Н. Едуковъ. Жилъ. — В. Какъ туда попали? — О. Черезъ посредство Петра Сидоренко, въ одно время съ братомъ. — Первоприсутствующій. Подсудимый Фетисовъ, вы жили у Махоткиной?—Подс. Фетисовъ. Нѣтъ.—В. Во время обыска у нея были? — О. Я попалъ въ концѣ обыска или въ серединѣ.—В. По какому поводу вы пришли туда?—О. Въ тотъ день я встрѣтился съ товарищемъ по ремеслу Иваномъ Едуковымъ и съ нимъ пошелъ искать себѣ мѣста. Онъ пригласилъ меня къ себѣ: говорилъ, что можно и ночевать.—В. Вы первый разъ были на квартирѣ Махоткиной? — О. Да, первый разъ. Прежде я ее не зналъ. —Первоприсутствующій. Подсудимый Сидорацкій, вы были въ квартирѣ у Махоткиной?—Подс. Сидорацкій. Нѣтъ, я пріѣхалъ только въ тотъ день въ Тулу, когда меня арестовали на квартирѣ Махоткиной.—В. Какимъ образомъ вы, только что пріѣхавъ въ Тулу, попали прямо къ Махоткиной? —О. Я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Въ одномъ вагонѣ сидѣли Фетисовъ и Едуковъ. Не имѣя гдѣ остановиться, я узналъ отъ нихъ, что есть квартира, на которой можно прожить нѣсколько дней.—В. По какому поводу вы пріѣхали изъ Кіевской губерніи въ Тулу?—О. Если желаете выслушать мои показанія, то я могу разъяснить, какимъ образомъ я получилъ паспортъ на имя Зайцева.—В. Отъ кого вы его получили?—О. Отъ техническаго мастера кіевскаго полигона Григорія Александрова. — В. Вещи ваши были на квартирѣ Махоткиной?—О. Да, былъ сакъ-вояжъ.—В. Что у васъ въ немъ было?—О. Было бѣлье; сакъ-вояжъ былъ не запертъ. Во время обыска изъ него вынули пачку книгъ, завязанныхъ въ платокъ. Я тогда же заявлялъ, что вещи, завязанныя въ платокъ, мнѣ не принадлежатъ.—В. Вы были при самомъ обыскѣ?—О. Да, былъ.—В. Развѣ вы не видали тѣхъ дѣйствій, которыя тамъ производились? Какъ могъ этотъ узелъ попасть къ вамъ въ сакъ-вояжъ?—О. Я думаю, что его положили еще въ селѣ... Подс. Ольга Любатовичъ. Петръ Сидоренко взялъ книги изъ моей комнаты и положилъ въ сакъ-вояжъ Сидорацкаго.—Подс. Сидорацкій. Мое показаніе, приведенное въ обвинительномъ актѣ, относительно того, что я будто бы получилъ паспортъ отъ Михайлы, не вѣрно. Я тогда желалъ скрыть имя того лица, отъ котораго получилъ. Теперь я назвалъ его фамилію и желаю объяснить тѣ причины, по которымъ я взялъ фальшивый паспортъ. Лѣтомъ 1875 года, не желая продолжать ученіе въ училищѣ, а имѣя намѣреніе зачислиться въ ремесло слесарей, я просилъ у матери, чтобы она дала мнѣ паспортъ. Она отказала. Тогда я обратился къ своему знакомому Александ-

рову и просилъ, не можетъ ли онъ достать мнѣ паспортъ. Онъ обѣщалъ и просилъ меня притти въ одну изъ библіотекъ, такъ какъ полигонъ былъ очень далеко отъ моей квартиры. Въ библіотекѣ онъ вручилъ мнѣ паспортъ. Такъ какъ поздно было итти домой и къ тому далеко, то онъ пригласилъ меня переночевать въ одной квартирѣ, чтобы потомъ ѣхать въ Тулу. Такимъ образомъ я попалъ въ квартиру на Дмитровкѣ. Утромъ я уѣхалъ въ Тулу. Въ Тулѣ я зашелъ въ трактиръ и тамъ познакомился съ Фетисовымъ, который жилъ въ домѣ Куракова. Онъ пригласилъ меня къ себѣ; я согласился и прожилъ нѣсколько дней у него на квартирѣ. Потомъ мы отправились въ село Панино.—Первоприсутствующій. Почему вы не обучались слесарному ремеслу въ Кіевѣ? — Подс. Сидорацкій. Вслѣдствіе того, что мать не хотѣла, и такъ какъ у меня былъ фальшивый паспортъ, то меня могли тамъ разыскать. Кромѣ того, я слышалъ, что въ Тулѣ много фабрикъ и заводовъ. — В. (По просьбѣ защиты). Вы пріѣхали вмѣстѣ съ Фетисовымъ и обоими Едуковыми?—О. Кажется, Иванъ Едуковъ былъ. Мы всѣ пріѣхали изъ Панина. Я долженъ заявить, что въ обвинительномъ актѣ есть невѣрность: тамъ сказано, будто бы изъ Москвы я уѣхалъ изъ гостинницы вмѣстѣ съ Марьей Махоткиной, но я въ то время былъ уже въ селѣ Панинѣ. Я пріѣхалъ въ Тулу числа 16-го или 17-го и поступилъ на заводъ 19-го, а Махоткина выѣхала изъ Москвы только 19-го августа. У Фетисова прожилъ дня три. Квартира его была совершенно отдѣльная.—Подс. Иванъ Едуковъ. Я не ѣхалъ въ вагонѣ, это братъ ѣхалъ.—Подс. Николай Едуковъ. Да, я.—Подс. Ольга Любатовичъ. При мнѣ показывали прислугѣ гостинницы карточку Сидорацкаго, но прислуга отрицала его.—Первоприсутствующій. Подсудимый Григорій Александровъ, что вы имѣете сказать?—Подсудимый Григорій Александровъ. Я не отрицаю показанія Сидорацкаго.—В. Откуда вы получили паспортъ?— О. Не желаю объяснить.— Первоприсутствующій. Подсудимый Кураковъ, жили у васъ Едуковы?— Подс. Кураковъ. Нѣтъ, жилъ у меня Фетисовъ. Послѣднее время проживали нѣсколько дней Григорій и Петръ. Я не заявлялъ объ этомъ, потому что они не были прописаны.— В. Вы не знали этихъ лицъ?— О. Нѣтъ.— В. Вы были хозяиномъ квартиры?— О. Хозяинъ; но они къ нему приходили.— Подс. Сидорацкій. Квартира Фетисова отдѣльная, такъ что Кураковъ не могъ видѣть, кто бывалъ у Фетисова.—Первоприсутствующій. Подсудимая Ольга Любатовичъ, вы признаете, что жили въ Тулѣ?— Подс. Ольга Любатовичъ. Подъ именемъ Марьи жила. Во время обыска назвалась Махоткиной, потому что у меня былъ паспортъ на Махоткину. Свид. Василій Мансуровъ показалъ, что мастеровой Злобинъ раздавалъ рабочимъ тульскаго оружейнаго завода разныя книжки и въ томъ числѣ свидѣтель бралъ четыре книжки, изъ коихъ три возвратилъ, а четвертую Злобинъ ему подарилъ. Онъ говорилъ объ этой книжкѣ съ товарищемъ; разговоръ услышалъ мастеръ и доложилъ генералу, которому свидѣтель и представилъ книжку. Это были «Очерки фабричной жизни», а три, которыя возвратилъ: «Юровая ярмарка», «Безоброчный» и «У перевоза».— Прис. пов. Ольхинъ замѣтилъ, что всѣ эти книги не запрещенныя.— Тов. оберъпрок. заявилъ, что Злобинъ и не обвиняется въ распространеніи запрещенныхъ книгъ.— Свид. Николай Аксеновъ показалъ, что также получилъ отъ Злобина книжку о томъ, отчего происходитъ громъ и молнія; затѣмъ читалъ «Юровую ярмарку», «О разведеніи картофеля» и еще одну, которую не помнитъ.—Свид. Александръ Введенскій показалъ, что весною 1874 года Злобинъ пріѣхалъ въ Тулу. Осенью уѣхалъ въ Петербургъ и вернулся обратно въ февралѣ 1875 года и въ скоромъ времени поступилъ на ружейный заводъ. Вскорѣ по его пріѣздѣ свидѣтель получилъ

два или три письма съ передачею Злобину, и передалъ. Нѣсколько разъ видалъ его товарищей; одного, котораго видѣлъ нѣсколько разъ, звали Иваномъ Семеновымъ (Фетисовъ). Послѣ ареста Злобина, свидѣтель получилъ для передачи ему еще три письма. Изъ числа подсудимыхъ свидѣтель опозналъ Фетисова. Подс. Фетисовъ. Я никогда не былъ у Злобина и первый разъ вижу Введенскаго здѣсь на судѣ. Свид. Введенскій призналъ еще подсудимаго Сидорацкаго. Подс. Сидорацкій. Вы ошибаетесь, я ни разу не былъ у Злобина. Свид. Введенскій. Я васъ узнаю. На дознаніи свидѣтель узналъ еще подсудимаго Кардашева, но не лично, а по фотографической карточкѣ: въ то время Кардашевъ былъ безъ бороды, а теперь съ бородою. Поэтому свидѣтель не могъ признать его въ числѣ подсудимыхъ. Тов. оберъ-прокур. объяснилъ, что онъ съ своей стороны уже сдѣлалъ заявленіе о томъ, что свидѣтель не призналъ на судѣ Кардашева, а это заявленіе въ интересахъ подсудимаго. Свид. Михаилъ Родіоновъ показалъ, что у него на квартирѣ всего одну недѣлю жила Марья (Махоткина) и потомъ переѣхала на другую. Жило ихъ трое, а именно: Марья, Петръ, а третьяго свидѣтель не знаетъ, какъ звать. Подсудимые: Ольга Любатовичъ и оба Едуковы признали, что жили вмѣстѣ на квартирѣ. Свид. Наталья Кузовлева показала, что у нея на квартирѣ жила дѣвушка Махоткина и двое мужчинъ, которыхъ не знаетъ, какъ звать. Ходили они въ крестьянскомъ платьѣ. Мужчины уходили на работу, а дѣвушка готовила кушанье и вообще занималась хозяйствомъ. Свид. Павелъ Дороговъ показалъ, что нанялъ квартиру у Куракова, гдѣ жилъ Иванъ Семеновъ (Фетисовъ). Черезъ нѣсколько времени къ нему пріѣхали изъ Кіева товарищи Григорій и Петръ, а еще черезъ нѣсколько времени пріѣхали Василій и Герасимъ. Къ нимъ ходили люди, читали книжки и вели разговоры. Потомъ Иванъ Семеновъ и Герасимъ отправились въ Панино, а остальные перешли на другую квартиру. Какія книжки читали—свидѣтель не знаетъ, но помнитъ одну на малороссійскомъ языкѣ. Во время разговоровъ спорили. Во все это свидѣтель не вслушивался, такъ какъ приходилъ домой не на долго, имѣя постоянныя занятія на станціи желѣзной дороги. Разъ Фетисовъ вечеромъ завелъ разговоръ со свидѣтелемъ о томъ, отчего онъ не богатъ. Свидѣтель сказалъ, что не всѣмъ быть богатыми, что нужно быть кому-нибудь и бѣднымъ. Вообще онъ долго спорилъ съ нимъ, опровергалъ его доводы, и онъ, какъ будто разсердившись, сказалъ: «Ты не знаешь, какому Богу молиться: ты молишься деревяшкамъ». На это свидѣтель отвѣтилъ, что разговаривать съ нимъ, Фетисовымъ, больше не будетъ. Свидѣтель жилъ съ Фетисовымъ въ одной квартирѣ около мѣсяца. Въ Панино они уѣхали недѣли за двѣ до ареста. Въ квартирѣ оставались Василій и Герасимъ. Когда читали книжки, то Кураковъ при этомъ, кажется, не былъ: онъ неграмотный и въ собраніяхъ свидѣтель не всегда его видалъ. Помощн. прис. пов. Нечаевъ. Какъ вы поняли разговоръ объ иконахъ. Не то ли онъ хотѣлъ сказать, что иконы имѣютъ значеніе только по тѣмъ изображеніямъ, которыя на нихъ написаны, а не самая доска?—Свид. П. Дороговъ. Я не знаю, что онъ хотѣлъ сказать, но я понялъ, что онъ безбожникъ. Свидѣтель призналъ подсудимыхъ Сидорацкаго, Фетисова и Едуковыхъ. Подс. Фетисовъ. Дѣйствительно, я называлъ деревяшками, но онъ не понялъ меня. Я говорилъ въ томъ смыслѣ, что лику написанному нужно вѣрить, а не дереву. Когда пріѣхали Ковалевъ и Герасимовъ въ Тулу, я въ то время жилъ уже въ Панинѣ. Свид. Акулина Алифанова показала, что къ ней появился Ковалевъ и просилъ взять его въ нахлѣбники. Но она не рѣшилась. Жившій у нея Матвѣевъ (отставной рядовой) посовѣтовалъ ей взять Ковалева, и она послушалась. Онъ ходилъ на работу, а вечеромъ приносилъ книжки. Принесъ одну и заставилъ Мат-

вѣева читать. Тотъ нѣсколько прочиталъ и сказалъ: «Наплевать въ эту книжку», и сталъ уговаривать Ковалева: «оставь, говоритъ, эти глупости и будешь ты отъ Бога награжденъ. Богъ у насъ одинъ и царь одинъ.» Свид. Дмитрій Матвѣевъ. Василій Ковалевъ пришелъ 1-го или 2-го сентября проситься на квартиру; хотя я не имѣлъ своего дома, но я просилъ хозяйку, какъ будто у меня предчувствіе сердца было. Она послушалась и приняла его. На другой день Ковалевъ сталъ меня склонять въ ихъ дѣла. Но я, какъ твердый своему отечеству и присягѣ, не согласился и убѣдительно его просилъ, чтобы онъ покончилъ это свое дѣло. Онъ сталъ произносить разныя вещи: «Ты, говоритъ, не имѣешь богатства, а другіе богаты.» Я говорю, если не далъ Богъ мнѣ богатства, то нельзя его отбирать у другихъ съ разбоемъ. Да и какъ быть: возьмемъ мы съ тобой, говорю, двѣ чашки—одна хорошая, а другая плохая. Кому брать хорошую и кому плохую? Ты скажешь, что тебѣ хорошую, а я скажу—мнѣ. Какъ же мы будемъ дѣлить богатство? Одинъ раздоръ будетъ, и мы другъ друга только перебьемъ. Онъ говоритъ: «Такъ и будетъ: будемъ убивать, всѣхъ убьемъ.» Я говорю: Какъ стадо коровъ нельзя пустить безъ пастуха, такъ и намъ нельзя быть безъ царя. Если у насъ не будетъ царя, не будетъ начальниковъ, не будетъ войска, тогда правительства иностранныя придутъ, и какъ мочалкой, будутъ нами помыкать. Онъ сталъ клониться на мою сторону. Потомъ говоритъ: «А что, дадутъ мнѣ тысячу рублей—я все скажу?» Тутъ я ему насулилъ нѣсколько тысячъ, обѣщалъ и чиновъ. Онъ согласился высказать и все предъявилъ приставу.—Тов. оберъ-прокурора. Онъ не говорилъ вамъ, откуда его прислали?—Свид. Матвѣевъ. Изъ Кіева.—В. Не говорилъ ли онъ вамъ, съ кѣмъ живетъ онъ въ Тулѣ? —О. Онъ говорилъ только о Герасимовѣ и о дѣвушкѣ. Называлъ ее Маріей. Онъ сердился на нее, потому что занялъ у нея сорокъ копеекъ; она ихъ требовала а онъ не имѣлъ.—В. Вы ему говорили, что онъ получитъ награду?—О. Да, я самъ отъ себя говорилъ.—В. Васъ никто не просилъ это сдѣлать?—О. Никто этого и не зналъ, пока онъ не объяснилъ частному приставу, и дѣло дошло до тайной полиціи.—В. Кураковъ не бывалъ у Ковалева?—О. У насъ случилось мертвое тѣло, Кураковъ былъ въ понятыхъ, и я былъ. Онъ сталъ мнѣ дѣлать упреки, что я уговорилъ Ковалева объяснить на товарищей. Это, говоритъ, не твое дѣло: обошлось бы безъ тебя. Ковалевъ слышалъ этотъ разговоръ нашъ, пошелъ и донесъ жандармскому генералу.—Подс. Ковалевъ. Когда я пришелъ къ вамъ, то книжки тогда при мнѣ были или не были?—Свид. Матвѣевъ. При тебѣ не было; ты принесъ ихъ послѣ. Сначала «Сказку о четырехъ братьяхъ» изустно говорилъ, а потомъ принесъ «Хитрую механику.» Эту книжку онъ нарочно сходилъ и взялъ, чтобы снести ее въ часть. Онъ просилъ найти человѣка, чтобы написать прошеніе. Я ему сказалъ, что это не нужно, а что можно такъ разсказать, а ужъ тамъ поймутъ. Онъ хотѣлъ весь чемоданъ взять: возьму, говоритъ, съ книгами и представлю. Я ему запретилъ это, такъ какъ тогда они всѣ разбѣгутся. Онъ послушалъ и взялъ только эту книжку «Хитраго механика.»—Подс. Ковалевъ. Это невѣрно: у меня вовсе не было чемодана.—Свид. Матвѣевъ. Я этого и не говорилъ.—Прис. пов. Коршъ. Скоро Ковалевъ подался на ваше убѣжденіе? Свид. Матвѣевъ. Скоро. Онъ три дня прожилъ и вскорѣ сталъ уже выслушивать меня и свои предлоги оставилъ.—В. Онъ говорилъ вамъ, кто его прислалъ изъ Кіева?—О. Говорилъ, что изъ своего общества. Поминалъ о какой-то княгинѣ, объ акушеркѣ, о дѣвушкѣ—Помощн. прис. пов. Нечаевъ. Вы не знали въ Тулѣ Фетисова?—Свид. Матвѣевъ. Зналъ. Въ то время, когда братъ пріѣзжалъ за паспортомъ, я приходилъ къ нему и тамъ увидѣлся съ Фетисовымъ. Я спрашивалъ, при мѣстѣ онъ или

нѣтъ. Онъ сказалъ, что безъ мѣста.— Присяжн. пов. Борщовъ. Вы не знаете, почему Ковалевъ переѣхалъ съ той квартиры?—Свид. Матвѣевъ. Онъ сказалъ, что тамъ они живутъ всѣ на своемъ содержаніи. Но я, говоритъ, не могу, оттого, что дорого.—В. Вы хорошо знаете Куракова?—О. Знаю, мы родственники съ нимъ.—В. Какое у него семейство?—О. Остались мальчикъ и дѣвочка. Жена умерла. У нихъ былъ домъ. Родительница его продала и купила другой.—Подс. Фетисовъ. По обвинительному акту извѣстно, что когда Герасимъ Петровъ пріѣхалъ съ Ковалевымъ въ Тулу, то я уже въ это время въ селѣ Панинѣ жилъ. Я Матвѣева совсѣмъ не зналъ.—Подс. Ковалевъ. Свидѣтель говоритъ, что я у Куракова на квартирѣ жилъ. Я поступилъ на квартиру къ хозяйкѣ своей. Ходилъ на работу, а вечеромъ приходилъ домой. Разговоровъ съ нимъ не имѣлъ никакихъ особенныхъ относительно пропаганды. Когда пришелъ вечеромъ въ субботу, то я двѣ книжки принесъ, которыя получилъ отъ неизвѣстнаго человѣка, и ему показалъ. Онъ прочиталъ книжки и говоритъ, что онѣ противоправительственныя: заяви, говоритъ, въ полицію; получишь за это себѣ награду.—Свид. Елизавета Матвѣева (жена предыдущаго свидѣтеля) подтвердила показаніе мужа и между прочимъ объяснила относительно разговора между Ковалевымъ и ея мужемъ: «Онъ (Ковалевъ) свои законы говорилъ, а мой свои говорилъ.» Ковалевъ приносилъ двѣ книжки и говорилъ, что получилъ ихъ отъ Маріи, жившей въ домѣ Кузовлева. Разъ приходилъ Герасимъ и спрашивалъ Ковалева, но его не было дома. Потомъ свидѣтельница видѣла Герасима вмѣстѣ съ Ковалевымъ гулявшими по площади во время представленія акробатовъ.—Подс. Ковалевъ. Свидѣтельница никакъ не могла меня видѣть. Я пріѣхалъ изъ Кіева и зашелъ къ Марьѣ, такъ какъ знакомъ былъ. Потомъ дѣйствительно я пообѣдалъ у Едуковыхъ. Такъ какъ я показалъ, что получилъ отъ неизвѣстнаго человѣка книжки, то я получилъ ихъ отъ Петра, а не отъ Марьи.— Первоприсутствующій. Кто это Петръ?—Подс. Ковалевъ. Сидоренко.— Свидѣтель Михаилъ Шильниковъ показалъ, что работалъ въ мастерской вмѣстѣ съ Иваномъ Семеновымъ. Потомъ онъ ушелъ, а впослѣдствіи ушелъ и свидѣтель и поступилъ на заводъ въ Панино. Иванъ Семеновъ былъ уже тамъ вмѣстѣ съ Зайцевымъ, котораго онъ называлъ двоюроднымъ братомъ. Потомъ къ нимъ прибылъ третій—Герасимъ. Оттуда они, взявши разсчетъ, уѣхали 7-го сентября. Свидѣтель получилъ отъ нихъ книжку «Исторія фабричной жизни», которую онъ представилъ директору завода. «Сказку о четырехъ братьяхъ» разсказывалъ Иванъ Семеновъ. Они говорили свидѣтелю, что прежде жили въ Кіевѣ. Изъ тульскихъ знакомыхъ «поминали дѣвку Машку». Подс. Фетисовъ и Сидорацкій признали свидѣтеля. Прочитано показаніе неявившагося свидѣтеля Михаила Кукина. Между прочимъ, изъ этого показанія видно, что Фетисовъ, Зайцевъ и Петровъ проживали вмѣстѣ съ свидѣтелемъ на квартирѣ въ Панино. Зайцевъ и Герасимъ называли себя родственниками. Петровъ пріѣхалъ послѣ въ Панино. При встрѣчѣ съ толпою рабочихъ онъ прямо подошелъ къ Ивану Семенову. Между Зайцевымъ и Фетисовымъ были близкія отношенія и они постоянно на постели шушукались. Говорили, что у Ивана Семенова въ Тулѣ есть хорошія книжки, которыя онъ хотѣлъ привезти. Жена свидѣтеля слышала, какъ Иванъ Семеновъ ругался съ Герасимомъ изъ-за книжекъ. Иванъ Семеновъ разсказывалъ «Сказку о четырехъ братьяхъ». Свидѣтель хорошо ее не разслушалъ, потому что былъ занятъ чтеніемъ библіи. Разговоровъ противоправительственныхъ отъ Ивана Семенова не слыхалъ. Потомъ Иванъ Семеновъ ушелъ съ завода, хотѣлъ отправиться въ Кіевъ или Курскъ, а потомъ ушелъ Зайцевъ, говоря, что безъ Ивана ему нечего оставаться. Свид. Семенъ Голубевъ показалъ, что одна госпожа занимала номеръ въ го-

стинницѣ, бывшей Кокорева, въ Москвѣ. Свидѣтель подавалъ ей чай и вообще прислуживалъ. Уѣхала она одна.— Подс. Ольга Любатовичъ. Я признаю, что была въ гостинницѣ, но Сидорацкаго тамъ не было. Стороны заявили ходатайство о предъявленіи и прочтеніи нѣкоторыхъ вещественныхъ доказательствъ. Предъявленъ паспортъ Махоткиной, на которомъ есть отмѣтки о проживательствѣ ея въ Кіевѣ. Подс. Ольга Любатовичъ. У меня отобрали всѣ бумаги и не возвратили. Поэтому я принуждена была пользоваться этимъ паспортомъ.—Подс. Ковалевъ. Такъ какъ по пріѣздѣ изъ деревни въ Кіевъ на сахарный заводъ я нанялся здѣсь по контракту на шесть мѣсяцевъ и взялъ пятнадцать рублей впередъ, то обязанъ былъ исполнить контрактъ. Я не хотѣлъ оставаться и просилъ директора дать разсчетъ. Онъ сказалъ, что «я представлю тебя къ мировому судьѣ». Тогда я бросилъ деньги и паспортъ—купилъ подложный и поѣхалъ въ Тулу. Я пріѣхалъ съ Герасимомъ, съ которымъ жилъ на заводѣ въ Кіевѣ. По пріѣздѣ въ Тулу онъ уѣхалъ въ Панино, а я остался. Пришли мы съ Герасимомъ, гдѣ жила Марья; послѣ обѣда пошли искать работу, а потомъ я нашелъ себѣ квартиру. Взялъ двѣ книжки отъ Петра Сидоренко и показалъ сапожнику (свид. Матвѣевъ). Онъ сказалъ, что книжки противоправительственныя. Заявите, говоритъ, ихъ въ часть. Я предъявилъ это дѣло и сказалъ, что проживаю по подложному паспорту и имѣю двѣ книжки. Представьте ихъ куда слѣдуетъ, а меня препроводите на родину. Приставъ познакомилъ меня съ генераломъ и съ прокуроромъ. Тогда начались допросы. Я, дѣйствительно, всѣхъ не могъ знать лично. Видѣть видалъ на подобіе этихъ личностей, но всѣхъ не зналъ. Мнѣ уже тамъ сказали, что я къ тайному обществу принадлежалъ, а я никакого общества не зналъ. Затѣмъ мнѣ говорили, чтобы я на судѣ сказалъ, что я все доподлинно знаю.— Первоприсутствующій. А вы почему это знаете?—Подс. Ковалевъ. Когда повезли въ Кіевъ, меня посадили въ тюремный замокъ. Я хотѣлъ объяснить высшему начальству, если бы могъ подать прошеніе, но я сидѣлъ за замкомъ. Мнѣ разныя грубости произносили за то, что я хотѣлъ разъяснить. Меня сажали такъ, что не было звука, никакого зрѣнія. Больше ничего не имѣю. По просьбѣ защиты Ковалевъ спрошенъ о томъ, принадлежалъ ли Злобинъ къ пропагандистамъ. Подс. Ковалевъ. Относительно Злобина я ничего не говорилъ и не понималъ его.— Прис. пов. Ольхинъ. Говорила ли Ольга Любатовичъ, что Злобинъ извѣстенъ компаніи подъ именемъ Ваньки?—Подс. Ковалевъ. Нѣтъ, не говорила.—Подс. Ольга Любатовичъ. Я Злобина совсѣмъ не знаю, слѣдовательно, не могла и говорить. Затѣмъ были предъявлены три письма, изъ которыхъ прочитано два, содержаніе ихъ изложено въ обвинительномъ актѣ. Подс. Хоржевская и Млодецкій признали, что они писаны ими. Затѣмъ въ отношеніи третьяго письма Любатовичъ заявила, что оно писано не ея рукою, но экспертиза признала, что оно писано ею, и она сказала: «а потому мнѣ все равно». Первоприсутствующій. Оно у васъ было отобрано?— Подс. О. Любатовичъ. Да, на постели.— Подс. Млодецкій. На дознаніи я призналъ письмо своимъ и сказалъ, что болѣе разъяснять не буду. Я сдѣлалъ это потому, что не хотѣлъ компрометировать одну личность, которая умерла, и теперь я могу сказать. Письмо это писано мною по просьбѣ Подгородецкаго. Онъ былъ боленъ и не могъ писать. Онъ далъ мнѣ черновое письмо и я переписалъ. О значеніи этого письма я и теперь ничего не могу сказать. Прочитано письмо, писанное по шифру «Эй, подлецъ». Между прочимъ, говорится: «Ты переврала адресъ. Деньги нельзя получить.» Далѣе, что Василій болтаетъ, откуда пріѣхалъ и гдѣ бралъ деньги. Выражается неудовольствіе на знакомство «съ такою сволочью»; что онъ «скоро влопаетъ

насъ». Наконецъ, совѣтуется перемѣнить квартиру. На оборотѣ сказано: «Прошу передать Глѣбовой». Подс. Хоржевская заявила, что всѣ письма на имя Глѣбовой присылались къ ней на имя Хоржевской. Прочитанъ протоколъ обыска въ Кіевѣ въ квартирѣ Гельфманъ; протоколъ обыска въ квартирѣ Горощенковой, въ домѣ Вѣтровой; протоколъ обыска у крестьянина Острова. Предметы, найденные при этихъ обыскахъ, указаны въ обвинительномъ актѣ. Тов. оберъ-прок. обратилъ вниманіе на то, что одной изъ книжекъ, взятыхъ у Горощенко, оказались адресы Злобина и Фетисова. Первоприсутствующій. Подсудимый Островъ, не желаете ли объяснить, какимъ образомъ оказались у васъ эти книжки, гербовые листы и чужіе виды.—Подс. Островъ. Начальству извѣстно, что я крестьянинъ Мстиславскаго уѣзда, деревни Дубровки. До 1870 года я жилъ, какъ всѣ крестьяне, и имѣлъ землю, но въ 1871 году, обѣднѣвъ и лишившись средствъ къ пропитанію, я выпросилъ годовой паспортъ и пошелъ въ Кіевъ работать на фабрику. Тамъ у меня родственники были: дядя пятнадцать лѣтъ монахомъ въ монастырѣ и одна сродственница кухаркой. Черезъ нихъ я нашелъ себѣ мѣсто у барыни Денисовой. Далѣе подсудимый съ мельчайшими подробностями разсказалъ свою жизнь въ дворникахъ. Что же касается найденныхъ при немъ книгъ и бумагъ, то онъ объяснилъ, что, желая отправиться на родину, онъ просилъ свою хозяйку дать ему разсчетъ. Но она медлила. Разъ къ нему приходитъ рабочій, мусорщикъ Родіонъ, и приноситъ «огромный тюкъ книжекъ, между которыми газеты торчатъ. Онъ сказалъ: что ты, Петръ, грамотѣ знаешь, а я не знаю — почитай. Чьи книги — спрашиваю?—Онъ сказалъ: наши.—Куда несешь?—Къ тебѣ.—На что? — Читать. —Нашелъ, говорю, время читать. Я ему отказался наотрѣзъ читать. На это онъ сказалъ: хочешь—читай, хочешь—нѣтъ; другое время найдешь—почитаешь. Тутъ есть хорошія книги — можешь выбрать. Пусть, говоритъ, у тебя полежатъ. А я не разслышалъ, что есть дурныя книги, и сказалъ: положи на полку, нехай лежатъ. Онъ положилъ и исчезъ—по сихъ поръ его не видалъ. Я дожидалъ, пока мнѣ деньги барыня отдастъ».—Первоприсутствующій. А какъ попали къ вамъ фальшивые паспорты на имя Елисеевой, Горощенковой и другихъ.—Подс. Островъ. А вотъ, я жду себѣ денегъ, а книги лежатъ безъ вниманія. 14 сентября приказали мнѣ купить лекарства въ аптекѣ и дали бумажку 25 руб. Я взялъ и посчиталъ, сколько мнѣ приходится. Сосчиталъ за четыре съ половиною мѣсяца 22 руб. 50 коп. Я забираю 2 руб. 50 к., собрался идти, глянулъ на полку и вижу—добрый человѣкъ книги бросилъ, я забралъ ихъ съ собою и пошелъ. Я пробылъ дома съ недѣлю. Пришли десятскій и становой. Спросилъ: покажи паспортъ. Какой, говорю, паспортъ, когда я дома. У тебя, говоритъ, книжки есть, непозволенныя какою-то цензурою. Вотъ, говорю, извольте, а я не знаю. Сталъ онъ разворачивать, а въ книжкахъ были заворочены панскіе виды, штукъ шесть. Я такъ и ахнулъ. Меня взяли и привезли въ Кіевъ.—Прочитанъ протоколъ обыска въ комнатѣ, занимаемой Григоріемъ Александровымъ, причемъ были найдены книги и газеты преступнаго содержанія, гербовая бумага, печати, вырѣзанныя на аспидныхъ кружкахъ, краска и проч. Первоприсутствующій. Подсудимый Григорій Александровъ. Вы признаете, что всѣ эти вещи найдены у васъ?—Подс. Григорій Александровъ. Да, дѣйствительно всѣ были найдены. Я показалъ, что книги взялъ у Подгородецкаго. Въ то время я уже зналъ, что онъ умеръ, и я хотѣлъ воспользоваться его смертью, чтобы свалить съ своей шеи. Откуда я получилъ книги—сказать не желаю.—Подс. Хоржевская. Книги были даны Александрову на храненіе мною. Свид. Марина Казимірова показала, что у нея нанимала комнату акушерка. Къ ней много ходило мужчинъ, приходили и женщины. Свидѣтельницѣ это не нравилось, и она

стала настоятельно отказывать отъ квартиры. Въ тотъ день, когда ихъ арестовали, акушерка собиралась выбраться съ квартиры. Одно время они получили деньги съ почты, и тогда собралось четверо мужчинъ и двѣ дѣвушки. Послѣ ареста приходили спрашивать акушерку, и эти лица были арестованы жандармомъ, который сидѣлъ въ квартирѣ. Подс. О. Любатовичъ заявила, что она первая наняла эту квартиру. Сначала она жила въ гостиницѣ «Grand Hôtel», а потомъ переѣхала на эту квартиру. Подс. Гельфманъ заявила, что она жила въ этой квартирѣ. Подс. Хоржевская объяснила, что она познакомила Ольгу Любатовичъ съ Гельфманъ. Любатовичъ собиралась уѣхать, квартира оставалась бы пустая, а такъ какъ Гельфманъ искала квартиру, то подсудимая просила Любатовичъ передать свою квартиру Гельфманъ. Прочитано показаніе свидѣтельницы Екименко, дочери Казиміровой. Сущность этого показанія изложена въ обвинительномъ актѣ. Свид. Михаилъ Котиковъ показалъ, что у него квартировали двое мужчинъ и женщина, называвшаяся сестрою одного изъ мужчинъ. Прожили они десять дней. Это было въ августѣ 1875 г. Постоянно жили одинъ мужчина и женщина, а другого мужчину видѣлъ только одинъ разъ. Говорили, что мужчины работаютъ въ мастерской на желѣзной дорогѣ. Женщина была беременна. Съ квартиры они выбрались до свѣту, часа въ два. Прис. пов. Коршъ. Вы утверждаете, что они жили у васъ десять дней въ августѣ? — Свид. Котиковъ. Да, въ августѣ. — Подс. Воронковъ. Сколько дней жилъ я у васъ?—Свид. Котиковъ. Десять дней. —Первоприсутствующій. Вы признаете его?—Свид. Котиковъ. Да, этотъ. —Подс. Воронковъ. Я признаю свидѣтеля.—Въ виду противорѣчія относительно времени, въ которое подсудимые жили у Котикова, товарищъ оберъ-прокурора просилъ прочитать его показаніе, такъ какъ въ немъ сказано, что «вотъ одиннадцатый день, какъ они наняли у меня квартиру», а показаніе это дано 10 сентября. Свид. Котиковъ. Не припомню хорошенько: это было во время пріѣзда Государя. Подс. Воронковъ замѣтилъ, что пріѣздъ Государя былъ въ августѣ. Прис. пов. Коршъ (къ свидѣтелю). Вы можете разъяснить это разнорѣчіе?—Свид. Котиковъ. Нѣтъ.—В. Подсудимые у васъ жили въ августѣ или въ сентябрѣ? — О. Въ августѣ жили. —В. Сколько времени прошло послѣ того, когда они у васъ жили и когда васъ допрашивали?—О. Мѣсяца полтора. — Тов. оберъ-прок. Тогда выйдетъ, что они жили въ іюлѣ. Свид. Анна Продьма показала, что у нея квартировали два господина. Одинъ находился постоянно, а другой приходилъ черезъ два или три дня. Квартирантъ говорилъ, что онъ кузнецъ на вокзалѣ. Впослѣдствіи онъ сказалъ, что не можетъ платить за квартиру, потому что дорого, и выѣхалъ. Первоприсутствующій. Вы помните обѣ эти личности? — Свидѣтельница Продьма. Могла бы припомнить.—Подс. Воронковъ. Я признаю свидѣтельницу.—Свид. Продьма. Этотъ жилъ, а потомъ приходилъ высокій блондинъ.—Подс. Млодецкій. Не я ли?—Свид. Продьма. Да, вы.—Прис. пов. Коршъ. Кромѣ этихъ лицъ, жила у васъ еще какая-нибудь женщина?—Свид. Продьма. Приходила какая-то молоденькая женщина, босая, въ крестьянской одеждѣ.—В. Какъ проводили они праздники?—О. Никогда не были дома. Къ нимъ приходили товарищи и уводили ихъ. Свидѣтельница не могла узнать изъ числа подсудимыхъ ту женщину, которая приходила. Прис. пов. Коршъ. Къ Воронкову приходилъ кто-нибудь?—Свид. Продьма. Иногда приходили.—В. Книгъ у него не видали?—О. Кромѣ сору, ничего не было, даже постели не было, на чемъ спать; двери у него всегда были закрыты.— В. Вы не показывали, что онъ запирался съ кѣмъ-то приходившимъ и говорили тихо?—О. Кажется, нѣтъ.—Первоприсутствующій. Г. защитникъ, вы не имѣете права дѣлать свидѣтельницѣ вопросъ въ такой утвер-

дительной формѣ. Вы можете ей предложить вопросъ въ обыкновенной формѣ, а не утвердительно.—Прис. пов. Коршъ. Я такъ сказалъ, чтобы она лучше поняла. (Къ свидѣтельницѣ). Гостей у него не бывало?—Свид. Продьма. Нѣтъ, приходили, но сейчасъ же уходили съ нимъ вмѣстѣ.—В. Можете узнать кого-нибудь изъ тѣхъ, кто приходилъ?—О. Нѣтъ. —Подс. Воронковъ. Чемодана у меня не было?—Свид. Продьма. У васъ была только одна поддевка.—В. Чтенія въ квартирѣ были?—О. Нѣтъ. Кромѣ гармоніи, я у васъ ничего не слыхала. (Засѣданіе было прервано до 11 часовъ утра слѣдующаго дня).

По просьбѣ прис. пов. Корша спрошена вновь свидѣтельница Продьма. Прис. пов. Коршъ. Когда васъ допрашивали въ Кіевѣ, вамъ предъявляли кого-нибудь изъ арестованныхъ?—Свид. Продьма. Фотографическія карточки показывали.—В. А въ лицо можете теперь узнать?—О. Теперь лица измѣнились. Времени прошло много. По карточкамъ узнаю.—Защита просила предъявить подсудимыхъ Ковалева и Григорія Александрова. Встаетъ подс. Ковалевъ. Свид. Продьма. Онъ приходилъ къ тому, который у меня квартировалъ.—Встаетъ подс. Григорій Александровъ. Свид. Продьма. Да, и этотъ приходилъ.—Подс. Александровъ. Я ни разу не былъ въ этомъ домѣ.—Свид. Продьма. Вы приходили и спрашивали меня, дома ли квартиранты?—Подс. Ковалевъ. Я даже не знаю, изъ какого города свидѣтельница. Ихъ домъ я совершенно не знаю.—Свид. Вѣтрова показала, что она поручила Богдановой сдать квартиру на Деміевкѣ въ своемъ домѣ. Вскорѣ Богданова дала знать, что квартиру она сдала какой-то женщинѣ. Свидѣтельница пришла, чтобы спросить паспортъ. Она застала еще какихъ-то двухъ женщинъ и мальчика. Женщины тотчасъ же ушли, а квартирантка сказала, что паспортъ у мужа и что онъ придетъ въ воскресенье и принесетъ. Свидѣтельница пришла въ воскресенье, но женщина сказала, что мужъ еще не приходилъ; потомъ она встрѣтила дочь Богдановой, которая ей сообщила, что жильцовъ уже нѣтъ въ квартирѣ. Женщина называлась курской мѣщанкой и говорила, что мужъ ея плотникъ и работаетъ гдѣ-то на Крещатикѣ. Изъ двухъ женщинъ, встрѣченныхъ на квартирѣ, свидѣтельница узнала въ одной акушерку, такъ какъ прежде мыла на нее бѣлье. Свидѣтельница спрашивала у жилицы, почему такъ скоро ушли эти двѣ женщины. Она сказала, что это горничныя и что имъ нужно итти на Крещатикъ. Осмотрѣвъ подсудимыхъ, свидѣтельница указала на Хоржевскую, какъ на свою жилицу, которая заявила, что признаетъ свидѣтельницу.—Свид. Сусанна Богданова показала, что разъ пришла по деревенски одѣтая женщина и спросила, нѣтъ ли квартиры. Свидѣтельница указала ей на комнатку въ домѣ Вѣтровой, которую та просила отдать. Женщина взяла ее. Съ ней была одна торбочка. Она сказала, что пришла изъ Курска къ мужу, который былъ въ Кіевѣ въ плотникахъ и долженъ былъ поступить на сахарный заводъ. Свидѣтельница дала знать Вѣтровой, которая приходила къ жилицѣ спрашивать паспортъ. Разъ, придя изъ города, свидѣтельница узнала отъ дочери, что жилицы уже нѣтъ. Вмѣстѣ съ нею находился какой-то мальчикъ въ масляной рубашкѣ. Она называла его братомъ. Приходили еще двѣ женщины. Мужчинъ никакихъ не видала. Квартира была занята осенью, передъ пріѣздомъ Государя.—Прочитаны показанія свидѣтеля Никифора Пахилевича и его жены. Изъ показаній, между прочимъ, видно, что къ нимъ приходила какая-то женщина съ братомъ и нанимала квартиру. По виду супруги думали, что женщина не въ состояніи будетъ платить за квартиру, а потому отказали, и согласились только позволить имъ переночевать. Они переночевали и ушли. Въ предъявленныхъ свидѣтелямъ княгинѣ Циціановой и Ковалевѣ они признали тѣхъ, которые приходили на-

нимать квартиру.—Подс. Хоржевская. Я на этой квартирѣ не жила, не ночевала ли—не помню.—Подс. Ковалевъ. Я на этой квартирѣ не былъ. —Свид. Марія Драгунова показала, что часто видѣла двухъ лицъ, бывавшихъ у Подгородецкаго. Одинъ назывался Михаилъ Петровъ, а другой Шаремскій. Они приносили Подгородецкому книги: «Богъ да Богъ», «Сказка о копейкѣ», «Сборникъ русскихъ пѣсенъ и стиховъ» и еще нѣсколько другихъ книгъ, заглавія которыхъ свидѣтельница не знаетъ. Она спрашивала Подгородецкаго, что это за личности, но онъ отвѣчалъ: это не твое дѣло; тебѣ это лишнее знать. Разъ назвалъ ихъ московскими студентами, а потомъ говорилъ, что они работали на вокзалѣ. Кромѣ того, свидѣтельница разъ видѣла, что приходила какая-то женщина. На имя Подгородецкаго было получено нѣсколько писемъ изъ Москвы и повѣстка съ деньгами для передачи Петрову. Подгородецкій говорилъ свидѣтельницѣ, что онъ познакомился съ Шаремскимъ на вокзалѣ, а черезъ него съ Петровымъ, который познакомилъ его еще съ однимъ господиномъ, съ рыжею бородой. Подгородецкій нерѣдко говорилъ, что недоволенъ этимъ знакомствомъ. Онъ ничѣмъ не занимался, но приносилъ по 10, 15 и 20 р., а откуда бралъ, свидѣтельница не знаетъ. Послѣднее время онъ получилъ мѣсто учителя и хотѣлъ ѣхать. Подгородецкій говорилъ, что книжки приносилъ большею частью Петровъ, сказывая, что самъ бралъ отъ рыжаго студента. Свидѣтельница признала подсудимыхъ Воронкова и Млодецкаго за видѣнныхъ ею Петрова и Шаремскаго.—Свид. Елизавета Хоржевская (сестра подсудимой) показала, что въ концѣ мая или началѣ іюня 1875 г. познакомилась въ Одессѣ черезъ свою сестру съ дѣвушкою, которая называлась Ольгой. Вмѣстѣ съ нею онѣ выѣхали изъ Одессы. Свидѣтельница отправлялась въ Петербургъ, чтобы поступить въ Надеждинское училище. Въ Кіевѣ остановились въ гостиницѣ, а потомъ перебрались на квартиру къ Гельфманъ. Свидѣтельница должна была остаться нѣсколько времени въ Кіевѣ, такъ какъ не хватило денегъ на дальнѣйшій путь, и она ожидала отъ отца. Ольга называлась Махоткиной. Въ тотъ же день, какъ перебрались къ Гельфманъ, Ольга уѣхала въ Москву, сказавъ свидѣтельницѣ, что она можетъ ее найти въ гостиницѣ Кокорева и просила привезти ей два платья. Получивъ деньги, свидѣтельница поѣхала въ Петербургъ, но въ Москвѣ узнала, что уже поздно и возвратилась назадъ. Придя въ Кіевѣ въ квартиру Гельфманъ, она была задержана. Въ Москвѣ она уже не застала Ольгу. Ей сказали, что она куда-то уѣхала съ господиномъ среднихъ лѣтъ. Свидѣтельницѣ предъявлены платья, изъ которыхъ она указала на два, которыя возила къ Ольгѣ.—Подс. Ольга Любатовичъ. Я признаю. Два, или три, или шесть платьевъ—мнѣ все равно.—Тов. оберъ-прок. (къ свид. Хоржевскому, отцу подсудимой). По какому поводу уѣхала ваша дочь Елизавета изъ Одессы? —Свид. Хоржевскій. Она была за границей, пріѣхала, сказала, что ей нужно ѣхать, и поѣхала.—В. Развѣ у васъ обѣ дочери, Александра и Елизавета, были за границей?—В. Елизавета не была.—В. Я спрашиваю о Елизаветѣ. —О. Она поѣхала по своимъ дѣламъ.—В. Не знаете ли, съ какою цѣлью?—О. Не могу знать. Она сказала, что ей нужно поѣхать, и поѣхала.—В. Вмѣстѣ съ нею никто не поѣхалъ?—О. Никто. — В. Не посѣщала ли вашъ домъ дѣвушка подъ именемъ Ольги?—О. Посѣщали знакомыя, но я на это вниманія не обращалъ. Имени и въ лицо ихъ не знаю.—Первоприсутствующій. Не можете ли сказать что-нибудь относительно брака вашей дочери?—Свид. Хоржевскій. Когда она пріѣхала изъ-за границы, она сказала; что желаетъ выйти замужъ. Я сказалъ: съ Богомъ. Пріѣхалъ женихъ; она мнѣ представила его, и въ теченіе двухъ недѣль состоялся бракъ.—Тов. оберъ-прок. За кого вышла ваша дочь? — Свид. Хоржевскій. За князя Циціанова.—В. Не можете ли узнать его здѣсь?—О. (осмот-

рѣвъ подсудимыхъ). Не могу вамъ сказать.—Подс. князь Циціановъ. Я заявляю, что не я былъ женихомъ. Я уговорился съ Хоржевской заключить фиктивный бракъ и просилъ своего знакомаго исполнить это за меня, такъ какъ самому мнѣ нельзя было ѣхать въ Одессу. Знакомый взялъ мои бумаги, чтобы совершить обрядъ.—Прис. пов. Зубаревъ (къ свидѣтелю). Приданое вы дали за дочерью?—Свид. Хоржевскій. Платье, бѣлье и вообще расходъ стоилъ 1500 р., изъ числа которыхъ я далъ ей деньгами только 200 р. на дорогу.—Первоприсутствующій. Подсудимая Хоржевская, что вы имѣете сказать?—Подс. Хоржевская. Я подтверждаю, что цѣль брака была не для полученія денегъ, такъ какъ денегъ я не получила, а бракъ былъ заключенъ съ тою цѣлью, чтобы отецъ вѣрилъ, что судьба моя вполнѣ обезпечена и не безпокоился обо мнѣ.—На этомъ былъ оконченъ допросъ свидѣтелей по дѣлу Тулы и Кіева.

Предъявлены и прочитаны двѣ депеши отъ имени Аристарховой на имя Гельфманъ и Медвѣдовскаго о томъ, чтобы не присылать въ Одессу и Москву ни одного письма. Депеши подсудимая Надежда Субботина признала за свои. Прочитано письмо изъ Москвы отъ 10 сентября слѣдующаго содержанія: «Милѣйшій другъ! Жду съ нетерпѣніемъ кого-нибудь на подмогу. Вы не можете себѣ представить мое ужасное положеніе. Напишите отъ себя Рыжему, чтобы онъ пріѣзжалъ, измѣнивъ предварительно свой наружный видъ и принявъ къ свѣдѣнію, что по прежнимъ мѣстамъ жительства ходить не надо,—on le cherche. Посылаю адресъ исключительно для послѣдняго: Демидовскій малый переулокъ, домъ Михайлова, второй отъ угла переулка, квартира наверху, во флигелѣ г-жи Майеръ, спросить Станчинскаго, тамъ спросить Антона, который ему укажетъ, куда идти. Черезъ нѣкоторое время я вамъ сообщу квартиру, на которую можно являться; но нужно замѣтить, что она общая съ гинебу и другими; чортъ возьми, какъ пакостно. Пиши сейчасъ по полученіи сего письма и получила ли деньги сполна на адресъ Миньэ. Мутруку напиши тоже, чтобы пріѣхалъ, но только не на этотъ адресъ, а зашелъ бы къ Миньэ, гдѣ узнаетъ мой адресъ. Была вчера у Ольги. Она, слава Богу, жива и здорова; волченокъ шлетъ поклонъ. Прощай. Напиши одесскій адресъ немедленно; je suis seule. Пусть извѣстятъ Эсеньани, чтобы онъ остерегался всего дурного». Подс. Надежда Субботина заявила, что это письмо не ея, такъ какъ она въ то время жила въ Одессѣ. Предъявлены различныя вещественныя доказательства, и въ числѣ ихъ, между прочимъ, рукопись подъ заглавіемъ «Человѣкъ, любящій правду» и «Разсказъ солдата», а также счетъ книгъ, ъ котораго извидно ихъ движеніе—приходъ и расходъ. Прис. пов. Зубаревъ обратилъ вниманіе суда на то, что въ числѣ вещественныхъ доказательствъ находятся документы Гельфманъ, посланные ей изъ Гадячской управы, которые были адресованы на имя Донецкой, съ передачей Гельфманъ. Прочитанъ обыскъ на сахарномъ заводѣ и экспертиза печатей. Первоприсутствующій. Подсудимый Григорій Александровъ, желаете дать какія-нибудь объясненія по поводу экспертизы?—Подс. Григорій Александровъ. Я уже вчера заявилъ, что относительно найденнаго у меня я показаній давать не желаю. По просьбѣ защиты, подсудимымъ Ковалеву и Хоржевской были предложены вопросы о томъ, былъ ли первый знакомъ съ Гельфманъ и если бывалъ у нея, то что дѣлалъ, и когда происходилъ разговоръ, о которомъ упоминается въ обвинительномъ актѣ, начинающійся словами: «весною и лѣтомъ онъ работалъ на сахарномъ заводѣ», и т. д., и по какому поводу вторая познакомилась съ Гельфманъ и какія у нихъ были отношенія? Подс. Ковалевъ. Относительно Хоржевской я долженъ заявить, что я квартировалъ на Деміевкѣ и не бывалъ въ Кіевѣ, такъ какъ у насъ не дозволено ходить съ завода, и я не имѣлъ счастія познакомиться ни съ

кѣмъ изъ нихъ и расхаживать. Потомъ я долженъ заявить, что книгъ не бралъ отъ Герасима Петрова, такъ какъ я неграмотный. Но, дѣйствительно, Герасимъ давалъ книги рабочимъ. Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ. Я былъ знакомъ съ нимъ еще до пожара на заводѣ. Подс. Хоржевская. Я познакомилась съ Гельфманъ въ кухмистерской. Это было не задолго до того, какъ Ольга Любатовичъ пріѣхала въ Кіевъ. Я встрѣчала ее въ кухмистерской нѣсколько разъ и бесѣдовала съ нею. Когда Любатовичъ пріѣхала въ Кіевъ и я встрѣтилась съ нею, то посовѣтовала ей нанять квартиру, такъ какъ въ гостинницѣ жить было дорого. Любатовичъ пошла искать квартиру и наняла. Но такъ какъ она должна была уѣхать и квартира оставалась пустою, то, чтобы не пропадать ей даромъ, при встрѣчѣ въ кухтистерской съ Гельфманъ, я предложила ей эту квартиру, и она согласилась взять ее. Сестры своей я не видала и просила, чтобы ей не говорили, что я въ Кіевѣ, потому что для нихъ въ то время я была на Кавказѣ. Прис. пов. Коршъ просилъ спросить подсудимаго Ковалева относительно его показанія о томъ, что Герасимъ Петровъ познакомилъ его съ Марьей и Николаемъ. Подс. Ковалевъ. Я не знаю, какой это Николай, я зналъ только одну Марью, которая называется теперь Хоржевской. Подс. Воронковъ. Въ обвинительномъ актѣ есть нѣсколько вопросовъ, которыхъ нельзя разъяснить на судебномъ слѣдствіи; тамъ сказано, что я познакомился съ Млодецкимъ на работѣ. Но я познакомился съ нимъ въ то время, когда жилъ подъ видомъ студента. Потомъ сказано, что съ Натальей Егоровой меня познакомилъ Млодецкій. Я не знаю, откуда произошла эта ошибка. Я этого не говорилъ; я сказалъ, что меня познакомилъ Подгородецкій, и такъ сказано въ протоколѣ. Ошибка произошла, можетъ быть, потому, что протоколъ очень большой, прокуроръ показывалъ много карточекъ, такъ что писавшій перемѣшалъ фамиліи. Я пришелъ къ Подгородецкому, который сказалъ, что Наталья беременна и не имѣетъ денегъ и что нѣтъ ли гдѣ-нибудь свободной квартиры. Я сказалъ, что у меня есть двѣ комнаты и въ одной она можетъ жить. Съ Подгородецкимъ я учился вмѣстѣ въ артиллерійскомъ училищѣ три года, значитъ, его хорошо зналъ. Подс. Млодецкій. На дознаніи я показалъ, что слышалъ о Гельфманъ еще въ Москвѣ. Это обстоятельство помѣщено въ обвинительномъ актѣ, и прокуроръ, повидимому, придаетъ этому обстоятельству большое значеніе. Дѣйствительно, я знакомъ былъ съ Вагинымъ, который переписывался съ Гельфманъ. Отъ него я слышалъ, что она живетъ въ Кіевѣ, и онъ совѣтовалъ мнѣ познакомиться съ нею. Такимъ образомъ я и познакомился. Подс. Воронковъ. Относительно писемъ я раньше говорилъ, что получалъ письма отъ брата и изъ Воронежа отъ родителей. Млодецкаго съ Подгородецкимъ познакомилъ я. Мои родители были не богаты. Пища моя была всегда: квасъ, лукъ, рѣдька. Я занимался обыкновенными домашними работами. Крыльцо нужно починить—я починю; вообще дѣлалъ все по хозяйству. Въ военной гимназіи я изучалъ разныя ремесла: столярное, переплетное и другія. У сестры въ деревнѣ я научился полевымъ работамъ. Умѣю косить такъ, что съ любымъ косцомъ поспорю. Вообще вся моя жизнь была такова, что физическій трудъ шелъ у меня наравнѣ съ умственнымъ образованіемъ. На этомъ основаніи обвинять меня въ томъ, что я пошелъ въ качествѣ рабочаго на желѣзную дорогу, будетъ не совсѣмъ удобно. Это все равно, какъ обвинять каменщика, что онъ кладетъ стѣну, или сапожника, что онъ шьетъ сапоги. Когда мнѣ нечего было ѣсть, я считалъ удобнымъ зарабатывать себѣ хлѣбъ простымъ физическимъ трудомъ, такъ какъ Подгородецкій, житель Кіева, получившій хорошее образованіе, не могъ найти себѣ уроковъ. Слѣдовательно, мнѣ уже не было никакой возможности зарабатывать деньги въ этой сферѣ. На этомъ осно-

ваніи, не имѣя денегъ, я поступилъ на вокзалъ, гдѣ получалъ рубль въ день. Я хочу еще сказать, почему я не сказалъ своей фамиліи при первомъ допросѣ. Родители мои—люди пожилые; отцу болѣе 80 лѣтъ. Въ семьѣ у насъ было четырнадцать человѣкъ, изъ которыхъ осталось только два сына. Я съ своей стороны, такъ же, какъ и они меня, уважаемъ другъ друга. Я слышалъ раньше, что если скажу, кто я, то произведутъ обыскъ и у родителей. Если къ нимъ придутъ ночью, съ шумомъ явятся жандармы, скажутъ: сынъ арестованъ по политическому дѣлу, то они не перенесутъ. Поэтому я скрылъ свою фамилію. А когда мнѣ сказали, что вопросъ о родителяхъ меня не касается и позволили мнѣ писать къ нимъ письма, въ которыхъ я постепенно приготовилъ ихъ, тогда я сказалъ свою фамилію. За то, что я не говорилъ фамиліи, меня содержали въ части, гдѣ мнѣ никакого содержанія не полагалось. Я получалъ только 5 коп. въ сутки и ѣлъ одинъ хлѣбъ, спалъ на голомъ полу, такъ какъ арестованъ былъ въ лѣтней одеждѣ и никакихъ вещей при мнѣ не было. Первоприсутствующій. Вы прежде служили гдѣ-нибудь? Подс. Воронковъ. Служилъ въ артиллеріи. —В. Что же васъ побудило выйти въ отставку и итти въ рабочіе?—О. Я вышелъ сначала по домашнимъ обстоятельствамъ: мое присутствіе тамъ было необходимо. Я полгода пробылъ дома. Потомъ я хотѣлъ изучить агрономію и поступилъ въ Петровскую Академію. Но такъ какъ я раньше зналъ эту науку, то оставался тамъ одинъ годъ и оставаться дольше считалъ излишнимъ. Этого года мнѣ было достаточно, чтобы осмотрѣть практическія занятія. Званіе, даваемое тамъ, не имѣетъ въ оффиціальномъ мірѣ никакого значенія. Еще и потому я считалъ излишнимъ тамъ оставаться, такъ какъ мѣстъ никакихъ не даютъ. Я скрылъ отъ родителей выходъ изъ академіи, почему долженъ былъ нѣсколько времени жить въ Москвѣ. Подс. Млодецкій. Обвинительный актъ указываетъ, что я долго скрывалъ свою фамилію и говоритъ, что только вслѣдствіе указанія Драгуновой фамилія открылась. Это совершенно не такъ было. Когда меня арестовали, я сказалъ, что я особенно взволнованъ грубостью жандармовъ и поэтому не хочу давать никакихъ показаній. Тогда прокуроръ сказалъ, что онъ принужденъ будетъ отправить меня въ качествѣ бродяги въ часть. На другой день я заявилъ свою фамилію. Только черезъ четыре дня меня начали допрашивать. Относительно 100 рублей я прошу спросить Александрова. Я заявляю, что приходилъ за ними по порученію Хоржевской, такъ какъ она указала, что Петровъ обязанъ былъ ихъ дать, потому что это деньги ея личныя. Подс. Хоржевская. Деньги дѣйствительно были мои, но находились на сохраненіи у Александрова. Подс. Г. Александровъ. Я подтверждаю показаніе Млодецкаго, а отъ прежнихъ своихъ показаній отказываюсь. При дѣлѣ имѣются блуза и рубашка, и я признаю ихъ за свои. Затѣмъ въ обвинительномъ актѣ сказано, что будто я показалъ, что встрѣчалъ Сидорацкаго въ обществѣ пропагандистовъ, между тѣмъ, я показалъ только, что его зналъ и что онъ бывалъ у меня на полигонѣ. Затѣмъ особое присутствіе приступило къ судебному слѣдствію по 4-й группѣ. Было прочитано нѣсколько актовъ осмотровъ и обысковъ подсудимыхъ и квартиръ. Первоприсутствующій. Подсудимый князь Цицiановъ, вы сдѣлали два выстрѣла?—Подс. кн. Цицiановъ.. Сдѣлалъ. Но я долженъ замѣтить, что какъ въ актѣ, такъ и въ протоколѣ говорится не такъ, какъ случилось. Я не знаю, почему обвинитель говоритъ, будто я явился сейчасъ же послѣдовательно послѣ Любатовичъ, тогда какъ актъ говоритъ противное. Я явился послѣднимъ. Увидѣвъ полицію, я прихлопнулъ дверь и побѣжалъ, и меня остановилъ не какой-то купецъ, а погнался за мной переодѣтый. Я упалъ на улицѣ, онъ схватилъ меня и притащилъ. Я обратился къ Ловягину и

спросилъ, гдѣ прокуроръ и есть ли предписаніе объ обыскѣ? Онъ сказалъ, что этого не требуется; тогда я заспорилъ съ нимъ и далъ два выстрѣла. Потомъ я хочу заявить, почему я пришелъ въ эту квартиру. Тамъ находилась моя сумка съ книгами и три револьвера. Я за этими вещами и зашелъ. Относительно же сказаннаго въ актѣ, что послѣ выстрѣла я случайно упалъ, то этого не было; меня свалили. Первоприсутствующій. Подс. Вѣра Любатовичъ, вы признаете, что...—Подс. Любатовичъ. Признаю себя виновною въ томъ, что я не желала убить Ѳедорова. Я вступилась за Циціанова, котораго они могли убить. Потомъ я хотѣла сдѣлать замѣчаніе относительно того, что въ актѣ невѣрно изложено. Говорятъ, что я пришла вмѣстѣ съ Циціановымъ. Это неправда. Я пришла сама и сидѣла до Циціанова часа 4. Послѣ меня пришелъ князь Кочекидзе (подсудимый Кардашевъ). Такъ что обвинять меня въ томъ, что я хотѣла убить, не можетъ быть и рѣчи объ этомъ. Свид. Григорій Галактіоновъ (швейцаръ гостиницы «Украйна») показалъ, что 11-го августа прошлаго года явились поручикъ Ловягинъ и помощникъ надзирателя Ѳедоровъ, пригласили Евтихіева и приступили къ обыску въ № 12-мъ. Въ это время заглянула въ номеръ какая-то дама и тотчасъ же пошла назадъ, но ее вернули. Потомъ пришелъ мужчина, который назвался княземъ Кочекидзе и подалъ поручику свой паспортъ. Его также пригласили остаться и онъ сѣлъ на диванъ. Затѣмъ пришелъ еще мужчина, который, заглянувъ въ номеръ, прихлопнулъ дверь и побѣжалъ, но черезъ нѣсколько времени онъ былъ приведенъ. На вопросъ, кто онъ, мужчина не давалъ отвѣтовъ, ходилъ по комнатѣ и щипалъ себѣ бороду, «дѣлая разныя выраженія». Когда поручикъ Ловягинъ, покончивъ писать, всталъ съ своего мѣста и просилъ подать пальто, тогда вдругъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, а затѣмъ другой. Свидѣтель послѣ перваго же выстрѣла подскочилъ къ стрѣлявшему и толкнулъ его подъ локоть, вслѣдствіе чего пуля пролетѣла въ окно надъ дверью. Послѣ этого свидѣтель ухватилъ стрѣлявшаго сзади, повалилъ на полъ, легъ на него и сталъ отнимать револьверъ. Указательный палецъ правой руки попалъ подъ курокъ и онъ долго не могъ освободить его. «Происшествіе стрѣльбы кончилось въ 4 часа пополудни.» Полиція явилась часовъ въ 11 утра и вскорѣ начался обыскъ. Когда свидѣтель, лежа на стрѣлявшемъ, отнималъ револьверъ, къ нему на помощь бросился Ѳедоровъ. «Я лежалъ сверху, а онъ сбоку.» Тогда на Ѳедорова бросилась барышня и стала царапать ему лицо. Ѳедоровъ вскочилъ и сталъ отбиваться. Ѳедоровъ—мужчина невысокаго роста, плотный, а женщина также небольшого роста, худощавая. Послѣ заарестованія этихъ лицъ, свидѣтелю было дано знать, что если кто придетъ и будетъ спрашивать Гамкрелидзе, то «останавливать и препровождать въ кварталъ черезъ полицію.» Такимъ образомъ было арестовано нѣсколько человѣкъ. Свид. Иванъ Евтихіевъ показалъ, что когда пришла полиція и его пригласили, то Гамкрелидзе дома не было. Принесли ключъ, отперли и приступили къ обыску. Вскорѣ пришла дама, которую задержали, потомъ явился мужчина, который назвалъ себя княземъ Кочекидзе и показалъ заграничный паспортъ. Затѣмъ пришелъ еще мужчина, который, заглянувъ въ номеръ, бросился бѣжать, но былъ остановленъ. Онъ былъ очень взволнованъ; ходилъ по комнатѣ, щипалъ себѣ бороду и «говорилъ разныя слова», которыхъ свидѣтель сказать на судѣ не можетъ. Когда Ловягинъ сталъ надѣвать шинель, раздался выстрѣлъ, а потомъ другой. «Всѣ бросились бѣжать, явились жандармы и полиція, и всѣ три лица были арестованы.» Когда свидѣтель вернулся въ номеръ, то стрѣлявшій былъ уже связанъ. Послѣ ареста было приказано задержать тѣхъ, кто будетъ спрашивать двѣнадцатый номеръ. Обыскъ начался въ половинѣ пятаго часаве чера, а окончился около восьми часовъ, арестованные уве-

дены около двѣнадцати часовъ ночи. Второй мужчина явился около семи часовъ вечера. Была сдѣлана очная ставка Евтихіеву и Галактіонову относительно времени обыска, но Галактіоновъ не могъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Онъ то говорилъ, что обыскъ начался въ 4-е часа, то, что Ловягинъ и Федоровъ пріѣхали утромъ и приступили къ обыску; Евтихіевъ остался при своемъ показаніи. Свид. Николай Власьевъ показалъ, что онъ квартировалъ въ гостиницѣ «Украйна.» Придя домой часа въ 4-е, ему въ подъѣздѣ встрѣтилась барышня, которая, миновавъ его, побѣжала. Въ корридорѣ его встрѣтилъ городовой и спросилъ, не видалъ ли онъ барышню. Онъ сказалъ и пошелъ въ свой номеръ. Напившись чаю, онъ вышелъ посмотрѣть, что дѣлается. Заглянувъ въ двѣнадцатый номеръ, онъ увидѣлъ, что встрѣтившаяся ему барышня сидитъ на диванѣ. Вдругъ мимо его пробѣжалъ какой-то господинъ по корридору; онъ бросился за нимъ; господинъ споткнулся и упалъ, и свидѣтель его остановилъ. Потомъ онъ опять ушелъ въ свой номеръ, но его попросили къ Ловягину. Онъ явился и разсказалъ, какъ задержалъ господина. Ловягинъ сказалъ: благодарю. «А барышня сидитъ и говоритъ мнѣ: вы отличились, поймали; вамъ за это пятачокъ на чай дадутъ. Я говорю: очень благодаренъ». Только что я хотѣлъ давать показаніе, вдругъ слышу выстрѣлъ, и я сейчасъ бросился бѣжать. Подс. Кардашевъ объяснилъ, что онъ зашелъ въ гостиницу, но ему сказали, что теперь чужихъ не принимаютъ. Онъ вышелъ изъ гостиницы, но на улицѣ его догналъ какой-то полицейскій и попросилъ вернуться. Онъ пришелъ. Прочитано слѣдующее показаніе помощника надзирателя 4 квартала Арбатской части, Ѳедорова: «Вчера, въ пятомъ часу пополудни, прапорщикъ московскаго жандармскаго дивизіона Ловягинъ пригласилъ меня въ домъ Миклашевскаго для обыска номера двѣнадцатаго. Прибывъ туда, двѣнадцатый номеръ оказался запертымъ; мы потребовали отъ него ключъ и затѣмъ вошли туда, пригласивъ съ собою, для присутствованія при обыскѣ, завѣдывающаго номерами въ домѣ Миклашевскаго, Евтихіева, и двухъ корридорныхъ—Гришина и Морозова. По обыску было найдено до двухъ сотъ экземпляровъ разныхъ книгъ противозаконнаго содержанія. Въ то время, когда составлялся по этому предмету протоколъ, какая-то барыня, задержанная по сему дѣлу, отворила дверь изъ корридора въ номеръ, посмотрѣла на насъ и затѣмъ побѣжала назадъ. Ловягинъ сказалъ мнѣ, чтобы я велѣлъ догнать эту барыню; я послалъ за ней городовыхъ. Тутъ корридорный Гришинъ сказалъ намъ, что барыня эта очень часто бывала у Гамкрелидзе, который занималъ номеръ, въ которомъ мы производили обыскъ. Вскорѣ барыню эту привели. Войдя въ номеръ, она начала съ того, что выругала насъ собаками и затѣмъ продолжала бранить насъ всячески; на вопросы Ловягина о ея званіи и жительствѣ она не отвѣчала и объяснила, что вообще отвѣчать намъ ничего не будетъ, затѣмъ Ловягинъ пригласилъ эту барыню остаться въ номерѣ. Мы продолжали заниматься своимъ дѣломъ; но минутъ черезъ десять въ номеръ заглянулъ какой-то неизвѣстный мужчина и также пошелъ назадъ; Ловягинъ приказалъ задержать и его; мужчина этотъ зашелъ въ номеръ и сказалъ свое званіе, мѣстожительство и отдалъ Ловягину свой паспортъ; онъ оказался князь Кочакидзе; велъ онъ себя прилично и никому никакихъ оскорбленій не дѣлалъ. Ловягинъ пригласилъ и его остаться въ номерѣ. Послѣ того уже около восьми часовъ вечера, когда мы уже оканчивали протоколъ обыска, въ номеръ заглянулъ изъ корридора еще какой-то неизвѣстный мужчина и затѣмъ быстро побѣжалъ назадъ отъ номера по корридору; это мнѣ показалось очень подозрительно и я велѣлъ бывшимъ въ корридорѣ городовымъ, Вдовину и Чибисову, поймать его и привести. Городовые привели его къ намъ, сказавъ, что его уже задержалъ на подъѣздѣ купецъ Власьевъ; вслѣдствіе этого

былъ приглашенъ къ намъ и Власьевъ для отобранія показанія. Приведенный неизвѣстный мужчина былъ крайне взволнованъ; какъ только онъ вошелъ въ номеръ, разбранилъ насъ собаками, затѣмъ сталъ быстро ходить по комнатѣ и какъ-то неестественно щипалъ свою бороду; на вопросы Ловягина о его званіи и мѣстожительствѣ, онъ не отвѣчалъ и вообще отъ дачи какихъ бы то ни было отвѣтовъ отказался. Послѣ этого, минутъ черезъ пять, Ловягинъ кончилъ протоколъ и, подойдя къ отворенной двери изъ номера въ корридоръ, позвалъ меня и сталъ говорить мнѣ вполголоса, чтобы я остался здѣсь, караулилъ бы трехъ задержанныхъ лицъ и найденныя по обыску книги, а самъ онъ поѣдетъ за жандармами, съ которыми и отправитъ задержанныхъ лицъ въ жандармское управленіе. Въ это время задержанный неизвѣстный мужчина, стоя возлѣ кровати, выхватилъ изъ-подъ надѣтаго на немъ платья револьверъ и выстрѣлилъ изъ него по направленію въ меня и Ловягина; пуля въ насъ не попала, пролетѣвъ черезъ отворенную дверь въ корридоръ, гдѣ ударилась въ каменную стѣну. Я и бывшіе тутъ городовые Вдовинъ, Чибисовъ и купецъ Власьевъ бросились на стрѣлявшаго, онъ въ это время еще разъ выстрѣлилъ по тому же направленію, но кто-то изъ насъ толкнулъ его подъ руку, въ которой онъ держалъ револьверъ, а потому пуля прошла выше, черезъ стекло надъ дверью и ударилась въ верхнюю часть каменной стѣны въ корридорѣ. Власьевъ ушелъ, а я съ двумя городовыми, желая обезоружить стрѣлявшаго, схватились съ нимъ; между нами произошла свалка, всѣ мы упали на полъ; въ такомъ положеніи ноги мои находились подъ городовыми, а руками я держалъ стрѣлявшаго за руку, въ которой былъ револьверъ; тогда задержанная барыня, видя мое беззащитное положеніе, сѣла возлѣ меня, одной рукой стала душить меня за шею, а другою за горло, такъ что я не могъ дышать. Наконецъ, чрезъ нѣсколько времени намъ удалось сладить съ стрѣлявшимъ, въ то время и барыня бросила душить меня. Отнявъ револьверъ, я приказалъ связать стрѣлявшаго, и когда его связали, то обыскалъ, и когда вынулъ изъ кармана его брюкъ складной ножикъ, то онъ сказалъ мнѣ: «Очень радъ, что убилъ одну собаку, и жалѣю, что не убилъ тебя: этотъ ножикъ былъ предназначенъ для этого; впрочемъ, еще не уйдешь, будетъ тебѣ тоже». Затѣмъ, по просьбѣ прис. пов. Спасовича, прочитаны слѣдующія четыре показанія: I. «Звать меня Николаемъ Николаевичемъ, фамилія Ловягинъ, прапорщикъ московскаго жандармскаго дивизіона, вѣроисповѣданія православнаго, 25 лѣтъ, подъ судомъ не былъ, живу въ Каретномъ ряду, въ Косомъ переулкѣ, въ домѣ Яковлева. Съ четвертаго часа дня сего числа я, по порученію начальства, производилъ по политическому дѣлу обыскъ въ номерѣ двѣнадцатомъ меблированныхъ комнатъ въ домѣ Миклашевскаго, занимаемаго дворяниномъ Гамкрелидзе; обыскъ производился въ отсутствіи послѣдняго и для присутствованія при обыскѣ были приглашены мною помощникъ надзирателя 4 квартала Арбатской части, понятые люди, корридорные при домѣ Миклашевскаго — Иванъ Ивановъ Гришинъ, Иванъ Васильевъ Морозовъ и завѣдывающій домомъ Миклашевскаго, Иванъ Дмитріевъ Евтихѣевъ. Обыскъ я кончилъ часамъ къ девяти вечера и составлялъ по этому предмету актъ; по обыску было найдено то, что предполагалось найти. Мнѣ оставалоєь только подписать свою фамилію, какъ изъ корридора заглянула въ номеръ неизвѣстная мнѣ женщина, нынѣ задержанная по сему дѣлу, и, увидавъ меня, бросилась назадъ. Корридорный Иванъ сказалъ мнѣ, что женщина та близкая особа къ Гамкрелидзе и часто у него бываетъ; мнѣ слѣдовало по моей обязанности задержать ее впредь до разслѣдованія, какъ лицо близкое къ Гамкрелидзе, который обвинялся по политическому дѣлу, а потому я приказалъ задержать эту женщину; ее догнали уже на Спиридоновкѣ и пригласили ко мнѣ. Я спро-

силъ ее, кто она, гдѣ живетъ и чѣмъ занимается; она положительно отказалась отъ дачи какихъ бы то ни было отвѣтовъ и бранила меня самыми скверными словами; я послалъ за городовыми, чтобы препроводить задержанную женщину въ жандармское управленіе; въ то время посмотрѣлъ изъ корридора въ номеръ еще неизвѣстный человѣкъ и затѣмъ, увидавъ меня, отстранился, вѣроятно, тоже хотѣлъ уйти, но я пригласилъ его войти. Онъ вошелъ и на вопросы мои объяснилъ свою фамилію, свое званіе и подалъ мнѣ свой паспортъ; онъ оказался князь Кочекидзе и на вопросъ мой объяснилъ, что онъ пришелъ къ Гамкрелидзе, какъ къ своему хорошему знакомому. Я долженъ былъ, по своей служебной обязанности, задержать и его, о чемъ ему и объявилъ; затѣмъ былъ приглашенъ письмоводитель квартала для составленія акта о задержаніи означенныхъ женщины и Кочекидзе, а самъ я прдеполагалъ ѣхать за жандармами, съ которыми слѣдовало препроводить задержанныхъ лицъ въ жандармское управленіе. Въ то время заглянулъ изъ корридора въ номеръ еще неизвѣстный человѣкъ, впослѣдствіи въ меня стрѣлявшій, и также, увидавъ меня, пошелъ назадъ. Корридорный Гришинъ сказалъ мнѣ, что и этотъ господинъ бывалъ у Гамкрелидзе. Я послалъ двухъ городовыхъ и бывшаго тутъ же купца Власьева пригласить его ко мнѣ; его привели въ номеръ минутъ черезъ восемь; онъ былъ очень разсерженъ, сталъ кричать, какъ смѣли его задержать. Я объяснилъ ему причину приглашенія его ко мнѣ и просилъ его объяснить мнѣ о своемъ званіи и жительствѣ. Онъ отказался отъ дачи отвѣта, а только продолжалъ бранить меня. Я сказалъ помощнику надзирателя, чтобы онъ имѣлъ караулъ надъ означенными тремя лицами, а самъ собрался ѣхать за жандармами для препровожденія задержанныхъ лицъ въ жандармское управленіе, и только что я подошелъ къ двери, ведущей изъ номера корридора—она была уже отворена,—какъ послѣдній пришедшій мужчина выстрѣлилъ въ меня. Это меня, конечно, озадачило. Затѣмъ онъ выстрѣлилъ въ меня въ другой разъ; пуля пролетѣла возлѣ праваго уха такъ близко, что я почувствовалъ сильный обжогъ и упалъ на колѣно, и на меня упалъ городовой, державшій мою шинель. Во время выстрѣловъ стрѣлявшій стоялъ возлѣ коммода. Бывшіе при этомъ свидѣтели схватили стрѣлявшаго и тѣмъ прекратили ему дальнѣйшую возможность стрѣлять въ меня. Изъ чего стрѣлялъ въ меня неизвѣстный человѣкъ, объяснить не могу—не замѣтилъ этого. Показанное мною готовъ подтвердить подъ присягою. Послѣ происшествія я немедленно отправился въ жандармское управленіе заявить о случившемся и затѣмъ тотчасъ возвратился назадъ». — II. «Звать меня Егоръ Андреевъ, фамилія Вдовинъ, унтеръ-офицеръ штаба московской полиціи, служу городовымъ въ 4 кварталѣ Арбатской части, вѣроисповѣданія православнаго, 48 лѣтъ, подъ судомъ не былъ, грамотѣ не знаю. Вчера вечеромъ, часу въ седьмомъ за мной прислалъ помощникъ надзирателя, нашего квартала изъ дома Миклашевскаго, чтобы я туда пришелъ: я тотчасъ отправился туда. Помощникъ надзирателя, прапорщикъ московскаго жандармскаго дивизіона, Ловягинъ, были въ № 12, они тамъ производили обыскъ, и когда я пришелъ, то писали протоколъ; тамъ были понятые, городовые Чибиковъ и Лебедевъ, какая-то неизвѣстная тамъ барыня, задержанная по сему дѣлу, и неизвѣстный мужчина, оказавшійся впослѣдствіи князь Кочакидзе. Прапорщикъ Ловягинъ приказалъ мнѣ съ другими городовыми караулить двухъ послѣднихъ лицъ, и потому я остался въ номерѣ. Вскорѣ еще какой-то неизвѣстный мужчина посмотрѣлъ изъ корридора въ номеръ и затѣмъ, посмотрѣвъ, побѣжалъ назадъ; Ловягинъ приказалъ мнѣ догнать его и привести въ номеръ. Я побѣжалъ его догонять, за мной городовой Чибисовъ; сбѣжавъ въ швейцарскую, окозалось, что человѣка того уже

задержалъ на подъѣздѣ какой-то купецъ. Этого человѣка мы привели въ № 12. Онъ отказался дать отвѣты Ловягину и не сказалъ своего званія, своей фамиліи и своего мѣста жительства. Человѣкъ этотъ былъ очень взволнованъ, все рвалъ себѣ бороду и бранилъ бывшихъ въ номерѣ прапорщика Ловягина и помощника надзирателя. Наконецъ, послѣ этого Ловягинъ собрался куда-то ѣхать и подошелъ къ самой двери, ведущей изъ номера въ корридоръ, которая была отворена. Только что Ловягинъ подошелъ къ двери и велѣлъ подать себѣ шинель, какъ приведенный нами неизвѣстный человѣкъ, стоявшій возлѣ кровати, не болѣе какъ въ четырехъ шагахъ отъ Ловягина, выхватилъ откуда-то у себя револьверъ и выстрѣлилъ прямо въ Ловягина; но пуля прошла мимо чрезъ отворенную дверь въ корридоръ и ударилась въ каменную стѣну корридора. Послѣ перваго же выстрѣла я и другіе, бывшіе въ номерѣ, но кто именно, въ суматохѣ не замѣтилъ, бросились на стрѣлявшаго. Въ то время онъ еще выстрѣлилъ изъ того же револьвера по направленію къ Ловягину, но кто-то изъ бросившихся на него толкнулъ его руку, въ которой онъ держалъ револьверъ, и пуля не достигла своего назначенія. Она прошла выше, чрезъ стекло надъ дверью, и также ударилась въ каменную стѣну корридора. Тутъ уже мы схватили стрѣлявшаго, произошла свалка: стрѣлявшій, я и еще кто-то упали на полъ; я старался вырвать у него револьверъ, но онъ меня кусалъ и старался не дозволить этого, а самъ, между прочимъ, кричалъ: «жаль, если я не убилъ его». Наконецъ, съ трудомъ удалось вырвать у него револьверъ; затѣмъ мы его связали. Въ этой суматохѣ я не замѣтилъ, душила ли задержанная барыня нашего помощника надзирателя. Болѣе мнѣ по сему дѣлу ничего неизвѣстно; все же мною показанное готовъ подтвердить подъ присягою.» Остальныя два показанія, городовыхъ Григорія Чибисова и Петра Лебедева, совершенно сходны съ предыдущимъ показаніемъ унтеръ-офицера Вдовина, за исключеніемъ только одного обстоятельства въ показаніи городового Лебедева, который сказалъ: «Когда мы возились на полу и помощникъ надзирателя Ѳедоровъ съ нами, то задержанная женщина накинулась на послѣдняго и стала щипать его за шею и горло.» Прочитанъ протоколъ обыска квартиры Кардашева, причемъ, между прочимъ, найдены: кистень, 8545 р. денегъ и билетъ на имя Тумановой въ 1100 руб. съ переводомъ. Первоприсутствующій. Подсудимый Кардашевъ, эти деньги дѣйствительно найдены въ вашей квартирѣ?—Подс. Кардашевъ. Да, я самъ просилъ сдѣлать обыскъ.—В. Вы назывались княземъ?—О. Да, это былъ единственный мой видъ. Затѣмъ былъ прочитанъ протоколъ обыска квартиры Зедгенидзе въ домѣ Толстой, при которомъ найдены были слѣдующіе предметы: большой незаряженный револьверъ, какой-то бѣлый порошокъ въ синей коробкѣ, три сигнатурки для наружнаго употребленія на имя г. Цвиленева; до 60-ти экземпляровъ разныхъ книгъ и брошюръ, большею частью революціоннаго содержанія, въ числѣ коихъ находились: «Историческое развитіе интернаціонала»; «По поводу самарскаго голода»; «Русской соціально-революціонной молодежи»; «Гражданская война во Франціи»—Карла Маркса; «Бунтъ Стеньки Разина»—Костомарова; «Послѣдняя революція»—Гамбона; «Лѣтопись народнаго движенія»; «Очерки политической экономій»—Чернышевскаго; «Правительство и молодое поколѣніе»; «Руководство сельскимъ кузнецамъ и слесарямъ»; «Очерки фабричной жизни»—Галицинскаго; «Записки декабристовъ»; газета «Колоколъ»; «Прокламаціи въ память людямъ 14-го декабря 1825 года»; «Къ офицерамъ русской арміи»; «Къ женщинамъ»; «Къ дворянству»; «Изданіе Общества Народной Расправы»; брошюра «Ходъ судебъ»; «Въ память столѣтія Пугачевщины»; «Письма безъ адреса»—Чернышевскаго; «Программа работниковъ»; «Задачи революціонной пропаганды въ Рос-

сіи»—Ткачева; журналъ «Впередъ»; «Хитрая механика»; «Сказка о четырехъ братьяхъ»; «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ»; «Сказка о копейкѣ»; «Богъ-то Богъ»; «Дѣдушка Егоръ»; «Стенька Разинъ»; «Вольный атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ»; «Исторія французскаго крестьянина»; «Антропологическій принципъ философіи»—Чернышевскаго; «Чтой-то братцы»; газета «Работникъ»; литографированный экземпляръ «Политической программы западно-европейской демократіи»; прошнурованные документы дворянина Николая Цвиленева. Затѣмъ найдены свидѣтельства Н. Ф. Цвиленева; аттестатъ его же; довѣренность на имя его отца отъ дочери; двѣ книжки на имя слушателя технологическаго института С. Златопольскаго и М. Хоимскаго; свидѣтельство на имя сына губернскаго секретаря А. Б. Шатрова; листъ гербовой бумаги рублеваго достоинства, мытый, съ печатью внизу какого полицейскаго управленія, съ отмѣткой сбоку карандашемъ: «Полякову»; вытравленный бланкъ плакатнаго паспорта съ печатью внизу какой-то мѣщанской управы; вытравленный бланкъ плакатнаго паспорта съ двумя вытравленными на оборотѣ штемпелями явки въ кварталѣ, изъ коихъ на одной читается ясно слово «Хамовнической»; записная книжка съ вложенными въ оную записками и фотографическою карточкою Пугачева; слѣпокъ съ печати на бумагѣ Юхновскаго уѣзда, Дубровскаго волостного правленія. Въ прихожей комнатѣ найдены три корзинки съ ранымъ женскимъ платьемъ и бѣльемъ, въ которомъ оказались: фотографическая карточка съ надписью на оборотѣ «Назаровой» и внизу «Суббот.»; брошюра на французскомъ языкѣ: «Нечаевъ, политическій онъ преступникъ или нѣтъ.» Затѣмъ перечислены еще нѣсколько найденныхъ вещей, и между прочимъ слѣдующія французскія книги: «Aide-toi toi-même» «Les huit journés de Mai» и брошюра, начинающаяся словами Notre Association и т. д. Кромѣ того, найдены четыре дамскія шляпки; цвѣты вѣнчальные въ коробкѣ, розовая тафта для подножекъ при бракѣ, икона Божіей Матери въ серебряной ризѣ. Первоприсутствующій. Подсудимый князь Цицiановъ, вы жили подъ именемъ Зидгенидзе?—Подсудимый князь Цицiановъ. Проживалъ.—В. Вещи, означенные въ протоколѣ, найдены дѣйствительно у васъ?— О. Эти вещи находились у меня, но я не былъ при обыскѣ. Мнѣ предложили присутствовать при обыскѣ, но такъ какъ самъ хозяинъ—Гамкрелидзе отсутствовалъ, то я отказался быть при обыскѣ, предоставивъ его полиціи, но я не отказывался давать показанія по тѣмъ вещамъ, которыя найдутся у меня. Между тѣмъ, до сихъ поръ вещей мнѣ никакихъ не представляли и не требовали никакихъ объясненій. Я долженъ дать объясненіе по нѣкоторымъ вещамъ, потому что тамъ есть нѣкоторыя вещи Цвиленева, и указать, при какихъ обстоятельствахъ онѣ попали на мою квартиру. Съ Цвиленевымъ я познакомился въ первыхъ числахъ августа 1875 года на курской желѣзной дорогѣ. Я вошелъ въ вагонъ, кажется, на послѣдней станціи къ Москвѣ. Разговорившись съ нимъ, мы познакомились и съ вокзала поѣхали вмѣстѣ на одномъ извозчикѣ. Я сообщилъ ему одинъ фактъ, который вычиталъ изъ «Экспедиціи шефа жандармовъ». Онъ попросилъ у меня «Экспедицію» для прочтенія. Я далъ, и мы разстались, уговорившись встрѣтиться на Никитскомъ бульварѣ, куда онъ обѣщалъ принести назадъ «Экспедицію». Такъ какъ у меня не было квартиры, то мы и условились видѣться на бульварѣ. 9-го августа мы сошлись и я, взявъ у него рукопись, пригласилъ къ себѣ въ домъ Толстой, гдѣ я нанялъ квартиру съ 6-го августа. Онъ оставался у меня около получаса. Въ это время я, желая поручить кому-нибудь чемоданъ, въ которомъ находились революціонныя книги, спросилъ, не знаетъ ли онъ кого-нибудь или не можетъ ли поставить въ свою квартиру на нѣсколько дней. Онъ указалъ мнѣ свой адресъ и взялъ съ собою двѣ рукописи: о солдатѣ и корреспон-

денцію изъ Кіева о безпорядкахъ въ Чигиринскомъ у. 9-го же числа я отвезъ къ нему чемоданъ и сказалъ, что 10-го зайду за рукописями. Утромъ 10-го числа я взялъ у него корреспонденцію, а рукопись о солдатѣ онъ обѣщалъ возвратить черезъ нѣсколько дней, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ запереть въ мой чемоданъ его вещи: дорожную сумку и свертокъ бумагъ. Я положилъ ихъ въ чемоданъ. При уходѣ онъ позвалъ хозяйку, показалъ ей меня и сказалъ, что если я приду безъ него, то чтобы она отдала чемоданъ. 11 числа я узналъ отъ одного оффиціальнаго лица, который присутствовалъ при арестѣ Цвиленева, что онъ арестованъ. Я тотчасъ же отправился на его квартиру, чтобы взять чемоданъ для того, чтобы ради моихъ вещей ему не пришлось отвѣчать. Хозяйки въ то время не было дома, я обождалъ съ полчаса; она пришла и спросила о Цвиленевѣ: кто этотъ господинъ и куда онъ ушелъ? Я сказалъ, что это студентъ и въ настоящее время находится на дачѣ; взялъ свои вещи и отправился къ себѣ на квартиру. Желая всѣ подозрительныя вещи унести изъ квартиры, я уложилъ ихъ въ этотъ же чемоданъ, причемъ развернулъ вещи Цвиленева. Такимъ образомъ, легко могло случиться, что я смѣшалъ свои вещи съ его. Но изъ вещей, найденныхъ въ этомъ чемоданѣ, мнѣ принадлежали: два вытравленныхъ вида, записная книжка и нешифрованные адресы, а потомъ мелкія записки. Что касается рукописи о солдатѣ, то хотя она приписывается Вѣрѣ Любатовичъ, но я заявляю, что она объ ней не знала. Я знаю лицо, которое писало рукопись, но указать его не могу.—На вопросъ защиты о томъ, какимъ образомъ къ подсудимому попали женскія вещи, князь Циціановъ объяснилъ, что онъ проживалъ на дачѣ у своего пріятеля, которому пришлось выѣхать изъ Москвы. На время своего отсутствія онъ поручилъ ему корзинку съ вещами и кое-какую мебель. Все это онъ перевезъ къ себѣ на квартиру. Потомъ Гамкрелидзе занесла нѣсколько платьевъ, которыя онъ также положилъ въ корзинку. Первоприсутствующій. Подсудимый Цвиленевъ, какимъ образомъ попалъ вашъ чемоданъ на квартиру Циціанова? Подс. Цвиленевъ. Я имѣлъ случай объяснить какимъ образомъ, но теперь я сдѣлаю слѣдующія измѣненія. Когда я спросилъ въ жандармскомъ управленіи, за что я задержанъ, мнѣ сказали, что по обвиненію въ тайномъ обществѣ. А я никакой администраціи въ то время и не предполагалъ. Потомъ я не указалъ на квартиру при дознаніи вслѣдствіе того, что съ нею было связано посѣщеніе моей сестры. Въ настоящее время я совершенно подтверждаю показаніе Циціанова и повторяю, что дѣйствительно было такимъ образомъ. — Прочитаны актъ о задержаніи назвавшагося Вернеромъ, который явился на курскій вокзалъ желѣзной дороги за полученіемъ товара, которымъ оказались книги преступнаго содержанія, и протоколъ обыска квартиры Вернера. Первоприсутствующій. Подсудимый Зановичъ, вы были задержаны на станціи? Подс. Зановичъ. Я.—В. И у васъ были найдены перечисленныя въ протоколѣ вещи?—О. Да, у меня.—Свид. Яковъ Поршаковъ (швейцаръ меблированныхъ комнатъ Гурьева) показалъ, что пріѣхалъ господинъ, назвавшійся фамиліею Вернеръ, занялъ номеръ, велѣлъ отнести туда чемоданъ и самъ ушелъ. Трое сутокъ его не было; явилась полиція и опечатала чемоданъ. Свид. Гурій Линьковъ показалъ, что служитъ въ гостиницѣ въ городѣ Орлѣ. Разъ пріѣхали два господина, заняли комнату № 16 и вскорѣ ушли. Послѣ обѣда пришла какая-то дѣвушка и спросила № 16. Она хотѣла дождаться, но свидѣтель не пустилъ ее въ номеръ. Она ушла. Черезъ нѣсколько времени явились жильцы и съ ними двѣ дѣвушки и приказали подать самоваръ. Вечеромъ одинъ изъ жильцовъ уѣхалъ. Дня черезъ два господинъ попросилъ перевести его въ номеръ подешевле. Свидѣтель перевелъ, а потомъ черезъ нѣсколько времени постоялецъ уѣхалъ. Это было

въ іюлѣ и августѣ.—Подс. Кардашевъ и князь Цицiановъ заявили, что они вмѣстѣ были въ Орлѣ. Свид. Сергѣй Новиковъ (другой служитель той же гостиницы) подтвердилъ показаніе предыдущаго свидѣтеля, причемъ добавилъ, что жившій нѣсколько дней былъ князь Кочакидзе, какъ было означено въ его паспортѣ. Свид. Софья Краснова показала, что она жила въ прислугахъ у хозяйки Эйнбродтъ, гдѣ жила Субботина, а потомъ была записана Фигнеръ, и еще одна женщина приходила. На вопросъ, жила ли Вѣра Любатовичъ, свидѣтельница отвѣтила отрицательно. Затѣмъ, осматривая подсудимыхъ, она указала на Фигнеръ, какъ на ту, которая приходила, и на Вѣру Любатовичъ, какъ на ту, которая жила подъ именемъ Фигнеръ.—Подс. Евгенія Субботина заявила, что она жила у Эйнбродтъ, а Марья Субботина—что она бывала тамъ. Первая объяснила, что она переѣхала къ Эйнбродтъ и жила съ сестрою. Имѣя намѣреніе уѣхать въ Петербургъ и встрѣтясь съ Фигнеръ, она предложила ей взять квартиру, и она взяла. Послѣ этого подсудимая уѣхала въ Петербургъ, а сестра ея—въ деревню. Это было въ маѣ. Фигнеръ подтвердила показаніе Евгеніи Субботиной. Прис. пов. Бардовскій заявилъ, что Фигнеръ показывала, что она приняла квартиру отъ Евгеніи Субботиной, а, между тѣмъ, въ обвинительномъ актѣ сказано, что она сдала Марьѣ Субботиной. Тов. оберъ-прок. замѣтилъ, что на дознаніи, какъ это изложено въ обвинительномъ актѣ, Фигнеръ показала, что она приняла квартиру отъ Марьи Субботиной. Прис. пов. Бардовскій возразилъ, что законъ запрещаетъ читать, а, слѣдовательно, и разсказывать на судѣ показанія подсудимыхъ, данныя на предварительномъ слѣдствіи. Тов. оберъ-прок. объяснилъ, что рѣшеніями угол. касс. департамента Правительствующаго Сената неоднократно было разъяснено, что показаніе подсудимаго, данное на предварительномъ слѣдствіи и внесенное въ обвинительный актъ, служитъ предметомъ судебнаго слѣдствія и провѣряется допросомъ подсудимаго, а потому ссылка на него сторонъ не составляетъ нарушенія закона. Въ силу такого толкованія обвиненіе имѣетъ полное право ссылаться на показанія обвиняемаго, занесенныя въ актъ. Прис. пов. Бардовскій замѣтилъ, что на основаніи рѣшеній Сената дозволяется читать показаніе подсудимаго только въ томъ случаѣ, если онъ самъ этого потребуетъ. Подс. Фигнеръ. Я проживала тамъ и приняла квартиру отъ Евгеніи Субботиной. Я, дѣйствительно, на дознаніи показала, что приняла квартиру отъ Марьи Субботиной, но на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Тов. оберъ-прок. обратилъ вниманіе особаго присутствія, насколько правильно было заявленіе защиты. (Засѣданіе прервано до 11 час. слѣдующаго утра).

Тов. оберъ-прок. указалъ на имѣющіеся въ дѣлѣ документы, а именно справки изъ домовыхъ книгъ, виды на жительство и проч., изъ которыхъ видно, въ какое время и гдѣ проживали Субботины, Кардашевъ и Чекоидзе; что Марья Субботина жила въ гостиницѣ Шевалдышева, 5 мая переѣхала въ домъ Эйнбродтъ, гдѣ прожила до 26 мая, а съ того времени въ этой квартирѣ поселилась Фигнеръ и прожила до 6 августа. Тѣми же справками доказывается, что въ февралѣ 1875 г. въ гостиницѣ Шевалдышева проживалъ Кардашевъ у Чекоидзе.—Свид. Иванъ Жоховъ показалъ, что жильцы проживали въ домѣ Толстой семь дней и 11 августа скрылись неизвѣстно куда. Спустя два дня, онъ на третій утромъ объявилъ объ этомъ управляющему, который сказалъ, что нужно заявить въ кварталъ. Свидѣтель хотѣлъ идти со двора, но ему встрѣтился поручикъ и спросилъ: всѣ ли жильцы дома. Онъ отвѣтилъ, что не всѣ. Пошли въ часть, куда пріѣхалъ судебный слѣдователь и взялъ свидѣтеля за Бутырскую заставу. Тамъ онъ призналъ господина и дѣвушку, а потомъ въ жандармскомъ управленіи узналъ послѣднюю. Тов. оберъ-прок. Кто нанималъ у васъ квартиру?

Свид. Жоховъ. Двое мужчинъ и одна дѣвушка.—В. Оба господина жили? —О. Оба.—В. У кого былъ ключъ отъ квартиры? — О. У дѣвушки. Она больше ихъ приходила.—В. Когда мужчины приходили домой, случалось, что квартира была заперта?—О. Другой разъ придутъ, спросятъ: дѣвушка здѣсь? Я скажу, что нѣтъ; они вернутся и послѣ приходятъ съ нею вмѣстѣ. Прис. пов. Хартулари. Вы говорите, что всѣ трое жили въ квартирѣ? Свид. Жоховъ. Всѣ.—В. Не помните ли, не показывали ли вы иначе, а именно, не говорили ли, что жили только одинъ мужчина и женщина, а другой мужчина лишь приходилъ? — О. Никакъ нѣтъ. Трое приходили; я квартиру показывалъ. Первоприсутствующій. Вы хорошо ли помните, что въ теченіе этихъ семи дней жили постоянно двое — мужчина и женщина, а третій только приходилъ, или... Свид. Жоховъ. Они всѣ жили постоянно. Всѣ трое приходили ночевать въ квартиру. Ну, а иной разъ и не замѣтишь. Прис. пов. Хартулари просилъ прочитать изъ дознанія показаніе свидѣтеля. Тов. оберъ-прок. призналъ, что, дѣйствительно, на дознаніи Жоховъ показалъ, что жили мужчина и женщина, другой же только приходилъ, т. е. приходилъ Кардашевъ. — Защита этимъ объясненіемъ была удовлетворена. Прочитанъ протоколъ осмотра бумагъ Цвиленева, по которому оказалось: въ связкѣ съ надписью «Изъ чемодана Цвиленева»: 1. два бланка плакатныхъ паспортовъ съ приложенными на нихъ печатями, но вытравленнымъ текстомъ, слѣды коего ясно замѣтны; на оборотѣ одного ясно замѣтны слѣды двухкратной прописки паспортовъ въ полиціи, причемъ на одной ясно читается: «Хамовнической части, домъ №, записанъ... надзиратель». Въ одномъ изъ этихъ бланковъ былъ вложенъ на клочкѣ бумаги, на оборотѣ исписанной, оттискъ печати «Оханскаго уѣзда, добровскаго волостного правленія», очевидно, фальшивый. 2. Два листа гербовой бумаги рублеваго достоинства и листъ простой бумаги; на одномъ изъ гербовыхъ листовъ написано: «свидѣтельство, выданное изъ херсонскаго городского полицейскаго управленія на прожитіе сыну губернскаго секретаря Александру Борисову Шатрову, за № 164» и съ приложеніемъ голубой печати, но безъ означенія въ оставленномъ пробѣлѣ «года, мѣсяца и числа», а потому, очевидно, фальшивое; на другомъ гербовомъ листѣ приложена голубая печать саратовскаго городского управленія, но текстъ вытравленъ, и слѣды прежняго письма ясно замѣтны; на этомъ листѣ подъ гербомъ написано карандашемъ: «Полякову»; на простомъ же листѣ бумаги написано карандашемъ: «черное свидѣтельство саратовскаго городского полицейскаго управленія на имя окончившаго курсъ въ саратовской духовной семинаріи Михаила Полякова отъ 7 августа 1874 г., за № 13588». 3. Двѣ книжки, выданныя на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ за уменьшенную плату, отъ 25 апрѣля за № 553 и отъ 14 мая за № 586, на имя слушателей с.-петербургскаго технологическаго института Михаила Холенскаго и Савелія Златопольскаго. 4. Аттестатъ медико-хирургической академіи за № 801, отъ 7 апрѣля 1875 года, выданный на имя Николая Ѳедорова Цвиленева, удостовѣряющій о томъ, что онъ, оставшись на второй годъ на первомъ курсѣ, вышелъ изъ академіи по собственному желанію, и свидѣтельство на его же имя, выданное елецкимъ предводителемъ дворянства 1874 г. 21 мая за № 92. 5. Довѣренность, выданная штабсъ-капитану Ѳедору Михайловичу Цвиленеву дочерью его Александрою и засвидѣтельствованная у московскаго нотаріуса Павлова 23 іюля 1875 года. 6. Письмо на пяти съ половиною листахъ почтовой бумаги малаго формата, безъ означенія времени и подписи. По смыслу этого письма оно писано особой, находящейся въ замужествѣ за Иваномъ Ивановичемъ изъ Кропивны, къ лицу проживавшему прежде въ Петербургѣ, съ которымъ она была въ Тулѣ въ близкихъ отношеніяхъ, а въ Петербургѣ въ любовной связи; лицо это, какъ видно

изъ письма, посвятило себя пропагандѣ соціальной революціи. Затѣмъ отвѣтъ на это письмо, безъ конца, имѣющій сходство руки съ почеркомъ дворянина Цвиленева. 7. Письмо на имя казака Ивана Петровича Арѣхова, писанное изъ Новочеркасска и подписанное «твой А. Емельяновъ», не имѣющее особаго значенія. 8. Разныя письма, записки, писанныя большею частью рукой, похожей на почеркъ руки Цвиленева, не имѣющія особаго значенія. 9. Содержитъ въ себѣ двѣ рукописи, одну чернилами, а другую карандашемъ, послѣдняя, повидимому, писана рукой Цвиленева, содержащія въ себѣ рефератъ «о необходимыхъ условіяхъ подготовки для успѣха дѣятельности пропагандиста, рѣшившагося идти въ народъ въ качествѣ рабочаго». 10. Тетрадь въ коричневой оберткѣ, писанная карандашемъ, повидимому, также рукою Цвиленева, содержащая въ себѣ замѣтку по тому же предмету, что и въ № 9-мъ. 11. Связка разныхъ бумагъ, завязанная бѣлой тесьмой, въ которой находится: а) билетъ, выданный изъ тульской духовной консисторіи, 10-го августа 1873 года, за № 5216, на имя окончившаго курсъ въ семинаріи Ивана Смирнова; на этомъ билетѣ имѣются слѣдующія явки въ полиціи: 20 августа 1873 г., 2-го участка, Нарвской части, С.-Петербургъ, домъ № 9, квартира № 16; затѣмъ 19 го сентября того же года, 2-го участка Петербургской части, города С.-Петербурга, домъ № 9, по Каменноостровскому проспекту, и 27-го августа 1874 года, 2-го квартала, Тверской части, города Москвы, домъ № 101, съ отмѣткой карандашемъ «изъ гор. Тулы жилецъ.» б) Запечатанное письмо съ надписью на конвертѣ: «заказное» въ Карасубазаръ, Таврической губерніи, «его благородію» имя, отчество и фамилія вычищены, а внизу «прошу передать Ивану Ивановичу»; письмо это отъ 10-го іюля, за подписью Аргамонцевъ, начинается такъ: «Милостивый государь, вашъ хорошій знакомый Ѳеофанъ Никандровичъ просилъ передать вамъ прилагаемую записочку. Еще проситъ васъ уничтожить находящіяся у васъ его бумаги, и т. д.» Упоминаемая въ письмѣ записочка состояла изъ двухъ четвертушекъ папиросной бумаги, тщательно сложенныхъ въ маленькій квадратикъ; на этихъ листочкахъ замѣчены слѣды письма, вытравленнаго, по всей вѣроятности, лимономъ, почему эти листочки были положены подъ горячій утюгъ, отъ дѣйствія котораго текстъ письма выступилъ, но такъ неясно, что можно прочесть только отдѣльные слова: в) Полъ-листа бумаги, писанной, повидимому, рукой Цвеленева и содержащій въ себѣ окончаніе письма № 6; въ текстѣ этого письма упоминаются имена Арк. и Ив. г) На полъ-листѣ бумаги малороссійская пѣсня. д) Записная книжка, черная «Notes», въ этой книжкѣ вложено: 1. шифръ «чаще держать экзаменъ, хорошо писать формулы, бѣгло резюмировать цѣлыя и дроби»; 2. почтовый листъ синей бумаги, вѣроятно, съ адресами, писанными шифромъ, но другимъ; между цифръ попадаются слѣдующія слова: по Курск., Курскъ, Орелъ, Архипова, Рыльскъ, Петерб. д. 13 кв. № 5, и 3. фотографическая карточка г-жи Преображенской. 12. Двѣ статьи, очевидно, приготовленныя для печати, одна содержащая въ себѣ разсказъ отставного солдата о томъ, какъ власти, бары, чиновники, купцы и кулаки-міроѣды обираютъ мужика, по всей вѣроятности, для изданія брошюрою, а другая, писанная почеркомъ, похожимъ на руку Цвиленева, содержитъ въ себѣ корреспонденцію, по всей вѣроятности въ газету «Впередъ» или «Работникъ», о бывшихъ безпорядкахъ въ Кіевской губерніи. Обѣ эти статьи были вложены въ конвертъ съ надписью «Петрушѣ.» 13. Чистая записная книжка въ $^1/_8$ долю листа, въ кожаномъ переплетѣ, въ портфелѣ коей вложены на двухъ листахъ почтовой бумаги малаго формата программа вопросовъ для собиранія статистическихъ данныхъ, по содержанію такихъ же, какъ и найденныя въ связкѣ бумагъ съ надписью: изъ «ручного сакъ-вояжа.» Осталь-

ныя бумаги, тутъ же находившіяся, особаго значенія не имѣютъ. Затѣмъ записная книжка меньшаго размѣра, также чистая, въ ней вложено: портретъ Пугачева и двѣ записки: одна—списокъ книгъ, внизу коего написано «по слѣдующему адресу: въ Александровскій уѣздъ, Влад. губ., на станцію Константиново, въ больницу села Шеметова доктору», на оборотѣ написано: «уг. Ф. и Набер. д. Жукова, кварт. 24»; отдѣльно записано: Мих. Ивановъ. Клочекъ сѣрой бумаги, на которомъ, между прочимъ, сдѣлана отмѣтка: «Пѣвческій мостъ, д. Калугина № 33, квартира г-жи Мунотъ, узнать адресъ Ив. Ив. Борамона», затѣмъ ляписъ въ гусиномъ перѣ. 14. Клочокъ бумаги, на которомъ написано; «Изв. прежде Негровскій. Блоче-Броневскій. Подходитъ и рекоменд. по знак. съ барын. (студ. юристъ) въ спискѣ не оказ. Въ припадкѣ говорилъ, что онъ Негровскій, который пригласилъ вступить въ шпіоны. Разспрашивалъ про книги.» 15. Конвертъ съ разными мелкими записочками, по разсмотрѣніи коихъ оказалось слѣдующее: записка, писанная карандашемъ на папиросной бумагѣ, въ текстѣ встрѣчаются зашифрованныя слова; эта записка лежала въ листѣ почтовой бумаги, исписанномъ со всѣхъ сторонъ, на которомъ написанъ переводъ той записки, зашифрованной, какъ оказалось по провѣркѣ, по ключу «чаще держать экзаменъ.» Содержаніе записки слѣдующее: «Если И. Л... принятъ, то, значитъ, сдѣлана половина дѣла, и другая его половина такова: идя вдоль Рагож. улицы и пройдя ворота части и самую часть, увидишь заборъ, за этимъ заборомъ наше мѣсто гулянья. Минута—и за заборомъ, ублаготворивши, разумѣется, извѣстнымъ образомъ компаньона; остальное понятно изъ прежняго. Необходимо только припасти верхнее платье, фуражку, да намѣтить невдалекѣ цирульню, такъ какъ, вѣроятно, изъ части будетъ погоня и нужно будетъ поскорѣе измѣнить образину. Помощникъ же, по усмотрѣнію, будетъ ожидать въ установленномъ мѣстѣ или же скажетъ адресъ притона. Затрудненіе въ одномъ: нѣтъ возможности опредѣлить день гулянья. Очень можетъ быть, что помощникъ придетъ раза два или три понапрасно; нужно дождаться погожихъ дней и въ эти дни дѣлать разсчетъ по числу народа; если жданье возможно, то дать знать, кашлянувъ два раза посильнѣе; въ такомъ случаѣ я буду извѣщать о предлагаемомъ днѣ пальцами, начиная съ воскресенья слѣд. воскр. 1, понед. 2, субб. 7. Если въ указанный день не придется гулять и слѣдующіе дни будутъ погожіе, то на 2-й или на 3-й день непремѣнно буду гулять. Въ назначенный день помощникъ необходимо долженъ проѣхать во время благовѣста къ вечернѣ и подержать себя хоть за носъ, потому что нужно быть увѣреннымъ, дѣлая скачекъ. Время гулянья съ 6 часовъ вечера. Удалось бы одному, а потомъ можно бы попытать и насчетъ остальныхъ. Нечего въ зубы-то смотрѣть! Если такъ не придется, я все-таки попытаю какимъ-нибудь образомъ; при удачѣ выиграю, при неудачѣ мало потеряю. Важно знать, по моему ли дѣлу Мерцаловъ арестованъ? Успѣли ли передать ему о взаимномъ незнаніи? гдѣ находится? Можно сноситься? Если по моему дѣлу, то мнѣ обухъ по головѣ. Никакъ не ожидалъ этого, иначе не такъ бы повелъ дѣло. Въ этомъ случаѣ меня и его зарѣжутъ по горло, а жаль его, трудно найти подобныхъ людей для извѣстнаго дѣла. Если успѣли передать—такъ какъ мой девизъ: знать не знаю и т. д., называть его мужиковымъ потомъ. Хозяйка признала Ѳедора на очной ли ставкѣ? Вѣдь, имя неизвѣстно ей, а я сказалъ, что онъ называется Иваномъ. Не подумайте, что про него, это сказано про неизвѣстнаго человѣка, нанимавшаго со мной квартиру. Отвѣтить по возможности при: вечернемъ разговорѣ, только не въ самые сумерки, но при закатѣ солнца въ сумерки глядѣть иногда бываетъ подозрительно. Тебѣ ходить здѣсь не слѣдуетъ совсѣмъ. Внутреннія сношенія до сихъ поръ невозможны. Въ

случаѣ крайности одинъ изъ двухъ ловкихъ парней долженъ разговаривать съ часовымъ, а другой бросать въ форточку, что нужно, или же черезъ заборъ, при гуляньѣ, хотя послѣднее сопряжено съ большими затрудненіями насчетъ дня». Подлинная записка была сложена маленькимъ квадратомъ. Письмо, писанное карандашемъ и чернилами, слѣдующаго содержанія: «Когда нужно передать что-нибудь, то нужно приходить вскорѣ по окончаніи благовѣста къ обѣднѣ или къ вечернѣ, или же за нѣсколько минутъ до благовѣста, а послѣдній въ солнечный день только. Отъ звона ничего не слышно. Названіе дома нужно сказать на всякій случай. А относительно хозяевъ можно прямо сказать: признали—нѣтъ, согласенъ—нѣтъ. Домъ квар. справа, послѣд. моей бѣжать можно тому, что ѣздить съ однимъ унтеромъ, а не съ двумя; по моему единственно такъ: въ день свиданія нужно нанять лихача и ждать въ условленномъ мѣстѣ, если отсюда, то у народнаго театра; унтера можно сдѣлать на нѣсколько минутъ бездѣятельнымъ, нужно только припасти нюхательнаго табаку; но такая штука рискованная. Помни, если пойдетъ только на это, я желалъ бы, чтобы продѣлали эту штуку Ѳедоръ или Жанъ, если есть сношеніе съ ними и существуютъ тѣ условія, о которыхъ сказано, потому что срокъ моего наказанія въ самомъ худшемъ случаѣ меньше и легче ихъ—скорѣе явится возможность дѣйствовать. Справьтесь, между прочимъ, о мѣрѣ наказанія по буквѣ закона за поддѣлку и проживаніе и за то и другое вмѣстѣ. Если указать на тебя и Надю неудобно, то извѣстить, а тоже о днѣ свиданія. Страхъ за Тулу было одно изъ главныхъ причинъ, заставившихъ назвать крестьянъ. Хотя по спокойномъ обсужденіи, опасность была не такъ велика, какъ представилась въ критическую минуту. Между другими причинами играла очень важную роль пословица «рискъ святое дѣло», хотя для меня онъ оказался грѣшнымъ, но обстоятельства заставляли рискнуть. Справьтесь у знающихъ, какой есть трактиръ въ Орлѣ, а то я совсѣмъ ничего не знаю, хотя работалъ на курской дорогѣ с. масл. пять недѣль и некому даже подтвердить о моемъ прибытіи. Насчетъ унтера безуспѣшно, хотя билетъ размѣненъ. Когда деньги будутъ пересылаться контраб., то мелкими бумажками. При настоящихъ условіяхъ жить бы нешто, да на бѣду тюрьма возбуждаетъ во мнѣ энергію, а такъ какъ надлежащаго исхода ей нѣтъ, она разрѣшается паскуднымъ нравственнымъ состояніемъ. Николай Васильевъ съ женой отказ. отъ меня, больше, кромѣ (огляев.), свид. некому, если сочтете нужнымъ, попробуйте привести въ исполненіе планъ насчетъ корреспонд. чрезъ кондукторовъ; на случай сдѣлаю нѣкоторыя указанія. На ряжско-вяземской дорогѣ можно съ Вас. Никифор., изъ Лѣскова, въ Тулѣ на Курскъ съ Петнеоргскимъ (это имя сверху зашифровано шифромъ «чаще держать экзаменъ»), въ Скуратовѣ, а чрезъ нихъ и съ другими и по мѣрѣ надобности переводить въ другое мѣсто. Ихъ знаютъ Паша и Ваня. Пусть Мишка сдѣлаетъ списокъ хорошихъ историч. сочиненій и потребов. изъ нихъ доставлять какъ возможно достать. Въ настоящее время одно изъ сильныхъ желаній моихъ устан. корреспонд. съ... (имя замазано чернилами, но можно догадаться, что тутъ стояло Жибодари)— близокъ локоть, да не укусишь. Изъ девят. арест. двое выпущ. еще на страстной нед. Панфут., а другой не знаю. Говор. громче.»—Записка на 1/8 сѣрой бумаги слѣдующаго содержанія: «Г. Кремеръ или Сиротскій, прошу васъ, дорогіе друзья, оказывать этому господину возможную помощь въ случаѣ, если ему понадобится.—Зундъ».—Въ ней оказались завернутыми три бумажки съ адресами; первая написана шифромъ, не подходящимъ къ имѣющимся ключамъ. Бумажка эта была надорвана, а потому она наклеена на другой листъ бумаги. На второй бумажкѣ значатся адресы: «лозово-севастопол. ж. д., ст. Славгородъ въ Варварскую экономич. конто-

ру такого-то»; на оборотѣ «нѣм. ул. Мицкунскому, въ суконномъ магаз. Пашкевича. Ржевъ Конская пл., близъ кузницъ, домъ Филатова, Ивану Матвѣевичу Филатову». Третій кусочекъ—«на Семеновской улицѣ красильное заведеніе Григорія Ѳедоровича Тюльпина, спр. Александру Дав. На Косой улицѣ, домъ Трубникова Агаѳью Сем.»; внизу—«Никитѣ Сергѣев. Серг.»; на оборотѣ «Зиновій Сѣровъ учит. школа или Виктора, подъ нимъ Конная площ. близъ кузницъ д. Татьяны Емельяновны Шаровой, второй отъ угла». Затѣмъ: «Швейковскій (банкъ) у него Линдъ. То. Вас. Ив. Покровскій». Далѣе на трехъ бумажкахъ записаны слѣдующіе адресы: «Нестроевая рота Несвицкаго полка рядовой Ѳедоръ Лизуновъ шорникъ; Арину Савельевну или Серебряника (брата ея). Близъ Сивцаго вражка большой Власьевскій пер., д. Львова, кварт. Данилова; станція Пахомово—Данилову и въ г. Кралевецъ (Черниговъ) село Ярославецъ, священнику Мироненкову, съ передачей въ село Зачирки Александру Ѳедоровичу». Всѣ эти адресы и записки вложены въ особый конвертъ подъ № 15 лит. а. 16. Переписка Знаменскаго, студента Петровской академіи, который находился подъ стражею. Въ особомъ пакетѣ съ надписью «изъ ручного сакъ-вояжа» взяты въ числѣ вещественныхъ доказательствъ въ квартирѣ Задгенидзе. 1. Записная книжка въ переплетѣ, въ которой въ числѣ разныхъ замѣтокъ на одной страницѣ написано: «14-го января, служу по прежнему, работаю какъ волъ. Послѣ сцены съ начальствомъ отмѣтчикъ что-то очень деликатенъ сталъ, прежде, когда заговаривалъ со мной, называлъ меня: вы или Овчинниковъ, а теперь прибавленіе творитъ Г.» Затѣмъ на послѣдней страницѣ записаны имена: «Островскій» и «Иванъ Ивановичъ». 2. Рукопись, заключающая въ себѣ программу вопросовъ для собранія статистическихъ свѣдѣній. Въ числѣ вопросовъ имѣются слѣдующіе: Нѣтъ ли библіотекъ, стремящихся къ развитію въ молодомъ поколѣніи идей, на которыхъ должна быть построена новая жизнь общества,—идей соціальныхъ?... Насколько развито въ разныхъ слояхъ общества царепочитаніе? Какъ относятся къ нечаевскому дѣлу? 3. Письмо отъ 4 іюля, начинающееся словами: «Дорогой другъ», въ которомъ пишется, что «время проходитъ бездѣятельно, знакомыхъ пока еще мало, сойтись ни съ кѣмъ еще не успѣли, но надѣются, что скоро перемѣнится въ нашу пользу. Для того, чтобы сойтись съ обществомъ, нужно быть членомъ клуба, что уже всѣми сдѣлано, за исключеніемъ меня и Анюты. Всѣ посѣщаютъ клубъ, я же не могу, по недостатку гардероба, а Анюта должна заняться хозяйствомъ; вообще, ждутъ съ нетерпѣніемъ, какъ окажется возможность выйти изъ пассивнаго положенія». Внизу слѣдующая приписка: «Баѣъ здѣсь совершенно достаточно и было бы прекрасно, если бы сюда больше не наѣзжало ихъ». Кромѣ того, между строкъ написано карандашемъ нѣнколько строчекъ цифръ, а въ письмо вложенъ листокъ синей почтовой сумаги, на которомъ написано карандашемъ: «Пришли немедленно копію болчанскаго паспорта». По провѣркѣ этой фразы съ вышеозначенными Вифрами, по ключу шифрами «эй, Ѳомичъ», означенная фраза оказалась переводомъ тѣхъ знаковъ по этому шифру. 4. Три тетради неоконченныхъ птатей. 5. Клочекъ бумаги отъ газеты, на которомъ написано карандашемъ: «напиши на этомъ клочкѣ, сколько книгъ ты взялъ (когда одинъ разъ отправился), какія и куда?» а внизу: «работн. 1 и 4 около по 37, 2 и 3 по 20, комм. 5, сказки 5 пугачъ—60 и мелкія брошюрки». 6. Клочки бумаги отъ разорваннаго счета прачки на женское бѣлье. 7. Письмо отъ 30 іюля, подписанное «Вашъ Пат.», слѣдующаго содержанія: «Вѣра! Передай Катѣ, чтобы она подождала письма, которое она получитъ отъ Михаила Ивановича, знакомаго Рыжаго, тамъ просятъ сдѣлать кое-какія покупки»... кончается такъ: «Нашъ привѣтъ всѣмъ роднымъ. Не забы-

вайте же, черти». 8. Двѣ книжки на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ по уменьшенной цѣнѣ, выдаваемыя слушателямъ С.-Петербургскаго Технологическаго Института, безъ начальныхъ листовъ. 9. На клочкѣ тонкой почтовой бумаги шифрованная записка, писанная грузинской азбукой, по переводѣ которой содержаніе записки оказалось слѣдующее: «2-ое Ниж. п—ровъ, черные волосы, высокаго роста, 30 лѣтъ, 5-ое внизу, черный, круглолицый, 20 лѣтъ, низенькій; 5-ое вверху, молодой, черный, продолговатое лицо, худощавый; 6-ое вверху, деревенскій, черный, низенькій, 19 лѣтъ; 5-ое вверху. Барышня высокаго роста, русая, лицо продолговатое, 25 лѣтъ. 2-ое вверху. Средній ростъ, круглое лицо, русая». Кромѣ того, въ числѣ этихъ бумагъ найдена фотографическая карточка съ надписью на оборотѣ карандашемъ: «Надѣ 1872 г.», а внизу: «11, принадлежитъ Вѣрѣ Андреевнѣ Шатиловой». — По предъявленіи указанныхъ предметовъ, Цвиленевъ и Цицiановъ большею частью признали своими. Цвиленевъ не призналъ своимъ ключъ къ шифру и рукопись: «Идти въ народъ въ качествѣ рабочаго». Прочитано письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Твоя наука не поможетъ, когда меня не вызываютъ. Поэтому поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Я откроюсь, но на предварительномъ слѣдствіи. Георгіевскій показываетъ хорошо. А вотъ что: поѣхалъ ли кто-нибудь изъ нашихъ въ казачество, на Уралъ, въ Казань и т. д. Въ Екатеринодаръ рекомендую слѣдующихъ землемѣровъ: Иванъ Жуковъ, Григорій Рыболоченко, Николай Соколовъ. Во Владикавказъ — Атабегова, Аѳанасьева и Вертепова. Они хорошіе и, пожалуй, пропагандисты, если надъ ними поработать малость. На нихъ можете дѣйствовать отъ моего имени. Я могу писать въ Тифлисъ—Трофимъ Бульбухъ, женская гимназія Авазова. Еще разъ повторяю: напиши Петру о его петербургскомъ дѣлѣ и напиши адресъ, куда я могъ бы послать рядового унтера... Письмо выдайте... Я послалъ Зуду оффиціальную записку; прошу денегъ; у меня въ управленіи—ни гроша, а я не могу тратить свои. Я вызвалъ прокурора—хочу выругать: обѣщался книгъ и надулъ. Принили Петра съ чернилами. Посылаю шифръ. При нуждѣ пригодится». Затѣмъ излагается ключъ шифра и въ заключеніе говорится: «Когда откроюсь—деньги высылайте. Онъ получитъ черезъ прокурора Жмурки». Подписано: «Шабра, 3-го августа». — Подс. Чекоидзе объяснилъ, что не помнитъ, чтобы письмо было шифровано. Хотя шифръ «Эй, Ѳомичъ» онъ зналъ, но утверждать не можетъ, чтобы письмо было писано этимъ шифромъ. Онъ съ Цицiановымъ обыкновенно велъ переписку по шифру «Быстро рѣшающій задачи». Первоприсутствующій. Подсудимая Вѣра Любатовичъ, вы дѣлали переводъ этого письма? Подс. Вѣра Любатовичъ. Нѣтъ. Подс. кн. Цицiановъ. Письмо это было, дѣйствительно, шифровано, но не по шифру «Эй, Ѳомичъ», а по другому. Переводъ письма сдѣланъ моею рукою, но измѣненнымъ почеркомъ, потому что я постоянно мѣнялъ почеркъ, когда приходилось дешифрировать.—Предъявлено еще одно письмо, которое подсудимая Гамкрелидзе и Георгіевскій не признали. Цицiановъ заявилъ, что оно взято на его квартирѣ и что переводъ сдѣланъ подъ его диктовку. — Прочитанъ актъ осмотра бѣлья, отобраннаго въ квартирѣ Цицiанова. Оно оказалось мужскимъ и женскимъ и съ мѣтками разныхъ обвиняемыхъ. Подс. князь Цицiановъ заявилъ, что двѣ корзины съ платьемъ и бѣльемъ даны были ему на храненіе его знакомымъ. Кромѣ того, заносила бѣлье и Гамкрелидзе. Подс. Гамкрелидзе заявила, что часть бѣлья она занесла передъ отъѣздомъ въ Иваново-Вознесенскъ, такъ какъ квартира ея была непомѣстительна, и просила Цицiанова сохранить до ея возвращенія.—Прочитанъ актъ осмотра отобранныхъ у Кардашева бумагъ. Въ числѣ другихъ вещей была записная книжка, въ которой записано, когда и отъ кого получены пись-

ма; разные расходы: за билетъ на проѣздъ, пошлины въ таможнѣ за провозъ вещей, на свадьбу Гамкѣ 15 руб. и т. д. По предъявленіи указанныхъ въ актѣ предметовъ, подс. Кардашевъ заявилъ, что всѣ письма писаны имъ. По предъявленіи нижеслѣдующаго письма подс. Вѣра Любатовичъ заявила черезъ своего защитника, что въ письмѣ этомъ не упомянуто о Волченкѣ. Подс. Кардашевъ заявилъ, что онъ писалъ къ Вѣрѣ Дмитріевнѣ Глѣбовой. Тов. оберъ-прок. заявилъ, что въ письмѣ упоминается «Волченокъ». Прис. пов. Спасовичъ замѣтилъ, что онъ разобралъ только одну букву В, а затѣмъ какія-то каракули. Прис. пов. Хартулари заявилъ, что нѣтъ возможности разобрать это слово. Письмо это, на имя Николая Аѳонскаго, слѣдующаго содержанія: «Многоуважаемый Николай Ѳедоровичъ. Передайте, Бога ради, какъ можно поскорѣе Марьѣ или Евгеніи, что наши московскіе друзья больны ужасно, эпидемически, начиная съ Волченка, Санчо и Мавра и кончая ужъ чортъ знаетъ чѣмъ и кѣмъ; пусть извѣстятъ, кому найдутъ нужнымъ». Прис. пов. Бардовскій. Не пожелаетъ ли Кардашевъ дать объясненія, почему здѣсь упоминается Марья Субботина. —Подс. Кардашевъ. Я дамъ объясненіе, какъ было въ дѣйствительности, хотя не знаю, насколько это будетъ относиться къ Марьѣ и Евгеніи Субботинымъ. Въ началѣ августа Зидгенидзе (кн. Циціановъ), надѣясь, что меня выпустятъ на другой день, когда мы сидѣли съ нимъ рядомъ, сообщилъ мнѣ шифръ «Эй, Ѳомичъ» и просилъ написать къ Аѳонскому и князю Микеладзе о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя сообщаются въ этихъ письмахъ. Письма эти не назначались Субботинымъ, а должны были быть переданы знакомому кн. Циціанова въ Орлѣ, фамилію котораго я не зналъ. Я второпяхъ адресовалъ къ Субботинымъ. Кромѣ того, изъ письма видно, что я говорилъ отъ третьяго лица.—Подс. князь Циціановъ. Адресъ Евгеніи и Маріи былъ сообщенъ мною, потому что не было дѣйствительнаго прямого пути, по которому можно бы было послать письма къ лицу, которому я хотѣлъ сообщить краткія свѣдѣнія о моемъ арестѣ. Я припомнилъ адресъ Аѳонскаго, который сообщенъ мнѣ былъ Лидіею Фигнеръ, а редакцію письма я изложилъ въ томъ видѣ, что въ первой половинѣ должна быть высказана просьба сестрамъ Субботинымъ отыскать лицо и способъ, какимъ образомъ отыскать и передать письмо, а другая половина шифрованная назначалась моему знакомому, и просилъ подписаться Лидіей Фигнеръ, такъ какъ Субботиныхъ лично я не зналъ. Относительно адреса Микеладзе—то онъ данъ мною. Я хотѣлъ сообщить только, что въ Москвѣ были аресты. Тамъ говорится, что бумаги всѣ у Медвѣдихи. Когда Кардашевъ былъ у меня, я намѣренъ былъ отнести чемоданъ Медвѣдевой, которой адресъ зналъ. Вѣроятно Кардашевъ сообразилъ, что я уже успѣлъ передать бумаги.—Подс. Евгенія Субботина. Когда я уѣзжала изъ Москвы, то дала Фигнеръ адресъ Аѳонскаго, чтобы она писала Николаю Ѳедоровичу для передачи Марьѣ Дмитріевнѣ, а сестру свою Марью просила, если получатся письма, то пересылать мнѣ въ Петербургъ. Поэтому и поставлены рядомъ Марья и Евгенія. По просьбѣ тов. оберъ-прокурора спрошенъ подс. Кардашевъ о значеніи разныхъ кличекъ, и онъ объяснилъ, что клички эти употреблялись не въ смыслѣ организаціи. Подсудимый зналъ, напримѣръ, Вѣру, Гамку. Послѣднее есть сокращенное Гамкрелидзе, но онъ не зналъ, что Вѣра была Любатовичъ. Его самого прозвали Мавромъ. Вообще, всѣ эти названія не имѣли смысла кличекъ, а смыслъ имени. Кромѣ того, эти клички были общеизвѣстны. Это не было кружковымъ секретомъ. Изъ показанія свидѣтеля Дмитріева видно, что онъ зналъ, напримѣръ, Рыжаго. Вообще, это были названія, которыя были извѣстны всему студенческому кружку. Первоприсутствующій. Употребляя эти клички, вы не поинтересовались знать настоящихъ именъ и фамилій этихъ лицъ?—Подс. Кардашевъ. Ка-

кая мнѣ надобность? Я сходился съ ними, разговаривалъ, нанималъ вмѣстѣ квартиру, и больше ничего.—Подс. Любатовичъ замѣтила, что ее еще съ дѣтства звали волченкомъ. Прочитано показаніе свидѣтеля Дмитріева, въ которомъ говорится: Николай Гавриловъ Дмитріевъ, 23 лѣтъ, воспитывался въ тифлисской реальной гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1873 году. Занимаюсь преподаваніемъ уроковъ, живу постоянно въ городѣ Тифлисѣ, на Мостовой улицѣ, въ домѣ гражданина Мугадова, вмѣстѣ съ родителями, холостъ. Окончивъ лѣтомъ 1873 года курсъ наукъ въ тифлисской реальной гимназіи, я тогда же отправился въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ технологическій институтъ, и, пробывъ тамъ годъ, лѣтомъ 1874 года отправился въ Парижъ съ цѣлью поступить въ тамошнюю политехническую школу. Со мною для той же цѣли поѣхали въ Парижъ тогда же изъ Петербурга: студентъ с.-петербургскаго технологическаго института Иванъ Ларіоновичъ Кузьминъ, студентъ медико-хирургической академіи Иванъ Спиридоновичъ Джабадари, Лука Иванишевичъ и бывшій воспитанникъ михайловскаго артиллерійскаго училища Михаилъ Чекоидзе. Всѣ мы имѣли заграничные паспорты, выданные намъ изъ канцеляріи с.-петербургскаго градоначальника. Отношенія мои къ вышеозначеннымъ лицамъ были дружескія только къ Джабадари и Кузьмину, съ остальными же я сошелся только въ дорогѣ и во время послѣдующей жизни нашей въ Парижѣ, гдѣ жили всѣ на одной квартирѣ, изучая французскій языкъ и посѣщая публичныя лекціи въ политехнической школѣ. Пробывъ въ Парижѣ три мѣсяца, я и Кузьминъ, за неимѣніемъ средствъ къ жизни, возвратились обратно въ Петербургъ, остальные же наши товарищи остались въ Парижѣ, не имѣя средствъ къ выѣзду и ожидая таковыхъ отъ родныхъ изъ Россіи. Во время пребыванія нашего въ Парижѣ Джабадари, между прочимъ, получилъ письмо изъ Петербурга отъ своего товарища, студента медико-хирургической академіи Георгія Здановича, въ которомъ онъ разспрашивалъ о нашей жизни въ Парижѣ и сообщалъ текущія новости Петербурга. Подробностей содержанія этого письма я не помню; помню только, что оно начиналось фразой: «Братья граждане» и было подписано, вмѣсто фамиліи Здановича, «Георгій Рыжій». Означеннаго Здановича я зналъ лично въ Петербургѣ еще до поѣздки въ Парижъ, хотя знакомство мое съ нимъ было шапочное, встрѣчая его изрѣдка у Джабадари въ квартирѣ его, а также въ кухмистерской, гдѣ мы вмѣстѣ обѣдали. Его товарищи и знакомые называли его рыжимъ по той причинѣ, что онъ имѣлъ рыжевато-краснаго цвѣта бороду. Здановичъ не обижался этой кличкой и самъ иногда поддерживалъ ее, какъ это выразилось и въ письмѣ, писанномъ имъ къ Джабадари, гдѣ онъ, какъ я выше упомянулъ, подписался даже «Георгій Рыжій». Здановича я мало зналъ и не искалъ случая съ нимъ сблизиться, такъ какъ отъ товарищей своихъ слышалъ о немъ не совсѣмъ лестные отзывы, а именно, что онъ фразеръ, очень либералъ и любитъ высказывать громкія либеральныя фразы. О его антиправительственной дѣятельности я ничего не знаю. О Здановичѣ я слышалъ, что онъ уроженецъ Кавказа, гдѣ имѣетъ имѣніе въ одной изъ 2-хъ губерній, Кутаисской или Тифлисской, и что въ одномъ изъ этихъ губернскихъ городовъ онъ воспитывался въ гимназіи. Изъ лицъ, знающихъ Здановича и могущихъ признать его личность, могу поименовать: студента медико-хирургической академіи Худадова и студента горнаго института Ивана Кузьмина, воспитывающихся въ настоящее время въ Петербургѣ, кромѣ того, также студента медико-хирургической академіи Вершанова; другихъ же лицъ, знающихъ Здановича, припомнить не могу. По возвращеніи въ октябрѣ мѣсяцѣ 1874 года изъ-за границы въ Петербургъ и, пробывъ тамъ до февраля мѣсяца 1875 г., я, желая поступить въ Лѣсной Институтъ, но не имѣя къ тому средствъ, уѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ и на-

ходился съ того времени безвыѣздно. По возвращеніи изъ-за границы я Здановича болѣе не встрѣчалъ нигдѣ, но, находясь уже въ Тифлисѣ, слышалъ отъ отца Джабадари и отъ студента медико-хирургической академіи Худадова, пріѣзжавшаго въ 1875 г. на каникулы на Кавказъ, что Джабадари, Чекоидзе и Здановичъ арестованы въ Москвѣ, по обвиненію ихъ въ антиправительственной пропагандѣ, которой они занимались въ Москвѣ, о чемъ я тогда и написалъ въ Парижъ къ Иванишевичу, называя Джабадари и Чекоидзе дядюшками Грессотами, а Здановича Георгіемъ Рыжимъ. Изъ предъявленныхъ мнѣ двухъ фотографическихъ карточекъ, на одной изъ нихъ, гдѣ изображенъ мужчина съ бородой и въ пальто, я признаю вышеупомянутаго Здановича, другая же карточка, т. е. личность на ней изображенная, мнѣ неизвѣстна, хотя и напоминаетъ кого-то изъ моихъ знакомыхъ, но кого именно, не могу вспомнить. Бывшаго слушателя петровской земледѣльческой академіи Георгія Кобіева я не знаю и никогда о немъ ничего не слыхалъ. Студента же Лѣсного Института Іоселіани я зналъ еще въ бытность свою въ Петербургѣ, гдѣ онъ въ то время воспитывался. Въ настоящее время онъ уже окончилъ курсъ въ Лѣсномъ Институтѣ и недѣлю тому назадъ я его встрѣчалъ въ Тифлисѣ, гдѣ онъ, кажется, находится и въ настоящее время.—Прочитаны: актъ обыска у Аѳонскаго и письмо матери Субботиной къ ея сестрѣ, Аѳонской, въ которомъ она, между прочимъ, говоритъ, что она возвратилась изъ-за границы. «При мнѣ ничего не дѣлали; была на собраніи Интернаціонала, видѣла и слышала все и осталась довольна». Разсказываетъ о томъ, какъ дочери ея были приняты Лавровымъ (Миртовымъ), о своихъ знакомствахъ, о времени препровожденія, и т. п. Прис. пов. Бардовскій просилъ особое присутствіе удостовѣриться изъ дѣла, что мать Субботиныхъ съ 14-го сентября 1874 года арестована.—Прочитано еще письмо Евгеніи Субботиной, въ которомъ она извѣщаетъ Николая Ѳедоровича о томъ, что по возвращеніи изъ Петербурга она была арестована на одинъ день; говоритъ, что если соблаговолятъ оставить ее въ покоѣ, то будетъ у нихъ дней черезъ шесть, что въ Москвѣ сильные аресты, о чемъ проситъ сообщить Марьѣ Субботиной. Подс. Е. Субботина объяснила, что она этимъ письмомъ предупреждала сестру, Марью, «потому что я разъ попалась, будучи не замѣшана ни въ чемъ. Меня оставили подъ домашнимъ арестомъ и я не могла знать, въ чемъ меня обвиняютъ». Свид. князь Микеладзе показалъ: Я объявилъ на предварительномъ слѣдствіи, что письмо, которое мнѣ было предъявлено, не мое, а принадлежало Ивану Григорьеву, съ которымъ я познакомился въ Одессѣ на бульварѣ. Получалъ письма и передавалъ ему. Содержанія этихъ писемъ не знаю. Тов. оберъ-прок. Вы долго были знакомы съ Иваномъ Григорьевымъ? Свид. кн. Микеладзе. Съ мѣсяцъ; но личность его мнѣ неизвѣстна.— В. По какому поводу вы познакомились?—О. Я сидѣлъ на бульварѣ, на скамейкѣ; онъ подошелъ, подсѣлъ ко мнѣ и началъ говорить, причемъ сказалъ свое имя. Потомъ онъ пришелъ ко мнѣ на квартиру и просилъ передавать ему письма, которыя будутъ приходить на мое имя, потому что почтальону трудно его отыскать на заводѣ, гдѣ онъ работалъ. Онъ приходилъ, и я отдавалъ ему письма.— В. Онъ не знакомилъ васъ съ кѣмъ-нибудь?— О. Познакомилъ съ дѣвушкой Надеждой (Субботина).— В. Вы бывали у нея?— О. Раза два былъ.—В. У нея никого не встрѣчали?—О. Нѣтъ.—В. Не давала ли она вамъ какихъ-нибудь книгъ для прочтенія?—О. Иванъ Григорьевъ давалъ «Парижскую коммуну».—В. Вы, кажется, объясняли на дознаніи, что книжка дана вамъ Надеждою?—О. Нѣтъ, Иваномъ Григорьевымъ, но въ квартирѣ Надежды.—В. Не давала ли она вамъ какихъ-нибудь писемъ или записокъ?— О. Разъ давала только 2 депеши для отправки. Но

куда и содержанія ихъ—не помню. В. Не знакомили ли васъ Григорьевъ или Субботина еще съ кѣмъ-нибудь?—О. Субботина познакомила съ Хоржевской.—Прис. пов. Бардовскій. Что васъ свело съ Григорьевымъ?— Свид. кн. Микеладзе. Познакомились просто на бульварѣ.—В. Изъ подсудимыхъ, кромѣ Надежды Субботиной и Хоржевской, никого не знаете?—О. Никого. —В. Вы твердо помните, что не сами взяли книжку въ квартирѣ Субботиной?—О. Нѣтъ, не самъ.—В. Вы привлекались въ качествѣ обвиняемаго? —О. Въ качествѣ свидѣтеля.—В. Но были арестованы?—О. Былъ.—В. Послѣ какого показанія васъ выпустили?—О. Не помню.—В. Ольгу Любатовичъ не знаете?—О. Нѣтъ. Прис. пов. Хартулари. Письма, которыя вы получали для передачи Григорьеву, были простыя или шифрованныя? Свид. князь Микеладзе. Я не распечатывалъ писемъ. Только впослѣдствіи, когда получилъ письмо изъ Яссъ, я изъ любопытства его распечаталъ, и оно оказалось шифрованнымъ.— В. Не получали ли писемъ на имя Рыжаго.— О. Рыжаго я не знаю.— Прис. пов. Зубаревъ. Вы кого у Хоржевскихъ знали? Свид. кн. Микеладзе. Только одну Вѣру Сергѣевну.— Первоприсутствующій. Подсудимая Ольга Любатовичъ, знали вы свидѣтеля Микеладзе? Подс. О. Любатовичъ. Я не нахожу нужнымъ отвѣчать.— Тов. оберъ-прокур. Почему вы распечатали письмо изъ Яссъ? Свид. князь Микеладзе. Потому что часто стали приходить письма. — Присяжный повѣрен. Войцеховскій. Куда вы дѣли эти письма.—Свид. кн. Микеладзе. Передалъ Ивану Григорьеву.—Прис. пов. Бардовскій. Онъ не былъ въ претензіи, что распечатали? Свид. кн. Микеладзе. Онъ не зналъ. Я запечаталъ опять.—Свид. Елизавета Хоржевская показала, что сестра вернулась изъ-за границы въ декабрѣ 1874 года.—Прис. пов Бардовскій. Не принимала ли участія въ свадьбѣ вашей сестры одна изъ Субботиныхъ? Свид. Е. Хоржевская. Никто не принималъ никакого участія. Она сама познакомила своего жениха съ нами.—Свид. Прасковья Тихонова показала, что у нея нанимали квартиру двѣ молодыя дѣвушки, но когда это было—не припомнитъ; прожили онѣ 1 мѣсяцъ. Одна называлась Махоткиной, а другая, кажется, Степановой. У нихъ былъ одинъ молодой человѣкъ, о которомъ онѣ сказали, что это квартирантъ. Свидѣтельница спросила паспортъ, но онѣ сказали, что ему вышлютъ, и она отказала имъ отъ квартиры. Подсудимая Надежда Субботина и Ольга Любатовичъ признали, что жили въ Одессѣ у свидѣтельницы, причемъ Любатовичъ добавила, что оба паспорта ея.—Прочитанъ протоколъ ареста Евгеніи Субботиной и Овчинникова. Подс. Е. Субботина объяснила: Я была въ Петербургѣ и пріѣхала въ Москву. На станціи въ Москвѣ я встрѣтила Овчинникова, съ которымъ познакомилась еще въ Петербургѣ, и предложила ему ѣхать вмѣстѣ въ гостинницу «Украйна». Когда пріѣхали, я спросила номеръ. Мнѣ предложили въ пятьдесятъ копеекъ, но я спросила получше. Когда отыскивали номеръ, я остановилась передъ доской и увидѣла фамилію, о которой я слышала. Я спросила, не здѣсь ли Гамкрелидзе. Мнѣ сказали, чтобы я подождала; потомъ явилась полиція, и меня арестовали. Подс. Овчинниковъ. Я подтверждаю это показаніе и присовокупляю, что когда мы ѣхали въ «Украйну», то Субботина мнѣ не говорила, что у нея есть знакомые въ гостиницѣ. Свид. свящ. Ансеровъ показалъ, что между его дочерью и Субботиною были отношенія дружбы еще съ гимназіи, въ которой онѣ обучались. Субботины приглашали ее ѣхать за границу и даже предлагали свои средства на прожитіе. Она сильно просилась, но родители не рѣшились отпустить. Тов. оберъ-прокурора. Не предлагали ли ей выхода въ замужество?—Свид. Ансеровъ. Я лялся одинъ фиктивный женихъ. Въ какой-то праздникъ я выхожу изъ церкви. На дорогѣ мнѣ встрѣчается какой-то молодой человѣкъ и проситъ знакомства съ

моимъ семействомъ. Я спрашиваю о причинѣ. Онъ говоритъ: я молодой человѣкъ и хочу устроиться. Я понялъ, что рѣчь идетъ о моей дочери и сказалъ: если таково ваше намѣреніе, то пріемъ знакомства, мнѣ кажется, не совсѣмъ обыкновеннымъ. Поэтому я ему отказалъ и до квартиры не допустилъ.—В. Почему вы думали, что женихъ фиктивный?—О. Это послѣ объяснилось. Дочь слышала объ этомъ отъ Субботиныхъ. Дѣло въ томъ, что мы не рѣшались отпустить дочь для полученія высшаго образованія иначе, какъ послѣ того, какъ она выйдетъ замужъ. Въ этихъ видахъ, вѣроятно, и было устроено предложеніе.—В. Кто изъ Субботиныхъ предлагалъ поѣздку за границу?—О. Евгенія Дмитріевна. Впослѣдствіи мы предложили дочери ѣхать въ С.-Петербургъ, куда рѣшались отпустить ее съ теткой. Субботина дала дочери 35 рублей денегъ, съ тѣмъ, чтобы она ушла самовольно изъ моего дома и гдѣ-нибудь пока скрывалась. Она возвратила эти деньги Субботинымъ.—Прис. пов. Бардовскій. Могли бы вы дать приданое за дочерью?—Свид. Ансеровъ. Я не знаю, почему въ обвинительномъ актѣ сказано, что приданое должно поступить мужу, который дастъ ей за это свободу. Этого никогда не могло быть, чтобы она передала свои деньги чужому.—В. Не говорила ли ваша дочь, что Евгенія Субботина очень добра, помогаетъ бѣднымъ и т. п.—О. Она совершенно увѣрена была, что все дѣлалось отъ доброты сердца. Мы ничего не могли сказать противъ этого и даже въ то время, когда она была арестована, мы не вѣрили, думали, что это неправда.—В. Ваша дочь была арестована? —О. Нѣтъ.—В. Когда вы узнали о 35 рубляхъ?—О. Послѣ того, какъ дочь была допрошена. Еще въ 1873 году мать Субботиныхъ предлагала нашей дочери ѣхать вмѣстѣ съ ея дочерьми за границу; предлагала даже свои средства и обѣщала привозить дочь мою два раза въ годъ для свиданія. Но мы отказались отъ этого. Они насъ мучили три года, мы были точно въ осадѣ. Хороша доброта! Теперь мы благодаримъ начальство, что насъ избавили.—В. Осуществилось желаніе вашей дочери быть математикомъ?—О. У нея вообще развита любознательность, и она имѣетъ отличныя математическія способности, и ее постоянно преслѣдовала мысль быть математикомъ. Но теперь она отъ всего этого отказалась. Она теперь все бросила и занимается съ своими младшими сестрами. На вопросъ, можетъ ли свидѣтель узнать жениха, Ансеровъ сказалъ, что едва ли припомнитъ. Подс. Кардашевъ. Вы не знаете меня, батюшка?—Свид. Ансеровъ. Вотъ теперь узнаю.—В. Вы спросили у меня тогда фамилію какого-то поляка?—О. Не помню.—В. Я желалъ бы знать, если это не ваша семейная тайна, какую роль игралъ этотъ полякъ?—Свид. Ансеровъ (подумавъ). Не знаю рѣшительно никакого поляка и не помню, спрашивалъ ли васъ; можетъ быть, вы своимъ пріемомъ навели меня на какую-нибудь мысль.—Прис. пов. Бардовскій. Вы, кажется, показывали, что вашу дочь уговаривала Субботина уйти изъ дому?—Свид. Ансеровъ. Я слышалъ отъ дочери, что она хотѣла это сдѣлать по вліянію Субботиныхъ.—Подс. Евгенія Субботина. Когда я училась въ гимназіи вмѣстѣ съ Екатериною Ансеровою, она мнѣ постоянно говорила, что не можетъ жить въ семьѣ, что положеніе ея тамъ не выносимо, и она хотѣла избавиться. Она даже говорила еще въ гимназіи, что согласится на фиктивный бракъ. Я ей говорила, что лучше итти замужъ, нежели переносить тѣ непріятности, которымъ она подвергалась.—Свид. Ансеровъ (въ недоумѣніи). Какія же могли быть непріятности, когда мы только на дѣтей и смотримъ, только о нихъ и заботимся. Рѣдкое семейство найдется, чтобы родители такъ любили своихъ дѣтей и дѣти своихъ родителей. Свид. священникъ Сахаровъ показалъ, что онъ вѣнчалъ Гамкрелидзе по документамъ, которые онъ вполнѣ нашелъ достаточными. При этомъ два свидѣтеля были привезены брачу-

щимся, а другихъ двухъ позаимствовали отъ другой свадьбы, бывшей въ этотъ день. Деньги платилъ, кажется, Циціановъ. Подс. князь Циціановъ заявилъ, что онъ подтверждаетъ показаніе священника, такъ какъ дѣйствительно расходовалъ деньги онъ, получивъ ихъ отъ Гамкрелидзе. Другіе два свидѣтеля, приготовленные заранѣе, не поняли адреса и проѣхали въ другую церковь, почему не поспѣли ко времени. «Въ обвинительномъ актѣ сказано, замѣтилъ подсудимый, что мы относились къ обряду съ пренебреженіемъ. Но этого не было. Дѣйствительно, женихъ и свидѣтели не явились во фракахъ, но все-таки мы были одѣты какъ обыкновенные люди. Я на дознаніи отрицалъ, что былъ свидѣтелемъ на свадьбѣ, такъ какъ думалъ, что мой арестъ повліяетъ на этотъ бракъ и повредитъ Гамкрелидзе и его суп[illegible]угѣ». Присяжн. пов. Люстигъ (къ свидѣтелю). При вѣнчаніи вы не замѣтили какой-нибудь необычайной обстановки, неуважительнаго отношенія къ обряду... — Свидѣтель Сахаровъ. Нѣтъ, ничего не замѣчалъ. —В. Только молодая не была въ вѣнчальномъ платьѣ?—О. Это часто бываетъ, что вѣнчаются въ обыкновенныхъ домашнихъ костюмахъ. — Свидѣтельница Евфимія Сидорова показала, что была въ церкви на свадьбѣ и потомъ съ матерью Тумановой въ номерахъ на закускѣ, откуда въ 11 часовъ ночи уѣхали домой. Тамъ остались четверо мужчинъ и двѣ женщины.—Тов. оберъ-прок. Какъ молодые люди вели себя въ церкви?—Свид. Е. Сидорова. Ничего, только они не молились Богу. Этому я удивилась. (Осматриваетъ подсудимыхъ и показываетъ на подсудимыхъ Екатерину Гамкрелидзе и Вѣру Любатовичъ, и больше никого признать не можетъ). —Подс. Кардашевъ. Я признаю, что былъ на закускѣ. — Первоприсутствующій. Какъ же вы туда попали?—Подс. Кардашевъ. Я былъ приглашенъ послѣ свадьбы. — Подсуд. Гамкрелидзе (къ свидѣтельницѣ). Я женихъ; какъ же вы меня не узнаете?—Свид. Сидорова. Вы теперь пополнѣли.—Свид. Екатерина Рубилина показала, что завѣдуетъ меблированными комнатами своей сестры и что подсудимые нанимали номеръ, гдѣ была закуска; когда всѣ разъѣхались, то остался въ номерѣ ночевать одинъ молодой супругъ. Прочитанъ протоколъ задержанія подсудимаго Рождественскаго. Первоприсутствующій. Подсудимый Рождественскій, вамъ было предъявлено письмо, которое начинается словами: «Другъ Ваня». Вы признаете его своимъ?—Подс. Рождественскій. Нѣтъ. Я имѣю честь просить позволить мнѣ разсказать мою поѣздку въ 1874 году. Затѣмъ онъ разсказалъ, что принужденъ былъ уѣхать изъ Петербурга вслѣдствіе болѣзни легкихъ, по совѣту профессора Боткина. На югѣ онъ поступилъ на Владикавказскую желѣзную дорогу лекаремъ и пробылъ тамъ $1^1/_2$ года. Когда дорога была построена, и его обязанности окончились, онъ поѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью продолжать ученье. На одной изъ станцій къ нему подошелъ служащій дороги и просилъ передать письмо въ Петербургъ. На указаніе, что для этого есть почта, тотъ замѣтилъ, что не знаетъ адреса, и проситъ передать въ академію. Въ это время дали звонокъ, Рождественскій поспѣшилъ въ вагонъ, и въ это время господинъ этотъ пихнулъ ему въ карманъ письмо. Во время пути онъ совершенно забылъ объ этомъ обстоятельствѣ. Такъ какъ онъ пріѣхалъ въ Москву въ 8 часовъ утра, а поѣздъ въ Петербургъ отправлялся только въ 5 часовъ вечера, то онъ захотѣлъ воспользоваться этимъ временемъ и пошелъ въ университетъ, съ цѣлью пріобрѣсти лекарскую программу и спросить о порядкѣ и времени экзаменовъ, разсчитывая, что, если въ Петербургѣ не придется держать экзамена, то можно явиться въ Москву. Дорогою онъ вспомнилъ, что день былъ праздничный, а именно Успеніе, слѣдовательно, въ университетѣ не могъ получить желаемыхъ справокъ. Поэтому онъ хотѣлъ зайти къ какому-нибудь студенту на квартиру, но никого не зналъ. Тутъ

онъ вспомнилъ адресъ изъ записной книжки своей покойной жены, которая безъ него оставалась въ Петербургѣ на женскихъ курсахъ, и отправился на Спиридоновку въ домъ Эйнбродтъ. Придя туда, онъ не зналъ кого спросить и спросилъ, не живутъ ли тутъ студенты. Ему сказали, что жили, но переѣхали въ гостиницу «Украйна». Онъ пришелъ туда, спросилъ № 12 и его арестовали. Пом. прис. пов. Гернгроссъ замѣтилъ, что въ въ протоколѣ обыска Рождественскаго не указано, въ какомъ видѣ найдено письмо: запечатаннымъ или распечатаннымъ. Подс. Рождественскій заявилъ, что, когда приставъ взялъ это письмо, то просилъ позволенія распечатать его. Спустя недѣли двѣ, товарищъ прокурора, въ присутствіи подсудимаго, говорилъ приставу, что онъ убѣжденъ, что письмо было дано для передачи. Прочитано письмо слѣдующаго содержанія: «Другъ Ваня. Сходи къ Евангулову, когда то будетъ нужно, и вышли или пусть онъ вышлетъ книженокъ, которыя мнѣ понадобятся; обознач. слѣдующ.: a) «О четырехъ братьяхъ»; b) «Хитрая мех.»; c) «Истор. крестьян.»; d) «Чтой-то, братцы»; e) «Богъ-то Богъ». Сообщи хотя кой-какія новости. Особеннаго ничего не пишу, потому времени нѣтъ; если же хочешь знать кой о чемъ, то тебѣ можетъ сообщить податель этого письма. Будетъ время, сообщу кой-какія интересныя штучки».—Свид. Мителенкампфъ (бывшій мировой судья Ставропольской губерніи) показалъ, что познакомился съ Рождественскимъ по поводу его жалобы на мясника, который поставлялъ въ лазаретъ порченное мясо. Мясникъ былъ признанъ виновнымъ и наказанъ. Свидѣтель бывалъ у Рождественскаго и онъ у него. На станцію Прохладную, гдѣ свидѣтель имѣлъ пребываніе, пріѣзжалъ ставропольскій жандармскій начальникъ и просилъ свидѣтеля разсказать словесно о томъ, что онъ знаетъ о Рождественскомъ, причемъ предупредилъ, что протокола о показаніи составлять не будетъ. Свидѣтель весьма неопредѣленно разсказалъ все то, что было ему извѣстно, а именно, что Рождественскій склоненъ былъ многія темныя общественныя стороны объяснять виною правительства, а не самого общества, какъ находитъ свидѣтель, но подробностей и данныхъ, на основаніи которыхъ онъ пришелъ къ такому заключенію, онъ не можетъ сказать, потому что отношенія его къ Рождественскому были не настолько близки; это было давно и, наконецъ, онъ не имѣлъ повода особенно прислушиваться къ тому, что высказывалось Рождественскимъ.— Пом. прис. пов. Гернгроссъ. Не употреблялъ ли онъ такого выраженія, что чрезвычайно недоволенъ дѣйствіями нашего правительства и находитъ, что при нынѣшней системѣ правленія дѣло дальше итти не можетъ?— Свид. Мителенкампфъ. Въ разговорѣ со мною онъ не могъ употребить такихъ выраженій, въ виду того, что въ его глазахъ я былъ оффиціальное лицо, и я не позволилъ бы себѣ это слушать.—В. Не было ли у него враговъ вслѣдствіе исторіи съ мясникомъ?—О. Я отъ него самого слышалъ, что станичный атаманъ, урядникъ Данильчекъ, старался причинить ему разныя неудовольствія и что мясникъ вовсе пересталъ отпускать мясо.— В. Когда вину нѣкоторыхъ явленій онъ приписывалъ правительству, то какъ вы принимали: было ли это его убѣжденіе, т. е. объяснялъ ли онъ это ошибкою правительства, или говорилъ съ цѣлью агитаціи и вообще относился враждебно?—О. Я смотрѣлъ на эти сужденія съ такой точки зрѣнія, что Рождественскій совершено не знакомъ съ задачами государства и поэтому судитъ вполнѣ ошибочно. Свид. Григорій Гей (фельдшеръ лазарета въ Прохладной) показалъ, что въ 1875 г. въ лазаретѣ лежалъ съ переломленными ребрами и раздавленной ступней крестьянинъ Заикинъ, который просилъ у доктора Рождественскаго почитать какую-нибудь книжку, и такъ какъ онъ былъ неграмотный, то свидѣтель читалъ ему; потомъ онъ просилъ другую и затѣмъ третью книжку. Въ первой былъ разсказъ ста-

рика возвратившагося изъ ссылки; во второй говорилось о фабрикѣ, какихъ-то двухъ братьяхъ, и третья была подъ заглавіемъ «Гдѣ лучше». При чтеніи Рождественскій не присутствовалъ и никакихъ разъясненій при свидѣтелѣ не дѣлалъ.—Свид. Акимъ Заикинъ показалъ, что былъ зашибленъ лѣсомъ и лежалъ въ Прохладной въ лазаретѣ. Онъ вылежалъ 17 сутокъ на спинѣ. «Мнѣ было тягостно лежать, сказалъ свидѣтель, поэтому я просилъ Ивана Александровича (Рождественскій), чтобы далъ мнѣ вродѣ какой сказки. Читать я не умѣю, но ради скуки просилъ; они дали одну книжка. Ее мнѣ Гей читалъ. Потомъ другую дали. Три штуки давалъ».—Пом. прис. пов. Гернгроссъ. Вы долго лежали въ лазаретѣ?—Свид. Заикинъ. 30 сутокъ.—В. Рождественскій хорошо ухаживалъ за вами?—О. Хорошо ходилъ. Я благодарю. Если бы не они, то мнѣ не жить. (Спрошенные свидѣтели были уволены, и засѣданіе прервано до 11-ти часовъ слѣдующаго дня).

Прочитанъ актъ слѣдующаго содержанія: 1875 года, декабря 1-го дня, въ Сущевскомъ частномъ домѣ, жандармскій унтеръ-офицеръ Иванъ Горбачевъ, осматривая принесенныя содержащемуся при части потомственному почетному гражданину Василію Григорьевичу Георгіевскому его сестрою вещи и пищу, нашелъ въ моемъ присутствіи въ намазанномъ масломъ бѣломъ хлѣбѣ завернутую въ свинцовую бумагу записку, которую я, приставъ Сущевской части, маіоръ Жариковъ, препроводилъ вмѣстѣ съ сестрою Георгіевскаго на распоряженіе московскаго губернскаго жандармскаго управленія. Прочитанъ актъ осмотра квартиры дочери священника Надежды Григорьевны Георгіевской, проживающей вмѣстѣ съ дочерью священника Екатериной Александровной Введенской, гдѣ застали спящею на кровати дочь дворянина Вѣру Андреевну Шатилову. При входѣ въ квартиру для производства обыска, Георгіевская, а также Введенская стремительно бросились къ столу и разорвали нѣсколько записочекъ, которыя были отобраны и опечатаны. По обыску оказались: переплетенная книга съ замѣтками и названіями разныхъ сочиненій, четыре запечатанныя письма, на имя какого-то Б—ляръ Мартыновича Степанова, въ собственныя руки, два листа бумаги, написанные цифреннымъ шифромъ, и клочекъ почтовой бумаги, содержащій въ себѣ письмо, повидимому, отъ содержащагося подъ стражей въ настоящее время Василія Георгіевскаго. О всѣхъ этихъ вещахъ Георгіевская отозвалась незнаніемъ. Во второй комнатѣ у Введенской найдено три экземпляра «Сила солому ломитъ»—Наумова; одинъ экземпляръ сочиненія Чернышевскаго «Объ общинномъ владѣніи землей»; два экземпляра журнала «Впередъ» и пять писемъ на ея имя, которыя она признала за свои, а также и всѣ вышепоименованныя книги. Стоявшій въ ея комнатѣ станокъ пріобрѣтенъ ею для переплетанія книгъ. Все вышеизложенное опечатано для представленія въ московское губернское жандармское управленіе. При составленіи протокола Георгіевская, стоявшая у окна, отправилась на минуту изъ комнаты и тотчасъ по ея выходѣ прапорщикомъ Ловягинымъ былъ усмотрѣнъ человѣкъ, бѣжавшій съ лѣстницы, за коимъ былъ посланъ полицейскій унтеръ-офицеръ Петръ Бердешниковъ, который и поймалъ его въ Спиридоньевскомъ переулкѣ. Человѣкъ этотъ оказался врачемъ Василіемъ Семеновичемъ Ивановскимъ, при коемъ по обыску оказался портъ-монэ съ тремя стами рублей серебромъ и нѣсколькими почтовыми марками. По пріѣздѣ поручика Чурсина на мѣсто обыска, жилицею дома Варгина, мѣщанкою Анной Никитиной Титовой, передано ему было письмо, полученное ею по ошибкѣ отъ почтальона и уже вскрытое ею, письмо это на имя Георгіевской и начинается словами: «Сегодня я получила отъ тебя, милая моя Надя» и кончающееся: «пиши же, милая моя Надя, ко мнѣ», которое тоже опечатано. При

составленіи протокола въ квартиру г-жи Георгіевской явилась неизвѣстная женщина, которая сначала не хотѣла назвать своего званія, но послѣ объявила, что она домашняя учительница Крамеръ, живущая въ томъ же кварталѣ въ домѣ Оболенскаго. По обыску при ней ничего не оказалось. Первоприсутствующій. Подс. Георгіевская, вы признаете дѣйствительность произведеннаго обыска и найденныя при этомъ вещи?—Подс. Георгіевская. Я признаю, но не всѣ. Напримѣръ, конвертовъ на имя Кардашева.—Первоприсутствующій. Подсудимая Введенская, вы признаете дѣйствительность обыска и найденныя книги и письма?—Подс. Введенская. Конверты принесены утромъ 1-го декабря для передачи Георгіевской. Они были запечатаны, и я не знала, что тамъ находится. Протоколъ составленъ не совсѣмъ правильно. Сказано, что я рвала письма, но этого не было. Къ столу я не бросалась и писемъ не рвала, такъ какъ я не знала содержанія ихъ. Встрѣтивъ у дверей жандарма, я хотѣла вернуться къ столу, но жандармы тотчасъ же удержали меня и осмотрѣли мои руки. У меня ничего не оказалось. Подс. Георгіевская. Я подтверждаю ея показаніе. Предъявлены разорванныя письма, причемъ Георгіевская признала, что нѣкоторыя разорвала она, изъ которыхъ одна записка писана ея рукою, а остальныя—не знаетъ. Введенская заявила, что никакихъ писемъ не рвала. Шифрованныя письма предъявлены подсудимому Здановичу, который заявилъ: «Письма эти мои, только я не могу объяснить, какимъ образомъ они попали на квартиру Георгіевской и Введенской. Они писаны къ лицу, которое до сихъ поръ на свободѣ. На дознаніи я не зналъ, что письма найдены у Георгіевской и Введенской, и я этого никакъ не могъ предполагать.» Предъявлены письма подсудимому Кардашеву, который заявилъ, что одно письмо писано не его рукою, а остальныя письма его. Первоприсутствующій. Не пожелаете ли дать объясненіе относительно денегъ, найденныхъ у васъ, такъ какъ на дознаніи вы отказались дать по этому предмету объясненіе?—Подс. Кардашевъ. Я далъ полное объясненіе, какое только могъ, и теперь, если угодно, повторю. Въ іюнѣ 1874 года я за границей получилъ извѣстіе, чтобы ждалъ письма. Затѣмъ я получилъ анонимное письмо, въ которомъ говорилось, что Чекоидзе арестованъ и что онъ не признается, а потому на него смотрятъ какъ на важнаго преступника; что его нужно убѣдить сознаться; причемъ мнѣ совѣтовали взять его бумаги и постараться его убѣдить, чтобы онъ назвалъ себя, дабы я могъ взять его на поруки. Для этой цѣли я досталъ денегъ и, воспользовавшись его паспортомъ, переѣхалъ черезъ южную границу, такъ какъ черезъ сѣверную боялся ѣхать, потому что меня тамъ могли узнать, и пріѣхалъ въ Москву. Авторомъ анонимнаго письма оказался князь Циціановъ. Оказалось, что мой пріѣздъ былъ излишнимъ, потому что Чекоидзе я не могъ убѣдить; онъ вообще имѣлъ чрезвычайно упорный характеръ. Переписка съ нимъ происходила черезъ Циціанова, но какимъ образомъ—я не знаю. Деньги такимъ образомъ остались у меня. Впослѣдствіи я докажу, что онѣ не могли принадлежать организаціи. Мнѣ дала ихъ одна личность, которую я не хочу назвать. Я могъ употребить ихъ какъ желалъ, и такимъ образомъ съ юридической стороны онѣ какъ бы принадлежали мнѣ, но съ нравственной стороны я долженъ былъ употребить ихъ только для извѣстной цѣли, а именно, чтобы взять на поруки Чекоидзе. Поэтому деньги эти не принадлежали обществу. Пакетъ попалъ къ Георгіевской вслѣдствіе того, что на меня было подозрѣніе, и я придумалъ найти довѣреннаго человѣка, который сказалъ бы, что деньги его. Я придумалъ написать къ роднымъ... Я разсчитывалъ, что, видя меня въ несчастіи, они могли бы согласиться на мое требованіе. Теперь я радъ, что письма мои попались. Я переписывался съ Кивидзе, который долженъ былъ самъ поѣхать или найти

вѣрнаго человѣка для доставленія письма на Кавказъ, потому что я опасался послать его по почтѣ. Я нашелъ такого господина, который предложилъ мнѣ свои услуги; но какъ письма попали къ Введенской и Георгіевской—я не могу объяснить. Я ихъ вовсе не знаю. Объясненіе это лежитъ на Кивидзе и на обвиняемыхъ. Позвольте мнѣ разсказать о моемъ первомъ пріѣздѣ. Я начну свою исторію. Въ 1864 году я поступилъ въ школу межевщиковъ въ Тифлисѣ. Вмѣстѣ со мною поступилъ Чекоидзе. Я кончилъ курсъ въ 1871 году и три года служилъ. Потомъ, по обстоятельствамъ, которыя, если вы найдете нужнымъ, я могу разсказать, но которыя не особенно будутъ пріятны и мнѣ, и вамъ, я долженъ былъ выйти въ отставку. Насъ шесть братьевъ. Я поѣхалъ домой въ отпускъ, и по моей просьбѣ мы раздѣлились. Каждому изъ насъ досталось по 3500 руб. Это время было горячее; въ Цюрихѣ стали относиться критически къ тому, что дѣлается здѣсь. Родные знали это и просили держаться дальше, если я поѣду заграницу, и избѣгать того, что осуждается въ Россіи. Поэтому я поѣхалъ въ Дрезденъ. Всѣмъ извѣстно, что это самое спокойное мѣсто. Я пріѣхалъ туда, не зная нѣмецкаго языка, и мнѣ пришлось трудиться цѣлый годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ былъ пополнить мои знанія, чтобы поступить въ политехническую школу. Черезъ 8 мѣсяцевъ я уже могъ поступить, а еще черезъ полгода профессора нашли возможность дать мнѣ стипендію Новаковскаго. Чекоидзе также кончилъ курсъ и поступилъ въ Петербургѣ въ артиллерійскую школу. Мы съ нимъ переписывались, но во время моихъ усиленныхъ занятій въ Дрезденѣ я долго не писалъ къ нему. Оказалось, что въ 1874 г. онъ былъ въ Парижѣ съ другими товарищами, а на обратномъ пути онъ заѣхалъ ко мнѣ въ Дрезденъ. Онъ ѣхалъ въ Москву, но какія имѣлъ цѣли—я не зналъ. Мы хотѣли предпринять путешествіе въ Москву вмѣстѣ, но въ то время у меня были большія занятія, и я обѣщалъ пріѣхать на праздники съ цѣлью посмотрѣть Москву. Онъ уѣхалъ одинъ. Въ половинѣ февраля я выѣхалъ изъ Дрездена. Въ Москвѣ мы съѣхались, какъ было условлено, въ гостиницѣ Шевалдышева, слѣдовательно, въ обвинительномъ актѣ сказано невѣрно, что я со всѣми обвиняемыми знакомъ. Я зналъ только Чекоидзе и Гамкрелидзе. Но если бы я и зналъ всѣхъ, то это не служитъ доказательствомъ моей виновности. Я пріѣхалъ къ Чекоидзе въ гостиницу Шевалдышева. Въ то время никакихъ сходокъ не было. Обвинительный актъ говоритъ, что я тогда уже пропагандировалъ, слѣдовательно, былъ членомъ кружка. Но, если бы такъ, то, вѣроятно, Скворцова видѣла бы хотя разъ, что я бывалъ въ кружкѣ, или кто-нибудь изъ рабочихъ меня встрѣчалъ бы, тѣмъ болѣе, что нашъ типъ кидается въ глаза. Въ половинѣ марта я уѣхалъ назадъ за границу. Слѣдовательно, я не могъ знать, какъ утверждаетъ обвинительная власть, что будутъ аресты, и я не укрывался, потому что въ то время не было арестовъ. Я взялъ заграничный паспортъ у губернатора. Чекоидзе также взялъ паспортъ и хотѣлъ ѣхать на югъ, потому что онъ былъ боленъ. Я выѣхалъ раньше его. Второго пріѣзда я уже кратко коснулся. Это было для взятія Чекоидзе на поруки и для убѣжденія его объявить свою фамилію.—Прис. пов. Хартулари. Не пожелаютъ ли подсудимые, на которыхъ ссылается Кардашевъ, подтвердить или опровергнуть его показанія.—Первоприсутствующій. Если желаютъ, то могутъ.—Подс. Чекоидзе. Я съ Кардашевымъ знакомъ со школы, гдѣ вмѣстѣ учились. Кончивъ курсъ, я поступилъ въ артиллерійское училище, но по болѣзни вышелъ. Въ апрѣлѣ я хотѣлъ держать экзаменъ въ технологическій институтъ, но тамъ въ это время не принято экзаменовать, а, по предписанію доктора, я долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга. Я выѣхалъ за границу 7 іюня 1874 г. и прожилъ тамъ по декабрь. Мы были вмѣстѣ съ Джабадари и Дмитріевымъ.

Джабадари уѣхалъ изъ Парижа въ сентябрѣ. Въ показаніи Дмитріева говорится, что получено письмо: «Братья, граждане!», но Джабадари получалъ письма только отъ отца, а Дмитріевъ отъ двоихъ знакомыхъ. Я же не получалъ писемъ. Я остался въ Парижѣ, потому что хотѣлъ поступить въ политехническую школу, но въ концѣ 1874 г. я получилъ письмо отъ отца, чтобы пріѣхалъ немедленно. Я переписывался еще съ Кардашевымъ и поѣхалъ къ нему въ Дрезденъ. Я не зналъ его адреса тамъ и могъ его найти только въ русской церкви, гдѣ онъ пѣлъ. Я нашелъ его и пригласилъ вмѣстѣ ѣхать въ Россію. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я остановился у товарищей и пробылъ до 15 февраля. Тутъ мнѣ было предложено моимъ товарищемъ оказать ему маленькую услугу. Онъ какимъ-то образомъ попался въ передачѣ журнала «Впередъ», за что преслѣдовался. Онъ спросилъ, не знаю ли я какого-нибудь способа какъ-нибудь его укрыть. Я сказалъ, что можно только посредствомъ паспорта. Онъ явился черезъ недѣлю и попросилъ у меня паспортъ. Я, какъ товарищъ, далъ ему. Послѣ этого я находилъ неловкимъ оставаться въ Петербургѣ и поѣхалъ въ Москву. Тамъ я встрѣтилъ Кардашева и сказалъ, что беру для себя паспортъ, который и былъ взятъ при помощи медицинскаго свидѣтельства изъ канцеляріи московскаго губернатора. Взявъ паспортъ, я выѣхалъ въ Петербургъ, а Кардашевъ уѣхалъ въ Дрезденъ. Я передалъ паспортъ товарищу, а самъ взялъ адресъ съ цѣлью уѣхалъ на Кавказъ. Я поселился въ Москвѣ въ номерахъ Зимина и жилъ здѣсь три дня. Затѣмъ нѣсколько дней жилъ въ номерахъ вмѣстѣ съ Джабадари, а потомъ переѣхалъ на Медвѣжью улицу. Спустя нѣсколько дней, мнѣ предлагаютъ другую комнату, лучшую. Я былъ удивленъ этимъ, но послѣ объяснилъ это слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ то время долженъ былъ пріѣхать князь Циціановъ, котораго мы ждали вмѣстѣ съ Джабадари. Въ одинъ изъ вечеровъ заходитъ ко мнѣ жандармскій офицеръ, кажется, г. Буцкевичъ, останавливается въ дверяхъ и обозрѣваетъ комнату. Наконецъ, онъ извинился, что попалъ не туда. Если мнѣ перемѣнили комнату, то значитъ арестъ мой предполагался заранѣе. Я уже посѣщалъ домъ Корсака. Я вмѣстѣ съ Джабадари встрѣтился съ Бардиной и посѣщалъ ее. Я день ото дня ждалъ ареста, хотя не предполагалъ за что. Князь Циціановъ уѣхалъ, взявъ бумаги Джабадари, а я взялъ свидѣтельство изъ артиллерійскаго училища, и такъ какъ у Джабадари не было денегъ, то онъ долженъ былъ взять ихъ у Бардиной. Джабадари явился поздно, когда Циціановъ долженъ былъ уже уѣхать. Я остался съ одними своими документами и вмѣстѣ съ Джабадари отправился къ Бардиной, гдѣ былъ задержанъ. Спустя полтора года, я не давалъ никакихъ объясненій, потому что въ апрѣлѣ попался въ перепискѣ. — Подс. Гамкрелидзе. Съ Кардашевымъ я былъ знакомъ лѣтъ 5 или 6 назадъ. Въ Москвѣ встрѣтился, когда онъ пріѣхалъ изъ-за границы. Самъ Кардашевъ мнѣ говорилъ, что Циціановъ писалъ ему, гдѣ меня разыскать. Потомъ я желаю еще дать объясненіе относительно билета на 1100 руб., найденнаго у Кардашева. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что будто бы билетъ поступилъ въ приданое моей жены, но когда я просилъ у тещи руку дочери, я не зналъ даже о приданомъ и не требовалъ. Но этотъ билетъ, какъ говорила мнѣ жена, принадлежалъ ей. Этотъ билетъ былъ у меня. Я нуждался въ деньгахъ и говорилъ это при Кардашевѣ. Кардашевъ предложилъ мнѣ деньги, и я взялъ. Мнѣ нужно было обезпечить ему мой долгъ, а мнѣ деньги нужны были какихъ-нибудь недѣли на двѣ; въ виду этого, я считалъ лишнимъ мѣнять билетъ и потому я ему передалъ его съ тѣмъ, что когда верну ему деньги, то онъ возвратитъ мнѣ билетъ; а если не въ состояніи буду уплатить, то онъ размѣняетъ и часть оставитъ за долгъ, а остальныя вышлетъ мнѣ изъ-за границы.—Подс. Джабадари. Я вполнѣ подтверждаю показа-

ніе Чекоидзе относительно его отношеній ко мнѣ. Что касается его отношеній къ Кардашеву, то я этого не знаю.—Прис. пов. Спасовичъ, въ виду того, что въ записной книжкѣ Кардашева попадаются разныя буквы и слова, которыя обвиненіемъ истолковываются, какъ относящіяся къ Вѣрѣ Любатовичъ, просилъ спросить Кардашева, записывалъ ли онъ въ книжку что-нибудь подобное.—Подс. Кардашевъ. Мою записную книжку я велъ очень аккуратно. Тамъ записано, что была переписка съ «Вѣрой», съ «буквой А», съ «Рыжимъ» и т. д. Такъ какъ здѣсь обвиняется какой-то рыжій, то обвиненіе видѣло, что и другія лица, бывшія со мною въ перепискѣ, были въ пропагандѣ. Но по одному имени «Вѣра» нельзя заключать, что это Вѣра Любатовичъ. Я писалъ письма и до сихъ поръ пишу къ этимъ буквамъ, и самъ прокуроръ пропускаетъ ихъ, не находя ничего преступнаго. Я переписывался съ «Рыжимъ», но я могъ переписываться съ какимъ угодно рыжимъ, и это не могло быть преступно. Г. Здановича я никогда и нигдѣ не встрѣчалъ, а «Вѣра» это была Вѣра Дмитріевна Глѣбова на Кавказѣ. Она пріѣхала сюда и теперь, кажется, въ медицинской академіи. Я переписывался съ нею. Теперь относительно паспорта—почему я жилъ подъ чужимъ. Въ послѣдній пріѣздъ, когда я увидѣлъ, что мои заботы излишни относительно Чекоидзе, мнѣ нужно было вырваться самому. Такъ какъ я не имѣлъ своихъ документовъ, то обратился къ Гамкрелидзе, который ничего не могъ мнѣ найти, потому что онъ былъ, кажется, проѣздомъ. Но такъ какъ онъ часто встрѣчалъ Циціанова, то обѣщалъ мнѣ достать паспортъ. Я просилъ его достать лучше чужой, но настоящій паспортъ, нежели фальшивый. Онъ мнѣ досталъ видъ кн. Кочакидзе. Паспортъ былъ потертый, старый. Гамкрелидзе въ то время собирался ѣхать на югъ по своимъ дѣламъ, и я также хотѣлъ ѣхать. Въ Москвѣ нельзя было достать заграничнаго паспорта, и я напрасно хлопоталъ въ канцеляріи губернатора три дня. Поэтому я нашелъ нужнымъ поѣхать куда-нибудь въ провинцію и тамъ взять заграничный паспортъ. Для этого я пріѣхалъ въ Орелъ. Можетъ быть, у меня были женщины въ номерѣ, но это не были Субботины, и объяснять какія это женщины—нѣтъ надобности. Я жилъ въ Орлѣ лишь столько времени, сколько нужно было, чтобы взять заграничный паспортъ. Затѣмъ 13-го іюля я уѣхалъ въ Москву. Тамъ я встрѣтилъ князя Циціанова и ходилъ съ нимъ нанимать квартиру. Я пробылъ тамъ четыре дня и видѣлъ на квартирѣ у Циціанова Вѣру Любатовичъ, но вовсе не интересовался знать, живетъ ли она съ Циціановымъ или нѣтъ. Такимъ образомъ, объясняется, почему я имѣлъ заграничный паспортъ. Я не хочу сказать, что не виновенъ въ нарушеніи установленнаго закономъ порядка, но въ томъ не было никакой опасности, если я жилъ подъ другимъ именемъ. Насчетъ денегъ 1100 руб. Гамкрелидзе объяснилъ все какъ было. Ему нужны были деньги, а онъ имѣлъ только этотъ билетъ, по которому нужно было получить деньги черезъ годъ. Я ему предложилъ денегъ. Противорѣчія въ моемъ показаніи не было, если я сказалъ сначала, что этотъ билетъ мой, а потомъ—что не мой. Если бы Гамкрелидзе уплатилъ мнѣ деньги, то билетъ не мой, а если бы не заплатилъ, то билетъ мой.—Подс. кн. Циціановъ. Я подтверждаю его показаніе относительно всего, что онъ показалъ. Дѣйствительно, я вызывалъ его изъ-за границы по поводу дѣла Чекоидзе. Я считалъ себя обязаннымъ отправить его обратно и далъ ему видъ. Относительно квартиры я могъ заявить, что это была простая встрѣча. Когда я хотѣлъ мѣнять квартиру, мы вмѣстѣ пошли и наняли; я заплатилъ задатокъ и взялъ квартиру для себя. Кардашевъ тутъ выразился относительно проживанія моего вмѣстѣ съ Любатовичъ на квартирѣ. Онъ такъ сказалъ, что не зналъ жила ли со мною Вѣра Любатовичъ. Дѣйствительно, она взяла для себя одну комнату въ этой квартирѣ и проживала

тамъ. Но изъ этого нельзя дѣлать какихъ-нибудь намековъ.—Первоприсутствующій. Подсудимыя Георгіевская и Введенская, у васъ найдено разное платье—мужское и женское, крестьянское и городское. Не можете ли вы дать объясненіе по этому предмету?—Подс. Георгіевская. Эти вещи принадлежатъ мнѣ, но я не знала, какія это вещи. Мой братъ, уѣзжая изъ Петербурга, оставилъ мнѣ узелъ съ вещами. Когда его арестовали въ Москвѣ, и я поѣхала туда, то взяла эти вещи. Я думала, что онѣ ему понадобятся. На дознаніи я показала, что купила эти вещи, но я это показала для того, чтобы не компрометировать брата.—Прис. пов. Хартулари, перечисляя документы на которые просилъ ссылаться, упомянулъ о билетѣ Тумановой въ 1100 рублей, на которомъ, по его заявленію, нѣтъ передаточной надписи.— Тов. оберъ-прокурора просилъ предъявить этотъ билетъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, находящихся въ мѣстѣ засѣданія особаго присутствія, этого билета не было, такъ какъ онъ хранится въ зданіи Правительствующаго Сената, какъ объявилъ объ этомъ первоприсутствующій, распорядившись, чтобы билетъ былъ доставленъ къ слѣдующему засѣданію. На другой день билетъ былъ предъявленъ сторонамъ, и на немъ оказалась бланковая надпись госпожи Тумановой, засвидѣтельствованная нотаріусомъ. Относительно прочитаннаго показанія свидѣтеля Дмитріева подсудимый Джабадари заявилъ, что изъ этого показанія не видно, чтобы онъ познакомилъ Дмитріева съ Здановичемъ и что Дмитріевъ не получалъ письма «братья, граждане!» Подс. Здановичъ. Я считаю нужнымъ заявить, что я письма Джабадари въ Парижъ не писалъ и къ нему на квартиру не ходилъ. Относительно Дмитріева, который говоритъ, что познакомился со мной въ Петербургѣ, замѣчу, что въ 1871 г. его не было въ Петербургѣ, такъ какъ онъ кончилъ курсъ въ 1873 году. Подс. Чекоидзе. Я зналъ Здановича за Іоселіани, какъ мнѣ его предъявляли.—Была предъявлена записка подсудимой Георгіевской къ ея брату, которую она признала за свою. Прочитанъ актъ о задержаніи подсудимаго Нуромскаго. Первоприсутствующій. Подсудимый Нуромскій, вы были задержаны?—Подс. Нуромскій. Да, былъ.—В. Вы признаете фактъ изорванія записки?—О. Да, но только я не изъ рукъ жандарма вырвалъ, а со стола взялъ.—Прочитанъ актъ осмотра записки, которая была дана свидѣтелю Богданову для передачи содержащемуся въ заключеніи, причемъ неизвѣстный былъ задержанъ и отказался какъ отъ передачи записки Богданову, такъ и отъ дачи показаній и не заявилъ своей фамиліи. Затѣмъ была прочитана записка, данная Богданову, въ которой, между прочимъ, просятъ отвѣчать поскорѣе и говорится, что по полученіи отвѣта приступятъ къ дѣлу. Просятъ писать о болѣе удобномъ пути, если таковой найдется. Спрашиваютъ, не нужно ли денегъ. Первоприсутствующій. Подсудимый Агаповъ, вы приходили въ тюрьму.—Подс. Агаповъ. Я приходилъ. —В. Вы передавали записку Богданову?—О. Я передалъ, но того человѣка, которому она была назначена, не оказалось въ городской части. Я ошибся.—В. (по просьбѣ защиты). Но вы кого спрашивали?—О. Фамилію забылъ.—В. Имя и отчество сказали?—О. Алексѣй Ивановъ. Нуромскій тоже Алексѣй Ивановъ, но я его не зналъ.—Свид. Ольга Карабанова показала, что у нея на квартирѣ жили Георгіевская и Введенская. Въ ея отсутствіе ихъ взяли. Введенская вела себя хорошо; она каждое утро отправлялась на уроки и являлась въ четыре часа. Георгіевская находилась дома. Посѣщали ихъ нѣсколько мужчинъ, въ числѣ которыхъ черный бывалъ часто. Свидѣтельница разъ поглядѣла въ ключное отверстіе двери и видѣла, что Георгіевская сидѣла и писала, а съ нею сидѣлъ черный мужчина. Затѣмъ свидѣтельница однажды видѣла въ комнатѣ Георгіевской пепелъ отъ сожженной бумаги. Квартира состояла изъ двухъ комнатъ; первую

занимала Георгіевская, а вторую Введенская. Приходила одна женщина, бѣлокурая, которую называли Вѣра Андреева, и мужчина, Иванъ Ивановичъ. Свид. Кондратій Богдановъ (мушкетеръ городской части) показалъ, что на Новый Годъ, когда онъ былъ дежурнымъ, къ нему пришелъ пожарный служитель и сказалъ, что какой-то мужчина спрашиваетъ Богданова. Свидѣтель вышелъ и видитъ, что спрашивавшій ему незнакомъ. Онъ спросилъ, что ему нужно? Неизвѣстный сказалъ: «Я хочу просить васъ кое о чемъ, но сейчасъ не могу сказать. Пойдемте въ трактиръ». На это свидѣтель сказалъ, что не можетъ отлучиться въ трактиръ, а если угодно, то пожалуйте въ кабакъ—выпьемъ по стаканчику. Пошли въ кабакъ. Тамъ неизвѣстный просилъ его передать записочку Алексѣю Иванову, высокаго роста, сухощавому, содержавшемуся подъ арестомъ. Свидѣтель не соглашался, говоря, что это дѣло опасное. Но неизвѣстный просилъ и свидѣтель взялъ у него записку, три карандаша и получилъ 3 руб. Имѣя намѣреніе задержать этого человѣка, онъ просилъ его дойти вмѣстѣ съ нимъ до частнаго дома, чтобы спроситься у начальства и пойти въ трактиръ попить чайку. Неизвѣстный остался у воротъ, а свидѣтель побѣжалъ въ канцелярію, передалъ записку и деньги и заявилъ обо всемъ старшему унтеръ-офицеру. Посмотрѣли списокъ заключенныхъ, но въ немъ Алексѣя Иванова не оказалось. Свидѣтель пошелъ къ неизвѣстному и сказалъ, что итти чай пить онъ не можетъ, и спросилъ, вѣрно ли онъ назвалъ арестанта, такъ какъ въ спискѣ такого не оказалось. «Я сказалъ ему, продолжалъ свидѣтель, что самъ смотрѣлъ списки». Онъ отвѣтилъ: «пойду домой и узнаю хорошенько, а завтра приду». Я пошелъ и сказалъ въ канцеляріи, гдѣ мнѣ сказали, что когда онъ придетъ, то чтобы заявить. На другой день онъ пришелъ и сталъ приглашать меня въ трактиръ. Я сказалъ, что пойду попрошусь. Прихожу къ канцелярію и заявилъ. Старшій унтеръ-офицеръ сталъ приглашать его въ канцелярію; онъ сталъ упираться, но видитъ, что ничего не сдѣлаешь, долженъ былъ итти. Его привели прямо къ частному приставу, которому унтеръ-офицеръ еще съ вечера передалъ все. Приставъ сталъ спрашивать: «кто вы такой», и вынимаетъ изъ стола деньги и записку. «Это ваши?» Онъ говоритъ: «Я ему ничего не давалъ». «Кто вы такой?» «Я, говоритъ, этого сказать не хочу». Его приказали отвести въ жандармское управленіе, а тамъ его уже признали служащіе, потому что онъ тамъ уже былъ. Подс. Агаповъ. Такъ какъ я раньше не содержался, какъ политическій преступникъ, то я не могъ знать, что всѣ арестанты сидятъ подъ фамиліями, а не подъ именами. Первоприсутствующій. Подсудимая Медвѣдева, въ прочитанномъ здѣсь письмѣ на имя Микеладзе, между прочимъ, упоминается, что всѣ бумаги у Медвѣдихи; кажется, былъ шпіонъ, но это пустяки и т. д. Затѣмъ у Георгіевской и Введенской было найдено шифрованное письмо, гдѣ говорится, что писали Медвѣдевой наставленіе, какъ она должна показывать. Вы имѣете что-нибудь общее со всѣмъ этимъ?—Подс. Медвѣдева. Совершенно ничего не имѣю общаго и не знаю, что они говорили. Я прошу авторовъ писемъ сказать—почему они это говорили. Подс. Зановичъ. Я не писалъ писемъ Медвѣдевой, но мнѣ для моихъ показаній нужно было написать. Медвѣдеву я вовсе не знаю. Подс. Кардашевъ. Вчера Циціановъ объяснилъ, какимъ образомъ было сдѣлано предложеніе. Я слышалъ, что Циціановъ 11-го или 10-го числа думаетъ какія-то бумаги отнести къ Медвѣдевой, и я полагалъ, что онъ ихъ отнесъ. Но это оказалось невѣрно и бумаги были уже взяты. Кромѣ того, я долженъ заявить, что здѣсь произошло маленькое недоразумѣніе. Циціановъ предложилъ вопросъ, что онъ не жилъ съ Вѣрой Любатовичъ, и я этого не говорилъ. Я хотѣлъ сказать, что не зналъ, квартировала ли она у него или только приходила. Первоприсутствую-

щій. Подсудимая Медвѣдева, вы получали депеши отъ Аристарховой?—Подс. Медвѣдева. Нѣтъ, онѣ получены послѣ ареста. Я получила письмо для передачи знакомому— Гамкрелидзе. Затѣмъ я получила письмо исключительно для одной Матвѣевой. Поэтому я и сказала на нее относительно всѣхъ писемъ.— Первоприсутствующій. Подсудимая Ольга Любатовичъ, телеграммы къ кому были адресованы?— Подс. Ольга Любатовичъ. На имя Медвѣдевой.—Подс. Медвѣдева. Она дѣйствительно говорила мнѣ, что изъ Одессы придетъ телеграмма и просила, чтобы я ей передала ее. Она говорила это, когда пріѣхала въ Москву и видѣлась со мною дней за пять до ареста. Подс. Хоржевская. Письма я писала. Они были назначены Циціанову, а Медвѣдеву я вовсе не знаю; я писала на ея имя потому, что мнѣ дали этотъ адресъ. Подс. кн. Цициановъ. Я адресъ этотъ узналъ отъ Гамкрелидзе. Я полагалъ, что если поручу Медвѣдевой бумаги, то она взяла бы ихъ. Подс. Медвѣдева. Я безъ малѣйшаго колебанія взяла бы. Предъявлено письмо къ Медвѣдевой, въ которомъ ее прямо называютъ Елена Петровна. Подс. Медвѣдева. Я не знаю шифра, поэтому не знаю, то ли это письмо, которое мнѣ было предъявлено и которое получено на мое имя послѣ моего ареста. Предъявлена записка, писанная грузинскими буквами. Подс. Медвѣдева. Я не могу признать этого клочка. Я даже сама не могу разобрать, что тутъ написано. Разъ я писала для того, чтобы испытать часового, который предложилъ мнѣ передать записку. Въ показаніи сказано, что будто бы я сама подозвала его и даже дала ему 20 коп.—Предъявлено еще письмо Медвѣдевой, которая на вопросъ первоприсутствующаго, чѣмъ объяснить, что оно адресовано къ ней, показала: «Исключительно однимъ предположеніемъ, что кто-нибудь изъ знакомыхъ говорилъ о моей личности. Можетъ быть, вышло какое-нибудь недоразумѣніе. Изъ обвиняемыхъ знаю одного только Гамкрелидзе, съ которымъ познакомилась въ Петербургѣ». Тов. оберъ-прокурора ходатайствовалъ о предъявленіи и прочтеніи еще письма, писаннаго Медвѣдевой, когда она содержалась подъ стражею. Подс. Медвѣдева признала это письмо за свое, писанное во время заключенія. Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, говорится: «черезъ ваши ли руки шли письма Рыжаго? Если да, то кому отдали, ибо я не получала, также и отъ другихъ не имѣю извѣстія. Открытъ ли Рыжій? Четвероногіе были увѣрены, что онъ—Іоселіани. Если еще не догадались сами, то вотъ средство сообщаться: завернуть записку въ свинцовый листокъ комкомъ и бросить на дно таза умывальника. Въ хлѣбъ не кладите; избѣгайте дежурства Дмитріева. Если удастся завести сношенія съ другими часовыми, то сообщите мнѣ. Кто-то въ пятомъ—не знаю . . . пусть четвертый скажетъ—что унималъ меня вчера. . . вчера унтеръ поставилъ часового у моей двери. Мнѣ даже стучать неудобно, ибо въ сосѣднихъ номерахъ жандармы. Кого увозили, кого привозили.... Рядовой Комковъ предложилъ передать письмо, не вѣрьте, Іуда—мое въ управленіе отдалъ». Свидѣтель Андрей Корнюхинъ показалъ: Я познакомился съ Сбромирскимъ въ 1872 году, когда онъ имѣлъ свою переплетную мастерскую. У него работалъ одинъ мой землякъ и родной мой братъ. Я приходилъ туда читать разныя книги и былъ коротко знакомъ съ Сбромирскимъ. Когда онъ бросилъ мастерскую, я съ годъ его не видалъ, а въ августѣ 1875 г. я съ братомъ жилъ въ деревнѣ Дубровкахъ. Туда явился Сбромирскій. Мы пошли съ нимъ въ трактиръ, выпили чаю, и онъ говоритъ: «приходи въ Дьяковскую улицу» и указалъ квартиру. Я говорю: «въ случаѣ меня спросятъ, кого нужно, то кого спросить?» Онъ говоритъ: «скажи, Овчинникова». Я пришелъ. Выходитъ женщина и спрашиваетъ, кого мнѣ нужно. Я спросилъ Овчинникова. Ко мнѣ вышелъ мужчина и говоритъ, что Сбромирскаго нѣтъ дома, подождите. Мы напились чаю,

а потомъ вмѣстѣ пошли. Прошли нѣсколько улицъ. Онъ зашелъ въ одинъ домъ и вынесъ оттуда двѣ книжки «Хитрую механику» и «Сказку о четырехъ братьяхъ», и сказалъ, чтобы я опасался съ этими книжками, и назначилъ свиданіе на Чистыхъ Прудахъ. Я отправился домой. Прочитавши книжки, вижу, что онѣ нехорошаго содержанія. Я побезпокоился отдать ихъ назадъ. Онъ далъ мнѣ еще книжку, и ту, прочитавши, я ему возвратилъ. Потомъ онъ велѣлъ приходить на квартиру въ Грязновскій переулокъ. Тамъ онъ назначилъ мнѣ свиданіе въ воскресенье на Чистыхъ Прудахъ. Я прихожу; дожидался до 3-хъ часовъ, но его не было, и я направился было домой, но мнѣ попадается человѣкъ, котораго я встрѣчалъ у него. Онъ спрашиваетъ: куда? Я говорю: къ Сбромирскому ходилъ. Онъ отвѣчаетъ: у насъ переполохъ, такъ какъ Овчинникова арестовали; если желаешь увидѣть Сбромирскаго, то пойдемъ. Пошли мы къ Смоленскому вокзалу, въ мастерскую; тамъ я встрѣтилъ Баринова и Сбромирскаго. Посидѣли; пошли въ трактиръ пить чай. Овчинникова я не видалъ. Сбромирскій назначилъ мнѣ свиданіе на 15 августа. Когда я пріѣхалъ въ послѣдній разъ, тогда увидѣлъ Овчинникова. Онъ разсказывалъ, что былъ въ жандармскомъ управленіи, и такъ какъ тамъ былъ обыскъ, то кто-то въ жандармскаго офицера выстрѣлилъ, но не ранилъ его; жалко, говорилъ, что не ранили; его нужно было бы убить. Потомъ мы отправились въ трактиръ и вышли въ поле у Смоленскаго вокзала. Тотъ человѣкъ, который пріѣхалъ съ Сбромирскимъ, взялъ изъ-подъ забора книжки и передалъ ему. Они спросили меня: можно ли у меня ночевать? Вотъ, говорятъ, этотъ человѣкъ пойдетъ съ тобою. Мы отправились съ этимъ господиномъ. Утромъ отправились опять туда. Овчинниковъ и Сбромирскій говорили, что мы возьмемъ тебя на заводъ и ты будешь получать хорошія деньги, а если тебя возьмутъ, то также, какъ и Баринова—однажды взяли, но отпустили; если возьмутъ, то мы не оставимъ твоихъ родителей, будемъ помогать имъ. Поговорили, и я отправился отъ нихъ. Еще до этого я приходилъ къ своему земляку Васильеву, который меня спрашивалъ, зачѣмъ ко мнѣ приходилъ Сбромирскій. Я говорю, предлагаетъ книжки. Онъ говоритъ: «Какія это книжки? Вотъ, говоритъ, въ вѣдомостяхъ написано, что есть книжки нехорошія». Это было въ то время, когда судили, и онъ получалъ вѣдомости. Сталъ читать названія книжекъ. Я слышу: «Хитрая механика» и «Сказка о четырехъ братьяхъ». Что мнѣ дѣлать, говорю, — книжки такія предлагаетъ Сбромирскій. Онъ говоритъ: пойди и объяви. Я взялъ книжку и объявилъ. У насъ было назначено свиданіе у Сухаревой башни. За нами уже слѣдили послѣ того, какъ я объявилъ: они пришли четверо, пошли въ трактиръ и тамъ насъ арестовали. Тов. оберъ-прокурора. Куда же они хотѣли васъ послать на заводъ?—Свид. Корнюхинъ. Хотѣли, кажется, въ Тулу.—В. Кто же принималъ участіе въ уговорѣ васъ?—О. Сбромирскій и тутъ же былъ Овчинниковъ. Онъ даже обѣщалъ сдѣлать паспортъ, только достань, говоритъ, бланкъ.—В. А Бариновъ?—О. Бариновъ былъ молчаливъ; онъ тогда собирался, кажется, въ Иваново. Онъ былъ скученъ. Разъ какъ-то сказалъ: скоро и меня возьмутъ. — В. Какія книжки вамъ давали читать?—О. «Хитрая механика», «Парижская коммуна» и «Сказка о четырехъ братьяхъ». Я все это представилъ въ жандармское управленіе.—Прис. пов. Войцеховскій. Вы сказали, что первоначально возвращали книжки Сбромирскому?—Свид. Корнюхинъ. Онъ опять далъ мнѣ и велѣлъ поберечь.—В. Слѣдовательно, ихъ дали вамъ только на сохраненіе? — О. Хочешь—самъ читай, хочешь—отдавай кому-нибудь.—В. Для какой цѣли васъ приглашали на лугъ у Смоленскаго вокзала?—О. Сбромирскій пригласилъ: я думалъ получить хорошее мѣсто отъ нихъ; они мнѣ предлагали.—В. Какъ зовутъ того, который ночевалъ у васъ? — О. Кажется, Николай. Онъ съ

Сбромирскимъ первый разъ приходилъ ко мнѣ. — Прис. пов. Боровиковскій. Вы Баринова знали раньше?—Свид. Корнюхинъ. Нѣтъ.—В. Придя на лугъ, вы тамъ встрѣтили Баринова?—О. Да, онъ тамъ съ Сбромирскимъ дожидался Николая.—В. Почему вы знаете, что дожидали?—О. Потому что Николай мнѣ говорилъ, что здѣсь ихъ свиданіе. — В. У васъ была своя квартира и у нихъ была—почему же они не дѣлали свиданія на квартирѣ? —О. У нихъ была квартира, но только что они сдѣлали свиданіе, то переѣхали на другую.—В. А къ вамъ нельзя было ходить?—О. Незачѣмъ ко мнѣ. Въ первый разъ у меня былъ Сбромирскій; въ другой разъ ночевалъ только Николай. У меня одна комната и тутъ вмѣстѣ живетъ хозяинъ.—Подс. Овчинниковъ. Все, что показываетъ Корнюхинъ, ложно. Я никогда на лугу его не видалъ и книгъ ему не давалъ. Я былъ на лугу съ Сбромирскимъ. Когда я содержался, то мнѣ разсказывали, что когда Корнюхинъ явился съ книгами, то его угощали чаемъ и дали 5 рублей денегъ. Подс. Бариновъ. Онъ показываетъ ложь изъ ненависти или за награду. Подс. Сбромирскій. Корнюхинъ раньше былъ знакомъ мнѣ. Съ Овчинниковымъ я знакомъ по семинаріи. Мнѣ нужно было сдѣлать вещи для токарнаго станка, и я просилъ Корнюхина. На лугу были: Овчинниковъ, Николай Ѳедоровъ, я и Корнюхинъ. Не помню, былъ ли Бариновъ или нѣтъ. Корнюхину никакихъ книгъ не передавали на лугу. Я видѣлъ, что Николай Ѳедоровъ передавалъ ему какой-то узелокъ, но по формѣ его нельзя заключить, чтобы были тамъ книги. У Сухаревой башни мы собрались не для того, чтобы отправить Корнюхина въ Тулу, потому что, когда насъ арестовали, у насъ не было и денегъ, такъ что не на что было отправить. На лугу былъ простой разговоръ о томъ, что не было денегъ и Овчинниковъ былъ безъ мѣста. Говорили, какимъ образомъ устроить положеніе Овчинникова. Потомъ отправились подъ Сухареву, чтобы продать кое-какія вещи. Подс. Овчинниковъ. Я подтверждаю это показаніе. Прис. пов. Войцеховскій (къ свидѣтелю). Что вы можете объяснить о томъ, что съ вами было въ жандармскомъ управленіи?—Свид. Корнюхинъ. Когда я самъ пришелъ и объявилъ, отдавъ книжки, меня спросили: гдѣ назначено свиданіе? Я сказалъ, что у Сухаревой башни. Тогда отправились туда чиновники и насъ арестовали.—В Вы, кажется, содержались въ тюрьмѣ—въ какое время?—О. Въ маѣ 1874 года.—В. За что?—О. За передѣлку паспорта.—Прис. пов. Боровиковскій. Не сказали ли вы сами Баринову, чтобы онъ пришелъ въ трактиръ у Сухаревой?—Свид. Корнюхинъ. Нѣтъ, я не имѣлъ надобности.—Подс. Бариновъ. Я былъ наканунѣ съ Корнюхинымъ. Я былъ безъ мѣста, и онъ сказалъ мнѣ: приходи, можетъ быть, мѣсто окажется. Подс. Сбромирскій. Баринова не было съ нами въ трактирѣ, т. е. онъ не сидѣлъ съ нами; онъ въ другомъ отдѣленіи находился, а тутъ только Николай Ѳедоровъ, я, Овчинниковъ и Корнюхинъ были. Свид. Петръ Голубкинъ показалъ, что въ первыхъ числахъ августа 1875 года приходилъ Сбромирскій и спрашивалъ, гдѣ живетъ Корнюхинъ. Свидѣтель спросилъ, зачѣмъ ему нуженъ Корнюхинъ. Онъ сказалъ, что ему выходитъ мѣсто на заводѣ; свидѣтель сказалъ адресъ и далъ мальчика (брата Корнюхина), съ которымъ Сбромирскій отправился въ деревню Дубровки. На другой день пришелъ Корнюхинъ, котораго свидѣтель спросилъ, дѣйствительно ли Сбромирскій нашелъ ему мѣсто на заводѣ? Онъ отвѣтилъ, что они должно быть сами безъ мѣста болтаются. Спустя дня четыре, Корнюхинъ говорилъ свидѣтелю, что его хотятъ отправить на заводъ. На это свидѣтель замѣтилъ, что Корнюхинъ не имѣетъ паспорта, и спросилъ, съ чѣмъ онъ поѣдетъ. Затѣмъ Корнюхинъ сказалъ, что господа предлагаютъ ему книжки и кладутъ жалованья 40 рублей въ мѣсяцъ. «Какія», го-

ворю, «это книжки они тебѣ предлагаютъ?» Я, говоритъ, не знаю. Я въ то время получалъ вѣдомости; сталъ читать про книжки и спросилъ Корнюхина: есть такія книжки? Онъ говоритъ—есть. Ну, говорю, ты за это не берись, потому что за эти книжки судятъ. Когда получишь, представь ихъ въ жандармское управленіе. Свид. Сергѣй Макаровъ показалъ, что работникъ его, Корнюхинъ, разъ приводилъ одного человѣка ночевать. Утромъ встали, сходили напиться чаю; послѣ этого они ушли. Подс. Сбромирскій. Этотъ человѣкъ былъ Иванъ Тимоѳеевъ Смирновъ. Прочитанъ протоколъ обыска въ домѣ священника Бѣляевскаго, причемъ были найдены книжки: сочиненія Чернышевскаго, Лассаля, изданія революціонной партіи, сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ и друг. Прочитанъ протоколъ обыска квартиры Трубецкого, причемъ найдены: «Парижская коммуна», «Сказка о четырехъ братьяхъ» и друг. Первоприсутствующій. Подсудимый Бѣляевскій, чѣмъ вы объясните нахожденіе у васъ книгъ, указанныхъ въ протоколѣ?—Подс. Бѣляевскій. Большая часть этихъ книгъ была получена мною отъ товарища по Петровской академіи въ 1875 году, а «Сказку о копейкѣ» и другія я оставилъ изъ тѣхъ книгъ, которыя получилъ отъ него для передачи въ Саратовъ. В. Вы много получили книгъ для передачи въ Саратовъ?—О. Да, много. Когда въ 1875 году кончились экзамены въ академіи, то мнѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать, ѣхать домой—я не имѣлъ денегъ. Поэтому большую часть времени я проводилъ или въ паркѣ академіи, или когда была работа—то на работѣ Разъ, въ паркѣ, послѣ обѣда, я сидѣлъ на скамейкѣ и курилъ. Ко мнѣ подошелъ господинъ, сѣлъ рядомъ и попросилъ закурить. Потомъ онъ сталъ разспрашивать о жизни Петровской академіи, о порядкахъ тамошнихъ. Я разсказалъ, что мнѣ было извѣстно. Потомъ онъ узналъ, что я сдалъ экзаменъ, но не уѣхалъ домой. Онъ спросилъ: почему? Я сказалъ, что денегъ нѣтъ. Онъ спросилъ: имѣю ли я знакомыхъ въ Саратовѣ? Я сказалъ, что есть знакомые. Онъ спросилъ, что если можете передать книги, то я могу дать вамъ денегъ на дорогу. Я согласился на это. Онъ далъ мнѣ книги и десять рублей; при этомъ онъ сказалъ какого рода книги. Съ идеями, которыя проводятся въ этихъ книгахъ, я былъ прежде знакомъ изъ политической экономіи и соціальныхъ наукъ. Кромѣ того, товарищъ мой, Поляковъ, давалъ мнѣ раньше читать книги, напр., «Сказку о четырехъ братьяхъ». Когда Поляковъ лежалъ въ больницѣ, и я его посѣщалъ, то онъ разсказывалъ мнѣ объ этихъ книгахъ. Этотъ господинъ велѣлъ мнѣ притти за полученіемъ книгъ на Николаевскую желѣзную дорогу. Я пришелъ, и онъ мнѣ передалъ ихъ. Онъ просилъ передать ихъ кому-нибудь въ Саратовѣ и сказалъ, что если мнѣ угодно, то я могу взять себѣ, сколько хочу. Такимъ образомъ, я привезъ книжки домой. Однажды, когда я узналъ, что сельскій учитель Виноградовъ ѣдетъ въ Саратовъ, я попросилъ отца, который поѣхалъ съ требой, передать тюкъ съ книгами Виноградову, чтобы онъ передалъ ихъ въ Саратовѣ Трубецкому, такъ какъ, хотя у меня были знакомые кромѣ Трубецкого, но я не зналъ ихъ адреса. Дома у меня никто не могъ видѣть книгъ и никто ихъ не бралъ и не читалъ. Я никому ихъ не показывалъ и даже никому о нихъ не говорилъ.—Первоприсутствующій. Вы были знакомы съ Трубецкимъ?—Подс. Бѣляевскій. Онъ мой товарищъ по семинаріи.—В. Вы предупреждали его о томъ, что пришлете книги?—О. Нѣтъ.—В. Какое же, вы думали, онъ сдѣлаетъ изъ нихъ употребленіе?—О. Собственно говоря, я исполнилъ только просьбу лица, которое передало мнѣ книги и просило просто передать въ Саратовъ, не назвавъ даже личности.—Первоприсутствующій. Подсудимый Трубецкой. Вы какъ получили книги?—Подс. Трубецкой. Относительно книгъ, найденныхъ у меня, я вполнѣ подтверждаю показаніе, данное мною на дознаніи,

что я получилъ ихъ отъ товарища своего, Полякова, въ то время, когда онъ лежалъ въ больницѣ. Книги я взялъ для прочтенія, но такъ какъ Поляковъ вскорѣ померъ и книги возвратить мнѣ было некому, то я держалъ ихъ у себя.—В. А относительно книгъ, полученныхъ отъ Бѣляевскаго?—О. Я ихъ не получалъ, такъ какъ онѣ были присланы въ Саратовъ, а я въ то время жилъ за двѣсти верстъ отъ Саратова. — Тов. оберъ-прок. заявилъ, что по оффиціальнымъ справкамъ, имѣющимся въ дѣлѣ изъ академіи, видно, что Бѣляевскій и Трубецкой находились въ академіи только съ 31-го августа 1874 г., а Поляковъ умеръ 4-го мая 1874 г., слѣдовательно, гораздо ранѣе поступленія подсудимыхъ въ академію.—Подс. Бѣляевскій и Трубецкой утверждали, что поступили въ академію вмѣстѣ съ Поляковымъ и что онъ умеръ въ маѣ 1875 года. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій присяжный повѣренный Герардъ представилъ телеграммы изъ Петровской академіи и саратовской семинаріи, изъ которыхъ видно, что, дѣйствительно, подсудимые поступили въ академію осенью 1875 года, и что Поляковъ умеръ въ маѣ того же года. Затѣмъ были прочитаны слѣдующіе четыре акта: I. По Трехпрудному переулку въ домѣ Буханова, въ квартирѣ, занимаемою дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варварою Николаевною Батюшковою, производившіе обыскъ застали двухъ неизвѣстныхъ людей, назвавшихся: 1. дворяниномъ Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда, Николаемъ Ѳедоровымъ Цвиленевымъ; 2. дворяниномъ Захаровымъ. У всѣхъ упомянутыхъ личностей былъ произведенъ самый строгій обыскъ, причемъ оказалось: у г-жи Батюшковой разсказъ «Митюха»; «Степные очерки» Левитова; «Юровая»; «Мірской учетъ»; газета «Впередъ»; «Крестьянскіе выборы» и рукопись на русскомъ языкѣ. У г. Цвиленева рукопись на трехъ полулистахъ и переписка; у г. Захарова аттестатъ, выданный изъ областного правленія войска Донского за № 10579. Все найденное при обыскѣ опечатано для представленія начальнику жандармскаго управленія. II. Былъ сдѣланъ осмотръ бумагамъ, найденнымъ въ карманѣ у задержаннаго въ квартирѣ Батюшковой дворянина Николая Цвиленева, причемъ оказалось: 1. Рукопись на одномъ полулистѣ и одной четвертушкѣ простой бумаги, выражающая взглядъ на стремленіе молодежи. 2. Клочекъ бумаги съ адресами Лучшева и Иванова, и 3. записка на одномъ полулистѣ и одной четвертушкѣ почтовой бумаги, начинающаяся словами: «Задаваясь вопросомъ— можно ли». III. По окончаніи обыска въ квартирѣ Батюшковой, она просила позволенія отлучиться, и ее сопровождалъ жандармскаго дивизіона унтеръ-офицеръ Иванъ Милитинскій; по выходѣ Батюшковой изъ отхожаго мѣста, Милитинскій нашелъ тамъ рукопись на четвертушкѣ и при передачѣ оной Милитинскимъ прапорщику Ловягину, Батюшкова, вырвавъ изъ рукъ Милитинскаго эту рукопись съ словами: «я этого не позволю» и разорвавъ оную на двое—часть вложила къ себѣ въ ротъ, а другую передала мгновенно сидѣвшему рядомъ съ ней Цвиленеву, сказавъ ему: «жуйте», и они оба тутъ же начали жевать, но общими усиліями клочки этой рукописи были вынуты изъ рта какъ Батюшковой, такъ и Цвиленева; послѣ того тѣмъ же унтеръ-офицеромъ Милитинскимъ была передана пачка разныхъ записокъ, вынутая имъ изъ пріемника. Все отобранное и найденное въ пріемникѣ опечатано для представленія начальнику жандармскаго управленія. IV. По осмотру бумагъ, отобранныхъ по обыску у дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвары Батюшковой, оказалось: 1. въ числѣ бумагъ, выброшенныхъ Батюшковою во время обыска въ отхожее мѣсто, находятся: а) Статья, написанная на двухъ листахъ почтовой бумаги, начинающаяся словами: «Германія» и оканчивающаяся «продолженіе слѣдуетъ», заключаетъ въ себѣ описаніе соціально- политической борьбы рабо-

чихъ союзовъ въ Германіи и пріемовъ, употребляемыхъ агитаторами для веденія среди рабочаго населенія Германіи соціально-революціонной пропаганды. б) Письмо, подписанное: «Твой отецъ, Капуцинъ», отъ 31-го іюля, на имя «Дорогой Нади», въ которомъ говорится, что госпожа, его писавшая, не можетъ получить денегъ, отказанныхъ ей по завѣщанію, ранѣе выхода замужъ, и проситъ Надю, а также проситъ попросить Варю и Наташу похлопотать и найти какого-нибудь охотника, который согласился бы «продѣлать эту комедь»; говорится, что въ этомъ случаѣ «цѣль вполнѣ оправдываетъ средства»; спрашивается, не согласится ли на это Николай или Семенычъ, и прибавляется: «Неужели изъ нихъ никто не согласится, если только они незаняты въ настоящее время болѣе важными дѣлами». в) Записка, писанная карандашемъ на имя Паши отъ имени К. Аркадакскаго, въ которой говорится, что какой-то «баринъ хочетъ поучиться сельскимъ работамъ и чтобы поэтому предоставить ему возможность исполнить его желаніе». г) Писанные на двухъ четвертушкахъ адресы разныхъ лицъ: въ Тулѣ, Вологодской губерніи, Вологдѣ, Москвѣ, Иркутскѣ, Уральскѣ, Вяткѣ, Саратовской губерніи, Терской области, Курской губерніи, Кіевѣ, Рязани, Смоленскѣ и Вильнѣ. Всѣ эти адресы принадлежатъ несомнѣнно тѣмъ лицамъ, чрезъ посредство коихъ ведутся сношенія по преступной пропагандѣ. Въ этомъ убѣждаетъ, во 1-хъ, отказъ Батюшковой отъ знакомства съ этими лицами; во 2-хъ, нежеланіе ея объяснить происхожденіе этихъ адресовъ, и, въ 3-хъ, самый внѣшній видъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напр., Вологодской губерніи г. Тотьма, Мардарію Разумниковичу Ржаницину, въ скобкахъ— Ал. Каменскому; Вологда, ученику 6-го класса духовной семинаріи Ал. Ник. Баженову, въ скобкахъ — Ѳадееву; Вятка, Преображенская улица, собств. д. св. Блиновъ, Леонид. Алекс. Шуравину, тире Грачев. Въ числѣ адресовъ записано: «Ѳарисовъ долженъ итти въ учителя семинаріи»; далѣе — «Прахуд. письмо доставл. и узнать насчетъ мѣста въ Пермской губерніи»; наконецъ, особо тою же рукою сдѣлана отмѣтка: «Поповъ — книги?!» д) Записка, подписанная Н. Армф. на имя Александра Сергѣевича, въ которой г-жа, по всей вѣроятности, Армфельтъ, благодаритъ за обиліе мѣстъ, но говоритъ, что теперь, пожалуй, не придется воспользоваться ни однимъ, ибо ей нашли мѣсто въ Полтавской губерніи у годового доктора; проситъ, когда будутъ писать Ивану Григорьевичу, сказать ему, чтобы не рѣшался ни на одно мѣсто, не предупредивъ, и говоритъ, что она плохо вѣритъ въ энергію Ивана Григорьевича. е) Письмо съ неразборчивою подписью, очевидно, касающееся распространенія книгъ преступнаго содержанія, слѣдующее: «Получивъ ваше письмо, гдѣ вы пишете о согласіи барыни на предлагаемое мѣсто, я немедленно послалъ письмо къ барину съ просьбой обстоятельно изложить условія. Онъ же пришлетъ и указанія, по которымъ можно будетъ его разыскать. Посылаю въ Москву кое-что изъ книгъ, но не знаю, какое количество тутъ необходимо, а потому коли у барышенъ, которымъ я ихъ послалъ, будетъ недостатокъ, то сообщите». Затѣмъ на оборотѣ приписка: «Передайте барышнямъ, что недостающее количество №№ 3-хъ я перешлю съ скоро имѣющейся быть оказіей». Остальныя бумаги особаго вниманія на себя не обращаютъ. Первоприсутствующій. Подсудимая Батюшкова. Вы признаете дѣйствительность того, что описано въ прочитанныхъ актахъ?—Подс. Батюшкова. Эти бумаги у меня найдены.—Первоприсутствующій. Подсудимый Цвиленевъ. У васъ были найдены бумаги? —Подс. Цвиленевъ. У меня.—Подс. Батюшкова (по осмотрѣ предъявленныхъ вещей). Изъ этихъ бумагъ мнѣ принадлежатъ только три письма и стихотвореніе. Остальныя бумаги мнѣ не принадлежатъ. Онѣ даны мнѣ были на храненіе.—Свид. Цвиленевъ (по осмотрѣ бумагъ). Это тѣ самые до-

кументы, которые найдены у меня.—Прис. пов. Герардъ обратилъ вниманіе на опечатку въ обвинительномъ актѣ, въ которомъ сказано, что найдено девять номеровъ газеты «Впередъ», тогда какъ найденъ только девятый номеръ.—Тов. оберъ-прок. подтвердилъ это заявленіе.— Свид. Анна Домасюкъ показала, что у нея на квартирѣ жилъ подсудимый Ивановъ; его посѣщали двѣ молодыя особы, изъ которыхъ одна приходила и нанимать квартиру. При этомъ свидѣтельница указала на подсудимую Батюшкову, какъ похожую на ту, которая приходила нанимать квартиру и бывала у Иванова. Свид. Дмитрій Соколовъ показалъ, что въ іюлѣ 1875 г. Ивановъ (свидѣтель) сказалъ, что получилъ запрещенныя книги и не знаетъ, что съ ними дѣлать, и такъ какъ жилъ на квартирѣ у офицера, то считалъ неудобнымъ сжечь ихъ дома, а потому просилъ свидѣтеля взять книжки и уничтожить. Онъ взялъ, но въ тотъ день не успѣлъ уничтожить, а на другой день ихъ конфисковали. Свид. Александръ Ивановъ показалъ, что Николай Трубецкой (братъ подсудимаго) сказалъ ему, что къ нимъ на квартиру привезли много книгъ. Онъ отправился къ Трубецкому и взялъ нѣсколько книгъ. Просмотрѣвъ нѣкоторыя, онъ увидѣлъ, что онѣ незаконнаго содержанія, и онъ передалъ ихъ Соколову для уничтоженія. Свид. Александръ Виноградовъ показалъ, что въ половинѣ іюля 1875 года онъ, въ качествѣ сельскаго учителя, былъ командированъ земствомъ на съѣздъ учителей въ Саратовъ. За нѣсколько дней до отъѣзда, священникъ Введенскій привезъ ему тюкъ съ книгами, зашитыми въ холстѣ, и просилъ передать въ Саратовѣ. Адресъ былъ на имя Александра Трубецкого. Отыскавъ квартиру Трубецкихъ, свидѣтель передалъ тюкъ Павлу Трубецкому и просилъ его возвратить холстъ. Получивъ холстъ обратно, свидѣтель по пріѣздѣ домой отослалъ его священнику. Какія были книги, свидѣтель не знаетъ. Свид. Павелъ Трубецкой (братъ подсудимаго) показалъ, что, получивъ посылку съ книгами отъ Виноградова и затѣмъ осмотрѣвъ книги, увидѣлъ, что онѣ «неподходящія». Онъ отдалъ ихъ сестрѣ, сказавъ: «Спрячь покуда; я немного засну, затопимъ печку и сожжемъ». Когда онъ всталъ, къ нему пришелъ гость, а сестра съ свояченицею пошли гулять и встрѣтили брата Николая, которому сообщили о посылкѣ. Когда гость ушелъ, я опять легъ спать. Утромъ и спрашиваю, гдѣ книги? Женщины говорятъ, что были братъ Николай, Ивановъ и Соколовъ и взяли — и вотъ только осталось. Я сейчасъ же ихъ сжегъ. Я просидѣлъ полтора года въ тюрьмѣ. Я пять лѣтъ торговалъ виномъ; у меня были кабаки. Какія мои убѣжденія?... Я по три тысячи въ годъ наживалъ отъ кабаковъ. Меня такія книги не могли прельстить. Пять лѣтъ я состоялъ на службѣ. Былъ саратовскимъ купцомъ. Если я не представилъ эти книжки, то это была, должно быть, воля Божія. За это мнѣ Богъ послалъ: я полтора года высидѣлъ. —Прис. пов. Герардъ. Какихъ былъ убѣжденій братъ вашъ Александръ? — Свид. П. Трубецкой. Онъ у меня жилъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. Уѣзжая изъ Саратова, я поручалъ ему ходить по кабакамъ. Я считалъ его за самаго нравственнаго человѣка. — Свид. Михаилъ Зубковскій показалъ, что служилъ въ вотчиной конторѣ Устинова кассиромъ. Пріѣхалъ священникъ Бѣляевскій и просилъ передать учителю Виноградову, котораго въ то время не было дома, тюкъ съ книгами. Когда вернулся Виноградовъ, свидѣтель передалъ ему тюкъ. — Затѣмъ прочитано слѣдующее показаніе сосланнаго въ арестантскія роты бывшаго унтеръ- фицера московскаго жандармскаго дивизіона Ивана Буланова. «Въ сентябрѣ 1875 года я былъ постоянно назначаемъ въ караулъ въ Сущевскую часть до послѣдняго времени. Заболѣвъ простудою, я недѣлю пролежалъ въ дивизіонномъ лазаретѣ и по выздоровленіи былъ вчера назначенъ въ нарядъ на гулянье на Дѣвичьемъ полѣ, откуда возвратясь, былъ тотчасъ же обысканъ дежурнымъ

по дивизіону офицеромъ, причемъ собственно при мнѣ оказалось: письмо, писанное арестованнымъ подъ именемъ Ивана Андреева, съ надписью на немъ поручика Чурсина, которую мнѣ приказано было дать прочесть Ивану Андрееву, а другое письмо, начинающееся словами: «Для васъ буду годенъ, прощайте, братцы», принадлежитъ мнѣ; писано оно съ моихъ словъ рядовымъ московскаго жандармскаго управленія Ивановымъ; записка, писанная арестованною Батюшковою о книгахъ; бумага съ надписью карандашемъ «Цвиленеву»—№ 1-й, которая была мнѣ отдана Батюшковою для передачи Цвиленеву; другая бумага, № 2-й, съ надписью «Цвиленеву», получена мною около двухъ недѣль тому назадъ въ Гороховомъ трактирѣ на Садовой, отъ студента Степанова, чернаго собой, приходившаго для этого ко мнѣ въ казармы и пившаго у меня чай; кошелекъ съ 6 руб. 12 коп.; въ сундукѣ моемъ взяты разныя записки и книги; девять же брошюръ разныхъ названій, народнаго изданія, куплены мною у разносчика на Дѣвичьемъ полѣ вчера для собственнаго чтенія. Оставшіеся въ моемъ сундукѣ три пузырька съ жидкостью также принадлежатъ мнѣ: это какое-то лѣкарство, переданое мнѣ врачомъ Ивановскимъ для лѣченія моего горла отъ сипоты. По освобожденіи изъ-подъ стражи врача Ивановскаго изъ Сущевской части, онъ на другой день приходилъ въ названную часть за полученіемъ оставшихся своихъ денегъ и, увидавъ меня тамъ въ караулѣ, завелъ со мной разговоръ, причемъ, отрекомендовавшись врачомъ, предложилъ мнѣ пользовать мое горло отъ хрипоты. На другой день, по смѣнѣ съ караула, часовъ въ 7 вечера, ко мнѣ явился мальчикъ изъ трактира Бакастова, у Петровскихъ воротъ, и сказалъ, что меня вызываетъ въ трактиръ какая-то женщина. По приходѣ въ трактиръ, я никакой женщины не видалъ, но тамъ былъ г. Ивановскій, который пригласилъ меня сѣсть съ собою и передалъ двѣ склянки съ лѣкарствомъ отъ сипоты въ горлѣ, которыя я и принялъ отъ него. Находя, что неловко сидѣть съ лицомъ, только что выпущенныхъ изъ-подъ ареста, и не желая навлечь на себя подозрѣнія, я все это высказалъ г. Ивановскому и потому, выпивъ только одинъ стаканъ чаю, сейчасъ же съ нимъ простился. При этомъ г. Ивановскій назначилъ день для слѣдующаго со мной свиданія въ этомъ же трактирѣ, и, дѣйствительно, въ тотъ день приходилъ за мной мальчикъ изъ трактира, но я изъ боязни туда не пошелъ. Послѣ этого я съ г. Ивановскимъ не видался, такъ какъ онъ вскорѣ былъ арестованъ и просидѣлъ ночь въ Сущевской части, когда я былъ тамъ въ караулѣ, но разговоровъ съ нимъ я уже не имѣлъ никакихъ. Спустя недѣлю по арестѣ г. Ивановскаго, часу въ 12 ночи, пришелъ къ подъѣзду Сущевскаго частнаго дома какой-то молодой человѣкъ съ черной бородой и чрезъ полицейскаго часового вызвалъ меня; онъ просилъ меня передать арестованной Батюшковой полфунта чаю отъ ея будто-бы матери. Я ему предложилъ передать этотъ чай частному приставу, на что онъ отозвался позднимъ временемъ; послѣ чего я согласился взять отъ него чай для передачи по назначенію чрезъ частнаго пристава, но передать его забылъ, и чай до сего времени лежитъ у меня въ сундукѣ. Въ разговорѣ со мной этотъ молодой человѣкъ предложилъ мнѣ свое знакомство и спросилъ, буду ли я завтра дома въ казармахъ, на что я отвѣтилъ ему утвердительно. На другой день, около девяти часовъ вечера, пришелъ ко мнѣ мальчикъ изъ трактира «Лондонъ», противъ Петровскихъ казармъ, и сказалъ, что меня зоветъ въ трактиръ какая-то женщина. Придя въ трактиръ, я женщины никакой не нашелъ, а увидалъ вышеназваннаго мною молодого человѣка (Степанова) съ черной бородой, который пригласилъ меня пить вмѣстѣ чай. За чаемъ онъ началъ разспрашивать меня, кто именно содержится изъ политическихъ арестантовъ въ Сущевской части, спрашивалъ: не сидитъ ли

Кардашевъ, Иванъ Андреевъ, Батюшкова. Тутъ я понялъ, что этотъ молодой человѣкъ желаетъ завести сношенія чрезъ меня съ арестованными, и, дѣйствительно, онъ началъ говорить со мной объ этомъ и далъ мнѣ двѣ записки для передачи Ивану Андрееву и Батюшковой, которыя я и взялъ, но ихъ по назначенію не передалъ, а бросилъ въ сортиръ; Андрееву и Батюшковой сказалъ только, что имъ кланяется господинъ съ черной бородой, на что они просили меня также отвѣтить этому господину поклономъ и подробнѣе разспросить его, кто онъ такой. По смѣнѣ съ караула, я вечеромъ пошелъ на Страстной бульваръ, гдѣ предложилъ мнѣ видѣться съ собою для полученія отвѣтовъ Степановъ, и встрѣтилъ его тамъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ, также съ черной бородой, но нѣсколько выше его ростомъ. Для объясненій я попросилъ ихъ поѣхать въ Гороховъ трактиръ на Садовую, гдѣ и высказалъ имъ все неудобство письменныхъ сношеній, передалъ поклоны отъ Андреева и Батюшковой и предложилъ лучше имѣть сношенія устныя. На желаніе Андреева и Батюшковой знать, кто онъ такой, молодой человѣкъ съ черной бородой отвѣтилъ, что онъ Степановъ, послѣ чего я и зналъ его подъ этой фамиліей. Такъ какъ Гороховъ трактиръ долженъ былъ скоро запереться, а Степанову хотѣлось еще со мной говорить, то онъ и предложилъ мнѣ поѣхать въ гостиницу «Англія» на Петровкѣ. По пріѣздѣ втроемъ въ «Англію», мы помѣстились въ отдѣльной комнатѣ наверху, и здѣсь Степановъ сталъ уговаривать меня устроить побѣгъ изъ Сущевской части содержащимся тамъ князю Циціанову и Ивану Андрееву, высказывая при этомъ, что если уже я взялся имъ помогать, то долженъ довести дѣло до конца, иначе они меня убьютъ. Въ виду ихъ угрозы я согласился съ ними, но только на словахъ. Побѣгъ условились устроить ночью въ мое дежурство; я долженъ былъ подпоить караульныхъ, вывести Циціанова и Ивана Андреева, которыхъ ожидалъ бы Степановъ съ своими знакомыми, и всѣ вмѣстѣ и я съ ними скрыться. Это было недѣли полторы тому назадъ. На другой день послѣ этого разговора я былъ въ караулѣ, и хотя Степановъ просилъ меня передать Циціанову и Андрееву условія ихъ побѣга и хотя сами они разспрашивали меня о Степановѣ, но я сказалъ имъ, что еще мнѣ не удалось съ нимъ видѣться, такъ какъ я не желалъ приводить ихъ планъ въ исполненіе. Въ это же дежурство я просилъ Батюшкову написать кому-нибудь записку будто бы для того, чтобы, отдавъ ее Степанову, заслужить больше съ его стороны къ себѣ довѣрія; на самомъ же дѣлѣ думалъ устроить, при чьемъ-нибудь посредствѣ изъ своихъ товарищей, поимку Степанова съ его знакомымъ такъ, чтобы при немъ была улика. Это—та самая записка, которая отобрана у меня по обыску, № 1. Я забылъ сказать, что въ Гороховомъ трактирѣ Степановъ передалъ мнѣ записку, отобранную у меня подъ № 2, для передачи Батюшковой. Наканунѣ дежурства своего, въ которое долженъ былъ устроиться побѣгъ, я обязался Степанову явиться на Страстной бульваръ для окончательныхъ взаимныхъ условій, но, по случаю болѣзни, туда итти не могъ. На третій день моей болѣзни ко мнѣ пришелъ мальчикъ и вызвалъ на Страстной бульваръ, но я, увидавъ тамъ Степанова, сказалъ, что въ настоящее время по по болѣзни, условія исполнить еще не могу и назначилъ для свиданія нынѣшній вечеръ на Рождественскомъ бульварѣ для переговоровъ, на самомъ же дѣлѣ для поимки ихъ. Часъ для свиданія назначенъ десятый вечера, въ половинѣ. Письмо, отобранное у меня, начинающееся словами: «Милые мои друзья»... я предназначалъ къ передачѣ сегодня при свиданіи на Рождественскомъ бульварѣ Степанову для того собственно, чтобы еще болѣе увѣрить ихъ въ своей готовности помогать имъ. Показаніе это унтеръ-офицеръ Иванъ Булановъ на предложеніе его подписать — не могъ

вслѣдствіе сильнаго нервнаго потрясенія. По приходѣ Буланова въ спокойное состояніе, онъ на предложенные ему вопросы объяснилъ: Я желаю дать вполнѣ откровенное, чистосердечное показаніе. Бывая въ караулѣ за лицами, арестованными по политическимъ дѣламъ, я исполнялъ свои обязанности по службѣ въ точности по долгу присяги, но только до тѣхъ поръ, пока не былъ арестованъ докторъ Ивановскій, который, содержась въ Сущевской части, сталъ со мною весьма ласково поговаривать и предложилъ, какъ докторъ, лѣчиться мнѣ отъ сипоты въ горлѣ, уговорилъ меня сходить съ написанною имъ запискою къ его знакомому Александру Сергѣевичу Бутурлину, жившему на Пречистенкѣ, причемъ сказалъ, что онъ, Ивановскій, прописалъ въ этихъ запискахъ лѣкарство и что Бутурлинъ мнѣ купитъ его. Я, дѣйствительно, по смѣнѣ изъ караула, на другой же день былъ у Бутурлина; сначала онъ, увидавъ меня какъ жандарма, испугался, но, прочитавъ записку, обошелся со мной ласково, ничего особеннаго со мной не говорилъ, и я вскорѣ отъ него ушелъ, онъ же обѣщалъ принести самъ ко мнѣ лѣкарство. Въ слѣдующій вечеръ, когда я былъ въ караулѣ въ Сущевской части, Бутурлинъ принесъ ко мнѣ туда двѣ скляночки лѣкарства, вызвалъ меня изъ части чрезъ часового и передалъ ихъ мнѣ, причемъ передалъ записочку къ Батюшковой, которую я и доставилъ по принадлежности. Бутурлинъ далъ мнѣ четыре рубля денегъ и просилъ меня бывать у него, когда будетъ нужно. Я согласился; но въ скоромъ времени у него не былъ, такъ какъ докторъ Ивановскій былъ уже освобожденъ изъ-подъ стражи и началъ заводить со мной знакомство на свободѣ. Выше я сказалъ, что д-ръ Ивановскій, придя въ Сущевскую часть за своими деньгами и увидавъ меня въ корридорѣ, завелъ со мною разговоръ о болѣзни моего горла; по поводу этого онъ сказалъ, что даннаго Бутурлинымъ мнѣ лѣкарства для меня недостаточно, но чтобы я пришелъ на Петровскій бульваръ въ пять часовъ вечера, послѣ моей смѣны изъ караула, гдѣ онъ обѣщалъ дать новое лѣкарство и осмотрѣть мое горло въ трактирѣ «Эрмитажъ». Явившись по этому приглашенію на Петровскій бульваръ, я встрѣтилъ уже дожидавшаго меня тамъ Ивановскаго, который и повелъ меня въ трактиръ, гдѣ по его приказанію былъ поданъ чай и водка. Лѣкарства онъ мнѣ никакого не далъ и горло не смотрѣлъ, а прямо началъ разговоръ съ слѣдующаго: «Я пригласилъ тебя сюда, сказалъ онъ мнѣ, съ тою цѣлью, чтобы поговорить о дѣлѣ, а вылѣчу я тебя послѣ». На мой вопросъ: «О какомъ дѣлѣ?»—Ивановскій, подавая мнѣ двѣ записки, сказалъ: «а вотъ о какомъ», и началъ убѣждать меня передать одну изъ нихъ Батюшковой, а другую Ивану Андрееву. Когда я не согласился на его просьбу, то онъ сталъ объяснять мнѣ такъ ласково и сердечно всю тягость солдатской службы и бѣднаго положенія народа и свою готовность постоянную, несмотря на свои неоднократные аресты, служить родному дѣлу, что довелъ меня до слезъ, и я послѣ этого вполнѣ ему отдался: взялъ отъ него вышеназванныя письма для передачи и десять рублей данныхъ имъ денегъ. Въ это же время Ивановскій, объяснивъ мнѣ, что въ жандармской формѣ мнѣ съ нимъ видѣться неудобно, обѣщался принести мнѣ статское платье, обязавъ меня за полученіемъ его явиться дня черезъ четыре въ трактиръ Саврасенкова на Тверскомъ бульварѣ, куда кстати принести отвѣтъ ему отъ Батюшковой. Въ назначенное время въ трактирѣ этомъ я получилъ отъ Ивановскаго статское платье и передалъ ему отвѣтъ отъ Батюшковой; онъ сказалъ, чтобы я чрезъ сутки приходилъ на Тверской бульваръ вечеромъ уже въ статскомъ платьѣ, и тогда обѣщалъ со мной говорить о дѣлѣ. Явясь по этому приглашенію, я встрѣтилъ на бульварѣ Ивановскаго съ его сестрой— женщиной высокаго роста— и другой женщиной, называвшеюся Вѣрой Мирной.

Ивановскій отрекомендовалъ мнѣ этихъ женщинъ, заставилъ меня съ ними пойти въ трактиръ Саврасенкова, а самъ остался на бульварѣ. Въ трактирѣ я съ барышнями пилъ чай, онѣ разспрашивали меня объ арестованныхъ и, давъ три рубля, просили передать ихъ Чекоидзе, а на второй день праздника Рождества Христова притти къ нимъ въ гости, для чего дали адресъ, мною уничтоженный; квартира ихъ на Поварской, въ переулкѣ, гдѣ вторично былъ арестованъ Ивановскій. Деньги Чекоидзе мною были переданы. На другой день Рождества, часу въ 11-мъ вечера, я пришелъ къ Ивановскому; при входѣ увидалъ, что отъ него выходилъ Александръ Сергѣевичъ Бутурлинъ и въ комнатахъ у него засталъ четырехъ женщинъ: сестру Ивановскаго, Вѣру Мирную и двухъ мнѣ неизвѣстныхъ. Во время питья чая всѣ они разспрашивали меня объ арестованныхъ, особенно о Джабадари и Иванѣ Андреевѣ, съ цѣлью, чтобы «я передалъ имъ записки». Сначала я говорилъ, что ихъ нѣтъ въ Сущевской части, но видя, что они мнѣ не вѣрятъ и знаютъ, что Джабадари и Андреевъ находятся въ Сущевской части, я согласился на передачу переписки. Тогда Ивановскій и Вѣра Мирная стали писать записки цифрами на небольшомъ лоскуткѣ бумаги, которыя, взявъ, я и передалъ по назначенію Джабадари и Ивану Андрееву. На мой вопросъ о содержаніи записокъ, они отвѣтили: «тебѣ въ этомъ нѣтъ надобности». Не давая мнѣ еще написанныхъ записокъ, Ивановскій предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Александру Сергѣевичу Бутурлину, куда мы и отправились. У Бутурлина я видѣлъ его жену и трехъ молодыхъ мужчинъ, мнѣ неизвѣстныхъ, про которыхъ, на вопросъ мой: что это за люди, Бутурлинъ отвѣтилъ: «ничего, это люди наши». Во время бесѣды Бутурлинъ убѣждалъ меня быть на ихъ сторонѣ, помогать въ передачѣ записокъ, но самъ никакой записки не написалъ. У Бутурлина я просидѣлъ съ полчаса времени и въ первомъ часу ночи поѣхалъ домой. При выходѣ Ивановскій передалъ мнѣ двѣ сказанныя записки и 25 рублей денегъ, прося изъ нихъ отдать 5 р. Ивану Андрееву, 5 р. Чекоидзе и 5 р. Джабадари, остальные 10 рублей оставить себѣ для праздника, причемъ обязалъ меня являться по вечерамъ, черезъ сутки, для свиданія съ нимъ, на Страстной бульваръ; но я, изъ опасенія, отъ этого отказался и назначилъ свиданіе черезъ четыре дня, въ каковое время и явился, принеся ему отвѣтъ отъ Джабадари и Ивана Андреева. Съ бульвара Ивановскій повезъ меня въ харчевню, куда-то на Садовую, гдѣ мы съ нимъ и закусили. При этомъ Ивановскій просилъ меня видѣться съ нимъ чаще, но я ему въ этомъ отказалъ, сказавъ ему, что начальство наше строго подтверждаетъ исполнять свои обязанности честно, вслѣдствіе слуховъ, что между арестованными существуютъ сношенія, и сказалъ ему, что на Страстной бульваръ являюсь черезъ недѣлю, куда по истеченіи этого времени я и явился. Въ этотъ разъ Ивановскій далъ мнѣ четыре записки для передачи заключеннымъ въ Сущевскомъ частномъ домѣ; но кому именно—теперь запомнилъ. Ивановскій просилъ отвѣты на эти письма принести ему черезъ недѣлю на Тверской бульваръ; но я принесъ ему только три отвѣта, такъ какъ отвѣта отъ Чекоидзе взять не успѣлъ; отъ кого были прочіе отвѣты—я забылъ. Въ это свиданіе Ивановскій просилъ меня видѣться съ нимъ непремѣнно чрезъ сутки, но между тѣмъ онъ на другой день ночью былъ привезенъ въ Сущевскую часть арестованнымъ, гдѣ я былъ въ то время въ караулѣ. Утромъ во время отбиранія мною чайниковъ изъ камеръ арестованныхъ, Ивановскій, когда я ему сказалъ: «Не долго же вы напрыгали», отвѣтилъ: «Ничего, братъ; а вотъ что я тебѣ скажу: иди ты по смѣнѣ непремѣнно къ Бутурлину и принеси мнѣ отъ него 5 руб. денегъ». Когда явился я къ Бутурлину, то онъ уже зналъ объ арестѣ Ивановскаго и далъ для Ивановскаго 5 руб. и мнѣ 23 руб.,

причемъ предложилъ видаться съ нимъ не въ его квартирѣ, называя это для себя неудобнымъ, а на Тверскомъ бульварѣ; когда же я ему возразилъ, что его я мало знаю, думая при этомъ кончить сношенія, то онъ началъ меня уговаривать, далъ упомянутые 23 р. и сказалъ, что «мы всѣ одинаковые, какъ я, такъ и Ивановскій и другіе; ужъ если взялись за это дѣло, то будемъ вести его до нашей смерти, ему не измѣнимъ и тебѣ насъ бояться нечего». Бутурлинъ назначилъ мнѣ свиданіе на Тверскомъ бульварѣ дня черезъ три, куда пришелъ съ нимъ молодой человѣкъ небольшого роста, лѣтъ 26 или 27, худощавый, съ небольшой окладистой черной бородкой и баками, про котораго Бутурлинъ, рекомендуя мнѣ, сказалъ: «обращайся съ нимъ какъ со мной и Ивановскимъ»; мы пошли въ трактиръ, гдѣ упомянутый молодой человѣкъ назвался студентомъ Степановымъ, и тутъ же онъ далъ мнѣ двѣ записки, одну для передачи Ивану Андрееву, а другую не помню кому; Бутурлинъ сказалъ, что онъ уѣзжаетъ теперь изъ Москвы на двѣ недѣли. Взятыя мною записки я передалъ кому слѣдовало и отвѣты принесъ въ условленное время на Тверской бульваръ, гдѣ передалъ ихъ уже Степанову, причемъ онъ хотѣлъ передать мнѣ вновь три записки, но я сказалъ, что такъ часто не согласенъ брать отъ него записокъ, такъ какъ это можетъ быть замѣчено, и взялъ только одну на имя Джабадари, которую ему и передалъ. Дней черезъ пять я опять съ нимъ видѣлся на томъ же бульварѣ, также вечеромъ, принесъ ему отвѣты отъ Джабадари и ѣздилъ съ нимъ въ трактиръ, причемъ я взялъ отъ него двѣ записки для передачи Кардашеву и Циціанову, которыя и передалъ; отвѣты на нихъ получилъ, но ихъ при свиданіи съ Степановымъ ему не отдалъ, а бросилъ въ сортиръ, потому что Степановъ въ это время сталъ меня уговаривать объ устройствѣ побѣга изъ Сущевской части Кардашева, Ивана Андреева и Циціанова, и я сказалъ ему, въ такомъ случаѣ нужно прекратить передачу записокъ, такъ какъ я, боясь за побѣгъ, по моему мнѣнію, главнаго преступника Циціанова и передачу отъ него записокъ, сталъ думать совсѣмъ прекратить свои сношенія съ Степановымъ и арестованными лицами. Степановъ имѣлъ у себя четыре записки къ арестованнымъ лицамъ, но я ихъ не взялъ, и мы разошлись съ тѣмъ, чтобы о побѣгѣ названныхъ лицъ переговорить при слѣдующемъ свиданіи, которое было назначено мною въ трактирѣ «Лондонъ», и я сказалъ, чтобы онъ послалъ за мной изъ трактира мальчика. Продолженіе разговора о побѣгѣ трехъ арестованныхъ лицъ и назначеніе мною въ указанномъ мѣстѣ свиданія я сдѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы Степановъ указалъ мнѣ еще и другихъ лицъ, которыя желаютъ этого побѣга, такъ какъ я хотѣлъ знать всѣхъ ихъ и всѣхъ выдать начальству. Черезъ сутки Степановъ прибылъ въ сказанный трактиръ и по условію прислалъ за мной. Позднѣе Степановъ предложилъ мнѣ идти вмѣстѣ съ нимъ въ трактиръ «Англія» на Петровкѣ, гдѣ мы встрѣтили знакомаго Степанову какого-то молодого человѣка, выше его ростомъ, волосы на головѣ большіе, черные, борода небольшая, клинышкомъ; причемъ Степановъ сказалъ мнѣ, что по желанію моему онъ привелъ другого, назвалъ его фамилію, но я теперь ее забылъ. Здѣсь они оба стали усиленно требовать отъ меня, чтобы я согласился на побѣгъ Кардашева, Ивана Андреева и Циціанова, предлагая слѣдующій способъ: напоить всѣхъ жандармовъ въ караулѣ чаемъ съ тою жидкостью, которую они мнѣ дадутъ, и отъ которой всѣ должны проспать около шести часовъ. Видя, что Степановъ требуетъ настойчиво исполненія его плана и посылаетъ своего товарища за упомянутою жидкостью, я сталъ просить оставить это до будущаго свиданія, съ чѣмъ соглашался и товарищъ Степанова, но сей послѣдній до того былъ разгоряченъ, что схватилъ своего товарища за грудь и сказалъ ему съ угрозою, что немедленно желаетъ освобожденія изъ-подъ

ареста Кардашева, Циціанова и Ивана Андреева. Поговоривъ довольно горячо съ своимъ товарищемъ, Степановъ, однако же, согласился съ нимъ и съ моею просьбою отложить ихъ намѣреніе до будущаго свиданія, черезъ сутки, въ томъ же трактирѣ. Явясь на это свиданіе съ положительнымъ желаніемъ отказаться отъ содѣйствія къ побѣгу названныхъ лицъ, Степановъ и его товарищъ стали убѣждать меня сначала ласково, но потомъ Степановъ уже потребовалъ настойчиво, говоря, что если я взялся, то долженъ исполнить, а затѣмъ рѣшительно выразилъ, что если я не соглашусь на побѣгъ этихъ лицъ въ первый мой караулъ въ Сущевской части, то онъ придетъ ко мнѣ въ казармы и убьетъ меня; приэтомъ высказывалъ, что я за каждое освобожденное лицо получу по тысячѣ рублей, что долженъ бѣжать вмѣстѣ съ ними и чтобы ожидалъ его, Степанова, и товарища его на подъѣздѣ частнаго дома, куда они обѣщались притти. Видя угрозы и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь, чтобы Степановъ не причинилъ мнѣ побоевъ тутъ же, я согласился съ его желаніемъ, взялъ отъ него ту самую жидкость, которую долженъ былъ налить въ чай караульнымъ жандармамъ, и обѣщался исполнить его требованіе въ слѣдующій вечеръ, такъ какъ я на другой день долженъ былъ быть въ караулѣ. Эту всю ночь я не спалъ, я пошелъ въ сортиръ и тамъ, разбивъ склянку съ данною мнѣ Степановымъ жидкостью, рѣшилъ не ходить въ караулъ и сказался больнымъ, прося отправить меня въ околотокъ, куда я утромъ и явился, былъ у доктора, который нашелъ во мнѣ простуду. Въ это время меня страшно мучила совѣсть и мнѣ казалось, что всѣ на меня смотрятъ какъ на человѣка, совершившаго преступленіе. Дня черезъ два ко мнѣ два раза приходилъ мальчикъ изъ трактира Бакастова и вызывалъ меня; въ первый разъ я отказался итти, сказавъ, что не здоровъ, но во второй разъ пошелъ и увидалъ въ трактирѣ Степанова, съ которымъ вышелъ на Страстной бульваръ; я объяснилъ ему, что теперь нездоровъ и что желаніе ихъ приведу въ исполненіе по выздоровленіи, чѣмъ его и успокоилъ; для окончательныхъ же соглашеній просилъ его притти во вторникъ, 10 числа, на Петровскій бульваръ (число это я помню потому, что наканунѣ былъ арестованъ), на что онъ и согласился. Все это я сдѣлалъ для того, чтобы въ сказанное время взять какъ Степанова, такъ и другихъ съ нимъ и передать начальству, которое заранѣе хотѣлъ предупредить чрезъ старшаго вахмистра. Такъ какъ совѣсть сильно мучила меня этимъ дѣломъ, а частью оттого, что я былъ здоровъ и могъ исполнять службу, я попросилъ 9-го числа старшаго вахмистра назначить меня куда-нибудь въ нарядъ, а на другой день и въ караулъ, только не въ Сущевскую часть, и въ то же время просилъ новобранца Иванова написать подъ мою диктовку упомянутое въ показаніи моемъ письмо, цѣль написанія котораго была единственно та, чтобы убѣдить Степанова и его товарищей притти въ какой-либо трактиръ, гдѣ всѣхъ ихъ и взять. Но я не успѣлъ передать этой записки, такъ какъ по возвращеніи моемъ изъ наряда я тотчасъ же былъ обысканъ и арестованъ. Давая вполнѣ чистосердечное и откровенное показаніе, я положительно подтверждаю, что никто изъ нижнихъ чиновъ московскаго жандармскаго дивизіона не зналъ о моихъ сношеніяхъ съ арестованными лицами и ихъ знакомыми, находящимися на свободѣ, и вообще о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ по этому предмету. Соглашаясь на предложеніе врача Ивановскаго получать отъ него даровые совѣты и лѣкарства, я никакъ не могъ предвидѣть, чтобы Ивановскій намѣревался сдѣлать изъ меня человѣка, совершающаго преступленіе; постоянно меня лаская и угощая, давая деньги и снабдивъ меня статскимъ платьемъ, онъ неоднократно высказывалъ мнѣ, что я долженъ для него дѣлать все, что ему нужно. Такія же ласковыя обхожденія со мной его знакомыхъ Степанова, Бутурлина и Эндаурова, привлекли меня къ нимъ. Пере-

давъ первыя полученныя мною отъ нихъ записки арестованнымъ лицамъ, я тогда же сознался, что сдѣлалъ дѣло незаконное, но совѣсть мучила меня лишь только до первыхъ съ ними свиданій, при которыхъ они постоянно старались разными объясненіями убѣдить меня и, называя «золотымъ человѣкомъ», успокоивали тѣмъ, что, если я и пострадаю за родное дѣло и буду сосланъ даже на край свѣта, то они меня и тамъ выручатъ. Когда же я получилъ отъ Степанова склянку жидкости для усыпленія караула и вывода изъ Сущевской части троихъ арестованныхъ лицъ, то на меня напалъ какой-то страхъ и я не зналъ, что съ собою дѣлать; склянку эту вслѣдствіе страха я разбилъ, а потомъ сталъ обдумывать, какъ бы мнѣ удобнѣе выдать означенныхъ лицъ начальству; заявить же послѣднему объ этомъ боялся до передачи ихъ всѣхъ головою. Написанное подъ мою диктовку новобранцемъ Ивановымъ письмо мнѣ казалось вѣрнымъ планомъ къ аресту всѣхъ названныхъ мною лицъ на мѣстѣ.—Этимъ былъ оконченъ допросъ и чтеніе показаній свидѣтелей обвиненія, а затѣмъ приступлено къ допросу свидѣтелей защиты. Свид. Полетаева показала, что Введенская жила у нея съ 20 сентября по 20-е декабря. Отецъ привезъ ее учиться и она все время аккуратно ходила слушать лекціи. Ея не посѣщалъ совершенно никто. На Рождество она уѣхала къ отцу, и больше свидѣтельница ея не видала. Свид. профессоръ Герье показалъ, что въ 1874 г. къ нему являлся священникъ Введенскій и объяснилъ, что старшей своей дочери онъ желалъ дать хорошее образованіе, съ тѣмъ, чтобы она воспитала своихъ младшихъ сестеръ, и просилъ помѣстить ее на женскіе курсы, устроенные профессорами и которыми завѣдывалъ свидѣтель. Затѣмъ онъ получилъ письмо отъ одного изъ знакомыхъ учителей, который указывалъ на способности Введенской и на бѣдность ея отца. Свидѣтель принялъ Введенскую и освободилъ отъ платы за лекціи. Она занималась очень усердно. Свидѣтель замѣтилъ, что она была не вполнѣ развита и въ ней было много дѣтскаго: такъ, она тяготилась обществомъ взрослыхъ и, бывая въ одной знакомой семьѣ, старалась находиться въ обществѣ дѣтей. Кромѣ этихъ курсовъ, читались еще лекціи при гимназіи по вечерамъ. Введенская, кажется, посѣщала и лекціи. Свид. священникъ Александръ Введенскій показалъ, что дочь его получила первоначальное образованіе въ женскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ заслужила одобреніе за успѣхи въ наукахъ и отличное поведеніе. Видя такія способности, онъ захотѣлъ дать ей дальнѣйшее образованіе. Но въ Тулѣ сдѣлать это было невозможно, такъ какъ гимназія не даетъ права быть учительницей среднихъ училищъ. Въ Москвѣ онъ не имѣлъ никого знакомыхъ. Обратился къ профессору Герье, который принялъ ученицу. Но свидѣтель не зналъ, куда помѣстить ее на квартиру. Случайно нашлась добрая старушка (Полетаева), и дочь помѣстилась у нея. На каникулы и на праздники она пріѣзжала домой, гдѣ занималась съ сестрами и помогала матери. Свидѣтель навѣщалъ ее и въ Москвѣ. Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ онъ пробылъ съ утра до вечера у нея на квартирѣ, когда она жила у своей товарки по училищу, Ивановской, пересмотрѣлъ всѣ вещи и ничего подозрительнаго не замѣтилъ. Въ сентябрѣ она написала, что поселилась на квартирѣ съ Георгіевскою. Она занималась очень успѣшно. «У меня—сказалъ свидѣтель—еще три сына воспитываются въ заведеніяхъ и двѣ дочери въ училищѣ. Она видѣла, какъ мнѣ трудно. Поэтому она и обратила серьезное вниманіе на средства отца». Свид. Спиридонъ Любатовичъ (отецъ подсудимыхъ) показалъ, что въ началѣ января 1875 года Ольга пріѣхала изъ Чернигова въ Москву прямо въ семью; жила до Святой и поѣхала въ Петербургъ, такъ какъ желала поступить въ академію, но не поступила, потому что у нея не было документовъ. Вслѣдствіе этого, она вскорѣ воз-

вратилась и, по совѣту доктора, уѣхала въ Крымъ. Въ августѣ вернулась на короткое время. Что касается Вѣры, то она воспитывалась сначала дома, потомъ въ гимназіи и затѣмъ поступила на женскіе курсы. Такъ какъ она вообще слабаго здоровья и сдѣлалась больною, то свидѣтель послалъ ее для пользованія за границу, гдѣ уже была ея сестра. Когда онѣ возвращались, на границѣ ихъ захватили и привезли въ Черниговъ. Впослѣдствіи свидѣтель узналъ, что нѣтъ никакого основанія содержать ихъ подъ арестомъ, а потому обратился съ просьбой объ освобожденіи къ жандармскому генералу Слезкину, который предложилъ взять ихъ на поруки. Свидѣтель согласился и послалъ за дочерьми своего сына, который привезъ ихъ. «Они оцѣнили ихъ—сказалъ свидѣтель— одну въ 2000, а другую въ 1000 рублей». Вѣру еще съ дѣтства, вслѣдствіе ея угрюмаго характера, мать называла волченкомъ. Затѣмъ свидѣтель заявилъ, что невѣрно показаны лѣта обѣихъ Любатовичъ, и представилъ метрическое свидѣтельство Вѣры, по которому ей только двадцать лѣтъ, а Ольга старше ея всего на одинъ годъ и три недѣли. (Засѣданіе прервано до 11 час. утра слѣдующаго дня).

Свид. Ѳедоръ Цвиленевъ (отецъ подсудимаго) показалъ, что лѣтомъ 1875 года его сынъ находился въ Москвѣ студентомъ медико-хирургической академіи, и они видѣлись почти каждый день, когда свидѣтель пріѣзжалъ въ Москву повидаться съ сестрою. Свид. Александра Вагина (сестра подсудимаго Цвиленева) показала, что лѣтомъ 1875 года братъ ея былъ въ Москвѣ. Нѣкоторыя вещи подсудимаго—платье и бѣлье, находились у свидѣтельницы. Ихъ передала ей сестра, которая взяла вещи съ квартиры Цвиленева. Свид. Марія Кравцова показала, что назадъ тому годъ и 8 мѣсяцевъ къ ней пришелъ незнакомый господинъ и нанялъ у нея комнату поденно, причемъ говорилъ, что если пріищетъ товарища, то останется, такъ какъ одному невыгодно. На третій день она спросила у него видъ, но онъ сказалъ, что еще не знаетъ, останется ли, о чемъ обѣщалъ узнать въ тотъ же день. Затѣмъ онъ ушелъ, и свидѣтельница его больше не видала. Онъ говорилъ, что если не придетъ самъ за вещами, то пришлетъ сестру. Дня черезъ три она пришла и взяла вещи. У него были только маленькій чемоданчикъ, подушка и одѣяло.— Подс. кн. Цицiановъ. Не помните ли, свидѣтельница, такого обстоятельства, что вашъ жилецъ, наканунѣ того, какъ скрылся, показывалъ вамъ своего товарища и сказалъ: если меня не будетъ дома и этотъ человѣкъ придетъ, то выдайте ему чемоданъ.— Свид. Кравцова. Я не помню этого. Онъ, кажется, сказалъ, что сестра придетъ.—Прис. пов. Герардъ. У него былъ еще другой чемоданъ?— Свид. Кравцова. Другого я не видала. Можетъ быть, подъ кроватью стоялъ. Припоминаю, какъ во снѣ, что, когда я входила спрашивать видъ, то какой-то господинъ стоялъ у окна спиною ко мнѣ, такъ что его личности не помню.—Подс. кн. Цицiановъ. Не помните ли, что приходившаго за чемоданомъ вы спрашивали, кто такой вашъ жилецъ, и я сказалъ, что студентъ и отлучился на дачу?— Свид. Кравцова. Нѣтъ. Онъ говорилъ только о сестрѣ. (Осматриваетъ подсудимыхъ и, указывая на Цвиленева, говоритъ, что эта личность ей нѣсколько знакома). Свид. Витютина (сестра подсудимаго Цвиленева) показала, что по запискѣ брата она ходила къ Кравцовой, заплатила ей 15-го октября за квартиру и взяла вещи: желтый чемоданчикъ съ одеждой, подушку, одѣяло и, кажется, еще маленькій сакъ-вояжъ. Свид. Сергѣй Щукинъ показалъ, что служилъ на Владикавказской желѣзной дорогѣ и одно время жилъ въ Прохладной. Тамъ онъ былъ знакомъ съ Рождественскимъ, у котораго бывалъ. Рабочіе его любили, потому что онъ всегда стоялъ за правыхъ людей и старался исполнять справедливыя требованія рабочихъ. У

него было много книгъ спеціальныхъ по медицинѣ. Ни въ разговорахъ съ нимъ, ни вообще въ его дѣятельности свидѣтель не замѣчалъ ничего особеннаго. Свид. баронъ Розенъ показалъ, что Рождественскій пользовалъ его жену и въ теченіе мѣсяца бывалъ ежедневно; свидѣтель заходилъ и къ нему; онъ вообще наблюдалъ за своими подчиненными, служащими на желѣзной дорогѣ, и за Рождественскимъ никогда ничего не замѣчалъ предосудительнаго. Онъ былъ болѣзненный и говорилъ, что пріѣхалъ отдохнуть. Свид. Гавріилъ Каменскій показалъ, что Рождественскій обращался съ рабочими хорошо; ничего особеннаго за нимъ не замѣчалъ. Онъ говорилъ, что страдаетъ грудью, и идетъ кровь горломъ. Прочитано показаніе свид. Пантенкова, жившаго работникомъ у священника Бѣляевскаго. Свидѣтель не слыхалъ, чтобы сынъ священника говорилъ что-нибудь о правительствѣ и вообще толковалъ съ крестьянами; книгъ не читалъ и не давалъ; занимался полевыми работами. Прочитанъ протоколъ о предъявленіи подсудимой Гамкрелидзе крестьянамъ, изъ которыхъ только одинъ ее призналъ. Затѣмъ стороны просили дозволенія ссылаться на различные документы и вещественныя доказательства, послѣ чего было предъявлено множество вещественныхъ доказательствъ, причемъ подсудимые одни предметы признавали, другіе отрицали. Относительно письма, отобраннаго у подсудимаго Здановича въ тюрьмѣ, онъ объяснилъ слѣдующее: на этомъ письмѣ выставлено число, когда оно писано, кажется, 25 октября; оно найдено черезъ 3 или 4 дня, такъ что лежало у меня нѣсколько дней въ карманѣ. Оно попало мнѣ случайно: я взялъ его изъ дырочки въ дверяхъ камеры. Ключъ шифра, которымъ оно написано, мнѣ не былъ извѣстенъ, и я полагалъ, что оно назначено не мнѣ. Я думалъ, что часовой ошибкой всунулъ въ щель двери, и я хотѣлъ при слѣдующемъ дежурствѣ часового передать письмо назадъ. Если бы я могъ его прочитать, то не сталъ бы держать у себя, зная, что можетъ быть обыскъ.—Подс. Чекоидзе. Письмо это я послалъ Циціанову, и какъ письмо, такъ и приписка сдѣланы мною. Здановичъ сказалъ, что будто бы найдена переписка у меня или у Вѣры Любатовичъ; но у меня нѣтъ писемъ Вѣры Любатовичъ.—Подс. Джабадари заявилъ, что письмо должно было поступить къ третьему лицу, которое должно было передать его Циціанову. Предъявлено нѣсколько писемъ Батюшковой, которая заявила: это мои письма. Я отказывалась отъ нихъ потому, что въ то время думала, что они не будутъ разобраны. —Первоприсутствующій. Подсудимый Гамкрелидзе, у васъ была найдена «Сказка о мудрицѣ Наумовой»?—Подс. Гамкрелидзе. Обыскъ былъ произведенъ безъ меня, но должно быть найдена у меня. — Первоприсутствующій. Половина этой рукописи писана рукою Овчинникова? — Подс. Овчинниковъ. Да, это я писалъ—съ страницы 39 по 45. Я переписывалъ ее для одного господина, съ которымъ встрѣтился на бульварѣ. Я его спросилъ: нѣтъ ли у него переписки какой-нибудь. Онъ вынулъ изъ кармана рукопись, одну часть далъ мнѣ, а другую оставилъ у себя. Я спросилъ, куда ему принести. Онъ сказалъ, что его можно встрѣтить каждый день на бульварѣ. Я переписалъ, на другой день возвратилъ ему рукопись и то, что написалъ, и получилъ деньги. Я спросилъ его фамилію, и онъ сказалъ: Шульгинъ.—Первоприсутствующій. Подсудимый Чекоидзе, на Кавказѣ у двухъ лицъ найдены ваши письма. Я укажу вамъ на одно, которое вамъ сейчасъ будетъ предъявлено. Признаете ли вы его или нѣтъ? — Подс. Чекоидзе. Письмо, которое начинается: «Дорогой другъ мой» — мое, о другихъ я не знаю. Прочитано письмо, которое начинается: «Дорогой другъ мой» и въ которомъ означаются подробности ареста. Затѣмъ прочитана вторая записка, въ которой, между прочимъ, сказано: «какъ ухнули наши псевдонимы». Просятъ прислать рублей 10 или 15 и сказать, кто рядомъ

въ № 3. Далѣе прочитано весьма длинное письмо, приписываемое обвиненіемъ Здановичу, писанное имъ изъ тюрьмы и которое начинается такъ: «Братцы! Дерзкая и отчаянная мысль пришла мнѣ въ голову — не только доказать, что я не «Рыжій», но даже выпутаться самому». Затѣмъ въ письмѣ излагается съ мельчайшими подробностями планъ, какъ это сдѣлать; говорится, что исполненіе этой работы должно быть сдѣлано ловко и смѣло. Указывается, что нужно найти свидѣтелей, которые должны показать извѣстнымъ образомъ, причемъ означаются и самыя показанія. Далѣе спрашивается: «Какъ вамъ кажется? Посмотрите трезвыми глазами, и если найдете, что это невыполнимо, я упорно буду молчать». Прочитано письмо, подписанное Чекоидзе и начинающееся: «Дорогой Георгій! Вотъ уже 16 дней, какъ я получилъ твое письмо и теперь только собрался писать отвѣтъ». Далѣе въ немъ, между прочимъ, говорится, что во Владикавказъ пересланы «нашимъ студентамъ книги заграничнаго изданія», что нѣкоторые студенты оставили ученье и отправились въ народъ. Описываются стачки, причемъ въ числѣ рабочихъ были студенты. Говорится, что вслѣдствіе того, что правительство запретило принимать на фабрики семейства рабочихъ, бывшихъ въ стачкѣ, между студентами были организованы сборы и собрано около 2000 рублей, которые отданы семействамъ рабочихъ. Говорится о томъ, что сборы продолжаются и что часть ихъ идетъ на содержаніе лицъ, занимающихся перевозкою книгъ изъ-за границы; что хотя правительство узнало всѣ хитрости этихъ людей, такъ что это занятіе сдѣлалось очень трудно, но все-таки есть лица, которыя дѣйствуютъ прямо и смѣло. Въ заключеніе авторъ обращался съ просьбой: «Устрой подписку въ пользу студентовъ, но такъ, чтобы было шито и крыто». Прочитана записка Георгіевской, которая начинается такъ: «Ну-съ, чтобы тебѣ написать новенькаго. Жизнь обычная, изо-дня въ день... Николая Ѳедоровича перевезли въ городскую». Далѣе говорится, что «форточки очень удобно говорятъ между собою и вполнѣ безпрепятственно». Спрашивается: «Скажи, въ чемъ тебя обвиняютъ и можешь ли отдѣлаться». Спрашивается, какъ фамилія того унтера, который, кажется, еще недавно дежурнымъ былъ. Говорится, что Джабадари пишетъ, что съ Сущевской частью можно завести сношенія черезъ унтера. Далѣе сообщается новость, что въ Петербургѣ академическая библіотека перешла въ руки правительства; что былъ безпорядокъ въ технологическомъ институтѣ, но студенты разсудили, что пользы отъ этого нѣтъ, явились съ повинной и выдали пятнадцать человѣкъ зачинщиковъ. Подс. Георгіевская заявила, что она Джабадари и Николая Ѳедоровича вовсе не знаетъ и только отъ кого-то слышала, что они сидятъ. Подсудимые Джабадари и Цвиленевъ заявили, что они Георгіевскую не знали. Подсудимая Георгіевская объяснила, между прочимъ, что ей одинъ знакомый показалъ очень удобный способъ переписки посредствомъ цифръ, которому она скоро научилась. Онъ далъ ей разобрать одну записку и она разобрала. Тогда онъ вручилъ ей еще нѣсколько записокъ, не разобранныхъ и уже разобранныхъ, и запрещенныя книги, которыхъ она до того времени не видала, и ей хотѣлось узнать, что это за книги. Все это онъ далъ ей съ тѣмъ, чтобы она сохранила нѣкоторое время. «Когда я спросила, отъ кого эти письма, онъ сказалъ, что отъ арестованныхъ. Я сказала, что хотѣла завести сношенія съ братомъ. Онъ отвѣтилъ, что есть возможность вести сношенія съ Сущевской частью. Я взяла записки и книги, и такъ какъ мнѣ нужно было условиться съ братомъ, то я пришла передать ему записку въ хлѣбѣ. Шифръ я составила сама и хотѣла переписываться съ единственною цѣлью развлечь брата, такъ какъ при свиданіяхъ не позволялось говорить ни о чемъ. Шифръ этотъ не былъ найденъ ни у кого болѣе и я не знаю ни одного изъ подсудимыхъ. Я не могла принадлежать

къ тайному обществу.» Первоприсутствующій. Вы полагали, что братъ вашъ прочитаетъ то шифрованное письмо, которое вы ему хотѣли передать?—Подс. Георгіевская. Да, потому что я ему передала шифръ на словахъ во время свиданія. Прис. пов. Герардъ просилъ ссылаться на отрывокъ письма, найденнаго у Цвиленева. Прис. пов. Спасовичъ просилъ прочитать этотъ документъ, такъ какъ онъ весьма важенъ для уясненія сущности дѣла. Тов. оберъ-прокурора не встрѣтилъ препятствія къ его прочтенію. Прочитанъ отрывокъ письма неизвѣстнаго автора, найденный въ бумагахъ Цвиленева и писанный, по его сознанію, его рукою и находящійся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ подъ № 55-мъ. Отрывокъ этотъ слѣдующаго содержанія: «Я объясняю это безконтрольнымъ подчиненіемъ одному своему преобладающему чувству, чувству чисто личному—удовлетворить своему стремленію дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи во что бы то ни стало, и недостаткомъ критики или нежеланіемъ критиковать. Надо же, наконецъ, оглянуться на прожитое. Нужно же, наконецъ, пользоваться уроками событій. Пора перестать колотить лбомъ въ стѣну. Она не выноситъ этой деликатной обстановки и ей хочется дѣлать въ обстановкѣ «грубой», «демократической.» Но она забываетъ, что если она теперь вздумаетъ осуществить свои порывы, то черезъ мѣсяцъ будетъ опять въ тюрьмѣ и уже не скоро освободится, а этимъ окончательно лишаетъ себя возможности когда-нибудь что-нибудь сдѣлать. Далѣе, такіе порывы въ настоящее время, когда столько людей сидятъ въ тюрьмахъ, есть (пусть проститъ мнѣ) крайній эгоизмъ и подчиненность личному чувству. Всѣ власти теперь встревожены и на-сторожѣ. Нервная система и чувство мести въ нихъ возбуждены. Онѣ боятся больше, чѣмъ есть основанія. Всякая новая попытка въ томъ же родѣ не только скоро обнаружится и безполезно кончится гибелью тѣхъ, кто ее предпринялъ, но и будетъ усиливать и поддерживать это возбужденіе во властяхъ, которыя еще сильнѣе будутъ дѣйствовать противъ тѣхъ, кто въ ихъ рукахъ, желая устрашить и прекратить всякія будущія попытки. Ужъ не говоря о томъ, что всякая новая попытка, а за ней аресты, будутъ безконечно отдалять рѣшеніе участи тѣхъ, кто въ рукахъ властей, она будетъ утверждать послѣднихъ въ убѣжденіи, что остались еще нити и корни, что нужно напрячь всѣ силы для искорененія и примѣрно строгаго наказанія. Въ виду этого, развѣ не крайне эгоистично слѣдовать своему чувству, не обращая вниманія на участь сотенъ, которая отъ того безконечно ухудшится. Я ужасно злюсь въ виду такихъ порывовъ, обнаруживающихъ стремленіе удовлетворить своему чувству и нежеланіе вдуматься въ дѣло. Это кромѣ того принесетъ громадный вредъ самому народу, вызывая рядъ стѣснительныхъ законодательныхъ мѣръ, которыя вредно отразятся въ народной жизни, затѣмъ окончательно погубитъ и тѣхъ 10—15 человѣкъ, которые, быть можетъ, еще остались нетронутыми, такъ что не останется и на закваску, не говоря уже о традиціи, которая у насъ не могла никогда образоваться. Это одна, болѣе наглядная, сторона дѣла. Но есть другая, которая вынесетъ болѣе возраженій, такъ сказать, сторона принципіальная. Тутъ, впрочемъ, я распространяться не буду. Точно ли всѣ вопросы рѣшены и не допускаютъ сомнѣній? Неужели опыты ничего не говорятъ? Что такое народъ? На первые два вопроса отвѣтъ отрицательный. Вопросы не только не рѣшены, но и поставлены невѣрно, опытъ долженъ привести къ сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что русскій радикализмъ есть только отвлеченное умозаключеніе, основанное на ненадежной подкладкѣ чувства, незнаніи натуры и потребностей русскаго человѣка и условій исторической жизни его и вообще человѣка. Пока эти практическія по преимуществу и частью теоретическія свѣдѣнія не получатся, ни къ какому заключенію приходить нель-

зя, а тѣмъ менѣе можно что-нибудь предпринимать. Что русскій радикализмъ не знаетъ ни человѣка вообще, ни русскаго въ особенности—это фактъ неоспоримый. Что онъ хочетъ навязать русскому человѣку образъ мыслей и идеалы, усвоить которые онъ неспособенъ, это извѣстно изъ знакомства. Радикализмъ сулитъ ему журавля въ небѣ, когда a priori и изъ общихъ познаній о человѣческой природѣ можно заключить, что всякому невѣжественному и неразвитому человѣку прежде всего дорога его собственная жизнь, а кругъ его потребностей ограничивается хлѣбомъ и женой, и все, что выше этихъ потребностей, для него недоступно до тѣхъ поръ, пока они не будутъ удовлетворены и пока послѣ того вы не разовьете въ немъ человѣческаго достоинства и мысли. Въ русскомъ человѣкѣ, кромѣ этого, разныя соціальныя невзгоды довели потребности до такого минимума, что, во-первыхъ, нужно слишкомъ большую нужду, чтобы онъ протестовалъ; во-вторыхъ, слишкомъ немного уступокъ нужно, чтобъ заставить его замолчать и уступать. Если призрачное освобожденіе крестьянъ отдалило народное возстаніе на нѣсколько десятковъ лѣтъ, то затѣмъ при серьезныхъ попыткахъ къ возстанію достаточно будетъ уменьшить налогъ, подарить выкупъ или увеличить десятину надѣла на душу, чтобы отдалить возстаніе еще на десятки лѣтъ, если правительство изъ благоразумія захочетъ пойти на уступки, а не захочетъ, то, быть можетъ, обойдется и войскомъ. Небольшія уступки матеріальныя заставятъ охотнѣе уступить и выдать своихъ вожаковъ и интеллигентныхъ пропагандистовъ, а это будетъ до тѣхъ поръ, пока въ народѣ не создастся самостоятельная, народная мысль и болѣе или менѣе человѣческая культура, которую еще нужно создать не заграничными книгами, не возбужденіемъ къ возстанію, а медленнымъ человѣческимъ развитіемъ и вліяніемъ тамъ, гдѣ этому не мѣшаютъ окончательно неблагопріятныя условія. Но послѣднее пришлось только къ слову. Времена Пугачева прошли. Государственность успѣла подавить воинственные, кочевые инстинкты народа, одомашнить его, а, съ другой стороны, увеличить до огромныхъ размѣровъ свои силы. Потомъ, оставаясь въ умственномъ отношеніи почти тѣмъ же, народъ сталъ болѣе миролюбивъ и выносливъ, подняться ему трудно и нѣтъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Да и при успѣхѣ, при умственномъ состояніи народа, онъ рѣшительно ничего не добьется и попадетъ въ руки или диктатуры, или кулакамъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Я не отрицаю возможности, возстанія, какъ результата цѣлаго ряда причинъ. Но увѣренъ, что оно можетъ быть только независимо отъ всякихъ искусственныхъ вліяній, чисто стихійно, силою вещей, и руководиться оно будетъ стихійными силами, и кто сумѣетъ понять духъ такого народнаго движенія и воспользоваться имъ, тотъ только и будетъ въ выигрышѣ, и успѣхъ или неуспѣхъ его для народа будетъ зависѣть отъ степени добросовѣстности тѣхъ, кто станетъ во главѣ его, ибо народная революція есть стихійная сила, а не принципъ, не логическій выводъ, не математическая программа. Такой она и быть не можетъ. Поэтому революціонность возводить въ принципы—по моему абсурдъ. Революціонность можетъ быть только въ чувствѣ отдѣльнаго человѣка и въ періодическихъ порывахъ массы. Масса, какъ стихія, не обладаетъ критикой, а въ извѣстные моменты дѣйствуетъ по инстинкту. Но личность обязана руководствоваться критикой и не должна строить своихъ принциповъ на стихійныхъ побужденіяхъ массы, а, разсматривая послѣднія, какъ историческую и культурную неизбѣжность, свою роль ограничивать слѣдующимъ: внимательнымъ изученіемъ массы и отдѣльныхъ единицъ ея, прививать отдѣльнымъ единицамъ сознаніе и критику, но ни въ какомъ случаѣ не тенденціозную и поджигательную, и вносить въ массу (насколько это возможно) элементы человѣческой культуры и затѣмъ все предо-

ставить переработкѣ самого народа и исторіи. Дальше этого роль и интеллигентныхъ единицъ идти не можетъ. И всякое отступленіе отъ этой, такъ сказать, естественной программы также пагубно и для интеллигентныхъ единицъ и для народа, какъ всякое отступленіе отъ законовъ природы. Революціонность, какъ принципъ, есть аномалія, это перенесеніе инстинкта въ область логики, т. е. неестественное совокупленіе. Она (революціонность) мыслима, какъ неизбѣжный фактъ, но не какъ принципъ. И вся дѣятельность мыслящихъ единицъ должна быть направлена на внесеніе сознанія въ тенденцію, въ возможную въ народѣ революціонность. Но все это, такъ сказать, общая теорія, и наши условія усложняютъ дѣло. Людей нѣтъ совсѣмъ и остающимся нужно щадить себя. Громадное большинство арестованныхъ было на ложномъ пути; они погибли безъ всякой пользы. Оставшіеся должны, наконецъ, одуматься. Такая мизерная группа ничего не можетъ сдѣлать даже въ томъ направленіи, какое я считаю истиннымъ. Поэтому она должна съежиться и составить ядро будущей сознательной радикальной партіи, а пока вглядываться въ среду, среди которой живетъ, изучать ее и народъ, изучать условія его жизни и культурный строй, вырабатывать фундаментъ программы, увеличивать по возможности число адептовъ только сознательныхъ и мыслящихъ, а не дѣтей, и ждать. Всякія революціонныя книжки нужно бросить въ печь. Все это вздоръ и белиберда. Настанетъ, быть можетъ, скоро время, когда понадобится сознательно-радикально-народная партія, истинная поборница народныхъ интересовъ, не призрачная, вродѣ анархизма, и тогда-то ея не окажется. Ее-то и нужно создать, а пока ждать и работать медленно, но прочно, въ этомъ направленіи. Пора отдѣлаться отъ очарованія «мужицкой» обстановки, и не заботиться о внѣшности, сохраняя сущность. Эти юные порывы безъ критики ни къ чему не поведутъ, окромя вреда. Тутъ не знаю, ясно ли я высказалъ свою мысль. Прочти это кому слѣдуетъ непремѣнно и прибавь отъ меня, что я сильно боюсь, чтобы она не погубила себя совершенно безъ пользы своими порывами, т. е., что если она послѣдуетъ имъ, то навѣрное погубитъ себя, преслѣдуя цѣль, отъ которой черезъ годъ-два откажется сама». Подс. Александрова объяснила, что шифрованное письмо «мой Дмитрій» разобрано двумя руками: ея и Фигнеръ. «Когда меня спросили, сказала подсудимая, мое ли письмо, то я сказала: да, мое. Этимъ я признала не только то, что я участвовала въ корреспонденціи, но также и то, что это былъ отвѣтъ на шифрованное письмо отъ 26 іюля. На вопросъ, предложенный мнѣ о томъ, какое могло быть письмо къ Фигнеръ, я пропустила время дать отвѣтъ. Теперь я заявляю, что по моему письму ясно, что я участвовала въ корреспонденціи, арестованной въ Иваново-Вознесенскѣ». Первоприсутствующій спросилъ подсудимыхъ, чѣмъ съ своей стороны они желаютъ еще дополнить судебное слѣдствіе. Подсудимые представили слѣдующія объясненія. Подс. Лукашевичъ. Во время судебнаго слѣдствія по 3 группѣ шла рѣчь о паспортахъ, и я не указалъ, изъ какого источника я получилъ свой паспортъ. Въ Москвѣ у Иверской часовни всегда находится нѣсколько личностей, занимающихся писаніемъ различныхъ просьбъ; тамъ же продаютъ и гербовую бумагу, гдѣ неизвѣстное лицо предлагаетъ всякому написать, что ему нужно. Я слышалъ, что эти личности снабжаютъ нуждающихся паспортами на чужое имя. Когда я убѣдился, что на заводъ нельзя поступить иначе, какъ называя себя мастеровымъ, я обратился къ этимъ господамъ и досталъ себѣ паспортъ. Кромѣ того, я желаю объяснить, что адресъ квартиры въ домѣ Корсака далъ мнѣ Павловъ, съ которымъ я мало былъ знакомъ. Это посѣщеніе не имѣло значенія. Я просто послѣ работы хотѣлъ развлечься, пришелъ вмѣстѣ съ Агаповымъ и былъ арестованъ. Противъ меня есть показаніе только Сквор-

цовой. Она говоритъ, что меня называли Иваномъ Ивановичемъ. Я могъ приходить на эту квартиру, потому что въ то время, въ февралѣ, я не имѣлъ паспорта, и чтобы отыскать занятій я старался расширить кругъ знакомыхъ, такъ что могъ быть и въ этой квартирѣ, но это не можетъ служить доказательствомъ моего участія. Относительно названія Степаномъ Ивановымъ—я этимъ хотѣлъ избѣгнуть обвиненія въ проживательствѣ по подложному виду. Подс. Владиміръ Александровъ. Письмо, которое найдено было въ Ивановѣ, относилось также и ко мнѣ. Подс. Нуромскій. 17 октября 1875 года, по неимѣнію чѣмъ заплатить за слушаніе лекцій, я поѣхалъ на родину. Въ Москвѣ оставался у родственниковъ. Съ Георгіевской я былъ знакомъ еще въ Питерѣ. Въ Москвѣ, такъ какъ я ничего не дѣлалъ, я сталъ отыскивать своихъ товарищей и, между прочимъ, отыскалъ квартиру Георгіевской. Былъ у нея два раза. Наканунѣ я пришелъ въ ея квартиру, увидѣлъ записку цифрами, заинтересовался и напросился разобрать. Но такъ какъ мнѣ не тотъ былъ данъ шифръ, то я и не могъ разобрать. На другой день я пришелъ спросить, почему не могу разобрать, и тутъ меня арестовали. Записку я изорвалъ. Не говорилъ своей фамиліи дней пять потому, что не былъ составленъ актъ, что у меня записка отобрана. Когда мнѣ предъявили записку, я сказалъ, что это моя, и не имѣлъ причины скрывать фамиліи. Относительно костюма, то у меня было единственное платье—полушубокъ. Прис. пов. Войцеховскій просилъ спросить Георгіевскую, подтверждаетъ ли она послѣднее обстоятельство. Подс. Георгіевская. Я его всегда видѣла въ полушубкѣ. Первоприсутствующій. Подсудимый Цвиленевъ, что вы можете сказать относительно рукописи № 55? Подс. Цвиленевъ. Я не признаю. Этотъ документъ писанъ моею рукою и списанъ съ письма, которое находилось у Батюшковой.— В. Откуда вы получили это письмо?— О. Мнѣ давала его Батюшкова прочесть, а такъ какъ то мѣсто, которое касается принципіальной стороны, согласно съ моимъ личнымъ взглядомъ, то я и списалъ его. Это то самое письмо, которое она хотѣла разжевать. Подс. Батюшкова. Это письмо одного моего знакомаго, фамиліи котораго я не желаю сказать. Подс. Бѣляевскій. Когда я разсказывалъ исторію, то не могъ указать личностей. Вслѣдствіе этого мнѣ особенно не вѣрили и говорили, что мы уже знаемъ о томъ, что у васъ съ Трубецкимъ были книги, которыя вы отослали въ Саратовъ. Поэтому я рѣшился оговорить личности, хотя я ничего не могъ сказать. Иванова я видѣлъ разъ, или два, а Батюшкову видѣлъ одинъ разъ, отыскивая Иванова. Затѣмъ я показалъ на Трубецкого. Я основывался на томъ, что при его отъѣздѣ я укладывалъ ему книги, но какого онѣ содержанія, я не могъ разобрать. Во время моего допроса жандармъ принесъ пакетъ съ книжками. Офицеръ говоритъ: вотъ книги, которыя отобраны отъ Трубецкого. Это давало мнѣ предположеніе, что отчасти и моимъ показаніямъ повѣрятъ. Я надѣялся помощью этихъ показаній освободиться, потому что мнѣ сказали, что если скажете отъ кого получили, то за это ничего не будетъ. Потомъ меня начала мучить совѣсть, что я оговорилъ этихъ личностей. Къ лѣту нужно было ожидать слѣдствія. Опасаясь слѣдствія, которое могло все раскрыть, я сдѣлалъ заявленіе товарищу прокурора и разсказалъ причины, почему я оговоръ свой просилъ снять съ меня. На основаніи этого заявленія я былъ вызванъ и съ меня снятъ допросъ и составленъ протоколъ. Куда дѣвался этотъ протоколъ— я не знаю, но при дѣлѣ онъ не находится. Подс. Хоржевская. Адресъ, дѣйствительно, тутъ есть, но я не знаю, какъ онъ ко мнѣ попалъ. Подс. Егоровъ. Показанія писаны жандармами, исключая перваго, и все есть по вынужденію проклятой тюрьмы. Прис. пов. Боровиковскій просилъ спросить Фигнеръ, Александрову, Топоркову, Вл.

Александрова и Агапова о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ нимъ былъ Бариновъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Первоприсутствующій. Если они пожелаютъ дать эти объясненія, то могутъ. Подс. Фигнеръ. Я не могу дать, потому что когда пріѣхала, Бариновъ уже былъ тамъ. Раньше я его не знала. Подс. Александрова. Я съ нимъ только въ Ивановѣ познакомилась. Подс. Топоркова. Я также его не знала. Онъ пришелъ нанять квартиру. Подс. Агаповъ. Я познакомился съ нимъ въ жандармскомъ управленіи, когда насъ освободили послѣ перваго ареста. Прис. пов. Боровиковскій. Не можете ли объяснить причину отъѣзда его въ Иваново-Вознесенскъ, вы не приглашали ли его? Первоприсутствующій. Это такой вопросъ, на который подсудимый, можетъ быть, затруднится отвѣтить. Подс. Агаповъ. Онъ жаловался, что на плохомъ мѣстѣ живетъ—хотѣлъ получше.—На вопросъ, предложенный по просьбѣ присяжнаго повѣреннаго Зубарева, какимъ образомъ Гамкрелидзе познакомился съ Медвѣдевой, подсудимый показалъ: я познакомился съ нею въ Петербургѣ и въ Москвѣ видѣлся. Когда наѣзжалъ изъ Петербурга, я заѣзжалъ къ ней. Она знакома была съ Кардашевымъ въ гостиницѣ «Украйна»; я поручилъ Медвѣдевой получать и передавать письма мнѣ.—На вопросъ, предложенный по просьбѣ присяжнаго повѣреннаго Борщова, при какихъ обстоятельствахъ подсудимый Ковалевъ познакомился съ Едуковыми и когда онъ видѣлъ, что они читали книжки собравшемуся народу, Ковалевъ показалъ: «Я у Едуковыхъ былъ одинъ разъ, когда пріѣхалъ изъ Кіева въ Тулу, и я видѣлъ у нихъ не «Хитрую механику», я ошибся; я человѣкъ неграмотный и неопытный. Я слышалъ, что они «Московскія Вѣдомости» читали. Первоприсутствующій. Какъ же вы попали къ Едуковымъ? Подс. Ковалевъ. Меня Сидоренко завелъ, такъ какъ онъ работалъ вмѣстѣ съ ними.—В. (По просьбѣ присяжнаго повѣреннаго Корша). Знали ли вы лично подсудимаго Острова или слышали отъ Родіонова? — О. Дѣйствительно, я слышалъ отъ двоюроднаго брата моего Родивона, но лично Острова не знаю.—Далѣе на вопросы, предложенные защитою, подсудимые отвѣчали. Подс. Александрова. Познакомилась съ Топорковою въ Ивановѣ. Подс. Вл. Александровъ. Познакомился съ нею за одинъ или два дня до отъѣзда въ Иваново. Подс. Агаповъ. Познакомился на станціи Новки. Подс. Фигнеръ. Вовсе не знаю Рождественскаго. Подс. Субботины не знали и не слыхали о немъ. Подс. Гамкрелидзе (супруги) ничего не знали о Рождественскомъ. Подс. Бариновъ. Мнѣ надоѣло въ Москвѣ 18 и 19 часовъ въ день работать. Я съ Агаповымъ познакомился на Ѳоминой, мы въ теченіе двухъ недѣль были безъ мѣста, и я ночевалъ у его матери. Я просилъ: когда будешь на мѣстѣ, то увѣдомь. Онъ обѣщалъ. Я пріискалъ мѣсто, но такъ какъ мнѣ невыгодно было и Агаповъ прислалъ письмо: если желаешь, говоритъ, жить, то пріѣзжай въ Иваново-Вознесенскъ, то я поѣхалъ. Подс. Ковалевъ. Млодецкій не причиненъ этому дѣлу. Паспортъ я не отъ него взялъ. Я купилъ у солдата. Подс. Батюшкова заявила, что Введенской не знала. Подс. Хоржевская. Относительно тѣхъ лицъ, съ которыми была знакома въ Кіевѣ, я могу сказать, что съ Млодецкимъ я знакома. Я встрѣчалась съ нимъ у Гельфманъ и иногда у другихъ лицъ, а также съ Александровымъ (Григорій). О существованіи Петра я не слыхала. У меня на квартирѣ были книги, а послѣ ареста ихъ кто-нибудь унесъ, такъ какъ я не возвращалась въ квартиру. Относительно документовъ я не знаю, какъ они ко мнѣ попали. Подс. Любатовичъ. Тульскихъ я знаю только тѣхъ, которые пріѣхали изъ Кіева: Герасима Петрова, Сидоренко и Ковалева. Я наняла квартиру недалеко отъ завода, чтобы близко было рабочимъ.—Засимъ первоприсутствующій объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ, и въ виду обширности и сложности дѣла, желая пре-

доставить сторонамъ время приготовиться къ преніямъ, отложилъ засѣданіе до пятницы, 4-го марта.

Товарищъ оберъ-прокурова К. Н. Жуковъ въ началѣ своей рѣчи высказалъ, что, со времени учрежденія особаго присутствія для сужденія политическихъ дѣлъ, предъ Правительствующимъ Сенатомъ не мало проходило дѣлъ, по которымъ разныя лица обвинялись въ совершеніи государственныхъ преступленій. Особому присутствію пришлось разрѣшить дѣло о первой попыткѣ организовать сообщество съ цѣлью итти въ народъ и распространять въ немъ революціонныя идеи путемъ раздачи книгъ возмутительнаго содержанія—это дѣло Долгушина и его сообщниковъ. Затѣмъ по остальнымъ дѣламъ обвинялись одно, два, три лица, и дѣла эти не имѣли между собою прямой, непосредственной связи. Они не давали возможности опредѣлить, въ чемъ именно заключалась пропаганда, гдѣ она черпала силы, откуда и какъ она шла и какими средствами она располагала. Въ 1874, а затѣмъ въ 1875 году возникли два большихъ дѣла, обратившихъ на себя вниманіе всего общества. Если къ прежнимъ отдѣльнымъ проявленіямъ преступной пропаганды общество наше относилось равнодушно, то дознанія 1874, а затѣмъ 1875 года не могутъ не обратить на себя особаго вниманія общества, потому что они наглядно доказывютъ, что среди русскаго общества есть не мало людей, стремящихся, путемъ распространенія среди рабочаго люда Имперіи революціонныхъ идей, поднять народъ, возбудить его къ бунту. Понятно, что общество не можетъ отнестись безучастно къ подобному явленію. Особому присутствію Правительствующаго Сената въ настоящее время предстоитъ разрѣшить второе изъ этихъ дѣлъ—дѣло, возникшее въ Москвѣ въ 1875 году. Какъ ни великъ, какъ ни важенъ для оцѣнки значенія преступной пропаганды матеріалъ, доставленный настоящимъ дѣломъ, тѣмъ не менѣе правильные и точные по сему предмету выводы могутъ быть сдѣланы лишь тогда, когда особое присутствіе ознакомится съ другимъ, возникшимъ въ 1874 году, дѣломъ. Лишь изъ сопоставленія этихъ двухъ дѣлъ получится достаточно полное представленіе о томъ, какое общественное значеніе имѣютъ явленія, о которыхъ идетъ рѣчь. Приступая къ изложенію данныхъ, выработанныхъ дознаніемъ въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, товарищъ оберъ-прокурора заявилъ, что особое присутствіе изъ судебнаго слѣдствія убѣдилось, что по настоящему дѣлу обнаружено существованіе такого организованнаго сообщества, которое имѣло цѣлью распространеніе въ народѣ революціонныхъ идей, которое стремилось въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ побудить народъ къ открытому возстанію противъ власти Верховной, къ ниспроверженію существующаго порядка управленія и всего общественнаго строя Имперіи. Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора замѣтилъ, что матеріаломъ для обвиненія лицъ, преданныхъ суду особаго присутствія, служатъ, прежде всего и главнымъ образомъ, тѣ письменныя доказательства и документы, которые имѣются въ дѣлѣ. Документы этиз аключаются въ перепискѣ подсудимыхъ между собою, перепискѣ, въ которой ясно выражена цѣль, къ которой стремились обвиняемые, и указаны тѣ средства, которыя они употребляли для осуществленія своей цѣли. Документы эти, удостовѣряющіе непосредственную связь между всѣми подсудимыми, могутъ быть названы прямыми, неопровержимыми доказательствами, на которыхъ главнымъ образомъ товарищъ оберъ-прокурора и построилъ свои выводы для обвиненія преданныхъ суду лицъ. Другой рядъ доказательствъ представляютъ показанія свидѣтелей, спрошенныхъ на судѣ. Свидѣтельскія показанія по настоящему дѣлу могутъ служить къ обвиненію того или другого подсудимаго въ распространеніи книгъ возмутительнаго содержанія, къ обличенію ихъ въ совершеніи от-

дѣльныхъ преступленій, которыя вмѣняются въ вину подсудимымъ, и только отчасти касаются вопроса о существованіи преступнаго сообщества. Третій разрядъ доказательствъ будетъ заимствованъ изъ показаній подсудимыхъ, данныхъ ими на судѣ или занесенныхъ въ обвинительный актъ. Особое присутствіе могло убѣдиться изъ обвинительнаго акта, что большинство обвиняемыхъ при дознаніи отказалось дать показанія и разъяснить чѣмъ-нибудь дѣло. Изъ числа обвиняемыхъ дали подробное показаніе при дознаніи слѣдующія лица: Ковалевъ, Н. Васильевъ, Егоровъ, Агаповъ и Бѣляевскій; но всѣ они на судебномъ слѣдствіи отказались отъ прежнихъ объясненій. Изъ всѣхъ таковыхъ показаній подсудимыхъ товарищъ оберъ-прокурора остановится лишь на тѣхъ, которыя нашли себѣ полное подтвержденіе при дознаніи и послужили къ дальнѣйшему развитію дѣла. Характеръ показаній остальныхъ подсудимыхъ измѣнился на судебномъ слѣдствіи. Одни изъ нихъ, отрицая свою виновность, стараются объяснить имѣющіяся противъ нихъ улики въ свою пользу; другіе, сознаваясь впервые на судѣ въ совершеніи извѣстныхъ дѣяній, вмѣняемыхъ имъ въ вину, принимаютъ всю тяжесть обвиненія на свои плечи, выражая тѣмъ самымъ желаніе, чтобы на нихъ сосредоточилось обвиненіе. Цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы этимъ путемъ выгородить остальныхъ подсудимыхъ, не менѣе ихъ изобличенныхъ показаніями свидѣтелей и письменными документами. Къ подобнаго рода показаніямъ подсудимыхъ слѣдуетъ относиться осторожно. Необходимо разобрать эти показанія, взять изъ нихъ то, что подтверждается обстоятельствами дѣла, а остальное откинуть, какъ незаслуживающее уваженія. Затѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда не предстояло возможности принимать извѣстныя обстоятельства на свою отвѣтственность, подсудимые прибѣгали къ другой системѣ. Особое присутствіе могло убѣдиться, что по нѣкоторымъ группамъ не всѣ обвиняемые были обнаружены, а пять или шесть изъ нихъ успѣли скрыться отъ преслѣдованія, и вотъ на этихъ-то лицъ подсудимые, состоящіе на-лицо, и желаютъ обратить тяжесть обвиненія, ссылаясь на нихъ какъ на болѣе виновныхъ. Такъ, напримѣръ, по первой группѣ изъ показанія Бардиной и другихъ, данныхъ ими при дознаніи, видно, что они ссылались на нѣкоего Павлова, который будто-бы находился въ Москвѣ; но, несмотря на всѣ принятыя мѣры, Павловъ не только не былъ разысканъ, но и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы лицо это дѣйствительно существовало. Въ третьей группѣ—кіевской—нѣтъ на-лицо Сидоренко и Петрова, а въ одесской—И. Григорьева. Слѣдовало ожидать, что подсудимые будутъ выставлять этихъ лицъ главными по дѣлу виновными. Такъ и случилось. Съ этими показаніями подсудимыхъ слѣдуетъ поступить такъ же, какъ и съ показаніями, ранѣе упомянными. По поводу показаній подсудимыхъ нельзя не замѣтить, что при окончаніи судебнаго слѣдствія подсудимые дава и свои объясненія въ разъясненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя они считали для себя важными. Объясненія эти не могутъ быть названы показаніями. Они давались въ формѣ разговоровъ между защитою и подсудимыми. Разговоръ происходилъ въ такомъ родѣ: не желаетъ ли подсудимый такой-то сказать, не онъ ли познакомилъ такую-то съ такимъ-то; не отъ такого-то ли обвиняемаго слыхалъ онъ о такомъ-то обстоятельствѣ?... Обвиняемые, конечно, спѣшили подтвердить все то, что для защиты было необходимо. Такого рода объясненія не могутъ имѣть для дѣла никакого существеннаго значенія, и обвинитель не будетъ на нихъ останавливаться, предоставляя ихъ въ полное распоряженіе защиты. Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора коснулся тѣхъ мелкихъ уликъ, которыя при производствѣ дознанія, въ виду отказа обвиняемыхъ отъ показаній, не могли быть точно обслѣдованы, и отъ которыхъ представитель обвинительной власти отказывался на судебномъ

слѣдствіи всякій разъ, когда не могъ убѣдиться въ правильности улики. Въ этомъ смыслѣ нѣсколько измѣнились обстоятельства, касающіяся Едуковыхъ, подсудимыхъ по тульской группѣ. Передъ началомъ судебнаго слѣдствія товарищъ оберъ-прокурора указывалъ на невозможность точно обслѣдовать показаніе неявившагося свидѣтеля Щукина. Обстоятельства дѣла, вытекавшія изъ этого показанія, должны быть исключены изъ числа уликъ и обвиненія Едуковыхъ. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что на судебномъ слѣдствіи также измѣнились нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся Воронкова и Млодецкаго по кіевской группѣ. Совмѣстное сожительство, которое вмѣнялось въ улику Млодецкому и Воронкову, не подтвердилось на судѣ показаніями свидѣтелей. По нимъ оказывается, что эти лица не жили вмѣстѣ, и, такимъ образомъ, выводъ обвинительнаго акта, основанный на этой уликѣ, падаетъ самъ собою. Точно также товарищъ оберъ-прокурора отказался на судебномъ слѣдствіи и отъ опознанія Кардашева свидѣтелемъ Введенскимъ, устанавливавшаго связь между Кардашевымъ по московской и Злобинымъ по тульской группѣ. По отношенію къ Кардашеву отстраняется и другой выводъ обвинительнаго акта, а именно, посѣщеніе Кардашева Субботиными въ Орлѣ. Затѣмъ всѣ остальныя улики, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, остались вполнѣ неприкосновенными и даютъ полную возможность поддерживать обвиненіе во всѣхъ его существенныхъ частяхъ. Если по отношенію къ весьма немногимъ обвиняемымъ и придется нѣсколько видоизмѣнить обвиненіе, то это будетъ указано при подробномъ изложеніи уликъ къ обвиненію каждаго изъ подсудимыхъ. «Я, можетъ быть, упустилъ изъ виду одно или два изъ мелкихъ обстоятельствъ, измѣнившихъ свой характеръ на судебномъ слѣдствіи, сказалъ товарищъ оберъ-прокурора, хотя и велъ во все время надлежащія замѣтки, но забывчивость возможна, въ особенности при такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ настоящее. Въ такомъ случаѣ защита исправитъ ошибку, которая, можетъ быть, вкралась въ моей рѣчи, и укажетъ на обстоятельства, которыя были заявлены на судебномъ слѣдствіи. Теперь я перехожу къ изложенію обстоятельствъ, служащихъ къ обвиненію предстоящихъ предъ особымъ присутствіемъ лицъ въ организаціи тайнаго общества, имѣющаго цѣлью распространеніе революціонныхъ идей, и съ этою цѣлью распространявшихъ книги преступнаго содержанія въ средѣ рабочаго населенія». Первая попытка къ распространенію такихъ книгъ, или лучше сказать, первыя данныя, указывающія на существованіе людей, задавшихся указанною выше цѣлью, была обнаружена въ Москвѣ въ концѣ марта и началѣ апрѣля 1875 года. Въ то время было открыто распространеніе книгъ преступнаго содержанія на семи московскихъ фабрикахъ, а именно: Шибаева, Горячева, Носова, Тюляевыхъ, Соколова, Лазарева и Рошфоръ, причемъ задержаны и представлены въ жандармское управленіе и самыя книги, имѣющія цѣлью прямое воззваніе къ бунту и къ явному сопротивленію власти Верховной. Первымъ по времени было обнаружено распространеніе книгъ на шибаевской фабрикѣ. Работникъ этой фабрики, Яковлевъ, представилъ, по собственному побужденію, въ жандармское управленіе книги преступнаго содержанія и указалъ на лицъ, отъ которыхъ получены были эти книги. Вслѣдствіе этого заявленія были задержаны обвиняемые Н. Васильевъ и Бариновъ. Въ связи съ распространеніемъ книгъ на шибаевской фабрикѣ, обнаружено такое же и на фабрикѣ Горячева, гдѣ проживалъ родной братъ Баринова, Прокофій Бариновъ. Эти два лица удостовѣрили тѣ данныя, которыя послужили къ развитію настоящаго дѣла. Прокофій Бариновъ при дознаніи, что видно изъ прочитаннаго на судѣ показанія, и Яковъ Яковлевъ удостовѣрили, что Васильевъ, Бариновъ и Петръ Алексѣевъ говорили и толковали имъ о томъ, что необходимо стараться образовать особые кружки изъ 4, 5 лицъ,

имѣющихъ цѣлью возбудить народъ къ бунту. Когда кружки эти достигнутъ того, что привлекутъ въ число своихъ членовъ отъ четырехъ до пяти тысячъ рабочихъ, то можно будетъ приступить прямо къ явному возстанію. Говорили тоже, что собственность должна быть общею, что дворянство, купечество и крестьянство не должны существовать, что богатыхъ и бѣдныхъ также не должно быть, а что на развалинахъ того общественнаго строя, который существуетъ въ настоящее время, должно водвориться царство рабочихъ. Насколько заслуживаютъ довѣрія показанія этихъ свидѣтелей, можно убѣдиться изъ правдиваго разсказа свидѣтеля Яковлева, который былъ подвергнутъ подробному перекрестному допросу и на всѣ вопросы подсудимыхъ и ихъ защитниковъ отвѣчалъ одно, что сбить его нельзя, что онъ отправился заявить о книгахъ потому, что видѣлъ въ нихъ преступное содержаніе; что, по словамъ Баринова, онъ получилъ эти книги отъ брата своего, который называлъ какого-то Петра Алексѣева, передавшаго ему книги, и котораго онъ будто бы не знаетъ. Между тѣмъ, при дознаніи онъ указывалъ, какой Петръ Алексѣевъ снабжалъ его книгами; точно также Бариновъ указывалъ и на Н. Васильева, а равно и на своего брата. Въ то же время было обнаружено распространеніе книгъ на фабрикахъ Лазарева. По приказанію приказчика и рабочихъ этой фабрики, распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія занималась дѣвушка, называвшаяся Аннушкою. Эта Аннушка поражала свидѣтелей тѣмъ, что по наружному виду не принадлежала къ рабочему сословію. Когда она нанималась на фабрику, то ей совѣтовали наняться въ горничныя, и только послѣ неотступной просьбы она была принята въ число работницъ. Поселившись на фабрикѣ, Аннушка посѣщала ночью мужскія спальни рабочихъ, читала имъ книжки и, застигнутая за чтеніемъ книгъ, была выгнана изъ спальни, а потомъ отказалась отъ работы и ушла съ фабрики. Обвиняемая Бардина была признана за ту Аннушку, о которой идетъ рѣчь. Таковыя показанія свидѣтелей были настолько основательны, настолько дышали правдою, что подсудимая Бардина вынуждена была на судѣ сознаться въ томъ, что она, дѣйствительно, распространяла книги на фабрикѣ Лазарева, и вслѣдствіе такого сознанія особое присутствіе признало ненужнымъ продолжать допросъ свидѣтелей по этому обвиненію. Затѣмъ распространеніе книгъ на фабрикѣ Носовыхъ подтверждается показаніемъ свидѣтеля Муханова, который былъ спрошенъ на судѣ. На эту фабрику почти одновременно съ появленіемъ Бардиной и Лазарева нанялись двѣ дѣвушки, въ которыхъ Мухановъ призналъ Каминскую и Ольгу Любатовичъ; одна изъ нихъ жила подъ именемъ Натальи, другая называлась Маріею. Каминская на фабрикѣ занималась распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія и тѣмъ же способомъ, какъ и Бардина. Каминская, какъ уже сказано, была опознана при дознаніи, но не находится теперь на судѣ, потому что впала въ тяжкую болѣзнь, и дѣло о ней прекращено. Такимъ образомъ, распространіе книгъ на фабрикахъ Шибаева, Горячева, Носова и Лазарева— Васильевымъ, Бариновымъ, Бардиною, Каминской и Ольгою Любатовичъ вполнѣ доказано. Далѣе, тѣ же самыя книги распространялись еще и на фабрикѣ Тюляевыхъ. По показанію свидѣтелей Ермолаева, Платонова, Трофилова, Зотова и Игнатова, дѣло происходило такъ: разъ какъ-то къ Ермораеву пришелъ родственникъ его, обвиняемый Филатъ Егоровъ, и познакомилъ его съ какою-то неизвѣстною личностью, назвавшеюся Михаиломъ; свиданіе это происходило въ трактирѣ, гдѣ Филатъ Егоровъ передалъ Ермолаеву нѣсколько книгъ преступнаго содержанія. Такія же книги были переданы Платонову и Трофимову. Книги эти носили слѣдующія названія: »Сказка о четырехъ братьяхъ», «Чтой-то братцы» и «Богъ то Богъ».

Словомъ, это были книги, характеристика которыхъ будетъ изложена нѣсколько позже. Нѣкоторыя изъ полученныхъ книгъ свидѣтели читали рабочимъ, но, убѣдясь, что онѣ преступнаго содержанія, частью сожгли ихъ, а частью спрятали на фабрикѣ Тюляева, гдѣ онѣ и были найдены. Книги, заключающія въ себѣ преступное содержаніе, были переданы свидѣтелямъ Филатомъ Егоровымъ вмѣстѣ съ личностью, появившеюся въ трактирѣ и извѣстной подъ именемъ Михаила. При предъявленіи подсудимыхъ свидѣтелямъ, этотъ Михаилъ оказался обвиняемымъ Джабадари, связь котораго съ Егоровымъ, знакомство и распространеніе чрезъ него книгъ, возбуждающихъ къ бунту, будутъ изложены далѣе. Кромѣ распространенія книгъ на тюляевской фабрикѣ, было обнаружено таковое же и на соколовской фабрикѣ. На этой фабрикѣ свидѣтелямъ Павлову и Васильеву книги преступнаго содержанія были переданы обвиняемымъ Пафнутіемъ Николаевымъ, скрывшимся съ фабрики и бросившимъ тамъ разсчетъ и свои вещи немедленно послѣ обыска у рабочихъ этой фабрики. Независимо отъ всего сказаннаго, книги того же рода были переданы на фабрикѣ Рошфора Власу и Никифору Алексѣевымъ братомъ ихъ, обвиняемымъ Петромъ Алексѣевымъ. Такимъ образомъ, въ силу сказаннаго установляется несомнѣнно виновность Васильева, Баринова, Филата Егорова, Пафнутія Николаева, Петра Алексѣева, Каминской, Бардиной, Ольги Любатовичъ и Джабадари въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія на тѣхъ семи московскихъ фабрикахъ, которыя поименованы ранѣе. Когда затѣмъ, по показанію Яковлева, были арестованы Васильевъ и Бариновъ, въ жандармское управленіе явилась личность, которая интересовалась судьбою Васильева и пожелала обнаружить лицъ, которыя побудили его стать на преступный путь и заняться распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Это была свидѣтельница Скворцова, заявившая, что лица, сманившія Васильева съ работы и толкнувшія его на путь пропаганды, проживаютъ въ Москвѣ въ домѣ Корсака. Въ этомъ домѣ былъ произведенъ обыскъ и при обыскѣ въ квартирѣ, нанятой на имя Бардиной, задержаны Бардина, Каминская, скрывшіеся съ фабрикъ Николаевъ, Алексѣевъ, Джабадари, Чекоидзе, Георгіевскій, Лукашевичъ и Агаповъ. Вся обстановка жизни въ домѣ Корсакъ указывала, что названныя лица жили именно въ этомъ домѣ, такъ какъ у нихъ найдено большое количество платья, бѣлья и другихъ вещей, принадлежавшихъ тѣмъ, которые были задержаны тутъ. По показанію Скворцовой, задержанныя въ домѣ Корсакъ, ранѣе переселенія въ этотъ домъ, проживали у нея въ Сыромятникахъ, въ домѣ Костомарова. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ они поселились вмѣстѣ и начали заниматься однимъ и и тѣмъ же дѣломъ, весьма ясно разрѣшается показаніемъ Скворцовой, по словамъ которой, Васильевъ былъ простымъ рабочимъ и пользовался хорошимъ положеніемъ на фабрикѣ, считаясь лучшимъ работникомъ. Передъ Рождествомъ 1874 г. въ Москвѣ появился обвиняемый Алексѣевъ, который посѣщалъ Н. Васильева, и съ этого времени характеръ Васильева измѣнился, онъ оставилъ работу, началъ посѣщать трактиры и исчезать съ фабрики. Скворцова нѣсколько разъ останавливала Васильева, но это не помогло, и онъ заявилъ ей, что перестанетъ работать на фабрикѣ, что они снимутъ квартиру и возьмутъ къ себѣ нахлѣбниковъ. На вопросъ Скворцовой, какимъ образомъ они, не имѣя средствъ и возможности, обставятъ квартиру, чтобы пускать нахлѣбниковъ и откуда возьмутъ денегъ на обзаведеніе—Николай Васильевъ отвѣчалъ, что средства на это дастъ новый его знакомый Михаилъ. И, дѣйствительно, Михаилъ Джабадари выдалъ деньги на покупку всего необходимаго. Покупали вещи Скворцова съ Василіемъ—обвиняемымъ Георгіевскимъ; при выдачѣ денегъ принималъ участіе и Чекоидзе, котораго свидѣтельница знала подъ именемъ Федора. Слѣдуетъ замѣтить, что знакомство

Николая Васильева съ Михаиломъ и Федоромъ было сдѣлано не въ этотъ разъ; по объясненію Н. Васильева, занесенному въ обвинительный актъ, онъ раньше переѣзда въ Сыромятники познакомился съ Федоромъ и Михаиломъ еще въ домѣ за Москвою-рѣкой, черезъ Петра Алексѣева, который свелъ его съ этими лицами. Едва успѣли поселиться эти лица въ Сыромятникахъ, къ нимъ явились другія, о которыхъ Скворцову предупреждали, что придутъ нѣсколько женщинъ. И, дѣйствительно, въ эту квартиру прибыли Бардина, Каминская, Хоржевская, Ольга Любатовичъ, Фигнеръ и Александрова; всѣ эти лица жили подъ чужими именами. Такъ, Бардина называлась Аннушкой, Любатовичъ звали Наташею, Фигнеръ—Дуняшею, Александрова именовалась Сашей, Хоржевская—Ѳеклушей, то-есть всѣ онѣ значились подъ тѣми же именами, подъ которыми проживали на фабрикахъ, занимаясь распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Каминская, подъ именемъ Маши, жила на фабрикѣ Носова вмѣстѣ съ Любатовичъ, работавшей подъ именемъ Наташи; Фигнеръ извѣстна была на фабрикѣ Гюбнеръ подъ именемъ Дуняши. Что эти лица были тѣ самыя, которыя проживали и на фабрикахъ, прямымъ доказательствомъ тому служитъ показаніе Скворцовой, которая не ошиблась въ прозвищахъ и указала именно на фабрики, гдѣ проживали уже извѣстныя личности. То же самое подтверждается и по отношенію къ Джабадари, который назывался Михаиломъ, и къ Чекоидзе, котораго Скворцова называетъ Федоромъ. Кромѣ того, изъ переписки, найденной въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, оказывается, что въ этой перепискѣ Чекоидзе называется самими обвиняемыми Федоромъ; Хоржевская въ той же перепискѣ носитъ имя Ѳеклуши. Показаніе Скворцовой, слѣдовательно, подтверждается самими подсудимыми въ ихъ письмахъ другъ къ другу. Кромѣ этой переписки, при обыскѣ еще найдены фальшивые паспорты на имя Аннушки и Федора. Затѣмъ, кромѣ лицъ, уже указанныхъ, квартиру въ домѣ Костомарова посѣщали и другіе обвиняемые—Бариновъ, Филатъ Егоровъ, а Иваномъ Ивановичемъ, посѣщавшимъ эту квартиру, оказался обвиняемый Лукашевичъ. Итакъ, домъ Костомарова въ Сыромятникахъ, а затѣмъ домъ Корсакъ составляли центръ, гдѣ собиралась группа пропагандистовъ, гдѣ большинство изъ нихъ проживало, и откуда шло распространеніе книгъ на нѣсколькихъ фабрикахъ. Что лица, жившія у Скворцовой, имѣли у себя значительное количество книгъ —это доказывается показаніемъ той же Скворцовой, удостовѣряющей, что разъ какъ-то Федоръ, т.-е. Чекоидзе, привезъ цѣлый чемоданъ съ книгами, и когда она передала объ этомъ Васильеву, то по требованію послѣдняго чемоданъ былъ увезенъ куда-то Михаиломъ (Джабадари). Обстоятельство это какъ нельзя лучше указываетъ на то, что Михаилъ и Федоръ суть одни изъ главныхъ лицъ, которыя снабжали остальныхъ подсудимыхъ книгами. Кромѣ того, къ обвиненію Джабадари въ снабженіи книгами другихъ служитъ показаніе подсудимаго Егорова, который, хотя на судѣ и отказался отъ него, но оно дано имъ при дознаніи и занесено въ обвинительный актъ; онъ тогда подробно разсказывалъ, когда, какъ и какого рода книги онъ получилъ отъ Джабадари, котораго зналъ лишь подъ именемъ Михаила. Всѣхъ этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о значеніи дома Костомарова въ Сыромятникахъ. Показаніе Скворцовой въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія и и представляетъ собою полную картину того, что происходило въ этомъ домѣ. Она говоритъ, что жившія тамъ лица по своему разговору и отношеніямъ другъ къ другу не могутъ быть причислены къ простымъ рабочимъ; разговоръ ихъ былъ о томъ, что вѣрить въ Бога не слѣдуетъ, что богатые и бѣдные должны быть равными между собою и что этого можно достигнуть путемъ бунта. На вопросы защиты Скворцова отвѣчала, что

разговоръ былъ именно о бунтѣ, такъ какъ говорилось, что Государя не нужно. Заподозривъ нахлѣбниковъ въ дурныхъ дѣлахъ, Скворцова сказала Наташѣ (Любатовичъ), что ее спрашивалъ какой-то господинъ; тогда вся компанія немедленно отъ нихъ переѣхала въ домъ Корсакъ. Несмотря на это, связь Н. Васильева и Скворцовой съ бывшими нахлѣбниками не порвалась. Н. Васильевъ посѣщалъ домъ Корсакъ, а Скворцова стирала на эту компанію бѣлье, что продолжалось до ареста какъ Васильева, такъ и лицъ, проживавшихъ въ домѣ Корсакъ. Далѣе товарищъ оберъ-прокурора приступилъ къ опредѣленію той роли, которую играли Георгіевскій, Лукашевичъ и Агаповъ. По показанію Н. Васильева, Георгіевскій жилъ за Москвой-рѣкой вмѣстѣ съ Джабадари и Чекоидзе. Когда подсудимые сняли квартиру въ домѣ Костомарова, то Георгіевскій съ Скворцовой ходили покупать все необходимое для новой квартиры на деньги, выданныя тѣми лицами, которыя въ настоящее время обвиняются въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія. Послѣ того Георгіевскій постепенно посѣщалъ квартиру въ домѣ Костомарова, жилъ на квартирѣ въ домѣ Кузьмина, подъ именемъ простого рабочаго Василія Григорьева, по фальшивому паспорту, и арестованъ въ домѣ Корсакъ, въ квартирѣ тѣхъ же пропагандистовъ, которые жили въ домѣ Костомарова. Связь Георгіевскаго съ компаніей въ домѣ Корсакъ устанавливается, такимъ образомъ, вполнѣ и принадлежность его къ этому обществу становится несомнѣнной. Принадлежность эта еще болѣе доказывается письмами Георгіевскаго къ администраціи общества, найденными по обыску въ домѣ Толстой у кн. Циціанова и Цвиленева. Письма эти предлагаютъ планъ побѣга изъ-подъ стражи для Георгіевскаго, но этотъ послѣдній говоритъ, что важнѣе всего дать возможность бѣжать Федору, т. е. Чекоидзе. На основаніи таковыхъ данныхъ, товарищъ оберъ-прокурора обвинялъ Георгіевскаго въ принадлежности къ преступному сообществу и обратилъ вниманіе на то, что Георгіевскій не обвиняется въ распространеніи книгъ. Георгіевскій далъ неправдоподобное объясненіе своего появленія въ домѣ Корсака и не могъ объяснить причины своего пріѣзда въ Москву. Другой подсудимый, Лукашевичъ, также находился въ непосредственной связи съ лицами, жившими въ домѣ Костомарова. Онъ, бывшій студентъ технологическаго института, какъ и Георгіевскій, проживалъ въ Москвѣ въ качествѣ простого работника и посѣщалъ домъ Костомарова, называясь ложно именемъ Ивана Ивановича. Вмѣстѣ съ Лукашевичемъ былъ взятъ и Агаповъ, который заявилъ на первомъ допросѣ, что онъ дѣйствительно проживалъ съ Лукашевичемъ, который тогда называлъ себя Степаномъ Ивановымъ; что онъ живетъ въ домѣ Федорова вмѣстѣ съ нимъ и что у Лукашевича хранятся книги преступнаго содержанія, изъ которыхъ онъ видѣлъ—«Исторія французскаго крестьянина», «Парижская коммуна», и что одну изъ подобныхъ книгъ, а именно «Емельянъ Пугачевъ», Лукашевичъ читалъ ему, Агапову, съ цѣлью побудить его заняться распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія. На судебномъ слѣдствіи Агаповъ отъ этого показанія отказался, но оно подтверждается протоколомъ обыска, при которомъ на чердакѣ дома, гдѣ проживалъ Лукашевичъ, найдены книги, названныя Агаповымъ. Нахожденіе въ квартирѣ Лукашевича книгъ преступнаго содержанія ясно указываетъ на принадлежность его къ тому сообществу, о которомъ идетъ рѣчь и которое занималось распространеніемъ революціонныхъ идей. Остальныя задержанныя лица: Петръ Алексѣевъ, Пафнутій Николаевъ, оказались тѣми рабочими, о которыхъ говорилось ранѣе и которые бѣжали съ фабрики послѣ того, какъ было обнаружено распространеніе на тѣхъ фабрикахъ книгъ именно этими рабочими. Теперь необходимо посмотрѣть, откуда появились всѣ тѣ лица, которыя собирались на квартиру въ домѣ

Костомарова и затѣмъ были задержаны въ домѣ Корсака. Прослѣдивъ, на основаніи документовъ, исторію появленія этихъ людей, особое присутствіе можетъ удостовѣриться, что главные обвиняемые и большая часть подсудимыхъ, за исключеніемъ Васильева, Баринова, Агапова, Николаева и Егорова, никогда не жили въ Москвѣ. Они проживали сначала въ Петербургѣ, потомъ за границей, какъ, напримѣръ, Чекоидзе, Джабадари, Бардина, Каминская, Фигнеръ, Хоржевская и другіе. Эти лица въ концѣ 1874 года пріѣхали изъ-за границы, изъ Цюриха и Парижа, въ Петербургъ, а затѣмъ въ Москву. Одинъ изъ нихъ—Джабадари, исключенный изъ медико-хирургической академіи за дерзость, сдѣланную имъ по поводу отмѣтокъ на экзаменѣ, тотчасъ же послѣ исключенія изъ академіи отправился за границу, и едва успѣлъ вернуться, какъ былъ задержанъ въ Москвѣ за распространеніе среди народа преступныхъ книгъ. Другой получилъ образованіе въ михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ, не кончивъ курса, и вмѣстѣ съ Джабадари и свидѣтелемъ Дмитріевымъ, показаніе котораго было прочитано, отправился также за границу. Это было въ 1874 году. Чѣмъ занимался Чекоидзе за границею—видно изъ письма его Атабекову, жившему на Кавказѣ, въ которомъ Чекоидзе говоритъ о распространеніи книгъ революціоннаго содержанія среди народа, пишетъ объ отправкѣ этихъ книгъ на Кавказъ, указывая приэтомъ, что онѣ идутъ изъ-за границы; что за границею есть большое число лицъ, которыя занимаются приготовленіемъ книгъ преступнаго содержанія для распространенія ихъ въ народѣ. Изъ этого небольшого разсказа особое присутствіе убѣдится, въ какомъ настроеніи Чекоидзе отправился за границу осенью 1874 года, и станетъ яснымъ, почему Чекоидзе, вернувшись въ февралѣ 1876 года, пріѣхалъ прямо въ Москву на пропаганду. Затѣмъ Бардина, Ольга Любатовичъ и Александрова вернулись осенью 1874 г. вмѣстѣ изъ-за границы, причемъ и багажъ у нихъ былъ общій. Фигнеръ вернулась оттуда же въ началѣ 1874 г., а Хоржевская около Рождества того же года. Такимъ образомъ, всѣ эти лица собрались въ Россію и въ началѣ 1875 г. появляются въ домѣ Костомарова и играютъ роль распространителей книгъ преступнаго содержанія. Очевидно, что лица эти возвращались изъ-за границы уже съ предвзятой цѣлью заняться пропагандой по извѣстному плану, и по пріѣздѣ этотъ планъ осуществили. Сдѣланъ небольшой перерывъ.

Первоприсутствующій сдѣлалъ замѣчаніе, что во время рѣчи товарища оберъ-прокурора кто-то изъ подсудимыхъ позволилъ себѣ сдѣлать какое-то возраженіе, вслѣдствіе чего первоприсутствующій предупредилъ подсудимыхъ, что, если еще разъ повторится подобная выходка, то онъ приметъ самыя строгія мѣры къ обузданію этой дерзости. Тов. оберъ-прокурора, покончивъ изложеніе обстоятельствъ, касающихся первой группы подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія на московскихъ фабрикахъ, по возобновленіи засѣданія сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній, относящихся къ этой категоріи лицъ и къ тому, откуда и какъ прибыла въ Москву большая часть подсудимыхъ. Въ этомъ отношеніи обвинитель высказалъ, что Георгіевскій и Лукашевичъ не могутъ быть причислены къ лицамъ, проживавшимъ въ Москвѣ, такъ какъ они воспитывались и жили въ Петербургѣ. Изъ крестьянъ, преданныхъ суду въ качествѣ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу, Алексѣевъ принадлежитъ къ рабочимъ Петербурга, гдѣ и проживалъ до Рождества 1874 г.; въ это время онъ появляется въ Москвѣ и можетъ быть названъ первымъ распространителемъ книгъ преступнаго содержанія среди рабочихъ. Такія книги при посредствѣ Алексѣева были доставлены на фабрики Шибаева и Горячева, и Алексѣевъ принималъ дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы познакомить лицъ, поселившихся въ домѣ Костомарова, съ рабочими на московскихъ фабрикахъ. Между прочимъ, Але-

сѣвъ съ своей стороны содѣйствовалъ знакомству рабочихъ съ Федоромъ, Васильемъ и Михаиломъ; онъ же содѣйствовалъ тому, чтобы книги преступнаго содержанія распространялись между рабочими тѣми лицами, съ которыми свелось знакомство. Что касается распространенія книгъ въ деревнѣ Тереньковой, то дѣло это заключается въ томъ, что Филатъ Егоровъ, приходившій въ деревню съ Емельяновымъ, передалъ тамъ три книги, находящіяся при дѣлѣ, и, когда возникло дознаніе, то Егоровъ былъ признанъ за лицо, доставившее эти книги. Здѣсь товарищъ оберъ-прокурора счелъ нужнымъ замѣтить, что, несмотря на значительное количество фабрикъ, на которыхъ распространялись книги преступнаго содержанія, въ числѣ подсудимыхъ находится вообще весьма мало крестьянъ. По показанію свидѣтелей, [большинство рабочихъ относилось несочувственно къ идеямъ пропагандистовъ и книгамъ, распространяемымъ ими. Наглядным доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что почти всѣ дѣла начаты по указаніямъ и доносамъ самихъ крестьянъ, получавшихъ отъ обвиняемыхъ преступныя книги. Тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что въ числѣ рабочихъ на фабрикахъ были и такіе, которые относились хотя и не вполнѣ сочувственно къ пропагандѣ и содержанію распространяемыхъ между ними книгъ, но все-таки неохотно давали показанія по дѣлу; другіе же укрывали лицъ, распространявшихъ книги. На подобнаго рода явленіе слѣдуетъ обратить вниманіе и остановиться на немъ въ интересахъ общественныхъ. Изъ числа привлеченныхъ къ дѣлу лицъ за распространеніе книгъ на фабрикахъ, нѣкоторыя были обнаружены еще при дознаніи, происходившемъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Это дознаніе представляло такого рода данныя, которыя не указывали еще вполнѣ на развитіе дѣла пропаганды, не указывали на то, чтобы лица, привлеченныя въ качествѣ подсудимыхъ, составляли непосредственное тайное сообщество и пріѣхали въ Москву для того, чтобы распространять книги. Изъ протоколовъ апрѣльскаго дознанія видна нѣкоторая связь съ тѣмъ дѣломъ, которое производилось въ 1874 г., и особое присутствіе можетъ убѣдиться въ томъ изъ постановленія, по которому апрѣльское дѣло было присоединено къ дознанію 1874 года. Затѣмъ въ августѣ мѣсяцѣ 1875 г. были обнаружены новыя общины въ Ивановѣ, Тулѣ и Кіевѣ и установилась уже прямая связь между лицами, пропагандировавшими въ Москвѣ, съ обществами, открывшими свою преступную дѣятельность въ Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ. Всѣ лица, участвовавшія въ этихъ обществахъ, слились въ одно цѣлое, правильно организованное сообщество. Въ августѣ мѣсяцѣ 1875 года въ Ивановѣ-Вознесенскѣ возникло новое дознаніе, которое обнаружило новую группу лицъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, занимавшихся распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Изъ допроса свидѣтелей Бурова, у котораго была найдена «Сказка о четырехъ братьяхъ», видно, что книга эта была получена въ домѣ, гдѣ проживали «неумѣлые московскіе ткачи». Былъ произведенъ обыскъ, причемъ оказалось, что въ комнатѣ въ 6 кв. аршинъ жили вмѣстѣ четыре женщины и трое мужчинъ. Всѣ эти лица имѣли видъ простыхъ рабочихъ и старались не выдѣляться отъ остальныхъ рабочихъ; какъ женщины, такъ и мужчины ходили въ рускомъ, сами готовили себѣ пищу, носили воду и исполняли всѣ черныя работы. Это совмѣстное сожительство молодыхъ, образованныхъ дѣвушекъ съ простыми рабочими, нахожденіе у нихъ 245 книгъ преступнаго содержанія на-ряду съ обстановкою, при которой они жили, и значительною для рабочихъ суммою денегъ, у нихъ найденныхъ, большое количество шифрованной переписки и подложныхъ на званіе документовъ, все это прямо указывало, съ кѣмъ приходилось мѣстной власти имѣть дѣло. При обыскѣ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ не всѣ задержанныя лица открыли свои

званія; одни изъ нихъ назывались именами, подъ которыми жили на фабрикахъ, другія назывались буквами А, Б, а одна изъ женщинъ—бродягою, непомнящею родства. Въ числѣ задержанныхъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ оказались лица, жившія раньше въ Москвѣ въ домѣ Костомарова и работавшія на московскихъ фабрикахъ, а именно: Фигнеръ, Александрова, Агаповъ. Обвиняемые по ивановской группѣ: Фигнеръ, Александрова, Агаповъ и Александровъ признали себя виновными въ томъ, что пріѣхали въ Иваново съ цѣлью распространить книги преступнаго содержанія и дѣйствительно ихъ распространили на ивановскихъ фабрикахъ, а потому, не останавливаясь долѣе на опредѣленіи виновности указанныхъ лицъ, товарищъ оберъ-прокурора приступилъ къ изложенію объясненія о преступной пропагандѣ Топорковой и Баринова. Эти лица отрицаютъ свою виновность въ принадлежности къ преступному сообществу и объясняютъ появленіе свое среди фабричнаго населенія Иванова-Вознесенска случайными обстоятельствами. Топоркова говоритъ, что, зная Фигнеръ еще заграницей, она встрѣтилась съ нею въ Петербургѣ. Въ разговорѣ съ Фигнеръ Топоркова выразила ей желаніе поближе познакомиться съ «рабочимъ вопросомъ», на что Фигнеръ и предложила ей поѣхать въ Иваново и поступить простой кухаркой въ какую-либо рабочую артель. Топоркова исполнила совѣтъ Фигнеръ и такимъ образомъ попала въ домъ Кисина, гдѣ и была арестована. Насколько показаніе Топорковой согласно съ обстоятельствами дѣла, можно видѣть изъ слѣдующаго: Топоркова находилась въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ семействомъ Субботиныхъ, съ которыми и на ихъ средства она уѣхала за границу и проживала въ Цюрихѣ. Затѣмъ Топоркова является первою изъ обвиняемыхъ въ Иваново-Вознесенскѣ въ сопровожденіи Агапова и Александрова, пріѣхавшихъ, по ихъ собственному показанію, съ цѣлью пропаганды. Совмѣстный пріѣздъ всѣхъ этихъ лицъ доказывается показаніемъ свидѣтеля Семенова, при содѣйствіи котораго была нанята на имя Топорковой квартира и по рекомендаціи котораго Агаповъ и Александровъ поступили на фабрики. Едва только Топоркова съ товарищами устроилась въ Ивановѣ, какъ туда пріѣзжаютъ Фигнеръ и Александрова, причемъ, по показанію Агапова, съ появленіемъ Фигнеръ и Александровой явились книги, которыя потомъ уже начали распространяться среди рабочихъ ивановскихъ фабрикъ и были отобраны при обыскѣ. По удостовѣренію того же Агапова, хозяйкой въ ихъ квартирѣ была Топоркова, деньги же хранились и расходовались Фигнеръ, и ей обязаны были отдавать члены этой общины всѣ заработанныя деньги. Кромѣ того, вся переписка съ лицами, жившими въ домѣ Кисина, адресовалась на имя Топорковой, а нѣкоторыя письма написаны несомнѣнно къ самой Топорковой. Изъ этихъ писемъ оказывается, что Топоркова не была простою кухаркою, какъ она говоритъ, но принимала въ преступной дѣятельности такое же участіе, какъ и всѣ остальныя. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ письмо Евгеніи Субботиной къ Аннѣ Топорковой. Затѣмъ Топоркова уличается и въ распространеніи книгъ среди рабочихъ, доказательствомъ чему служитъ показаніе Жарковскаго, который утверждаетъ, что получилъ отъ Топорковой «Хитрую механику», «Парижскую коммуну» и газету «Впередъ»; Жарковскій указалъ приэтомъ мѣсто, гдѣ были спрятаны книги. На судебномъ слѣдствіи подсудимая Фигнеръ заявила, что эти книги переданы Жарковскому не Топорковою, а ею, Фигнеръ; что она, завернувъ ихъ въ бумагу, просила Топоркову передать свертокъ Жарковскому. Но это объясненіе Фигнеръ вполнѣ противорѣчитъ показанію Жарковскаго. Такимъ образомъ, обстановка, при которой Топоркова появилась въ Ивановѣ, обстановка жизни пропагандистовъ въ домѣ Кисина, показанія свидѣтелей и

отобранная переписка вполнѣ доказываютъ, что Топоркова не только принадлежала къ общинѣ пропагандистовъ, поселившихся въ Ивановѣ, но и сама распространяла книги преступнаго содержанія. О распространеніи такихъ же книгъ обвиняемымъ Бариновымъ много говорить не для чего. Фактъ этотъ удостовѣренъ категорически свидѣтелями-рабочими Зубковской фабрики. Кромѣ лицъ, задержанныхъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, о которыхъ уже сказано, была задержана тамъ же еще одна ткачиха, одѣтая въ простое русское платье, какъ это удостовѣряетъ протоколъ обыска. Женщина эта, назвавшаяся бродягой Екатериной Петровой, пріѣхала въ Иваново-Вознесенскъ за нѣсколько дней до обыска. Она оказалась потомъ женой обвиняемаго Гамкрелидзе, причемъ самый бракъ оказался, по выраженію обвиняемыхъ, «фиктивнымъ». Пріѣздъ въ Иваново Екатерины Гамкрелидзе сопровождался слѣдующими обстоятельствами. О пріѣздѣ Екатерины Гамкрелидзе ивановцы были предупреждены лицами, жившими въ Москвѣ. Изъ Москвы писали, что бѣлье и книги присылаютъ съ Катей, съ нею же обѣщаются прислать и рукопись «экспедицію шефа жандармовъ». Затѣмъ въ другомъ письмѣ сообщается, что Катя давно уѣхала въ Иваново отъ Гамки. Съ другой стороны, изъ Иванова писали въ Москву и просили Катю, имѣющую къ нимъ пріѣхать, исполнить до пріѣзда порученія знакомаго Рыжаго. Вслѣдъ за тѣмъ Екатерина Гамкрелидзе появляется въ Ивановѣ, проживаетъ въ д. Кисина и, въ этомъ домѣ, въ числѣ документовъ, отбираютъ рукопись, которую должна была привезти Катя. Очевиднымъ становится, что Екатерина Гамкрелидзе есть именно та Катя, которую ожидали въ Иваново изъ Москвы, и это обстоятельство служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ принадлежности Екатерины Гамкрелидзе къ сообществу пропагандистовъ. Совокупность уликъ, ранѣе изложенныхъ, образъ дѣйствій пропагандистовъ, способъ распространенія ими книгъ преступнаго содержанія, сношенія ихъ съ лицами, живущими въ другихъ городахъ Имперіи, устанавливаютъ полную связь между лицами, жившими въ Ивановѣ, и пропагандистами, дѣйствовавшими въ то же время въ Тулѣ и Москвѣ. Это доказывается еще болѣе документами, найденными въ Ивановѣ. Въ домѣ Кисина были отобраны различные документы и переписка, имѣющая весьма серьезное значеніе для дѣла. Въ этихъ письмахъ лицамъ, живущимъ въ Иваново-Вознесенскѣ, сообщается также о ходѣ пропаганды среди рабочаго населенія другихъ мѣстностей, указывается на то, чѣмъ занимаются отдѣльныя личности въ Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, дается отчетъ о положеніи одесской и тульской общины, говорится о томъ, что лица, проживающія въ Тулѣ въ качествѣ пропагандистовъ, «дѣйствуютъ преступно»: несмотря на то, что почва для пропаганды въ Тулѣ прелестна, рабочимъ ни одной революціонной книги не читали, а затѣмъ требуется согласіе ивановцевъ на принятіе въ общество новаго члена Санчо—князя Циціанова. Такимъ образомъ, непосредственная связь обвиняемыхъ ивановской группы съ лицами, составлявшими общины въ Тулѣ и Кіевѣ, и съ администраціей сообщества въ Москвѣ устанавливается вполнѣ и доказывается не свидѣтельскими показаніями, а собственноручными письмами обвиняемыхъ. Тѣ же письма доказываютъ и существованіе организованнаго сообщества. Письмо 19-го іюля предлагаетъ ивановцамъ пріемъ въ организацію новаго члена, а приписка къ тому письму отъ 26-го іюля написана лицомъ, состоящимъ въ администраціи и не желающимъ служить въ этой же должности далѣе срока, указаннаго въ программѣ устава—которымъ должны руководствоваться члены организаціи. Письму этому нельзя не придать особеннаго значенія, а вопросъ о томъ, откуда этотъ документъ исходитъ и кѣмъ онъ написанъ, будетъ разрѣшенъ впослѣдствіи, когда будутъ разбираться дѣйствія лицъ, проживавшихъ въ Москвѣ и составля-

вшихъ администрацію сообщества. Дальнѣйшія подробности товарищъ прокурора призналъ излишними, такъ какъ все имъ приведенное достаточно доказываетъ какъ виновность лицъ, проживавшихъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, такъ и въ принадлежности ихъ къ одному преступному, организованному сообществу. (Перерывъ на 1/4 часа).

Излагая обстоятельства дѣла, касающіяся обвиняемыхъ, задержанныхъ въ Иваново-Вознесенскѣ, и обращая вниманіе на документы и переписку, которые были у нихъ отобраны, товарищъ оберъ-прокурора высказалъ, что онъ уже имѣлъ случай указать, что въ письмѣ отъ 19-го іюля устанавливается непосредственная связь между Иваново-Вознесенскомъ и Москвою, съ одной стороны, и съ лицами, проживавшими въ Тулѣ и Кіевѣ—съ другой. Говоря объ Одессѣ, авторъ этого письма утверждаетъ, что изъ его организаціи вышли два лица, обозначенныя въ письмѣ буквами, но кто эти Иванъ и Соня—дознаніемъ не обнаружено. Въ письмѣ выражается, что эти лица, войдя въ какую-нибудь другую шайку, перетянутъ къ себѣ Злобина, живущаго въ Тулѣ, и что такимъ образомъ Тула легко можетъ уйти изъ рукъ, а этого допускать не слѣдуетъ. По дознанію въ Тулѣ оказалось, что, дѣйствительно, на оружейномъ заводѣ въ качествѣ простого работника работалъ бывшій студентъ технологическаго института, Злобинъ. По показанію рабочихъ шуйскаго завода, Злобинъ хотя и не входилъ съ ними въ какія-либо преступныя бесѣды, но тѣмъ не менѣе снабжалъ ихъ книгами, не принадлежащими къ числу тѣхъ книгъ, которыхъ распространеніе преслѣдуется закономъ, но извѣстный подборъ коихъ указываетъ на цѣль, преслѣдуемую Злобинымъ, причемъ всѣ эти книги оказались запрещенными, изъятыми изъ обращенія. Несмотря, однако же, на то, что Злобинъ не распространялъ книгъ преступнаго содержанія, товарищъ оберъ-прокурора полагаетъ, что онъ вполнѣ изобличается въ принадлежности къ тѣмъ лицамъ, которыя составляли преступное общество въ Иваново-Вознесенскѣ и Москвѣ: доказательствомъ тому служитъ письмо 19-го іюля, въ которомъ Злобинъ прямо названъ членомъ сообщества, и письма, полученныя въ Тулѣ послѣ ареста Злобина на его имя. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, написанномъ вслѣдъ за пріѣздомъ обвиняемаго изъ Кіева въ Тулу, Злобина спрашиваютъ о томъ: «пріѣхали ли тѣ, которыхъ онъ знаетъ», а въ другомъ просятъ сообщить объ адресѣ «сестрицы Ольги.» Оба письма изъ Кіева, и одно изъ нихъ писано обвиняемымъ по кіевской группѣ Млодецкимъ, другое—Хоржевскою. Всѣ лица, какъ это выяснено далѣе, пріѣзжающія въ Тулу на пропаганду, направляются прежде всего къ Злобину и по его указаніямъ разыскиваютъ и товарищей. Послѣ ареста Злобина, къ полиціймейстеру города Тулы явилась никому неизвѣстная личность, о существованіи которой въ Тулѣ никто не подозрѣвалъ—подсудимый Ковалевъ. Онъ заявилъ полиціи, что въ Тулѣ существуетъ цѣлое общество пропагандистовъ, которое уже приступило къ распространенію книгъ среди рабочаго населенія города Тулы. Этотъ Ковалевъ явился съ повинною, по собственному побужденію; здѣсь же на судѣ онъ отнимаетъ у особаго присутствія возможность отнестись къ нему снисходительно, отказываясь отъ всѣхъ благопріятныхъ для него послѣдствій явки съ повинной, и говоря, что показаніе, которое онъ далъ при дознаніи, есть ложь и было имъ дано по обѣщанію награды въ 12000 рублей. При какихъ обстоятельствахъ Ковалевъ явился съ повинной—видно изъ показанія свидѣтеля Матвѣева. Ковалевъ обратился къ Матвѣеву, разсказывая ему о тѣхъ преступныхъ замыслахъ, о которыхъ онъ наслушался среди общества, гдѣ онъ живетъ. Матвѣевъ, съ своей стороны, сталъ доказывать невозможность какого-либо «бунтовскаго» движенія среди рабочихъ въ Россіи, и посовѣ-

товалъ Ковалеву заявить обо всемъ правительству. Ковалевъ колебался и потомъ обратился къ Матвѣеву съ вопросомъ, не дадутъ ли ему за его открытіе рублей 1000, а когда Матвѣевъ сказалъ, что за такое показаніе осыплютъ Ковалева наградами, то Ковалевъ и отправился заявить о всемъ полиціи. Слѣдовательно, обѣщаніе 12000 руб. происходило отъ Матвѣева, который не имѣлъ никакихъ отношеній къ кому-либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ правительству. Въ виду отказа Ковалева отъ сознанія и что онъ самъ привлеченъ къ дѣлу—къ его показанію надо относиться осторожно, повѣряя его обстоятельствами дѣла. Слѣдуя этимъ путемъ, нѣтъ никакой возможности отказаться отъ искренности перваго показанія Ковалева, потому что каждое заявленіе его, сдѣланное въ Тулѣ, подтверждается безусловно дознаніемъ вь Кіевѣ, и въ доказательствахъ тому нѣтъ недостатка. Ковалевъ, явясь въ полицейское управленіе, во 1-хъ, указалъ на такихъ лицъ, о существованіи которыхъ никто не подозрѣвалъ. Ковалевъ даетъ свое показаніе съ такою подробностью, что почти каждое слово его подтверждается путемъ дознанія; а это возможно только тогда, когда показаніе справедливо и согласно съ истиной. Итакъ, Ковалевъ прежде всего указалъ при дознаніи, что въ домѣ, гдѣ проживаетъ нѣкая Махоткина, собирается нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ тѣмъ, которые занимаются пропагандою революціонныхъ идей въ Тулѣ. Вслѣдствіе этого, былъ произведенъ обыскъ, и въ квартирѣ Махоткиной, при обстановкѣ почти такой же, какъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, была арестована Махоткина, два брата Едуковы, Фетисовъ и Сидорацкій; во время обыска успѣли скрыться Сидоренко и Петровъ. Затѣмъ въ квартирѣ этой найдены вещи, принадлежащія арестованнымъ лицамъ, и книги преступнаго содержанія. У самой Махоткиной отобрано шифрованное письмо на имя акушерки Гельфманъ въ Кіевъ. Въ этомъ письмѣ говорится о Ковалевѣ, какъ о личности, для пропагандистовъ крайне опасной, и совѣтуется перемѣнить въ Кіевѣ квартиру. Такимъ образомъ, обстановкой квартиры и найденными въ ней вещественными доказательствами вполнѣ устанавливается значеніе этой квартиры и лицъ, ее занимавшихъ. Затѣмъ, по показанію Ковалева, поселившіяся въ Тулѣ лица прибыли изъ Кіева, откуда прибылъ и онъ вмѣстѣ съ Петровымъ, причемъ они посланы были княгинею Маріей, при содѣйствіи Михаила, Прохора и офицера Петра. Имъ былъ данъ адресъ, гдѣ они могутъ найти другихъ сотоварищей въ Тулѣ, и адресъ этотъ оказался адресомъ Злобина. Далѣе, по показанію Ковалева, первая квартира, гдѣ занимались пропагандисты и лица, принадлежащія къ преступному сообществу, была квартира въ домѣ Куракова, у обвиняемаго Фетисова. Одновременно съ письмами 19-го іюля, говорилось о необходимости усилить пропаганду въ Тулѣ; Фетисовъ появляется на тульскихъ фабрикахъ и имѣетъ близкія сношенія съ Злобинымъ. Всѣ обвиняемые, собиравшіеся въ Тулѣ, посѣщаютъ квартиру Фетисова, запираются въ отдѣльную комнату, читаютъ запрещенныя книги и на этихъ сборищахъ увлекаютъ въ свою среду рабочихъ, потомъ Едуковыхъ. Свидѣтель Дороговъ, удостовѣряя существованіе этихъ сборищъ, показалъ, что и его склонялъ Фетисовъ сойтись съ ними, утверждая, что этимъ путемъ Дороговъ выйдетъ изъ того бѣднаго положенія, въ которомъ они находятся. Дороговъ сначала посѣщалъ этихъ лицъ, но потомъ отказался отъ знакомства съ ними. При этихъ разговорахъ находились Иванъ и Николай Едуковы, которые потомъ и были задержаны при обыскѣ въ квартирѣ Ольги Любатовичъ и гдѣ они вслухъ читали лицамъ, посѣщавшимъ Махоткину, «Хитрую механику». Сама Любатовичъ, какъ оказалось по справкамъ, въ виду которыхъ обвиняемая сама признала этотъ фактъ, пріѣхала изъ Кіева съ Петромъ Сидоренко и проживала ранѣе сего въ Одессѣ въ домѣ Тихонова. Сидоренко назывался, по показанію Ковалева, Иваномъ. Такимъ

образомъ, предположеніе письма 19 іюля, объ усиленіи тульской общины Ольгою и Ванюшей, осуществилось, и показаніе Ковалева о принадлежности этихъ лицъ къ кіевской группѣ снова подтвердилось. Ковалевъ утверждалъ при дознаніи, что книги преступнаго содержанія распространялись въ Тулѣ Ольгою Любатовичъ. Свидѣтель Матвѣевъ подтвердилъ такое показаніе. Онъ утверждаетъ, что Ковалевъ, передавая ему «Хитрую механику» и «Сказку о четырехъ братьяхъ», говорилъ, что получилъ эти книги изъ квартиры Маріи и что тамъ есть цѣлый чемоданъ съ книгами. По обыску у Любатовичъ былъ, дѣйствительно, найденъ сакъ-вояжъ съ книгами такого рода. Остается сказать нѣсколько словъ о двухъ обвиняемыхъ, Сидорацкомъ и Кураковѣ. Сидорацкій пріѣхалъ изъ Кіева, гдѣ среди членовъ кіевской общины его видалъ Ковалевъ. По пріѣздѣ въ Тулу, Сидорацкій уѣхалъ съ Фетисовымъ на пропаганду въ село Панино. Заявленіе это сдѣлано Ковалевымъ тогда, когда онъ еще не зналъ, что Сидорацкій и Фетисовъ уже возвратились въ Тулу. Доказано, что оба эти лица были задержаны у Махоткиной въ день своего возвращенія изъ Панина въ Тулу. Сидорацкій воспитывался въ Кіевѣ въ военномъ училищѣ, ему только шестнадцать лѣтъ, и онъ является мальчикомъ, сбитымъ съ толку тѣми лицами, съ которыми онъ пришелъ въ столкновеніе въ Кіевѣ. Подъ вліяніемъ этихъ лицъ Сидорацкій вздумалъ бѣжать изъ родительскаго дома и уѣхалъ въ Тулу. Для этого получилъ подложный паспортъ на имя Зайцева отъ подсудимаго Григорія Александрова. Прибывъ въ Тулу, Сидорацкій поселился съ Фетисовымъ и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправился въ село Панино, гдѣ съ Фетисовымъ и поступилъ рабочимъ на сахарный заводъ. Сюда же въ Панино нѣсколько времени спустя пріѣзжаетъ скрывшійся отъ дознанія Герасимъ Петровъ. Замѣчательно, что Петровъ пріѣхалъ въ Панино къ Фетисову, несмотря на то, что не зналъ его даже въ лицо. Всѣ три пропагандиста поселились вмѣстѣ. Приступить къ распространенію книгъ имъ не удалось. Фетисовъ пробовалъ разсказывать рабочимъ «Сказку о четырехъ братьяхъ», но увидѣлъ несочувствіе рабочихъ къ такимъ разсказамъ и, убѣдившись въ безполезности своего пребыванія въ селѣ Панинѣ, всѣ трое черезъ нѣсколько же дней возвратились въ Тулу и явились въ квартиру Любатовичъ-Махоткиной—передъ самымъ обыскомъ. По отношенію къ Сидорацкому товарищъ оберъ-прокурора высказалъ, что въ виду молодости лѣтъ этого подсудимаго, правительствующему сенату придется поставить вопросъ о полномъ разумѣніи Сидорацкаго, разрѣшеніе котораго вполнѣ зависитъ отъ особаго присутствія; но обвинитель, съ своей стороны, думаетъ, что, принимая во вниманіе обстоятельства дѣла, было бы справедливо признать его дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія, т. е. признать, что Сидорацкій по слабому развитію умственныхъ способностей не могъ отдавать себѣ полнаго отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, чего онъ желаетъ. Кромѣ лицъ, о которыхъ было уже сказано, привлеченъ къ отвѣтственности мѣщанинъ Кураковъ, хозяинъ того дома, въ которомъ жилъ Фетисовъ и гдѣ происходили сходки. Основаніемъ къ тому служило показаніе Ковалева, утверждавшаго, что пропагандистъ Кураковъ принадлежалъ къ тому же сообществу, членами котораго состояли Ковалевъ и всѣ остальные обвиняемые. Ковалевъ удостовѣрялъ, что Куракову хорошо была извѣстна дѣятельность Фетисова и его, Ковалева; что Ковалевъ говорилъ Куракову о томъ, для чего онъ присланъ изъ Кіева, и что Кураковъ хвалилъ намѣреніе этихъ лицъ возбудить народъ къ бунту. Затѣмъ послѣ того, какъ Ковалевъ сдѣлалъ заявленіе въ полицейскомъ управленіи, Кураковъ будто бы упрекалъ Ковалева за это и говорилъ, что онъ напрасно это сдѣлалъ, что людей съ такого рода идеями очень много, и сколько ихъ ни сажай, ихъ все-таки останется столько, что они будутъ въ состояніи добиться того, чего хотятъ. Такое показаніе Ковалева было

подтверждено при дознаніи и показаніемъ свидѣтеля Матвѣева. На судѣ свидѣтель Матвѣевъ не подтвердилъ разсказа Ковалева; этотъ свидѣтель говоритъ, что, встрѣтясь съ Кураковымъ въ качествѣ понятого, послѣдній упрекалъ не Ковалева, а его, Матвѣева, за то, что онъ посовѣтовалъ Ковалеву сдѣлать доносъ въ полицію, причемъ не выражалъ своего сочувствія пропагандѣ, а говорилъ только, что Матвѣеву не для чего было въ это дѣло мѣшаться. Хотя и это показаніе доказываетъ, что Кураковъ не былъ чуждъ лицамъ, занимавшимся въ Тулѣ преступной пропагандой, но настаивать долго на принадлежности Куракова къ сообществу товарищъ оберъ-прокурора не призналъ нужнымъ, но указалъ на то, что во всякомъ случаѣ на Куракова несомнѣнно падаетъ обвиненіе въ знаніи о совершаемыхъ преступленіяхъ Фетисовымъ и лицами, его посѣщавшими, и въ недонесеніи о томъ правительству. Заявляя о существованіи въ Тулѣ общества людей, занимающихся распространеніемъ среди рабочихъ книгъ преступнаго содержанія и революціонныхъ идей, Ковалевъ показалъ, что онъ и Герасимъ Петровъ, какъ уже сказано выше, были присланы въ Тулу изъ Кіева, причемъ онъ указалъ на княгиню Марью, офицера Петра, Михаила и Прохора, какъ на лицъ, которыя занимались пропагандой и распространеніемъ книгъ между рабочимъ населеніемъ города Кіева. Показаніе Ковалева подтвердилось и по отношенію къ указаннымъ имъ лицамъ. У Махоткиной, какъ это уже указано было, отобрано письмо на имя акушерки Гельфманъ. По обыску въ Кіевѣ у Гельфманъ ничего преступнаго найдено не было, но зато въ ея квартирѣ было арестовано три лица: мужчина, назвавшійся Михаиломъ Петровымъ, другой, оказавшійся впослѣдствіи Прохоромъ, и женщина Марія Горощенкова (обвиняемая княгиня Циціанова - Хоржевская), т. е. тѣ самые Михаилъ, Прохоръ и княгиня Марья, названныя еще въ Тулѣ Ковалевымъ. Подробнымъ дознаніемъ, произведеннымъ въ Кіевѣ обо всѣхъ этихъ лицахъ, установилась между ними взаимная связь, и показаніе Ковалева подтвердилось во всей подробности. Взаимная связь этихъ лицъ доказана взаимнымъ ихъ знакомствомъ, посѣщеніе всѣми этими лицами квартиры Гельфманъ, а равно и квартиры, гдѣ жили Воронковъ и Хоржевская. Квартира Гельфманъ имѣетъ для дѣла особое значеніе. На имя Гельфманъ шла изъ Кіева и въ Кіевъ вся переписка съ лицами, находившимися въ другихъ городахъ и составлявшими отдѣльныя общины. Такъ, письмо Любатовичъ было адресовано въ Кіевъ на имя Гельфманъ съ передачею Вѣрѣ Глѣбовой. Депеша Надежды Субботиной, подъ именемъ Аристарховой изъ Одессы, и ея же письмо, подъ именемъ Воейковой изъ Орла и Москвы, точно также адресованы на то же имя. Гельфманъ объясняетъ полученіе этихъ писемъ тѣмъ, что она ихъ передавала лицамъ, ей совершенно неизвѣстнымъ. Объясненіе это опровергнуто самими обвиняемыми. Хоржевская должна была признать, что письма эти предназначались для нея, причемъ признала, что Гельфманъ ея знакомая. Далѣе, по показанію хозяйки дома, въ которомъ проживала Гельфманъ, кромѣ полученія писемъ, у Гельфманъ происходили собранія изъ четырехъ и пяти человѣкъ. Въ свою очередь, Ковалевъ также говорилъ, что познакомился съ обвиняемыми въ этой же квартирѣ. Какъ оказалось, у Гельфманъ не только бывали сборища, но у нея и останавливались пропагандисты, пріѣзжавшіе въ Кіевъ, какъ, напримѣръ, Ольга Любатовичъ. Такимъ образомъ, ясно опредѣлились и значеніе квартиры Гельфманъ, и принадлежность самой Гельфманъ къ преступному сообществу. Относительно личности Хоржевской товарищъ оберъ-прокурора остановилъ вниманіе на томъ, что это то лицо, которое еще въ мартѣ мѣсяцѣ проживало въ Москвѣ въ квартирѣ Скворцовой подъ именемъ хохлачки Ѳеклуши. Относительно своего образа дѣйствій по распространенію книгъ

преступнаго содержанія, Хоржевская принимаетъ на себя положительно все. Но насколько это вѣрно, докажутъ обстоятельства дѣла. Виновность же Хоржевской, приписываемая ей обвинительнымъ актомъ, подтверждается показаніемъ Ковалева и тѣхъ лицъ, гдѣ жила Хоржевская, а также и обстановкой ея квартиры. Связь Хоржевской съ этими лицами доказывается показаніемъ свидѣтельницъ Вѣтровой и Богдановой, также и тѣмъ, что эта квартира была оставлена лицами, въ ней жившими, немедленно послѣ того, какъ Вѣтрова признала въ одной изъ женщинъ свою знакомую акушерку Елисѣеву, скрывшуюся отъ дознанія. Далѣе, то обстоятельство, что лица, проживавшія въ Кіевѣ, а именно: Хоржевская, Михаилъ, Прохоръ и офицеръ Петръ, снабжали лицъ, отправлявшихся въ Тулу, всѣмъ необходимымъ, доказывается еще слѣдующимъ: офицеръ Петръ, разысканный по указанію Ковалева и являвшійся на службу въ формѣ, ходилъ въ квартиру Гельфманъ въ одеждѣ простого рабочаго. Онъ оказался техническимъ мастеромъ кіевскаго полигона Григоріемъ Александровымъ. Въ квартирѣ его найдены значительный складъ книгъ преступнаго содержанія, подложные виды на жительство, всѣ матеріалы для поддѣлки подобныхъ видовъ и инструменты, которыми вырѣзывались найденныя у него фальшивыя печати. Это обстоятельство снова согласно вполнѣ съ показаніемъ Ковалева въ Тулѣ, утверждавшаго, что офицеръ Петръ не только состоитъ кассиромъ общества, но и завѣдуетъ всѣмъ имуществомъ общества. Александровъ при дознаніи далъ уклончивые отвѣты. Признавая себя виновнымъ въ томъ, что, можетъ быть, онъ зналъ о существованіи сообщества, онъ здѣсь, на судѣ, отказался отъ прежняго показанія, заявивъ приэтомъ, что найденныя у него книги принадлежатъ Хоржевской. При дознаніи и на судѣ Александровъ утверждалъ, что виды на жительство принадлежатъ ему и что онъ пріобрѣлъ ихъ въ кабакѣ. Онъ не отвергаетъ также и того, что Сидорацкій отправился въ Тулу съ подложнымъ видомъ, полученнымъ отъ Александрова, причемъ путемъ экспертизы доказано, что паспортъ этотъ составленъ самимъ Александровымъ. Затѣмъ снабженіе книгами лицъ, отправлявшихся въ Тулу, доказывается обстоятельствами дѣла, уже изложенными ранѣе, а распространеніе книгъ на сахарномъ заводѣ города Кіева удостовѣряется Ковалевымъ и доказывается найденными на заводѣ книгами, причемъ Хоржевская обстоятельствъ этихъ не отвергаетъ. Принадлежность обвиняемаго Млодецкаго—Прохора—къ сообществу не подлежитъ сомнѣнію. Она доказывается письмомъ въ Тулу на имя Злобина, о которомъ уже было говорено. Млодецкій (Прохоръ) вмѣстѣ съ Воронковымъ (Михаилъ), Хоржевскою и Александровымъ отправляли Ковалева съ Герасимомъ Петровымъ въ Тулу, причемъ имъ даны подложные паспорты и Прохоръ ходилъ за деньгами на дорогу, къ Александрову. Паспорты оказались поддѣланными Хоржевскою и Млодецкимъ. Всѣ обвиняемые признали, что Млодецкій ходилъ къ Александрову за деньгами, но этому факту стремятся придать нѣсколько иное значеніе. На судѣ Хоржевская утверждала, что деньги эти принадлежали ей, но находились на сохраненіи у Александрова. То же самое подтверждалъ Александровъ, забывая свое же объясненіе о томъ, что у него скоплено до 150 рублей денегъ, которые доставлялись ему не Хоржевской, а Млодецкимъ. Роль Воронкова, какъ члена сообщества, точно также вполнѣ опредѣлилась. Отставной подпоручикъ артиллеріи, затѣмъ вмѣстѣ съ Млодецкимъ студентъ Петровской академіи, онъ одновременно съ Млодецкимъ появляется въ Кіевѣ, гдѣ поступаетъ въ число чернорабочихъ, постоянно посѣщаетъ всѣ сборища, принимаетъ участіе въ отправкѣ Ковалева в Тулу, живетъ въ квартирѣ съ акушеркой Елисѣевой и другимъ лицомъ, скрывшимся съ квартиры потихоньку ночью въ день ареста Воронкова

и затѣмъ арестуется въ квартирѣ Гельфманъ. Далѣе, по отношенію къ Воронкову и Млодецкому существуетъ показаніе свидѣтельницы Драгуновой, уличающей ихъ въ распространеніи преступныхъ книгъ. Эта свидѣтельница утверждала, что къ нѣкоему Подгородецкому, нынѣ умершему, часто приходили Воронковъ и Млодецкій и приносили ему книги преступнаго содержанія. Свидѣтельница подробно указала, какія это книги. По кіевской группѣ, кромѣ названныхъ уже лицъ, въ качествѣ обвиняемаго привлеченъ крестьянинъ Островъ по слѣдующимъ основаніямъ: по показанію Ковалева, въ Кіевѣ къ преступному сообществу въ числѣ другихъ принадлежали дворникъ дома Денисьевой, Островъ, и чернорабочій Максимовъ. По дознанію оказалось, что вслѣдъ за обыскомъ въ домѣ Гельфманъ, Островъ скрылся изъ Кіева, захвативъ съ собою 25 рублей денегъ, данныхъ ему хозяйкою дома для полученія лѣкарства. По розысканію Острова на родинѣ, въ Могилевской губерніи, у него найдены были книги преступнаго содержанія и въ числѣ прочихъ такія, которыя недоступны пониманію простого крестьянина, виды на жительство: Маріи Горощенковой—подъ именемъ которой задержана Хоржевская, и скрывавшихся отъ дознанія Николая Егорова и акушерки Елисѣевой. Такимъ образомъ, существенная часть показанія Ковалева снова вполнѣ подтвердилась. Нахожденіе у Острова книгъ преступнаго содержанія и виды на жительство устанавливаютъ непосредственную связь его съ лицами, жившими въ Кіевѣ. Здѣсь, какъ и въ прежнихъ случаяхъ, является желаніе свалить все на скрывшагося Максимова, котораго Островъ зналъ хорошо и который принесъ будто-бы ему найденныя у него книги. Объясненіе это, по мнѣнію обвинителя, врядъ ли заслуживаетъ уваженія, и онъ поддерживаетъ поэтому обвиненіе Острова въ принадлежности къ преступному сообществу. (Сдѣланъ перерывъ на одинъ часъ.)

По выходѣ въ залу засѣданія, первоприсутствующій заявилъ, что засѣданіе особаго присутствія, вслѣдствіе болѣзни сословнаго представителя, продолжаться не можетъ, а потому и прерывается до 11 часовъ слѣдующаго дня.

Товарищъ оберъ-прокурора, продолжая свою рѣчь, остановился прежде всего на томъ, что тѣ данныя, которыя были изложены по отношенію къ кружкамъ въ Москвѣ въ д. Костомарова, въ Ивановѣ, Тулѣ и Кіевѣ, позволяютъ теперь сдѣлать выводъ о томъ, составляла ли каждая изъ этихъ группъ самостоятельное общество, или же эти группы находились во взаимной между собою связи и образовали изъ себя то противозаконное сообщество, въ которомъ подсудимые обвиняются. Первоначально кружокъ обвиняемыхъ, занимавшихся пропагандою преступныхъ идей и распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія среди рабочаго населенія, образовался въ Москвѣ. Отъ апрѣльскаго дознанія успѣли скрыться подсудимые: Фигнеръ, Александрова, Хоржевская, Ольга Любатовичъ и ея сестра Вѣра Любатовичъ. Изъ этихъ лицъ Фигнеръ и Александрова являются во главѣ ивановской общины, Хоржевская—въ Кіевѣ, Ольга Любатовичъ—сначала въ Одессѣ, а потомъ въ Тулѣ. Такимъ образомъ, тѣ лица, которыя принадлежали къ московскому кружку и занимались распространеніемъ преступныхъ сочиненій, явились во главѣ другихъ кружковъ, образовавшихся въ Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ. Взаимная связь этихъ четырехъ группъ прежде всего обусловливается происхожденіемъ отъ перваго кружка, который возникъ въ апрѣлѣ 1875 г. въ Москвѣ. Дальнѣйшими доказательствами этой связи служитъ письмо отъ 19-го іюля, отобранное въ Ивановѣ, и взаимная переписка лицъ составлявшихъ кружки, которая была отобрана въ Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ. Затѣмъ переписка, отобранная въ Москвѣ въ квартирѣ кн. Циціанова и у обвиняемыхъ во время

содержанія ихъ подъ стражею, приводитъ къ тому же убѣжденію. Такъ, въ одномъ изъ писемъ, Чекоидзе говоритъ объ арестѣ лицъ въ Ивановѣ и называетъ ихъ «наши ивановскіе друзья». Онъ укоряетъ этихъ друзей за то, что они дали возможность обнаружить его званіе. Въ письмѣ отъ 19-го іюля сообщаются въ Иваново всѣ обстоятельства, касающіяся обвиняемыхъ по апрѣльскому дознанію: упоминается о Бардиной, Джабадари, Чекоидзе, и обѣщается освобожденіе Чекоидзе изъ-подъ ареста. Это же письмо устанавливаетъ связь Москвы и Иванова съ Одессою—предложеніемъ выбрать новаго члена сообщества и указаніемъ на невозможность такого избранія безъ согласія ивановцевъ. Оно же говоритъ о необходимости образовать тульскую общину. Тульскій кружокъ, согласно письму 19—26 іюля, образовывается изъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ Одессы и Кіева. Такимъ образомъ, всѣ эти кружки связываются между собою въ одно цѣлое; они дѣйствуютъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи, поддерживаютъ между собою постоянныя сношенія, дѣйствуютъ по одному опредѣленному плану, одними пріемами и средствами. Одесская община не была обнаружена, но обнаружены только нѣкоторыя лица, несомнѣнно принадлежавшія къ сообществу; поэтому жизнь и дѣятельность одесской общины осталась неизвѣстною. Въ другихъ же трехъ мѣстностяхъ: Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ, дѣятельность лицъ, образовавшихъ кружки, однообразна. Пріѣзжая въ извѣстную мѣстность, эти лица прежде всего устраиваютъ пріюты, или, говоря языкомъ закона, притоны, куда могутъ пріѣзжать и гдѣ могутъ жить члены общества, гдѣ происходятъ сборища и вообще устраивается центръ дѣятельности кружковъ. Такими притонами въ Москвѣ были квартиры сначала въ домѣ Костомарова, а потомъ въ домѣ Корсакъ; въ Ивановѣ—домъ Кисина, въ Тулѣ—Кузовлева, и въ Кіевѣ—отчасти квартира Воронкова, въ домѣ Комарова, а отчасти квартира Хоржевской, у Вѣтровой. Центромъ сборищъ въ Кіевѣ служила квартира акушерки Гельфманъ. Устроившись такимъ образомъ, члены кружка изыскиваютъ такую квартиру, такое лицо, черезъ которое можно было бы вести переписку и которое принадлежала къ сообществу, было бы лицомъ надежнымъ. Вести переписку по адресу притона рисковано, необходимъ другой адресъ. Этотъ пріемъ одинаковъ во всѣхъ общинахъ. Правда, въ первомъ московскомъ кружкѣ не было такого лица и квартиры, но въ то время была первая попытка, первый приступъ къ развитію общинъ, причемъ всѣ члены сообщества были на лицо въ Москвѣ. Вотъ почему при обыскѣ въ домѣ Корсакъ никакой переписки не найдено, тогда какъ при дальнѣйшихъ обыскахъ въ провинціальныхъ общинахъ находится уже значительная переписка. Затѣмъ и въ Москвѣ, когда образовалось нѣсколько провинціальныхъ общинъ, устроилась квартира, черезъ которую проходила вся переписка между членами московскаго кружка и провинціальными общинами —это квартира Медвѣдевой. Въ Кіевѣ подобной квартирой была квартира Гельфманъ и въ Тулѣ—квартира Злобина. Цѣль всѣхъ кружковъ или общинъ одна и та же—распространеніе преступныхъ идей среди рабочихъ той мѣстности, гдѣ находятся члены кружка, распространеніе посредствомъ извѣстныхъ, излюбленныхъ пропагандистами книгъ, а конечная цѣль такой пропаганды—если не теперь, то въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, насильственный переворотъ и ниспроверженіе существующаго въ Россіи порядка управленія. Любимыми книгами пропагандистовъ во всѣхъ общинахъ были: «Хитрая механика», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Емелька Пугачевъ». Говорить о содержаніи этихъ книгъ обвинитель считалъ излишнимъ, въ виду того, что оно извѣстно особому присутствію какъ по настоящему дѣлу, такъ и по другимъ дѣламъ, прежде имъ разсмотрѣннымъ, и заявилъ только, что

большинство этихъ книгъ содержитъ въ себѣ прямое воззваніе народа къ бунту. Всѣ тѣ лица, которыя занимались пропагандою въ Москвѣ, Ивановѣ, Тулѣ и Кіевѣ, приступая къ своей преступной дѣятельности, старались прежде всего поддѣлаться подъ образъ жизни, тонъ и обычаи простого народа. Они одѣвались въ крестьянское платье, ходили босикомъ, исполняли всѣ черныя, домашнія работы, наконецъ, назывались уменьшительными, презрительными именами, какъ, напримѣръ: Машка, Вѣрка, Лидька и т. д. Но въ этой поддѣлкѣ подъ образъ жизни и обычаи рабочихъ выражается полное незнаніе того народа, къ которому они обращали свою пропаганду. Очевидно, что вся эта поддѣлка, которою пропагандисты желали показать свою солидарность съ народомъ, не могла обмануть народъ. И, дѣйствительно, изъ показаній свидѣтелей оказывается, что едва только эти лица являются на фабрики, ихъ тотчасъ же узнаютъ; узнаютъ, что они вовсе не рабочіе, и стараются какъ можно скорѣе отъ нихъ отдѣлаться. Въ этомъ отношеніи стоитъ только припомнить показанія рабочихъ московскихъ фабрикъ. Однообразный способъ дѣйствій членовъ этого общества простирался до самыхъ мелкихъ подробностей, даже до способа защиты при дознаніи. Такъ, во всѣхъ кружкахъ безполезный и малоосмысленный отказъ обнаружить свое званіе, называя себя одними буквами азбуки, попытка уничтожить документъ, стараясь его проглотить. Связь провинціальныхъ группъ и перваго кружка между собою должна быть признана вполнѣ доказанною, принадлежность этихъ группъ къ одному преступному сообществу внѣ всякихъ сомнѣній. Но этого мало. Сообщество, о которомъ идетъ рѣчь, члены котораго были «на работѣ» въ провинціи, имѣло и свое управленіе, администрацію. Администрація эта находилась въ Москвѣ. Ивановская переписка доказываетъ, что изъ Москвы идутъ предложенія о выборѣ новыхъ членовъ, о перемѣщеніи членовъ одной группы въ другую; изъ Москвы слѣдятъ внимательно за развитіемъ пропаганды, даже ѣздятъ на мѣсто посмотрѣть, какъ идетъ дѣло. Подобное путешествіе было совершено Вѣрой Любатовичъ въ Тулу, какъ это значится въ письмѣ отъ 19 іюля. Москва снабжаетъ ивановскихъ пропагандистовъ бѣльемъ, платьемъ, оружіемъ, книгами, вообще всѣмъ для нихъ необходимымъ. Это обстоятельство подтверждается тѣмъ, что въ Москвѣ существуетъ складъ, что тамъ есть центральное управленіе, руководящее дѣломъ, пріобрѣтающее все необходимое для пропагандистовъ, разсылающее необходимые предметы по общинамъ. Кіевская группа находилась также въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою. Такъ, Хоржевская пишетъ изъ Кіева въ Москву о томъ, что въ Москвѣ необходимо устроить квартиру, гдѣ могли бы останавливаться рабочіе и интеллигентные члены кіевской группы, которымъ нужно уѣхать въ Москву; сообщается перемѣна адресовъ; туда же уѣдутъ передъ учрежденіемъ новой тульской общины лица, для образованія ея предназначенныя. Наконецъ, письмо отъ 26 іюля категорически указываетъ на существованіе администраціи сообщества въ Москвѣ, образованной по опредѣленной программѣ. Это письмо говоритъ о нежеланіи его автора оставаться долѣе срока, опредѣленнаго программой, членомъ администраціи и онъ требуетъ замѣнить его въ этой должности. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ данныхъ представляется несомнѣннымъ, что всѣ четыре общины составляютъ одно преступное сообщество, главное управленіе котораго находится въ Москвѣ. Случай помогъ обнаружить мѣсто пребыванія администраціи и отдать въ руки правосудія ея членовъ. Во время ареста пропагандистовъ въ Ивановѣ, при отправкѣ ихъ по желѣзной дорогѣ, было задержано лицо, которое переговаривалось знаками съ одною изъ арестованныхъ женщинъ. Лицо это оказалось обвиняемымъ Антимосомъ Гамкрелидзе, а женщина, съ которою онъ переговаривался, его женою, Екатери-

ною Гамкрелидзе, состоявшею членомъ ивановскаго кружка и прибывшей въ Иваново изъ Москвы не задолго до производства обыска и ареста. Этотъ арестъ Антимоса Гамкрелидзе послужилъ тѣмъ исходнымъ пунктомъ, который далъ возможность обнаружить составъ и мѣстопребываніе администраціи сообщества. У Гамкрелидзе было найдено большое количество книгъ преступнаго содержанія, револьверы и рукопись «Сказка о Мудрицѣ Наумовой». Во время обыска въ квартиру Гамкрелидзе явились и были задержаны еще три лица—Кардашевъ, кн. Циціановъ и Вѣра Любатовичъ. Арестъ этихъ трехъ лицъ далъ возможность обнаружить дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Послѣ обыска въ квартирѣ Гамкрелидзе, было совершено новое преступленіе однимъ изъ задержанныхъ лицъ. Въ то время, когда поручикъ Ловягинъ, окончивъ обыскъ, сталъ надѣвать шубу, въ него внезапно и почти въ упоръ были сдѣланы 2 выстрѣла, очевидно, съ цѣлью его убить, такъ какъ стрѣлять въ человѣка на разстояніи 4-5 шаговъ невозможно, не имѣя намѣренія совершить убійство. Вслѣдствіе выстрѣловъ, на Циціанова бросились городовые и помощникъ надзирателя Ѳедоровъ, обезоружили его и задержали. Въ этой свалкѣ приняла участіе и обвиняемая Вѣра Любатовичъ. Такимъ образомъ, на Циціанова падаетъ обвиненіе въ покушеніи на умышленное убійство, и это доказывается рядомъ свидѣтелей, какъ потерпѣвшимъ Ловягинымъ, такъ и понятыми, бывшими при обыскѣ. По обвинительному акту, Вѣра Любатовичъ обвиняется въ намѣреніи лишить жизни помощника надзирателя Федорова. На судебномъ слѣдствіи обстоятельство это не подтвердилось. Свидѣтели показали только, что Любатовичъ въ свалкѣ бросилась на Федорова и царапала ему лицо. Вслѣдствіе этого обвинитель заявилъ, что онъ не можетъ поддерживать обвиненія Любатовичъ въ покушеніи на убійство Ѳедорова, но что во всякомъ случаѣ въ дѣйствіяхъ ея выражается сопротивленіе силою чиновнику, находившемуся при исполненіи обязанностей службы. Итакъ, въ квартирѣ Гамкрелидзе были задержаны: Кардашевъ, Вѣра Любатовичъ и князь Циціановъ, которые, по показанію прислуги, часто посѣщали Гамкрелидзе и, какъ впослѣдствіи оказалось, имѣютъ въ дѣлѣ особое серьезное значеніе. Любатовичъ и Циціановъ сначала отказались объявить свое званіе, фамиліи и мѣсто жительства, но все это вскорѣ было обнаружено. Оказалось, что кн. Циціановъ и Вѣра Любатовичъ жили вмѣстѣ въ домѣ Толстой; въ ихъ квартирѣ, въ двухъ чемоданахъ, было найдено большое количество преступнаго содержанія книгъ, разная переписка, револьверы и въ особыхъ корзинахъ значительное количество бѣлья и платья мужского и женскаго и предметы, необходимые при совершеніи браковъ, а именно, тафта подъ ноги, цвѣты и вѣнчальныя свѣчи. Изъ числа всѣхъ этихъ вещественныхъ доказательствъ обращаетъ на себя особое вниманіе масса различныхъ бумагъ, значительная переписка и большое количество книгъ преступнаго содержанія. Все это указывало на то, что въ квартирѣ этой былъ складъ сообщества. Среди различныхъ бумагъ были найдены виды на жительство на имя Шатрова, Полякова и Смирнова, причемъ нѣкоторые оказались подложными: найдены вытравленные виды, приготовленные для поддѣлки фальшивыхъ паспортовъ и разные предметы, необходимые для самой поддѣлки: печати, краски и пр.; далѣе найдены шифрованные адресы, переписка съ арестованными лицами, переписка о взятіи обвиняемыхъ на поруки, записныя книжки и, наконецъ, письмо 4-го іюля. Переписка съ арестованными состояла изъ трехъ писемъ. Два изъ нихъ по своему содержанію доказываютъ, что они написаны обвиняемымъ по апрѣльскому дознанію, Георгіевскимъ. Въ нихъ говорится, какимъ образомъ можно организовать побѣгъ изъ Рогожской части; говорится о необходимости пріискать квартиру въ городѣ Орлѣ, на которую Георгіевскій могъ бы сослаться; говорится о Че-

коидзе, ходившемъ къ нему, когда онъ жилъ въ домѣ Кузьмина. Все это всецѣло относится къ показанію Георгіевскаго, данному при дознаніи. Переводъ одного изъ этихъ шифрованныхъ писемъ приписывается Екатеринѣ Гамкрелидзе, потому что эксперты нашли сходство съ ея почеркомъ. При повѣркѣ экспертизы эксперты дали нѣсколько уклончивое объясненіе, вслѣдствіе чего обвинитель не настаивалъ на томъ, что переводъ сдѣланъ рукою Екатерины Гамкрелидзе, тѣмъ болѣе, что и безъ того противъ нея представляется слишкомъ достаточно доказательствъ того, что она была членомъ преступнаго сообщества. Затѣмъ былъ найденъ еще переводъ одного письма, писаннаго арестантомъ. Чекоидзе самъ признаетъ, что письма принадлежатъ ему, переводъ же этого письма сдѣланъ обвиняемой Вѣрою Любатовичъ. Экспертиза признала, что почеркъ, которымъ писанъ этотъ переводъ, написанъ тѣмъ же лицомъ, которое писало въ Иваново письмо отъ 26-го іюля, а это послѣднее, какъ далѣе будетъ доказано, несомнѣнно писано Вѣрою Любатовичъ. Затѣмъ письмо отъ 4-го іюля написано обвиняемою Фигнеръ, а записка писано Александровою. Кромѣ того найдены три рукописи, приготовленныя для печати, о подготовкѣ пропагандиста, рѣшившагося идти въ народъ «разсказъ солдата», и корреспонденція о безпорядкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Изъ нихъ разсказъ солдата писанъ Вѣрою Любатовичъ, а на рукописи о подготовѣ пропагандиста сдѣланы замѣтки рукою обвиняемаго Цвиленева. Изъ записныхъ книжекъ одна оказалась принадлежащею подсудимому Цвиленеву, другая—Циціанову и третья —Овчинникову. Такимъ образомъ изъ обнаруженныхъ обыскомъ бумагъ оказывается, что въ перепискѣ принимали участіе Овчинниковъ, Георгіевскій, Чекоидзе, Вѣра Любатовичъ, Фигнеръ и Александрова, а изъ другихъ предметовъ оказались вещи, принадлежащія Цвиленеву и Овчинникову; кромѣ того въ квартирѣ этой найдены складъ бѣлья, принадлежащаго большинству подсудимыхъ: Тумановой, Бардиной, Фигнеръ, Субботинымиъ, Хоржевской и другимъ. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ доказываетъ, по мнѣнію обвинителя, что квартира въ домѣ Толстой была помѣщеніемъ администраціи сообщества. Но квартира эта была занята не задолго до обыска. Поэтому является вопросъ, гдѣ же до переѣзда на эту квартиру жили лица, занимавшія ее? Въ Ивановѣ былъ арестованъ, между прочимъ, обвиняемый Агаповъ, который и показалъ, что пропагандисты могутъ находить въ Москвѣ всякую себѣ поддержку и могутъ скрываться отъ преслѣдованія у лицъ, живущихъ на Спиридоновкѣ въ домѣ Эйнбродтъ. При этомъ онъ говорилъ, что квартира эта нанята на имя Фигнеръ, но что тамъ проживаетъ подъ ея именемъ другое лицо. Домъ этотъ былъ разысканъ и оказалось, что показаніе Агапова справедливо. Дознаніемъ было обнаружено, что квартира была нанята сначала Маріей Субботиной, а затѣмъ съ 26-го мая была Субботиною передана Фигнеръ и до 6-го августа числилась за нею. Между тѣмъ, Фигнеръ съ конца іюня жила уже въ Ивановѣ, а, слѣдовательно, весь іюль находиться въ Москвѣ не могла. По предъявленіи здѣсь на судѣ свидѣтельницѣ Красновой подсудимыхъ, она указала на Вѣру Любатовичъ какъ на Фигнеръ, жившую въ ихъ домѣ. Такимъ образомъ оказывается, что лицо, къ которому пропагандисты должны были обращаться за помощью и которое обязано было оказывать имъ эту помощь, была Вѣра Любатовичъ. Съ 6-го августа Вѣра Любатовичъ поселилась вмѣстѣ съ Циціановымъ въ домѣ Толстой. Такимъ образомъ и домъ Эйнбродтъ, и домъ Толстой были тѣми центрами, въ которыхъ помѣщалась администрація сообщества. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ письмо отъ 19-го іюля и приписка къ нему отъ 26 іюля. Прежде нежели представить доказательство тому, кѣмъ были написаны эти письма и приписка, обвинитель призналъ необходимымъ остановиться на обстоятельствахъ ареста одного изъ

главныхъ и видныхъ дѣятелей этого сообщества: 13-го сентября въ Москвѣ была получена депеша, которая давала знать, что по желѣзной дорогѣ изъ Кишинева, черезъ Харьковъ и Москву, прошло подъ видомъ кожевеннаго товара три ящика съ книгами преступнаго содержанія. Обнаружилось это вслѣдствіе того, что артельщики желѣзной дороги въ Харьковѣ подмѣнили одно изъ этихъ мѣстъ, думая украсть кожевенный товаръ, и затѣмъ стали распродавать похищенныя ими такимъ образомъ книги. Вслѣдствіе подобной депеши, въ Москвѣ слѣдили за появленіемъ лица, которое должно было явиться за полученіемъ товара. Оно дѣйствительно явилось и было арестовано. Лицо это оказалось сначала Вернеромъ, а затѣмъ Ивановъ Андреевымъ, каковымъ продолжало называться почти до окончанія дознанія. Несмотря на упорное запирательство, званіе Ивана Андреева было обнаружено—онъ оказался обвиняемымъ Здановичемъ. Здановичъ былъ арестованъ на другой день своего пріѣзда въ Москву. Онъ остановился въ номерахъ на Моросейкѣ, сдалъ свои вещи швейцару, ушелъ и болѣе не возвращался. Взятъ онъ былъ брюнетомъ, но, пробывши нѣкоторое время подъ арестомъ, волосы приняли свой естественный цвѣтъ и получили рыжій цвѣтъ. Въ номерѣ Здановича, между другими вещами, была найдена краска для волосъ. Такимъ образомъ оказалось, что по цвѣту волосъ онъ могъ носить ту кличку, которая такъ часто упоминается въ этомъ дѣлѣ. При арестѣ Здановича у него отобраны были: программа устава сообщества, адресы, совершенно тождественные съ адресами, найденными у Хоржевской, ключъ къ шифру, писанный этою послѣднею и счетъ расходовъ по поѣздкѣ въ Кишиневъ и Одессу. Въ двухъ тюкахъ, пришедшихъ по желѣзной дорогѣ, вмѣсто кожевеннаго товара найдены до 2500 экземпляровъ книгъ преступного содержанія. Затѣмъ обвинитель перешелъ къ доказательству того, кѣмъ писаны письма 19-го и 26-го іюля въ Иваново. Онъ остановилъ вниманіе на слѣдующихъ обстоятельствахъ. Авторъ приписки состоитъ членомъ администраціи и не хочетъ долѣе оставаться въ этой должности; онъ желаетъ ѣхать работать въ Кіевъ. Евгенія Субботина въ письмѣ на имя Анны Топорковой объясняетъ, что Вѣра не желаетъ оставаться членомъ администраціи и думаетъ уѣхать на работу въ Кіевъ. Такимъ образомъ, письмо отъ 26 іюля писано Вѣрою. Далѣе, въ отвѣтъ на письмо отъ 26 іюля, Александрова пишетъ автору этого письма, что ивановскіе члены не желаютъ ѣхать въ Тулу, и предлагаетъ, чтобы осуществился проектъ отправки въ Тулу сестры автора, Ольги. Дѣйствительно, проектъ о высылкѣ изъ Одессы въ Тулу Ольги осуществился, и въ этомъ послѣднемъ городѣ была арестована обвиняемая Ольга Любатовичъ, сестра Вѣры Любатовичъ. Несомнѣннымъ становится, что письмо 26 іюля было написано Вѣрою Любатовичъ.—Съ другой стороны, авторъ письма отъ 19 іюля пишетъ, что онъ долженъ уѣхать изъ Москвы на границу «по дѣлу о пути», т. е. устроить сношеніе съ за границей по доставленію книгъ преступнаго содержанія. Письмо 26 іюля увѣдомляетъ, что письмо отъ 19 іюля написано Рыжимъ; Евгенія Субботина сообщаетъ Топорковой о томъ, что Рыжій уѣхалъ изъ Москвы. По показанію свидѣтелей, Дмитріева и Іоселіани, Рыжимъ звали Здановича, и кличку эту самъ Здановичъ употреблялъ въ сношеніяхъ съ товарищами. Здановичъ былъ въ Кишиневѣ, что доказывается его письмами, и онъ арестованъ при полученіи имъ книгъ, высланныхъ имъ въ Москву изъ Кишинева. Очевидно, что письмо отъ 19 іюля писано Здановичемъ, что признано и экспертами, сличавшими почеркъ. Здановичъ настойчиво отказывался отъ этого письма, что вполнѣ понятно такъ какъ положеніе «Рыжаго» представляется настолько серьезнымъ и важнымъ, что признать себя «Рыжимъ» крайне неудобно. Ни объ одномъ изъ обвиняемыхъ, за исключеніемъ Чекоидзе, не было приложено членами

остававшимися на свободѣ, столько старанія для скрытія отъ преслѣдованія, какъ о «Рыжемъ». Они принимаютъ особыя мѣры, чтобы предупредить его и спасти. Кардашевъ сообщаетъ черезъ Микеладзе, что въ Москвѣ происходятъ аресты, что деньги взяты, что бумаги находятся у Медвѣдихи. Чтобы поставить «Рыжаго» въ извѣстность, неизвѣстное лицо пишетъ на имя Елены Петровны: Предупредите Георгія, чтобы онъ остерегался. Лица, которыя желаютъ предупредить «Рыжаго» объ опасности, сообщаютъ о томъ въ Одессу и Кіевъ. Въ Одессу сообщаетъ Кардашевъ, а въ Кіевѣ получено письмо, подписанное Воейковою, но писанное Надеждою Субботиною, какъ это доказываетъ надпись на письмѣ, сдѣланная Субботиною. Она сообщаетъ, что она одна въ Москвѣ и необходимо присутствіе «Рыжаго», но чтобы онъ перемѣнилъ наружность и не ходилъ по старымъ адресамъ. Наконецъ, Здановичъ самъ признаетъ это обстоятельство въ своемъ шифрованномъ письмѣ, найденномъ на квартирѣ Георгіевской и Введенской, и въ письмѣ, найденномъ на Кавказѣ. Въ первомъ письмѣ онъ настаиваетъ на томъ, чтобы были приняты мѣры ввести въ заблужденіе производившихъ дознаніе и опровергнуть то обстоятельство, что его признаютъ за «Рыжаго». Но еще большимъ доказательствомъ служитъ письмо на Кавказъ, гдѣ говорится: «Дерзкая и отчаянная мысль пришла мнѣ въ голову не только доказать, что я «Рыжій», но даже выпутаться самому» и т. д. Сопоставленіе всѣхъ этихъ данныхъ несомнѣнно доказываетъ, что Здановичъ есть тотъ самый «Рыжій», о которомъ идетъ дѣло. Содержаніе письма 19 іюля, писаннаго Здановичемъ, доказываетъ, что онъ находился въ администраціи сообщества одновременно въ Вѣрою Любатовичъ. Далѣе обвинитель перешелъ къ участію въ дѣлѣ подсудимаго Цвиленева, на которое указываютъ вещественныя доказательства. Изъ протокола обыска видно, что въ чемоданѣ Цвиленева найдены главныя вещественныя по дѣлу доказательства, самый чемоданъ арестованъ въ квартирѣ администраціи. Цвиленевъ отрицаетъ принадлежность себѣ этихъ вещей, и защита, сознавая серьезность подобнаго обстоятельства, вызвала свидѣтелей, которыя должны были доказать, что вещи эти не принадлежатъ Цвиленеву. Въ чемоданѣ были найдены документы на званіе Цвиленева; довѣренность, принадлежащая ему; нѣкоторыя рукописи, которыя признаны имъ за свои. Все это приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что чемоданъ съ этими вещами принадлежалъ Цвиленеву. Противъ этого выставляется разсказъ обвиняемыхъ, сдѣланный на судѣ. Но если бы эти вещественныя доказательства не находились у Цвиленева на храненіи, если бы онъ не принималъ участія въ этомъ сообществѣ, то могъ бы еще при первомъ предъявленіи этихъ вещественныхъ доказательствъ объяснить, какимъ образомъ документы на его званіе, довѣренность и рукописи попали въ этотъ чемоданъ. Онъ могъ это сдѣлать тѣмъ болѣе, что въ то время Циціановъ, Вѣра Любатовичъ и Кардашевъ были уже арестованы, слѣдовательно, онъ не выдавалъ никого. Но Цвиленевъ не далъ тогда никакихъ указаній, что мотивируется здѣсь тѣмъ, будто квартиру его посѣщала сестра, и онъ не хотѣлъ ее компрометировать. Теперь здѣсь говорятъ, что Цвиленевъ, случайно познакомившись съ Циціановымъ, получилъ отъ него рукопись, извѣстную подъ названіемъ: экспедиція шефа жандармовъ; что, получивъ эту рукопись, Цвиленевъ принесъ ее обратно Циціанову въ условленное мѣсто, послѣ чего сталъ бывать у Циціанова. Черезъ нѣсколько дней Циціановъ принесъ къ Цвиленеву свой чемоданъ на храненіе, въ этотъ чемоданъ Цвиленевъ положилъ пачку своихъ бумагъ. Послѣ ареста Цвиленева чемоданъ этотъ былъ взятъ обратно Циціановымъ изъ квартиры Цвиленева. При этомъ Циціановъ сослался на показаніе хозяйки квартиры, которую будто бы Цвиленевъ просилъ выдать чемоданъ Циціанову. Затѣмъ Циціановъ, отыскивая въ чемоданѣ какіе-то документы,

спуталъ ихъ съ Цвиленевскими. Но, по мнѣнію обвинителя, это крайне сложное и смутное объясненіе не выдерживаетъ критики и опровергается показаніемъ свидѣтелей, вызванныхъ защитой. Циціанову не было никакой надобности носить чемоданъ къ Цвиленеву, такъ какъ у Циціанова была своя квартира и, сверхъ того, была квартира въ домѣ Эйнбродтъ, гдѣ онъ могъ оставить свои вещи. По осмотру чемодана судебнымъ слѣдователемъ удостовѣрено, что всѣ бумаги, находившіяся въ немъ, были завернуты отдѣльными пачками. Въ одной изъ пачекъ, завернутой въ черновой паспортъ Полякова, находились бумаги Цвиленева, и если признать только эту пачку за принадлежащую Цвиленеву, то окажется, что ему принадлежала большая часть наиболѣе важныхъ для дѣла документовъ. Такъ, въ ней находились: письмо въ Карасубазаръ, книжка съ шифромъ, по которому прочтены письма Георгіевскаго, и шифрованные адресы, въ которыхъ слова буквами писаны Цвиленевымъ, — что имъ самимъ сознано. Такимъ образомъ, если признать, что эта пачка составляла ту, которую Цвиленевъ положилъ въ чемоданъ Циціанова, то этимъ нисколько не ослабляется значеніе и сила разбираемой улики. Защитѣ не только не удалось путемъ свидѣтельскихъ показаній доказать принадлежность чемодана Циціанову, но наоборотъ—свидѣтели вполнѣ опровергли объясненія подсудимыхъ. Хозяйка квартиры, свидѣтельница Кравцова, показала на судѣ, что Цвиленевъ нанялъ у нея комнату посуточно; что вещи его состояли только изъ чемодана, подушки, одѣяла и, кажется, сакъ-вояжа. Послѣ усиленныхъ настояній защиты, свидѣтельница показала, что, можетъ быть, былъ и еще чемоданъ гдѣ-нибудь подъ кроватью, но она его не видала. Затѣмъ она вполнѣ отрицала ссылку на нее Циціанова и утверждала, что Цвиленевъ говорилъ только о томъ, чтобы она отдала вещи его сестрѣ. Сестра подсудимаго показала, что она дѣйствительно получила отъ Кравцовой чемоданъ, подушку, одѣяло и сакъ-вояжъ. Кромѣ того, Кравцова показала, что Цвиленевъ не говорилъ, что нанимаетъ квартиру посуточно, въ виду намѣренія ѣхать въ деревню, а потому, что хочетъ пріискать товарищей, чтобы вмѣстѣ жить. Хотя отецъ Цвиленева подтвердилъ, что сынъ собирался къ нему пріѣхать, но насколько подсудимый относился прямодушно къ своему отцу—доказываетъ слѣдующее обстоятельство: на вопросъ обвинителя отецъ Цвиленева показалъ, что онъ видѣлся съ сыномъ въ іюлѣ 1875 г. въ Москвѣ, причемъ подсудимый говорилъ ему, что онъ находится еще и понынѣ студентомъ медико-хирургической академіи. Между тѣмъ, справка академіи доказываетъ, что въ то время онъ былъ уже уволенъ изъ академіи.

Послѣ перерыва, который обыкновенно дѣлается въ 2 ч. для обѣда подсудимыхъ, товарищъ оберъ-прокурора, продолжая свою рѣчь, остановилъ вниманіе особаго присутствія на программѣ революціоннаго сообщества, найденной у Здановича и признанной имъ. Одинъ изъ параграфовъ этой программы опредѣляетъ, что новыя общины учреждаются членомъ одной изъ существующихъ. Этотъ параграфъ былъ осуществленъ въ общинахъ: ивановской, кіевской и тульской. Существованіе одесской общины не доказано, доказано только присутствіе тамъ Любатовичъ и Субботиной. Названныя же три общины дѣйствительно были организованы лицами, принадлежавшими къ тому ядру сообщества, которое представляетъ московскій кружокъ въ домѣ Корсакъ. Такъ, во главѣ ивановской общины стояли Фигнеръ и Александрова, которыя принадлежали къ московскому кружку. Во главѣ кіевской общины, по крайней мѣрѣ, главнымъ ея дѣятелемъ, была Хоржевская, проживавшая еще въ квартирѣ Скворцовой подъ именемъ хохлушки Ѳеклуши. Наконецъ, тульская община была основана Ольгой Любатовичъ. Такимъ образомъ, всѣ эти три общины были основаны членами мо-

сковскаго кружка. Далѣе программа установляетъ, что лицо можетъ быть принято не иначе какъ по единогласному избранію всѣхъ членовъ общинъ. Въ письмѣ отъ 19 іюля предлагается принятіе новаго члена Санчо, т. е. князя Циціанова, причемъ указывается, что всѣ согласны и только требуется согласіе членовъ ивановской общины. Далѣе, по программѣ членъ сообщества не имѣетъ права отказываться отъ порученія, которое на него будетъ возложено. Въ письмѣ отъ 26 іюля говорится о томъ, что на Здановича было возложено порученіе устроить путь съ заграницею и что несмотря на то, что этого ему не хотѣлось, онъ долженъ былъ подчиниться требованію устава. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ письма, т. е. Вѣра Любатовичъ, говоритъ, что не все то приходится дѣлать, чего хочется. Такимъ образомъ, члены считали своею обязанностью подчиняться распоряженіямъ, исходящимъ отъ администраціи. Въ отдѣлѣ объ организаціи, въ программѣ говорится, что въ настоящее время управленіе состоитъ изъ трехъ членовъ. Это служитъ прямымъ указаніемъ на то, что программа уже приводится въ исполненіе, что въ то время въ составѣ его были три члена. Далѣе, по программѣ члены сообщества вступаютъ въ администрацію по очереди или по взаимному соглашенію и находятся тамъ въ продолженіи одного мѣсяца. Въ письмѣ отъ 26-го іюля Вѣра Любатовичъ указываетъ именно на этотъ срокъ. Затѣмъ по той же программы на членахъ администраціи лежитъ обязанность по храненію книгъ, адресовъ, денегъ, по предупрежденію объ опасности, поддержанію сношеній съ арестованными, по содѣйствію побѣгамъ, по снабженію пропагандистовъ всѣмъ необходимымъ, и т. д. Всѣ эти предписанія дѣйствительно исполнялись тѣми лицами, которыя составляли администрацію. Такимъ образомъ представляется достаточно доказаннымъ, что программа осуществлялась, что она была положена въ основаніе той дѣятельности, которая составляла цѣль преступнаго сообщества. Затѣмъ обвинитель перешелъ къ обвиненію тѣхъ лицъ, которыя приходили въ соприкосновеніе съ сообществомъ, т. е. тѣхъ, которыя, состоя его членами, не входили въ составъ отдѣльныхъ группъ и не принадлежали къ администраціи. Первымъ изъ такихъ лицъ представляется арестованный при обыскѣ въ гостиницѣ «Украйна» подсудимый Кардашевъ именовавшійся тогда княземъ Кочекидзе. Тотчасъ по арестованіи онъ заявилъ, что у него на квартирѣ находится значительная сумма денегъ. Поэтому былъ произведенъ обыскъ и дѣйствительно найдено около 8500 руб. и билетъ въ 1100 руб., принадлежащій Тумановой, съ ея бланковой надписью. Дознаніемъ вполнѣ опредѣлилось, какое значеніе имѣлъ этотъ капиталъ. Но прежде нежели представить доказательство этого значенія капитала, обвинитель остановился на личности подсудимаго, и высказалъ, что Кардашевъ въ 1873 году уѣхалъ за границу, гдѣ находился студентомъ дрезденской политехнической школы. Въ февралѣ 1875 года онъ впервые является въ Москву, одновременно съ Чекоидзе. Какое значеніе имѣлъ этотъ пріѣздъ, можно видѣть изъ той дѣятельности, которою занимался Чекоидзе, а эта дѣятельность видна изъ обстоятельствъ, которыя касались распространенія преступныхъ сочиненій на московскихъ фабрикахъ. Уже въ то время Чекоидзе является членомъ кружка, однимъ изъ лицъ, жившихъ въ Сыромятникахъ въ домѣ Костомарова. Такимъ образомъ установляется первая связь Чекоидзе съ Кардашевымъ и появленіе Кардашева въ Москвѣ въ то время, когда основывалось преступное сообщество. Во второй разъ Кардашевъ пріѣхалъ въ Москву изъ-за границы въ концѣ іюня 1875 года подъ чужимъ именемъ, проживалъ въ Москвѣ и получилъ въ Орлѣ новый заграничный паспортъ на имя князя Чекоидзе. Въ этотъ пріѣздъ прежде всего представляется страннымъ то обстоятельство, что Кардашевъ, живя въ Дрезденѣ, проѣхалъ на югъ черезъ Яссы, что до-

казывается его записной книжкой и собственнымъ показаніемъ на судѣ. Черезъ Яссы лежалъ тотъ путь, по которому получались книги изъ-за границы и по которому Здановичъ привезъ книги въ Москву. Кардашевъ говоритъ, что онъ былъ вызванъ Циціановымъ, сообщившимъ ему объ арестѣ Чекоидзе. Кардашевъ досталъ за границею деньги и пріѣхалъ въ Москву съ цѣлью освободить Чекоидзе подъ залогъ. Объясненіе это подтверждено Циціановымъ, который вообще подтверждаетъ всѣ показанія, служащія къ облегченію участи другихъ и къ ухудшенію участи его самого. Но при первомъ сопоставленіи этого объясненія съ обстоятельствами дѣла, представляется страннымъ слѣдующее: Кардашевъ ѣдетъ изъ-за границы съ тѣмъ, чтобы войти въ сношенія съ властями, т. е. просить объ освобожденіи изъ-подъ ареста политическаго арестанта, но при этомъ ѣдетъ съ чужимъ паспортомъ и является въ Москву не только подъ чужимъ именемъ, но подъ именемъ Чекоидзе, котораго именно и желаетъ освободить изъ подъ ареста. Очевидно, что если бы онъ имѣлъ дѣйствительно эту цѣль, то, конечно, принялъ бы и соотвѣтствующія мѣры. Во все время пребыванія въ Москвѣ Кардашевъ не приводитъ въ исполненіе того намѣренія, съ которымъ пріѣхалъ изъ Дрездена. Онъ не обращается ни къ кому съ ходатайствомъ объ освобожденіи Чекоидзе и объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Что же онъ дѣлаетъ? Указывая на взаимныя отношенія между лицами, съ которыми Кардашевъ приходилъ въ прикосновеніе, можно указать только на тѣхъ обвиняемыхъ, которые имѣютъ наиболѣе серьезное значеніе въ дѣлѣ. Онъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ Вѣрой Любатовичъ и княземъ Циціановымъ. Желая возвратиться за границу, онъ хотѣлъ взять заграничный паспортъ. Казалось бы, что онъ могъ его взять въ Москвѣ, но онъ ѣдетъ брать его внѣ Москвы, и ѣдетъ не въ ближайшій городъ, а въ Орелъ, причемъ его сопровождаетъ Циціановъ; въ Орлѣ они видятся съ какою-то женщиною. Этою женщиною предполагалась Марія Субботина, но утверждать это не представляется достаточныхъ доказательствъ. Въ Орлѣ дѣйствительно Кардашевъ получилъ заграничный паспортъ, но для полученія его присутствіе Циціанова вовсе не представлялось необходимымъ, а, между тѣмъ, путешествіе Циціанова оплачивалось Кардашевымъ, какъ это видно изъ предъявленныхъ на судебномъ слѣдствіи счетовъ. Затѣмъ сношеніе Кардашева съ членами сообщества подтвеждается тѣмъ, что во время бракосочетанія Гамкрелидзе онъ присутствуетъ на закускѣ. Въ то же время, при участіи Евгеніи Субботиной, покушается устроить фиктивный бракъ съ дѣвицею Ансеровою и является къ отцу Ансеровой въ качествѣ жениха. Въ этомъ отношеніи весьма характерно показаніе священника Ансерова. Его дочь имѣла несчастіе воспитываться вмѣстѣ съ Субботиными, подъ вліяніемъ которыхъ она пожелала ѣхать за границу, причемъ Субботины предлагали ей для этого свои средства. Вліяніе Субботиныхъ на Ансерову видно изъ показанія ея отца, который говоритъ, что семья его въ теченіи трехъ лѣтъ держалась Субботиными въ осадномъ положеніи; въ теченіи трехъ лѣтъ онъ долженъ былъ обращать вниманіе только на то, чтобы молодая дѣвушка не погибла, чтобы она не вступила на тотъ путь, который теперь довелъ Субботиныхъ до скамьи подсудимыхъ. Когда родители воспротивились этой поѣздкѣ, тогда Ансеровой было предложено бѣжать, вступивъ въ фиктивный бракъ. Кардашевъ отправился къ священнику и просилъ принять его въ свою семью, но священникъ отказалъ ему въ этомъ. Вотъ чѣмъ занимался Кардашевъ въ то время, когда онъ жилъ въ Москвѣ только затѣмъ, по его показанію, чтобы выручить изъ подъ стражи Чекоидзе. Что касается отобраннаго капитала, то значеніе его объясняется книжкой, отобранной у Кардашева, въ которой записаны, между прочимъ, слѣдующіе расходы: выдано 40 рублей Санчо, т. е. Циціанову;

выдано Волченку, т. е. Вѣрѣ Любатовичъ; Гамкѣ на свадьбу, т. е. Гамкрелидзе; на поѣздку Циціанова вмѣстѣ съ Кардашевымъ въ Орелъ. Всѣ эти записи, относясь къ членамъ сообщества, указываютъ на то, что Кардашевъ расходовалъ деньги непосредственно на общественныя надобности. Въ числѣ денежныхъ суммъ былъ найденъ билетъ Тумановой въ 1100 р. По объясненію Кардашева, а затѣмъ и Гамкрелидзе, билетъ этотъ былъ отданъ Кардашеву въ обезпеченіе долга Гамкрелидзе въ количествѣ 200 р. Но, просматривая записную книжку Кардашева, которая ведена вполнѣ аккуратно, въ ней, однако, не находится выдачи этой суммы, тогда какъ записана выдача тому же Гамкрелидзе на свадьбу сумма гораздо меньше этой. Не менѣе страннымъ представляется и то обстоятельство, что сумма около 9000 руб., выданная Кардашеву для извѣстной цѣли, а именно на внесеніе залога за Чекоидзе, вмѣсто того расходуется на издержки членовъ сообщества. Но значеніе этихъ денегъ вполнѣ опредѣляется перепискою, отобранною у подсудимыхъ. Только что былъ взятъ Кардашевъ подъ стражу, тотчасъ же было сообщено членамъ, что деньги до 10000 руб. взяты. Кардашевъ долго не давалъ объясненій по поводу этихъ денегъ, и только на судѣ впервые объяснилъ, откуда и для какой цѣли получилъ онъ эту сумму. До этого же времени онъ принималъ мѣры для доказательства, будто этотъ капиталъ принадлежитъ не преступному сообществу, а частнымъ лицамъ—его роднымъ. Съ этою цѣлью имъ былъ написанъ цѣлый рядъ писемъ и векселей задними числами, которые отобраны въ квартирѣ Георгіевской. Въ этихъ письмахъ Кардашевъ проситъ, чтобы мать или братья сказали, будто дали ему деньги для извѣстнаго торговаго предпріятія и, между прочимъ, говорится, что это деньги дорогихъ ему людей. Между тѣмъ, онъ легко могъ бы указать то лицо, которое дало ему деньги, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакой опасности въ представленіи залога. Но онъ этого не дѣлаетъ. Въ найденномъ въ квартирѣ Георгіевской и Введенской шифрованномъ письмѣ, писанномъ изъ-подъ стражи Здановичемъ, говорится, что на лицахъ, оставшихся на свободѣ, лежитъ обязанность принять всѣ мѣры для спасенія капитала, который въ противномъ случаѣ «пропадетъ для дѣла.» Что касается билета въ 1100 руб., то нахожденіе его въ рукахъ Кардашева объясняется бракомъ Гамкрелидзе съ Тумановою. Оба эти лица жили въ С.-Петербургѣ, а зачѣмъ появились въ Москвѣ—они не говорятъ. Послѣ заключенія брака супруги немедленно разъѣзжаются. При вѣнчаніи и на закускѣ въ номерахъ Костина присутствуютъ только одни члены сообщества и между ними обвиняемая Батюшкова. Затѣмъ обвинитель привелъ многія фактическія доказальства тому, что, разъѣхавшись немедленно послѣ свадьбы, супруги не жили вмѣстѣ и потомъ. А какъ сами члены сообщества относились къ этому браку и какое значеніе онъ имѣлъ, видно изъ извѣщенія ивановскихъ пропагандистовъ объ этомъ бракѣ. Въ письмѣ говорится: «Не желаете ли получить мадмуазель Гамку по почтѣ: хотя она вышла замужъ за Костю, но не получила права называться мадамшею». Не менѣе замѣчательно то обстоятельство, что Кардашевъ, записывая выдачу денегъ Гамкрелидзе, записалъ отдѣльно расходъ на свадьбу. Изъ этого очевидно, что издержки на свадьбу сдѣланы на общественныя деньги. Такимъ образомъ, переходъ билета въ 1100 р. и пріобщеніе его къ тѣмъ суммамъ, которыя находились у Кардашева, становится яснымъ. Это—имущество, принадлежащее членамъ общества; была попытка доказать, что билетъ переданъ безъ права получить по немъ деньги; но особое присутствіе удостовѣрилось, что посредствомъ нотаріальной бланковой надписи билетъ былъ обращенъ въ безъименный. Такимъ образомъ, принадлежность Кардашева и супруговъ Гамкрелидзе къ преступному сообществу не подлежитъ сомнѣнію. Роль Антимоса Гамкре-

лидзе, какъ члена сообщества, этимъ не ограничивается; № 12 гостиницы, гдѣ онъ жилъ, постоянно посѣщался пропагандистами, а когда администрація переѣзжала на новую квартиру въ домъ Толстой, то въ № 12 сосредоточивались всѣ посѣщенія лицъ; даже всѣ пріѣзжіе, которые жили внѣ Москвы, знали, что нужно явиться въ 12 номеръ, гдѣ и были задержаны. Тамъ былъ найденъ складъ книгъ, оружіе и «Сказка о мудрицѣ Наумовой». Этихъ данныхъ достаточно для опредѣленія той роли, которую играли въ этомъ дѣлѣ супруги Гамкрелидзе. Затѣмъ въ письмѣ на имя Рыжаго Кардашевъ пишетъ, что всѣ бумаги находятся у Медвѣдихи, адресъ которой можно узнать у Виницкой. Была разыскана Виницкая, а затѣмъ и Медвѣдева. Письмо Кардашева прежде всего доказываетъ, что Медвѣдева была лицомъ, пользовавшимся особымъ довѣріемъ. Кромѣ того, черезъ квартиру Медвѣдевой происходили всѣ сношенія членовъ сообщества, жившихъ въ другихъ городахъ, съ Москвою. Сверхъ того, принадлежность Медвѣдевой къ сообществу доказывается шифрованнымъ письмомъ, въ которомъ Здановичъ пишетъ, что онъ боится, какъ бы Медвѣдева не разболтала всего ей извѣстнаго. Сама Медвѣдева пишетъ въ одномъ письмѣ: «обнаруженъ ли Рыжій», испрашиваетъ, не шли ли черезъ лицъ, содержащихся вмѣстѣ съ нею подъ стражею, письма отъ Рыжаго къ ней. Эти факты изобличаютъ Медвѣдеву въ принадлежности къ преступному сообществу. Послѣ ареста лицъ въ квартирѣ Гамкрелидзе и обыска въ домѣ Толстой, администрація сообщества была уничтожена. Тогда сдѣлана была попытка организовать нѣчто похожее на администрацію, которая служила бы центромъ для лицъ, еще оставшихся на свободѣ, и гдѣ сосредоточилась бы переписка съ арестованными обвиняемыми для устройства побѣговъ и подговора свидѣтелей. Такое мѣсто было устроено въ квартирѣ Георгіевской и Введенской. Обыскъ этой квартиры вызванъ былъ появленіемъ Георгіевской въ Сущевской части съ покушеніемъ передать въ хлѣбѣ записку Георгіевскому. Въ запискѣ этой указывалось, что авторъ ея, т. е. Георгіевская, поддерживаетъ сношенія съ остальными арестованными лицами, причемъ упоминался Николай Федоровичъ Цвиленевъ и Джабадари. Вообще содержаніе записки доказывало, что Георгіевская знаетъ тѣ обстоятельства, которыя касаются обвиняемыхъ по настоящему дѣлу. По обыску въ ея квартирѣ были найдены: письмо Кардашева, приготовленное для отправки на Кавказъ, шифрованныя письма отъ Здановича и Гамкрелидзе, съ переводами ихъ, сдѣланными рукою Георгіевской,—чѣмъ ясно доказывается, что лица, жившія въ квартирѣ Георгіевской, исполняютъ часть тѣхъ обязанностей, которыя по программѣ лежатъ на администраціи. Дальнѣйшее разслѣдованіе показало, что квартиру эту посѣщалъ Ивановскій, съ которымъ, по показанію хозяйки квартиры, Георгіевская запиралась въ особой комнатѣ и что-то писала. Когда явились съ обыскомъ, то Георгіевская и Введенская бросились къ столу и хотѣли уничтожить записку, оказавшуюся переводомъ шифрованныхъ писемъ. Кромѣ того, сношеніе Георгіевской и Введенской съ арестованными лицами и другими членами сообщества, оставшимися на свободѣ, доказывается появленіемъ въ квартирѣ ихъ Нуромскаго, принесшаго къ нимъ шифрованную записку. Нуромскій, по доставленіи въ жандармское управленіе, вырвалъ изъ рукъ офицера предъявлявшаго ему эту записку, и изорвалъ ее. Записка оказалась написанною по весьма употребительному въ сообществѣ ключу. По тому же ключу самимъ Нуромскимъ была написана записка во время содержанія его подъ стражей. Появленіе Нуромскаго въ квартирѣ Георгіевской и Введенской въ дорожномъ платьѣ и одновременно съ врачомъ Ивановскимъ, при которомъ найдено было около 200 р. денегъ, можетъ быть объяснено письмами Кардашева и Гамкрелидзе, въ тотъ же день доставленными изъ тюрьмы. Въ письмахъ этихъ пред-

полагалось послать нарочнаго съ тѣми письмами на Кавказъ. Факты, только что изложенные, не могутъ не служить къ обвиненію Георгіевской и Введенской въ принадлежности къ преступному сообществу. Переходя къ обвиненію Субботиныхъ, товарищъ оберъ-прокурора указалъ, что имя ихъ въ настоящемъ дѣлѣ встрѣчается очень часто съ самаго перваго возникновенія сообщества, съ апрѣльскаго дознанія. 3 апрѣля, наканунѣ ареста лицъ въ домѣ Корсакъ въ Москвѣ, Евгенія Субботина пріѣхала въ Москву и заняла номеръ въгостинницѣ Руднева, отдавъ деньги за мѣсяцъ впередъ. Несмотря на такую уплату, Субботина въ тотъ же день ушла изъ номера и болѣе не возвращалась, а такое исчезновеніе ея страннымъ образомъ совпадаетъ съ арестомъ обвиняемыхъ въ домѣ Корсакъ. Всѣ три сестры Субботины долгое время жили въ Цюрихѣ, куда увезли съ собой и на свои средства обвиняемую Топоркову. Чѣмъ занимались въ Цюрихѣ Субботины и Топоркова, видно изъ письма матери, которое было прочитано. Въ немъ указывается на собранія молодежи, на отношенія между ними и эмигрантами; на честь, которую оказалъ Лавровъ, принявши любезно Субботиныхъ; на посѣщеніе ими засѣданій интернаціонала и проч. Результатомъ таковыхъ занятій было то, что Топоркова прямо изъ-за границы поступила членомъ ивановской общины и поселилась простою работницею въ домѣ Кисина. Такой же участи подверглась бы и Ансерова, если бы благоразуміе ея родителей не спасло ее отъ дурного вліянія Субботиныхъ. Въ настоящее время вся семья Субботиныхъ содержится подъ стражей и обвиняется въ государственныхъ преступленіяхъ. Здѣсь три Субботины: Евгенія, Марья и Надежда, а изъ записки министра юстиціи, копія съ которой была найдена въ числѣ другихъ вещественныхъ доказательствъ, видно, что и мать Субботиныхъ, и воспитанница ихъ Шатилова привлечены къ отвѣтственности по такому же преступленію. Принадлежность Евгеніи Субботиной къ тайному сообществу доказывается ея письмомъ къ Топорковой въ Иваново-Вознесенскъ, которое она признала. Въ письмѣ этомъ она сожалѣетъ, что въ Ивановѣ дурно ведется дѣло, что если они «ухнутъ», то это будетъ дурно для общаго хода дѣлъ. Что касается Марьи и Надежды Субботиныхъ, то противъ нихъ представляются слѣдующія улики. На судѣ опредѣлилось ясно стремленіе Евгеніи Субботиной принять на себя извѣстныя улики, чтобы тѣмъ доказать непринадлежность къ сообществу другихъ сестеръ, но попытка эта оказывается неудачною въ виду доказательствъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Такъ, Марья Субботина является основательницею квартиры въ домѣ Эйнбродтъ. Она передала ее Фигнеръ, а затѣмъ подъ именемъ Фигнеръ проживала Вѣра Любатовичъ. Указаніе на Марью Субботину сдѣлано самою Фигнеръ, которая на судѣ отказалась отъ этого заявленія. Евгенія Субботина говоритъ, что она проживала подъ именемъ Марьи Субботиной, такъ какъ она не имѣла своего вида, отобраннаго отъ нея курскимъ жандармскимъ управленіемъ, именно ея метрическое свидѣтельство. Между тѣмъ оказалось, что у нея былъ видъ, который былъ прописанъ въ полиціи. Во время арестовъ, первое лицо, о которомъ вмѣстѣ съ Рыжимъ заботятся обвиняемые, была Марья Субботина, чему служитъ доказательствомъ письмо Кардашева къ Микеладзе. Затѣмъ второе письмо Кардашева, адресованное Авонскому, предназначалось какъ Евгеніи, такъ и Марьѣ Субботинымъ. Письмо было зашифровано по очень употребительному среди членовъ сообщества ключу. Отсюда понятно, что ключъ этотъ—составлявшій великій секретъ—былъ извѣстенъ какъ Евгеніи, такъ и Марьѣ Субботинымъ. Далѣе, въ письмѣ въ Иваново отъ 19 іюля говорится, что трудно достать сапоги. Изъ дѣла извѣстно, что подъ именемъ «сапоговъ» разумѣются фальшивые виды на жительство. Въ этомъ письмѣ говорится: «Женя пишетъ, что есть надежда, что Маня скоро получитъ». Сопоставле-

ніе двухъ именъ, Евгеніи и Марьи, ясно свидѣтельствуетъ, о комъ идетъ рѣчь въ письмѣ. Очевидно, Марья Субботина надѣется добыть подложные виды для членовъ сообщества. Надежда Субботина не менѣе своихъ сестеръ изобличается въ томъ же преступленіи. Она проживала подъ чужимъ именемъ въ Одессѣ, вмѣстѣ съ Ольгою Любатовичъ. По показанію свидѣтеля Микеладзе, Субботина извѣстна была подъ именемъ Надьки. Эта Надька, т. е. Надежда Субботина, познакомила Микеладзе съ семействомъ Хоржевскихъ. Проживательство Субботиной вмѣстѣ съ Ольгою Любатовичъ доказано показаніями хозяйки дома, справками изъ домовыхъ книгъ и собственнымъ сознаніемъ обвиняемыхъ на судѣ. Затѣмъ изъ дѣла извѣстно, что князь Микеладзе былъ арестованъ въ Одессѣ 21 августа, а 20 августа Надежда Субботина передала ему двѣ телеграммы для отправки въ Кіевъ на имя Гельфманъ и въ Москву на имя Медвѣдевой, то-есть въ квартирѣ пропагандистовъ. Въ депешахъ этихъ сообщалось, что Надежда Субботина перемѣняетъ свой адресъ и скоро сообщитъ новый, а до тѣхъ поръ проситъ не посылать писемъ. Наконецъ, неоспоримымъ доказательствомъ принадлежности Надежды Субботиной съ сообществу служатъ письма ея къ Гельфманъ, подписанныя Воейковой. Въ Кіевѣ были получены два такихъ письма, одно съ 300 рублей, а въ другомъ говорится что Субботина въ Москвѣ одна, всѣ арестованы, что нужно сообщить Рыжему, дабы онъ скорѣе пріѣзжалъ, причемъ перемѣнилъ бы наружность и не ходилъ бы по старымъ адресамъ, и что вообще дѣла идутъ плохо. Экспертиза признала, что письма эти несомнѣнно написаны Надеждою Субботиной. Въ настоящее время на судѣ защита пыталась доказать незозможность посылки этихъ писемъ Надеждою Субботиной; но обвинитель опровергнулъ это покушеніе. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, привлечены къ дѣлу еще Сбромірскій и Овчинниковъ. Эти лица вмѣстѣ съ обвиняемымъ Бариновымъ обвиняются въ попыткѣ выслать изъ Москвы свидѣтеля Корнюхина на пропаганду въ Тулу. По показанію Корнюхина, Сбромірскій пригласилъ его къ себѣ въ квартиру Овчинникова, гдѣ познакомилъ его съ Иваномъ Тимофеевымъ Смирновымъ и Овчинниковымъ. Здѣсь Корнюхину были переданы преступнаго содержанія книги для прочтенія. Нѣсколько времени спустя, Смирновъ и Сбромірскій пригласили его на лугъ около смоленскаго вокзала. Туда собрались всѣ названныя выше лица, уговаривалъ Корнюхина ѣхать на пропаганду въ Тулу и передали тѣ книги, которыя Корнюхинъ представилъ въ жандармское управленіе. Свиданіе для полученія паспорта и денегъ для отъѣзда въ Тулу было назначено въ трактирѣ у Сухаревой башни. Въ трактирѣ, по указанію Корнюхина, и были задержаны Сбромірскій, Смирновъ, Овчинниковъ и Бариновъ. Такимъ образомъ, заявленіе Корнюхина нашло себѣ подтвержденіе въ самомъ арестѣ. Изъ числа этихъ арестованныхъ лицъ Бариновъ и Овчинниковъ несомнѣнно принадлежали къ тайному сообществу. Такъ, Бариновъ принималъ участіе въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія сначала въ Москвѣ, затѣмъ въ Ивановѣ, а Овчинниковъ, арестованный въ 12 № гостинницы «Украйна», оказался лицомъ, писавшимъ часть рукописи «О мудрицѣ Наумовой», и его книжка найдена въ имуществѣ администраціи общества.—Послѣ обѣденнаго перерыва товарищъ оберъ-прокурора представилъ улики къ обвиненію Рождественскаго, Батюшковой, Иванова, Бѣляевскаго, и Трубецкого. Но предварительно онъ заявилъ относительво Надежды Субботиной, что не поддерживаетъ обвиненія ея въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, такъ какъ оно было основано на показаніи князя Микеладзе, который на судѣ отказался отъ своего прежняго показанія. Точно также онъ не обвиняетъ Сидорацкаго въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія. Что же касается Цвиленева, то хотя въ его чемоданѣ оказались главные документы тайнаго сообще-

ства, но представитель обвинительной власти не обвиняетъ его въ принадлежности къ администраціи сообщества. Однако, и лицо, не принадлежащее къ администраціи, можетъ оказать такое серьезное содѣйствіе сообществу, что по своей отвѣтственности можетъ стоять даже выше, нежели лицо, принадлежащее къ составу администраціи, и участіе Цвиленева представляется именно настолько важнымъ. Относительно Рождественскаго обвинитель высказалъ, что судебное слѣдствіе не дало достаточнаго матеріала для обвиненія его въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія. По мнѣнію обвинителя, Рождественскій тѣмъ не менѣе долженъ быть признанъ виновнымъ въ принадлежности къ сообществу, въ виду слѣдующихъ данныхъ: явившись въ Москву, онъ направился прямо въ 12 № гостинницы «Украйна», значеніе котораго въ настоящемъ дѣлѣ достаточно опредѣлено. Изъ бумагъ, оказавшихся у Рождественскаго, видно, что ему была извѣстна квартира администраціи сообщества въ домѣ Эйнбродтъ. Между тѣмъ, на основаніи программы революціоннаго сообщества, лицо, не принадлежащее къ составу сообщества, не должно посѣщать тѣ мѣста, гдѣ сосредоточивается главная дѣятельность участниковъ. Онъ говоритъ, что № 12 былъ ему указанъ въ домѣ Эйнбродтъ, но онъ не показываетъ кто сообщилъ ему этотъ адресъ, хотя и имѣлъ къ тому возможность. Сверхъ того, у него при заарестованіи была найдена записка, въ которой требовалась присылка книгъ преступнаго содержанія, такъ какъ онѣ будутъ ему нужны; записка эта оказалась писанною самимъ Рождественскимъ. Такимъ образомъ, оказывается, что Рождественскій имѣлъ прямыя, непосредственныя сношенія съ администраціей сообщества и получалъ отъ этого управленія книги преступнаго содержанія, а эти данныя уличаютъ Рождественскаго въ принадлежности къ сообществу. Въ отношеніи распространенія книгъ въ Саратовской губерніи является главнымъ основаніемъ для обвиненія—оговоръ подсудимаго Бѣляевскаго. Обстановка, при которой сдѣланъ этотъ оговоръ, слѣдующая: въ Саратовѣ у семинаристовъ Иванова и Соколова были найдены при обыскѣ книги преступнаго содержанія. Изъ показаній на судѣ разъяснилось, что книги получены ими были изъ дома Павла Трубецкого, которому привезъ ихъ изъ деревни учитель Виноградовъ. Здѣсь обвинитель изложилъ подробно показаніе свидѣтелей Виноградова, Трубецкого и совершенно доказанное показаніе Бѣляевскаго о томъ, что онъ получалъ книги отъ Батюшковой и Иванова. Весь оговоръ Бѣляевскаго былъ предъявленъ во всѣхъ подробностяхъ обстоятельствами дѣла; но на судѣ онъ пытался неправдоподобными объясненіями снять этотъ оговоръ. Но обвинитель доказывалъ виновность Батюшковой и Иванова въ передачѣ книгъ преступнаго содержанія Бѣляевскому. Вслѣдствіе оговора Бѣляевскаго, у Батюшкой былъ произведенъ обыскъ, во время котораго повторилась одна изъ сценъ, ставшихъ обыкновенными при обыскахъ по настоящему дѣлу, а именно, Батюшкова разорвала письмо, часть сунула себѣ въ ротъ, а другую отдала Цвиленеву, сказавъ ему: «жуй». Въ числѣ документовъ, отобранныхъ у Батюшковой, найдено письмо, въ которомъ авторъ проситъ устроить фиктивный бракъ, такъ какъ иначе нельзя получить деньги, при чемъ о бракѣ проситъ похлопотать Батюшкову и ея пріятельницу Армфельдъ. Затѣмъ въ другомъ письмѣ есть указаніе, что лицо, писавшее его, и лицо, которому оно адресовано, занимались распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Въ отношеніи виновности Батюшковой обвинитель указалъ еще на то, что во время содержанія ея подъ стражею, съ ней вступилъ въ сношеніе врачъ Ивановскій, значеніе котораго въ этомъ дѣлѣ извѣстно изъ прочитаннаго показанія жандармскаго унтеръ-офицера Буланова. Переписка происходила между Чекоидзе, Здановичемъ, Кардашевымъ и Батюшковою. Одно сопо-

ставленіе этихъ лицъ уясняетъ то положеніе Батюшковой, которое она занимала въ сообществѣ. По мнѣнію обвинителя, она принадлежала къ организаціи тайнаго сообщества и занималась распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Распространеніе этихъ книгъ со стороны Трубецкого основано также на оговорѣ Бѣляевскаго, по показанію котораго Трубецкой увезъ съ собою большое количество этихъ книгъ, но по обыску у него найдена незначительная ихъ часть. Передача Ивановымъ этихъ книгъ Трубецкому составляетъ, по мнѣнію обвинителя, прямое ихъ распространеніе. Въ квартирѣ Батюшковой былъ задержанъ Цвиленевъ, при которомъ найдены нѣкоторые документы, изъ коихъ на одинъ было обращено вниманіе защиты, и онъ былъ прочитанъ. Это отрывокъ какого-то письма, въ которомъ авторъ отрекается отъ дѣятельности по распространенію книгъ преступнаго содержанія, указываетъ на несостоятельность этого пріема и говоритъ, вообще, о невозможности возбужденія народа. Но какое бы толкованіе ни придала защита этому документу, во всякомъ случаѣ, онъ не принадлежитъ никому изъ лицъ, преданныхъ суду по настоящему дѣлу, такъ какъ, по показанію самого Цвиленева, документъ этотъ списанъ съ письма, находившагося у Батюшковой и принадлежащаго неизвѣстному. Если же Цвиленевъ сочувствуетъ идеямъ, изложеннымъ въ этомъ письмѣ, то ему предстоитъ объяснить совершенно противоположныя идеи, изложенныя Цвиленевымъ въ рукописи о безпорядкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ и въ замѣткахъ на рукописи пропагандиста, рѣшившагося итти въ народъ. Однимъ словомъ, документъ этотъ, по мнѣнію обвинителя, къ оправданію кого-либо изъ обвиняемыхъ служитъ не можетъ. Окончивъ изложеніе уликъ, по отношенію къ каждому изъ обвиняемыхъ, товарищъ-оберъ-прокурора сдѣлалъ подробные выводы изъ всего дѣла. Онъ указалъ на то, что основаніе преступному сообществу положено кружкомъ лицъ, собравшихся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ. Всѣ эти лица, за исключеніемъ Георгіевскаго, Лукашевича, Петра Алексѣева и мѣстныхъ рабочихъ, являются простыми эмиссарами изъ-за границы. Всѣ они жили въ Швейцаріи и затѣмъ въ Парижѣ; всѣ они возвратились одновременно въ Россію, а частью и вмѣстѣ, въ одномъ поѣздѣ, въ концѣ 1874 года, и, проѣхавъ черезъ Петербургъ и захвативъ оттуда Георгіевскаго, Лукашевича и Петра Алексѣева, основали кружокъ въ Москвѣ въ первыхъ же мѣсяцахъ 1875 года, т. е. въ январѣ и февралѣ, сначала за Москвой-рѣкой, а послѣ въ домѣ Костомарова и Корсакъ. Кружокъ этотъ выдѣлилъ изъ себя нѣсколькихъ членовъ, образовавшихъ общины въ Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ. Всѣ эти общины управлялись администраціею, находившеюся въ Москвѣ, и, такимъ образомъ, составляли одно цѣлое преступное сообщество. По личному составу своему, дѣйствовавшее въ Москвѣ, Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ, сообщество не принадлежало къ мѣстнымъ жителямъ, а состояло изъ людей пришлыхъ, ничего общаго съ мѣстными рабочими не имѣвшими. Самая незначительная часть членовъ сообщества принадлежала къ мѣстнымъ рабочимъ. Такъ,—въ Москвѣ къ сообществу примкнуло 5 человѣкъ, въ Ивановѣ—ни одного, въ Тулѣ и Кіевѣ по 3 человѣка. Большая часть обвиняемыхъ явилась для пропаганды или изъ Петербурга, или изъ-за границы; таковыхъ 29 человѣкъ, всѣ они принадлежали когда-то къ учащейся молодежи или къ слушательницамъ женскихъ курсовъ. Образовавшееся преступное сообщество имѣло свою опредѣленную программу—уставъ и располагало довольно значительными средствами. Цѣль сообщества ясно выражена въ программѣ. Ею предписывается, устная и путемъ распространенія книгъ, пропаганда среди народа анархическихъ началъ и дѣйствительная агитація къ бунту и вооруженному возстанію. Идеи, проповѣдуемыя членами сообщества, весьма ясно и отчетливо изложены въ книгахъ, рас-

пространявшихся ими среди народа. Отрицаніе религіи, семьи, частной собственности, уничтоженіе всѣхъ классовъ общества путемъ поголовнаго избіенія всего, что выше простого и притомъ бѣднаго крестьянина— вотъ тѣ идеи, которыя положены въ основаніе книжекъ, распространенныхъ въ народѣ. Почти всѣ изъ нихъ оканчиваются воззваніемъ къ вооруженному возстанію. Нѣтъ сомнѣнія, что члены сообщества не имѣли въ виду возбудить народъ къ бунту сейчасъ, немедленно, но точно также ясно, что они имѣли въ виду, путемъ подобной пропаганды, подготовить народъ къ бунту и вызвать таковой въ будущемъ. Вотъ почему всѣ обвиняемые, за исключеніемъ Бѣляевскаго, Трубецкого, Иванова и Сбромірскаго, обвиняются въ совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго 2-мъ отд. ст. 250, и составъ этого преступленія безспорно по настоящему дѣлу доказанъ. Указавъ на непосредственную связь ученія, проповѣдуемаго членами сообщества, съ ученіями интернаціоналовъ; указавъ на особенныя, характеристическія черты, свойственныя только русской пропагандѣ, обвинитель высказалъ нѣсколько соображеній объ общемъ характерѣ и значеніи этого дѣла для русскаго общества; а затѣмъ, въ виду крайняго утомленія послѣ двухдневной рѣчи, просилъ особое присутствіе перейти къ дальнѣйшимъ преніямъ.

По открытіи засѣданія слово было предоставлено защитѣ. Присяжный повѣренный Спасовичъ (защитникъ Георгіевскаго, Джабадари и Вѣры Любатовичъ), установивъ въ началѣ своей рѣчи ту точку зрѣнія, съ которой, по его мнѣнію, нужно было бы судить настоящее дѣло, въ отношеніи подсудимаго Георгіевскаго въ сущности высказалъ, что Георгіевскій--сынъ бѣднаго священника, обремененнаго значительнымъ семействомъ, и сверхъ того неудавшійся студентъ; онъ не былъ въ Цюрихѣ и находился только въ Петербургѣ, толкаясь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ былъ въ технологическомъ институтѣ, но долженъ былъ выйти; былъ въ медико-хирургической академіи, но тоже вышелъ уттуда по недостатку средствъ; онъ бѣдствовалъ до того, что долженъ былъ ночевать въ ночлежныхъ заведеніяхъ; а по пріѣздѣ въ Москву, поставилъ себѣ задачею поступить куда-нибудь слесаремъ на заводѣ Но тутъ встрѣтилось затрудненіе: ему мѣшали бумаги, въ которыхъ онъ назывался студентомъ, а извѣстно, что если студентъ придетъ на фабрику просить простой работы, то на него смотрятъ подозрительно. Вотъ почему онъ прибѣгъ къ преступленію, за которое теперь не можетъ судиться, такъ какъ въ выводахъ обвинительнаго акта это преступленіе не помѣщено: онъ купилъ себѣ за 5 рублей подложный паспортъ, въ которомъ, впрочемъ, назывался собственнымъ именемъ и отчествомъ. Жилъ онъ бѣдно, въ квартирѣ за 6 руб. У него не найдено ни одной книжки, нѣтъ ни одного доказательства въ дѣлѣ, чтобы онъ кому-нибудь читалъ или разсказывалъ книжки; у него въ квартирѣ не было ни сборищъ ни сходокъ, такъ что противъ него есть только двѣ улики, а именно: показаніе Скворцовой, которая будто бы его видѣла въ числѣ тѣхъ людей, которые образовали первоначальный кружокъ и жили въ домѣ Корсакъ, и что его арестовали вмѣстѣ съ другими лицами. Но когда Скворцовой былъ на судѣ предъявленъ Георгіевскій, то она его не признала, слѣдовательно, эта улика падаетъ. Что касается другой улики—ареста Георгіевскаго въ домѣ Корсакъ вмѣстѣ съ другими, то при этомъ арестѣ Георгіевскій заявилъ, что онъ зашелъ купить мебель, но это, очевидно, неправда, потому что у него не было денегъ, и онъ не имѣлъ мѣста, гдѣ уставить мебель. Затѣмъ, онъ назвался Василіемъ Григорьевымъ, и это понятно, потому что онъ былъ застигнутъ врасплохъ, а совѣсть у него не была чиста; онъ жилъ по фальшивому паспорту, слѣдовательно, откровенность для него была неудобна. Онъ зашелъ просто по знакомству съ людьми, съ которыми встрѣ-

чался въ медицинской ака еміи, и которые могли его пригласить. Такимъ образомъ, противъ Георгіевскаго нѣтъ ни одной данной для обвиненія его въ принадлежности къ противозаконному сообществу, если не смѣшивать простое знакомство съ членами сообщества съ самимъ сообществомъ. Но, когда онъ былъ посаженъ въ тюрьму, онъ явился членомъ сообщества. Но это сообщество было не революціонное, а тюремное; въ такого рода сообщество вступитъ всякій отъ скуки и бездѣлья, по единству интересовъ заключенія. Если бы упрекать Георгіевскаго за то, что, содержась подъ стражей, онъ вступилъ въ политическое сообщество, то это обвиненіе было бы невѣрно. Содержась въ тюрьмѣ, онъ имѣлъ не революціонныя цѣли, а гораздо ближайшую цѣль—выйти изъ тюрьмы. Такимъ образомъ, въ его сношеніяхъ не можетъ быть и рѣчи объ образованіи политическаго заговора: сидя въ тюрьмѣ, онъ не могъ замышлять о ниспроверженіи государства. По этимъ основаніямъ защитникъ выразилъ надежду, что Георгіевскій, какъ попавшій въ это дѣло случайно и ничѣмъ не уличаемый, будетъ оправданъ. Въ отношеніи подсудимаго Джабадари защитникъ прежде всего доказывалъ, будто бы не существовало того противозаконнаго сообщества, которое разумѣетъ законъ; что это былъ кружокъ единомышленниковъ, а не тайное сообщество людей, имѣющихъ одну цѣль, которую они рѣшились осуществить общими средствами. Къ Джабадари не можетъ быть отнесенъ ни одинъ изъ признаковъ, указанныхъ въ обвинительномъ актѣ: онъ не получалъ денегъ изъ общественныхъ суммъ, не имѣлъ клички, не разносилъ книжекъ, не обладалъ шифромъ, и во всемъ дѣлѣ нѣтъ ни одного его письменнаго документа. Противъ него могутъ быть выставлены только двѣ улики: 1. арестованіе его въ домѣ Корсакъ, необъявленіе своей фамиліи и 2. показаніе Скворцовой. Но арестованіе могло случиться вслѣдствіе простого знакомства фамилію же свою не открывалъ онъ лишь до облеченія его допроса, по его мнѣнію, въ законную форму. Изъ показанія Скворцовой нельзя вывести ничего обвиняющаго. Она говоритъ, что Джабадари поселился въ домѣ Костомарова и далъ 5 руб. на покупку мебели. Это доказываетъ только, что онъ нѣкоторое время долженъ былъ оставаться на этой квартирѣ. Она говоритъ, что онъ привезъ чемоданъ съ книгами, который, по указанію Васильева, куда-то отправилъ изъ квартиры. Но неизвѣстно, какія это были книги. Переходя къ обвиненію Джабадари въ распространеніи преступныхъ сочиненій, защитникъ выразилъ, что ст. 251 улож. о наказ. обязываетъ судъ разобрать содержаніе распространяемыхъ книжекъ и опредѣлить ихъ значеніе, но какія книжки передавалъ Джабадари—этотъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ. Противъ него приводится только, что онъ былъ въ трактирѣ съ рабочими тюляевской фабрики, приглашенными сюда Филатомъ Егоровымъ; но, по словамъ свидѣтелей—Ермолаева, Зотова и Игнатова, въ трактирѣ сидѣлъ неизвѣстный имъ черный человѣкъ, не изъ русскихъ, который угощалъ ихъ и говорилъ съ ними о предметахъ, самыхъ обыденныхъ. На фабрикахъ Джабадари не работалъ, своихъ идей въ пропаганду не вносилъ, и если вертѣлся около рабочихъ, то имѣлъ видъ человѣка, лишь знакомящагося съ бытомъ крестьянина. Если въ средѣ этого сообщества можетъ находиться человѣкъ, подобный писавшему то письмо, съ котораго копія найдена у Цвиленева, человѣкъ, который убѣжденъ, что всѣ эти революціонныя книжки нужно бросить въ печь, — такой человѣкъ, пойдя въ народъ, конечно, пойдетъ только затѣмъ, чтобы просто ознакомиться съ его бытомъ. Но изъ этого нельзя выводить виновности въ пропагандѣ. Въ отношеніи обвиненія Вѣры Любатовичъ, въ покушеніи на убійство помощника надзирателя Федорова, защитникъ замѣтилъ, что это обвиненіе совершенно не подтвердилось судебнымъ слѣдствіемъ. Она обвиняется еще въ распростра-

ненiи преступныхъ книжекъ, но ни въ обвинительномъ актѣ ни въ рѣчи прокурора не было указано никакихъ данныхъ для этого обвиненія. Говорится только, что она жила на одной квартирѣ съ Циціановымъ, гдѣ былъ найденъ складъ различныхъ книжекъ; но ничѣмъ не доказано, чтобы она кому-нибудь давала книжки. Въ отношеніи обвиненія В. Любатовичъ въ организаціи сообщества, защитникъ, между прочимъ, замѣтилъ, что она женщина весьма молодая, бойкая, дѣятельная, побывавшая во множествѣ разныхъ мѣстъ, вслѣдствіе чего могло произойти заключеніе, что она имѣла участіе если не въ организаціи сообщества, то, по крайней мѣрѣ, въ общеніи съ членами сообщества. Она несовершеннолѣтняя: только 26 іюля 1875 года ей исполнилось 21 годъ, была больна и за-границу отправлена врачемъ. Въ дѣлѣ нѣтъ указаній о томъ, что она дѣлала за-границей. Возвращаясь оттуда, она вмѣстѣ съ сестрой была арестована на границѣ, по подозрѣнію въ провозѣ писемъ, и отправлена въ Черниговъ. Освобожденная въ мартѣ 1875 года и вновь арестованная въ августѣ, она въ этотъ короткій промежутокъ времени успѣла пожить и въ домѣ Костомарова, и въ домѣ Эйнбродтъ, и вмѣстѣ съ Циціановымъ въ домѣ Толстой, и, наконецъ, была взята въ нумерахъ гостинницы «Украйна». Сверхъ того, противъ нея представляется множество и письменныхъ документовъ, изъ которыхъ главнѣйшій есть приписка отъ 26-го іюля 1875 года въ письмѣ отъ 19 іюля. Разобравъ въ подробности значеніе и смыслъ этой приписки, защитникъ находилъ, что она можетъ указывать только на степень участія Любатовичъ въ организаціи, но онъ полагалъ, что особое присутствіе не поставитъ подсудимой во главѣ этой преступной организаціи и не припишетъ ей первенствующаго значенія, котораго въ дѣйствительности она не имѣла. Затѣмъ онъ указывалъ на нѣкоторыя обстоятельства, которыя могутъ быть, по его выраженію, даже непріятными для самой подсудимой, а именно,—что она въ своихъ показаніяхъ желаетъ придать себѣ больше значенія, нежели въ дѣйствительности имѣла. Но тутъ необходимо принять во вниманіе ея возрастъ и полъ. «Относительно возраста,—сказалъ г. Спасовичъ,—я не думаю, чтобы равноправность можно было довести до уровня всѣхъ возрастовъ. Остается неравноправность уголовная: кто больше молодъ, тотъ будетъ нести отвѣтственность гораздо меньше, и только это справедливо. Относительно же пола, я позволю себѣ высказать, что, по моимъ понятіямъ, слѣдуетъ смотрѣть на женщинъ съ нѣкоторою снисходительностью, и, при равныхъ условіяхъ виновности, невозможно допустить, чтобы мужчина и женщина были одинаково наказуемы». Присяжный повѣренный Ольхинъ (защитникъ Фигнеръ, Лукашевича, Топорковой, Владимира Александрова, Млодецкаго и Злобина) высказалъ относительно Лукашевича, что противъ него, по обвинительному акту и въ рѣчи прокурора, выставлены уликами только слѣдующія данныя: что онъ былъ арестованъ въ домѣ Корсакъ; что жилъ по подложному паспорту; что Скворцова называла его Иваномъ Ивановичемъ и указывала какъ на лицо, приходившее къ ея жильцамъ въ гости; что онъ жилъ съ Агаповымъ, которому, по его словамъ, читалъ книжку. Въ опроверженіе этихъ уликъ, защитникъ прежде всего изложилъ разсказъ самого Лукашевича на судебномъ слѣдствіи о томъ, что по пріѣздѣ его въ Москву онъ не имѣлъ средствъ, занимался перепискою и былъ вынужденъ пойти въ рабочіе, для чего добылъ себѣ фальшивый паспортъ. Изъ экономіи и просто случайно онъ поселился на квартирѣ вмѣстѣ съ Агаповымъ, который былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ и познакомилъ съ ними Лукашевича; этотъ послѣдній ходилъ на квартиру Скворцовой съ намѣреніемъ добыть себѣ болѣе выгодную работу. Въ одно изъ такихъ посѣщеній его арестовали вмѣстѣ съ другими. По мнѣнію защитника, подобнаго рода арестъ не можетъ быть

уликою,—онъ пришелъ туда просто, какъ знакомый; оговоръ противъ него со стороны Агапова ничѣмъ не подтвердился, и самъ Агаповъ на судебномъ слѣдствіи снялъ оговоръ. Онъ говорилъ на дознаніи, что Лукашевичъ читалъ ему «Емельку Пугачева», но въ подтвержденіе этого нѣтъ ни свидѣтелей ни какихъ-нибудь другихъ данныхъ. Оговоръ Агапова объясняется желаніемъ вырваться изъ-подъ стражи, и, дѣйствительно, онъ былъ освобожденъ послѣ даннаго имъ показанія. Въ защиту Топорковой г. Ольхинъ прочиталъ ея показанія на судебномъ слѣдствіи и доказывалъ справедливость и естественность этого разсказа, а именно,—что она была въ Иваново-Вознесенскѣ съ единственною цѣлью изучить на практикѣ бытъ рабочихъ. Что касается до ея знакомства съ членами сообщества, то съ Александровымъ ее познакомила Фигнеръ только за два дня до поѣздки въ Иваново, а съ Агаповымъ она встрѣтилась лишь на станціи Новки, по пути въ Иваново-Вознесенскъ. Собственно эта поѣздка не составляетъ никакой улики, потому что никому не воспрещается поѣхать въ Иваново-Вознесенскъ; точно также наблюденіе за рабочимъ движеніемъ, по мнѣнію защитника, не можетъ быть поставлено въ улику и не составляетъ никакого преступленія. Въ Ивановѣ она не поступала на фабрику, никому не давала революціонныхъ книжекъ и не сдѣлала рѣшительно ничего для пропаганды. Она избрала роль стряпухи, чтобы имѣть возможность наблюдать за жизнью рабочихъ и стоять въ сторонѣ. Что касается обвиненія въ распространеніи революціонныхъ книгъ, а именно,—въ передачѣ «Хитрой механики» и трехъ номеровъ газеты «Впередъ» Жарковскому, то она передала ихъ завернутыми въ узлѣ и не знала, что это были революціонныя сочиненія. Относительно Злобина защитникъ объяснилъ, что изъ письма 19-го іюля, на которомъ основывается все обвиненіе Злобина, вовсе не видно, чтобы онъ былъ членомъ организаціи, а, напротивъ, о немъ говорится какъ о человѣкѣ, котораго еще нужно залучить въ сообщество. Такъ, въ письмѣ сказано, что Злобина могутъ перетянуть. Значитъ, Злобинъ не принадлежалъ ни къ какой компаніи пропагандистовъ, и, имѣя вліяніе между рабочими, онъ былъ такимъ человѣкомъ для пропагандистовъ, котораго они желали привлечь къ себѣ и боялись, чтобы его не перетянули. Если ему были извѣстны нѣкоторыя изъ лицъ, обвиняемыхъ въ сообществѣ, то изъ этого нельзя дѣлать заключенія, чтобы самъ Злобинъ былъ не просто ихъ знакомымъ, а участникомъ, сочленомъ. Свидѣтель Введенскій показалъ, что Злобинъ никакихъ книжекъ не распространялъ, не агитировалъ среди рабочихъ и былъ такимъ отличнымъ работникомъ, что его хотѣли сдѣлать помощникомъ механика. Слѣдовательно, ему и некогда было заниматься пропагандой. Относительно Млодецкаго защитникъ указалъ, что письмо его къ Злобину, которое выставляется уликою въ принадлежности его къ сообществу, писано имъ подъ диктовку Подгородецкаго, слѣдовательно, уликою служить не можетъ. То обстоятельство, что онъ ходилъ за деньги по просьбѣ Хоржевской, есть не болѣе, какъ простая услуга; если и допустить, что деньги принадлежали общественной кассѣ, то и тогда Млодецкій не можетъ быть обвиняемъ въ принадлежности къ противозаконному сообществу, такъ какъ онъ зналъ только, что деньги эти составляютъ собственность Хоржевской. Что касается поддѣлки паспортовъ, то эксперты признали сходство съ почеркомъ Млодецкаго только въ четырехъ буквахъ, и на вопросъ защитника, признаютъ ли они это сходство настолько значительнымъ, чтобы признать паспорты написанными рукою Млодецкаго, эксперты отвѣтили отрицательно. По обвиненію его въ распространеніи революціонныхъ книжекъ, есть только одно показаніе свидѣтельницы Драгуновой, но оно настолько неудовлетворительно, что на немъ невозможно основывать обвиненіе. Драгунова говоритъ, что къ Подгородецкому при-

ходили Шаремскій и Петровъ, и что отъ Подгородецкаго она слышала, что онъ получилъ отъ нихъ книжки. Но, во-первыхъ, Млодецкій не назывался Шаремскимъ, а, во-вторыхъ, изъ показанія свидѣтельницы не видно, кто именно изъ указанныхъ ею двухъ лицъ давалъ Подгородецкому книжки. Что касается другихъ обвиняемыхъ, которые во всемъ сознались и приняли на себя полную отвѣтственность за всѣ свои дѣянія, то каждый изъ нихъ заявилъ защитнику, что не желаетъ защиты съ фактической стороны. Относительно этихъ подсудимыхъ, защитникъ указалъ лишь на ихъ искренность и чистосердечное сознаніе. Присяжный повѣренный Хартулари (защитникъ подсудимаго Кардашева) высказалъ относительно уликъ противъ него, что въ 1863 году онъ поступилъ въ школу кавказскихъ межевщиковъ вмѣстѣ съ Чекоидзе, и тамъ между ними возникли дружескія отношенія, которыя не прерывались до настоящаго времени, несмотря на то, что Кардашевъ разстался съ Чекоидзе въ 1871 году, окончивши ранѣе его курсъ наукъ; а затѣмъ въ 1873 году онъ уѣхалъ въ Дрезденъ для окончанія образованія въ тамошней политехнической школѣ. Спустя почти два года, а именно въ январѣ 1875 г., къ нему совершенно неожиданно пріѣхалъ Чекоидзе, возвращавшійся изъ Парижа въ Россію. Чекоидзе, пріѣхавшій въ Москву раньше Кардашева, поселился въ квартирѣ общины, какъ членъ ея; а затѣмъ, когда узналъ о пріѣздѣ Кардашева, котораго, какъ постороннее лицо, онъ не могъ привести въ квартиру общины, но желая провести съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько дней, какъ съ другомъ дѣтства, переѣхалъ самъ къ нему въ гостинницу Шалдышева и отдалъ въ прописку свой паспортъ. На основаніи данныхъ, добытыхъ дознаніемъ, защитникъ вывелъ слѣдующія положенія: во-1-хъ, Кардашевъ былъ человѣкъ со средствами, по наслѣдству послѣ отца; 2. онъ имѣлъ опредѣленныя занятія, преслѣдовалъ чисто научныя цѣли въ качествѣ студента дрезденской политехнической школы, каковымъ состоялъ до дня ареста; 3. отношенія Кардашева къ обвиняемому Чекоидзе были не болѣе, какъ отношенія дружескія по школѣ межевщиковъ, а не вслѣдствіе какой-либо политической цѣли; 4. Кардашевъ прибылъ въ Москву одинъ, безъ Чекоидзе, пріѣхавшаго ранѣе, и не въ мартѣ 1875 г., какъ удостовѣряла обвинительная власть, а 25 или 26 февраля; 5. Кардашевъ выѣхалъ обратно изъ Москвы въ Дрезденъ въ первой половинѣ марта мѣсяца того же года, задолго до ареста Чекоидзе, послѣдовавшаго лишь 4 апрѣля и котораго Кардашевъ предвидѣть не могъ. Что касается отобранной у Кардашева записной книжки, которая въ глазахъ прокурора составляетъ весьма сильную улику противъ подсудимаго, то защитникъ полагаетъ, что подсудимый, ведя свои ежедневныя замѣтки о всемъ сдѣланномъ и затраченномъ, преслѣдовалъ одну только цѣль экономическую. Въ противномъ случаѣ онъ имѣлъ бы полную возможность, если не уничтожить самую книжку, то по крайней мѣрѣ стереть написанное карандашемъ все, сколько-нибудь его компрометирующее. Одинъ фактъ существованія переписки Кардашева можетъ служить только доказательствомъ его знакомства съ революціонерами; но одного знакомства, безъ всякаго дѣйствія, въ которомъ выразилась бы солидарность политическаго убѣжденія съ ними, не можетъ быть достаточнымъ для обвиненія его въ участіи въ политическомъ преступленіи. Что касается второго пріѣзда Кардашева въ Москву въ іюлѣ 1875 г., то онъ пріѣхалъ съ цѣлью взять Чекоидзе на поруки. Кардашевъ зналъ изъ анонимнаго письма, что Чекоидзе былъ арестованъ по политическому дѣлу; онъ зналъ также и объ опасности, угрожавшей ему, какъ человѣку близко знакомому съ Чекоидзе, но несмотря на это поѣхалъ въ Москву. Это могъ сдѣлать только человѣкъ, котораго умственныя способности не въ нормальномъ состояніи, или же который проникнутъ намѣреніями, не имѣвшими

никакого преступнаго характера, каковымъ и является Кардашевъ. По указанію анонимнаго письма, онъ отыскалъ Гамкрелидзе въ гостинницѣ «Україна», чтобы получить болѣе подробныя свѣдѣнія о причинахъ ареста Чекоидзе. Въ теченіе двухъ недѣль онъ узналъ, что попытка его въ отношеніи Чекоидзе не можетъ имѣть успѣха и собирался возвратиться въ Дрезденъ. Посѣщая Гамкрелидзе, онъ познакомился тамъ съ Зидгенидзе (князь Цицiановъ), Вѣрою Любатовичъ и другими; тамъ онъ и былъ арестованъ. Условія, при которыхъ онъ былъ задержанъ, и поведеніе его во время ареста, удостовѣренныя свидѣтелями, таковы, что не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что для него было совершенно чуждымъ дѣло преступнаго сообщества. Придя въ номеръ, онъ не обратился въ бѣгство, не оказалъ никакого сопротивленія и по первому предложенію полиціи предъявилъ свой паспортъ, указалъ свою квартиру и даже просилъ произвести въ ней обыскъ съ цѣлью сохранить бывшія у него деньги. Содержась подъ арестомъ и ожидая со дня на день своего освобожденія, онъ получилъ отъ Цицiанова просьбу сообщить въ Одессу о томъ, что онъ и Вѣра Любатовичъ арестованы, причемъ Цицiановъ сообщилъ ему одинъ изъ шифровъ: «Эй, Ѳомичъ». Но надежда на освобожденіе погибла, и Кардашевъ, воспользовавшись случаемъ, отправилъ письмо, желая исполнить просьбу Цицiанова. Если бы Кардашевъ былъ членомъ московскаго революціоннаго кружка, то, зная секретные адресы квартиръ кружка, онъ не остановился бы, какъ въ свой первый, такъ и во второй рискованный пріѣздъ въ Москву, сначала въ гостиницѣ Шевальдышева, а потомъ въ гостинницѣ Мамонтова, но проживалъ бы въ квартирахъ общины. Относительно обвиненія Кардашева въ томъ, что онъ былъ кассиромъ сообщества, защитникъ поддерживалъ правдивость объясненія подсудимаго, а именно, что деньги, найденныя въ его квартирѣ, даны ему лицомъ, которое онъ не желаетъ назвать, съ единственною цѣлью внести за Чекоидзе залогъ, а билетъ Тумановой въ 1100 рублей находился у него въ обезпеченіе ссуды, сдѣланной имъ Гамкрелидзе.

Прис. пов. Люстигъ (защитникъ Екатерины Гамкрелидзе) указалъ прежде всего на то, что отъ обвиненія подсудимой въ распространеніи книгъ, возбуждающихъ къ бунту, прокуроръ отказался, и, такимъ образомъ, остается обвиненіе ее только въ участіи въ противозаконномъ сообществѣ. Уликами въ этомъ отношеніи представляются, во-первыхъ, переводъ шифрованнаго письма, сдѣланный будто-бы ею; но вслѣдствіе показанія экспертовъ обвинитель не поддерживаетъ этой улики. Сверхъ того, въ то время, когда переводъ письма долженъ былъ быть сдѣланъ въ Москвѣ, подсудимая находилась въ Петербургѣ. Второю уликою является ея фиктивный бракъ съ Гамкрелидзе. Защитникъ доказывалъ, что бракъ этотъ былъ вовсе не фиктивный, и приводилъ показанія свидѣтелей, что супруги жили вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, доказывать фиктивность или дѣйствительность этого брака невозможно и безцѣльно. Передача ею билета въ 1100 руб. Кардашеву защитникъ объяснялъ показаніями Кардашева и Гамкрелидзе о томъ, что билетъ служилъ Кардашеву обезпеченіемъ долга Гамкрелидзе. Что касается записи въ памятной книжкѣ Кардашева о выдачѣ 40 рублей на свадьбу, то эта запись, по объясненію защитника, не относится къ настоящему дѣлу, такъ какъ изъ показанія священника, вѣнчавшаго Гамкрелидзе, видно, что деньги платилъ Цицiановъ, а не Кардашевъ, который при вѣнчаніи даже не присутствовалъ. Невозможность цѣли этого брака, доказываемой прокуроромъ, обнаруживается изъ того, что мать подсудимой настолько любитъ свою дочь, что никогда ей ни въ чемъ не отказывала, и для того, чтобы получить свой билетъ въ 1100 рублей, ей вовсе не нужно было устраивать фиктив-

наго брака, а было бы достаточно спросить его у матери. Что касается пребыванія ея въ Ивановѣ, то она явилась туда только за три дня до арестовъ въ домѣ Кисина; она не была ни на одной изъ фабрикъ, ни одной книжки никому не передавала и не читала. Она была знакома съ Фигнеръ и пріѣхала только къ ней. Если Фигнеръ и другія лица, жившія въ домѣ Кисина, занимались пропагандой, то Гамкрелидзе не могла ничего знать о ихъ дѣятельности. Затѣмъ защитникъ, на основаніи содержанія программы сообщества, объяснялъ, что Гамкрелидзе не удовлетворяла требованіямъ этой программы, а потому заключилъ, что она не можетъ быть признана виновною въ принадлежности къ противозаконному сообществу. Прис. пов. Боровиковскій (защитникъ Баринова) указалъ, что подсудимый обвиняется въ передачѣ одной книжки Бурову и въ покушеніи дать книжку Корнюхину. Но Корнюхинъ показалъ на судѣ, что когда его уговаривали ѣхать въ Тулу, Бариновъ молчалъ; что книгъ онъ ему никакихъ не давалъ. Такимъ образомъ, это обвиненіе падаетъ само собою. Затѣмъ свидѣтель Яковлевъ, землякъ Баринова, говоритъ, что онъ далъ ему книжку по совѣту Николая Васильева, но на предварительномъ слѣдствіи свидѣтель говорилъ наоборотъ. Свидѣтель Прокофій Бариновъ, братъ подсудимаго, показалъ, что бралъ книжки изъ сундука брата самъ, по праву старшинства. Свидѣтельница Скворцова признала Баринова, приходившаго въ ея квартиру, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявила, что не считала его въ компаніи ея жильцовъ. Затѣмъ удостовѣрено, что въ домѣ Корсакъ Бариновъ не жилъ; онъ проживалъ въ Ивановѣ въ домѣ Кисина, но и оттуда ушелъ добровольно на родину. Свидѣтель Гуровъ удостовѣрилъ, что никакихъ разговоровъ отъ Баринова не слыхалъ. Вообще, противъ Баринова не представляется никакихъ уликъ въ распространеніи революціонныхъ книжекъ. Прис. пов. Полетаевъ (защитникъ Ковалева) высказалъ затруднительность своего положенія въ виду того, что положеніе Ковалева является двойственнымъ: поведеніе его на судѣ и во время дознанія. Разсказавъ показаніе Ковалева, сдѣланное имъ на дознаніи, защитникъ указалъ на то, что отношеніе Ковалева къ остальнымъ подсудимымъ слишкомъ косвенное, что онъ не имѣлъ тѣсной съ ними связи, изъ чего можно заключить ,что онъ вовсе не зналъ о существованіи сообщества. Давая очень нескладное показаніе на судѣ, Ковалевъ вызвалъ даже смѣхъ другихъ подсудимыхъ; но если бы онъ имѣлъ съ ними близкую связь, то эти люди не смѣялись бы надъ нимъ. Далѣе защитникъ указалъ на то, что Ковалевъ не знаетъ грамотѣ, и если ему давали революціонныя книжки и онъ передалъ ихъ какимъ-то сапожникамъ и Матвѣеву, то вовсе не сознавая ихъ преступности. Затѣмъ онъ указалъ на заявленіе подсудимаго въ полицію, какъ на такое обстоятельство, которое по закону достаточно для того, чтобы подсудимому была оказана пощада. Если же онъ на судѣ измѣнилъ свое поведеніе, то нужно принять во вниманіе его положеніе: онъ открылъ всѣхъ сообщниковъ, они были арестованы и, понятно, что ему стало больно, что онъ донесъ на нихъ. Подъ вліяніемъ этого тяжелаго чувства онъ сказалъ не то, что говорилъ прежде. Прис. пов. Зубаревъ (защитникъ Ольги Любатовичъ, Хоржевской, Медвѣдевой и Гельфманъ) высказалъ, что Гельфманъ занимаетъ въ настоящемъ дѣлѣ положеніе, рѣзко отличающееся отъ положенія большинства другихъ подсудимыхъ. Она обвиняется въ принадлежности къ тайному сообществу единственно на томъ основаніи, что на нее адресовались письма лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не отрицаютъ своей принадлежности къ сообществу. Но всѣ письма и телеграммы адресовались на Гельфманъ для передачи другимъ лицамъ, и въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы ей самой были извѣстны шифры и содержаніе писемъ. По обыску у нея не

найдено ни запрещенныхъ книгъ ни какихъ-либо документовъ, которыя указывали бы на принадлежность ея сообществу. Такимъ образомъ, ей ставится въ вину только то, что она, будучи знакома съ Хоржевскою, исполнила ея просьбу—быть посредницею при передачѣ писемъ. Сверхъ того, ее обвиняютъ въ томъ, что квартира ея служила мѣстомъ сходокъ членовъ сообщества. Но изъ показанія хозяйки квартиры видно, что никакихъ сборищъ въ квартирѣ Гельфманъ не было; приходили только три-четыре человѣка студентовъ и студентокъ, ея личныхъ знакомыхъ, но что они говорили между собою—ей неизвѣстно. Но изъ того, что она была знакома съ Хоржевской и Ольгою Любатовичъ и оказала имъ самую обыкновенную услугу въ передачѣ писемъ, по мнѣнію защитника, невозможно дѣлать заключенія о ея принадлежности къ тайному сообществу. Въ дѣлѣ есть указаніе, что, кромѣ квартиръ Гельфманъ и Медвѣдевой, подсудимые имѣли цѣлый рядъ лицъ, на имя которыхъ можно было бы адресовать письма, но никто изъ нихъ не привлеченъ къ этому дѣлу. Медвѣдева стоитъ въ томъ же положеніи, какъ и Гельфманъ, съ тою лишь разницею, что обвиненіе не говоритъ, чтобы квартира ея была мѣстомъ сборища. Изъ откровеннаго ея признанія на судѣ оказывается, что она была знакома только съ Кикодзе и Любатовичъ. Заявленіе это было подтверждено опросомъ другихъ подсудимыхъ, которые заявили, что не знаютъ Медвѣдевой. Въ доказательство сего защитникъ привелъ показанія свидѣтелей и различные документы. Относительно письма, писаннаго Медвѣдевою изъ тюрьмы, защитникъ сослался на объясненіе Спасовича, что въ тюрьмѣ Медвѣдева, какъ и многіе другіе, вошла въ составъ общества, но не того, которое преслѣдуетъ прокуроръ, а общества, возникшаго въ тюрьмѣ между заключенными, которое имѣло цѣлью только достиженіе личнаго освобожденія, а не ниспроверженія государственнаго порядка. Такимъ образомъ, ни Гельфманъ ни Медвѣдева не могутъ быть признаны членами тайнаго сообщества, и если въ ихъ дѣйствіяхъ можно усмотрѣть что-нибудь, то это только неосторожность и неумѣстность принятія на себя опаснаго порученія.—Относительно Ольги Любатовичъ и Хоржевской защитникъ сказалъ, что обѣ подсудимыя уполномочили его заявить суду, что онѣ не находятъ нужнымъ отрицать участія въ томъ тайномъ сообществѣ, въ принадлежности къ которому ихъ обвиняютъ. Но, тѣмъ не менѣе, защитникъ доказывалъ, будто бы не только не существовало организаціи этого сообщества, но даже отрицалъ и существованіе общинъ въ Кіевѣ и Тулѣ, на томъ основаніи, что Хоржевская въ Кіевѣ и Ольга Любатовичъ въ Тулѣ находились столь короткое время, что не могли организовать общины, для принятія въ члены которой было необходимо, по программѣ, испытаніе и другія условія. Прис. пов. Борщовъ (защитникъ Едуковыхъ и Куракова) указалъ прежде всего на то, что прокуроръ при разсмотрѣніи дѣла по тульской группѣ отказался отъ показанія Елизаветы Медвѣдевой по отношенію къ Куракову и отъ показанія Щукина по отношенію къ Едукову, такъ что обвиненіе опирается только на оговоръ Ковалева и на показаніе свидѣтеля Дорогова о томъ, что у Фегисова собирались Едуковы и что они жили въ квартирѣ Ольги Любатовичъ; наконецъ, на показаніи Матвѣева о томъ, что Кураковъ укорялъ его за то, что онъ убѣдилъ Ковалева донести. Хотя при этомъ прокуроръ сдѣлалъ оговорку, что онъ не настаиваетъ на обвиненіи Куракова въ принадлежности къ тайному сообществу и проситъ признать виновнымъ только въ недонесеніи, но тѣмъ не менѣе защитникъ счелъ нужнымъ еще доказывать невѣрность всякаго рода показаній Ковалева противъ Куракова. Въ заключеніе защитникъ сказалъ, что изъ выраженій упрека, сдѣланнаго Кураковымъ Матвѣеву, никакъ нельзя вывести того заключенія, чтобы Кураковъ зналъ о существованіи сообще-

ства—онъ могъ упрекнуть просто по своей добротѣ, по чувству человѣколюбія. Въ отношеніи Едуковыхъ—изъ увѣдомленія воронежскаго жандармскаго офицера видно, что Едуковы занимались слесарною работою и вели себя хорошо. Когда работа уменьшилась, то сначала Иванъ, а потомъ Николай перебрались въ Тулу и работали здѣсь въ паровозной мастерской; по приглашенію Сидоренко, оба Едуковы переѣхали къ нему на квартиру, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ Ольгою Любатовичъ. Это было въ августѣ, а въ началѣ сентября, когда Николай вернулся изъ Воронежа, куда онъ ѣздилъ за своими вещами, то вечеромъ того же дня они были арестованы. Что касается оговора Ковалева, что будто бы Сидоренко отзывался о нихъ, какъ о людяхъ, которые будутъ дѣлать общее дѣло, то, если бы это и было справедливо, все-таки это есть только личное мнѣніе Сидоренко, который могъ видѣть въ Едуковыхъ будущихъ дѣятелей сообщества, но, по мнѣнію защитника, это не можетъ служить уликою въ принадлежности Едуковыхъ къ сообществу. Изъ показанія Дорогова нельзя вывести заключенія о томъ, что именно читалось въ квартирѣ Фетисова въ присутствіи Едуковыхъ. На квартиру къ Махоткиной они перешли просто потому, что Сидоренко обошелся съ ними ласково, а они желали знаній и хотѣли коечему поучиться. Указавъ на короткое время знакомства Едуковыхъ съ пропагандистами и на нѣкоторыя другія соображенія, защитникъ пришелъ къ заключенію, что Едуковы не только не принадлежали къ составу сообщества, но даже не знали о его существованіи.—Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Нечаевъ (защитникъ Фетисова и Сидорацкаго), разсказавъ вначалѣ біографію Фетисова, объяснилъ, что, по показанію Дорогова, въ квартирѣ Фетисова были разговоры и читались разныя книжки, но ни въ этихъ разговорахъ ни въ книжкахъ онъ ничего особеннаго не замѣтилъ. Поселившись съ Сидорацкимъ, который просилъ учить его слесарному мастерству, на заводѣ въ селѣ Панино, въ одной квартирѣ вмѣстѣ съ рабочими Шильниковымъ и Кукинымъ, Фетисовъ продолжалъ заниматься работою. Оба свидѣтеля, Шильниковъ и Кукинъ, показали, что ничего особеннаго ни отъ Фетисова ни отъ Сидорацкаго не слыхали. Только разъ какъ-то Фетисовъ разсказывалъ сказку «О четырехъ братьяхъ». Но сказка эта состоитъ изъ четырехъ частей, изъ которыхъ, какъ можно заключить по показаніямъ свидѣтелей, Фетисовъ разсказывалъ первую часть, которая не заключаетъ въ себѣ ничего противозаконнаго. Указавъ далѣе на то, что Фетисовъ не подходитъ ни къ одному изъ признаковъ, характеризующихъ, по словамъ прокурора, пропагандиста, защитникъ относительно другихъ уликъ объяснилъ, что, если Фетисовъ говорилъ съ Дороговымъ о трудностяхъ рабочей жизни и сочувственно относился къ рабочимъ, то это не можетъ быть поставлено въ улику, потому что, по мнѣнію защитника, кто стоитъ за народъ, тотъ стоитъ за правительство. Что касается знакомства его съ Злобинымъ, то знакомство это въ Петербургѣ ничѣмъ въ дѣлѣ не доказано, а изъ знакомства съ нимъ въ Тулѣ нельзя выводить обвиненія, такъ какъ Злобинъ вовсе не былъ ни бунтовщикомъ ни революціонеромъ и не раздавалъ возмутительныхъ книжекъ. Нахожденіе адреса Фетисова у Хоржевской ничего не доказываетъ, потому что записала адресъ Хоржевская, а не Фетисовъ. Его могли намѣтить и записать его адресъ—въ этомъ онъ не при чемъ. Можетъ быть, и Ковалеву пропагандисты говорили, что хорошо было бы привлечь Фетисова въ свою партію, но Ковалевъ, желая показать больше того, нежели слышалъ, сказалъ только въ формѣ предположенія, что Фетисовъ находился въ сношеніяхъ съ пропагандистами. Такимъ образомъ, нѣтъ ни одной улики, на основаніи которой Фетисова можно было бы обвинить въ принадлежности къ противозаконному сообществу. Что касается ареста Фетисова въ квартирѣ

Любатовичъ, то и это пребываніе его въ квартирѣ объясняется весьма естественно тѣмъ, что онъ былъ хорошъ съ Едуковыми, съ которыми находился въ постоянныхъ сношеніяхъ. Сьерхъ того пропагандисты стремились привлечь его къ своей дѣятельности и сначала старались расположить его къ себѣ. Онъ явился къ нимъ въ первый разъ, и такъ неудачно, что былъ арестованъ. Что касается подсудимаго Сидорацкаго, то прокуроръ отказался отъ обвиненія его въ распространеніи противозаконныхъ книжекъ и находитъ въ отношеніи принадлежности къ сообществу, что онъ былъ сбитъ съ толку другими и дѣйствовалъ безъ разумѣнія. Дѣйствительно, это сообщество представляло тѣсный союзъ людей, соединившихся для достиженія противоправительственныхъ цѣлей, а потому имъ нужно было быть крайне осторожнымъ: невозможно допустить, чтобы они Сидорацкому—этому 16-тилѣтнему мальчику—довѣрили свою тайну. Можетъ быть, члены сообщества имѣли его въ виду для будущаго, и, желая выработать изъ него пропагандиста, помѣстили его сначала въ среду рабочихъ и дали фальшивый паспортъ, воспользовавшись его юношескими стремленіями къ самостоятельности. Въ Тулѣ и Панино, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей, Сидорацкій не заявилъ себя ни малѣйшимъ подозрительнымъ дѣйствіемъ, онъ не сдѣлалъ ничего предосудительнаго. Въ квартиру Любатовичъ онъ явился изъ Панино, и если въ его сакъ-вояжѣ нашлись книги, то потому, что Петровъ ихъ сунулъ ему, и обвинитель не придаетъ никакого значенія этой уликѣ.—Прис. пов. Коршъ (защитникъ Воронкова и Острова). Приведя разсказъ Воронкова о его семейномъ положеніи и причинахъ пріѣзда въ Кіевъ, гдѣ разсчитывалъ получить какія-нибудь занятія черезъ пріятеля своего, Подгородецкаго, защитникъ указалъ далѣе, что Подгородецкій оказался самъ безъ денегъ, безъ занятій и больной, съ одною надеждою получить мѣсто сельскаго учителя. Тогда Воронковъ отправился въ Бѣлую-Церковь, но черезъ мѣсяцъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ опять не нашелъ подходящихъ занятій. Когда деньги вышли, онъ снова поступилъ на вокзалъ работать въ кузницѣ, и работалъ до самаго ареста. Такимъ образомъ, во всей его жизни нѣтъ времени, въ которое онъ могъ бы заниматься пропагандою, и, дѣйствительно, ничего объ этомъ не обнаружено. Далѣе защитникъ утверждалъ, что Хоржевская, пробывъ въ Кіевѣ отъ конца іюля по 9-е сентября, не могла въ такое короткое время организовать общины, а изъ сего защитникъ выводилъ заключеніе, что Воронковъ не могъ принадлежать къ тайному сообществу. Что касается квартиры у Котикова, гдѣ Воронковъ жилъ съ какою-то женщиною и ея мужемъ, то обвиненіе ставитъ ему это въ улику, считая мужа и жену членами сообщества, такъ какъ они скрылись изъ квартиры въ ту ночь, когда былъ арестованъ Воронковъ. Но въ дѣлѣ есть свѣдѣніе, что Воронковъ тотчасъ послѣ ареста просилъ отправиться къ нему въ квартиру, но въ этомъ ему было отказано за позднимъ временемъ. Если бы желаніе Воронкова было исполнено, тогда было бы доказано, кто тамъ жилъ, а если этого не сдѣлано, то невозможно ставить въ улику Воронкову обстоятельство, отъ его воли не зависѣвшее. Исчезновеніе же этихъ жильцовъ можетъ быть объяснено весьма понятною и далеко не излишнею предосторожностью не быть арестованными и не просидѣть въ тюрьмѣ, можетъ быть, продолжительное время. Съ Млодецкимъ онъ дѣйствительно былъ знакомъ по возвращеніи изъ Бѣлой-Церкви, но фактъ ихъ сожительства по дѣлу ничѣмъ не доказанъ. Что касается показанія Драгуновой о томъ, что Воронковъ и Млодецкій познакомили Подгородецкаго съ человѣкомъ, имѣвшимъ рыжую бороду, то этому показанію нельзя давать вѣры, потому что, по разсужденію защитника, Подгородецкій, какъ житель Кіева, вовсе не нуждался въ пріобрѣтеніи знакомыхъ. Если Воронковъ и познакомилъ съ кѣмъ-нибудь

Подгородецкаго, то развѣ только съ Млодецкимъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію защиты, обвиненіе Воронкова въ принадлежности къ сообществу представляется недоказаннымъ, такъ какъ ни съ кѣмъ изъ членовъ онъ не былъ знакомъ, ни у него въ квартирѣ, ни при немъ ничего предосудительнаго не было найдено. Остается только его знакомство съ Млодецкимъ, Подгородецкимъ и еще то обстоятельство, что онъ раза три заходилъ къ Гельфманъ условиться относительно пріема у женщины, жившей въ домѣ Котикова, но на основаніи только этихъ знакомствъ невозможно утверждать, чтобы Воронковъ былъ самъ членомъ сообщества. Что касается обвиненія въ распространеніи книгъ, то оно не доказано рѣшительно ничѣмъ. Если и допустить вѣрность показанія Драгуновой о томъ, что Воронковъ принесъ Подгородецкому какія-то двѣ книжки, то Подгородецкій не былъ рабочимъ, въ распространеніи книгъ среди которыхъ обвиняется подсудимый: онъ былъ его товарищъ, и кому же не случалось передавать пріятелю какую-нибудь книжку, хотя и заграничную; за это невозможно преслѣдовать по 250 ст. улож. Касательно подсудимаго Острова, защитникъ полагалъ, что первое мѣсто въ числѣ оправданныхъ по этому дѣлу должно принадлежать Острову. Противъ него приводится только одно обстоятельство, а именно —обыскъ, при которомъ найдено нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ были и незапрещенныя, а также и чужіе паспорты. Нѣтъ сомнѣнія, что Островъ говорилъ правду, что книги ему передалъ Родіонъ, и что онъ вовсе не подозрѣвалъ въ этой пачкѣ ничего преступнаго. Онъ ушелъ изъ Кіева, спустя четыре дня послѣ обыска у Гельфманъ, слѣдовательно, если бы ему была необходимость скрыться, то онъ не ожидалъ бы четыре дня. Затѣмъ, придя въ деревню, онъ положилъ эту связку книгъ и бумагъ на полку подъ образа, вмѣстѣ со своими божественными книгами, гдѣ все это и было взято. До обыска онъ жилъ въ деревнѣ двѣ недѣли и въ это время не принималъ никакихъ мѣръ, чтобы спрятать пачку. Если бы онъ зналъ, какія это книги и бумаги, то, конечно, имѣлъ слишкомъ достаточно времени уничтожить ихъ или спрятать. Когда явился становой и спросилъ, есть ли у него книги, Островъ сейчасъ же вытащилъ всѣ и отдалъ. Прис. пов. Бардовскій (защитникъ подсудимыхъ Субботиныхъ и Николаева) высказалъ, что въ рѣчи прокурора вкрались двѣ неточности, а именно,—что Николаевъ былъ будто бы въ домѣ Костомарова, и что о немъ Скворцова показала какъ о лицѣ, бывшемъ въ компаніи съ другими. Ни того, ни другого обстоятельства не существуетъ. Что касается показанія Тимоѳея Васильева о томъ, что онъ получилъ книжку преступнаго содержанія отъ Николаева, то этотъ послѣдній отрицаетъ это обстоятельство. Кому изъ нихъ вѣрить,—это дѣло суда; но, если и признать, что Васильеву передалъ книжку Николаевъ, то нельзя не обратить вниманія на то, что оба они неграмотные, слѣдовательно, оба могли не знать, что книжка преступная. Въ томъ, что онъ скрылся послѣ того, какъ на фабрикѣ былъ обыскъ, и нашли книжку, о чемъ ему сказали рабочіе въ трактирѣ, нѣтъ ничего компрометирующаго. Онъ получилъ книжку отъ Павлова, и весьма естественно, что, узнавъ объ обыскѣ, пошелъ къ Павлову спросить, какую онъ далъ ему книжку. Для обвиненія Николаева въ принадлежности къ тайному сообществу, представляются уликами показаніе Скворцовой и арестъ подсудимаго вмѣстѣ съ другими. Но Скворцова не дала на судѣ обвинительнаго показанія, а изъ протокола ареста въ домѣ Корсакъ видно, что Николаевъ назвался своимъ именемъ, слѣдовательно, ему нечего было бояться и скрываться. Въ отношеніи Субботиныхъ защитникъ указалъ, что прокуроръ, упоминая о ихъ дѣятельности, не объяснилъ въ обвинительномъ актѣ, къ какому кружку онѣ принадлежали, а между тѣмъ въ обвинительной рѣчи онъ заявилъ, что

онѣ были руководительницами. Но въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы признать правильнымъ заявленіе прокурора о томъ, что семейство Субботиныхъ революціонное, и что онѣ потратили на это дѣло свое состояніе. То обстоятельство, что Топоркова на ихъ счетъ училась въ Цюрихѣ, не можетъ служить доказательствомъ преступности Субботиныхъ. Точно также онѣ хотѣли помочь получить образованіе и дѣвицѣ Ансеровой, которая жаловалась имъ на свое стѣснительное положеніе въ семьѣ. Противъ Евгеніи Субботиной выставлено письмо, дѣйствительно доказывающее, что она была знакома съ членами кружка и даже сочувствовала имъ. Она созналась въ томъ, что знала о сообществѣ, она признаетъ всѣ улики и даже больше, чѣмъ ихъ предъявляютъ противъ нея; а если она не говоритъ, что была членомъ сообщества, то только изъ одного опасенія повредить этимъ другимъ, которые не признаютъ существованія организаціи. Если будетъ признано сообщество, и что она была его членомъ, то особое присутствіе приметъ во вниманіе ея чистосердечное сознаніе. Въ отношеніи Марьи Субботиной приведенная прокуроромъ улика, что она проживала въ домѣ Эйнбродтъ, упадаетъ послѣ показаній Евгеніи Субботиной и Фигнеръ. Что же касается письма, въ которомъ сказано, что Манька хлопочетъ о сапогахъ, то обвинителемъ не доказано, что это письмо писано знакомымъ Марьи Субботиной, и она не можетъ отвѣчать за то, что другіе напишутъ о Манькѣ. Затѣмъ, посѣщеніе ею гостиницы въ Орлѣ не подтверждено прислугою. Она не жила ни въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ находились кружки, но проживала въ деревнѣ, гдѣ ничего подозрительнаго у нея не обнаружено; она нигдѣ не была въ качествѣ простой работницы, и вообще нѣтъ данныхъ, чтобы признать ее участницею тайнаго сообщества, въ распространеніи же книгъ она не обвиняется. Въ отношеніи Надежды Субботиной защитникъ доказывалъ, что, несмотря на ея собственное признаніе о письмахъ и телеграммахъ, она тѣмъ не менѣе невиновна, такъ какъ тѣми обстоятельствами дѣла, которыя разобралъ защитникъ, опровергаются ея собственныя показанія. Если она сама возводитъ на себя обвиненіе, то, по мнѣнію защитника, она принадлежитъ къ числу людей, для которыхъ страдать въ то время, когда страдаютъ близкіе, есть необходимость: ея мать и сестра сидѣли въ заключеніи, и она не хотѣла оставаться на свободѣ. Защитникъ выразилъ увѣренность, что Надежда Субботина выйдетъ оправданною. Въ заключеніе онъ привелъ уменьшающія вину обстоятельства относительно Николаева и Субботиныхъ. Прис. пов. Войцеховскій (защитникъ подсудимыхъ Георгіевской, Введенской, Нуромскаго и Сбромірскаго) высказалъ, что его кліенты были арестованы уже въ то время, когда не существовало администраціи сообщества, и главные его дѣятели были взяты. Письмо, найденное въ хлѣбѣ, которое Георгіевская желала передать арестованному брату, заключаетъ въ себѣ самыя обыкновенныя свѣдѣнія, такъ что всякій прокуроръ разрѣшилъ бы его передать заключенному. Прокуроръ говоритъ, что она была знакома съ Джабадари и Цвиленевымъ, но она только знала, что они содержатся вмѣстѣ съ ея братомъ, при посѣщеніи котораго, по предположеніямъ защитника, она могла встрѣчаться съ родными и знакомыми другихъ заключенныхъ, а отъ нихъ могла знать о Цвиленевѣ и Джабадари. При обыскѣ у нея найдено письмо Кардашева, запечатанное въ конвертѣ, и шифрованное письмо Здановича, переведенное ею. Относительно этого послѣдняго письма защитникъ привелъ разсказъ Георгіевской о томъ, будто бы къ ней явился человѣкъ незнакомый и разъяснилъ тайны шифра. Могло быть также, что друзья заключенныхъ видѣли Георгіевскую, узнали, что она сестра одного изъ арестованныхъ и поэтому нашли удобнымъ поручить ей дешифрированіе писемъ. Но знаніе ею шифра нельзя

считать доказательствомъ, что она была членомъ сообщества. Если бы переписка шла черезъ нее, то и это ничего не доказывало бы. Напримѣръ, князь Микеладзе также былъ посредникомъ въ передачѣ писемъ, но къ слѣдствію онъ не привлеченъ. Относительно Введенской защитникъ указалъ на то, что при обыскѣ письмо было изорвано не ею, а Георгіевскою, которая сама заявила объ этомъ. Затѣмъ онъ привелъ показанія свидѣтелей, на основаніи которыхъ прослѣдилъ всю ея жизнь. Жизнь эта была такова, что Введенская, бывъ занятою утромъ и вечеромъ уроками, не имѣла и времени посвящать себя на службу сообществу, а его программа требуетъ, чтобы человѣкъ всецѣло отдался дѣятельности сообщества. Въ отношеніи Нуромскаго защитникъ объяснилъ, что Нуромскій, бывъ уволенъ изъ технологическаго института за неплатежъ денегъ, возвращался на родину и остановился въ Москвѣ у своихъ дальнихъ родственниковъ, которые были такъ запуганы, что позволили ему пробыть нѣсколько дней только съ тѣмъ условіемъ, что онъ не сдѣлаетъ имъ никакой непріятности. Онъ узналъ, что Георгіевская въ Москвѣ, и бывалъ у нея. Однажды въ видѣ курьеза она показала ему шифръ, который онъ взялся разгадать; когда же на другой день онъ пришелъ съ своею работою надъ шифромъ, то былъ задержанъ. Будучи обязанъ словомъ, даннымъ своимъ родственникамъ, онъ отказался указать свою квартиру, гдѣ находился его паспортъ. Онъ предпочелъ лучше страдать и потерять паспортъ, нежели сдѣлать непріятности своимъ родственникамъ. Что касается квартиры Георгіевской и Введенской, то нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы ее считать центромъ сообщества, такъ какъ въ квартирѣ ничего не было найдено. Относительно Сбромірскаго защитникъ указалъ на то, что онъ механикъ, до послѣдняго времени занималъ должность машиниста и даже не былъ арестованъ. Это доказываетъ, что власти настолько считали его дѣйствія непреступными и улики противъ него незначительными, что ему была предоставлена полная свобода, которою онъ пользовался до самаго призыва его въ судъ. Противъ него выставляется только одно показаніе Корнюхина, говорившаго, будто бы Сбромірскій давалъ ему преступныя книжки. Защитникъ разобралъ это показаніе и доказывалъ, что оно не заслуживаетъ довѣрія, причемъ упомянулъ о судимости Корнюхина за кражу и поддѣлку паспорта. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Гернгроссъ (защитникъ подсудимаго Рождественскаго) указалъ на то, что прокуроръ отказался отъ обвиненія Рождественскаго въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія. Но прокуроръ перешелъ къ обвиненію Рождественскаго въ принадлежности къ тайному сообществу. По мнѣнію защиты, переходъ этотъ неправиленъ, потому что обвинитель можетъ измѣнять обвиненіе только въ томъ случаѣ, если на судебномъ слѣдствіи откроются новыя обстоятельства, которыя не были внесены въ обвинительный актъ, а въ данномъ случаѣ такихъ обстоятельствъ нѣтъ. Но если и признать, что прокуроръ въ правѣ измѣнять такимъ образомъ свое обвиненіе, то оно представляется недоказаннымъ. Повторивъ показаніе подсудимаго о его поѣздкѣ на Владикавказскую желѣзную дорогу, о причинахъ, ее вызвавшихъ, и прослѣдя, по показаніямъ свидѣтелей, его дѣятельность на станціи Прохладной, защитникъ объяснилъ, что по окончаніи своихъ занятій Рождественскій отправился въ Петербургъ съ цѣлью продолжать неоконченное по болѣзни ученіе въ медико-хирургической академіи. Пріѣхавъ въ Москву, онъ желалъ узнать, на какихъ основаніяхъ можно держать экзаменъ въ московскомъ университетѣ на тотъ случай, если нельзя будетъ поступить въ академію. Повторивъ далѣе разсказъ самого подсудимаго о томъ, какъ онъ отыскивалъ кого-нибудь изъ студентовъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ арестованъ, защитникъ высказалъ, что под-

судимый, во все время своего пребыванія на станціи Прохладной, не вступалъ въ ближайшее общеніе съ рабочими и заботился лишь о своемъ госпиталѣ. При своемъ арестѣ онъ не скрылъ ни своей фамиліи ни своего званія. Что же касается записки, найденной при немъ, то нѣтъ основанія не вѣрить его показанію, что записку эту онъ получилъ отъ кого-то изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ для передачи какому-то Патшину. Эксперты, сличавшіе почеркъ Рождественскаго съ этою запискою, признали сходство только нѣсколькихъ отдѣльныхъ буквъ. Очевидно, что подобная экспертиза не можетъ служить доказательствомъ, потому что подобнаго рода сходство въ нѣсколькихъ буквахъ можно найти во всякихъ рукописяхъ, писанныхъ разными лицами. Затѣмъ письмо это начинается словами: «Другъ Ваня», а между тѣмъ Рождественскій былъ въ домѣ Эйнбродтъ, гдѣ жили Субботины и Фигнеръ, и въ гостиницѣ «Украйна», гдѣ жилъ Антимозъ Гамкрелидзе, слѣдовательно, оно писано не къ нимъ. Поэтому предположеніе обвиненія, что Рождественскій написалъ это письмо съ тѣмъ, чтобы оставить его въ квартирѣ, если никого не застанетъ дома, неосновательно. Затѣмъ въ запискѣ этой просятъ прислать книжекъ противозаконнаго содержанія, а между тѣмъ самъ прокуроръ отказался отъ обвиненія Рождественскаго въ распространеніи преступныхъ сочиненій. Слѣдовательно, для чего же ему нужны были эти книги? Онъ ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ, конечно, нельзя будетъ заниматься распространеніемъ этихъ книгъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію защитника, несомнѣнно, что письмо писано не Рождественскимъ. По этимъ основаніямъ онъ просилъ оправдать Рождественскаго. Прис. пов. Шванебахъ (защитникъ подсудимаго Бѣляевскаго) высказалъ, что показаніе Бѣляевскаго на дознаніи значительно измѣнено имъ на судѣ; но измѣненіе это касается другихъ подсудимыхъ, а въ отношеніи его самого оно осталось то же. Онъ показалъ, что вмѣстѣ съ Трубецкимъ, ознакомившись съ содержаніемъ книжекъ, вознамѣрился пойти въ народъ для ихъ распространенія и съ этой цѣлью отправилъ тюкъ книгъ въ Саратовъ. Но возникаетъ вопросъ о томъ, насколько это намѣреніе было осуществлено, такъ какъ отъ этого зависитъ степень виновности подсудимаго. Въ этомъ отношеніи защитникъ указалъ на показаніе свидѣтеля Виноградова, который отвезъ книги въ Саратовъ и оставилъ ихъ въ квартирѣ у брата Трубецкого, откуда онѣ не дошли до подсудимаго Трубецкого. Кромѣ этой отсылки книгъ Бѣляевскимъ, въ дѣлѣ нѣтъ ни одного факта, который могъ бы служить доказательствомъ того, чтобы Бѣляевскій привелъ свое намѣреніе въ исполненіе. Законъ, строго преслѣдуя распространеніе преступныхъ сочиненій, требуетъ для признанія наличности преступленія, чтобы книги были сообщены новому лицу, которое ихъ еще не знаетъ. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ Бѣляевскій отправилъ книги такому лицу, съ которымъ они вмѣстѣ ознакомились съ книгами и рѣшились ихъ распространять. Слѣдовательно, эта передача не можетъ быть подводима подъ понятіе, выраженное въ 251 ст. улож. о наказ. Затѣмъ, изъ показанія свидѣтелей видно, что Бѣляевскій, занимаясь полевыми работами вмѣстѣ съ крестьянами, никакихъ книгъ имъ не передалъ и никакихъ преступныхъ идей въ средѣ ихъ не пропагандировалъ. Въ виду всего этого защитникъ находилъ, что дѣяніе Бѣляевскаго составляетъ только приготовленіе къ преступленію, и въ заключеніе указалъ на обстоятельства, уменьшающія его вину. (Засѣданіе было прервано до 11 часовъ слѣдующаго дня.)

Прис. пов. Герардъ (защитникъ подсудимыхъ Цвиленева, Батюшковой, Иванова и Трубецкого), изложивъ общія соображенія относительно преступленія—распространенія книгъ противозаконнаго содержанія, перешелъ къ опроверженію уликъ противъ Трубецкого и, между прочимъ, вы-

сказалъ, что если и признать справедливымъ показаніе Бѣляевскаго, данное имъ на дознаніи, что Трубецкой получалъ книги отъ Иванова, которыя у него при обыскѣ и найдены, то все-таки его нельзя признавать виновнымъ въ распространеніи книгъ, такъ какъ для этого необходимо доказать, что онъ передавалъ кому-нибудь книги, а такихъ доказательствъ не представлено. Поэтому его можно признать виновнымъ только въ имѣніи у себя этихъ книгъ. Далѣе защитникъ доказывалъ, будто Трубецкой получилъ книги не съ цѣлью распространенія ихъ, но что даже и въ такомъ случаѣ необходимо признать, что это было только покушеніе на преступленіе, остановленное по собственной волѣ Трубецкого, такъ какъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока у него находились книги, онъ ни одной изъ нихъ никому не передавалъ. Что касается отсылки тюка съ книгами на его имя въ Саратовъ, то этихъ книгъ онъ не получалъ, такъ какъ въ то время былъ за 200 верстъ отъ Саратова, а изъ того, что онѣ были ему посланы, невозможно дѣлать заключенія, что онъ дѣйствительно желалъ распространять книжки. Можетъ быть, Трубецкой въ разговорѣ съ Бѣляевскимъ и выражалъ, что было бы полезно распространять такія книжки, но, сказалъ защитникъ, неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ имѣлъ рѣшимость ихъ распространять. Это было только субъективное впечатлѣніе самого Бѣляевскаго, и если признать Трубецкого виновнымъ въ рѣшимости распространять книжки, то признаніе это будетъ основано не на томъ, что самъ Трубецкой думалъ, а на томъ, что объ немъ думалъ Бѣляевскій. Относительно обвиненія Батюшковой и Иванова въ распространеніи книгъ противозаконнаго содержанія, защитникъ замѣтилъ, что противъ нихъ нѣтъ ни одной улики ни одного доказательства ихъ виновности. Ивановъ обвиняется въ распространеніи книгъ посредствомъ передачи ихъ Трубецкому и Бѣляевскому. Слѣдовательно, нужно установить фактъ знакомства Бѣляевскаго и Трубецкого съ Ивановымъ. Но фактъ этотъ ничѣмъ не установленъ. Такимъ образомъ, противъ Иванова и Батюшковой остается только одинъ оговоръ Бѣляевскаго. Въ этомъ отношеніи защитникъ доказывалъ, что показаніе подсудимаго составляетъ такого рода доказательство, которое не заслуживаетъ довѣрія. Невозможно знать, какими побужденіями руководствуется подсудимый, давая то или другое показаніе; извѣстно только, что у него на первомъ планѣ стоитъ не достиженіе истины, а самозащита. Поэтому и самъ законъ не допускаетъ чтенія на судѣ показаній подсудимаго. Указавъ на то, что Бѣляевскій на судѣ измѣнилъ свое прежнее показаніе, защитникъ замѣтилъ, будто признаніе Бѣляевскимъ Иванова и Батюшковой, съ указаніемъ ихъ квартиръ, обнаруживаетъ только, что Бѣляевскій зналъ Иванова и Батюшкову, но это не доказываетъ, чтобы онъ былъ съ ними знакомъ, бывалъ у нихъ, и что они его знали. Далѣе онъ указалъ на то, что при обыскѣ у Батюшковой найденъ только одинъ № газеты «Впередъ», а у Иванова не найдено ничего. Переходя къ обвиненію Батюшковой и Цвиленева въ принадлежности къ тайному сообществу, защитникъ упомянулъ о томъ, что прокуроръ отказался отъ обвиненія Цвиленева въ принадлежности къ администраціи общества. Затѣмъ защитникъ доказывалъ, что подсудимые не могутъ быть признаны членами сообщества. Ни тотъ ни другая не были простыми рабочими, не появлялись на фабрикахъ, не носили кличекъ, не скрывали при арестѣ своихъ именъ и званій и т. д. Если они были знакомы съ нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ въ принадлежности къ сообществу, то это знакомство не составляетъ доказательства принадлежности ихъ самихъ къ этому сообществу. Шифрованные адресы, найденные у Цвиленева, по мнѣнію защитника, также не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго. Что же касается переписки изъ тюрьмы, которая указываетъ на знакомство съ Чекоидзе, Джабадари, Люба-

товичъ и другими, то это знакомство, объяснилъ защитникъ, только тюремное, и не можетъ быть поставлено уликою въ такомъ важномъ преступленіи. Затѣмъ, разбирая признаніе прокуроромъ за улику общность убѣжденій подсудимыхъ, защитникъ высказалъ, что если въ числѣ обвиняемыхъ по этому дѣлу есть нѣсколько лицъ, которыя увлеклись «рабочимъ вопросомъ» и хватили черезъ край, то большинство изъ обвиняемыхъ, въ томъ числѣ Цвиленева и Батюшкову, нельзя признавать виновными въ государственномъ преступленіи. Въ дѣлѣ нѣтъ указанія, чтобы эти лица сочувствовали указаннымъ въ программѣ цѣлямъ сообщества и преслѣдовали ихъ. Напротивъ, изъ вещественнаго доказательства № 55 видно, что у нихъ стремленія были другія. Въ этомъ документѣ говорится, что молодежь шла ложнымъ путемъ, что нужно бросить эту любовь къ мужицкой обстановкѣ, что нужно сжечь всѣ эти книжки, что если итти въ народъ, то только для узнанія дѣйствительныхъ его потребностей, а не въ качествѣ его руководителей, не зная этихъ потребностей; что нужно прежде всего поднять нравственную культуру народа и дать ему образованіе и не тенденціозными книжками, возбуждающими къ бунту, а мирнымъ путемъ развитія. Очевидно, по мнѣнію защитника, въ этомъ стремленіи нѣтъ ничего преступнаго. Послѣ сего первоприсутствующій предоставилъ слово тѣмъ подсудимымъ, которые отказались имѣть защитниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ заявили, что они ничего не имѣютъ сказать, а другіе представили объясненія, которыя заключали въ себѣ не столько опроверженіе выставленныхъ противъ нихъ уликъ, сколько общія соображенія и свои взгляды на значеніе настоящаго дѣла и на тѣ цѣли, которыя они преслѣдовали. Приэтомъ одинъ изъ подсудимыхъ, а именно крестьянинъ Алексѣевъ, позволилъ себѣ въ концѣ своей рѣчи дерзкія выраженія, за что и былъ остановленъ первоприсутствующимъ. Подсудимый Овчинниковъ не находился въ залѣ суда по болѣзни и представилъ письменное заявленіе, что онъ отказывается какъ отъ своей защиты, такъ и отъ права послѣдняго слова. Прокуроръ не пожелалъ представить возраженій, а потому всѣмъ подсудимымъ было предоставлено право послѣдняго слова, причемъ одни или повторяли доводы, высказанные уже защитою, или приводили общія соображенія; нѣкоторые же не имѣли ничего заявить.

Въ засѣданіи 14 марта, въ $12^1/_2$ часовъ дня, были прочитаны постановленные особымъ присутствіемъ вопросы о виновности подсудимыхъ, послѣдовавшіе на нихъ отвѣты и состоявшаяся по дѣлу резолюція. Вопросы: 1. Было ли въ 1875 году въ городѣ Москвѣ нѣсколькими лицами составлено противозаконное сообщество, имѣвшее своею цѣлью, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе существующаго правительства въ государствѣ, причемъ сообщество это имѣло свое управленіе (администрацію) въ городѣ Москвѣ, состояло изъ нѣсколькихъ общинъ, именовавшихся шайками и находившихся въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Кіевѣ, Тулѣ, и руководствовалось въ своей дѣятельности особымъ уставомъ, опредѣлявшимъ права и обязанности, какъ управленія сообщества, такъ и его отдѣльныхъ членовъ?—Отв. «Да, было составлено». Если означенное сообщество было составлено, то—2. виновенъ ли сынъ штабсъ-капитана Георгій Феликсовъ Здановичъ (20-ти лѣтъ) въ томъ, что вмѣстѣ съ другими лицами составилъ означенное въ первомъ вопросѣ противозаконное сообщество?—Отвѣтъ: «Да, виновенъ». На такіе же вопросы о виновности подсудимыхъ: Джабадари (22 л.), Чекоидзе (24 л.), Кардашевѣ (25 л.), Лукашевичѣ (22 л.), Бардиной (22 л.), Фигнеръ (21 г.), Александровой (23 л.), Хоржевской (23 л.), Ольги (22 л.) и Вѣры (20 л.) Любатовичъ, Евгеніи (23 л.) и Надежды (20 л.) Субботиныхъ—послѣдовали отвѣты: «Да, виновенъ и виновна.. 15. Виновенъ ли крестьянинъ Москов-

ской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, деревни Высокой, Николай Васильевъ, 30-ти лѣтъ, въ томъ, что вступилъ въ члены противозаконнаго сообщества, означеннаго въ первомъ вопросѣ, зная о цѣляхъ того сообщества?— Отв. «Да, виновенъ». На такіе же вопросы о подсудимыхъ: Бариновѣ (31 г.), Агаповѣ (20 л.), Алексѣевѣ (26 л.), Николаевѣ (29 л.), Егоровѣ (23 л.), Владимірѣ Александровѣ (20 л.), Топорковой (21 г.), Екатеринѣ Гамкрелидзе (20 л.), Злобинѣ (25 л.), Фетисовѣ (24 л.), Сидорацкомъ (менѣе 17 л.), Иванѣ (24 л.) и Николаѣ (19 л.) Едуковыхъ, Ковалевѣ (20 л.), Воронковѣ (25 л.), Млодецкомъ (23 л.), Григоріи Александровѣ (23 л.), Гельфманъ (22 л.), Антимосѣ Гамкрелидзе (23 л.), князѣ Циціановѣ (25 л.), Цвиленевѣ (23 л.), Георгіевскомъ (25 л.), Марьѣ Субботиной (21 г.), Батюшковой (25 л.), Медвѣдевой (25 л.), Георгіевской (19 л.), Нуромскомъ (21 г.) и Овчинниковѣ (25 л.) — послѣдовали утвердительные отвѣты: «Да, виновенъ и виновна». На такіе же вопросы о подсудимыхъ: Кураковѣ (36 л.), Островѣ (31 г.), Введенской (20 л.) и Рождественскомъ (30 л.), даны отрицательные отвѣты: «Нѣтъ, не виновенъ, не виновна». 48. Если подсудимый Григорій Сидорацкій виновенъ въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 15-мъ вопросѣ, то дѣйствовалъ ли онъ въ семъ случаѣ съ полнымъ разумѣніемъ?—Отв. «Не съ полнымъ разумѣніемъ». Виновенъ ли сынъ штабсъ-капитана Г. Ф. Здановичъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди сего населенія книгъ, таковую цѣль имѣющихъ, каковы: «Хитрая механика», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Емелька Пугачевъ», журналъ и газета «Впередъ» и другія, снабжалъ таковыми книгами членовъ сообщества, къ которому принадлежалъ самъ?— Отв. «Да, виновенъ». На такіе же вопросы о подсудимыхъ: Вѣрѣ Любатовичъ, князѣ Циціановѣ и Антимосѣ Гамкрелидзе, послѣдовали утвердительные отвѣты, а о подсудимыхъ Цвиленевѣ и Чекоидзе—отрицательные. 55. Виновенъ ли отставной коллежскій регистраторъ Степанъ Мартыновъ Кардашевъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной путемъ распространенія среди сего населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, расходовалъ на покупку и привозъ изъ-за границы таковыхъ книгъ суммы, принадлежащія противозаконному сообществу и у него, Кардашева, какъ члена того сообщества, хранившихся?—Отвѣтъ. «Нѣтъ, не виновенъ». 56. Виновенъ ли дворянинъ И. С. Джабадари въ томъ, что подъ именемъ Михаила Петрова или слесаря Михаила, съ цѣлью возбудить рабочее населеніе города Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, распространялъ между рабочими книги, таковую цѣль преслѣдующія, а именно передалъ: а) работнику тюляевской фабрики Ефрему Платонову — книги подъ заглавіемъ «Хитрая механика» и «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и б) работнику той же фабрики Филату Егорову—по нѣсколько экземпляровъ «Хитрой механики», «Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ», «Чтой-то братцы», «Исторіи французскаго крестьянина», «Парижской коммуны» и «Емельки Пугачева»?— Отв. «Да, виновенъ». 57. Виновенъ ли крестьянинъ Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда, деревни Сычихи, Филатъ Егоровъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной передалъ рабочимъ тюляевской фабрики Аѳанасію Ермолаеву, Ефрему Платонову и Акиму Трофимову книги, сію цѣль преслѣдующія: «Хитрую механику», «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Чтой-то братцы», «Исторію французскаго крестьянина», и крестьянину Мирону Емельянову—«Хитрую механику», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и «Чтой-то братцы»?—Отв. «Да, виновенъ». 58. Виновенъ ли крестьянинъ Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда,

дер. Новинской, Петръ Алексѣевъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе г. Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной передалъ рабочему тюляевской фабрики Ефрему Платонову и рабочимъ фабрики Рошфоръ Власу и Никифору Алексѣевымъ книги, сію цѣль преслѣдующія: «Хитрую Механику» и «Сказку о четырехъ братьяхъ»?—Отв. «Да, виновенъ». 59. Виновенъ ли крестьянинъ той же губерніи, уѣзда и деревни, Пафнутій Николаевъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе города Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной передалъ рабочему соколовской въ Москвѣ фабрики Тимоѳею Васильеву книги, сію цѣль преслѣдующія: «Хитрую механику» и «Чтой-то братцы».—Отв. «Да, виновенъ». 60. Виновенъ ли австрійскій подданный Александръ Осиповъ Лукашевичъ въ томъ, что съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной читалъ одну изъ имѣвшихся у него и преслѣдующую означенную выше цѣль книгъ, подъ заглавіемъ «Емелька Пугачевъ», мѣщанину Семену Агапову?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 61. Виновна ли дворянка Софія Илларіоновна Бардина въ томъ, что, поступивъ на фабрику Лазаревыхъ въ Москвѣ подъ именемъ работницы Анны Зайцевой, съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной читала рабочимъ той фабрики книги, сію цѣль преслѣдующія, и изъ нихъ «Хитрую механику» и «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» оставила у тѣхъ рабочихъ?—Отв. «Да, виновна.» 62. Виновенъ ли крестьянинъ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, деревни Высокой, Николай Васильевъ въ томъ, что вмѣстѣ съ другимъ лицомъ передалъ, съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія города Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, работнику шибаевской въ городѣ Москвѣ фабрики Якову Яковлеву книгу, сію цѣль преслѣдующую—«Емельку Пугачева»?—Отв. «Да, виновенъ». 63. Виновенъ ли въ преступленіи, означенномъ въ 62 вопросѣ крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, деревни Добриной, Иванъ Васильевъ Бариновъ?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 64. Виновна ли дворянка Лидія Николаева Фигнеръ въ томъ, что съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Иваново-Вознесенска къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди того населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, вмѣстѣ съ другимъ лицомъ снабдила таковыми книгами членовъ противозаконнаго сообщества, жившихъ въ Иваново-Вознесенскѣ, въ домѣ Кисина?—Отв. «Да, виновна». 65. Виновна ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 64-мъ вопросѣ, дочь потомственнаго гражданина Варвара Иванова Александрова?—Отв. «Да, виновна». 66. Виновенъ ли сынъ с атскаго совѣтника Владиміръ Петровъ Александровъ въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 64 вопросѣ, распространялъ среди рабочихъ лопатинской въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ фабрики книги, сію цѣль преслѣдующія, каковы: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Богъ-то Богъ», «Чтой-то братцы»?—Отв. «Да, виновенъ». 67. Виновенъ ли московскій мѣщанинъ Семенъ Ивановъ Агаповъ въ томъ, что съ цѣлью, указанною въ 64-мъ вопросѣ, распространялъ среди рабочихъ зубковской фабрики въ городѣ Ивановѣ-Вознесенскѣ книги, сію цѣль преслѣдующія: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Богъ-то Богъ», «Чтой-то братцы»?—Отв. «Да, виновенъ». 68. Виновенъ ли крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, деревни Добриной, Иванъ Васильевъ Бариновъ въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 67-мъ вопросѣ?—Отв. «Да, виновенъ». 69. Виновна ли московская цеховая Анна Григорьева Топоркова въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 64-мъ вопросѣ, передала иваново-вознесенскому мѣщанину Федору Жарковскому книги, сію цѣль преслѣдующія, каковы: «Хитрая механика», «Парижская

коммуна» и три номера газеты «Впередъ»?—Отв. «Нѣтъ, не виновна». 70. Виновна ли дочь коллежскаго ассессора Ольга Спиридонова Любатовичъ въ томъ, что съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Тульской губерніи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди того населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, передала солдатскому сыну Василію Онуфріеву Ковалеву «Хитрую механику» и «Сказку о четырехъ братьяхъ», каковыя книги, согласно наставленію Любатовичъ, и были Ковалевымъ переданы другимъ рабочимъ»?—Отв. «Да, виновна». 71. Виновенъ ли солдатскій сынъ Василій Онуфріевъ Ковалевъ въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 70-мъ вопросѣ, и, зная содержаніе книгъ, въ томъ же вопросѣ указанныхъ, передалъ «Хитрую механику» и одинъ экземпляръ «Сказки о четырехъ братьяхъ» неизвѣстнымъ ему сапожникамъ и второй экземпляръ той же сказки отставному рядовому Матвѣеву?—Отв. «Да, виновенъ». 72. Виновенъ ли крестьянинъ Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, Иванъ Семеновъ Фетисовъ въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 70-мъ вопросѣ, словесно передавалъ рабочимъ Панинскаго, Тульской губерни, завода содержаніе книги, сію цѣль преслѣдующей—«Сказку о четырехъ братьяхъ»?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ.» 73. Виновна ли именовавшая себя княгинею Циціановой дочь коллежскаго секретаря Александра Сергѣева Хоржевская въ томъ, что съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Тульской и Кіевской губерній къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди того населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, вмѣстѣ съ другими лицами передала таковыя книги: «Хитрая механика», «Богъ-то Богъ», «Сказка о копейкѣ», «Емелька Пугачевъ» и др.—скрывшимся Герасиму Лепесину, Петру Сидоренко и обвиняемымъ Ковалеву и Сидорацкому?—Отв. «Да, виновна». 74. Виновенъ ли техническій мастеръ 1-го разряда кіевскаго артиллерійскаго полигона Григорій Александровъ Александровъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Кіевской губерніи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди сего населенія книгъ, такую цѣль преслѣдующихъ, каковы: «Хитрая механика», «Емелька Пугачевъ» и др., снабжалъ таковыми книгами членовъ того противозаконнаго сообщества, къ которому принадлежалъ самъ? — Отв. «Да, виновенъ». 75. Виновенъ ли отставной подпоручикъ Михаилъ Сидоровъ Воронковъ въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 74-мъ вопросѣ, передалъ вмѣстѣ съ другимъ лицомъ нынѣ умершему отставному штабсъ-капитану Подгородецкому книги, сію цѣль преслѣдующія: «Богъ-то Богъ», «Сказку о копейкѣ», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и др.?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 76. Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 75-мъ вопросѣ, дворянинъ Мартынъ Александровъ Млодецкій?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 77. Виновна ли дочь штабсъ-капитана Надежда Дмитріева Субботина въ томъ, что съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной передала князю Микеладзе одну изъ книгъ, таковую цѣль преслѣдующихъ, а именно «Парижскую коммуну»?—Отв. «Нѣтъ, не виновна». 78. Виновна ли дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвара Николаева Батюшкова въ томъ, что съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди сего населенія книгъ, указанную цѣль преслѣдующихъ, передала значительное количество таковыхъ книгъ и въ числѣ прочихъ: «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Исторію французскаго крестьянина», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», бывшему студенту Петровской академіи Бѣляевскому?—Отв. «Да, виновна». 79. Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 75-мъ вопросѣ, отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи Левъ Андреевъ Ива-

новъ, 24 лѣтъ?—Отв. «Да, виновенъ». 80. Виновенъ ли тотъ же отставной штабсъ-капитанъ Левъ Андреевъ Ивановъ въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 78-мъ вопросѣ, передалъ студенту Петровской академіи Александру Трубецкому книги, таковую цѣль преслѣдующія, а именно: «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Сказку о копейкѣ», «Исторію французскаго крестьянина», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ»? — Отв. «Да, виновенъ». 81. Виновенъ ли сынъ священника Александръ Петровъ Бѣляевскій, 20 лѣтъ, въ томъ, что, получивъ отъ Иванова и Батюшковой книги, означенныя въ 78-мъ вопросѣ, и съ цѣлью, указанной въ томъ же вопросѣ, передалъ таковыя бывшему студенту Петровской академіи Александру Трубецкому?—Отв. «Да, виновенъ». 82. Виновенъ ли сынъ священника Александръ Егоровъ Трубецкой, 19 лѣтъ, въ томъ, что, получивъ отъ Иванова книги, указанныя въ 80-мъ вопросѣ, распространялъ таковыя среди рабочаго населенія Саратовской губерніи, имѣя цѣлью возбудить то населеніе къ бунту или явному неповиновенію Верховной Власти?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 83. Если подсудимый Александръ Трубецкой не виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 82-мъ вопросѣ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что безъ дозволенія надлежащаго высшаго начальства имѣлъ у себя сочиненія, возбуждающія къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, зная содержаніе означенныхъ сочиненій?—Отв. «Да, виновенъ». 84. Виновенъ ли сынъ священника Михаилъ Павловъ Овчинниковъ въ томъ, что вмѣстѣ съ другими лицами передалъ крестьянину Корнюхину книги подъ заглавіемъ: «Парижская коммуна», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Хитрая механика», имѣя цѣлью распространять таковыя книги среди рабочаго населенія Имперіи и согласно содержанію сихъ книгъ возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 85. Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 84-мъ вопросѣ, потомственный почетный гражданинъ Григорій Алексѣевъ Сбромірскій, 25-ти лѣтъ? —Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 86. Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 84-мъ вопросѣ, крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, деревни Добриной, Иванъ Васильевъ Бариновъ?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 87. Виновенъ ли князь Александръ Константиновъ Циціановъ въ томъ, что во время обыска въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе умышленно, съ цѣлью лишить жизни прапорщика Ловягина, сдѣлалъ по немъ изъ револьвера два выстрѣла и не убилъ Ловягина только потому, что пули пролетѣли мимо Ловягина?—Отв. «Да, виновенъ». 88. Виновна ли дочь коллежскаго ассессора Вѣра Любатовичъ въ томъ, что во время обыска въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе умышленно, съ цѣлью лишить жизни помощника квартальнаго надзирателя Федорова, схватила Федорова руками за горло и старалась его задушить, но намѣренія своего привести въ исполненіе не успѣла, такъ какъ была удержана находившимися при обыскѣ свидѣтелями?—Отв. «Нѣтъ, не виновна». 89. Если дочь коллежскаго ассессора Вѣра Спиридонова Любатовичъ не виновна въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 88-мъ вопросѣ, то не виновна ли она въ томъ, что, желая воспрепятствовать помощнику квартальнаго надзирателя Федорову арестовать стрѣлявшаго въ прапорщика Ловягина князя Циціанова, дозволила себѣ явное, противъ Федорова, насиліе, схвативъ его за горло? —Отв. «Да, виновна». 90. Виновна ли дочь коллежскаго ассессора Ольга Спиридонова Любатовичъ въ томъ, что лѣтомъ 1872 года, при возвращеніи своемъ изъ-за границы, тайно привезла въ Москву и въ Петербургъ письма отъ различныхъ лицъ, проживающихъ за границею? — Отв. «Нѣтъ, не виновна». 91. Если тульскій мѣщанинъ Иванъ Александровъ Кураковъ не виновенъ въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 31-мъ вопросѣ, то

не виновенъ ли онъ въ томъ, что, зная о существованіи противузаконнаго сообщества, означеннаго въ 1-мъ вопросѣ, и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнилъ сей обязанности? — Отв. «Да, виновенъ». 92. Если крестьянинъ Кіевской губерніи Петръ Акимовъ Островъ не виновенъ въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 36-мъ вопросѣ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что, зная о существованіи противузаконнаго сообщества, означеннаго въ 1-мъ вопросѣ, и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнилъ сей обязанности?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ». 93. Если дочь священника Екатерина Александрова Введенская не виновна въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 45-мъ вопросѣ, то не виновна ли она въ томъ, что, зная о существованіи противузаконнаго сообщества, означеннаго въ первомъ вопросѣ, и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнила сей обязанности?—Отв. «Да, виновна». 94. Если сынъ штабсъ-капитана Георгій Здановичъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ во 2-мъ и 49-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?—Отв. «Нѣтъ, не былъ вовлеченъ». 95. Если австрійскій подданный Александръ Осиповъ Лукашевичъ виновенъ въ преступленіяхъ, изложенныхъ въ 6-мъ и въ 60-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Не былъ вовлеченъ». 96. Если дочь коллежскаго ассессора Вѣра Любатовичъ виновна въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 12-мъ и 50-мъ вопросахъ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?—Отв. «Не была вовлечена». 97. Если сынъ статскаго совѣтника Владиміръ Петровъ Александровъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 21-мъ и 66-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?—Отв. «Не былъ вовлеченъ». 98. Если жена дворянина Екатерина Борисова Гамкрелидзе виновна въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 23-мъ вопросѣ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Была вовлечена». 99. Если московскій мѣщанинъ Семенъ Ивановъ Агаповъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 17-мъ и 67-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Былъ вовлеченъ». 100. Если крестьянинъ Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Николай Ивановъ Едуковъ, виновенъ въ преступленіи, изложенномъ въ 29-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Былъ вовлеченъ». 101. Если солдатскій сынъ Василій Онуфріевъ Ковалевъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 30-мъ и 71-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ эти преступленія другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Былъ вовлеченъ». 102. Если дочь штабсъ-капитана Надежда Дмитріева Субботина виновна въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 14-мъ и 77-мъ вопросахъ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?—Отв. «Была вовлечена». 103. Если дочь священника Надежда Георгіевская виновна въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 44-мъ вопросѣ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Была вовлечена». 105. Если сынъ дьякона Алексѣй Ивановъ Нуромскій виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 46-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Не былъ вовлеченъ». 106. Если сынъ священника Александръ Пе-

тровъ Бѣляевскій виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 81-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?—Отв. «Былъ вовлеченъ». 109. Если подсудимый Григорій Сидорацкій виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 26-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— Отв. «Былъ вовлеченъ». 110. Если подсудимая Александра Хоржевская виновна въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 10 и 73 вопросахъ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ? Отв. «Была вовлечена». Условные вопросы, которые не требовали разрѣшенія, здѣсь не помѣщены. Резолюція. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, признаетъ: 1. подсудимыхъ Георгія Здановича, Ивана Джабадари, Михаила Чекоидзе, Степана Кардашева, Александра Лукашевича, Софью Бардину, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Александру Хоржевскую, Ольгу Любатовичъ, Вѣру Любатовичъ, Евгенію Суббогину и Надежду Субботину—виновными въ составленіи въ 1875 году въ Москвѣ противозаконнаго сообщества, имѣвшаго своею цѣлію, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе существующаго правительства въ государствѣ; 2. подсудимыхъ Николая Васильева, Ивана Баринова, Семена Агапова, Петра Алексѣева, Пафнутія Николаева, Филата Егорова (онъ же Лаврентьевъ), Владиміра Александрова, Анну Топоркову, Екатерину Гамкрелидзе, Ивана Злобина, Ивана Фетисова, Григорія Сидорацкаго, Ивана Едукова, Николая Едукова, Василія Ковалева, Михаила Воронкова, Мартына Млодецкаго, Григорія Александрова, Гесю Гельфманъ, Антимоса Гамкрелидзе, кн. Александра Циціанова, Николая Цвиленева, Василія Георгіевскаго, Марію Субботину, Варвару Батюшкову, Елену Медвѣдеву, Надежду Георгіевскую, Алексѣя Нуромскаго и Михаила Овчинникова—виновными въ принадлежности къ упомянутому выше противозаконному сообществу, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго; 3. подсудимыхъ Ивана Куракова и Екатерину Введенскую—виновными въ знаніи о существованіи означеннаго противозаконнаго сообщества и недонесеніи о томъ правительству; 4. подсудимыхъ Георгія Здановича, Ивана Джабадари, Николая Васильева, Ивана Баринова, Петра Алексѣева, Пафнутія Николаева, Филата Егорова (онъ же Лаврентьевъ), Владиміра Александрова, Григорія Александрова, Антимоса Гамкрелидзе, кн. Александра Циціанова, Льва Иванова, Александра Бѣляевскаго, Софью Бардину, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Александру Хоржевскую, Ольгу Любатовичъ, Вѣру Любатовичъ, Семена Агапова, Василія Ковалева, Варвару Батюшкову—сверхъ сего, виновными въ злоумышленномъ, съ цѣлью возбужденія къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, распространеніи сочиненій соотвѣтствующихъ этой цѣли; 5. независимо отъ сего, кн. Александра Циціанова—виновнымъ въ покушеніи на умышленное убійство, остановленное обстоятельствами, отъ него не зависѣвшими; Вѣру Любатовичъ—виновною въ сопротивленіи, сопровождавшемся насиліемъ, распоряженіямъ полицейскаго чиновника при отправленіи должности; Александра Трубецкого—виновнымъ въ имѣніи у себя, безъ дозволенія высшаго начальства, сочиненій, возбуждающихъ къ бунту или явному неповиновенію Власти верховной, и, наконецъ, 6. Ивана Рождественскаго, Петра Острова и Григорія Сбромірскаго—невиновными по настоящему дѣлу.—Вслѣдствіе сего и на основаніи 19, 20, 31, 33, 34, 35, 38, 39, 49, 56, 73, 77, 114, 126, 129, 134, 137, 138, 139, 140, 143, 149, 150, 152, 153, 154, 250 (ч. 2), 251 (ч. 2, п. 4), 271, 1455 (ч. 1) (по продолженію 1872 г.) статей улож. о наказ., закона 4 іюня 1874 г., 774 и 775 статей устава угол. суд.—опредѣляетъ:

1. Кн. Александра Константинова Циціанова, крестьянина Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, д. Новинской, Петра Алексѣева, техническаго мастера 1 разряда Григорія Александрова Александрова, сына штабсъ-капитана Георгія Феликсова Здановича и сына ст. сов. Владиміра Петрова Александрова лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ: князя Циціанова и Петра Алексѣева—на десять лѣтъ; Григорія Александрова—на десять лѣтъ; Георгія Здановича—на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, и Владиміра Александрова—на шесть лѣтъ, съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о наказ. опредѣленными. 2. Дворянку Софью Илларіонову Бардину, дочерей коллежскаго ассессора Ольгу Спиридонову и Вѣру Спиридонову Любатовичъ, дворянина Ивана Спиридонова Джабадари, дворянина Антимоса Евдова Гамкрелидзе, отставного коллежскаго регистратора Степана Мартынова Кардашева, дворянку Лидію Николаеву Фигнеръ, дочь потомственнаго почетнаго гражданина Варвару Иванову Александрову, именовавшую себя княгинею Циціановою, дочь коллежскаго секретаря Александру Сергѣеву Хоржевскую и московскаго мѣщанина Семена Иванова Агапова—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ: Софью Бардину и Ольгу Любатовичъ—на девять лѣтъ; Вѣру Любатовичъ—на шесть лѣтъ, Ивана Джабадари, Антимоса Гамкрелидзе, Степана Кардашева, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Александру Хоржевскую—на пять лѣтъ, и Семена Агапова—на три года и четыре мѣсяца, съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о наказ. опредѣленными. 3. Дворянина Михаила Николаева Чекоидзе и австрійскаго подданнаго Александра Осипова Лукашевича лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. 4. Московскую цеховую Анну Григорьеву Топоркову, мозырскую мѣщанку Гесю Миронову Гельфманъ, лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключить въ рабочій домъ: Топоркову—на четыре года, а Гельфманъ—на два года. 5. Крестьянина Рязанской губ., Пронскаго уѣзда, Ивана Семенова Фетисова и крестьянина Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Ивана Иванова Едукова—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на одинъ годъ и три мѣсяца каждаго. 6. Сына коллежскаго ассессора Ивана Андреева Злобина, дворянина Николая Федорова Цвиленева, сыновей священниковъ Василія Григорьева Георгіевскаго и Михаила Павлова Овчинникова, дочерей штабсъ-капитана Евгенію Дмитріеву, Марію Дмитріеву и Надежду Дмитріеву Субботиныхъ, дворянина Мартына Александрова Млодецкаго, сына дьякона Алексѣя Иванова Нуромскаго, отставного подпоручика Михаила Федорова Воронкова и дочь титулярнаго совѣтника Елену Петрову Медвѣдеву—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье: Ивана Злобина, Николая Цвиленева и Евгенію Субботину—въ Иркутскую губернію; Василія Георгіевскаго и Михаила Овчинникова—въ Енисейскую губернію, съ воспрещеніемъ всѣмъ имъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе четырехъ лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе двѣнадцати лѣтъ; Мартына Млодецкаго и Надежду Субботину—въ Томскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе двухъ лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе шести лѣтъ; Алексѣя Нуромскаго—въ Тобольскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе одного года и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе четырехъ лѣтъ; Михаила Воронкова и Марію Субботину—въ Томскую губернію, и Елену Медвѣдеву—въ Тобольскую губернію. 7. Крестьянина Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Николая Иванова Едукова заключить въ рабочій домъ на

три мѣсяца. 8. Дворянина Григорія Петрова Сидорацкаго заключить въ смирительномъ домѣ на шесть недѣль. 9. Дочь священника Надежду Григорьеву Георгіевскую и жену дворянина Екатерину Борисову Гамкрелидзе—выдержать въ тюрьмѣ, первую—два мѣсяца, а вторую—шесть недѣль. 10. Тульскаго мѣщанина Ивана Александрова Куракова, дочь свящ. Екатерину Александрову Введенскую и сына свящ. Александра Егорова Трубецкого—подвергнуть аресту: Куракова—на 3 недѣли, а Введенскую и Трубецкого—на двѣ недѣли. 11. Дворянку Варвару Николаеву Батюшкову, отстав. штабсъ-капитана Льва Андреева Иванова, крестьянъ: Николая Васильева, Ивана Баринова, Пафнутія Николаева, Филата Егорова (онъ же Лаврентьевъ), священническаго сына Александра Петрова Бѣляевскаго и солдатскаго сына Василія Ковалева—признать подлежащими лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы: Батюшкову на заводахъ на девять лѣтъ; Иванова, Васильева, Баринова, Николаева и Егорова — въ крѣпостяхъ на тотъ же срокъ; Бѣляевскаго и Ковалева—на заводахъ на три года и четыре мѣсяца. Но, принимая въ уваженіе, во-1-хъ, что участіе подсудимыхъ Батюшковой, Иванова и Бѣляевскаго въ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія не имѣло по своимъ послѣдствіямъ того особеннаго значенія, въ какомъ представляется участіе подсудимыхъ, оказывающихся по настоящему дѣлу болѣе виновными дѣятелями; во-вторыхъ, что подсудимые Васильевъ, Бариновъ, Николаевъ и Егоровъ (онъ же Лаврентьевъ) являются въ настоящемъ случаѣ участниками въ такомъ преступленіи, важность и значеніе котораго, по принадлежности ихъ къ крестьянскому сословію, не могли быть ими вполнѣ сознаваемы, и потому участіе ихъ въ оном представляется послѣдствіемъ вовлеченія ихъ въ преступную дѣятельность другими лицами, стремившимися для своихъ собственныхъ цѣлей совращать низшія сословія съ пути закона и вѣрноподданническаго долга, и, въ-третьихъ, что подсудимый Ковалевъ, самъ собою явясь съ повинною, чистосердечнымъ признаніемъ своимъ способствовалъ къ обнаруженію значительнаго числа участниковъ въ преступленіи, составляющемъ предметъ настоящаго дѣла—повергнуть участь поименованныхъ восьмерыхъ подсудимыхъ на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора, ходатайствуя передъ Его Императорскимъ Величествомъ объ освобожденіи ихъ отъ каторжныхъ работъ, съ тѣмъ, чтобы Варвара Батюшкова, Александръ Бѣляевскій, Левъ Ивановъ, Николай Васильевъ, Иванъ Бариновъ, Пафнутій Николаевъ и Филатъ Егоровъ (онъ же Лаврентьевъ) были сосланы на поселеніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а Василія Ковалева сослать на житье въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. 12. Сына дьячка Ивана Рождественскаго, крестьянина Петра Острова и потомственнаго почетнаго гражданина Григорія Сбромірскаго—оправдать. 13. Настоящій приговоръ, прежде исполненія въ отношеніи подсудимыхъ: Джабадари, Чекоидзе, Здановича, Кардашева, Бардиной, Фигнеръ, Хоржевской, Ольги и Вѣры Любатовичъ, Владиміра Александрова, Злобина, Воронкова, Млодецкаго Антимоса Гамкрелидзе, князя Цициянова, Цвиленева, Надежды, Марьи и Евгеніи Субботиныхъ, и Медвѣдевой, представить, на основаніи 945 ст. уст. угол. суд., на Высочайшее благоусмотрѣніе, и 14. судебныя по сему дѣлу издержки, на основаніи 993 ст., взыскать съ имущества подсудимыхъ.

* * *

На этомъ кончается помѣщенное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» изложеніе «процесса пятидесяти». Въ немъ, конечно, не можетъ не броситься въ глаза умышленное умолчаніе о послѣднемъ словѣ подсудимыхъ,

о которомъ въ отчетѣ брошено вскользь всего нѣсколько строкъ. Между тѣмъ, на этомъ процессѣ подсудимыми было произнесено нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ нѣкоторыя (Бардиной и Алексѣева) сдѣлались знаменитыми. Мы считаемъ своею обязанностью возстановить этотъ важный пробѣлъ правительственнаго отчета и потому помѣщаемъ здѣсь четыре извѣстныхъ намъ рѣчи по процессу пятидесяти. Рѣчи эти, изъ которыхъ нѣкоторыя были много разъ перепечатаны въ разныхъ нелегальныхъ изданіяхъ, мы заимствуемъ изъ V тома журнала «Впередъ» за 1877 годъ.

Рѣчь Софьи Илларіоновны Бардиной.

Не отрицая факта пропаганды на фабрикѣ Лазарева, я никакъ не могу согласиться съ обвиненіемъ, причисляющимъ меня къ организаціи: я не могла къ ней принадлежать уже по одной той причинѣ, что тогда (въ апрѣлѣ) этой организаціи, какъ видно, еще не существовало. Само обвиненіе колеблется назвать апрѣльскую группу подсудимыхъ организованнымъ тайнымъ обществомъ и говоритъ только, что это было какое-то ядро, какой-то зародышъ, изъ остатковъ коего впослѣдствіи выросла организація. Я не знаю, подъ какую вообще статью подводятся зародыши будущихъ организацій, не знаю, составляли ли другіе подсудимые такой зародышъ, или же организованное общество; знаю только хорошо, что я лично дѣйствовала совершенно самостоятельно, не сообразуясь съ какой-либо программой, выработанной какимъ-либо тайнымъ обществомъ. Обвиненіе опирается на фактъ моего знакомства съ нѣкоторыми подсудимыми, принадлежавшими впослѣдствіи къ этой организаціи, но здѣсь уже было прекрасно доказано многими, что фактъ знакомства не можетъ служить признакомъ принадлежности къ тайному обществу, такъ что мнѣ ничего больше не остается говорить объ этомъ. Обвиненіе напираетъ на совмѣстное будто-бы проживательство всѣхъ подсудимыхъ апрѣльской группы, но изъ судебнаго слѣдствія выяснилось, что всѣ они или имѣли свои собственныя квартиры, или проживали въ то время на фабрикахъ, а, слѣдовательно, не могли одновременно проживать у меня. Въ Сыромятникахъ вмѣстѣ съ другими я также не могла проживать по той простой причинѣ, что въ то самое время жила на фабрикѣ Лазарева, и сама свидѣтельница Дарья Скворцова показала, если Особое Присутствіе потрудится припомнить, что къ ней раньше всѣхъ явились двѣ женщины, Аннушка и Маша, которыя въ то время жили на машинахъ, т. е. на фабрикахъ. Между тѣмъ, съ московскихъ фабрикъ отпускаютъ рабочихъ только по праздникамъ до 10 часовъ вечера, слѣдовательно, я въ крайнемъ случаѣ могла приходить въ Сыромятники по праздничнымъ днямъ, но не жить тамъ. Обвиненіе считаетъ мою квартиру въ домѣ Корсакъ однимъ изъ революціонныхъ притоновъ, но я напомню Особому Присутствію, что въ такого рода мѣстахъ обыкновенно встрѣчается цѣлый складъ книгъ, шифрованная и нешифрованная переписка, адресы, химическіе реактивы и т. п.; у меня же не найдено ни одной революціонной книги, не взято ни до, ни послѣ ареста шифрованной переписки и даже абсолютно никакой переписки, ни одного документа, изъ котораго можно бы было заключить о моей принадлежности къ какому-либо тайному обществу. Обвиненіе весьма смѣло утверждаетъ, что въ письмѣ отъ 26-го іюля, найденномъ въ Иваново-Вознесенскѣ, упоминается моя фамилія, но обвиненіе, вѣроятно, забыло: тамъ моей фамиліи не находится, а упоминается какая-то кличка, которую обвиненіе, неизвѣстно почему, приписываетъ мнѣ. Я еще во время судебнаго слѣдствія имѣла удовольствіе просить обвинительную власть указать мнѣ тѣ основанія, опираясь на которыя, она приписываетъ мнѣ эту кличку, но обвини-

тельная власть не сочла нужнымъ этого сдѣлать, и я остаюсь въ прежнемъ недоумѣніи относительно этого обстоятельства. Въ томъ письмѣ говорится, что «тетка сидитъ въ Городской» и что «ей кто-то послалъ письмо, а она его изорвала», но вѣдь въ Городской сидѣла тогда не одна я— это разъ, во-вторыхъ, авторъ письма могъ ошибиться: ему могли сказать, что искомая имъ личность сидитъ въ Городской, тогда какъ ея могло тамъ и не быть. Такого рода ошибки могли легко случиться. Наконецъ, предположимъ даже, что эта кличка принадлежитъ мнѣ, что меня искали, обо мнѣ справлялись, но, вѣдь, въ программѣ лицъ, которымъ принадлежитъ это письмо, не сказано, что слѣдуетъ заводить сношенія только съ арестованными членами своей организаціи, а вообще съ заключенными— это разъ; кличка же сама по себѣ ничего не доказываетъ, ибо опять въ той же самой программѣ не говорится, чтобы слѣдовало исключительно давать клички членамъ своей организаціи: онѣ могли даваться и прочимъ знакомымъ. Что это такъ и было—доказываетъ слѣдующій фактъ: въ томъ же, кажется, письмѣ отъ 26-го іюля говорится: «Одесская община предлагаетъ принять Санчо въ нашу организацію», слѣдовательно, личность, извѣстная подъ названіемъ Санчо, носила эту, какъ говоритъ обвиненіе, кличку ранѣе, чѣмъ она стала членомъ организаціи—слѣдовательно, какъ простой знакомый. Я думаю, что доказательнѣе этого факта трудно что-нибудь представить въ данномъ случаѣ. Подобныя клички давались даже властямъ, такъ, напр., въ одномъ письмѣ было сказано, что четвероногіе дѣлали допросъ о томъ-то. Такимъ образомъ, строя обвиненія на кличкахъ, приходится и лицъ, производившихъ дознаніе, причислить къ преступной организаціи... Я отказываюсь отъ чести принадлежать къ этой организаціи не изъ страха наказанія, ибо противъ меня существуютъ болѣе вѣскія обвиненія, которыхъ я и сама не отрицаю, но я защищаюсь теперь потому только, что это мнѣ кажется пристрастнымъ, если не нелогичнымъ, пристрастнымъ и несправедливымъ даже съ юридической точки зрѣнія. Я съ своей точки зрѣнія ни въ чемъ не считаю себя виновной и подлежащей наказанію, ибо никакого вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надѣюсь. Конечно, меня такъ же, какъ и другихъ подсудимыхъ, обвиняютъ въ стремленіи разрушить священныя основы собственности, семьи, религіи, государства, въ возбужденіи къ бунту и стремленіи водворить анархію въ обществѣ. Все это было бы весьма ужасно, если бы было справедливо. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти обвиненія основаны на одномъ только недоразумѣніи, которое я и постараюсь теперь объяснить, если судъ меня выслушаетъ. Собственности я никогда не отрицала. Напротивъ, я осмѣливалась даже думать, что я защищаю собственность, ибо я признаю, что каждый человѣкъ имѣетъ право на собственность, обезпеченную его личнымъ производительнымъ трудомъ, и что каждый человѣкъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ своего труда и его продукта. И скажите послѣ этого—я ли, имѣя такіе взгляды, подрываю основы собственности, или тотъ фабрикантъ, который, платя рабочему за одну треть его рабочаго дня, двѣ трети беретъ даромъ? Или тотъ спекуляторъ, который, играя на биржѣ, разоряетъ тысячи семействъ, обогащаясь на ихъ счетъ и самъ не производя ничего? Коммунизма, какъ нѣчто обязательное, ни я, никто другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуемъ. Мы только выставляемъ на первый планъ право рабочаго на полный продуктъ его труда. Затѣмъ, какъ онъ распорядится съ этимъ продуктомъ—обратитъ ли его въ общую или частную собственность—это уже его дѣло. Мы этихъ вопросовъ предрѣшать теперь не беремся и не можемъ предрѣшать, принимая во вниманіе, что такой строй можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ, и что подобныя детали могутъ быть выработаны толь-

ко практикой. Относительно семьи я также не знаю: подрываетъ ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать семью и идти для скуднаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращаются и она, и ея дѣти, тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ; или подрываемъ семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи? Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ основателемъ христіанства. Кромѣ того, должна замѣтить, что ни одинъ свидѣтель и не говорилъ, что ему пропандировали что-либо относительно религіозныхъ вопросовъ, чтобы отрицали Бога и т. п. Свидѣтельница Дарья Скворцова говоритъ, напримѣръ: «Бога-то они на небесахъ признавали, только личность его не признавали», т. е. относились безразлично къ нѣкоторымъ обрядамъ церкви, къ почитанію иконъ и т. п. Поэтому о религіи я ничего больше говорить не буду. Въ подрываніи государства я столь-же мало виновата. Я вообще думаю, что усилія единичныхъ личностей подорвать государства не могутъ. Если государства разрушаются, то это обыкновенно происходитъ оттого, что они сами въ себѣ носятъ зародыши разрушенія. Такъ, напримѣръ, древнія государства исчезли съ лица земли, ибо они были основаны на рабствѣ,—на такомъ базисѣ, который, какъ давно извѣстно, не способствуетъ развитію обществъ. Конечно, если какое-нибудь данное государство держитъ свой народъ въ политическомъ, экономическомъ и умственномъ рабствѣ, если оно массой неоплатныхъ податей, капиталистической эксплуатаціей рабочаго и другими ненормальными экономическими и политическими отношеніями доводитъ его до нищеты, болѣзней, преступленій—то, конечно, говорю я, такое государство само ведетъ себя къ гибели, но въ этомъ ужъ невиноваты единичныя личности и группы: а, слѣдовательно, не за что ожесточенно преслѣдовать и наказывать ихъ. Въ противномъ же случаѣ, т. е. если государство находится въ совершенно благонадежномъ состояніи, то усилія этихъ лицъ не могутъ грозить ему ровно никакой опасностью; слѣдовательно, наказывать ихъ опять-таки не представляется надобности. Вотъ почему для меня совершенно непонятна логика обвинительной власти, говорящей, что «конечно, опасности для государства тутъ никакой не можетъ быть», но что «опасность все-таки существуетъ»!... Мнѣ кажется, что рѣшеніе этой дилеммы можетъ быть только одно. Меня обвиняютъ въ возбужденіи къ бунту. Но къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ и не могла возбуждать, ибо полагаю, что революція можетъ быть результатомъ цѣлаго ряда историческихъ условій, а не подстрекательства единичныхъ личностей. Рѣзня сама по себѣ для меня, конечно, совсѣмъ нежелательна. Я вовсе не имѣю тѣхъ кровожадныхъ и свирѣпыхъ наклонностей, которыя всякое обвиненіе такъ охотно приписываетъ всѣмъ пропагандистамъ. Если бы тотъ идеальный общественный строй, о которомъ мы мечтаемъ, могъ быть осуществленъ безъ всякаго насильственнаго переворота, то, конечно, мы всѣ были бы рады этому отъ души. Я полагаю только, что насильственная революція при извѣстныхъ обстоятельствахъ, есть неизбѣжное зло, которое должно исчезнуть рано или поздно, помимо даже всякихъ усилій отдѣльныхъ лицъ или группъ... Предсѣдатель сенаторъ Петерсъ. Эти разсужденія не идутъ къ дѣлу.—Бардина. Я желаю только изложить свой взглядъ на революцію и пропаганду: думаю, что мои взгляды совпадаютъ со взглядами многихъ другихъ подсудимыхъ, и что поэтому мое объясненіе будетъ не

безполезно, если выставить гг. судьямъ пропагандистовъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Я, господа, принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ—внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго общественнаго строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно; указать ему недостатки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ, но, когда наступитъ это будущее, мы не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе отъ насъ не зависитъ. Я полагаю, что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко. Обвиненіе говоритъ, что мы желаемъ уничтожить классы, и понимаетъ это въ такомъ смыслѣ, что мы хотимъ вырѣзать поголовно всѣхъ помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и всѣхъ богатыхъ вообще. Но это опять-таки недоразумѣніе. Мы стремимся уничтожить привилегіи, обусловливающія дѣленіе людей на классы—на имущихъ и неимущихъ, но не самыя личности, составляющія эти классы. Я полагаю, что нѣтъ даже физической возможности вырѣзать такую массу людей, если бы у насъ и оказались такія свирѣпыя наклонности. Мы не хотимъ также основать какое-то царство рабочаго сословія, какъ сословія, которое, въ свою очередь, стало бы угнетать другія сословія, какъ то предполагаетъ обвиненіе. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству постольку, поскольку оно не зависитъ, конечно, отъ личныхъ особенностей, отъ особенностей темперамента, пола, возраста и т. п. Это можетъ показаться утопичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ужъ кровожаднаго-то и безнравственнаго здѣсь ничего нѣтъ. На Западѣ такого рода пропаганда ведется каждодневно и рѣшительно никого не поражаетъ своимъ радикализмомъ, не смущаетъ умы и не волнуетъ общество—можетъ быть потому, что тамъ давно привыкли обсуждать всѣ подобные вопросы, главнымъ образомъ, публично... Обвиненіе называетъ насъ политическими революціонерами; но если бы мы стремились произвести политическій coup d'état, то мы не такъ стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло то именно въ томъ, что мы къ такому coup d'état вовсе и не стремимся. Обвиненіе говоритъ еще, что мы хотимъ водворитъ анархію въ обществѣ. Да, мы дѣйствительно стремимся къ анархическому устройству общества, но дѣло въ томъ, что это слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ современная литература и я лично, вовсе не означаетъ безпорядка и произвола. Анархія, напротивъ, стремится водворить гармонію и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Она не есть произволъ личностей, ибо она признаетъ, что свобода одного лица кончается тамъ, гдѣ начинается свобода другого. Она есть только отрицаніе той утѣсняющей власти, которая подавляетъ всякое свободное развитіе общества. Итакъ, разобравъ всѣ возводимыя на меня преступленія, я нахожу, что я въ сущности ни въ одномъ изъ нихъ невиновата. Но какъ бы то ни было, и какова бы ни была моя участь я, господа судьи, не прошу у васъ милосердія и не желаю его. Преслѣдуйте насъ, какъ хотите, но я глубоко убѣждена, что такое широкое движеніе, продолжающееся уже нѣсколько лѣтъ сряду и вызванное, очевидно, самимъ духомъ времени, не можетъ быть остановлено никакими репрессивными мѣрами...—Предсѣдатель сенаторъ Петерсъ. Намъ совсѣмъ не нужно знать, въ чемъ вы такъ убѣждены.—Бардина. Оно можетъ быть, пожалуй, подавлено на нѣкоторое время, но тѣмъ съ большей силой оно возродится снова, какъ это всегда бываетъ послѣ всякой реакціи подобнаго рода,—и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наши идеи не вос-

торжествуютъ. Я убѣждена еще въ томъ, что наступитъ день, когда даже и наше сонное и лѣнивое общество проснется и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободную исповѣдь своихъ убѣжденій! И тогда оно отомститъ за нашу гибель... Преслѣдуйте насъ—за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи — увы!—на штыки не улавливаются!...

Рѣчь Петра Алексѣевича Алексѣева.

Мы, милліоны людей рабочаго населенія, чуть только станемъ сами ступать на ноги, бываемъ брошены отцами и матерями на произволъ судьбы, не получая никакого воспитанія, за неимѣніемъ школъ и времени отъ непосильнаго труда и скуднаго за это вознагражденія. Десяти лѣтъ—мальчишками насъ стараются проводить съ хлѣба долой на заработки. Что же насъ тамъ ожидаетъ? Понятно, продаемся капиталисту на сдѣльную работу изъ-за куска чернаго хлѣба, поступаемъ подъ присмотръ взрослыхъ, которые розгами и пинками пріучаютъ насъ къ непосильному труду, питаемся кое-чѣмъ, задыхаемся отъ пыли и испорченнаго, зараженнаго разными нечистотами воздуха. Спимъ гдѣ попало—на полу, безъ всякой постели и подушки въ головахъ, завернутые въ какое-нибудь лохмотье и окруженные со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ множествомъ разныхъ паразитовъ... Въ такомъ положеніи нѣкоторые навсегда затупляютъ свою умственную способность, и не развиваются нравственныя понятія, усвоенныя еще въ дѣтствѣ; остается все то, что только можетъ выразить одна грубо воспитанная, всѣми забитая, отъ всякой цивилизаціи изолированная, мускульнымъ трудомъ зарабатывающая хлѣбъ рабочая среда. Вотъ что намъ, рабочимъ, приходится выстрадать подъ ярмомъ капиталиста въ этотъ дѣтскій періодъ. И какое мы можемъ усвоить понятіе по отношенію къ капиталисту, кромѣ ненависти? Подъ вліяніемъ такихъ жизненныхъ условій съ малолѣтства закаляется у насъ рѣшимость до поры терпѣть, съ затаенной ненавистью въ сердцѣ, весь давящій насъ гнетъ капиталистовъ и безъ возраженій переносить всѣ причиняемыя намъ оскорбленія. Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; изъ этого заработка всѣ капиталисты безъ зазрѣнія совѣсти стараются всевозможными способами отнять у рабочихъ трудовую копейку и считаютъ этотъ грабежъ доходомъ. Самые лучшіе, для рабочихъ, изъ московскихъ фабрикантовъ и тѣ, сверхъ скуднаго заработка, эксплоатируютъ и тиранятъ рабочихъ слѣдующимъ образомъ. Рабочій отдается капиталисту на задѣльную работу, безпрекословно и съ точностью исполнять всѣ рабочіе дни и работу, для которой поступилъ, не исключая и безплатныхъ хозяйскихъ чередовъ. Рабочіе склоняются передъ капиталистомъ, когда имъ, по праву или не по праву, пишутъ штрафъ, боясь лишиться куска хлѣба, который достается имъ 17-ти часовымъ дневнымъ трудомъ. Впрочемъ, я не берусь описывать подробности всѣхъ злоупотребленій фабрикантовъ, потому что слова мои могутъ показаться неправдоподобными для тѣхъ, которые не хотятъ знать жизни работниковъ и не видѣли московскихъ рабочихъ, живущихъ у знаменитыхъ русскихъ фабрикантовъ: Бабкина, Гучкова, Бутикова, Морозова и другихъ.—Предсѣдатель сенаторъ Петерсъ. Это все равно, вы можете этого не говорить.—Петръ Алексѣевъ. Да, дѣйствительно, все равно, вездѣ одинаково рабочіе доведены до самаго жалкаго состоянія. 17-ти часовой дневной трудъ—и едва можно заработать 40 копеекъ! Это ужасно! При такой дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ приходится выдѣлять изъ этого

скуднаго заработка на поддержку семейнаго существованія и уплату казенныхъ податей! Нѣтъ! При настоящихъ условіяхъ жизни работниковъ невозможно удовлетворять самымъ необходимѣйшимъ потребностямъ человѣка. Пусть пока они умираютъ голодной, медленной смертью, а мы, скрѣпя сердце, будемъ смотрѣть на нихъ до тѣхъ поръ, пока освободимъ изъподъ ярма нашу усталую руку, и свободно можемъ тогда протянуть ее для помощи другимъ! Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти какъ-то прискорбно, а въ особенности сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ человѣку, который чуть ли не съ самой колыбели всю свою жизнь зарабатывалъ 17-ти часовымъ трудомъ кусокъ чернаго хлѣба. Я нѣсколько знакомъ съ рабочимъ вопросомъ нашихъ собратьевъ-западниковъ. Они во многомъ не походятъ на русскихъ: тамъ не преслѣдуютъ, какъ у насъ, тѣхъ рабочихъ, которые всѣ свои свободныя минуты и много безсонныхъ ночей проводятъ за чтеніемъ книгъ; напротивъ, тамъ этимъ гордятся, а объ насъ отзываются, какъ о народѣ рабскомъ, полудикомъ. Да какъ иначе о насъ отзываться? Развѣ у насъ есть свободное время для какихъ-нибудь занятій? Развѣ у насъ учатъ съ малолѣтства чему-нибудь бѣдняка? Развѣ у насъ есть полезныя и доступныя книги для работника? Гдѣ и чему они могутъ научиться? А загляните въ русскую народную литературу! Ничего не можетъ быть разительнѣе того примѣра, что у насъ издаются для народнаго чтенія такія книги, какъ «Бова королевичъ», «Еруслань Лазаревичъ», «Ванька Каинъ», «Женихъ въ чернилахъ и невѣста во щахъ» и т. п. Оттого-то въ нашемъ рабочемъ народѣ и сложились такія понятія о чтеніи: одно—забавное, а другое — божественное. Я думаю каждому извѣстно, что у насъ въ Россіи рабочіе все еще не избавлены отъ преслѣдованій за чтеніе книгъ; а, въ особенности, если у него увидятъ книгу, въ которой говорится о его положеніи—тогда ужъ держись! Ему прямо говорятъ: «ты, братъ, не похожъ на рабочаго, ты читаешь книги». И страннѣе всего то, что и иронія незамѣтно въ этихъ словахъ, что въ Россіи походить на рабочаго то же, что походить на животное. Господа! неужели кто полагаетъ, что мы, работники, ко всему настолько глухи, слѣпы, нѣмы и глупы, что не слышимъ, какъ насъ ругаютъ дураками, лѣнтяями, пьяницами? Что ужъ какъ будто и на самомъ дѣлѣ работники заслуживаютъ слыть въ такихъ порокахъ? Неужели мы не видимъ, какъ вокругъ насъ все богатѣютъ и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можемъ сообразить и понять, почему это мы такъ дешево цѣнимся и куда дѣвается нашъ невыносимый трудъ? Отчего это другіе роскошествуютъ, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы, работники, не чувствуемъ, какъ тяжело повисла на насъ такъ называемая всесословная воинская повинность? Неужели мы не знаемъ, какъ медленно и нехотя рѣшался вопросъ о введеніи сельскихъ школъ для образованія крестьянъ, и не видимъ, какъ сумѣли это поставить? Неужели намъ не грустно и не больно было читать въ газетахъ высказанное мнѣніе о наймѣ рабочаго класса? Тѣ люди, которые такого мнѣнія о рабочемъ народѣ, что онъ не чувствителенъ и ничего не понимаетъ, глубоко ошибаются. Рабочій же народъ, хотя и остается въ первобытномъ положеніи и до настоящаго времени не получаетъ никакого образованія, смотритъ на это какъ на временное зло, какъ и на самую правительственную власть, временно захваченную силою, и только для одного разнообразія ворочающую все съ лица да на изнанку. Да больше и ждать отъ нея нечего! Мы, рабочіе, желали и ждали отъ правительства, что оно не будетъ дѣлать тягостныхъ для насъ нововведеній, не станетъ поддерживать рутины и обезпечитъ матеріально крестьянина, выведетъ его изъ первобытнаго положенія и пойдетъ скорыми шагами впередъ. Но, увы! Если оглянемся назадъ, то получаемъ

полное разочарованіе, и если при этомъ вспомнимъ незабвенный, предполагаемый день для русскаго народа, день, въ который онъ съ распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обезпечить свою будущую судьбу, благодарилъ царя и правительство,—19-го февраля. И что же? И это для насъ было только одной мечтой и сномъ!.. Эта крестьянская реформа 19-го февраля 61 года, реформа, «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самимъ народомъ, не обезпечиваетъ самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянина. Мы по-прежнему остались безъ куска хлѣба съ клочками никуда нег. дной земли и перешли въ зависимость къ капиталисту. Именно, если свидѣтель, приказчикъ фабрики Носовыхъ, говоритъ, что у него за исключеніемъ праздничнаго дня всѣ рабочіе подъ строгимъ надзоромъ, и неявившійся въ назначеный срокъ на работу не остается безнаказаннымъ, а окружающія ихнюю сотни подобныхъ же фабрикъ набиты крестьянскимъ народомъ, живущимъ при такихъ же условіяхъ,—значитъ—они всѣ крѣпостные! Если мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ вынуждены просить повышенія пониженной самимъ капиталистомъ заработной платы, насъ обвиняютъ въ стачкѣ и ссылаютъ въ Сибирь—значитъ, мы крѣпостные! Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать разсчета, вслѣдствіе перемѣны доброты матеріала и притѣсненія отъ разныхъ штрафовъ, насъ обвиняютъ въ составленіи бунта и прикладомъ солдатскаго ружья приневоливаютъ продолжать у него работу, а нѣкоторыхъ, какъ зачинщиковъ, ссылаютъ въ дальніе края,—значитъ, мы крѣпостные! Если изъ насъ каждый отдѣльно не можетъ подавать жалобу на капиталиста и первый же встрѣчный квартальный бьетъ намъ въ зубы кулакомъ и пинками гонитъ вонъ,—значитъ мы крѣпостные! Изъ всего мною вышесказаннаго видно, что русскому рабочему народу остается только надѣяться самимъ на себя и не отъ кого ожидать помощи, кромѣ отъ одной нашей интеллигентной молодежи... Предсѣдатель вскакиваетъ и кричитъ: «Молчите! Замолчите»! Петръ Алексѣевъ (возвысивъ голосъ, продолжаетъ): Она одна братски протянула къ намъ свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голосъ на всѣ слышанные крестьянскіе стоны Россійской Имперіи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значатъ и отчего это отовсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не можетъ холодно смотрѣть на этого изнуреннаго, стонущаго подъ ярмомъ деспотизма, угнетеннаго крестьянина. Она одна, какъ добрый другъ, братски протянула къ намъ свою руку и отъ искренняго сердца желаетъ вытащить насъ изъ затягивающей пучины на благопріятный для всѣхъ стонущихъ путь. Она одна, не опуская рукъ, ведетъ насъ, раскрывая всѣ отрасли для выхода всѣхъ нашихъ собратьевъ изъ этой лукаво построенной ловушки, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ насъ самостоятельными проводниками къ общему благу народа. И она одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока (говоритъ, поднявъ руку) подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда.... Предсѣдатель волнуется и, вскочивъ, кричитъ: «молчать! молчать!» Петръ Алексѣевъ (возвышая голосъ):... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!...

Рѣчь Семена Ивановича Агапова.

Гг. Судьи! Я не буду отрицать то, что я былъ пропагандистомъ, но я желаю высказать причины, которыя привели меня на скамью подсудимыхъ. Я—рабочій; я съ малолѣтства жилъ на фабрикахъ и на заводахъ, гдѣ былъ всегда честнымъ старательнымъ работникомъ. Я не намѣренъ утруждать вниманіе особаго присутствія описаніемъ тяжкаго, безотраднаго

положенія нашихъ рабочихъ: оно болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ и каждому. Очень понятно, что я искалъ какого-либо выхода изъ этого невыносимаго положенія. Я много думалъ о средствахъ улучшенія быта рабочихъ и, наконецъ, сдѣлался пропагандистомъ. Цѣль моей пропаганды заключалась въ томъ, чтобы подготовить рабочихъ къ соціальной революціи, безъ которой имъ, по моему мнѣнію, никогда не добиться существеннаго улучшенія своего положенія. Я не раскаиваюсь въ своихъ поступкахъ, я твердо убѣжденъ въ томъ, что не сдѣлалъ ничего дурного, а только исполнилъ свой долгъ, долгъ честнаго рабочаго, искренно, всей душой преданнаго интересамъ своихъ бѣдныхъ, замученныхъ собратій! Больше сказать я ничего не имѣю.

За процессомъ пятидесяти послѣдовало разбирательство въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената дѣла лицъ, обвинявшихся въ принадлежности къ «Южно Русскому Рабочему Союзу». По этому дѣлу даже самаго краткаго отчета русское правительство дать не соблаговолило. Почему? Не потому ли, что обвиняемыми по дѣлу «Союза» явились почти исключительно рабочіе? Между тѣмъ, ко времени разбора этого дѣла (съ 23-го по 29-е мая 1877 г.) съ правительствомъ случилась такая непріятность: въ Петербургъ пріѣхалъ И. С. Тургеневъ и просилъ разрѣшенія присутствовать на процессѣ. Отказать знаменитому писателю было какъ-то неловко, и Тургеневъ, какъ передавалъ намъ это одинъ изъ участниковъ процесса, находился все время въ залѣ засѣданій суда, сидя за судейскими креслами. Это обстоятельство, видимо, дѣйствовало на судей, ибо за ходомъ разбиравшагося по-азіатски, безъ дневного свѣта, дѣла наблюдалъ «европеецъ» въ полномъ смыслѣ этого слова. И, все-таки, процессъ не былъ опубликованъ. Мы печатаемъ, поэтому, о немъ только обвинительный актъ и приговоръ, помѣщенные въ V-ой книжкѣ журнала «Впередъ».

Обвинительный актъ,

коимъ предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената: дворянинъ Евгеній Осиповъ Заславскій, 30 лѣтъ, итальянскій подданный Михаилъ Петровъ Сквери, 20 л., неизвѣстнаго происхожденія и званія Янъ Рыбицкій, именующій себя турецкимъ подданнымъ Христофоромъ-Яни Рыбицкимъ 25 лѣтъ, мѣщане: одесскій, Федоръ Ивановъ Кравченко, 23 л., одесскій, Степанъ Дмитріевъ Лущенко, 37 л., елисаветградскій, Петръ Максимовъ Силенко 27 л., ольвіопольскій, Виталисъ Яковлевъ Мрачковскій, 20 л., липовецкій, Степанъ Степановъ Наумовъ, 27 л., черкасскій Макаръ Романовъ Короленко, 19 л., нѣжинскій Михаилъ Ѳомичъ Курганскій, 25 л., севастопольскій Николай Борисовъ Надачинъ, 24 л., и аккерманскій Капитонъ Мартыновъ Волощукъ, 35 л., сынъ священника Митрофанъ Яковлевъ Ляховичъ, 28 л., и безсрочно-отпускные унтеръ-офицеры Георгій Никифоровъ Тараненко, 36 л., и Федоръ Денисовъ Соколовъ, 36 л., по обвиненію ихъ въ государственныхъ преступленіяхъ, а Рыбицкій сверхъ того и въ проживательствѣ подъ именемъ турецкаго подданнаго, съ незаконно пріобрѣтеннымъ имъ турецкимъ паспортомъ.

Служащій машинистомъ на одесской желѣзной дорогѣ крестьянинъ Павелъ Толстоносовъ въ концѣ ноября 1875 г. заявилъ начальнику жандармскаго управленія г. Одессы, что образовалось революціонное общество съ цѣлью распространять въ народѣ противоправительственнаго содержанія книги, и что узналъ онъ объ этомъ въ трактирѣ отъ неизвѣстнаго ему молодого человѣка, который приглашалъ его вступить въ это общество. 10 го же декабря, въ доказательство справедливости своего заявленія, Тол-

стоносовъ представилъ тому же начальнику жандармскаго управленія 9 номеровъ газеты «Впередъ», 3 номера газеты «Работникъ», «Сказку о 4-хъ братьяхъ» въ 2 экземплярахъ, «Сказку о Мудрицѣ Наумовнѣ», «Хитрую механику», «Очерки фабричной жизни», «Паровую машину», «Мужицкую правду», «Грамоту», «Исторію одного французскаго крестьянина», «Разныя мысли человѣка, не имѣющаго притязанія на философа», «Артели рабочихъ» и «Народныя чтенія въ соляномъ городкѣ». При слѣдствіи Толстоносовъ показалъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ 1875 г. случилось ему какъ-то зайти въ трактиръ «Парижъ», гдѣ онъ и принялся за чтеніе газетъ. Находившійся тамъ неизвѣстный ему человѣкъ, какъ оказалось впослѣдствіи, что именующій себя турецкимъ подданнымъ, Рывицкій, подойдя къ нему, сказалъ, что газеты, которыя онъ читаетъ, не стоитъ читать, и предложилъ ему газету «Работникъ», прося по прочтеніи возвратить ее. Нѣсколько дней спустя, встрѣтивъ Рывицкаго на улицѣ, онъ, возвративъ ему газету «Работникъ», вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Рывицкій сообщилъ ему, что составился заговоръ противъ правительства и предложилъ вступить въ общество заговорщиковъ, присовокупивъ, что онъ, какъ поступающій позже другихъ, долженъ внести въ кассу и больше денегъ, а именно, 10 р. сер., и что книги и газеты онъ можетъ получать отъ членовъ общества, знакомыхъ ему рабочихъ желѣзной дороги, Мрачковскаго и Курганскаго. Подстрекаемый любопытствомъ и желаніемъ разузнать, въ чемъ дѣло, онъ обратился съ распросами къ Мрачковскому, который подтвердилъ, что общество дѣйствительно существуетъ, что оно имѣетъ много членовъ, и притомъ не въ одной Одессѣ, а повсюду, и что капитала собрано до 40 т. р., которые, въ случаѣ надобности, могутъ быть употреблены на оружіе. По приглашенію Мрачковскаго, онъ отправился на сходку въ трактиръ, гдѣ собралось человѣкъ до 30-ти и разсуждали о выборѣ депутатовъ и кассира, также объ удаленіи изъ общества Рывицкаго за то, что что онъ что-то разсказалъ своей женѣ. На этой сходкѣ, кромѣ Мрачковскаго, были: Курганскій, Кравченко, Короленко, Сквери и др. Послѣ этой сходки онъ сталъ получать отъ Мрачковскаго для чтенія: «Французскую революцію 1848 г.», «Исторію французскаго крестьянина» и газету «Впередъ». Прочитавъ и возвративъ по принадлежности книги и газету, онъ, вслѣдствіе заявленія Мрачковскаго, что всѣ книги имъ сданы Силенкѣ, обратился къ послѣднему съ просьбою дать ему побольше книгъ, увѣряя, что онъ раздастъ ихъ другимъ въ престоящую ему поѣздку по линіи. Силенко далъ ему книги и газеты, которыя онъ затѣмъ и представилъ начальнику жандармскаго управленія. Кромѣ того, желая достать уставъ общества, онъ, по указанію того же Мрачковскаго, обратился къ Силенкѣ, а отъ послѣдняго узналъ, что уставъ можно получить отъ Кравченки, который, однако, не далъ ему этого устава, говоря, что онъ дастъ ему послѣ. Отъ Рывицкаго, кромѣ газеты «Работникъ», онъ получилъ тогда же и «Емельку Пугачева». По произведенному въ квартирѣ мѣщанина Федора Кравченко обыску, въ принадлежащемъ ему сундукѣ были найдены разныя книги и въ числѣ ихъ противоправительственнаго содержанія: «Сказка-говоруха» и «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ». Обвиняемый Виталисъ Мрачковскій показалъ, что лѣтомъ 1875 г., бывая у знакомаго ему рабочаго желѣзной дороги, Курганскаго, видѣлъ, что онъ и другой рабочій, Короленко, читаютъ газету «Впередъ». На просьбу его дать и ему эту газету, Курганскій и Короленко отвѣчали, что она запрещенная и что прежде чѣмъ получить ее для чтенія, онъ долженъ побывать на сходкахъ. Въ первый же праздничный день онъ отправился съ этими лицами въ трактиръ въ городскомъ саду, гдѣ собралось человѣкъ до 30-ти рабочихъ. Напившись чаю и ни съ кѣмъ не говоря, онъ ушелъ оттуда, а черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отъ

Короленки газету «Работникъ» Въ слѣдующій праздникъ, по приглашенію Короленки, онъ отправился на сходку за городъ. Въ этотъ разъ Сквери читалъ уставъ, называющійся, сколько ему помнится, «Уставомъ Южно-Россійскаго союза рабочихъ», который, какъ неоконченный, былъ взятъ Сквери для дополненія. На слѣдующей сходкѣ разрѣшались вопросы о займѣ Курганскому 25 р. и объ исключеніи Рывицкаго за невозвращеніе взятыхъ имъ изъ кассы денегъ. Кромѣ того участвовавшій, какъ въ этой такъ и въ предыдущихъ сходкахъ, дворянинъ Евгеній Заславскій говорилъ, что рабочіе обременены тяжелою работой и податями, и что, если правительство для нихъ ничего не сдѣлаетъ, то имъ слѣдуетъ взбунтоваться и идти даже противъ войска. Тогда же былъ принятъ и составленный Сквери уставъ, въ которомъ говорилось, что рабочіе должны быть одинъ за всѣхъ и всѣ за одного. На слѣдующей сходкѣ, имѣвшей собраться въ томъ же мѣстѣ, онъ не былъ, а когда наступили холода, то стали собираться по трактирамъ, но и тамъ онъ почти не бывалъ, хотя Силенко заставлялъ его ходить на сходки, говоря, что это необходимо, чтобы не забывали другъ друга. Общество имѣло кассу состоявшую изъ взносовъ по 1 р. сер. въ мѣсяцъ и предназначавшуюся для вспомоществованія не имѣющимъ мѣста рабочимъ. Для сбора съ рабочихъ денегъ въ кассу, которою завѣдовалъ Лущенко, выбирались депутаты, на обязанности коихъ лежало и ознакомленіе рабочихъ съ составленнымъ Сквери уставомъ, который и выдавался депутатамъ, но въ сокращенномъ видѣ. Противоправительственнаго содержанія книги получалъ онъ отъ Силенки и Кравченки, и въ свою очередь раздавалъ ихъ рабочимъ Курганскому, Быстріевскому и одинъ разъ Толстоносову. Руководителями на сходкахъ и вездѣ между рабочими были: Заславскій, Сквери, Кравченко и Силенко. Кромѣ этихъ лицъ участвовали во всѣхъ сходкахъ: Короленко, Курганскій, Наумовъ, Рывицкій, Лущенко и другіе. Послѣдняя сходка, на которой онъ присутствовалъ, происходила ночью въ квартирѣ Заславскаго. Въ комнату, въ которой собралось человѣкъ до 20-ти, Заславскій и Наумовъ притащили большой тюкъ запрещенныхъ книгъ и газетъ, которыя и розданы были присутствующимъ. Вполнѣ сознавая, что онъ, Мрачковскій, принадлежитъ къ противозаконному сообществу, онъ не имѣлъ возможности отстать отъ него, такъ какъ Кравченко и Силенко нѣсколько разъ говорили ему, что если онъ станетъ удаляться или даже не повиноваться обществу, то его убьютъ. Обвиняемый, мѣщанинъ Макаръ Короленко, сознаваясь, что съ лѣта 1875 г. онъ присоединился къ сообществу рабочихъ, объяснилъ, что побудилъ его къ этому рабочій Силенко, который давалъ ему сначала запрещенныя книги: «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Хитрую механику» и другія, а затѣмъ сталъ внушать ему, что безъ правительства было бы гораздо лучше, и убѣждалъ, поступить въ общество, имѣющее цѣлью устроить, чтобы никто ничего своего не имѣлъ, и чтобы все было общее, что и будетъ достигнуто, когда такія общества распространятся по всей Россіи. Въ квартирѣ Рывицкаго, куда повелъ его Силенко, Заславскій говорилъ, что рабочіе платятъ много податей, а, между тѣмъ, всѣ деньги уходятъ на царскіе проѣзды и другія церемоніи. На сходкѣ, на которой разсуждали между прочимъ объ исключеніи Рывицкаго за болтливость, Заславскій училъ, что для привлеченія рабочихъ къ обществу, слѣдуетъ внушать имъ, что рабочимъ живется скверно, что безъ царя было бы лучше, а затѣмъ давать запрещенныя книги для чтенія. Если же послѣ того кто-нибудь изъ такихъ рабочихъ не пристанетъ къ обществу и будетъ для него опасенъ, того можно будетъ и убрать. Кромѣ Заславскаго руководителями общества были: Сквери, Кравченко и Силенко. Уставъ общества онъ видѣлъ у Кравченки и Силенки, но кѣмъ онъ былъ писанъ, не знаетъ. Мѣщанинъ Миха-

илъ Курганскій (обвиняемый) показалъ, что Короленко познакомилъ его сначала съ Рывицкимъ, а затѣмъ съ Заславскимъ, который и уговорилъ его принять участіе въ кассѣ, устроенной съ цѣлью помогать остающимся безъ мѣста рабочимъ. Внеся рублей до 2-хъ, онъ обратился къ Мрачковскому съ просьбой, чтобы ему изъ кассы выдали заимообразно 20 руб., въ чемъ ему отказали, по словамъ Мрачковскаго потому, что его мало знаютъ. Тогда онъ обругалъ Заславскаго, Короленко и Силенко, сказалъ, что и самъ всѣхъ ихъ знать не хочетъ. Послѣ этого, на сходкѣ за городомъ, куда онъ отправился по приглашенію Силенки, Заславскій и Сквери, сдѣлавъ ему выговоръ за то, что онъ обругалъ ихъ, и сказавъ, что ему будутъ выданы деньги, если онъ будетъ слушать и ходить туда, куда прикажутъ, присовокупили, что за нимъ будутъ слѣдить, и если онъ началъ что-либо о нихъ разсказывать, то убьютъ его. На этой сходкѣ читался уставъ такого же содержанія, какъ имѣющійся при дѣлѣ, хотя какъ будто короче послѣдняго. Въ обсужденіи этого устава принимали участіе Заславскій, Сквери, Кравченко и Силенко, которые, какъ онъ замѣтилъ, были главными лицами на сходкѣ, и находили, что въ уставѣ нужно кое-что прибавить и убавить, и затѣмъ раздать депутатамъ для прочтенія каждымъ изъ нихъ въ своемъ кружкѣ. Кромѣ этой онъ былъ еще на двухъ сходкахъ, одной за городомъ, на которой судили Рывицкаго за болтливость, и другой въ трактирѣ, на которой выбирали депутатовъ. На другихъ сходкахъ онъ не бывалъ, но отъ Короленки и Силенки слышалъ, что сходки собираются часто. У Мрачковскаго онъ видѣлъ: «Сказку о 4-хъ братьяхъ», а Короленко давалъ ему читать кромѣ этой сказки еще «Емелька Пугачевъ», но откуда доставали эти книги они, не знаетъ. Мѣщанинъ Иванъ Чимеренко показалъ, что весной 1875 г., узнавъ отъ Рывицкаго, что онъ, Сквери и Лущенко, задумали учредить для рабочихъ ссудо-сберегательную кассу, отправился, по приглашенію Рывицкаго, къ нему на квартиру для обсужденія составленнаго Сквери устава для этой кассы. Въ числѣ собравшихся у Рывицкаго 10—12 человѣкъ были: Сквери, Лущенко, Заславскій, Шатунскій и Кравченко. Заславскій утверждалъ, что составленный Сквери уставъ слѣдуетъ измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы капиталъ оставался неприкосновеннымъ и чтобы рабочіе не могли взять обратно сдѣланныхъ ими взносовъ, и обѣщалъ совмѣстно съ Сквери составить другой уставъ. Недѣли черезъ 2 или 3, Рывицкій и Сквери пригласили его за городъ въ садъ, куда явилось человѣкъ 15—20, и Заславскій объявилъ, что нѣтъ надобности въ ссудо-сберегательной кассѣ, а необходимо учредить общество, которое дѣйствовало бы противъ правительства, а ссудо-сберегательную кассу обратить въ кассу этого общества, причемъ кто-то замѣтилъ, что того, кто измѣнитъ обществу, можно убить. Въ чемъ именно должны были заключаться противоправительственныя цѣли общества, ему не было извѣстно, такъ какъ онъ всему этому не сочувствовалъ, старался держаться въ сторонѣ, отказался отъ депутатства, а въ іюлѣ мѣсяцѣ и совсѣмъ отсталъ отъ общества. Изъ одного лишь любопытства онъ въ августѣ мѣсяцѣ въ послѣдній разъ былъ на сходкѣ, на которой разсуждали объ исключеніи Рывицкаго. Вождемъ общества былъ Заславскій, который и старался первенствовать, а за нимъ главнымъ лицомъ былъ Сквери. Крестьянинъ Платонъ Тисельскій показалъ, что осенью 1875 г. у него нанялъ квартиру, рабочій Силенко, который, имѣя у себя постоянно много книгъ и газетъ привозимыхъ, по его словамъ, изъ-за границы Ляховичемъ, сталъ давать ему для чтенія газеты «Впередъ» и «Работникъ» и книгу «Сказка о 4-хъ братьяхъ», говоря, что если мы будемъ читать эти книги, то не будетъ начальства и избавимся отъ платежа податей; что царя теперь не нужно; что онъ нуженъ былъ тогда, когда народъ былъ необразованъ, и что устрои-

лось общество, которое добьется того, что будетъ равенство и свобода и что они сами будутъ управлять. Всѣ эти разговоры ему не нравились, онъ сталъ чуждаться Силенки и старался даже выжить его изъ квартиры, но Силенко называлъ его дурнемъ Божіимъ, ничего не понимающимъ, и грозилъ, что если онъ донесетъ на него, то узнаетъ объ этомъ общество и его убьютъ. Эти угрозы побудили его молчать. Книги и газеты, привозимыя Ляховичемъ, Силенко, какъ онъ говорилъ, получалъ отъ Заславскаго. Обвиняемый мѣщанинъ Петръ Силенко показалъ, что его вовлекъ въ преступленіе Кравченко, съ которымъ онъ сблизился весною 1875 года, такъ какъ Кравченко постоянно говорилъ ему о безвыходномъ положеніи рабочихъ, о необходимости устроить кассу вспомоществованія нуждающимся рабочимъ и, давая ему для чтенія запрещенныя книги, убѣждалъ его не бояться, говоря, что у того, кто читаетъ такія книги, на лбу это не написано. На сходкахъ Заславскій много говорилъ противъ правительства; иногда на сходкахъ читали запрещенныя книги. Членомъ общества считался всякій, кто соглашался признать уставъ подъ названіемъ: «Уставъ Южно-Россійскаго союза рабочихъ». Главными лицами на сходкахъ и въ обществѣ были: Заславскій, Кравченко, Сквери и Лущенко. Послѣдній былъ кассиромъ общества. Запрещенныя книги и газеты онъ получалъ и отъ Заславскаго, и, въ свою очередь, давалъ ихъ читать Короленкѣ, Тисельскому и разъ—Толстоносову. Обвиняемый дворянинъ Евгеній Осиповъ Заславскій при дознаніи ни въ чемъ виновнымъ себя не призналъ а при слѣдствіи отказался вовсе отъ дачи отвѣтовъ. Обвиняемый мѣщанинъ Ѳедоръ Кравченко, не сознаваясь ни въ принадлежности къ Южно-Россійскому союзу рабочихъ, ни даже въ знакомствѣ съ Заславскимъ, объяснилъ, что о существованіи преступнаго сообщества рабочихъ ничего не зналъ, на сходкахъ не бывалъ никого въ общество не привлекалъ и устава никогда не видѣлъ. Относительно найденыхъ у него книгъ Кравченко показалъ, что «Сказку-говоруху» онъ купилъ у разносчика, а «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ» получилъ отъ неизвѣстнаго человѣка на улицѣ. Что книги эти запрещенныя, ему извѣстно не было и онъ читать ихъ никому не давалъ. Обвиняемый Степанъ Лущенко и именующій себя турецкимъ подданнымъ Христофоромъ-Яни Рывицкимъ въ участіи въ противоправительственной пропагандѣ въ средѣ рабочихъ г. Одессы, въ принадлежности къ составившемуся съ этой цѣлью сообществу и въ знаніи о немъ виновными себя не признали. Итальянскій подданный Михаилъ Сквери (обвиняемый) показалъ, что по просьбѣ Лущенки и Рывицкаго имъ былъ составленъ уставъ ссудо-сберегательной кассы, которую предполагалось устроить для рабочихъ. Заславскій нашелъ, что этотъ уставъ не годится, и передѣлалъ его сначала въ «уставъ братской кассы одесскихъ рабочихъ», въ которомъ говорилось о борьбѣ рабочихъ съ привилегированными классами и съ жизненными обстоятельствами, а затѣмъ окончательно въ «Уставъ Южно-Россійскаго союза рабочихъ». Этотъ послѣдній уставъ онъ, по просьбѣ же Заславскаго, переписалъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, изъ коихъ два приложены къ дѣлу. Принадлежа по молодости лѣтъ къ преступному обществу, единственнымъ руководителемъ коего былъ Заславскій, самъ онъ, Сквери, никакихъ преступныхъ идей не распространялъ и никого къ обществу не привлекалъ. Запрещенныя книги онъ получалъ на сходкахъ, гдѣ онѣ ходили по рукамъ, и полагаетъ, что давалъ эти книги Заславскій, такъ какъ другого источника не было. Два экземляра переписаннаго Сквери устава были случайно найдены въ снѣгу на улицѣ сыномъ одесскаго мѣщанина, мальчикомъ Петромъ Шепелевымъ, и приложены къ дѣлу. Въ этомъ «Уставѣ Южно-Россійскаго союза рабочихъ» говорится, между про-

чимъ, что рабочіе, сознавая, что установившійся нынѣ относительно рабочихъ порядокъ не соотвѣтствуетъ истиннымъ требованіямъ справедливости, что рабочіе могутъ достигнуть признанія своихъ правъ только путемъ насильственнаго переворота, который уничтожитъ всякія привилегіи и преимущества,—рабочіе южно-россійскаго края соединяются въ одинъ союзъ, поставляя себѣ цѣлью: а) пропаганду идеи освобожденія рабочихъ изъподъ гнета капитала и привилегированныхъ классовъ; б) объединеніе рабочихъ южно-россійскаго края и в) для будущей борьбы съ установившимся экономическимъ и политическимъ порядкомъ. О кассѣ союза говорится, что суммы ея предназначаются для пропаганды идеи освобожденія рабочихъ, впослѣдствіи же и для борьбы за эту идею. Въ 4 пунктѣ излагается правило союза: «одинъ за всѣхъ и всѣ за одного»; по 5-му пункту членъ союза, проговорившійся о существованіи послѣдняго постороннему лицу или не исполняющій въ точности своихъ обязанностей, считается измѣнникомъ; 6-ой пунктъ устава требуетъ отъ каждаго члена готовности на всякую жертву, какая окажется небходимою для спасенія союза. Остальные затѣмъ пункты заключаютъ въ себѣ правила относительно взносовъ, порядка расходованія суммъ, о кассирѣ, кружкахъ и депутатахъ. Въ уставѣ говорится еще, что союзъ раздѣляется на общества, которыхъ теперь два: одесское и ростовское. Обвиняемый, сынъ священника Митрофанъ Ляховичъ, сознаваясь въ томъ, что онъ, служа угольщикомъ на пароходѣ «Лазаревъ», привозилъ изъ-за границы запрещенныя книги и газеты, которыя, какъ онъ объяснилъ, были получаемы имъ въ Лондонѣ отъ русскихъ —Пустового и Ларіонова, показалъ, что въ первый разъ онъ продалъ 4 книги Волощуку за 1 р. 20 к., а остальныя, по указанію Лыховскаго (послѣдній остался не разысканъ), вручилъ Рывицкому. Рывицкій познакомилъ его съ Заславскимъ, отъ котораго онъ получилъ письмо для передачи Пустовому. Въ этомъ письмѣ, которое онъ распечаталъ и прочиталъ, Заславскій писалъ, что онъ три года живетъ въ Одессѣ, что сперва дѣло шло съ трудомъ, но что теперь онъ имѣетъ уже до 40 человѣкъ, на которыхъ можетъ вполнѣ положиться. Полученныя имъ второй разъ въ Лондонѣ книги и газеты онъ выбросилъ въ море и сжегъ письмо Пустового, такъ какъ въ немъ онъ писалъ Заславскому, что этому гусю, т. е., ему, Ляховичу, онъ обѣщалъ 50 р. с., а вы поступите, какъ знаете. О сообществѣ рабочихъ ему было извѣстно отъ Лущенки, который передавалъ ему, что цѣль сообщества сдѣлать всѣхъ равными и свободными. Свидѣтель Незабитовскій показалъ, что обвиняемаго, именующаго себя Христофоромъ-Яни Рывицкимъ, онъ лѣтъ съ 11 или 12 зналъ за Яна Рыбицкаго, католика и русскаго подданнаго. Рыбицкій съ матерью, братомъ и сестрами жилъ тогда въ Каменецъ-Подольской губерніи, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ, свидѣтелемъ, 4 года учился чугунно-литейному мастерству на фабрикѣ помѣщика Мальковскаго. Почему Рыбицкій, по пріѣздѣ въ Одессу, назвалъ себя турецкимъ подданнымъ Рывицкимъ и православнымъ—не знаетъ, но онъ сознавался ему, что турецкій паспортъ купилъ у какого-то грека за 45 р. с. Рыбицкій, бывая у него весьма часто, приносилъ съ собою по нѣсколько номеровъ газеты «Впередъ», читалъ ихъ и разсказывалъ, что образовалось общество, думающее произвести революцію и перерѣзать всѣхъ правительственныхъ лицъ, что оно существуетъ не въ одной только Одессѣ, но почти во всей Россіи, и постоянно уговаривалъ его пристать къ этому обществу. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1875 г., на дачѣ у Рыбицкаго, онъ засталъ однажды Заславскаго, Лущенко, Кравченко и другихъ. Всѣ они перешли въ рощу, куда собралось человѣкъ до сорока, по преимуществу рабочихъ. Лущенко принесъ нѣсколько книгъ. Заславскій, который былъ, повидимому, главнымъ лицомъ, сталъ читать, сначала «Сказку о четырехъ братьяхъ», а затѣмъ «Про му-

жичью копейку», дѣлая свои объясненія и замѣчанія, которыми старался возбуждать собравшихся и слушавшихъ его противъ правительства. Послѣ чтенія Рыбицкій собиралъ деньги и отдавалъ ихъ Лущенкѣ, какъ кассиру. Деньги эти, какъ объяснили Заславскій и Рыбицкій, предназначались для вспомоществованія рабочимъ и для посылки пропагандистовъ въ другія мѣста. На другихъ сходкахъ онъ не былъ, но разъ по дѣлу случилось ему быть у Заславскаго, который вмѣстѣ съ находившимися у него въ то время Рыбицкимъ и Кравченко велъ и тогда разговоръ противъ правительства. Рыбицкій далъ однажды женѣ его, свидѣтеля, спрятать болѣе 20-ти запрещенныхъ книгъ. Узнавъ объ этомъ, онъ бросилъ эти книги въ отхожее мѣсто, гдѣ онѣ на другой день были найдены однимъ рабочимъ и тогда же дворникъ сжегъ ихъ. Свидѣтельница Незабитовская о разговорахъ Рыбицкаго и о принесенныхъ имъ книгахъ показала то же, что и ея мужъ. Свидѣтель Дуральскій подтвердилъ, что обвиняемый Янъ Рыбицкій, котораго онъ знаетъ приблизительно съ 1854 г., дѣйствительно, пробылъ 4 года на заводѣ Мальковскаго, что въ той же мѣстности жили его мать, братъ и сестры, и что они считались польскими дворянами. По произведенному въ Волынской губерніи разслѣдованію, показанія Незабитовскаго и Дуральскаго о прежней жизни Рыбицкаго и о составѣ всей ихъ семьи подтвердились показаніями его сестеръ, удостовѣрившихъ, что всѣ члены ихъ семьи католики, что они въ дѣтствѣ лишились отца и проживали съ матерью, нынѣ умершею, и братьями въ Россіи, и что изъ братьевъ Янъ, дѣйствительно, переѣхалъ въ Одессу. Званіе Рыбицкихъ осталось необнаруженнымъ. Изъ приложеннаго къ дѣлу паспорта, по которому проживалъ Рыбицкій, выдавая его за свой, видно, что онъ принадлежитъ турецкому поданному Христо-Ивану. Свидѣтель Сѣверинъ показалъ, что осенью или зимою 1875 года рабочій Гниляченко нашелъ въ отхожемъ мѣстѣ болѣе 20 книгъ: «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Емельку Пугачева» и другія. Узнавъ отъ Незабитовскаго, что книги эти запрещенныя, что ихъ нужно уничтожить, онъ отобралъ отъ Гниляченки взятую имъ для чтенія «Хитрую механику» и сжегъ всѣ книги. Свидѣтель Степанъ Ивановъ показалъ при дознаніи (при слѣдствіи онъ не былъ разысканъ), что съ декабря мѣсяца 1873 года онъ служилъ въ теченіе года ключникомъ при банѣ, которую содержали Заславскій и рабочіе Николай Наддачинъ, Изотовъ и Гренко. Деньги, которыя имѣли быть вырученными отъ содержанія бани, предназначались, по словамъ Наддачина, на устройство мастерской. Въ 1875 г., по закрытіи бани, онъ поступилъ въ типографію Заславскаго, который далъ ему какъ-то прочитать «Хитрую механику» и, внушая ему, что люди обогащаются трудомъ рабочихъ, что нужно уничтожить купцовъ, хозяевъ, господъ и правительство, что тогда всѣ будутъ работать и обсуждать дѣла сообща, уговаривалъ его вступить въ образовавшійся съ этой цѣлью союзъ. Работникъ Заславскаго, Наумовъ, былъ свидѣтелемъ этихъ разговоровъ и, съ своей стороны, также убѣждалъ его, свидѣтеля, пристать къ обществу или союзу, говоря, что нужно уничтожить всѣхъ богатыхъ и начальство. Отъ Наумова онъ получилъ книжку безъ заглавія, которая и осталась у него. Отъ Заславскаго онъ слышалъ, что Николай Наддачинъ принадлежитъ къ обществу и уѣхалъ для пропаганды въ Керчь. Представленная Ивановымъ и пріобщенная къ дѣлу книга, полученная имъ отъ Наумова, начинается словами: «То не вѣтеръ вѣетъ въ дубравушкѣ». Книга эта по содержанію оказалась «Сказкой-говорухой». Мѣщанинъ Дмитрій Гренко показалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ квартирѣ рабочаго Изотова, неизвѣстные ему по фамиліямъ учителя преподавали рабочимъ русскій языкъ и математику, причемъ никакихъ противоправительственныхъ идей рабочимъ не внушали. Впослѣдствіи Заславскій сталъ

читать имъ политическую экономію и при этомъ высказывалъ, что правительство и фабрикантовъ слѣдуетъ уничтожить, а фабрики и заводы отдать рабочимъ. Мысли эти казались ему глупыми, а какое впечатлѣніе онѣ производили на другихъ, не знаетъ. Лекціи посѣщали: Изотовъ, Николай Наддачинъ, Кравченко и другіе. У Изотова была также и библіотека, составленная изъ журналовъ и романовъ, полученная, какъ говорилъ Изотовъ, отъ какого-то семинариста Ковальскаго. За чтеніе книгъ изъ этой библіотеки вносилось по 7 к. въ недѣлю. По предложенію Изотова была потомъ открыта баня, на которую были употреблены и собиравшіяся за чтеніе книгъ деньги, но пользы баня не дала и была закрыта. Къ обществу, которое стремилось бы измѣнить существующій государственный порядокъ, онъ не принадлежалъ и на сходкахъ не бывалъ, но слышалъ какъ-то отъ Кравченки, что между рабочими образовалось какое-то общество, а отъ Заславскаго, что за городомъ была сходка, на которой порѣшили уничтожить того, кто бы проболтался или вздумалъ выдать ихъ правительству. Крестьянинъ Дмитрій Изотовъ, подтверждая, что въ нанятой имъ и другими рабочими квартирѣ, въ 1872—74 гг. читались лекціи сначала студентами, а потомъ Заславскимъ, что была у нихъ и маленькая библіотека, состоящая изъ учебниковъ и разныхъ русскихъ журналовъ, и что, наконецъ, была открыта баня, отъ содержанія которой участвовавшіе потерпѣли одни убытки, показалъ, что на лекціяхъ, Заславскій преступныхъ идей не проводилъ, но говорилъ, какъ-то, что фабриканты, эксплуатируютъ рабочихъ, а правительство этому покровительствуетъ. Замѣтивъ, однако, впослѣдствіи, что Заславскій преслѣдуетъ какія-то особенныя цѣли и, повидимому, старается къ чему-то подготовить рабочихъ и что у Николая Наддачина и Гренко появились полученныя ими, по ихъ словамъ, отъ Заславскаго запрещенныя книги: «Впередъ» и «Анархія», тогда же прекратилъ сношенія съ Заславскимъ, передалъ библіотеку Наддачину и въ маѣ 1875 года уѣхалъ въ Харьковъ, такъ что образовалось ли затѣмъ какое-либо общество и бывали ли сходки, ему неизвѣстно. Показанія свидѣтелей: Бондаренки—о хорошихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Заславскимъ и Николаемъ Наддачинымъ, и Иванова—о принадлежности послѣдняго къ образовавшемуся въ Одессѣ союзу рабочихъ, а также оказавшееся въ уставѣ этого союза указаніе на существованіе кромѣ одесскаго еще и ростовскаго общества—все это вызвало предположеніе, что Наддачинъ, переѣхавшій изъ Одессы въ Ростовъ, отправленъ былъ туда для распространенія противоправительственной пропаганды. Хотя въ обнаруженныхъ дознаніемъ и слѣдствіемъ данныхъ предположеніе это и не нашло достаточнаго подтвержденія, но, по произведенному въ Ростовѣ въ мастерской желѣзной дороги, въ которой работалъ Наддачинъ, обыску, въ ящикѣ его оказались слѣдующія книги: «Русской соціально-революціонной молодежи», Сказка о копейкѣ», «Богъ-то Богъ, да самъ не будь плохъ», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», «Дѣдушка Егоръ» и брошюра «Чтой-то братцы». Наддачинъ, не признавая себя виновнымъ ни въ принадлежности къ образовавшемуся въ Одессѣ обществу рабочихъ, ни въ намѣреніи устроить такое же общество въ Ростовѣ, объяснилъ, что въ маѣ мѣсяцѣ 1875 г., оставшись въ Одессѣ безъ работы, онъ переѣхалъ въ Ростовъ, гдѣ и поступилъ въ мастерскія желѣзной дороги. Найденныя у него книги онъ получилъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка, который, встрѣтивъ его на улицѣ и поспѣшно проходя мимо него, сунулъ ему эти книги въ руки. Придя домой, онъ прочиталъ эти книги и, убѣдившись, что онѣ запрещенныя, не захотѣлъ держать ихъ у себя на квартирѣ, а потому и отнесъ ихъ въ мастерскую. Книгъ этихъ онъ никому читать не давалъ. Крестьянинъ Викентій Зальницкій, 16 декабря 1875 г.,

представляя начальнику жандармскаго управленія г. Одессы книжку подъ заглавіемъ: «Народныя чтенія въ Соляномъ городкѣ» и оказавшуюся брошюрой, извѣстной подъ названіемъ «Хитрая механика», заявилъ, что онъ эту книгу получилъ отъ Ивана Телятникова, который объяснилъ ему при этомъ, что существуетъ общество съ цѣлью распространять противоправительственнаго содержанія книги, но никакихъ болѣе подробностей ему не передавалъ. При отъѣздѣ Телятникова въ Тираспольскій уѣздъ онъ видѣлъ у него еще три книжки. При слѣдствіи свидѣтель Зальницкій остался неразысканнымъ и не спрошеннымъ. Свидѣтельница Семенюкова, хозяйка квартиры, въ которой жилъ Зальницкій, показала, что Телятниковъ, дѣйствительно, однажды принесъ книжку («Хитрую механику»), которую и прочелъ вслухъ, по просьбѣ Зальницкаго. Телятниковъ говорилъ, что эту книжку далъ ему какой-то Поляковъ. Въ другой разъ Телятниковъ, зайдя къ Зальницкому, принесъ опять одну или двѣ книжки, изъ которыхъ прочелъ то мѣсто, гдѣ говорится о монастыряхъ и мощахъ, и затѣмъ ушелъ, говоря, что уѣзжаетъ въ Тирасполь къ роднымъ. У проживающей въ селѣ Терновкѣ, Тираспольскаго уѣзда, сестры Телятникова, Анны Гродниковой, были отобраны «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Сказка-говоруха» и газета «Впередъ». Эти книги и газета, какъ заявила Гродникова, были у нея забыты братомъ, который никому этихъ книгъ не читалъ и не давалъ. Сама она неграмотна и содержанія не знаетъ. Сынъ священника, Иванъ Телятниковъ, показалъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 г., встрѣтивъ на улицѣ знакомаго рабочаго Полякова, зашелъ съ нимъ въ кабакъ, гдѣ Поляковъ далъ ему книгу: «Разсказы бывалаго человѣка», говоря, что самъ онъ получилъ ее отъ содержателя пивной, Тараненки. Съ этой книгой онъ, Телятниковъ, въ тотъ же день зашелъ къ Зальницкому, которому, по его же просьбѣ, и прочиталъ ее. На другой день, отправившись къ Тараненкѣ, онъ попросилъ его дать и ему такихъ книгъ, какъ та, которая имъ дана была Полякову, что Тараненко и исполнилъ, вынувъ изъ комода и отдавъ ему «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Сказку-говоруху» и газету «Впередъ». Эти книги и газету онъ никому читать не давалъ и оставилъ ихъ у сестры. Мѣщанинъ Терентій Поляковъ, подтверждая, что переданную имъ Телятникову книгу онъ получилъ отъ Тараненки, показалъ, что самъ онъ ее не читалъ и содержанія ея не знаетъ, такъ какъ отдалъ ее въ тотъ же день, когда получилъ ее, и что Тараненко запрещенныя книги получаетъ, вѣроятно, отъ Соколова, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ и постоянно шептался. Свидѣтели Митрофанъ и Ирина Букановы показали, что живущая съ ними на одномъ дворѣ Горората Виро, у которой квартировалъ Тараненко, заходя иногда къ нимъ, разсказывала, что у Соколова читались книги, въ которыхъ говорилось, что будетъ бунтъ, что не будетъ правительства и что всѣ будутъ равны. Послѣ ареста Тараненки Виро говорила, что бунтъ все-таки будетъ, такъ какъ всѣхъ арестовать нельзя. Обвиняемые Георгій Тараненко и Федоръ Соколовъ виновными себя въ распространеніи противоправительственнаго содержанія книгъ не признали. Свидѣтель, мѣщанинъ Яковъ Пантелеймоновъ, показалъ, что зимою 1875 г. въ трактирѣ «Парижъ» обвиняемый Волощукъ, находившійся тамъ вмѣстѣ съ Соколовымъ, разговорился съ нимъ, свидѣтелемъ, о книгахъ и, сообщивъ ему, что у него есть запрещенныя книги, которыя печатаются въ Лондонѣ и Лейпцигѣ и привозятся въ Одессу пароходами, предложилъ ему читать эти книги и затѣмъ передавать ихъ для чтенія другимъ. Когда онъ изъявилъ на это согласіе, Волощукъ сказалъ, что книги доставитъ ему Соколовъ. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, Соколовъ вручилъ ему «Хитрую механику» и при этомъ объяснилъ, что въ 37 губерніяхъ существуютъ общества, которыя читаютъ такія книги и хотятъ сдѣлать такъ, какъ пишутъ въ этихъ книгахъ. По-

слѣ возвращенія имъ Соколову «Хитрой механики», онъ получилъ отъ него «Сказку о 4-хъ братьяхъ», а затѣмъ—«Исторію одного французскаго крестьянина». Обвиняемый Ляховичъ, съ которымъ онъ однажды встрѣтился въ томъ же трактирѣ «Парижъ», при немъ Волощукѣ и Соколовѣ, хвасталъ, что на пароходѣ, на которомъ онъ служилъ, у него были зарыты въ уголь 32 ф. запрещенныхъ книгъ, и хотя былъ обыскъ, но книгъ не нашли. Полученная Пантелеймоновымъ отъ Соколова «Исторія французскаго крестьянина» представлена была имъ 31 декабря 1875 г. начальнику жандармскаго управленія г. Одессы. Мѣщанинъ Капитонъ Волощукъ (обвиняемый), отвергая справедливость показанія свидѣтеля Пантелеймонова, а также обвиняемаго Ляховича, будто онъ у послѣдняго покупалъ запрещенныя книги, показалъ, что онъ такихъ книгъ не имѣлъ, не читалъ и не распространялъ. Изъ всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ дѣла усматривается: 1. что въ 1875 году въ средѣ рабочихъ г. Одессы велась противоправительственная пропаганда, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ образованіе союза этихъ рабочихъ съ цѣлью въ будущемъ насильственно измѣнить существующій нынѣ государственный порядокъ; 2. что на сходкахъ этого союза читали и раздавали рабочимъ книги, возбужающія къ бунту и явному неповиновенію власти верховной; 3, что основателемъ и руководителемъ этого союза былъ дворянинъ Евгеній Заславскій; 4, что въ немъ наиболѣе дѣятельными членами послѣ Заславскаго были: Кравченко, Рыбицкій, Силенко и Сквери; 5, что членами этого же общества, вполнѣ сознававшими преступныя цѣли его и содѣйствовавшими ихъ достиженію, были также: Лущенко, Наумовъ, Короленко, Мрачковскій и Курганскій; 6, что Николай Наддачинъ, какъ произведеннымъ у него обыскомъ, такъ и собственными объясненіями, изобличается въ храненіи книгъ противоправительственнаго содержанія; 7, что Ляховичъ, Волощукъ, Тараненко и Соколовъ, объясненіями перваго изъ нихъ и показаніями свидѣтелей, вполнѣ уличаются въ распространеніи того же преступнаго содержанія книгъ; и 8, что обвиняемый Янъ Рыбицкій, проживавшій съ дѣтства въ Россіи, пріобрѣтя покупкою въ Одессѣ турецкій паспортъ на имя Христо-Ивана, сталъ проживать по этому паспорту, выдавая его за свой. Такимъ образомъ, Заславскій, Рыбицкій, Кравченко, Силенко, Сквери, Лущенко, Наумовъ, Короленко, Мрачковскій и Курганскій обвиняются въ томъ, что составили сообщество, имѣвшее цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ насильственно ниспровергнуть существующій государственный порядокъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ во 2 ч. 250 ст. Улож. Кромѣ того, всѣ эти лица, а также и Ляховичъ, Волощукъ, Соколовъ и Тараненко обвиняются въ томъ, что распространяли книги, возбуждающія къ бунту и явному неповиновенію Верховной Власти, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 251 ст. Улож. Николай Наддачинъ обвиняется въ храненіи книгъ, указаннаго выше содержанія, что предусмотрѣно 4 отд. той же 251 ст. Улож. Наконецъ, Рыбицкій обвиняется еще и въ томъ, что пріобрѣтя покупкою турецкій паспортъ на имя Христо-Ивана, проживалъ по этому паспорту и подъ видомъ турецкаго подданнаго, что предусмотрѣно 977 ст. улож. Вслѣдствіе сего и согласно 2 п. 2-й, 3 и 14 ст. высочайше утвержденныхъ 7-го іюня 1872 г. правилъ о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ, обвиняемые: Заславскій, Рыбицкій, Кравченко, Силенко, Сквери, Лущенко, Наумовъ, Короленко, Мрачковскій, Курганскій, Ляховичъ, Волощукъ, Соколовъ, Тараненко и Наддачинъ подлежатъ суду Особаго присутствія Правительствующаго Сената. Настоящій обвинительный актъ составленъ въ С.-Петербургѣ 24 марта 1877 г Подлинный подписалъ товарищъ оберъ-прокурора Е. Де-Росси. Съ подлиннымъ вѣрно и. д. оберъ-секретаря В. Поповъ.

Приговоръ. Заславскій—каторга на 10 лѣтъ. Рыбицкій и Кравченко —каторга на 5 лѣтъ. Наумовъ, Силенко, Ляховичъ, Сквери и Мрачковскій —въ Сибирь на поселеніе. Лущенко, Короленко и Курганскій—въ арестантскія роты, первый—на два года, а послѣдніе—на годъ. Тараненко, Наддачинъ, Соколовъ и Волощукъ—къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

Въ 1877 г. разбиралось еще нѣсколько политическихъ дѣлъ, отчетовъ о которыхъ правительство не публиковало. Къ числу ихъ принадлежитъ разсматривавшееся въ Сенатѣ 8—10-го іюля дѣло Сергѣева, Маслова, и другихъ. Обвинительный актъ по этому дѣлу, равно какъ и относящіяся сюда же копіи съ опредѣленія 1 департамента Правительствующаго Сената по дѣлу Покрышкиныхъ, мы воспроизводимъ изъ журнала «Впередъ».

* * *

Обвинительный актъ, коимъ предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ студентъ с.-петербургскаго университета Сергѣй Ивановъ Сергѣевъ, учитель, сынъ причетника, Алексѣй Матвѣевъ Покровскій, крестьяне: Романъ Федоровъ Травинъ, Михаилъ Ивановъ Маркинъ и Федоръ Егоровъ Масловъ. I. При производствѣ предварительнаго слѣдствія о распространеніи въ с. Мураевнѣ, Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, сочиненій, по содержанію своему предусмотрѣнныхъ 245 и 251 ст. Улож. о нак., были привлечены, какъ обвиняемые, слѣдующія лица; 1. Студентъ с.-петербургскаго университета Сергѣй Ивановъ Сергѣевъ, учитель сельскаго двухкласснаго училища Алексѣй Матвѣевъ Покровскій и крестьяне села Мураевни: Романъ Федоровъ Травинъ, Михаилъ Ивановъ Маркинъ и Федоръ Егоровъ Масловъ. Обвиняемый Сергѣевъ, сознаваясь въ преступленіи, между прочимъ, объяснилъ, что онъ Сергѣевъ, лѣтомъ 1875 г., во время пребыванія своего въ селѣ Мураевнѣ, куда ѣздилъ для ознакомленія съ неизвѣстнымъ ему крестьянскимъ бытомъ, познакомившись черезъ посредство учителя Покровскаго съ крестьяниномъ Михаиломъ Маркинымъ передалъ послѣднему преступное сочиненіе, озаглавленное: «Сказка о 4-хъ братьяхъ». Обстоятельство сіе подтверждается показаніемъ обвиняемыхъ Алексѣя Покровскаго и Михаила Маркина, изъ коихъ первый, между прочимъ, объяснилъ, что передача вышеозначенной преступной книги имѣла мѣсто въ его, Покровскаго, квартирѣ, при чемъ студентъ Сергѣевъ прежде передачи «Сказки о 4-хъ братьяхъ» прочелъ вслухъ все это сочиненіе ему и бывшему тутъ же Маркину. Крестьянинъ Михаилъ Маркинъ, признавая, что, дѣйствительно, получилъ отъ Сергѣева преступное сочиненіе, озаглавленное: «Сказка о 4-хъ братьяхъ», сознался въ томъ, что передалъ эту книгу крестьянину Роману Травину. Обвиняемый крестьянинъ Романъ Федоровъ Травинъ, сознаваясь въ преступленіи, между прочимъ, объяснилъ: 1. что онъ Романъ Травинъ, давалъ крестьянину Родіону Гашкину читать книгу озаглавленную: «Сказка о четырехъ братьяхъ», полученную имъ Травинымъ, отъ крестьянина Маркина; 2. что ту же книгу, «Сказка о 4-хъ братьяхъ» онъ, Романъ Травинъ, читалъ крестьянамъ, собравшимся въ домѣ его, обвиняемаго, отца крестьянина Федора Травина во время этихъ поминокъ у крестьянина Варѳоломея Козлова. Первое изъ этихъ обстоятельствъ подтверждается показаніемъ крестьянина Радіона Гашкина, а второе свидѣтельствомъ крестьянъ Тимофея Талбанова, Семена и Алексѣя Просняковыхъ, Николая Калашникова и другихъ, присутствовавшихъ при томъ, какъ Романъ Травинъ читалъ крестьянамъ вышеназванную книгу «Сказка о 4-хъ братьяхъ». При этомъ чтеніи, какъ видно изъ показаній вышеназванныхъ лицъ, присутствовалъ также и обвиняемый крестья-

нинъ Михаилъ Маркинъ. Изъ показаній Федора Егорова Маслова видно, что обвиняемый сей 1. читалъ крестьянамъ Роману Травину, Федору Маркину и Ефиму Сводневу преступное сочиненіе, озаглавленное: «Хитрая механика», и 2. передалъ крестьянину Алексѣю Есаулову престуное сочиненіе, озаглавленное: Сказка о 4-хъ братьяхъ». Обстоятельства сіи подтверждаются показаніями крестьянъ Романа Травина и Михаила Маркина, а также и свидѣтельствами крестьянъ: Григорія и Алексѣя Есауловыхъ, Ивана Шимарева, Павла Бѣляева и др. По содержанію своему вышеназванныя книги: «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и «Хитрая механика», должны быть признаны заключающими въ себѣ отзывы и сужденія, помѣщенныя съ намѣреніемъ: 1, возбудить неуваженіе къ Верховной Власти; 2. возбудить къ явному неповиновеніе Верховной Власти. II. На третьей недѣлѣ великаго поста 1876 г., въ среду, крестьяне села Мураевни, Данковскаго уѣзда, Григорій Николаевъ Селезневъ, Михаилъ Ермошкинъ, Романъ Федоровъ Травинъ, Михаилъ Ивановъ Маркинъ и др, перевозили къ пономарю Владиміру Иванову Боголюбову срубъ, находившійся на шахтахъ близъ села Мураевни. При этомъ между крестьянами зашелъ разговоръ о дождѣ, и Романъ Травинъ. указывая, на небо, сказалъ «Развѣ тамъ Богъ; тамъ прорва, чортъ». Маркинъ замѣтилъ, что это правда. Вечеромъ того же дня Романовъ Травинъ, находясь въ домѣ понамаря Боголюбова и увидавши, что окна церкви освѣщены лучами заходящаго солнца, сказалъ, что «Николай Чудотворецъ, апостолъ Петръ и Иванъ Богословъ принесли въ церковь четверть вина, зажгли тамъ сальныя свѣчи и хотятъ пьянствовать». Когда Селезневъ замѣтилъ ему, что онъ смѣется надъ святыней, Маркинъ сказалъ: «Какіе тамъ святые: они были пьяницы». Затѣмъ Маркинъ и Травинъ говорили, что Бога нѣтъ. Всѣ эти обстоятельства вполнѣ удостовѣрены показаніями свидѣтелей Селезнева и Ермошкина, при которыхъ Маркинъ и Травинъ богохульствовали.

На основаніи вышеизложеннаго обвиняются: студентъ С.-Петербургскаго университета, дворянинъ Сергѣй Ивановъ Сергѣевъ въ томъ, что онъ злоумышленно и съ намѣреніемъ распространить содержаніе преступной книги, озаглавленной: «Сказка о 4-хъ братьяхъ», передалъ оную крестьянину М. И. Маркину, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 2 ч. 245 и 2 ч. 251 ст. Ул. о нак.; 2. крестьянинъ Михаилъ Ивановъ Маркинъ въ томъ, что онъ злоумышленно и съ намѣреніемъ распространить содержаніе преступной книги, озаглавленной: «Сказка о 4-хъ братьяхъ», передалъ оную крестьянину Роману Федорову Травину, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 2 ч. 245 и 2 ч. 251 ст. Ул. о нак.; 3. крестьянинъ Романъ Федоровъ Травинъ въ томъ, что онъ злоумышленно и съ намѣреніемъ распространить содержаніе преступной книги, озаглавленной: «Сказка о 4-хъ братьяхъ», а) читалъ сіе сочиненіе крестьянину Родіону Гашкину и б) читалъ то же сочиненіе крестьянамъ, собравшимся въ домѣ его, обвиняемаго, отца, крестьянина Федора Федорова Травина, во время поминокъ, бывшихъ у крестьянина Варѳоломея Козлова, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 2 ч. 251 и 2 ч. 245 ст. Улож. о нак.; 4. крестьянинъ Федоръ Егоровъ Масловъ въ томъ, что онъ злоумышленно и съ намѣреніемъ распространить содержаніе преступныхъ книгъ, озаглавленныхъ: «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и «Хитрая механика», а) передалъ первую изъ сихъ книгъ крестьянину Алексѣю Григорьеву Есаулову и б) читалъ вторую изъ нихъ вслухъ въ присутствіи крестьянъ: Михаила Маркина, Романа Травина и Ефима Своднева, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 2 ч. 251 и 2 ч. 245 ст. Улож. о нак.; 5. учитель сельскаго двухкласснаго училища, сынъ причетника Алексѣй Матвѣевъ Покровскій, въ томъ, что онъ, зная о злоумышленной передачѣ студентомъ Сер-

гѣевымъ крестьянину Михаилу Маркину преступной книги, озаглавленной: «Сказка о четырехъ братьяхъ», содержаніе коей ему, Покровскому, было извѣстно, и, имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, таковой своей обязанности не исполнилъ, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 15, 2 ч. 244 и 2 ч. 251 ст. Улож. о нак. Кромѣ того, крестьяне Романъ Федоровъ Травинъ и Михаилъ Ивановъ Маркинъ обвиняются въ томъ, что, съ намѣреніемъ произвести соблазнъ, при свидѣтеляхъ произнесли вышеприписанныя слова богохуленія, т. е. совершили, преступленіе, предусмотрѣнное 177 ст. Улож. о нак. За таковыя содѣянныя ими преступленія, вышепоименнованные: Сергѣй Сергѣевъ, Романъ Травинъ, Михаилъ Маркинъ, Федоръ Масловъ и Алексѣй Покровскій, на основаніи 2 и 3 ст. Высочайше утвержденнаго 7 іюня 1872 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, предаются суду Особаго Присутствія Правит. Сената для сужденія о государственныхъ преступленіяхъ. Составленъ въ С.-Петербургѣ, декабря 14 дня, 1876 г. Подлинный подписалъ членъ консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, статскій совѣтникъ В. Роде.

Копія съ опредѣленія

1-го департамента Правительствующаго Сената.

(Къ дѣламъ г. Оберъ-Прокурора № 6149).

1876 года декабря 22 дня. По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали: предложенное г. оберъ-прокуроромъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената заключеніе товарища оберъ-прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената о прекращеніи слѣдствія по обвиненію въ государственномъ преступленіи статскаго совѣтника Федора Семенова Покрышкина, жены его Татьяны Аксентьевой Покрышкиной, дочери генералъ-маіора Ольги Дмитріевой Мельниковой, крестьянъ Федора Федорова Травина и Родіона Матвѣева Гашкина. Приказали: разсмотрѣвъ заключеніе г. товарища оберъ-прокурора Угол. Касс. Департ. Прав. Сената о прекращеніи слѣдствія по обвиненію дочери генералъ-маіора Ольги Мельниковой, крестьянъ Родіона Гашкина и Федора Травина въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, направленныхъ противъ Государя и Государства, Правительствующій Сенатъ находитъ, что противъ Мельниковой и Гашкина никакихъ уликъ, изобличающихъ ихъ въ совершенія упомянутаго преступнаго дѣянія, ни дознаніемъ, ни слѣдствіемъ не обнаружено, и что Федоръ Травинъ, хотя и изобличенъ въ томъ, что въ его домѣ сынъ его, Романъ Травинъ, распространялъ преступное сочиненіе: «Сказка о четырехъ братьяхъ» посредствомъ чтенія этой книги крестьянамъ, собиравшимся въ домѣ обвиняемаго, но такъ какъ ни дознаніемъ, ни слѣдствіемъ не обнаружено, чтобы самъ Федоръ Травинъ передавалъ кому-либо названную книгу или инымъ образомъ распространялъ ея содержаніе нѣтъ данныхъ и представлялось бы основаніе предать его суду лишь за то что онъ, зная распространеніе Романомъ Травинымъ преступной книги и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, таковой обязанности своей не исполнилъ, каковое обвиненіе, однако-жъ, въ виду того, что Романъ Травинъ родной сынъ Федора Травина, по силѣ ст. 128 улож. о наказ., не можетъ имѣть мѣста. Обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію заключенія г. товарища оберъ-прокурора Угол. Касс. Департ. Прав. Сената относительно Покрышкина и его жены и сообразивъ таковое съ обстоятельствами, обнаруженными дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, оказывается:

1. Относительно статскаго совѣтника Федора Семенова Пок-

рышкина. При производствѣ въ маѣ 1875 г. начальникомъ рязанскаго губернскаго жандармскаго управленія дознанія по обвиненію крестьянъ Данковскаго уѣзда, села Мураевни, Федора Травина, Федора Маслова, Михаила Маркина и Родіона Гашкина въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ Государя Императора, между прочимъ, показали: а) скопинскій мѣщанинъ Иванъ Антоновъ Волковъ, что названные 4 крестьянина живутъ очень дружно съ учителемъ мураевнинскаго училища Алексѣемъ Покровскимъ, у котораго постоянно бываютъ и къ которому часто ходитъ живущій въ томъ же селѣ докторъ Покрышкинъ, который хорошо знакомъ съ Федоромъ Травинымъ и часто принимаетъ у себя Покровскаго и Травина, тогда какъ въ отношеніи другихъ крестьянъ Покрышкинъ не отличается особенною любезностью, и б) старшина Мураевнинской волости, крестьянинъ дер. Савинки, Леонъ Алексѣевъ Алексѣевъ, что крестьяне Федоръ Травинъ, Маркинъ, Масловъ, и Гашкинъ между собою дружны, начитаны, были знакомы съ пріѣзжавшими въ с. Мураевню студентами, а также съ бывшею акушеркою Ольгою Дмитріевой Мельниковой и ведутъ знакомство съ докторомъ Покрышкинымъ. При производствѣ сего дознанія показаніями спрошенныхъ обнаружено, что въ домѣ Федора Травина была книга преступнаго содержанія «Сказка о четырехъ братьяхъ» и что книга эта передавалась Романомъ Травинымъ для прочтенія нѣсколькимъ крестьянамъ. Спрошенные объ этой книгѣ показали: старшина Леонъ Алексѣевъ, что, откуда именно между крестьянами с. Мураевни стали появляться книги, онъ не знаетъ, но все зло началось съ того времени, когда въ этомъ селѣ поселились Покрышкинъ, Мельникова и студенты, и что удаленіе Покрышкина изъ Мураевни принесетъ весьма хорошія послѣдствія, такъ какъ онъ—корень зла. Крестьянинъ с. Мураевни, Иванъ Дроздовъ, что онъ слышалъ отъ жены повара Покрышкина, крестьянки Авдотьи Игнатьевой, что, когда арестовали Травина, Маркина, Маслова и Гашкина, то жены ихъ часто ходили къ доктору Покрышкину, который принималъ ихъ радушно и поилъ чаемъ. Фельдшеръ Иванъ Романовъ, что Покрышкинъ былъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ крестьянами Федоромъ Травинымъ, сыномъ его Романомъ, а также съ Маркинымъ и Масловымъ, что крестьяне эти часто посѣщали Покрышкина, но, что они вмѣстѣ говорили и дѣлали, показатель не знаетъ, такъ какъ съ приходомъ ихъ Покрышкинъ кончалъ пріемъ больныхъ и запиралъ на крючекъ дверь, ведущую въ аптеку. Вдова мѣщанина Надежда Васильева Овидова, что Покрышкинъ бывалъ на вечерахъ у Мельниковой, жившей у ней на квартирѣ, куда собиралось человѣкъ до 15 крестьянъ, которымъ Покрышкинъ и Мельникова подавали руки, здоровались съ ними, какъ съ равными, потомъ всѣ садились и вмѣстѣ пили чай, а затѣмъ двери запирались на крючокъ и послѣ чая никого изъ незнакомыхъ не впускали; слышно было, что они что-то читали и говорили. Учитель Алексѣй Матвѣевъ Покровскій, подтверждая запанибратскія отношенія съ крестьянами Мельниковой и Покрышкина, присовокупилъ, что сближеніе съ крестьянами проживавшихъ въ селѣ Мураевнѣ студентовъ (изъ числа коихъ Сергѣевъ далъ крестьянамъ книжку: «Сказка о четырехъ братьяхъ») произошло подъ вліяніемъ Мельниковой и Покрышкина, и что Покрышкинъ въ дѣлѣ извращенія понятій крестьянъ о Богѣ, государствѣ и вообще обо всемъ государственномъ строѣ сдѣлалъ больше всѣхъ; что онъ привезъ изъ Петербурга книгу: «Хитрая механика», что Покрышкинъ весьма ловко скрывалъ даже отъ своихъ знакомыхъ свои преступныя дѣйствія по отношенію къ крестьянамъ и, если крестьяне стараются скрыть поступки Покрышкина, то это происходитъ отъ тактичности самого Покрышкина и еще отъ того, что Покрышкинъ многимъ крестьянамъ давалъ деньги въ займы, что заставило

крестьянъ сильно къ нему расположиться. Крестьянинъ Романъ Травинъ, что книжка: «Хитрая механика» получена Масловымъ отъ Покрышкина и что Масловъ передалъ ее показателю. Крестьянинъ Прокофій Травинъ, что книги: «Хитрая механика и «Емелька Пугачевъ» получены отъ Покрышкина и его жены. Крестьянинъ Федоръ Масловъ, подтверждая свое знакомство съ Покрышкинымъ, Мельниковой и студентами, присовокупилъ, что всѣ эти лица неоднократно, какъ ему, такъ и другимъ крестьянамъ, внушали, что правительство обижаетъ мужиковъ, беретъ много податей и проч., что рѣчи эти крестьянамъ нравились и что «Хитрая механика» и «Митюха» получены показателемъ отъ Покрышкина. При дальнѣйшихъ показаніяхъ Масловъ, подтверждая полученіе отъ Покрышкина книги: «Хитрая механика», отвергъ прежнее свое показаніе о внушеніи Покрышкинымъ крестьянамъ о притѣсненіи ихъ правительствомъ. По обыску, произведенному въ селѣ Мураевнѣ, найдены въ домѣ крестьянина Балва книга: «Стенька Разинъ» *), въ ригѣ крестьянина Дроздова «Хитрая механика». На основаніи изложенныхъ данныхъ, обнаружившихъ, что въ селѣ Мураевнѣ распространялась между крестьянами сего села пропаганда, направленная къ ниспроверженію существующаго порядка, распространеніемъ книгъ прест пнаго содержанія, привлеченъ къ сему дѣлу статскій совѣтникъ Покрышкинъ. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Покрышкинъ не призналъ себя виновнымъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, объясняя, что книгъ запрещенныхъ у себя не имѣлъ, съ крестьянами имѣлъ сношенія служебныя по званію доктора и члена правленія мураевнинскаго ссудо-сберегательнаго товарищества; книгу «Хитрая механика» Маслову не передавалъ, содержанія этой книги не знаетъ, но припоминаетъ, что, бывши весною въ Петербургѣ, на вербахъ, купилъ у разносчика почтовую бумагу и конверты, причемъ разносчикъ предложилъ вмѣсто сдачи взять находившіяся у него книги, какъ онъ ихъ называлъ, дѣтскія; взявъ эти книги, всего около 4 или 5 штукъ, ему показалось, что это чтеніе изъ Соляного Городка, и, будучи занятъ покупкою, сложилъ книжки съ бумагою и конвертами и затѣмъ ихъ не разсматривалъ; пріѣхавши въ с. Мураевню, онъ, Покрышкинъ, также не обратилъ вниманія на купленныя книжки, и легко могло случиться, что въ это время пришелъ по какому-нибудь дѣлу Масловъ и, видя книги, выпросилъ ихъ, или же спросилъ почитать эти книжки, и онъ, Покрышкинъ, далъ ему эти книги; но далъ ли онъ одну или нѣсколько книжекъ, рѣшительно не помнитъ. На предварительномъ слѣдствіи Федоръ Масловъ показалъ, что книгу: «Хитрая механика» онъ взялъ самъ съ окна у доктора Покрышкина и что отъ послѣдняго онъ книгъ запрещеннаго содержанія не получалъ, что первоначальное его показаніе о томъ, что книгу «Хитрая механика» онъ получилъ отъ Покрышкина—несправедливо; что имѣющаяся въ этой книгѣ надпись: «Книга эта принадлежитъ мнѣ, Маслову, я получилъ ее отъ Покрышкина нынѣшнимъ годомъ по веснѣ», хотя и сдѣлана, дѣйствительно, показателемъ, но она несправедлива и сдѣлана въ надеждѣ черезъ это получить свободу. Изъ показанія крестьянина Романа Травина видно, что Масловъ говорилъ ему, что книгу «Хитрая механика» онъ получилъ отъ Покрышкина.

2. Относительно жены статскаго совѣтника Татьяны Аксентьевой Покрышкиной. При дознаніи крестьянка Наталья Ефимова Маркина 4 августа 1875 г. показала, что около мѣсяца тому назадъ жена доктора Покрышкина, уѣзжая къ мужу, котораго выслали изъ с. Мураевни, передала показательницѣ какую-то книжечку, прося ее отдать Прокофію Травину, родному брату Романа Травина, но какая это книжка показа-

*)Изъ „Вѣстника Европы“. Прим. ред. „Впередъ“.

тельница не знаетъ, потому что она неграмотная; книжку эту показательница отдала матери Травина, и что сегодня рано утромъ Романъ Травинъ просилъ показательницу, чтобы она не показывала, что книжку дала ей Покрышкина, а чтобы показала, что не знаетъ, какъ и откуда эта книжка къ ней попала. При вторичномъ допросѣ, произведенномъ въ октябрѣ, Маркина показала, что при уходѣ отъ Покрышкиной, послѣдняя передала ей что-то завернутое въ тряпку, прося свертокъ передать Травинымъ, но что именно было завернуто въ тряпкѣ, она не знаетъ, такъ какъ ее не развертывала, но предполагаетъ, что въ ней были книжки, и что свертокъ этотъ она отдала матери Травиныхъ, сказавъ, что получила его отъ Покрышкиной. Романъ Травинъ показалъ, что онъ, дѣйствительно, просилъ Наталью Маркину не показывать на жену доктора Покрышкина о полученіи отъ нея книжки, и что книжка эта была «Емелька Пугачевъ», каковую книгу, равно какъ и книгу «Хитрая механика», данную Покрышкинымъ Маслову, братъ показателя, Прокофій Травинъ, сегодня утромъ сжегъ. Спрошенный 20 сентября Романъ Травинъ показалъ, что передъ отъѣздомъ изъ с. Мураевни Покрышкиной, она передала Натальѣ Маркиной 4 книги: 1 экземпляръ «Хитрой механики», 2 экземпляра «Сказки о 4 братьяхъ» и 1 экземпляръ «Емелька Пугачевъ» съ просьбою передать эти книги показателю, но какъ его въ это время не было дома, то Маркина передала ихъ брату его, Прокофію, а послѣдній, когда онъ, Травинъ, возвратился съ работы домой, передалъ ихъ ему, и онъ удостовѣряетъ, что тутъ были 4 книжки, что 3 изъ названныхъ книгъ, а именно: «Хитрая механика», «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и «Емелька Пугачевъ» сожжены братомъ, Прокофіемъ, во время производства въ с. Мураевнѣ во второй разъ дознанія, а четвертая—«Сказка о 4-хъ братьяхъ», представлена показателемъ къ дознанію; три книжки, которыя были сожжены показателемъ, были спрятаны имъ особо, онъ ихъ и прежде намѣревался сжечь для того, чтобы не выдавать ни доктора Покрышкина, ни его жены, и «Сказку о 4 братьяхъ» оставилъ на случай улики студента Сергѣева и что экземпляръ «Сказки», полученный Маркинымъ отъ Сергѣева, показателемъ сожженъ въ маѣ мѣсяцѣ, потому что книга эта была стара и изорвана. Прокофій Травинъ показалъ, что онъ сжегъ 2 книжки: «Хитрая механика» и «Емелька Пугачевъ», полученныя отъ Покрышкина и его жены. При вторичномъ допросѣ Прокофій Травинъ показалъ, что не упомнитъ въ какое именно время нынѣшнимъ лѣтомъ однажды мать его, Александра Степанова, принесла изъ дома Маркиныхъ переданныя ей лично Натальей Маркиной книжки, которыя были завернуты всѣ вмѣстѣ въ тряпицу, числомъ около трехъ, а, можетъ быть, и болѣе, потому что всѣхъ показатель не разсматривалъ, но помнится ему, что ихъ было три, подъ названіемъ: «Хитрая механика», «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и «Емелька Пугачевъ», а если тамъ и была еще одна, то ее показатель легко могъ не примѣтить, въ особенности, если она была вложена въ другую книгу. Книги эти показатель всѣ до возвращенія брата хранилъ въ избѣ, а когда вернулся домой братъ Романъ, тотчасъ передалъ ему, а онъ, взявши ихъ, куда-то спряталъ и затѣмъ, спустя нѣсколько времени, сказалъ, что книги эти имъ спрятаны во рву огорода зарытыми въ навозѣ. Одну изъ нихъ, а именно: «Сказку о 4-хъ братьяхъ», показатель при обыскѣ вырылъ изъ навоза и передалъ брату, которая и была имъ тогда же представлена, а остальныя, по его же признанію, показатель сжегъ послѣ обыска. Когда онъ получилъ отъ своей матери книжки, то она ему не говорила, что Маркиной онѣ были переданы женою доктора Покрышкина, объ этомъ показатель самъ догадался, потому что въ то время, кромѣ Покрышкиной, въ Мураевнѣ никого уже не было изъ числа такихъ лицъ, которыя могли бы передать оныя. Кресть-

янка Александра Степанова Травина показала, что свертокъ, дѣйствительно, получала отъ Маркиной и передала его сыну Роману. Спрошенная въ качествѣ обвиняемой, Татьяна Покрышкина показала, что виновною себя въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія не признаетъ и передачу Натальѣ Маркиной таковыхъ книгъ отвергаетъ, но что предъ отъѣздомъ она передавала Маркиной для передачи Травинымъ чтенія въ Соляномъ Городкѣ, но какого наименованія и сколько экземпляровъ не упомнитъ. На предварительномъ слѣдствіи Романъ Травинъ показалъ, что послѣ того, какъ Покрышкинъ былъ высланъ изъ с. Мураевни, однажды жена Маркина, Наталья Ефимова, принесла свертокъ книгъ и передала его брату Прокофію, сказавши при этомъ, что книги эти прислала показателю жена доктора Покрышкина; его, Травина, въ это время не было дома, когда же онъ возвратился съ поля домой, братъ Прокофій передалъ ему тѣ книги. Книги были завернуты въ газетной бумагѣ, развернувши бумагу, онъ нашелъ тамъ 4 книги; по наружному виду книги эти были немного подлиннѣе четверти листа, обернуты въ синюю тоненькую бумагу, тоненькія; онъ прочелъ заглавія всѣхъ 4 книжекъ; на обертках были нарисованы моды и полукругомъ напечатано: «Чтенія Соляного Городка». Всѣ 4 книги были одинаковы. Содержанія этихъ книгъ онъ не читалъ. Когда его заарестовали по настоящему дѣлу въ волостномъ правленіи, съ нимъ былъ братъ Прокофій, которому показатель сказалъ, чтобы онъ сжегъ тѣ книги, боясь нѣтъ ли въ нихъ чего-либо преступнаго. Другихъ какихъ-либо книгъ преступнаго содержанія ему, Травину, жена доктора Покрышкина не передавала. А что онъ показалъ при дознаніи, что переданныя книги были «Хитрая механика», «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и «Емелька Пугачевъ», такъ это показалъ несправедливо, въ чемъ теперь и раскаивается и подтверждаетъ, что такихъ книгъ онъ отъ жены Покрышкина не получалъ, а переданныя ею книги были: «Чтенія Солянаго Городка». Когда показатель указалъ, что у него есть книга: «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и что она зарыта въ навозѣ, то, по его указанію, братъ Прокофій, вмѣстѣ съ жандармомъ, нашли ту книгу въ навозѣ. Впрочемъ, братъ и самъ зналъ, гдѣ та книжка была спрятана. Эта книжка та самая, которую показатель получилъ отъ Маркина, а онъ отъ Сергѣева. Другой же таковой книжки у него не было и показаніе его, данное при дознаніи, что эта именно книга передана была ему женою доктора Покрышкина, несправедливо, какъ несправедливо и то обстоятельство, что первую книжку онъ сжегъ. Относительно обстоятельствъ, сопровождавшихъ обыскъ 4-го августа, при коемъ была найдена книга: «Сказка о четырехъ братьяхъ», имѣется въ дѣлѣ показаніе крестьянина Семена Герасимова Чоканова. При предварительномъ слѣдствіи Прокофій Травинъ остался за смертью не спрошенъ, а Наталья Маркина и Александра Травина подтвердили показанія, данныя при дознаніи. Обвиняемая Татьяна Покрышкина показала, что когда мужъ ея былъ высланъ въ Вятку (это было 29 іюня), то она стала собираться туда же; разбирая вещи и оставшіяся книги, она отложила попавшіяся ей книги для народнаго чтенія (много ли было этихъ книгъ и какого онѣ содержанія, она не помнитъ) съ цѣлью передать кому-либо изъ крестьянъ; книги эти она передала Маркиной, сказавъ, чтобы она передала ихъ крестьянамъ Травинымъ, такъ какъ знала, что они грамотные.

Изложенныя обстоятельства показываютъ, что между крестьянами с. Мураевни, Данковскаго уѣзда, Рязанской губ., появились книги преступнаго содержанія, направленныя противъ Государя и государства, и что изъ числа таковыхъ книгъ «Хитрая механика» появилась изъ дома д-ра Покрышкина, который, хотя и утверждаетъ, что названной книги у него не было, но изобличается въ томъ показаніями крестьянъ Федора Маслова,

Романа и Прокофія Травиныхъ и учителя Алексѣя Покровскаго. Показанія этихъ лицъ, въ связи съ показаніями крестьянъ Леона Алексѣева, Ивана Волкова, Ивана Дроздова, мѣщанки Надежды Овидовой и фельдшера Ивана Романова, свидѣтельствующихъ противъ Покрышкина, служатъ достаточнымъ основаніемъ къ преданію его, Покрышкина, суду по обвиненію въ преступленіи, предусм. ст. 245 и 251 улож. о нак., тѣмъ болѣе, что объясненія Покрышкина о томъ, что книги преступнаго содержанія могли попасть къ нему безъ вѣдома его, случайно, при покупкѣ имъ бумаги и конвертовъ во время бытности его въ Петербургѣ, не заслуживаетъ никакого вѣроятія по своей неправдоподобности, такъ какъ нельзя допустить, чтобы лицо той сферы, къ которой принадлежитъ Покрышкинъ, видя, что ему, вмѣстѣ съ покупкой, завернули какія-то книги, не поинтересовалось бы узнать, что именно это за книги. Равнымъ образомъ оказывается неправдоподобнымъ объясненіе жены Покрышкина, Татьяны Покрышкиной, что она не знаетъ, какія именно книги она передала Натальѣ Маркиной для врученія Травинымъ, такъ какъ свидѣтельскими показаніями Романа и Прокофія Травиныхъ, Покрышкина изобличается въ передачѣ книгъ преступнаго содержанія, какъ-то: «Емелька Пугачевъ», «Хитрая механика» и «Сказка о 4-хъ братьяхъ», показанія же Александры Травиной и Натальи Маркиной убѣждаютъ, что названныя книги получены отъ Покрышкиной. —Основываясь на изложенномъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1. слѣдствіе по обвиненію дочери генералъ-майора Ольги Мельниковой, крестьянъ Родіона Гашкина и Федора Травина по обвиненію сихъ лицъ въ распространеніи преступныхъ сочиненій противъ Государя и государства прекратить и 2. статскаго совѣтника Федора Семенова Покрышкина и жену его Татьяну Аксентьеву Покрышкину предать суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по обвиненію этихъ двухъ лицъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 245 и 251 ул. о нак., о чемъ для поставленія въ извѣстность оберъ-прокурора Угол. Касс. Деп. Прав Сената, съ приложеніемъ дознанія и слѣдствія, всего 7 томовъ, а равно для увѣдомленія г. главнаго начальника III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, къ дѣламъ г. оберъ-прокурора передать двѣ копіи съ сего опредѣленія. Министру же Внутреннихъ Дѣлъ дать знать указомъ. Подлинное за подписаніемъ Правительствующаго Сената. Февраля 22 дня 1877 г.

Приговоръ суда: Сергѣевъ—въ каторжныя работы на 4 года, но, принимая во вниманіе несовершеннолѣтіе его во время совершенія преступленія—ссылка на поселеніе въ не столь отдаленныя мѣста Сибири. Покрышкинъ и Покрышкина—къ заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца и затѣмъ подъ надзоръ полиціи на 2 года. Маркинъ, Масловъ и Травинъ—къ аресту при полиціи на 2 мѣсяца и отдачѣ затѣмъ подъ надзоръ полиціи на годъ. Покровскій приговоренъ къ «строгому выговору».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА